ISSN 2074-1847

ДОНИШГОҲИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

П А Ё М И
ДОНИШГОҲИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
(маҷаллаи илмӣ)

СИЛСИЛАИ ИЛМҲОИ ҶОМЕАШИНОСӢ

3/5(118)

В Е С Т Н И К
ТАДЖИКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
(научный журнал)

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ДУШАНБЕ: «СИНО»
2013

ДОНИШГОҲИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАҶАЛЛАИ ИЛМӢ СОЛИ 1990 ТАЪСИС ЁФТААСТ.
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1990 ГОДУ.

Ҳайати таҳририя:
Редакционная коллегия:

Имомов М.С. – гл. редактор, доктор филологических наук, профессор
Каримов М.Б. – зам. гл. редактора, доктор химических наук, профессор
Сироджиддини Эмомали - зам. гл. редактора, кандидат филологических наук, доцент

Аъзои ҳайати таҳририя:
Члены редколлегии:

Акрамов З.И. - доктор исторических наук, доцент
Амонов Н.К. - кандидат психологических наук, доцент
Зокиров Г.Н. - доктор политических наук, профессор
Назаров Р. - доктор философских наук, доцент
Назаров М.А. - кандидат философских наук, доцент
Насурдинов Э.С. - кандидат юридических наук, доцент
Расулиён К. - кандидат исторических наук, доцент
Раджабов С.М. - кандидат исторических наук, доцент
Самиев Х.Д. - кандидат исторических наук, доцент

Маҷалла бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад.
Журнал печатается на таджикском, русском и английском языках.

Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2013
Вестник Таджикского национального университета, 2013

ТАЪРИХ - ИСТОРИЯ

ФИКРУ МУЛОҲИЗАҲО ОИД БА ДАВРАБАНДИИ ОЛИ СОМОН

Саттор Мухторов
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Дар таърихи халқи тоҷик мавзӯи давлатдории Сомониён мақоми хосе дорад. Ҳатто, онро сармавзӯи таърихи куҳани халқамон гӯем, иштибоҳ нахоҳем кард. Ҳарчанд муҳаққиқони зиёде ба ин мавзӯъ даст зада бошанд ҳам, то кунун таърихи салтанати сулолаи овозадори тоҷик - Сомониён пурра омӯхта нашудааст. Мо то ҳол доир ба давлатдории ниёгони хеш асарҳои мукаммали таърихӣ - тадқиқотӣ надорем. Инъикоси таърихи Сомониён дар давраи Иттиҳоди Шӯравӣ, ба ақидаи баъзе аз торикфикрон тарғиби замони тираи феодалӣ ба шумор мерафт. Аз ин рӯ, мавзӯи давлатдории Сомониён аз мадди назари пажӯҳишгарони таърихи қадимаи халқи тоҷик дур монда буд.

Ба қадри имкон баъзе аз мавзӯъҳои давлатдории тоҷикон дар давраи ҷашнгирии 1100 – солагии давлати Сомониён (1999) ба қалам дода шуд. Аммо то кунун бисёре аз паҳлӯҳои фаъолияти давлатдории ин хонадон мавриди баҳс қарор дорад, зеро тавре дар боло ёдовар шудем, то ҳол мавзӯъҳои ба Сомониён бахшидашуда ба худ ҷавоби саҳеҳ наёфтаанд. Аз ҷумла, оғози санаи салтанат ва макони Сомониён баҳси доманадореро байни таърихнигорон ба миён овардааст. То кунун пажӯҳишгарон оид ба замон ва макони Сомониён баҳсу мунозира доранд. Ҳоло ягон нафар пажӯҳишгар ба ин масъала ҷавоби саҳеҳ надодааст. Аксари муҳаққиқон тарафдори он ақидаанд, ки макони хонадони Сомониён вилояти Балх аст. То чӣ андоза ин масъала дуруст аст, мо шубҳа надорем, зеро мувофиқи гуфтаи сарчашмаҳо Балх зодгоҳи Сомонхудот аст, ки ӯ тахмин дар оғози асри VIII, дар он ҷо ба дунё омадааст. Оё ин дуруст аст? Овони ҷавонии Сомонхудот дар Балх гузашта, пас дар давраи камолёбӣ ӯ ба Марв меояд. Наршахӣ дар «Таърихи Бухоро»-нигошта, ки бобокалонашон ба зодгоҳаш сахт дил баста буд. Баъди ҳичрат дар атрофи Марв деҳае бунёд намуда, онро Сомон ном кард. Аз ин бармеояд, ки давраи ҷавонӣ ва камолёбии ӯ ба деҳаи Сомон ва шаҳрҳои Марву Бухорою Самарқанд рост меояд.

Азбаски Сомонхудот ҷавони дидадарову кордон буд, бинобар ин, рафтори вай ба ҳокими Хуросон Асад ибни Абдуллоҳ писанд меояд. Пас мустамликадор ӯро ба Марв мехонад. Дар ин ҷо ӯ хонадор шуда, соҳиби фарзанд мегардад.

Мувофиқи ақидаи Наршахӣ писари Сомонхудот дар шаҳри Марв ба дунё омад. Азбаски дӯстии ӯ бо Асад ибни Абдуллоҳ хеле қавӣ буд, ба ҳурмати дӯсташ ба ҷигарбандаш Асад ном гузошт, то ки ӯ низ дар оянда шахси муътабар шавад. Баъди вафоти падар обрӯи вай дар назди хилофати Араб нигоҳ дошта шуд. Асад мисли падар дар идора намудани мулкҳои шарқии хилофат чун машваратчии асосӣ амал мекард.

Тавре ёдовар шудем, нуфузи Асад дар давраи халифии Маҳдӣ ва писараш Ҳорунаррашид боло рафта буд. Баъди он ки Ҳорунаррашид олами рӯшноиро падруд гуфт, дар байни ворисонаш талоши мансаб сар шуд. Писараш Маъмун дар ҷанги зидди бародараш аз қувваи Сомониён истифода бурд. Вай баъди халифа эълон гаштанаш бо наберагони Сомонхудот унс гирифт ва барои соҳибмулк шудани онҳо дасти кӯмак дароз кард. Бо имдоди ӯ хонадони Тоҳирию Сомонӣ ба сари қудрат омаданд. Вале то кунун дар атрофи ин масъала баҳсу талошҳо идома доранд. Бештари пажӯҳишгарон онҳоро чун зодагони Балх ба забон меоранд.

Дар ин ҷо суоле ба миён меояд ки, агар хонадони Сомониён аз Балх мебуд, оё онҳо соҳиби мулкҳои Осиёи Миёна шуда метавонистанд? Ба ин пурсиш пажӯҳишгарони таърихи ҳукмронии хонадони Сомониён ҷавоби аниқ надодаанд.

Танҳо академик А. Семёнов ба ақидаи Наршахӣ пайравӣ намуда, баромади оли Сомонро ба Бухоро ва атрофи он мансуб медиҳад. Ӯ атрофи Бухоро гуфта, шаҳри Тирмизро низ дар назар дорад.

Дар ин хусус мо фикри А. Семёновро тақвият бахшида, ҳаминро илова менамоем, ки баромади оли Сомон аз Бухоро ва атрофи он мебошад. Атрофи Бухоро гуфта мо шаҳрҳои Тирмиз, Насаф, Кеш, Марв, Ҳирот, Самарқандро зери назар дорем. Фарз кардем, агар баромад ва ташаккулёбии оли Сомон ба шаҳри Балх тааллуқ медошт, он гоҳ ворисони Сомонхудоту Асад, Нӯҳ, Аҳмад, Яҳё ва Илёс дар шаҳрҳои Осиёи Миёна ҳокими кулл шуданашон аз имкон берун буд. Инчунин бояд хотирнишон кард, ки онҳо дар Хуросон зиндагӣ карда, дар Мовароуннаҳр ба чунин обрӯ сазовор гаштанашон номумкин мебуд.

Дар роҳи исботи макони Сомониён ҳаминро бояд хотирнишон кард, ки баромади сарсулолаи онҳо вилояти Балх ба шумор меравад. Ватани ташаккулёбияшон Осиёи Миёна мебошад. Мо аз ин гуфтаи хеш хулоса менамоем, ки маркази асосии ташаккулёбии давлатдорӣ ва болоравии оли Сомон шаҳрҳои бостонии тоҷикон Бухорою Самарқанд мебошанд, зеро Сомониён баъди аз зери юғи зулми мустамликавии араб озод шуданашон дар роҳи аз нав эҳё гардидани маданияти бостонӣ ва таърихи куҳани онҳо шаҳрҳои номбурда саҳмгузор гаштанд. Бо ин Сомониён собит намуданд, ки онҳо мардуми муқимии Мовароуннаҳру Хуросон мебошанд, зеро давраи камолёбии сарсулолаҳои Сомониён ба шаҳрҳои Самарқанду Бухоро тааллуқ дорад.

Дар натиҷаи тадқиқ ва таҷрибаи чандинсолаи кории хеш мо ба хулосае омадем, ки санаи таърихи ташкилёбии давлати Сомониён низ ба ҳақиқат наздик нест. Теъдоди зиёди муҳаққиқони таърих замони Сомониёнро таҳриф намудаанд, зеро қисме аз онҳо солҳои 874 ё 875-ро соли ҳақиқии давлатдории Сомониён мешуморанд. Аксари пажӯҳишгарони таърихи замони Сомониён дар он ақидаанд, ки соли 875 халифа Мӯътамид ба Абӯнаср ибни Аҳмади Сомонӣ шаҳодатномаи соҳибихтиёрӣ супорида бошад. Ин дуруст аст. Аммо мо бояд ба давраи аввали соҳибмансаб гаштани намояндагони ин хонадон нигарем. Ақидаи болоро академик Б. Ғафуров дастгирӣ намуда, чунин шарҳ медиҳад: «Бародари аз ҳама калон Нӯҳ мақоми махсус дошт. Дар робитаҳои хориҷӣ ҳамчун сардори хонадон баромад мекард. Муаррихон ба ин ҷиҳати масъала кам аҳамият додаанд. Таҳқиқи сиккаҳо нишон медиҳанд, ки дар даврaҳои аввал бародарон худро на ҳамчун моликони алоҳида, балки ҳамчун аъзои як хонадон ҳисоб мекарданд, ки дар сари он Нӯҳ қарор гирифта будааст. Бесабаб нест, ки аввалин пулҳои мисини сомониро ба номи ӯ сикка заданд. Хусусан, яке аз ин пулҳо, ки дар мулки Яҳё Бинокент бароварда шудаанд, ҷолиби диққат мебошад: дар он на номи соҳиби мулк, балки номи Нӯҳ сабт гардидааст. Бинобар ин хулоса боварибахш аст, ки набераҳои Сомон аз қадамҳои аввал дар сар фикри ваҳдати хонадонро парварида, онро яке аз шартҳои таъсиси сулолаи муқтадире медонистанд, ки истиқлолияти Осиёи Миёнаро аз хилофати араб таъмин карда метавониста бошад»[1]. Дар ин ҷо ҳақ ба ҷониби Б. Ғафуров аст, зеро муаррихон танҳо ба соли 875 дил баста, санаҳои қадимаи ба сари қудрат омадани сулолаи Сомониёнро фаромӯш кардаанд. Ҳаминро бояд донист, ки пул баровардан яке аз воҳидҳои асосии мустақилияти давлатдорӣ мебошад. Аз ин рӯ, ба номи Нӯҳ ибни Асад танга сикка задан шоҳиди он аст, ки пули сомонӣ дар Мовароуннаҳру Хуросон гардиш мекард. Бинобар ин, бародарон шаҳри Самарқандро маркази давлат ва Нӯҳро сарпарасти асосии хеш ҳисобида буданд. Агар муттаҳидии поягузорони давлат намешуд, мумкин буд, ки ҳар яке аз бародарон худро мустақил дониста, ба номи хеш пул мебаровардаанд. Ин гуфтаҳо бори дигар исбот менамоянд, ки давлатдории Сомониён оғози хешро на аз солҳои 70-уми асри IX, балки аз ибтидои солҳои 20-уми асри IX оғоз кардааст, зеро дар ин давра – Аҳмад, Яҳё ва Илёс дар атрофи бародари калонӣ - Нӯҳ муттаҳид шуда, барои мустақилияти тоҷикон ва дигар қавмҳои Осиёи Миёна

ба муқобили мустамликадорон мубориза бурдаанд.

Дар ин ҷо ҳақ бар ҷониби Абӯбакр Муҳаммад ибни Ҷаъфари Наршахист, ки ӯ дар тӯли солҳои 943-944 китоби «Таърихи Бухоро»-ро бо супориши Абӯмуҳаммад Нӯҳ ибни Насри II ибни Аҳмад ибни Исмоили Сомонӣ навишта, ба бисёр масъалаҳои торик равшанӣ андохтааст. Вай шоҳиди воқеаҳои таърихӣ ва иштирокчии бевоситаи онҳо мебошад. Аз ин рӯ, ӯ менависад, ки амирии писарони Асад ибни Сомонхудот ба соли дусаду ду (817-818) рост меояд.

Сомониён нисбат ба Тоҳириён пештар соҳибқудрат шуда бошанд ҳам, ҳусну тавоҷҷуҳи хилофати Араб нисбат ба оли Сомон ба хонадони дигари тоҷикӣ – Тоҳириён зиёд буд, зеро амироне, ки баъди Тоҳир (соли 822) ба сари қудрат омаданд, фармонбардорони ҳалқабаргӯши хилофат буданд. Аз ин рӯ, хилофат Тоҳириёнро чун давлати мустақили маҳаллӣ эътироф менамуд. Аммо дар ҳалли масъалаҳои бамиёномада бо ҳарду хонадон баробар машварат мекард. Баъди дар соли 873 аз тарафи Саффориён саркӯб шудани Тоҳириён муносибати хилофат бо хонадони Сомониён қавитар гардид.

Мо бояд ҳамин фикрро тақвият диҳем, ки дар сари гаҳвораи истиқлолияти халқи тоҷик Нӯҳ, Аҳмад ва додаронашон истода буданд. Онҳо баробари падару бобои хеш сарсулолаи Сомониён ба шумор мераванд. Аммо аксари пажӯҳишгарони оли Сомон аз рӯшноӣ андохтан ба ин масъала канорачӯйӣ мекунанд. Пешгузаштагони Сомониён дар муборизаҳои дохилию хориҷӣ тавонистанд, ки озодии халқи хешро таъмин намуда, онро аз ҳаёти мустамликавӣ озод кунанд. Минбаъд анъанаи онҳоро Исмоил давом дод. Ӯ мисли падару амакҳои хеш марди закӣ ва боирода буда, кори саркардаи пешгузаштагонашро пурра анҷом дода, гул –гулшукуфии давлатдории тоҷиконро таъмин намуд.

Аз гуфтаҳои боло чунин хулоса кардан мумкин аст, ки замони ба сари қудрат омадан ва фано шудани сулолаи Сомониёнро ба се давра тақсим кардан мумкин аст:

Давраи якум аз соли 817 оғоз шуда, соли 874 анҷом меёбад. Ин муддат ибтидои муборизаи халқи тоҷик барои истиқлолият ва ташаккули давлати мутамарказонидашуда мебошад. Намояндагони он Нӯҳ, Аҳмад, Яҳё, Илёс мебошанд, ки дар натиҷаи кордонӣ ва ташкилотчигияшон тавонистанд дар хилофати Араб обрӯ пайдо намуда, барои озодии халқи хеш ҷонбозиҳо кунанд.

Давраи дуюми ҳукмронии хонадони Сомониён аз соли 875 оғоз ёфта, дар ибтидои солҳои 60-уми асри X ба охир мерасад. Аниқтар ин давра солҳои 875-960-ро дар бар мегирад. Намояндагони барҷастаи ин давра Исмоил ва Насри II ба ҳисоб мераванд.

Ниҳоят, давраи сеюми ҳаёти хонадони Сомониён ба солҳои 961-999 рост меояд. Ин замоне буд, ки амирони Сомонӣ ба саргармӣ дода шуда, бо ду дасти адаб лашкар ва идоракунии давлатро ба ихтиёри ғуломони турк супориданд. Хулоса, дар ин муддат ғуломон соҳибмансаб шуда, давлати овозадори Сомониёнро, ки бештар аз 180 сол арзи вуҷуд дошт, вожгун сохтанд.

АДАБИЁТ

1. Наршахӣ Муҳаммад. Таърихи Бухоро/ Муҳаммад Наршахӣ. - Душанбе , 2013. – С. 541.
2. Низомулмулк. Сиёсатнома/ Низомулмулк. - Душанбе , 1979. –С. 129.
3. Балъамӣ. Таърихи Табарӣ/ Балъамӣ. - Душанбе ,1982. - С 435.
4. Байҳақӣ. Таърихи Масъудӣ/ Балъамӣ. - Хуҷанд, 1998. - С 350.
5. Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ / С. Абдуллоев. - Хуҷанд, 1998. –С. 399.
6. Ғоибов Ғ. Амир Исмоили Сомонӣ- марди сиёсат ва хирад/ Ғ. Ғоибов. - Душанбе, 1999. -С 110.
7. Ғафуров Б. Асарҳои мунтахаб/Б.Ғафуров. -Москва, 1985. –С.-455.
8. Мухторов А. Сомониён: замон ва макон/А.Мухторов. - Душанбе, 2013. –С.367.
9. Неъматов Н. Давлати Сомониён/ Неъматов Н. - Душанбе, 1979. - С-321.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ САМАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Среди историков периодизация истории государство Саманидов до сех пор является спорным. Автор данной статьи на основе исторических первоисточников пытался дать ответ на некоторых нерешенных проблем данной тематики.

Ключевые слова: Саманиды, государство, Шах Исмаил, Бахром, Саманидское государство, первоисточники.

THE PROBLEM OF PERIODIZATION OF THE SAMANID STATE'S HISTORY

The periodization of the Samanid state's history is still debatable among historians. The author of this article on the basis of historical sources tried to answer to some unsettled problems of this theme.

Key words: Samanids, state, Shah Ismail, Bakhrom, Samanids state, sources.

Сведения об авторе: ***Саттор Мухторов*** – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Таджикского национального университета. Телефон: **(+992)919-01-30-00**

БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ – ГЛАВНЫЙ ОБЪЕКТ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЙ В 20-50-Х ГГ. XIX В.

Дж.Х. Джурабаев
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

Британская и Российская империи, а также Китай вели так называемую «Большую игру» за сферы влияния в Центральной Азии в XIX-XX веках. Об истории и хитросплетениях «Большой Игры» до недавнего времени не имели представления не только рядовые читатели, но и исследователи этого огромного внутриконтинентального региона. История «Большой игры»- это история человеческих амбиций, интриг и кровавых столкновений. Международная гонка за Среднеазиатский регион в XIX в. выводила на политическую арену участников «Большой игры». В ней участвовали дипломаты, военные, религиозные служители, путешественники разных национальностей. «Соперничество шло не только за владение центрально-азиатским рынком и сырьем, но и за открытие и использование географического, демографического, антропологического и исторического знания, прогрессия которого в количественном и качественном отношении влияла на развитие ориенталистики в той или иной западной стране и формировала устойчивый интерес западного общества к малоизученной и менее знакомой цивилизации» [20].

«Большая игра» на Востоке предполагала использование всего многообразия средств и методов осуществления колониальной политики в государствах Средней и Центральной Азии. Как отмечает М. Ниязметов: «В соперничестве с Российской империей за политическое и экономическое господство в Центральной Азии, попытках перехватить у нее предпринимательскую инициативу и вытеснить из рынков региона Англия не гнушалась буквально ничем - от официальных дипломатических демаршей до обыкновенного шантажа и даже бряцания оружием. Все же большую ставку она делала на менее затратные и заметные, но более эффективные методы и средства оказания давления на противника: дезинформацию, интриги, подкуп, угрозы, диверсии и т.п. Их основным каналом служила в первую очередь классическая форма войны на «невидимом фронте» - шпионаж» [17].

Появление русской миссии в Хиве в 1819 г. и британской в Бухаре в 1820 г. стало отправной точкой соперничества двух империй в Средней Азии. В этом соперничестве важное место отводилось Бухарскому эмирату. Ибо Бухарский эмират считался наиболее развитым государством в политическом и экономическом отношении, чем Хивинское и Кокандское ханство.

После русской дипломатической миссии Негри, через 4 года, т.е. в 1824 г., в Бухару прибыло английское посольство во главе с Уильямом Муркфортом. Миссия

англичан вошла в Бухару через Кабул. В эмират группа Муркфорта прибыла 25 февраля 1825 года. По пути следования она изучала Аму-Дарью: ширину и глубину реки, особенно у Ходжа - Салеха, мосты и места переправы, возможности судоходства и выхода на Аральское море через территорию Хивинского ханства, караванные пути, ведущие к его столице. В Бухаре Уильям Муркрофт и Джордж Требек (помощник Муркрофта), представившись состоятельными коммерсантами, знакомящимися по поручению правительства Британской Индии с обстановкой на товарных рынках Центральной Азии, в том числе и эмирата, для улучшения товарооборота с Англией вели переговоры с эмиром Хайдаром, высокопоставленными сановниками двора, выясняли их отношение к торговой политике России. Не скупясь на подношения, они предлагали открыть широкий доступ на бухарский рынок английских товаров на льготных условиях, создать для британских купцов обстановку наибольшего благоприятствования, переориентировать основные потоки товарооборота с России на Индию, а через нее - на Англию. Резиденты заверяли, что это принесет Бухаре не только дополнительные экономические выгоды, но и обеспечит всестороннюю поддержку Великобритании, особенно в плане укрепления обороноспособности, отражения возможной внешней агрессии [17]. В 1829 году в столице Бухарского эмирата объявился капитан Артур Конолли, которому предстояло перебраться в Хиву.

В 1830-1840 гг. английское правительство посылало своих агентов в Бухару и Хиву. В 1831 г. Бухару посещают миссионер Джозеф Вульф, лейтенант А. Борнс, который в 1831-1836 годах побывал в Афганистане и Средней Азии под видом армянского купца и специально исследовал возможность судоходства по реке Аму-Дарье и экономические возможности ее бассейна [8]. В группу А. Борнса входили топограф Мухаммед Али, переводчик Мохан-Лал, врач Жерард и другие. Группа вышла из Дели в декабре 1831 года и шла по маршруту, проложенному Уильямом Муркрофтом, чтобы установить реальные масштабы российского влияния в Центральной Азии и разработать меры для предотвращения угрозы Индии. Менее чем за три года она исследовала весьма обширную территорию, охватывавшую Восточный Туркестан, Афганистан и Персию, часть Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств. Особый акцент при этом, как и во время предыдущих экспедиций, был сделан именно на Бухару, куда Борнс прибыл 27 июня 1832 года. Ее базары и караван-сараи, куда стекались представители практически всего торгового мира от Европы до Дальнего Востока, Китая и Индии, являли собой де-факто богатейший источник самой разнообразной и, безусловно, ценной экономической и военно-политической информации. Посещая многолюдные бухарские рынки и переполненные гостиничные дворы под видом армянского купца, Борнс внимательно выслушивал длинные рассказы караванвожатых и купцов о своих приключениях на торговых путях, конъюнктуре на товарных рынках, таможенных постах и налоговых сборах, качестве и цене различных изделий, отношениях к купечеству местных правителей, конкуренции между Россией, Индией, Китаем и Англией [17].

Переговоры во дворце эмира с правителем и сановниками также позволили получить разностороннюю информацию о перспективах сотрудничества Бухары с Россией, взглядах на заключение торгового соглашения с Англией для расширения товарной структуры внешнеторгового оборота эмирата, пополнения государственной казны и противостояния внешней экономической экспансии. Здесь же А. Борнс получил достоверные сведения о государственном устройстве Бухарского эмирата, работе аппарата управления, системе местных администраций, землевладении и землепользовании, особенностях Вооруженных сил и обороноспособности, мобилизационных возможностях, управлении войском и его тыловом обеспечении. Обо всем этом он рассказал в собственных заметках [3, с. 502].

Англо-афганская война 1838-1842 гг. и аннексия ряда княжеств на севере Индии имели главной целью создание моста к Средней Азии [18, с. 22].

Англия делает активные попытки завоевать рынок Бухары. Английские товары ввозятся из Индии, раньше через Коканд, позднее через Персию. Вот что по этому поводу отмечает П.И. Демезон: «Пробная эта торговля, собственно говоря, приносит мало выгоды, но очевидно свидетельствует о постоянных усилиях английских купцов полностью завладеть торговлей в этой части Азии, которая в скором времени может быть наводнена английскими товарами» [13, с. 25].

Англия и Россия вели постоянную скрытую борьбу за влияние в Бухаре. И.В. Виткевич упоминал об английском агенте кашмирце Низаметдине, который выдавал себя за торговца [13, с. 105].

Английские власти, начиная с 40-х гг. XIX в., используя Герат как плацдарм для наступления на Среднюю Азию, засылали оттуда своих лазутчиков [15, с. 235]. В это время в Бухарский эмират был направлен полковник Стоддарт. Его посещение Бухары объяснялось стремлением освободить русских подданных из бухарского плена. В действительности же, как утверждал Н.А. Халфин со ссылкой на английского исследователя XIX в. Ф.Г. Фишера, Стоддарту предписывалось заключить англо - бухарский договор, направленный против России [20, с. 107].

Следует отметить, что власти Бухарского эмирата в данный период не обращали особого внимания на все английские инициативы. Эмир и кушбеги имели возможность убедиться, чего стоит «бескорыстие» англичан, которые, в частности в Бухаре, первоначально продавали свои изделия по очень низкой цене, а когда появился спрос, через год подняли на них цены более чем в два раза[19, с. 89]. По этому поводу исследователь торговых отношений в Средней Азии П.И. Небольсин писал, что «и бухарцы только тогда узнали, что за народ енглизадам (т.е. англичане - Д.Д.) и как сомнительны и подозрительны все связи с ними, этими отнимателями земель, разорителями народов Азии» [2, с. 59-60].

Власть Бухарского эмирата была больше привержена к установлению контакта с Россией, чем с Англией. Так, во время прибытия бухарской посольской миссии в Россию 3 августа 1840 г. во главе со знатным придворным ханства Мукимбеком Мухаммедом Сеидовым, которая остановилась в Оренбурге, с посланцем эмира встретился председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс. Согласно его заявлению, эмир дал следующие указания своему послу: «1. Ходатайствовать о защите Бухарии от англичан, грозящих ей завоеванием. 2. Просить содействия для обуздания хивинцев, которые постоянно грабят караваны, и ныне, войдя в сношение с англичанами, начинают явно враждовать против Бухарии» [23, с. 19].

В 1841 – 1842 гг. англичане усилили торговую экспансию в Средней Азии. Они привозили в Бухару множество товаров и продавали их по низкой цене. В результате русские товары не шли в продажу, и русские купцы терпели большие убытки и были вынуждены покинуть Бухару. Но через год англичане подняли цену вдвое, причем эти товары были низкого качества [23, с. 82]. Активизация внешней политики Англии в среднеазиатском направлении в 40-х гг. XIX в. была обусловлена временным ослаблением позиции России по отношению к среднеазиатским ханствам. Россия и среднеазиатские ханства возобновили обмен мирными дипломатическими миссиями. Однако результаты этих дипломатических контактов были малопродуктивными.

Англия вела такую политику, которая была направлена против России. Англия всячески старалась подчинить своему влиянию эмира и восстановить его против России. Все ее происки, однако, остались безуспешными. Они даже окончились очень печально для ее дипломатических агентов, полковника Стоддарта и Конолли[1]. Оба они

[1] О судьбе этих двух посланников см. Wolf Joseph. Narrative of a mission to Bokhara, in the years 1843-45, to ascertain the fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. 2 vol. London, 1845. –C. 328-352; Wolf Joseph.

поплатились жизнью за свою дипломатическую неопытность и отчасти пренебрежение к нравам и обычаям местного населения. Они вынесли мучительное тюремное заключение и оставались в живых лишь благодаря заступничеству русского дипломатического агента Бутенева. Стоддарт из страха был принужден перейти в ислам [5, с. 94].

Когда из Бухары выехал русский посол Бутенев, эмиру Сеиду Насрулле донесли весть о том, что все английские войска в Афганистане уничтожены. Поняв, что теперь нечего бояться Англии, он приказал 17 июня 1842 г. этих двух несчастных англичан, находящихся у него в плену, предать позорной казни на площади. Они были доставлены туда из тюрьмы. Первым был обезглавлен полковник Стоддарт. Затем палач остановился, зная, что Конолли была обещана жизнь, если он примет мусульманство. Но Конолли, заметив это, презрительно проговорил: «Стоддарт стал мусульманином, и вы все-таки его казнили. Я готовь умереть». С этими словами он хладнокровно подставил свою шею палачу, и тот одним ударом отделил голову от туловища [5, с. 94].

В 1844 г. во время визита в Англию император Николай I дал британской стороне согласие «оставить ханства Средней Азии в качестве нейтральной зоны, разделяющей Россию и Индию, дабы предотвратить их (владения России и Англии – Д.Д.) от опасного соприкосновения».

Россия на некоторое время перешла к оборонительной политике на среднеазиатских рубежах. В 1847-1848 гг. на берегу Арала было возведено Раимское (Аральское) укрепление; затем в низовьях Сырдарьи были построены Казальский и Куванский форты [4, с. 223]. Вскоре Россия начала активную политику вторжения в глубь Средней Азии. Вооруженные отряды К. Перовского захватили крепость Ак-Мечеть в 1853 г.

Из вышеназванных фактов видно, что Россия, начиная с 30-х гг. XIX в. постепенно теряла свои позиции на рынках региона и уступала их Англии. Характерно, что даже спустя почти двадцать лет ситуация не менялась. Так, в заметках «Описание Кокандского ханства», составленных купцом Ключаревым, читаем: «Товары российские в нынешнем 1852 г. по всей Средней Азии, как в Кокании (имеется в виду Коканд. - *Д.Д.*), Ташкенте и Бухаре, упали ценой до чрезвычайной степени, так, что против прежних цен выручали 80 коп. из рубля с самых лучших товаров; продажа более в кредит, за наличные продажи совсем не было, причина оному более полагают - в нынешнем году необыкновенно большой вывоз во все азиатские провинции Средней Азии аглицких бумажных товаров; ихние комиссионеры - персиане, ширванцы и афганцы - продают здесь в кредит на 12 и 18 месяцев и тем более успевают продавать свои товары, хотя набивные ихние бумажные товары и миткали очень слабой доброты, но рисунки ситцев самые азиатские во вкусе». Ключарев особо отмечал, что цены на английские изделия устанавливаются значительно дешевле, чем на аналогичные российские, с тем, чтобы вытеснить их с рынка: «Поэтому и торговля наша со здешним краем становится для нас самой безвыгодной, из бумажных товаров нет ни одного товара в особенном требовании, чтобы можно было здесь с выгодой продать, кроме металлических товаров, как-то: медь, железо, сталь, чугун, олово, которые всегда имеют здесь цену и требование на оные постоянное» [17].

Но все же Бухарский эмират вел более доброжелательную политику с Россией, нежели с Англией. Как отмечает Н.А. Халфин, «у правителя Бухары вызывала глубокое беспокойство двойственная политика британских правящих кругов, заигрывавших с Бухарским ханством и в то же время поддерживавших наступление афганских феодалов на бекства Южного Туркестана, населенные узбеками и таджиками и

Travels and adventures. 2 vol/? second ed. London, 1861.-C/377-379; Grover Ceptain John. The Bokhara Victims. 2hd ed. London, 1845.

входившие ранее в состав ханства. Дело дошло до того, что бухарское правительство в дальнейшем было вынуждено обратиться к Российской империи с ходатайством о помощи в борьбе против английских домогательств.

Позиция правящих кругов Бухарского ханства, не желавших сближения с британскими экспансионистами, сыграла решающую роль. Это ханство, расположенное в центре Средней Азии, было экономически наиболее развито и играло ведущую роль в политическом отношении. Его отказ примкнуть к сколачивавшейся британскими и турецкими эмиссарами антирусской коалиции способствовал провалу этих планов» [22, с. 52-53].

В России в середине XIX в. произошла смена министров иностранных дел. Вместо К. Нессельроде в 1856 г. пришел А. Горчаков, который в дальнейшем приобрел славу одного из крупнейших дипломатов XIX в. Во главе Азиатского департамента появилось новое лицо - Е. Ковалевский, хорошо знакомый со странами Востока. Он поддерживал тенденции активизации политических и экономических отношений со Средней Азией, в частности восстановления тесных дипломатических связей с ханствами [7].

Очередное бухарское посольство во главе с мирахуром Мулладжаном Ашурджановым, которого сопровождали его сын караулбеги Абдулкадыр-бек, советник Ширин-ходжа и секретарь Мир Ахмад-мирза, прибывает в Санкт-Петербург 10 августа 1857 г. Целью приезда были поздравления Александру Николаевичу в связи с восшествием на престол и просьба направить в Бухару русского посланника. Российское правительство было убеждено «в малой пользе дипломатических сношений с азиатскими ханствами». Но отсутствие объективной информации о ханствах Средней Азии в течение долгого времени определяло позицию МИД России [1].

Это обстоятельство побудило русское правительство принять приглашение ханства и отправить в него миссию, руководителем которой был назначен полковник Игнатьев - впоследствии русский посол в Константинополе.

Русское правительство предпринимает активные действия против английского влияния в Средней Азии. С этой целью в Среднюю Азию направляется посольство во главе с Н.П. Игнатьевым. Предлог для этого представился: еще в 1856 году ханства прислали свои посольства в Петербург с поздравлениями по случаю коронации Александра II. Как писал царю бухарский эмир, его посольство «отправлено для большего скрепления уз, существующих еще со времен предков, и для упрочения взаимных отношений предшествовавших великих царей». Эмир добавлял, что нужно открыть дорогу дружбе, «дабы караваны и купцы двух держав приходили и уходили спокойно» [12, с. 450; 23].

Задача посольства Игнатьева заключалась в улучшении торговых отношений с ханствами Средней Азии, сборе новых сведений о ханствах, изучении и описании Аму-Дарьи. Министерство иностранных дел поручало Игнатьеву получить согласие на присутствие в Хиве и Бухаре постоянного торгового представительства России и установления единого пошлинного сбора, как с купцов – мусульман, так и с купцов – христиан (5% от цены товара), добиться открытия судоходства по Аму-Дарье и свободного плавания по нему русских судов [16, с. 81].

Миссия выступила из Оренбурга 15 мая 1858г. в сопровождении воинского отряда. В состав посольства входили секретарь Е.Я. Килевейн, дипломатический чиновник при оренбургском генерал – губернаторе М.Н. Галкин, офицеры Генерального штаба Савицкий и Н.Г. Залесов, топографы Яковлев и Зеленин, лейтенант флота А.Ф. Можайский, астроном Струве, представитель Академии наук востоковед Лерх и другие.

Миссия должна была решить следующие задачи:

1. Освободить русских пленных от рабства в Бухаре.

2. Добиться наполовину уменьшения пошлины, взимаемой бухарскими властями с русских торговцев.

3. Введение правильной оценки товаров и ограждение русских торговцев от произвола бухарских чиновников.

4. Обеспечение свободного пребывания в Бухаре временного торгового агента из русских чиновников, который будет присылаем в Бухару ежегодно на несколько месяцев, т.е. на время, требуемое для интересов русских торговцев, для ходатайства за них перед бухарским правительством и надзора за ходом торговли.

5. Добиться того, чтобы бухарское правительство для помещения русских торговцев, агента и складов русских товаров предоставляло особый караван-сарай, наподобие того, как хивинцы и индийцы имеют в Бухаре отдельные караванные сараи.

6. Установить свободное плавание русских судов по Аму-Дарье и др. [14, с. 214; 9, с. 38].

Вот как описывает цели переговоров с бухарским правительством сам Н.П. Игнатьев: «Доказать ему (бухарскому эмиру - Д.Д.) выгоду добрых отношений к России, повредить англичанам - против которых, со времени путешествия Стоддарта и Коллинса, эмир и без того был чрезвычайно предубежден, и раздражить бухарцев против хивинцев, которыми мы не могли быть довольны и которых поэтому надлежало ослабить и лишить союзников, на случай столкновения с нами» [14, с. 200].

Сначала миссия Игнатьева посетила Хиву. В Хиве посольство не добилось существенных результатов. Хивинский хан не дал согласия на свободное плавание русских судов по Аму-Дарье.

Более удачными были переговоры с бухарским эмиром. 22 сентября 1858 г. посольство прибыло в Бухару. В процессе переговоров эмир освободил 11 русских пленников. Эмир Насрулла обещал уменьшить наполовину таможенные пошлины, взимаемые с купцов – христиан, ввести правительственную оценку товаров, ограждая их от произвола бухарских чиновников, допустить свободное пребывание в Бухаре русского торгового агента, разрешить свободное плавание русских судов по Амударье [10, с. 153; 16, с. 84].

Причина успеха русской миссии заключалась в сложных политических отношениях между ханствами. Бухарский эмир договорился с Россией о союзе против Хивы за свои политические и экономические уступки.

Однако действия России вызвали активные дипломатические шаги Англии. Английские агенты потребовали от эмира разрыва отношений с Россией в обмен на военную помощь. Эмир отказался от данных Игнатьеву обещаний [9, с. 38-39].

Однако не все условия договора выполнялись ханом. Русское правительство решило применить по отношению к Бухаре более жесткие экономические и политические меры. Но ограничилось тем, что бухарских купцов не допустили к проезду в Москву, во внутренние города России на три главные ярмарки России: Коренную, Ирбитскую и Нижегородскую. После того, как в конце 1863 г. все пленники из Бухары были отпущены, 6 августа это запрещение было отменено [16, с. 84].

Начиная с 40-х, и особенно в 60–е годы в России усиливается общественное мнение по поводу завоевания Средней Азии, особенно Бухарского эмирата. Об этом свидетельствуют статьи русских политиков и журналистов, оправдывавших завоевание Средней Азии [6; с. 11].

Таким образом, противоборство Британской и Российской империй за сферы влияния в Центральноазиатском регионе, и в особенности в Бухарском эмирате в XIX веке, получившее название «Большая игра», объясняется тем, что этот регион практически находился в поле зрения великих держав и представлял для них несомненный интерес как потенциальный рынок для сбыта и приобретения сырья, для включения «ничейных» земель в свою сферу влияния, для жонглирования ими в

сложных отношениях друг с другом. Результаты взаимодействия России и Великобритании в XIX в. значительно определили последующую историю развития не только самих этих государств, но и всего региона почти на сто лет вперед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаханов М. Российско-бухарские дипломатические отношения 40-50-х гг. XIX в. / М. Бабаханов [Электронный ресурс] // http://www.history.tj/ babahanov1.php (Дата обращения – 18.09.2013).
2. Бакшилов С.А. Некоторые вопросы англо-русского соперничества за влияние в Средней Азии в первой половине XIX века. / С.А.Бакшилов // Исторические науки. –Алма-Аты, 1965.
3. Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества. / А.Борнс. [Пер. П.В. Голубкова]. -М., 1848. Ч. II. -502 с.
4. Боронин О.В. Узловые моменты и приоритеты политики России в Средней Азии в первой половине XIX в. / О.В.Боронин // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник научных трудов. Под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. - Барнаул: Аз Бука, 2005.
5. Бухара прежде и ныне. Историческая справка // Нива -1893. -№4.-С.94-95 [Электронный ресурс] // http://bukhara.uz/stati-bukhara/780------1893 (Дата обращения 25.10.2013)
6. Глуховской А.И. Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии / А.И.Глуховской. -Спб., 1867.
7. Гуломов Х.Г. Россияне в Узбекистане / Х.Г.Гуломов [Электронный ресурс] // http://uznet.biz/tashkent/Blogs/RSS-mytashkent-uz/BlogEntryInfo (Дата обращения – 23.10.2013)
8. Дубовицкий В. Ликвидация исторической безграмотности. Александр Бёрнс - «купец с компасом» / В.Дубовицкий [Электронный ресурс] // http:// www. fergananews.com/articles/4860 (Дата обращения-11.09.2013)
9. Ефимов В.И. К вопросу о взаимоотношениях России с Бухарой с конца XVIII до середины XIX в. / В.И.Ефимов // Труды Самаркандского государственного университета им. А Навои. /Материалы по истории Узбекистана. Новая серия. – Самарканд, 1964. -Выпуск № 140.
10. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие / С.В.Жуковский // Труды общества русских ориенталистов. – Петроград, 1915. – №2. – 215 с.
11. Залесов Н. Очерк дипломатических сношений России с Бухарой с 1836 по 1843 гг. / Н.Залесов // Военный сборник, 1862. -№3.
12. Залесов Н. Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г. /Н.Г.Залесов // Русский вестник, 1871. - № 2.
13. Записки о Бухарском ханстве: Отчёты П.И. Демезона и И.В. Виткевича. -М.:, Гл. редакция восточной литературы. Изд-во «Наука», 1983.- 143 с.
14. Игнатьев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. / Н.Игнатьев. -СПб., 1897. –280 с.
15. Киняпина Н.С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.) / Н.С.Киняпина, М.М.Блиев, В.В.Дегоев. -Москва, 1984. -346 с.
16. Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII —первая половина XIX в.) / Г.А.Михалева. –Ташкент: Фан УзССР, 1982.-92 с.
17. Ниязматов М. Россия и Центральная Азия. "Большая Игра" по-британски: ставка на интервенцию / М.Ниязматов [Электронный ресурс] // http:// www. apn.ru/publications/print22520.htm (Дата обращения – 18.09.2013).
18. Такими офицерами мог бы гордиться любой флот. Документы об участии российских моряков в миссии Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару 1857-1859 гг. // Исторический архив,1996. -№ 4.
19. Тимченко С.В. Англо-русское соперничество в Средней Азии в 40-х гг. XIX в. / С.В.Тимченко // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. -Барнаул, 2003.
20. Турдалиева Ч.Дж. «Большая игра» в Центральной Азии и кыргизы / Ч.Дж.Турдалиева [Электронный ресурс] // http://central-asians.ru/central-asia/23-bolshaya-igra-v-centralnoy-azii-i-kyrgyzy.html (Дата обращения 28.10.2013)
21. Халфин Н.А. Британская экспансия в Средней Азии в 30-40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира / Н.А.Халфин. // История СССР. -1958. -№ 2.
22. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). / Н.А.Халфин. — М.: Издательство восточной литературы, 1960. -272 с.
23. Халфин Н.А. Ханыков-востоковед и дипломат / Н.А.Халфин, Е.Ф.Рассадина. -М., 1979. -276 с.
24. Хевролина В. Миссия полковника Игнатьева / В. Хевролина [Электронный ресурс] // http://www.istrodina.com /rodina _articul.php3?id=1224&n=68 (Дата обращения – 20.10.2013).

БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ – ГЛАВНЫЙ ОБЪЕКТ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЙ В 20-50-Х ГГ. XIX В.

Статья посвящена истории «Большой игры», ее интенсивной фазе - соперничеству Британской и Российской империй за сферы влияния в Центральноазиатском регионе, где важная роль отводилась Бухарскому эмирату. На основе письменных первоисточников раскрыты происки Англии в 30-40-х гг. XIX в. по установлению политического и экономического господства в Центральной Азии (прежде всего в Бухарском эмирате), освещены её попытки перехватить у России предпринимательскую инициативу и вытеснить ее с рынков региона.

Ключевые слова: «Большая игра», Бухарский эмират, Российская империя, Центральная Азия, дипломатический демарш, русская миссия, дипломатическая миссия, А.Негри, англо-афганская война, торговая экспансия

BUKHARA EMIRATE AS A MAJOR OBJECT OF "THE GREAT GAME" BETWEEN BRITISH AND RUSSIAN EMPIRES IN THE 20-IES – 50-IES OF THE XIX-TH CENTURY

The article dwells on the history of "The Great Game", its intensive phase of rivalry between British and Russian empires for the sphere of influence in Central Asian region where Bukhara emirate played an important role. Proceeding from primary written sources, the author discloses the intrigues of England in the 30-ies – 40-ies of the XIX-th century aimed at the endeavors of establishing political supremacy in Central Asia (first of all in Bukhara emirate) when England made attempts to supersede Russia from the regional markets by gripping an initiative of entrepreneurship.

Key words: the Great Game, Bukhara emirate, Russian empire, Central Asia, diplomatic demarche, Russian mission, diplomatic mission, A. Negri, Anglo-Afghan war, trade expansion

Сведения об авторе: ***Джурабаев Дж.Х.*** **-** кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета политологии и МО, ректор Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Телефон: **8(3422) 2-51-70; +9928207707.** E-mail: **juraboev.jh@gmail.com**

ГИССАРСКАЯ ДОЛИНА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

С. С. Тиллоев
Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН РТ

По Гиссарской долине пролегала одна из оживленных сухопутных трасс Великого Шелкового пути (ВШП). Это была самая короткая трасса с юга Центральной Азии и Хорасана в Китай. На этих землях ещё 8-7 тысяч лет назад, в эпоху новокаменного века, предгорную и горную части Средней Азии занимала племенная общность, названная историками гиссарской культурой по району обитания племен, селившихся в горных и предгорных районах Гиссарской долины (эта культура встречается в Северном Таджикистане, Северном Афганистане, в Чуйской долине, предгорьях Гиндукуша и др.)[1]. Памятники, которые характеризуют эту культуру (остатки каркасных жилищ, каменных очагов, топоры, ножи и другие домашние инструменты), обнаружены в Туткауле, на левом берегу реки Вахш, вблизи Нурека или Тепаи Гозиён в Хисоре.

Кратко проследим названный маршрут в пределах современных границ Республики Таджикистан. Сухопутная трасса ВШП, проходившая через Гиссарскую долину, называлась Каратегинской трассой, и она начиналась с города Регара (с 17 февраля 1978 года город носит название Турсун-Заде, по имени народного поэта Таджикистана). Регар был небольшим городком Гиссарской долины Он расположен в живописном ущелье западной части Гиссарской долины на высоте около 750 м над уровнем моря, в 57 километрах от столицы Таджикистана – Душанбе. С севера над городом возвышается хребет Мачитли, а с юга – хребет Бабатаг. Климат здесь умеренный, с сухим и жарким летом и мягкой зимой. Среднее количество осадков составляет 457 мм.

Проведенные на территории района археологические раскопки выявили интересные образцы культуры древних эпох. В западной части Гиссарской долины располагался средневековый Ахарун (столица области Ахарун). Обнаруженное близ Турсун-заде городище Узбеконтепа свидетельствует о древности города. Нижние слои его относятся ещё к началу нашей эры. Более поздние наслоения, богатые археологическими материалами, характеризуют бурную кипучую жизнь средневекового города[2].

На пути между Турсун-Заде и Гиссаром, в поселке Шахринау (административный центр одноименного района), на левом берегу Каратагдарьи, археологи раскопали крупный город Кушанского времени, датируемый I-III вв. Здесь обнаружены каменные капители колонн с характерными греко-римскими акантовыми листьями, в которые вплетены фантастические птицы-грифоны с львиными лапами, словно «вышедшие» из глубин восточно-иранской мифологии. Городище площадью около 350 га опоясывали крепостные стены, сложенные из крупного квадратного кирпича-сырца (периметр стен около 7 км). Частично сохранившаяся восточная стена (длина 2,5 км) насчитывала около 70 башен. Эта часть городища известна как Катор-тепе. На территории городища, внутри крепостных стен сохранилось лишь несколько бугров древних построек: Хаит-Гула, Чим-курган и др. А.Мухтаров в 1956 году перевез в Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикистана две каменные капители со скульптурными изображениями[3] (рис. 1).

Если подняться на север от Шахринау чуть выше к предгорьям Гиссарского хребта по Каратагдарье, то можно посетить город Каратаг (сейчас это селение того же названия), который также тяготел к рассматриваемой трассе Шелкового пути. Город расположен по обоим берегам Каратагдарьи, которая из узких горных теснин южного склона Гиссарского хребта протекает по Гиссарской долине на юго-запад до Тупалангдарьи. Здесь реки сливаются и получают новое название – Сурхандарья до впадения её в Амударью близ Термеза.

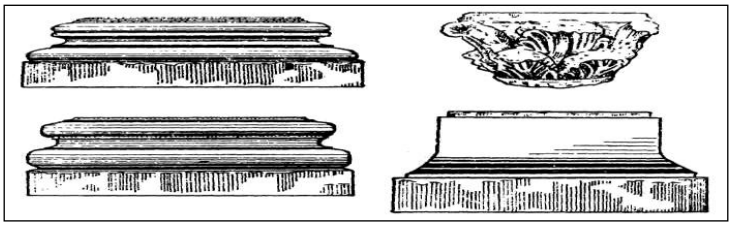

Рис.1. Шахринауское городище. Каменные базы колонн и капитель

В XIX веке Каратаг стал центром амлакдарства Хисорского бекства и здесь, как в Душанбе, сидел амляқдор. Река Каратагдарья протекала внутри города, где в центре был устроен деревянный мост. Весь город делился на кварталы-гузары (их было 18), имевшие названия по профессиональной и родовой принадлежности жителей. Все гузары имели свою мечеть, а иногда и две, всего же в конце XIX века было 23 мечети. Центр города был занят базарной площадью Чорсу с чайханами и лавками торговцев. Рядом шли базарные ряды, разделенные по видам товаров: растаи сабзавоту мева – зеленый и фруктовый ряд, растаи чармгарї – кожевенный ряд, растаи кассоби – мясной ряд и др. Кроме того, был крытый ряд – тим. Отдельную часть квартала занимало кладбище. В городе функционировали, как и в Душанбе, медресе, каландархона, корихона (дом прозрения слепых), городская тюрьма. В общем, Каратаг был самым заурядным средневековым городком.

Следующий город на Шелковом пути – Хисори Шодмон или Хисор. В средневековом Хисоре до наших дней дошло несколько монументальных сооружений, некоторые из которых представляют археологические объекты, а часть – в виде

наземных сооружений. В частности, реставраторы Таджикистана в результате многолетних реставрационных работ восстановили мавзолей Махдуми Азам, медресе Кухна и Нав, мечеть Сангин, ворота «Арк», а также законсервировали каравансарай «Хиштин». При расчистке площади Регистан перед медресе Кухна была обнаружена тахоратхона XVI-XVII вв. Кроме этого, на территории самой крепости Хисортепа раскопаны остатки древнего жилища, датируемые началом первого тысячелетия до н.э. На территории Регистана – городской площади обнаружен отрезок водопровода из керамических труб-кубуров. Здесь же, на территории Регистана, найдены остатки монументального сооружения – медресе XV века под названием «Чашмаи Мохиен». Помимо этого в разных частях внутригородской застройки средневекового Хисора раскопано несколько объектов жилого, общественного и культового назначения (рис. 2).

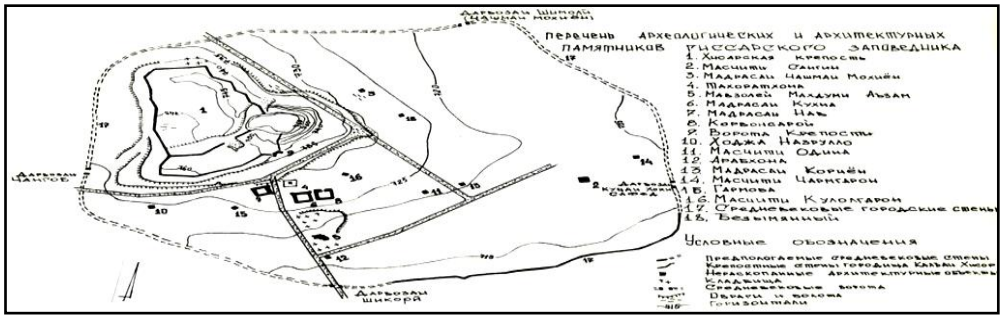

Рис. 2. Средневековый город Хисори Шодмон близ Душанбе

В 25 км от Гиссара (административного центра одноименного района), на высокой левобережной террасе расположен древний Душанбе, столица и самый крупный город Республики Таджикистан (более 1 млн. жителей). О его древнем происхождении говорит большой археологический материал, полученный при раскопках древнего городища на северо-западной окраине современного города Душанбе, на высоком обрывистом левобережье реки Варзоб[4] (рис. 3). Обнаруженные здесь материальные памятники свидетельствуют об интенсивной городской жизни этого поселения уже в Греко-бактрийский период, т.е. во II веке до н.э. Помимо этого важного памятника на территории Душанбе сейчас известно несколько объектов археологического характера, характеризующих городскую и сельскую жизнь в раннесредневековый и средневековый периоды (Шиша-Хона VI-VIII вв., Чормагзтепа VII-IX вв., Тепаи Искандар X-XII вв. и др.).

Рис. 3. Душанбинское городище. Фрагмент застройки. II в. до н.э. Фото 1989 г.

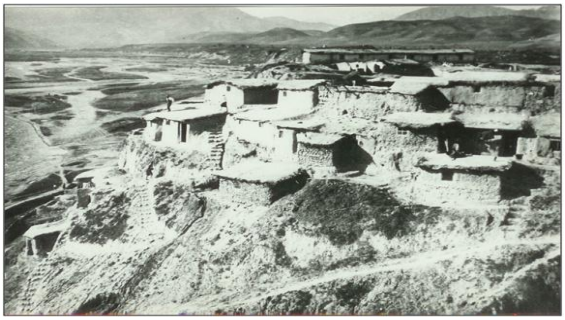

Рис. 4. Позднесредневековый кишлак Душанбе на кромке левобережья Варзобдарьи, фото 1933 г.

До присоединения Восточной Бухары (куда входили Хисорские владения) к Российской империи Душанбе являлся одним из крупных городов и центров одного из амлякдарств (районов) Хисорского бекства. В одном из сообщений второй половины XIX века сообщается, что округа, принадлежавшая Душанбе, Каратагу и Теппа, все

вместе составляют Хисор и что город Душанбе был одним из самых значительных городов этой части Бухарского ханства. Базарным днем здесь был не понедельник (Душанбе), а воскресенье. И на этом базаре постоянно торговали или делали покупки жители не только Душанбе, но и дальних кишлаков Лакая, Бабатага, Файзабада, Янги-Базара, Варзоба, Ханаки, Харангона и др.

После землетрясения 6 октября 1907 года Душанбе становится постоянной летней резиденцией хисорского бека и его приближенных, так как прежняя резиденция в Каратаге была разрушена. Вплоть до установления Советской власти Душанбе ничем не отличался от других городов Восточной Бухары, где господствовали феодальные социально-экономические отношения (рис. 4).

В дореволюционном Душанбе было около двух десятков кузниц, маслобоек, ювелирных мастерских и др. В городе было несколько кварталов, разделенных по профессиональной принадлежности мастеров: кварталы кожевенников, ткачей, даже каландаров. Но не только по профессиональной ориентации делились кварталы.

Из Душанбе дорога уходит на восток в город Андигон, руины которого расположены у одноименного кишлака. Близ города Вахдат (бывший Янги Базар, Орджоникидзеобад, Кофарнихон) высится купол однокамерного мавзолея Холбойкаро. Памятник этот достаточно хорошо изучен и освещен в специальной литературе[5].

На противоположном от города Вахдат (бывший Кофарнихон) правом берегу одноименной реки у впадения в нее реки Семиганч высятся искусственные холмы городища Калаи Шодмон. Несколько выше по реке Семиганч, в горном селении Дара местными жителями были найдены искуссно выполненные бронзовые скульптурные изображения двух горных козлов и двух зебу, которые в VI в. украшали трон правителя, возможно, восседавшего в Калаи Шодмон, название которого перекликается с упоминаемым в средневековых источниках городом Хисори Шодмон[6]. Бронзовые статуэтки, несомненно, являются шедеврами раннесредневекового искусства, отражающими идеологию восточно-иранских народов до арабского нашествия. В те далекие времена козел и зебу считались в Средней Азии священными животными, а их скульптуры являлись символами царствующего дома, оберегающими правителя. Они передавались по наследству из поколения в поколение. Скульптуры были вмонтированы в переднюю часть трона, как бы охраняя его.

От Вахдата дорога разветвляется: одна ведет на юг в город Куляб, в Хатлонскую область, другая - в восточном направлении по основному пути в Каратегин, в княжество Вашгирд, центр которого располагался близ современного поселка Файзабад и от которого сохранились холмы, скрывающие руины бывшего города.

По материалам первоисточников Вашгирд являлся одним из древнейших городов Средней Азии. В Авесте он упоминается как город Виса. Он сформировался ориентировочно во второй половине II тыс. до н.э. Как пишет доктор исторических наук, таджикский нумизмат Давлатходжа Довуди, наименование города в виде Виса, Висагирд и Вашгирд упомянуто в бессмертной поэме Абулкасима Фирдавси и арабо-персидских географических трудах IX-X вв. [7]. Наивысшего развития город достиг в средние века как политический, экономический и культурный центр Средней Азии.

На всем пути следования от Файзабада до Гарма (Гурканд) взору путешественников предстают искусственные холмы - остатки небольших городов. Так, в Сариджаре, на развилке двух путей: одного, ведущего в Гарм, и другого - в Горный Бадахшан, видны следы городища, называемого Дарбанд и упоминаемого еще географами в X-XIвв.

Из сохранившихся архитектурных памятников высокогорных районов наибольшей популярностью пользуется круглый в плане купольный мавзолей с порталом Хазрати Бурх, построенный в XVIII в., возможно, как показали предварительные исследования, на фундаментах доисламского храма IV-V вв. (рис. 5).

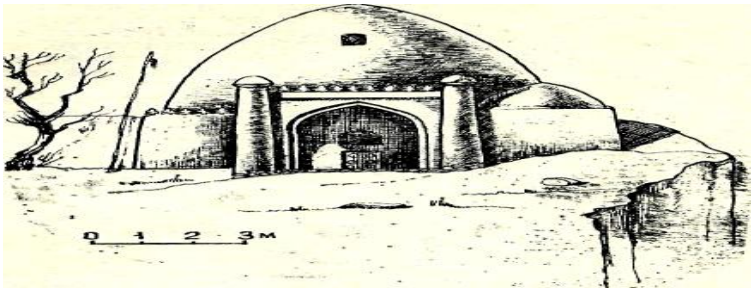

Рис. 5. Западный фасад мазара Хазрати Бурх, конец XV-нач, XVI, XIX вв.

Имя «Хазрати Бурх» упоминается в исмаилитских источниках в связи с именем одного из пиров, который пришел в горные районы Таджикистана с миссионерской деятельностью из Хорасанского города Сабзевар 12 поколений назад вместе с пирами Шо-Хомуш (похоронен в городе Кулябе), Шо-Маланг и Шо-Кошон, поселившихся в Шугнане[8]. Первоначальный облик мазара Хазрати Бурха представлял строго симметричную композицию, где ось здания была подчеркнута высоким куполом и объемом портала с угловыми башнями. Мавзолей придавал причудливое завершение композиции села.

ЛИТЕРАТУРА

1. История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история; под редакцией Б.А.Литвинского и В.А. Ранова. – Душанбе: АН РТ, 1998. - С. 105-106.
2. Абдуллоев С.Турсунзаде. (Путеводитель) / С. Абдуллоев. – Душанбе: Изд. «Ирфон», 1987. - С. 3-5.
3. Давидович Е.А. Страницы истории Гиссара. / Е.А.Давидович, А. Мухтаров. – Душанбе, 1969. -С. 9-10, 14, 17; Гулямова Э. Изучение кушанских памятников района Шахринау // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. - Т. 2. – М.: Наука, 1975. - С. 250-252.
4. Ранов В.А. Душанбе – город древний. / В.А.Ранов, В.С. Соловьев. - Душанбе: Дониш, 1993. - С. 97-158.
5. Таджикская ССР. Энциклопедический справочник. –Душанбе: Глав. науч. ред. ТСЭ, 1974. - С. 339; Мамадназаров М. Макбараи Холбойкаро / М. Мамадназаров // Адабиет ва санъати точик. Энциклопедический справочник в 3-х томах. - Том 2. – Душанбе: Гл. науч. ред. ТСЭ, 1989. - С. 207; Тоатов А. Историческим памятникам – долгая жизнь / А. Тоатов. – Душанбе: Ирфон, 1986. - С. 17-18, ил.; Мамаджанова С. Архитектурное наследие Душанбе / С. Мамаджанова, Р. Мукимов. – Душанбе: Изд. «Мерос», 1993. - С. 94-95, рис.89-90; Они же. Энциклопедия средневекового зодчества Таджикистана. – Душанбе: Изд. «Мерос», 1993. - С. 115.
6. Атаханов Т. Царский трон правителя Шумана / Т. Атаханов // Мероси ниёгон. – Вып. 1. – Душанбе, 1992. – С. 91-93.
7. Довуди Давлатходжа. Вашгирд ёдгории таърихист, он набояд махв гардад (Вашгирд исторический памятник и он не должен быть забытым). / Д. Давлатходжа // Чумхурият. – 2008, 22 мая, на тадж. яз.
8. Назилов Д. К вопросу реконструкции мазара Хазрати Бурха в Вахио Боло / Д. Назилов // Изв. АН РТ. Серия: Востоковедение, история, филология.– Душанбе, 1992. - № 4. – С. 58-62, ил.; Кисляков Н. Бурх - горный козел (Древний культ в Таджикистане) / Н. Кисляков // СЭ. -М., 1934.- № 1-2. - С. 181-189.

ГИССАРСКАЯ ДОЛИНА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

В статье рассматриваются памятники архитектуры и градостроительства Гиссарской долины на трассах Великого Шелкового пути. Это была самая короткая трасса с юга Центральной Азии и Хорасана в Китай. На этих землях ещё 8-7 тысяч лет назад сформировалась племенная общность, названная историками гиссарской культурой по району обитания племен – предков арийцев-таджиков.

Ключевые слова: памятник архитектуры, средневековый город, Шахристан, городище, рабад, портал, мавзолей.

HISSAR VALLEY ON THE GREAT SILK ROAD

The article deals with the monuments of architecture and urban planning Hissar valley on the Great Silk Road. It was the shortest route from the south of Khorasan and Central Asia to China. In these areas, even 8-7 thousand years ago formed a tribal community, called by historians Hissar culture of the tribes living in the district - the ancestors of the Aryans - Tajiks.

Key words: Architectural monument, a medieval town, Shahkristan, settlement, rabad, portal, mausoleum.

Сведения об авторе: С. *Тиллоев* - кандидат исторических наук, доцент, докторант Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН РТ. Телефон: **(+992) 935220031**

АВЕСТИЙСКИЕ РЕКИ В БУНДАХИШНЕ

Н. Ходжавева
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ

В древности границами между историческими областями и государствами обычно служили естественные препятствия, такие как горы и реки. В некоторых случаях они становились естественными границами на многие столетия. В «Авесте», священной книге зороастризма, который исповедовали древние иранские народы, именно горы и реки разделяют различные исторические области, описываемые в источнике. Следует отметить еще один немаловажный факт – в сюжетах «Авесты» с географическими названиями связаны и события имеющие отношение к древней истории иранских народов. Наглядным примером тому служат авестийские гидронимы.

Дошедшие до нас части «Авесты» не дают нам полной картины исторической географии древней Центральной Азии. Утерянные части источника восполняют данные поздних зороастрийских источников, написанных на пехлевийском языке. Среди них «Бундахишн» - Bundahišn («Сотворение Основы», «Мироздание» или «Первотворение»). Текст «Бундахишна» неоднократно редактировался и дополнялся в течение пяти столетий – от 651 г., когда погиб Йездигерд III, последний Сасанидский правитель, до 1158 г. Наиболее важна редакция 1078 г[1]. В источнике говорится, что он был написан человеком по имени Фарнбаг. Его также называют zand āgāhīh, то есть «Знание занда»[2].

«Бундахишн» содержит изложение множества мифов, передающих как зороастрийские, так и дозороастрийские представления о сотворении мира, естествознании и эсхатологии, представляя почти полный свод знаний древних иранцев. В источнике имеются важные сведения по географии. «Бундахишн» – это изложение утраченного авестийского Дамдад-наска, о чем свидетельствует краткий пересказ наска (т.е. раздела) в «Денкарде»[3]. «Бундахишн» дошел до нас в двух версиях: полной («иранской») – так называемый «Большой Бундахишн», и краткой («индийской»). Полная версия представлена рукописью TD_2, а краткая – рукописями K и M51[4].

В «Авесте»[5] упомянуты названия 18 рек:

Ардви – arədvī [6] («Ясна» 65.1,4; «Вендидад» 2.22; 7.16; «Висперат» 1.5; «Яшт» 1.21; 5.1, 4-5, 7, 9, 96, 101-102, 121)

Вахви-Датия – vaŋhuyā dāity-ayā, *vahvi dāitya («Ясна» 49.7; «Вендидад» 1.2; 2.20-21; 19.2; «Яшт» 1.21; 5.17, 104, 112; 8.2; 9.29; 17.45, 49, 61)

Витанхухати – vitaŋuhaiti («Яшт» 5.76-78)

Гуда – guδa («Яшт» 15.27)

Дану Дражa – danu drāǰ ah; ***Данав –*** dānav («Ясна» 60.4)

Дарджа – drəǰ a («Вендидад» 19.4, 11)

Зарнумати – zarənumaiti («Яшт» 19.67)

Раван – ravan («Ясна» 10.17; «Вендидад» 2.23; «Яшт» 14.21; 18.6)

Ранха – raŋhā («Вендидад» 1.19; «Яшт» 5.63, 81; 10.104; 12.18-19; 14.29; 15.27)

Урвада – urvaδā («Яшт» 19.67)

Уштаваити – uštavaitī («Яшт» 19.67)

Фрадата – fradaϑ a («Яшт» 19.67)

Фраздана – frazda-danu («Яшт» 5.108)

Хаэтумант – hāetu’mant («Вендидад» 1.13; 19.39; «Яшт» 19.67)

Хварнахвахти – xᵛarənahvaiti («Яшт» 19.67)
Хваспа – xvaspa («Яшт» 19.67)
Хвастра – xᵛāstrā («Яшт» 19.67)
Эрэзи – ərəzi («Яшт» 19.67)
Согласно классификации авестийские реки делятся на:
- реки, отождествление которых не вызывает сомнений;
- реки, отождествление которых предположительно или является спорным;
- мифические [7].

В «Бундахишне» [8] описанию рек посвящается глава XX «О свойствах рек», где перечисляются все реки. В ней говорится о двух главных реках и о восемнадцати реках, которые вытекают из того же источника, тогда как другие воды в большом количестве вытекают из них (Bd. XX. 1-2). Следует отметить, что автор источника приводит два списка рек, включающих двадцать шесть и двадцать три названия. В этой главе также даны названия стран, по которым эти реки протекают, места их слияния, моря и озера, в которые они впадают, а также имена героев, связанных с различными реками. В главе XXI «О семи видах жидкости» говорится о существовании семнадцати видов жидкости, среди которых реки являются вторым видом вод (Bd. XXI. 1). Имеются упоминания о реках и в других главах.

В «Авесте» упоминаются легендарные герои и их ратные подвиги. Об этом говорится в гимнах, посвященных богам, которым эпические герои приносил жертвы. В этом контексте упоминаются и гидронимы. «Бундахишн» продолжает данную традицию.

В основном легендарные герои молятся и приносят жертвы богам у берегов Вахви-Датии - vaŋhuyā dāity-ayā, *vahvi dāitya [9] («Яшт» 5.17, 104, 112; 9.29; 17.45, 49, 61) и Ранхи – raŋhā [10] («Яшт» 5.61-63, 81; 10.104; 12.18-19; 15.27).

Что касается «Бундахишна», то там об этих реках говорится следующее: «…эти две реки текут с севера, частично (“половина”) – с Албурза восточного, (частично – с Албурза Ормаздова. Одна течет на запад, это Арак-Arang-rōd, одна – на восток, это Вехруд-Weh-rōd… Обе они омывают два края земли, а затем возвращаются в море Фрахвкард-Frāxkard (Авест. море Ворукаша-Vouru. kaša-) и возвращаются к истокам, откуда они вытекают. Все кешвары пользуются водой этих рек. Как он (автор) говорит в «Авесте» “Так же как свет входит и выходит через Албурз, так и вода приходит и выходит через Албурз-Albūrz”(Bd. XX. 1, 4). В «Авесте» практически не имеется информации о местностях, где протекают реки. Исключение составляет Вахви-Датия, которая течет в Айрьянам-Вейдж-airyanəm vaējō- или vaējah- /авест. «Арийский простор»; среднеперс. Эранвеж (Ērān-vēž) – «Иранский простор»/ [11] («Вендидад» 1.2; 2.20-21; «Яшт» 1.21; 5.17, 104; 17.45). В «Бундахишне», как отмечалось выше, автор пытается локализовать эти реки и дает название стран, областей и местностей, где они находятся. Так, перечисляя реки во второй раз, автор отмечает, что река Арак вытекает из Албурза (и течет) в стране Сурак-Sūrāk (Bd. XX.8). Э. В. Вест отождествляет Сурак с авестийской Сугдой, расположенной к востоку от реки Охус, т.е. Амударьи [12]. Следует отметить, что в «Бундахишне» существует путаница и не всегда локализация автора совпадает с реальностью. В некоторых случаях локализация бывает вымышленной и выглядит такой же мифологической, как и в самой «Авесте». Отличие реальной локализации от вымышленной является одной из основных задач нашего исследования. Так, проведенное нами исследование географии «Авесты» показало, что географическая среда обитания древних иранцев охватывает территорию современной Центральной Азии [13]. Отождествление рек Вехруд (Авест. Вахви-Даити) и Арак (Авест. Ранха) не подлежит сомнению, и большинство ученых считают, что это Амударья [14] и Сырдарья [15], которые текут с востока на запад и впадают в Аральское море. Раннее автор уже высказал свою точку зрения об

орогидрографической схеме в «Авесте» в следующем виде: горы Хара Березаити – реки Вахви-Даити и Ранха – море Ворукаша. В таком виде данная схема может быть наложена на географическую карту только Центральной Азии, именно: Горная система Тянь-Шань-Памир-Гиндукуш – реки Амударья и Сырдарья – Аральское море [16]. Еще один немаловажный факт. В Центральной Азии практически все реки текут с востока на запад. В «Бундахишне» говорится: «Вехруд течет на восток, по стране Синд, и она течет в Хиндустане в море… (Bd. XX. 9). Согласно орогидрографической схеме река Вехруд (Амударья) никак не могла течь на восток и тем более находиться в Индии, т. е. здесь автор источника или запутался, или проявил плохие знания физической географии.

Следует отметить еще один важный фрагмент из «Бундахишна», где говорится, что за ними (Арак и Вехруд), из того же источника, вытекают восемнадцать рек, тогда как другие воды в большом количестве вытекают из них. Все эти воды опять смешиваются с этими реками, а именно с рекой Арак и Вехруд (Bd. XX. 2, 7). Из сказанного в источнике следует, что большинство рек, упомянутых в «Авесте» и описанных в «Бундахишне» находятся в одном регионе. Причем большинство рек связано с бассейном Амударьи.

Следует также отметить еще один факт. В «Авесте» перечислено восемнадцать рек, которые отождествляются с реками Центральной Азии. Что касается «Бундахишна», то перечень рек превышает это число. Автор источника расширил список рек за счет рек, которые протекают за пределами Центральной Азии. Так, в источнике отмечено, что «истоки реки Фрат - Frāt-rōd (берут начало) от границ Арума-Arūm, и они питаются (водами) в Суристане-Sūristān» и далее «(Фрат) течет к реке Диглат-Diglat-rōd (Bd. XX. 7, 10). Локализация гидронимов Фрат и Диглат не подлежит сомнению. Это – Ефрат и Тигр, Арум – это Армения, а Суристан – Сирия [17].

Далее говорится о реке Даитик – Dāītīk-rōd, которая течет из Эранвежа- Ērān-vēž (Bd. XX. 7, 13). Даитик – это второе название реки Вехруд. Вполне возможно, что это название определенного участка Амударьи.

О реке Даргам - Dargām-rōd говорится, что она находится в Согде-Sūde (xx. 7, 14). В районе Самарканда находится самый большой канал в области, который на протяжении многих веков снабжает водой город и его округу. Канал это упоминается Клавдием Птолемеем под названием реки Даргаман (Ptolemaeos, VI, 1.2.4) [18], на которой стоит Мараканада, т.о. древний Самарканд. И.В. Пьянков отмечает большую древность Даргама [19].

Следует отметить, что Даргом-darγam в домусульманский период было нарицательным именем канала не только в Самарканде, но и в других районах Согда. Так, в согдийских документах с горы Муг есть слово «Тутускат» [20] – раннесредневековое название населенного пункта «Варагсар». Существует точка зрения, по которой топоним «Варагсар» означает «голова канала», т.е. Даргома [21 Поскольку начало этого канала находилось рядом с городищем Пенджикента, то «Варагсар» легко заменил прежнее название «Тутускат», упоминаемое в Мугских документах. Смена этого топонима произошла после сильного пожара [22]. Обратим внимание на то, что в современной топонимии Заравшанской долины отмечаются следующие названия: Дарг, Дарх, селение напротив Шаваката (выше Айни) на левом берегу реки Матча, город Darγān под Самаркандом и селение ∗Darγēn под Бухарой. На юге Хорезма есть город Дарган-ата- Darγān [23] следует также отметить и сведения ранних арабоперсидских авторов о реке Darγām в Тохаристане, она же – Δαργαμαηζ у Птолемея, а также одноименная река в Бактрии [24]. Анализ источников и топонимии Центральной Азии показали, что Даргам находится в Самарканде.

Что касается реки Зенд - Zend-rōd (Bd. XX. 15) или Zōndak (Bd. XX. 7), то возможно это река Зенда в Исфагане или река Теджен на том отрезке, где она течет мимо Мешхеда [25].

Реку Харо - Hāroī-rōd (Bd. XX. 7) или Haro-rōd (XX. 15-16) отождествляют с одной из рек Герата [26].

Река Хетменд - Hētūmand-rōd (Bd. XX. 7, 17) (находится) в Систане, и ее источники – из горы Апарсин. Отождествление реки не вызывает сомнения. Она уверенно отождествляется с рекой Гильменд [27], впадающей в озеро Хамун.

Река Ахошир - Akhōshir-rōd (Bd. XX. 7, 18) находится в Кумише-Kūmīs. Скорее всего, эта местность находится в верховьях Зеравшана.

Река Зишманд - Zīsmand-rōd течет к реке Хвеганд - Khvegand в сторону Согда-Soghd. Существует версия, что это река Зарафшон [28]. Река Хвеганд течет через центр Самарканда и Парганы (Фергана), ее также называют (рекой) Ашард (Bd. XX. 7, 20). Скорее всего, это река Хуганд, один из притоков Сырдарьи.

Река Марв - Marv-rōd (Bd. XX. 7, 21) отождествляется с Мургабом [29].

Река Балх - Balkh-rōd (Bd. XX. 7, 22) сохранила свое название до настоящего времени. Она течет в районе современного г. Балх на севере Афганистана.

Река Спед - Spēd- rōd, как отмечается в «Бундахишне» течет в Адурбадагане - Ātarō-pātakān (Bd. XX. 7, 23), т.е. на севере современного Ирана. Название реки переводится как «белая» [30]. Река сохранила свое название и до настоящего времени. Она течет с южного склона горной системы Эльбрус и впадает в Каспийское море.

Река Торт - Tort- rōd (Bd. XX. 24) в первом списке именуется как Рад - Rad-rōd (Bd. XX. 7). Ее также называют Коир - Koir-rōd (Bd. XX. 4). Что касается месторасположения реки, то автор «Бундахишна», а возможно и его переписчики запутались. Так, в одной рукописи – Торт вытекает из моря Гиклан-Gīklān, а в другой – из море Каянсе-Keyāseh и впадает в море Верган-Vergān. Если следовать логике списка рек, то она следует за рекой Спед, которая находится в Северном Иране. Следовательно, река Торт должна находиться тоже в этом районе.

Река Захавай - Zahāvayi-rōd течет из Адурбадагана к морю в Парсе-Pārs (Bd. XX. 7, 25). Река, скорее всего, вымышлена, так как Адурбадаган находится на севере, а Парс – на юге и такой реки, которая берет начало на севере и впадает в Персидский залив – не существует.

Исток реки Хварай - Khvaraē-rōd находится в Спахане-Spāhān, она проходит через Хузистан-Khūgīstān и течет к реке Диглат, а в Спахане ее называют река Месрган - Mesrkān-rōd (Bd. XX. 7, 26). Это старое название канала, формирующего восточный рукав реки Карун в Шустаре. Сейчас он называется Оби Гаргар [31]. Отсюда следует, что Хварай – это река Карун, которая протекает по территории Хузистана на юго-западе Ирана.

Река Араз - Harhaz-rōd (Bd. XX. 7, 27) течет в Табаристане-Taparīstān, ее исток – из горы Демавенд-Dimāvand. Скорее всего, это река Херазв провинции Мазандаран (Северный Иран), берущая начало с горы Демавенд, и впадающая в Каспийское море около г. Амоль.

Река Теремет - Teremet-rōd течет к Вехруд (Bd. XX. 7, 28). Скорее всего, это река, которая впадает в Амударью в районе г. Термез. Вполне возможно, что это Сурхандарья [32].

Река Вендесес - Vendeses-rōd (Bd. XX. 29) находится в той части Парса, которую называют Сакастаном-Sagastān. В первом списке она называется Хванайдиш - Khvanaīdis-rōd (Bd. XX.7). В настоящее время это Систан – географическая область на юго-востоке Ирана и юго-западе Афганистана. Западный Систан является частью иранской провинции Систан и Белуджистан, тогда как восточный – афганской провинции Нимроз. Скорее всего, это одна из рек Систана.

Река Касак - Kāsāk-rōd (Bd. XX. 30) в первом списке упоминается как Касик - Kāsīk-rōd (Bd. XX. 7). Она протекает через горы по стране Тус, и там ее называют рекой Касп. Вполне возможно, что это река протекает рядом с г. Мешхед на востоке Ирана.

Река Пайдамайан - Pē*d*āk-mīyān-rōd, которая (является рекой) Чатрумайан-*K*atru-mīyān-rōd, – это (та), что в Кангдизе-Kangdez (Bd. XX. 7, 31). В «Бундахишне» есть интересное сообщение, в котором говорится, что в Кангдизе Пешотана-Pēshyōtanū, сына Виштаспы-Vīštāp (Bd. XXIX. 5) называют Чатромайно-Kītrō-maīnō. Существует предположение, что это название происходит от названия реки Пайдамайан [33]. В данном случае следует обратиться к локализации страны Кангдиз. В «Авесте» упоминается о местности Канха-Kaŋha(«Яшт» 5. 54, 57; 19.4), где находятся горы с одноименным названием. Это горы Канха или Антарканха-antarə.kaŋha. Обратимся к «Бундахишну», где говорится, что Кангдиз находится к востоку от безбрежного океана. Мы уже отмечали, что авестийская Ранха отождествляется с Сырдарьей. Известный исследователь географии «Шах-наме» Г.В. Птицын обратил внимание на то, что в поэме дважды встречается ее название как река Канг'а, образованное по типу известных названий «река Шаша», «река Ходжента» [34]. Это говорит о том, что наши предки часто называли гидронимы по названию местности, где они протекали. Из этого следует, что о реке Канга надо говорить как о реке, находящейся в местности Кангдиз. Анализ «Шах-наме» показал, что Кангдиз расположен по ту сторону Гульзариена (второе название Сырдарьи), за Шашем и Исфиджабом [35]. Что касается местности Канха, то автор уже высказывал свою точку зрения. по которой Канха находится недалеко от г. Ташкента в районе городища Канка, в 8 км. к востоку от Сырдарьи при впадении в нее реки Ахангаран [36]. Это место находится недалеко от Сырдарьи (Аккурганский район Ташкентской области Республики Узбекистан). Анализ источников дает нам основание предположить, что река Пайдамайан это Ахангаран, впадающий в Сырдарью.

Река Дарага - Dāraga-rōd находится в Эранвеже, и на берегу ее было жилище Порушаспа, отца Зардушта (Bd. XX. 7, 32). Отождествление этой реки также как и отождествление Вехруд и Аранг вызывает много споров. Главная причина этих споров – место рождения пророка Заратуштры. Отождествление реки Дараги позволит решить вопрос родины Заратуштры.

В «Задспраме» говорится, что «на родине Заратуштры была река со столь быстрым и сильным течением, что ни женщина, ни старец не могли её перейти вброд, тем более переплыть. Семеро старцев и женщин стояли на берегу возле бурлящего потока не знали и не ведали, как им быть. Заратуштра пришел им на помощь. По его совету они встали друг за дружкой, крепко взялись за руки – получилось нечто подобное мосту; Заратуштра встал впереди и благополучно перевел всех через реку. И мост этот послужил прообразом моста Чинват, по которому праведники после смерти уходят в небеса, в царство Ахура Мазды» («Задспрам» XX. 4-5) [37]. Это очень важная информация. Из приведенного нами отрывка видно, что это горная река. Об этом также свидетельствует и сама «Авеста». Так, в «Вендидаде» в главе «Испытания Заратуштры» говорится. что «Восстал Заратуштра… держа в руках камни…взывая к творцу Ахура-Мазде. Где бы ты ни поддерживал эту землю, широкую, круглую с дальними пределами, склонись в поддержку дома Порушаспы, что на вершине горы на берегу реки Доридж» («Вендидат» XIX. 4). На наш взгляд следует обратить внимание на топонимию указанных регионов, и особенно на оронимы и гидронимы. Так, в некоторых диалектах таджикского языка прослеживается сохранение авестийского слова дарджа- drājah- в названии гидронимов и топонимов Ванчского района Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Среди них: Даргоу, Баридаргоу, Даргоуреш и Даргоухавз [38]. Авестийский термин «длинный» - drəjah-

прослеживается в среднеперсидском – drāz и в современном таджикско-персидском – дароз [39].

Анализ источников показывает, что реку Дарага следует искать в горных областях Средней Азии и Афганистана. Это правильно заметил Ю. Якубов, который отмечает, что в Дарвазской части современного Афганского Бадахшана есть селение под названием Дуродж. Оно находится на берегу реки с аналогичным названием в горах у подножия горы Сафедкух, упомянутой в «Бундахишне». Там же находятся область, и город Раг подобные Иранскому Рею [40]. В «Авесте», говорится о пяти правителях (*рату*): *намонпат* – глава семьи, *виспат* – глава рода и селения, *зануnпат* – глава племени и района, *дахьюпат* – глава области и жрец *хирбат* в Раге Заратуштры, то есть Рага, принадлежавшая Заратуштре. Итак, и Рага и река Дарага упомянутые в источниках, сохранили свое название до настоящего времени и находятся на севере Афганистана, территория которого в древности входила в Бактрию. Интересен тот факт, что в одном из списков «Бундахишна» вместо слов «на берегах» значится: в Балхе, то есть в Бактрии [41]. Это еще одно доказательство отождествления Дараги с современной рекой Дуродж.

Следует также обратить внимание еще на один факт: несмотря на то, что авестийский язык является мертвым, многие его слова стали основой современного таджикского языка и памирских языков. Этому свидетельствует топонимия современного Таджикистана и Афганистана.

Автор «Бундахишна» к рекам относит и каналы (Bd. XX. 33). Так, Фрасияг - Frāsīyāv (Афрасиаб)(Bd. XX. 33) загородил тысячу источников в море Каянсе-Kātansīh, (образующих (?)) места (пастбищ (?)) для коней и верблюдов, и большие и малые… и провел по каналу чистые воды реки Хетменд и семи судоходных рек к морю Каянсе (Bd. XX. 34). Сообщение «Бундахишна» подтверждается и «Меног-и Хратом», где говорится, что Афрасиаб отличался искусством строительства каналов. Он провел по каналу чистые воды реки Хетменд и семи судоходных рек к озеру Каянсе (совр. Хамун) (Meno-ye Xirad, XXVII. 44) [42]. В главе XI «Бундахишна» имеется название этого канала – Навтаг-navtagh (Bd. XXI. 6). Э. Херцфелд [43] видит в нем название авестийской Витанхухати- vitaŋuhaiti («Яшт» 5.76-78).

Авестийская река Зарнумати-zarənumaiti («Яшт» 19.67) сохранила свое название в «Бундахишне» в виде Зарренманд - zarrīnmand-rōd. Там же говорится, что это приток реки Хильменда-hētumānd или другое его название (Bd. XX. 34). Существует несколько точек зрения на отождествление этой реки. Так, А. Стейн [44] и Х. Бартоломэ [45], опираясь на данные пехлевийских источников, отождествляют ее с одним из притоков Гильменда.

Базируясь на “Историю Систана”, где дается перечень рек Систана [46] и сопоставляя их со списком “Замйад-яшта” “Авесты” и “Бундахишном” Д. Монши-Заде предполагает, что Зарнумати – “золотая” – это река Аргандоб [47].

Имеется еще одна точка зрения. Так, с изменением русел рек и осушением озера Хамун, которое в древности объединяло водные системы Заре и Хамун-Саварана и простиралась далеко на юг, где сейчас находится сухое ложе Хамуна. Простираясь более чем 150 км, оно переходит в поворачивающую на восток соленую пустыню под названием Руд-и-зирех (на современных картах Гади-зирра). Судя по всему, именно этот участок от горы Лар-кух на западе до Пакистанского Пишина на востоке был той границей, которая отделяла бассейн рек Хамуна от иной географической области – Белуджистана.

Если следовать логике описания “Замйад-яшта”, как считает В.И. Бушков, то Зарнумати должна быть помещена на запад и юг от озера Заре между Харутрудом с севера и Хильмендом с юга. В этом случае Зарнумати должна сопоставляться с прежде обводненным, а ныне сухим ложем Хамуна и с остатками прежних водных систем,

верхней частью которых была современная река Лора. Видимо, в прошлом все эти обводненные, а ныне уже пересохшие системы от реки Лора (Лора-Пешин) до озера Заре представляли собой единую систему под названием Зарнумати, впадавшую в озеро Кансава [48]. Об этом, кроме самого названия озера Заре, свидетельствует название исторического района к югу от него – Неизар, а также ряд других топонимов, имеющих этот корень. На наш взгляд предположение В.И. Бушкова является логичным и реку Зарренманд надо искать именно в пересохших участках системы от реки Лора до озера Заре.

Мы уже отмечали, что по «Бундахишну» помимо Вехруда и Аранга из одного и того же источника вытекают восемнадцать рек, тогда как другие вытекают из них (Bd. XX. 2). В другом отрывке говорится, что в разных странах и разных местах (эти реки) называют разными именами (Bd. XX. 33).

Река Вачаени - Vaka*ē*ni-rōd находится у того же моря (Каянсе) (Bd. XX. 34). Известно, что озеро Хамун – это крупная группа озер разной степени солености по обеим сторонам границы Ирана и Афганистана. Эти озера являются устьевыми разливами дельты рек Гильменд, Фарахруд и Хашруд в пределах Систанской впадины. Протяжение озерной системы около 150 км, средняя глубина озер 1-1,5 м. Размеры и глубина озер непостоянны и сильно зависят от водности притоков: во время весеннего половодья образуется единый водоем площадью от 2-3 до 50 тыс. км^2 , в другой сезон он распадается на другие озера. Во время крупных паводков часть стоков поступает в расположенную к югу от Хамуна впадину Гауди-Зирра. Отсюда следует, что русло дельты Гильменда, Фарахруда и Хашруда меняется и распадается на мелкие реки. Возможно, что Вачаени и является одной из этих рек.

Обратим внимание еще на один гидроним, который не упоминается ни в первом, ни во втором списке главы XX. Речь идет об Ардвисуре-Arēdvīsūr (Bd. 12.5; 13. 1-5). В «Авесте» река упоминается с аналогичным названием Ардви – arəd*v*ī [49] («Ясна» 65.1,4; «Вендидад» 2.22; 7.16; «Висперат» 1.5; «Яшт» 1.21; 5.1, 4-5, 7, 9, 96, 101-102, 121). В «Бундахишне» этот гидроним упоминается в контексте с горой Албурз-Albūrz (Bd. 13.1-5), Хугари Баланд-Hūkari Buland (Bd. 12.5). В источнике говорится, что высокая гора Хугар – та, с которой, с высоты, (равной росту) тысячи человек, устремляются вниз воды Ардвисура (Bd. 12.5). В другом отрывке говорится, что источник Ардвисур, который некоторые называют ключ-озером, находится на горе Албурз (Bd. 13.1). Далее автор отмечает, что из-за тепла и свежести воды Ардвисура, очищающей больше чем другие воды, все постоянно вытекает из источника Ардвисур (Bd. 13.3). Итак, в «Бундахишне» мы видим противоречие: автор говорит об Ардвисуре как о реке (Bd. 12.5) и как об озере (Bd. 13.1).

Существует несколько точек зрения на отождествление Ардвисуры. Несмотря на то, что и в «Авесте» и в «Бундахишне» река имеет одно и тоже название, исследователи в основном пытаются локализовать авестийскую Ардви. Так, одни ученые считают, что Ардви – это Амударья. Свое отождествление исследователи объясняют изменением нижнего течения Амударьи, которая периодически впадала то в Каспийское, то в Аральское моря [50].

Другие утверждают, что Ардви – это река Ранха, которая, как предложил в свое время Г.Нюберг, в тех случаях, когда она осмысляется в образе великой реки и описывается, как берущая начало на горе Хукарья, высочайшей вершине мифических гор Хара Бэрэзаити [51]. Следовательно, если Г. Нюберг отождествляет Ранху с Сырдарьей, то река Ардви – это Сырдарья. Эту точку зрения поддерживает и Б. И. Вайнберг [52].

Существует еще одна точка зрения, по которой река Ардви – тоже река Ранха, но отождествляется она с рекой Волгой и ее притоком рекой Белая, которая берет начало с

Южного Урала [53]. Это утверждение базируется на том факте, что река Ранха стекает с гор Хара Бэрэзаити, которые помещаются ими на Южном Урале (гора Иремель) [54].

Х. Ломмель считает, что Ардви – это индо-иранская река Сарасваити, упоминаемая в “Ведах”. Сарасваити, которая является священной рекой Мадхядесе (штат Пенджаб, Индия), где индийская Сарасваити стала отзвуком авестийского Харахваити, одноименной области “Авесты” [55]. Исследователь руководствуется тем фактом, что Ардви и Сарасваити – обе божественные реки. А их ассоциация с дождем и плодородием говорит о возможности их общего происхождения. Его точку зрения поддерживает М. Бойс [56]. Предположение Х. Ломмеля о том, что Ардви Сура Анахита – это эпитет для Сарасваити, неубедительно, так как он пытается связать Харахваити с рекой Сарасваити и с названием географической области “Авесты” Харахваити (в греческих источниках Арахозия).

У нас есть своя точка зрения на отождествление Ардвисур. Так, вероятнее всего, Ардви – это мифическая река, которая ассоциируется со всеми реками и водами вообще. На это указывают сведения из “Авесты”, где говорится, что “одна протока Ардви течет на семь каршваров” (“Яшт” 5.5), т.е. на весь иранский мир. В «Бундахишне» говорится: «На юге горы Албурз построено сто тысяч золотых каналов, и эта вода, теплая и свежая, поступает через канал на высокую гору Хугар», что не реально. Далее автор пишет: «На вершине этой горы есть озеро, и в это озеро вода втекает, очищается в нем и по другому золотому каналу течет и вытекает. На высоте, равной росту тысячи человек, от этого канала отходит открытый золотой рукав к горе Хусандом-Aūsīndōm, что в середине моря Фрахвкард- frax^{v} kart» (Bd. 13.4-5). Этот золотой канал и есть Ардвисур. В этом отрывке явно прослеживается мифические представления автора источника. Можно с уверенностью констатировать, что реальной реки, отвечающей этим требованиям, конечно нет. Центральная Азия – район орошаемого земледелия, и вода здесь имеет особую святость. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что Ардви ассоциируется у древних иранцев то с Амударьей, то с Сырдарьей, а также и с другими реками.

Итак, мы перечислили все реки, которые упоминаются в «Бундахишне». Сведем полученные данные в таблицу.

Название реки в «Бундахишне»	**Отождествление**
1. Арак – Arang-rōd (XX. 1-6, 8)	Сырдарья
2. Вехруд – Weh-rōd (XX. 1-6, 9)	Амударья
3. Фрат – Frāt-rōd (XX. 7, 10-11)	Ефрат
4. Диглат – Diglat-rōd (XX. 7, 10, 12)	Тигр
5. Даитик – Dāītīk-rōd (XX. 7, 13)	Амударья
6. Даргам – Dargām-rōd (XX. 7, 14)	Канал в Самарканде
7. Зенд – Zend-rōd (Bd. XX. 15) или Zōndak (Bd. XX. 7)	Река Зендо в Исфагане или река Теджен на том отрезке, где она течет мимо Мешхеда
8. Харо – Hāroī-rōd (Bd. XX. 7) или Haro-rōd (XX. 15-16)	Одна из рек Герата
9. Хетменд – Hētūmand-rōd (XX. 7, 17)	Река Гильменд в Систане (Афганистан)
10. Ахошир – Akhōshir-rōd (XX. 7, 18)	Возможно одна из рек верховья Зеравшана
11. Зишманд – Zīsmand-rōd (XX. 7, 20)	Возможно река Хуганд, один из притоков Сырдарьи
12. Марв – Marv-rōd (XX. 7, 21)	Река Мургаб (Туркменистан)
13. Балх – Balkh-rōd (XX. 7, 22)	Река Балхруд, протекающая рядом с г. Балх (Северный Афганистан

14. Спед – Spēd- rōd(XX. 7, 23)	Река Сефидруд в Северном Иране, впадает в Каспийское море
15. Торт – Tort- rōd (Bd. XX. 24); другие названия реки: Рад – Rad-rōd и Koir-rōd (XX. 4)	Предположительно одна из рек Северного Ирана
16. Захавай – Zahāvayi-rōd (XX. 7, 25)	Мифическая река
17. Хварай – Khvaraē-rōd; другое название – Месрган – Mesrkān-rōd (XX. 7, 26)	Река Карун в Хузистане на юго-западе Ирана
18. Араз – Harhaz-rōd (XX. 7, 27)	Река Хераз в Мазандаране на севере Ирана, впадает в Каспийское море
19. Теремет – Teremet-rōd (XX. 7, 28)	Сурхандарья
20. Вендесес – Vendeses-rōd (XX. 29)	Одна из рек Систана
21. Касак – Kāsāk-rōd (XX. 30); другое название Касик – Kāsīk-rōd (XX. 7).	Предположительно одна из рек, протекающих рядом с г. Мешхед на Востоке Ирана.
22. Пайдамайан – P*ē*d*ā*k-mīyān-rōd; другое название Чатрумайан-*K*atru – mīyān-rōd (XX. 7, 31)	Река Ахангаран, приток Сырдарьи
23. Дарага – Dāraga-rōd(XX. 7, 31)	Река Дуродж на севере Афганистана
24. Навтаг-navtagh (Bd. XI. 6)	Не подлежит отождествлению
25. Зарренманд – zarrīnmand-rōd (XX. 34).	Река в пересохших участках системы от реки Лора до озера Заре
26. Вачаени – Va*k*aēni-rōd (XX. 34).	Одна из рек, на которые распадаются русла рек Гильменд, Фарахруда и Хашруда
27. Ардвисуре-Arēdvīsūr (Bd. 12.5; 13. 1-5)	Мифическая река

Анализ источников и составленная нами таблица позволяют сделать следующие выводы:

Из восемнадцати авестийских рек их названия сохранились лишь только в семи гидронимах «Бундахишна»: Аранг, Вехруд, Даитик (второе название Вахви-Даити), Даргам, Хетменд, Дарага, Зарренманд и Ардвисур.

Что касается других авестийских гидронимов, то предположительно в «Бундахишне» к ним могут относиться такие реки как Вендесес, Вачаени, Навтаг, Балх, Марв, Зенд, Харо, Касак, Теремет, Торт.

А теперь обратимся к отождествлению гидронимов «Бундахишна». Из названных в источнике рек, реально существуют Фрат – Евфрат, Диглат – Тигр, Зенд – Теджен (Южный Туркменистан), Хетменд – Гельменд (Систан, Афганистан), Марв – Мургаб (Туркменистан), Спед – Сефидруд (Северный Иран), Теремет – Сурхандарья (Юго-Восточный Узбекистан), Араз – Хераз (Мазандаран, Северный Иран).

К реально существующим рекам можно также отнести гидронимы, отождествление которых предположительно или является спорным: Араг – Сырдарья, Вехруд – Амударья, Даргам – канал в Самарканде, Зенд – одна из ре к Юго-Восточного Ирана, Харо – одна из рек Герата, Хварай – Карун (Юго-Западный Иран), Ахошир – одна из рек верховья Зеравшана (Таджикистан), Зишманд – один из притоков Сырдарьи, Торт – одна из рек Северного Ирана, Вендесес – одна из рек Систана (Афганистан), Касак – одна из рек, протекающих рядом с городом Мешхед (Восточный Иран), Пайдамайан – Ахангаран, один из притоков Сырдарьи (Узбекистан), Дарага – Дуродж (Северный Афганистан), Зарренманд – река в пересохших участках системы от реки Лора до озера Заре (Систан, Афганистан), Вачаени – одна из рек, на которые распадаются русла рек Гильменд, Фарахруда и Хашруда (Систан, Афганистан).

Реально существует, но пока не поддается отождествлению канал Навтаг.

К мифическим рекам относятся Захавай и Ардвисур.

Итак, проведенное нами исследование показало, что по сравнению с «Авестой» географический фон «Бундахишна» расширился. Увеличилось и количество

гидронимов до двадцати семи. Если авестийские реки в основном находятся в Афганистане (одиннадцать рек), республиках Средней Азии (три реки) и Иране (одна река), то гидронимы «Бундахишна» протекают не только по указанной территории. Теперь мы видим, что в Иране уже отождествляется шесть рек. В списках появляются Тигр и Ефрат, которые протекают в Турции, Ираке и Сирии. В результате можно заключить, что автор «Бундахишна» жил в Сасанидском Иране, поэтому список гидронимов в источнике увеличился за счет территории, куда входил Сасанидский Иран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лившиц В.А. Древнее название Сырдарьи / В.А. Лившиц // ВДИ, 2003. – № 1. – С. 5.
2. Хисматуллин А.А. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме / А.А. Хисматуллин, В.Ю. Крюкова. – Спб.: Центр «Петербургское Востоковедение, 1997. – С. 22. (Серия «Orientalia»)
3. Haug M. Essays on the sacred languages, writings, and religions of the Paris / M. Haug. -London: Kegan Paul, 1907. – P. 127-128.
4. Чунакова О.М. Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение Основы (Бундахишн) и другие тексты / О.М. Чунакова // Издание подготовлено О.М. Чунаковой. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – С.148.
5. The Zend-Avesta. Part I. The Vendîdâd / Translated by J. Darmesteter. – Oxf.: Oxford University Press, 1880. – 240 p. (SBE. Vol. IV); Part II. The Yasna, Visperad, Sîrôzahs, Yasts, Nyâyis. – Oxf.: Clarendon Press, 1883. – 384 p. (SBE. Vol. XXIII); Авеста в русских переводах (1861-1996) / Сост., общ. ред. примеч., справочный раздел И.В. Рака. – СПб.: «Журнал “Нева”, «Летний Сад», 1998. – 480 с.
6. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg:Trübner, 1904. Col. 194.
7. Ходжаева Н. Историческая география Центральной Азии по данным «Авесты» и пехлевийских источников: дис. ... канд. ист. наук / Н. Ходжаева. – Душанбе, 2000. – С. 76-78.
8. The Bundahis // The Bundahis, Bahman Yasht [Pahlavi], and Shâyast La-Shâyast [and:Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdsparam, brother of dastûr Pârs and Kirmân, A.D. 881. Part I., Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)] / Translated by E.W. West. – Oxford: Oxford University Press, 1880. – P.1-151. (SBE. Vol.V). Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн и другие тексты). Издание подготовлено О.М. Чумаковой . – М.: Изд-кая фирма «Восточная Лит-ра» РАН, 1997. – 352 с. (Памятники письменности Востока. CXIV); Boundahiš-I hindī / Tashīh va tarjoma-ye Ruqiya Bihzādī. – Tehran, 1368 (=1980).
9. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg:Trübner, 1904. Col. 730, 1350.
10. Op. cit. Col. 1510-1511.
11. Benveniste E. L’Eran-vez et l’origine legendaire des Iraniens / E. Benveniste // BSO(A)S – 1933-1935. – VII. – P. 267.
12. West E.W. The Bundahis // The Bundahis, Bahman Yasht [Pahlavi], and Shâyast La-Shâyast [and:Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdsparam, brother of dastûr Pârs and Kirmân, A.D. 881. Part I., Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)] / Transl. by E.W. West. – Oxford: Oxford University Press, 1880. – P. 59, note 1; P. 77, note 5.
13. Ходжаева Н. Историческая география Центральной Азии по данным «Авесты» и пехлевийских источников: дис. ... канд. ист. наук / Н. Ходжаева. – Душанбе, 2000. – С. 91.
14. Ibid. P. 77, note 4; Jule H.The geography and history of the upper waters of the Oxus // Wood J. A Journey to the source of the river Oxus. – London: John Murey, 1872. – P. XXIII; Bailey H.W Iranian Studies I. – BSOS,1930-1932. – Vol. 6, № 4. – P. 945-955; Benveniste E. L’Eran-vez et l’origine legendaire des Iraniens // BSO(A)S – 1933-1935. – VII. – P. 265-274; Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen un geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. – Leiden: E.J. BRILL, 1938. – 35 s; Christensen A. La chapitre du Vendidad et l’histoire primitive des tribus iraniennes. – København: E. Munksgaard : Bianco Lunos Bogtryk, 1943. – 92 p. (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historik-filologiske Meddelser 29/4) ; Duchesne-Guillemin J. La religion de l’Iran Ancien. – Paris: Presses Universitaires de France, 1962. – P. 143; Бартольд В.В. Аму-Дарья: Статьи из «Энциклопедии ислама» // Сочинения. Т.III. М.: Наука, 1965. – С. 319; Nyberg H.S. Biographie de Zaratustra dans le denkart // Acta Iranica 7. – Leiden : E.J. BRILL, 1975. – Vol. IV. – P. 503-519 ; Boyce M. A History of Zoroastrianism. – Leiden-Köln: E.J. BRILL, 1975. – Vol. I. – P. 144; Абаев В.И. Два зороастризма в Иране / В.И. Абаев // ВДИ, 1990. -№ 4. -С. 202; Пьянков И.В. Зороастр в истории места и времени / И.В. Пьянков // ВДИ, 1996. - № 3. – С. 14; Стеблин-Каменский И.М. Река иранской прародины / И.М. Стеблин-Каменский // Ономастика Средней Азии: сб. ст. // Ин-т этногр. Им. Н.Н. Миклохо-Маклая. – М.: Наука, 1978. – С. 14; Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь Ваханского языка / И.М. Стеблин-Каменский. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – С. 6; Bihzadi R.. See: Boundahis-i hindi / Tashih va tarjoma-ye Ruqiya Bihzadi. – Tehran, 1368 (=1990). – S. 35; Ходжаева Н. Локализация авестийских гор Хара

Березаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша / Н. Ходжаева. – Душанбе: Дониш, 2003. – С. 67-79.
15. Nyberg H.S. Die Religion des Alten Iran. – Lepzig: J.C. Hinrichs Verlag., 1938. – S. 251, 323; Boyce M. Op.cit. P. 100-101, 144; Гафуров Б.Г. Таджики. древнейшая, древняя и средневековая история / Б.Г. Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1989. – С. 72; Бушков В.И. К проблеме топонимов авестийских гимнов / В.И. Бушков // ЭО, 1998. - № 1. – С.61; Ходжаева Н. Локализация…/ Н. Ходжаева, -С. 79-89.
16. Ходжаева Н. Историческая география Центральной Азии по данным «Авесты» и пехлевийских источников: автореф. канд. ист. наук / Н. Ходжаева. – Душанбе, 2000. – С. 88.
17. West E.W. The Bundahis // The Bundahis… P. 78, note 3.
18. Ptolemaeus Claudius Geography. Book 6: Middle Asia, Central And North Asia, China / Text and English-Germany transl. By H. Humbach, S. Zieglar. – Wiesbaden: Reichert, 1998. – 260 p.
19. Пьянков И.В. Зороастр в истории и времени / И.В. Пьянков // ВДИ – 1996. – № 3. – С. 10-11.
20. Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья / В.А. Лившиц. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. - С.62-63.
21. Эшонкулов У. История земледельческой культуры Горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.) / У. Эшонкулов. – Душанбе, 2007. – С.30-31.
22. Там же.
23. Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: дис... канд. ист. наук / П.Б. Лурье. – СПб, 2004. – С.126-127.
24. Там же. С. 79.
25. West E.W. The Bundahis // The Bundahis… P. 79, note 2.
26. Op.cit. P. 79, note 3.
27. Op.cit. P.79, note 5; Bartholomae Chr. Altiranisches… Col. 1729; Christensen A. Le chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. – København : I Kommisssion Hos Ejnar Munksgaard, 1943. – P. 33, note 7; Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира / Дьконов И.М. // История иранского государства и культуры: сб. ст. / Ин-т Вост. АН СССР. – М.: Наука, 1971. – С. 138; Boundahiš-i hindī / Tashīh va tarjoma-ye Ruqiya Bihzādī. – Tehran, 1368 (=1990). – P. 528.
28. West E.W. The Bundahis // The Bundahis… P. 79, note 8.
29. Op.cit. P. 80, note 2; Чунакова О.М. Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума (дадестан-и меног-и храд). Сотворение Основы (Бундахишн) и другие тексты / О.М. Чунакова // Издание подготовлено О.М. Чунаковой. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – С. 334, сн. 317.
30. Там же.
31. Op.cit. P. 81, note 4, 7.
32. Лившиц. Древнее … С. 7.
33. West E.W. The Bundahis // The Bundahis… P. 82, note 2; P. 117, note 2.
34. Птицын Г.В. К вопросу о географии Шах-наме / Г.В. Птицын // Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. – Л., 1947. – Т. IV. – С. 303.
35. Ук. соч. – С. 307.
36. Ходжаева Н. Дис. ... канд. ист. наук / Н. Ходжаева. – Душанбе, 2000. – С. 19.
37. Pahlavi text. P. V: Marvels of Zoroastrianizm. Selections of Zâd-Sparam. – Oxf.: Clarendon Press, 1897. – P. 133-171. (SBE, Vol. XLVII).
38. Розова Л.И. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Таджикской ССР / Л.И. Розова. – М.: Наука, 1975. – С. 35.
39. Этимологический словарь иранских языков. Т.2. b-d / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. – М.: Вост. Лит., 2003. – С.351.
40. Якубов Ю. К проблеме времени и места рождения Заратуштры /Ю. Якубов //Авеста в истории и культуре Центральной Азии: сб. ст. / Ин-т Ист. Арх. и Этногр. АН РТ. – Душанбе: «Сурушан», 2001. – С. 36.
41. Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана / И.В. Рак. – СПб.-М.: «Журнал "Нева"» - «Летний Сад», 1998. – С.252.
42. Dīnā-ī Maīnog-ī Khirad // Dīnā-ī Maīnog-ī Khirad, Sikand-gūmānīk Vigar, and the Sad Dar – Oxf.: Oxford University press, 1885. – P. 1-113.
43. Herzfeld E/ Avestische topography //AMI . – 1930. – 2. – P. 88.
44. Stein A. Afganistan in Avestic Geography // IAnt. – 1886. – №. 15. – P. 23.
45. Bartholomae Chr. Altiranisches… P. 693.
46. Та'рихи Систан («История Систана») /Пер., введ. и коммент. Л. П. Смирновой. – М.: Наука, 1974. - С.59.
47. Monchi-Zadeh D. Topographisch-historioriche Studien zum Iranischen Nationaepos. – Wiesbaden: Kommissionsverlag Franz Steiner GMBH, 1975. – S. 120-123, 126.
48. Бушков В.И. К проблеме топонимов Авестийских гимнов / В.И. Бушков // ЭО, 1998. - № 1. – С. 65-66.
49. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg:Trübner, 1904. Col. 194
50. Jakson A.V.W Zoroaster, the prophet of Ancient Iran. – N.Y.-L.: Columbia University Press;

51. Nyberg H.S. Die Religion des alten Iran. – Lpz. J.C. Hinrichs Verlag, 1938. – S. 251.
52. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. э. / Б.И. Вайнберг. – М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1999. – С. 203.
53. Членова Н.Л. Волга и Южный Урал в представлениях иранцев и финно-угров во II – начале I Тыс. до н. э. / Н.Л. Членова // СА, 1989. – № 2. – С.229-237; Соколова З.П. Ардви Сура Анахита иранцев и “Злата баба” финно-угров / З.П. Соколова // СА, 1990.- № 3. – С.154.
54. Ук.соч. С. 229-237.
55. Lommel H. Anahita-Sarasvati // Asiatica. – Lepzig: Festschrift F.Weller. Lpz., 1954. – P. 405-413.
56. Boyce M. A History of Zoroastrianism. – Leiden-Köln, 1975. – Vol. I. – P. 72.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник Древней Истории. Москава.
ЭО – Этнографическое обозрение. Москва.
AMI – Archälogische Mitteilungen aus Iran. Berlin.
BS(O)AS – Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London.
BSOS – Bulletin of the School of Oriental Studies. London.

АВЕСТИЙСКИЕ РЕКИ В «БУНДАХИШНЕ»

Автор статьи рассматривает, как характеризуются авестийские реки в «Бундахишне», раннесредневековом письменном источнике, написанном на пехлевийском языке. Сравнительный анализ «Авесты» и «Бундахишна» показал, что географический мир «Бундахишна» расширился. Если в «Авесте» перечислено 18 рек расположенных в основном в Афганистане и республиках Средней Азии, то «Бундахишн» отмечает 26 рек, которые также протекают в Иране, Ираке, Турции и Сирии.

Ключевые слова: «Авеста», «Бундахишн», реки, отождествление, Центральна Азия.

AVESTAN RIVERS IN THE “BUNDAKHISHN”

The author of this article gives the description of Avestan rivers in the “Bundakhishn” in the early medieval writing sources, written in Pahlavi language. The comparative study of “Avesta” and “Bundakhishn” showed that geographic environment of the “Bundakhishn” increased. If in the “Avesta” 18 rivers are enumerated mainly in Afghanistan and in the countries in Central Asia but “Bundakhishn” mentions 26 rivers which flow in Iran, Turkey, Iraq and Syria.

Key words: “Avesta”, “Bundakhishn”, rivers, identification, Central Asia.

Сведения об авторе: ***Н.Ходжаева*** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. Телефон: **(+ 992) 918 64 91 85**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.А. РАНОВА ПО ИЗУЧЕНИЮ КАМЕННОГО ВЕКА ТАДЖИКИСТАНА

Сайфуллоев Нуритдин
Курган-Тюбинский государственный университет им. Носира Хусрава

Под каменным веком ученые понимают период, когда человечество еще не владело приемами плавки металла и пользовалось только каменными орудиями. Многолетние исследования показали, что древнейшие следы обитания человека на территории Таджикистана насчитывают около миллиона лет и относятся к древнекаменному веку (палеолиту). Широко распространены в республике – вплоть до высокогорий Восточного Памира – памятники гиссарской неолитической культуры.

Среди исследователей древней истории Таджикистана В.А.Ранов посвятил все свое творчество каменному веку и стал знаменитым специалистом данного периода. Он руководил и активно участвовал при раскрытии материальной культуры, в истории человечества исследуя период каменного века на территории Таджикистана.

Научную деятельность В.А.Ранова как исследователя каменного века Средней Азии можно разделить по регионам Таджикистана, где он занимался раскопками и руководил отрядом археологов.

В.А. Ранов был первым и среди среднеазиатских археологов, кто применил в археологии Таджикистана полеонологические исследования (совместно с М.М. Паховым). Благодаря этому мы имеем достаточно ясное представление о природной среде обитания людей от эпохи мустье до неолита. Большое значение имеют работы В. А. Ранова и почвоведа С.А. Ломова.

При несомненно преобладающем интересе к наиболее древним этапам каменного века, В.А. Ранов последовательно занимался комплексным изучением этого периода в целом, являясь пионером изучения нескольких его направлений. Им сделан существенный вклад во все этапы этого периода, т.е. каменного века.

Многогранная деятельность В.А. Ранова в основном освещается в его публикациях. Интересно, что среди научных работ В.А.Ранова 36 процентов написано с соавторами. И это тоже отражение особых свойств его характера, легкость контактов, желание работать сразу в нескольких научных направлениях

Нижний палеолит (950 или 800 - 200 тыс лет тому назад). Цифры, вынесенные в подзаголовок этого раздела, относятся к территории Таджикистана.[1]

На основе своих исследований по поводу данного периода В.А.Ранов отмечает: «…люди выделились из животного мира в Восточной Африке …и постепенно расселились по территории Старого Света. Это не единственная гипотеза, и как все научные гипотезы, она имеет свои сильные и слабые стороны. Однако, она наиболее логична, я излагаю эту гипотезу согласно фактическому материалу, который дают раскопки самых пока ранних стоянок человека каменного века».[2]

Древнейшая форма человека – гомо габилис – появилась в Африке, следующая – гомо эректус –обнаружена во многих местах, вплоть до Явы и Северного Китая. Возможно ли восстановить время освоения эректусом новых территорий? А может быть, переселение из Африки совершил габилис? Решить это непросто, ставит вопрос В.А. Ранов.[3]

«Расходясь по планете, человек менял свой облик.»[4] От этого лаконичного изречения ученого можно сделать вывод, что попадая в разные условия и климат первобытный человек приобретает разнообразный опыт приспосабливаясь к конкретным условиям. Таким образом, появились австралопитеки, питекантропы, синантропы, неандертальцы, кроманьонцы как антропологические типы человека и стали объектом изучения антропологии.

За свою долгую научную жизнь В.А.Рановым раскопано 14 стоянок, из которых 3 принадлежат к нижнекаменному веку (Кульдара, Каратау и Лахути).

Изучение лессового палеолита на территории Таджикистана – всецело заслуга В.А. Ранова. Изучение им палеолитических местонахождений встреченныхв ископаемых почвенных комплексах, залегающих в мощных лессовых образованиях региона, имеет исключительно важное значение для понимания развития древнейшей культуры не только Средней Азии, но и Центральной и Восточной Азии. На основе археологических признаков и геологических данных В.А. Ранов прослеживает три этапа развития древнекаменного века: древнейший – кульдаринский, средний - каратауский и поздний – лахутинский, указывая при этом плане Южный Таджикистан можно рассматривать как своеобразный полигон для изучения эволюции галечных культур. Безурозненное залегание стоянок в хорошо датируемых плейстоценовых палеопочвах, обосновывает создание схемы эволюции типологии галечных индустрий, в том числе идля регионов, где они были широко распространены, но не имели четкого стратиграфического положения.

Стоянка Кульдары, раскопанная в 1981-1983 гг., датируется возрастом 0,8 млн. лет. Палеолитическая стоянка Кульдара расположена в одноименном овраге, промытом в покровных лёссах юго-западнее кишлака Лахути (бывший Баймуш) Ховалингского района. Ситуация, в которой палеолитические орудия были найдены, определением,

что они включены в две погребенные почвы, лежащие на дне ущелья, на глубине 120 м, в толщине лёсса. Раскопки производились отрядом археологов во главе с В.А. Рановым на площади 66 кв. м. Возраст 11 и 12-й почв -800 тыс. лет, определяется благодаря хорошему стратиграфическому положению стоянки, но главное – благодаря четкой позиции палеомагнитных реперов.[5]

Помимо раскопанных памятников, изучение которых требовало подчас многих полевых сезонов, В.А. Рановым открыто много новых, ранее неизвестных памятников, подробно исследованы крупные стоянки, давшие обильный подъемный материал.

По мнению самого ученого, открытие в 1972 г. и многолетние исследования лессового палеолита являются одним из самых значительных результатов среднеазиатской доисторической археологии за последние 15-20 лет. Термин «лессовый палеолит» получил распространение и для других регионов. Привлекла внимание международной научной общественности и попытка В.А. Ранова скоррелировать археологические памятники всего огромного «лессового пояса», протягивающегося от Тихого до Атлантического океанов.[6]

Стоянка Каратау раскопки проведены в 1973-1974; 1981-1986 гг. демонстрируют особую фацию галечных культур, сменявших друг друга в течение почти 1 млн. лет.

Стоянка Каратау расположена на водоразделе хребта Яванский Каратау в 4 км юго-восточнее кишлака Чормағзак Яванского района. Первоначальный возраст этой почвы был определен другой термолюминесцентного анализа в 200 тыс. лет, но если опираться на изотопно-кислородную кривую, он будет в 3 раза старше – 600 тыс. лет.

Главной характеристикой каменных изделий стоянки является то, что индустрия Каратау демонстрирует хорошо выраженное проявление галечной техники – это в полной мере галечная культура, как ее понимают археологи.

Вторая крупная стоянка каратауской культуры встречена в следующей, 5-й палеопочве. Возраст этой почвы ранее определялся, помимо геологической позиции палеопочвы, двумя факторами: термолюминесцентной датой образца, взятого непосредственно ниже палеопочвы стоянки, - 130 ±15 тыс. лет и положением палеомагнитного эпизода Блейк (110 тыс. лет) сразу же над палеопочвой, лежащей на глубине 55 м от верхней точки разреза. Однако, новая дата, связанная с корреляцией, описанной выше, углубляет возраст стоянки до 500 тыс. лет (13 стадия кислородно-изотопной кривой).

Стоянка Лахути (раскопки 1976 и 1979гг.). Стоянка находится напротив кишлака Лохути Ховалингского района в месте слияния ручья Хошар и реки Обимазар. Полезная площадь раскопок 100 кв.м.

Всего в 600 м юго-восточнее стоянки Лохути, в примыкающем к ней разрезе Оби-мазар, но в более молодой, 4-й почве, принадлежащей к 11 стадии кислородно-изотопной шкалы (390-410 тыс. лет), раскопано значительное количество артефактов, образующих настоящую стоянку

Средний палеолит (200-35 тыс. лет тому назад). Исследование памятников среднего палеолита было положено А.П. Окладниковым совместно с В.А. Рановым при обследовании дна будущего Кайрак-Кумского водохранилища в 1954-1961 гг. Благодаря усилиям В.А. Ранова этот период в Таджикистане известен наиболее детально. Исследование шло по восходящей линии – от раскопок отдельных стоянок к выработке хронологических схем, установлению культурной принадлежности и связей, выявлению технических вариантов. Основными вехами стали раскопки в 1957 г. стоянки Кара Бура в Вахшской долине, в 1961 г. Джар Кутан в Северном Таджикистане, исследование стоянки Огзи Кичик в Дангаринском районе и 1971-1975 гг., стоянки Семиганч в 1964 г., Худжи в 1978 г. исследованные им памятники имели разнохарактерный типовой набор каменных орудий, что показало неоднородность индустрий и позволило выделить в Таджикистане 3 технических варианта: мустьеро-

соан, леваллуа-мустье, горное мстье (или мустье типичное). Это позволило конкретно понять особенности памятников, распространённых в Центральной Азии 60-40 тыс. лет назад. Схема, предложенная В.А. Рановым, была принята учеными за основу понимания мустьерской культуры в Центральной Азии. Вопрос о генезисе мустьерской культуры, составляющей объем среднего палеолита, дискуссионен.[7] В.А. Ранов является стойким адептом миграционной теории происхождения мустье в Средней Азии. Однако, не все исследователи принимают это положение.[8.

Худжи. Леваллуа-мустьерский технический вариант эпохи мустье.

Совсем иной облик имеют каменные орудия, полученные во время раскопок стоянки Худжи, находящейся недалеко от Шахринау в адырной полосе южных предгорий Гиссарского хребта. Стоянка расположена рядом с источником.

Стоянка связана с делювиальными лёссовидными суглинками, обогащенными линзами щебня. В основании этих отложений встречено два уровня находок.

Культурный слой вскрыт на площади 105 кв. м. он представлял собой неровную полосу, прослеживающуюся на расстоянии 20 м (частично слой был срезан при строительстве дороги). Существовала богатая древесная растительность с преобладанием хвойных-сосны. Иной климат фиксируется в период перехода к вышележащим лёссам.

Огзикичик - это пещерная стоянка в Южном Таджикистане, давшая наибольшее число хорошо выраженных мустьерских орудий в Средней Азии. Пещера Огзикичик расположена в сухих предгорьях юго-восточного склона хребта Себистон в 4 км северо-западнее кишлака Шаршар Дангаринского района.

В результате 5-ти полевых сезонов на площадке перед пещерой вскрыта площадь в 200 кв.м, на большей части которой сохранились следы стоянки каменного века.

Многие годы отдельные изделия, типологически хорошо диагностируемые как мустьерские, встречались на склонах лёссовых разрезов, и поскольку в 4-6 и более нижних палеопочвах имелись стоянки каратауской культуры, были высказаны предположения, что в 3-2палеопочвах должна находиться мустьерская индустрия . эта мысль подтвердилась в процессе раскопок стоянки Хонако, проведенных в 1995-1997 гг. в Ховалингском районе Й. Шефером и В.А. Рановым.

Памятник Карабура расположен на левом берегу реки Вахш в 37 км-юго-западнее города Курган-Тюбе и в 5км от посёлка Джиликуль, каменные орудия связаны с серией возвышенностей, разделённых между собой котловинами. Абсолютных дат здесь нет, а общая геологическая ситуация говорит о том, что скорее всего, памятник может быть сопоставлен с первой половиной вюрмского времени (70-40 тыс. лет).

Верхний палеолит (35-12 тыс. лет тому назад). Этот период в Таджикистане представлен только двумя памятниками. В.А.Рановым полностью исследована первая стратиграфическая четкая в Средней Азии многослойная стоянка Шугноу, раскопки которой осуществлялись в 1969-1970 гг., генезис верхнепалеолитической культуры В.А. Ранов уверенно выводит из фации горного мустье Огзи-Кичика, хотя не отвергает и возможность связи леваллуа-мустьерскими памятниками типа Худжи. Главным же вопросом верхнепалеолитической культуры является незначительная заселённость региона не только Таджикистана, но и сопредельных территорий.[9]

В.А. Ранов - руководитель группы по изучению каменного века в составе Памирского отряда Таджикской археологической экспедиции (начальник Б.А Литвинский), организованного Институтом истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР (в1956 г. Памирским отрядом руководил А.Н. Бернштам) – в 1956-1957 гг. – начальник группы по изучению каменного века Памирского отряда ТАЭ и археологического отряда Памирской экспедиции АН СССР. В 1960 г.- руководитель группы по изучению каменного века Памирского отряда ТАЭ. В 1972 г. руководил отрядом по изучению наскальных рисунков Западного Памира.

Хроника полевых работ В.А. Ранова на Памире такова: 1956г. – обследованы районы озер Шоркуль и Рангкуль; в пещере Чарыкташ был заложен шурф; окрестности восточнее биостанции Чечекты; напротив г. Мургаб – обследовались 30-ти метровые террасы нижнее течения р. Карасу; правый берег р. Аксу; севернее поселка Тахтамыш в урочище Куратумшук; за Кизилрабатом район мобильника Акбеит. Отдельные находки сделаны у подножья перевала Кызилрабат, на р. Манкарсу[10].

1957 г. – работа проводилась в низовьях р. Аличур и по правому берегу оз. Яшилькуль; в долине р. Ястык в районе Чиштепе и Джартыгумпеза, на оз. Зоркуль; правыйберег р. Аксу от Тахтамыша до г. Мургаба; на северном берегу оз. Каракуль и в долинах р. Уйсу (правый приток р. Маркансу)[11].

1958 г. – основные работы были сосредоточены на раскопках стоянки **Ошхана.** Разведки велись по р.Ошхана джилга; по среднему течению р.Пшарт, р. Кокуйбелсу, Куртекесаю, р.Аксу (среднее течение). Обследовано восемь карстовых образований типа навесов, гротов и пещер. Обнаружены рисунки на стенах в гроте Шахты и навесе Куртеке[12].

Всего за три полевых сезона зафиксировано около 30 пунктов. Включая находки со стоянки Ошхона, коллекция предметов насчитывает около 13000. 1960 г. – проведены раскопки в гроте Шахты и в навесе Куртеке. В широких масштабах продолжены раскопки стоянки Ошхона. Возобновлены разведки в долине р. Аличур. На северном берегу оз. Каракуль велись работы на новой стоянке «Каракуль»[13].

1972г. – изучены, учтены и скопированы наскальные рисунки (петроглифы) на западном Памире: летовка Тирель, выше кишлака Дебаста (Шугнан) – Выбистдара: - 1203 рисунка; в Вахане, в районе кишлака Лянгари Кишт – 5878 рисунков.[14].

Мезолит-эпипалеолит.(10-6 тыс. Лет до н.э.) Благодаря работам В. А. Ранова, значительно расширились представления и об эпохе мезолита. В 1958-1960, 1975-1976 гг. им и его учеником В.А. Жуковым, исследована многослойная стоянка Ошхона на Восточном Памире, где проведена широкая разведка во многих регионах высокогорного плато. В 1961-1963гг. В.А. Ранов раскопал пещерную стоянку Ак-Танги, расположенную на северном склоне Туркестанского хребта; исследовал стоянку Оби-Киик в Яванской долине.[15] Наибольшую известность получили раскопки крупного поселения Туткаул, два нижних слоя которого относятся к поэтапным стадиям мезолита. Анализ мезолитических комплексов позволил В.А. Ранову высказать гипотезу об отсутствии культурного единства среди изученных памятников и существовании также как и в мустье, двух линий развития.[16]

Говоря об исследованиях В.А. Ранова по мезолиту, нельзя не остановиться на одном из важнейших открытий, это монохромные росписи, обнаруженные в гроте Шахты (восточный Памир). В средней Азии подобные находки очень редки, к настоящему времени подобный памятник известен лишь в Узбекистане (навес Зараи Камар). Ценность подобных объектов состоит в том, что достоянием науки становится малоизвестная духовная культура древних людей. Подчеркнём также, что по всему месторасположению (4200 м над уровнем моря) это самые высокогорные образцы первобытного искусства в мире, кстати, самые древние в Таджикистане и Средней Азии.

В.А. Ранову принадлежит и обоснование периодизации наскальных изображений Памира, созданной на основании детальных полевых исследований двух крупнейших скоплений петроглифов Бадахшана: Выбистдары и Лянгара.

Эпоха неолита.(6-2 тысячилетие до н.э.) Среди работ В.А. Ранова важное место занимают исследования по неолиту. Им раскопан один из крупнейших памятников этой эпохи – Туткаул и продолжаются раскопки поселения Кангурттут. Оба памятника занимают значительное место в системе познания гиссарской хронологии неолитических стоянок Таджикистана, а также характер технико-типологического

развития каменных орудий для различных этапов гиссарской культуры. Исследования Кангурттута позволили наконец установить финальный этап неолита, долгое время не подававшийся хронологическому определению.[17]

Исследователь определил характеристики для выделения гиссарской культуры, детально рассмотрел её экономическую основу и место неолитических культур среднеазиатского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. История таджикского народа. Древнейшая и древняя история //Под ред. академика АН Республики Таджикистан Б.А.Литвинского и члена – корреспондента АН Республики Таджикистан В.А.Ранова.- Душанбе, 1998.- Том 1.- С.49-64.
2. Ранов В.А. Древнейшие страницы истории человечества./ В.А. Ранов. - М.: Просвещение, 1988.-С.4-5.
3. Ранов В.А. Древнейшие страницы истории человечества. / В.А. Ранов. - М.: Просвещение, 1988.-С.5.
4. Ранов В.А. «Древнейшие страницы истории человечества. / В.А. Ранов. -М.: Просвещение,1988.- С.6.
5. История таджикского народа. Древнейшая и древняя история; под ред. академика АН Республики Таджикистан Б.А.Литвинского и члена –корреспондента АН Республики Таджикистан В.А. Ранова.- Душанбе, 1998.- Том 1. -С.53.
6. Филимонова Т.Г. Ранов –исследователь древнейшей археологии Таджикистана / Т.Г. Филимонова. - Душанбе: Дониш, 1996. -С.28-30.
7. История таджикского народа. Древнейшая и древняя история; под ред. академика АН Республики Таджикистан Б.А. Литвинского и члена –корреспондента АН Республики Таджикистан В.А. Ранова.- Душанбе, 1998.- Том 1. -С.64-81.
8. Филимонова Т.Г. В.А. Ранов–исследователь древнейшей археологии Таджикистана / Т.Г. Филимонова. -Душанбе: Дониш, 1996. -С.30-31.
9. История таджикского народа. Древнейшая и древняя история; под ред. академика АН Республики Таджикистан Б.А.Литвинского и члена –корреспондента АН Республики Таджикистан В.А.Ранова.- Душанбе, 1998.- Том 1. -С.82-90.
10. Ранов В.А. Результаты разведок каменного века в 1956 г. / В.А. Ранов. (В урочище Зоркуль и на Восточном Памире) //АРТ (1956г.).-Душанбе, 1959.-С 23-37.-(Тр.АН Тадж. ССР. ИИАЭ; Т.103).
11. Ранов В.А. Результаты разведок каменного века в 1957 г. /В.А. Ранов. (В низовьях Вахша и на Восточном Памире //АРТ(1957г.), Вып.5.-С.21-42.-(Тр.АН Тадж ССР.ИИАЭ; Т.103).
12. Ранов В.А. Исследование стоянок каменного века Восточного Памира в 1958 г./ В.А. Ранов //АРТ Вып.6, 1961.-С.169-172.-(Тр.АН Тадж ССР.ИИ;Т.27);
13. он же, Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире(1956-1958 гг.) // Труды Таджикской археологической экспедиции (1954-1959г.). -М.-Л., 1964.-С.7-51.-(МИА,№ 124).
14. Ранов В.А. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 г. / В.А. Ранов // АРТ(1960г.), 1962. -Вып.8. -С.6-26.-(Тр.АН Тадж СР. ИИ;Т.34);он же; Стоянка на озере Каракуль//Изв. АН СССР.ООН, 1962. -№1. -С.66-82.
15. Ранов В.А. Наскальные изображения у кишлака Наматгут / В.А. Ранов // Изв АН Тадж.СР. ООН, 1957. -№14. -С.67-70.
16. Ранов В.А. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир) / В.А. Ранов // Изв АН Тадж ССР. ООН, 1960.-№1. -С.19-40.

17 Ранов В.А. Изучение наскальных изображений Западного Памира в 1972г. / В.А. Ранов //АРТ (1972 г.), 1976.-Вып. 12.-С.5-21.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.А.РАНОВА ПО ИЗУЧЕНИЮ КАМЕННОГО ВЕКА ТАДЖИКИСТАНА

Среди исследователей древней истории Таджикистана В.А. Ранов посвятил все свое творчество каменному веку и стал знаменитым специалистом данного периода. Он руководил и активно участвовал при раскрытии материальной культуры, в истории человечества исследуя период каменного века на территории Таджикистана. Научную деятельность В.А. Ранова как исследователя каменного века Средней Азии можно разделить по регионам Таджикистана, где он занимался раскопками и руководил отрядом археологов.

В.А. Ранов был первым и среди среднеазиатских археологов, кто применил в археологии Таджикистана полеонологические исследования (совместно с М.М. Паховым). Благодаря этому мы имеем достаточно ясное представление о природной среде обитания людей от эпохи мустье до неолита.

Ключевые слова: каменный век, палеолит, мезолит, неолит, палеонологические исследования,гиссарская культура, Кульдара, Каратау, Лохути, Туткаул, Худжи, Огзикичик, Кангурттут, «лессовый палеолит» австралопитеки, питекантропы, синантропы, неандертальцы, кроманьонцы как антропологические типы человека

V.A.RANOV'S WORKS IN THE STUDY OF STONE AGE OF TAJIKISTAN

Among the researchers of ancient history of Tajikistan devoted all his scientific works to Stone Age and became a famous expert in a given period. Having exploring the period of Stone Age on the territory of Tajikistan he led and participated actively in the disclosure of material culture, in the history of mankind. V.A.Ranov's scientific works as a researcher of Stone Age in Central Asia can be divided in regions in Tajikistan, where he carried out archeological excavations and led a group of archaeologists.

V.A.Ranov was the first among the Central Asian archaeologists who applied in archaeology of Tajikistan paleontological studies (jointly with M. M. Inguinal). Due to this we have enough clear idea of the natural habitats of people from the age of Moustiers to the Neolithic age.

Key words: Stone Age, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, paleontological researches, Hissar culture, Kuldara, Karatau, Lohuti, Tutkaul, Khudji, Ogzikichik, Kangurt, «loessial Paleolithic» Australopithecus, Pithecanthropus, Peking man, the Neanderthals, Cro-Magnon man as anthropological types of human.

Сведения об авторе: ***Сайфуллоев Нуритдин*** **–** соискатель Курган-Тюбинского государственного университета им. Носира Хусрава. Телефон:**935-01-05-87**

ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПОДРОСТОВ» И «СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Б.С.Сафаралиев, Н.С.Кольева
Челябинская государственная академия культуры и искусств, Россия,
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, Казахстан

Определение специфики содержания исследуемых понятий «информационная компетенция» и «социокультурное образовательное пространство» может быть осуществлено на основе комплексного использования теоретических и эмпирических методов исследования и предполагает обращение к историко-педагогическому анализу и эволюции данных понятий (выделение основных этапов данного процесса, их характеристика и рассмотрение в каждом этапе генезиса центрирующих понятий). Проведенный в рамках нашего исследования анализ научно-методической и психолого-педагогической литературы, диссертационных исследований, периодических публикаций позволил нам заключить, что в своем развитии информационные технологии, а также понятия «компетенция», «социокультурное пространство» прошли три основных этапа.

I этап (50-90-е гг. XX в.). Некоторые ученые считают, что ориентированное на компетенции образование сформировалось в 50-60-х годах в Америке в общем контексте предложенного Н. Хомским (Массачусетский университет) понятия «компетенция» применительно к теории языка, трансформированной грамматике. Н. Хомский провел фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим – слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях).

В середине XX в. Р. Уйат использовал понятие компетенция для описания особенностей, связанных с превосходным выполнением работы и высокой мотивацией отдельных лиц, определив, что успешные и эффективные исполнители отличаются от менее успешных не только и не столько знаниями, сколько эффективной саморегуляцией, самосознанием и развитыми социальными навыками [1]. Скиннером компетентностный подход введен в 70-х годах для решения людьми новых проблем в незнакомых ситуациях [2].

Некоторые исследователи основоположниками компетентностного подхода в российском образовании считают С.Т. Шацкого и его последователей, дидактическую

школу Скаткина-Лернера-Краевского, представителей системно-мыследеятельностной педагогики П.Г. Щедровицкого и др. [3].

В конце 80-х годов XX века российские ученые (С.Б. Гершунский, И.А. Зимняя, Н.В. Колпакова, А.М. Маркова, Н.Т. Печенюк, Р.К. Шакуров и др.) рассматривают понятие «компетенция» как способность личности грамотно использовать полученные знания, умения, навыки и жизненный опыт при решении практических задач, в стандартных и нестандартных ситуациях.

Зимняя И.А. [4] выделяет три этапа становления компетентностного подхода в образовании: первый (1960-1970 гг.) связан с введением в научный аппарат категории «компетенция», созданием предпосылок разграничения понятий категории компетентность/компетенция; второй (1970-1990 гг.) соотносится с использованием категории компетентность/компетенция в теории и практике обучения языку, профессионализму в управлении, руководстве, менеджменте, в обучении общению; третий (с 1990 г.) характеризуется исследованием компетентности как научной категории применительно к образованию. Перейдем к рассмотрению истории развития *социокультурного* пространства и социально-культурной деятельности.

Анализ литературы показал, что в период с 1945-1993 гг. социально-культурная деятельность имела название культурно-просветительная работа. Теория культурно-просветительной работы изучалась на стыке двух наук – педагогики и теории идеологической работы с 1980 г. Сформировано понимание культурно-просветительной работы, как клубной деятельности. Исследования М.С. Андреевой, В.М. Рябкова посвящены общеисторическим исследованиям культурно-просветительной работы.

В период 70-80-х гг. понятие «досуг» рассматривалось в системе категорий «рабочего», «внерабочего» и «свободного времени», и определялось как нерегламентированная, добровольная деятельность. Другая точка зрения сводилась к определению досуга как деятельности, направленной на всестороннее развитие человека, акцент делался на многообразие занятий вне сферы труда, семьи и быта [5].

Фундаментальными исследованиями проблем свободного времени в 80-е годы явились работы Г.А. Евтеевой и В.Е. Триодина. В работах этих авторов основательно рассмотрены психолого-педагогические основы использования личностью свободного времени, проанализированы интересы и духовные потребности различных социальных групп населения, раскрыты конкретные структуры досуговых занятий, выявлены соотношения клубных и внеклубных форм занятии в свободное время.

До 1990-х гг. культурный досуг изучался лишь в контексте общественно-бытовой жизни, как средство идеологического воспитания (в рамках истории культпросвет работы), а также в контексте противопоставления рабочего, внерабочего и свободного времени [6]. В самостоятельное направление История социально-культурной деятельности выделяется с начала 1990-х гг. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Данный этап характеризуется введением в научный аппарат категории компетентность/компетенция, пониманием различий между понятиями.
2. Сформировано понимание культурно-просветительной работы, выделено самостоятельное направление История социально-культурной деятельности.

II этап (90-2000-е гг. XX в.). Для этого этапа в отечественной науке характерно активное изучение феномена компетентность/компетенция. Анализ научной литературы показал, что проблема развития компетентности является междисциплинарной, поскольку различные ее аспекты рассматриваются в философии, психологии, педагогике, социологии, менеджменте. Изучаемый термин «компетенция» неоднозначен, разброс мнений в работах исследователей по вопросу определения и содержания рассматриваемого понятия достаточно велик. Отметим большой вклад в

разработку проблем компетентности в целом и компетенций (компетентностей) именно российских исследователей – Л.П. Алексеевой, Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой, Л.М. Митиной, Л.А. Петровской, Г.И. Сивковой, Н.С. Шаблыгиной и др.

Второй этап исследования феномена компетентность/компетенция характеризуется появлением работ А.К. Марковой, где в общем контексте компетентность становится предметом специального всестороннего рассмотрения. Также в этот период Л.М. Митиной было продолжено исследование Л.А. Петровской в плане акцента на социально-психологический и коммуникативный аспекты компетентности учителя, где подчеркнута сложная интегративная природа компетентности.

В научных изданиях и диссертационных исследований данного периода рассматриваются: профессиональная, информационная, социальная, психологическая, коммуникативная, правовая, социокультурная, педагогическая компетентность. Многообразие и разноплановость исследований в данном направлении свидетельствует о высокой актуальности этой проблемы. Каждый из перечисленных видов компетентности имеет свои особенности, в силу специфичности выполняемой деятельности, однако в их структуре обнаруживаются объективно необходимые общие элементы – знания, умения и навыки.

Рассмотрим историю развития социально-культурной деятельности и социокультурного пространства на данном этапе.

Анализ педагогической литературы 90-х годов показал, что социально-экономическая ситуация в стране повлияла на развитие культурно-просветительной работы:

–изменено содержание, направление и название культурно-просветительной работы на «социально-культурную деятельность»;

–культурно-досуговая деятельность – одно из основных направлений.

Это повлияло на научные подходы, классификацию, и содержание функций культурно-просветительной работы, социально-культурной деятельности.

В 90-е годы теория и практика культурно-досуговой деятельности обогатились исследованиями А.Д. Жаркова, Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова, В.Д. Луганского, М.М. Поплавского, В.Я. Суртаева, Б.А. Титова. В исследованиях Б.А. Титова впервые во всей полноте рассмотрен процесс социализации детей, подростков и юношества в сфере досуга. В.Я. Суртаев раскрыл специфику молодежного досуга, определил социально-педагогические условия стимулирования культурно-досуговой деятельности молодежи [7].

В данный период становится актуальным проблемы социального проектирования центров досуга, региональной культурной политики и формирования культурно-досуговых программ. Большое значение для решения обозначенных проблем стали исследования Г.М. Бирженюка, И.В. Жежко, А.П. Маркова, С.Г. Пановой, В.М. Розина, А.В. Фалина и др. [8].Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Появляются педагогические исследования, посвященные формированию профессиональной, информационной, социальной, психологической, коммуникативной, правовой, социокультурной, педагогической компетентности. Каждый вид компетентности имеет свои особенности, но в структуре обозначены общие элементы – знания, умения и навыки.
2. Данный период характеризуется появлением научных основ общей теории социально-культурной деятельности, разработана методология историко-педагогических исследований, сформирован и уточнен понятийный аппарат.

III этап (начало XXI в. и по настоящее время). Данный этап можно назвать этапом утверждения компетентностного подхода, характеризуется активным использованием категорий компетентность/компетенции в образовании. В 2002 г.

состоялись многочисленные обсуждения компетентностного подхода. В этот период была сформулирована современная модель компетентностного подхода как с точки зрения актуализации альтернативных подходов, внутренних противоречий и проблем так и с точки зрения используемых идей и представлений.

А.В. Хуторской считает, что высказанные в то время идеи, в том числе представленные на IX Всероссийской научно-практической конференции «Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление», позволили сформулировать некоторый обобщенный образ наиболее значительных элементов компетентностного подхода в отечественной педагогике.

В связи с этим, А.В. Хуторской дифференцирует образовательные компетенции по тем же уровням, что и содержание образования:

– ключевые (реализуемые на метапредметном, общем для всех предметов содержании);

– общепредметные (реализуемые на содержании, интегративном для совокупности предметов, на образовательной области);

– предметные (формируемые в рамках отдельных предметов).

В диссертационных исследованиях рассматриваются проблемы компетентностного подхода в образовании: «Проектирование образовательного процесса в педагогическом вузе на основе компетентностного подхода» (Беспалова В. В., 2011 г.), «Подготовка конкурентоспособного компетентностного подхода» (Третьякова Н.В., 2010 г.), «Компетентностный подход к обучению учащихся непрофильных классов математике и естественно-научным дисциплинам» (Мишакина М.Г., 2009 г.) и др. Появляются работы, которые посвящены исследованию информационной грамотности, культуры учащихся; развитию информационного мировоззрения студентов, учителей; проектированию информационно-образовательной среды; рассмотрению педагогических условий, способствующих становлению и развитию информационной компетентности студентов ВУЗа и учителей. Например, «Информационная культура как фактор взаимодействия общественного и индивидуального» (Водопьянова Н.А., 2001 г.), «Формирование информационной культуры учащихся педагогических училищ, колледжей» (Андреева В.Ю., 2003 г.), «Технология развития информационной компетентности старшеклассника» (Тришина С.В., 2005 г.), «Педагогические условия организации становления информационно-технологической компетентности учащегося в общеобразовательной школе» (Мартынова Е.В., 2007 г.), «Формирование информационной компетентности учащихся в условиях профильного обучения общеобразовательной школы» (Хурум Р.Ю., 2010 г.).

Третий этап развития социально-культурной деятельности характеризуется появлением концепции определения эффективности данного вида деятельности. Эффективность учреждений культуры рассматривается с точки зрения социально-экономической эффективности. Современная эффективность социально-культурной деятельности учреждений культуры зависит от того, насколько они готовы действовать в современных условиях, понять и определить свое место в обществе, найти своего потребителя. Это представляется возможным благодаря проектной деятельности, расширению перечня оказываемых услуг, поиску дополнительных средств, разработке критериев эффективности, исходя из перечня услуг. В практику социально-культурной деятельности внедряется понятие «культурная услуга». Оценка качества предоставления услуг является важнейшим элементом оценки эффективности деятельности культурно-досуговых учреждений. Она позволяет корректировать направления развития учреждения, устанавливать адресность услуг и обеспечивать обратную связь, необходимую для устойчивой и способной к развитию системы [7].

В данный период издаются учебно-методические материалы, учебники (Д.В. Шамсутдинова, Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников и А.Д. Жарков), в которых изложены новые научные подходы к функциям социально-культурной и культурно-досуговой деятельности, при сохранении отдельных элементов исследований предыдущих лет [9]. Ю.Д. Красильников выделяет следующие функции социально-культурной деятельности: коммуникативную; информационно-просветительную; культуротворческую; рекреативно-оздоровительную [8]. Основными результатами третьего этапа являются:

1. Понимание исследователями необходимости целенаправленного формирования информационной компетенции, в связи с этим, активизация исследований в области развития информационной компетенции, обоснование теоретико-методологической базы.
2. Проведен исследователями анализ феномена досуга с позиций теории культуры, сделан акцент на культурные потребности, являющиеся мотивом для досуговой деятельности.

Анализ зарубежных и отечественных исследований по проблеме показывает, что в настоящее время образование столкнулось с достаточно трудной и неоднозначно решаемой исследователями задачей определения единого толкования данных понятий, в связи, с чем нет общепринятых определений.

ЛИТЕРАТУРА

1. White R.W. Motivation Reconsidered: the Concept of Competence / R.W. White // Psychological Review, 1959. - № 66. – P. 297-333.
2. Stoof A. Что такое компетенция? Конструктивный подход как выход из замешательства: перевод с англ. Е. Орел // OPEN UNIVERSITY OF THE NETHERLANDS. Дата публикации: 12 мая 2004 г.
3. Щедровицкий П.Г. Знак и деятельность: в 3 кн. Кн. 1. Структура знака: смыслы, значения, знания: 14 лекций / П.Г. Щедровицкий. – М.: Восточная литература, 2005. – 463 с.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И.А. Зимняя // Высшее образование сегодня, 2003. - № 5. – С. 34-42.
5. Гурин Н.А. История социально-культурной деятельности как самостоятельное научное направление / Н.А. Гурин // Молодой ученый, 2011. – №11. Т.2. – С. 42-45.
6. Смолянинова О.Г. Инновационные технологии обучения студентов на основе метода Case Study / О.Г. Смолянинова. - М. – сборник «Инновации в российском образовании», ВПО, 2000. – С. 103-111.
7. Рябков В.М. Историография педагогической теории социально-культурной деятельности (вторая половина XX – началоXXI вв): дис. … д-ра. пед. наук / В.М. Рябков. – Челябинск, 2009. – 470 с.
8. Рябков В.М. О применении метода периодизации в историографии социально-культурной деятельности / В.М. Рябков // Мир науки, культуры, образования, 2009. - № 3. – С. 233-237.
9. Шамсутдинова Д.В. Социально-культурная интеграция личности в сфере досуга / Д.В. Шамсутдинова. – Казань: КГУ, 2001. – 256 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПОДРОСТОВ» И «СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

В статье историография исследованной проблемы представлена тремя этапами: *Первый этап* (50-90-е гг. XX века) характеризуется введением в научный аппарат категории компетентность/компетенция, созданием предпосылок различий между понятиями; выделением самостоятельного направления История социально-культурной деятельности. *На втором этапе* (90-2000-е гг. XX века) появляются педагогические исследования, посвященные проблеме формирования различных видов компетентности (профессиональной, информационной, социальной, психологической, коммуникативной, правовой, социокультурной и педагогической). Разработана методология историко-педагогических исследований, сформирован и уточнен понятийный аппарат социально-культурной деятельности. *Третий этап* (2000 г. и по настоящее время) характеризуется комплексными исследованиями в области развития информационной компетенции, обоснованием теоретико-методологической базы; проведен исследователями анализ феномена досуга с позиций теории культуры, сделан акцент на культурные потребности, являющиеся мотивом для досуговой деятельности.

Ключевые слова: историко-педагогический анализ, информационная компетенция подростков, социокультурное образовательное пространство

HISTORIOGRAPHY BECOMING CONCEPT OF «INFORMATION COMPETENCE UNDERGROWTH» AND «SOCIO-CULTURAL EDUCATIONAL SPACE»

The paper studied the problem historiography presented in three stages: The first stage (50-90-ies. Twentieth century) is characterized by the introduction of a scientific apparatus category of competence / expertise, creating the preconditions of differences between concepts, the release of an independent direction history of social and cultural activities. In the second phase (90-2000-ies. Twentieth century) appear pedagogical research on the problem of the formation of different types of competence (professional, informational, social, psychological, communication, legal, social, cultural and educational). The methodology of historical and educational research created and refined conceptual framework of social and cultural activities. The third phase (2000 to the present) is characterized by comprehensive research in the field of information competence, substantiation of theoretical and methodological framework; the researchers conducted an analysis of the phenomenon of leisure activities from the standpoint of the theory of culture, an emphasis on cultural needs, which are the motivation for leisure-time activities.

Key words: historical and pedagogical analysis, information competence teenagers socio-cultural educational environment

Сведения об авторах: ***Сафаралиев Б.С.*** - доктор педагогических наук, профессор Челябинской государственной академии культуры и искусств. Телефон**:+ 9634623048**. E-mail: **bozorsafaraliev@mail.ru** ***Кольева Н.С.*** **-** старший преподаватель кафедры «Информационные системы» Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева. Телефон: **8(777)3255573**. E-mail: nkoleva@mail.ru**.**

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ СПЕЦИАЛЬНОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ОБОРУДОВАНИЯ (1945 ПО 1991 ГГ.)

И. А. Коженкин
Челябинская государственная академия культуры и искусств, Россия

Великая Отечественная война нанесла библиотекам СССР значительный ущерб, как книжным фондам, так и материальным ценностям. Большое число библиотечных зданий было разрушено. Резко ухудшилась материальная база библиотек: 35% всех библиотек системы Комитета по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР не имели к 1946 г. самостоятельных помещений. Только в РСФСР библиотечная сеть только сократилась с 10 985 библиотек в 1940 г. до 7337 – в 1943 г. [11, с. 18].

Начатый в 1930-х годах масштабный процесс библиотечного строительства из-за войны был приостановлен. Снизилась и интенсивность научных разработок в области библиотечного оборудования. Из активно работающих авторов можно назвать М. Я. Гильмана, который в 1948, 1953 и 1954 гг., выпустил пособия, посвященные проектированию и оборудованию библиотек [1-3], однако, в части оборудования они были сделаны в основном на довоенном научном материале (в частности, редактором пособия 1954 г., отдавая дань погибшему в 1941 г. другу, указан И.П. Жук, внесший в довоенный период значительный вклад в разработку вопросов библиотечного оборудования).

Постепенное восстановление промышленности сделало возможным в 1950-х годах возвращение к планам масштабного строительства библиотек. Перед местными органами власти ставится задача «обеспечить библиотеки достаточными и благоустроенными помещениями…» [9, с. 33]. М.Я. Гильман писал, что в РСФСР только в 1951 г. планируется открыть 1245 новых сельских библиотек [там же]. В 1955 г. на фоне возрастающей потребности в новом библиотечном оборудовании в структуре научно-методического отдела ГБЛ был организован сектор архитектуры, строительства и оборудования библиотек [18 , с. 382]. Возглавил его Ф.Н. Пащенко. В 1961 г. сектор был преобразован в научно-исследовательский отдел архитектуры и оборудования библиотек.

Важное значение для развития разработок в области библиотечной мебели и оборудования имели директивы XX съезда КПСС (1956 г.) и постановление ЦК КПСС (1959 г.) «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране», указывающих на необходимость укрепления материально-технической базы библиотек. Руководством страны была поставлена задача «оказания необходимой помощи библиотекам по укреплению их материально-технической базы, а также для замены в действующих библиотеках устаревшего оборудования, не отвечающего современным условиям работы» [27, с. 5]. Целенаправленная государственная поддержка библиотечного строительства послужила стимулом к созданию целой научно-практической отрасли, занимающейся вопросами строительства и оборудования библиотек. При библиотеках открывались специальные исследовательские отделы, организовывались проектные институты, создавались предприятия, специализирующиеся на производстве оборудования и мебели для библиотек; появились периодические издания, освещающие вопросы библиотечного оборудования.

Другой тенденцией послевоенного времени стало постепенное самоустранение библиотечных специалистов от решения вопросов библиотечной архитектуры и оборудования. Незадолго до начала войны Ф.Н. Пащенко критиковал библиотекарей за пассивную позицию [16]. По мнению Ю.Н. Столярова в 1950-е годы инициатива в вопросах архитектуры, планировки и оборудования библиотек перешла к библиотечным архитекторам, среди которых он называет Ф.Н. Пащенко, Г.В. Мейендорфа, М.Я. Гильмана [18, с. 382]. Этот процесс отразился и в библиотечном образовании: изучение архитектуры и оборудования библиотек осуществлялось во всех библиотечных вузах, но объем часов в послевоенный период резко сократился относительно довоенного и дореволюционного периода [13, с. 108 – 112]. Уральский исследователь К.Б. Лаврова считает, что основной причиной перехода инициативы в руки архитекторов была смена формально-технической концепции сущности библиотековедения, господствовавшей в XIX и первой половине XX вв. на документалистскую концепцию [13, с. 16–18].

Архитекторы были вынуждены вникать в библиотечные технологические процессы и брать на себя функции специалистов библиотечного дела. Выдающаяся роль в разработке направления библиотечной архитектуры принадлежит Ф.Н. Пащенко. Ф.Н. Пащенко был архитектором, но его вполне можно считать библиотековедом по его научному подходу. Он раньше библиотечных специалистов описал основные библиотечные потоки в библиотеке, разработал требования к их движению и построил графики этих потоков [22, с. 427].

В 1958 г. Ф.Н. Пащенко выпустил первый альбом библиотечного оборудования для сельских и районных библиотек [15], в котором дал чертежи и описание усовершенствованных за 20 лет моделей библиотечного оборудования, привел описание материалов и некоторых технологий мебельного производства, обозначил требования к оборудованию. Это издание должно было помочь начинающемуся в стране серийному производству специальной мебели и оборудования. Представленные в альбоме виды оборудования разработаны применительно к сельской местности и могут быть изготовлены не только на крупных предприятиях, но и в небольших мастерских.

Подчеркивание технических характеристик оборудования альбомов 1950-1960-х гг. было обусловлено бурным развитием промышленности и технологий металлообработки и деревообработки. Э.О. Шуберт указывает на то, что «архитектурно-художественное и конструктивное решение оборудования определялось технологией современного производства мебели» [27, с. 5]. В 1959 г. был издан альбом архитектора Г.В. Мейендорфа, посвященный оборудованию из металла [3]. Им же

разработан стеллаж из штампованной тонколистовой стали, который позже будет назван его именем. Стеллаж предназначался для оснащения книгохранилищ и представлен передовой конструкцией, отвечающей требованиям безопасного хранения книжных фондов. Конструкция стеллажа с небольшими доработками используется до настоящего времени. Технологические требования, направленные на увеличение вместимости фондового библиотечного оборудования при сохранении удобного доступа к любой его части, привели к разработке отечественными специалистами системы компактного хранения книг. Эта система является основным видом современного оборудования книгохранилищ и позволяет максимально плотно загружать объем помещения книгами. В основе системы компактного хранения книг был использован стеллаж Мейендорфа, установленный на рельсы и двигающийся с помощью редукторного механизма.

В последующем библиотечная мебель и оборудование трансформировались под воздействием развивающейся библиотечной технологии. Как отмечает Ю.Н. Столяров, крупным событием для развития библиотечного дела в нашей стране в конце 1950-х гг. стало повсеместное внедрение открытого доступа читателя к библиотечным фондам [28, с. 272]. В связи с этими переменами в 1961 г. Ф.Н. Пащенко переиздал альбом чертежей библиотечного оборудования. В издании представлены специальные стеллажи для открытого доступа и ряд новых моделей оборудования. Принципиально технический подход к формированию наименований изделий наметившийся в 1950-х гг. утвердился в классификации специального библиотечного оборудования и сохранялся вплоть до 1980-х годов.

Развитие новых принципов доступа читателей к фонду привело также к появлению в библиотеке «особого оформления книг, стеллажей, библиотечного интерьера…, в том числе в виде внутристеллажных и внутриполочных выставок» [28, с. 272]. Трансформация технологии приводит к изменениям и в конструкции некоторого библиотечного оборудования. В частности, в конструкции библиотечного стеллажа для открытого доступа появляется новая техническая характеристика – перевод полки в наклонное положение.

Еще одной тенденцией конца 1950-х – начала 1960-х гг. стало применение гибкой планировки библиотечных зданий. Во введении к своему альбому Э.О. Шуберт отмечал, что «основная идея альбома, заключается в создании таких образцов библиотечной мебели, которые обеспечат возможность широкой трансформации» [27, с. 5].

С 1960-х гг. началось активное изучение технических средств механизации и автоматизации в библиотеках. В дальнейшем это научно-теоретическое направление получило мощное развитие и оказало значительное влияние на осмысление вопросов материально технической базы библиотек в целом. В 1964 г. по инициативе Ф.Н. Пащенко был создан Координационный центр европейских социалистических стран по вопросам архитектуры, строительства, оборудования, механизации и автоматизации библиотек. Результатом работы центра стала фундаментальная монография, изданная в Германии в 1985 и переведенная на русский язык в 1993 г. [5].

В 1960-е гг. особую значимость приобрела идея массовости, в том числе массового обслуживания в библиотеках. Это послужило стимулом стандартизации подходов в проектировании оборудования и мебели, а также дальнейшего развития серийного производства на мебельных предприятиях и заводах Советского Союза. Наиболее значимым результатом процессов стандартизации можно считать подготовку и введение в 1985 и 1986 гг. отраслевых стандартов по библиотечному оборудованию, устанавливающих номенклатуру основных показателей качества стеллажей, кафедр, и каталожных шкафов, включаемых в ТЗ на НИР по определению перспектив развития этой продукции.

В 1966 г. был завершен этап в разработке проекторной документации на комплекты библиотечной мебели, демонстрировавшейся в Москве на выставке «Инфорга-65». По итогам работы было выпущено пособие составленное, О. Ф. Коршуновым [17]. В пособии описаны новые системы передвижных и двухъярусных стеллажей, а также даны описания основного библиотечного оборудования. В 1966 г. Министерство культуры РСФСР наметило серийный выпуск этой продукции на предприятиях своего ведомства. Достаточно полно перечень публикаций и изданий за этот период отражен в каталоге библиотечного оборудования, подготовленном методическим отделом ЦНТБ Минхимпрома [4]. В нем же приводится перечень адресов предприятий, изготавливающих библиотечное оборудование, включающий 14 предприятий.

В 1967 г. деятельность отдела архитектуры и оборудования библиотек ГБЛ была свернута в связи с образованием проблемно-отраслевых научно-исследовательских институтов Госстроя и Госгражданстроя СССР. В 1960-1980 е гг. при ГПНТБ СССР и при некоторых республиканских библиотеках (Литва, Белоруссия) функционировали специальные отделы, занимающиеся вопросами строительства и оснащения библиотек. Тогда же было опубликовано значительное количество статей и монографий, разработано много видов нового оборудования. Разработкой библиотечного оборудования в это время занимались О.Ф. Коршунов [15], Э.О. Шуберт. [27], В.И. Земсков, Г. Эльбурих [10], Б. Мастеров [26], В. Страшнов, Л. Хейфец [23], В. Запрудский [19], С.А. Пищальников [20], Н.Х. Асфендияров [2] и др. К сожалению, эту работу выполняли архитекторы и инженеры, без сколько-нибудь значимого участия со стороны библиотечных специалистов. Следствием такого положения стали накапливающиеся функциональные ошибки производимого оборудования.

Важной вехой в истории изучения библиотечного оборудования и мебели второй половины XX в можно считать специализированную выставку образцов библиотечного оборудования, организованную Министерством культуры РСФСР в Москве в 1975 г. На выставке были представлены 217 образцов серийных производителей библиотечной мебели и оборудования СССР [24, с. 35].

Анализируя общее состояние отрасли производства библиотечного оборудования в это время, В.Р. Фраучи отмечал, что «не все заводы выпускают изделия в соответствии с существующими стандартами, подчас игнорируя основные антропометрические параметры и строительную модульность» [там же, с. 35]. Автор видел решение в создании общесоюзного межведомственного проектно-конструкторского и координационного центра, определяющего политику в области конструирования библиотечной мебели и оборудования, направляющего деятельность заводских конструкторских бюро для обеспечения потребностей библиотек [Там же, с. 38].

Важным этапом в развитии теоретических представлений о библиотечной мебели и оборудовании можно считать дискуссию об объекте и предмете библиотековедения, развернувшуюся на страницах профессиональной печати в 1970-х гг. Итогом дискуссии признание того, что материально-техническую базу библиотек изучает особый раздел библиотековедения.

Таким образом, в период с 1945 – 1991 г. производство и изучение библиотечной мебели и оборудования получили мощное развитие. Это было связано с государственной поддержкой и планами правительства по развитию библиотечной сети страны. Активная разработка этих вопросов привела к становлению целой научно-практической отрасли, занимающейся вопросами строительства и оборудования библиотек. Начиная с 1950-х гг. инициатива в вопросах разработки библиотечного оборудования перешла в руки архитекторов и инженеров. Теоретическое осмысление библиотековедческих основ этого направления получило развитие в 1970-1980х гг. и

привело к формированию «материально-технического» раздела библиотековедения. В целом, комплексная работа исследовательских и производственных учреждений специализирующихся на изготовлении библиотечного оборудования и мебели позволили к 1991 г. обеспечить оснащение библиотек страны серийным заводским оборудованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом библиотечного оборудования для сельских и районных библиотек / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина; сост.: Пащенко Ф.Н. Кузнецов Е.А. – М.: ГБЛ, 1961. – 7 с., 119 л.
2. Асфендияров Н.Х. Необходимое усовершенствование / Н.Х. Асфендияров // Техн. б-ки СССР, 1968. – № 1. – С. 34.
3. Библиотечная мебель (на металлической основе) / сост. Г.В. Мейендорф [и др.]; Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. – М.: ГБЛ:, 1966. – 251 с. : ил.
4. Библиотечное оборудование. Механизация библиотечных процессов / ЦНТБ Минхимпрома; сост. Лихачева Т.А. – М.: ЦНТБМ, 1976. – 22 с.
5. Библиотечные здания. Основные положения библиотечного строительства / пер. с нем. А.С. Кортикова; под ред.: Е.А. Фенелонова, Ю.П. Обросова. – М.: Стройиздат, 1993. – 328 с.: ил.
6. Гильман М.Я. Оборудование и помещение сельской библиотеки / М.Я. Гильман; Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. – М.: ГБЛ, 1953. – 42 с.
7. Гильман М.Я. Оборудование районной библиотеки / М.Я. Гильман. – М.: Учпедгиз, 1948. – 54 с.
8. Гильман М.Я. Помещение и оборудование сельской библиотеки / М.Я. Гильман; под ред. И.П. Жука – М.: Гос. изд-во культ.- просвет. лит., 1954. – 42 с.
9. Гильман М.Я. Планирование и приспособление помещений для сельских библиотек / М.Я. Гильман // Библиотекарь, 1951. – № 4. – С. 33–39.
10. Земсков В.И. Библиотечному оборудованию – высокое качество / В.И. Земсков, Г. Эльбурих // Библиотекарь, 1975. – № 12. – С. 69–71.
11. Зуева Т.М. О состоянии библиотечного дела в РСФСР: докл. записка Председ. Комитета по делам культпросвет. учреждений при СМ РСФСР Председ. СМ РСФСР тов. М.И. Родионову: 23 мая 1946 г. / Т.М. Зуева // Библиотечное дело в Российской Федерации в послевоенный период (июнь 1945 – март 1953): документы и материалы: в 2 ч. / [авт.- сост. А.Л. Дивногорцев]. – М.: Пашков дом, 2005. – Ч. 1. – С. 18 – 21.
12. Коженкин И.А. История изучения библиотечной мебели и оборудования в отечественном библиотековедении в период до Великой Отечественной войны / И.А. Коженкин // Вестник Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2013. – № 2. – С. 53–58.
13. Лаврова К.Б. «Организация библиотечного здания» как раздел библиотековедения: дис. … канд. пед. наук: 05.25.03 / К.Б. Лаврова. – М., 1997. – 221 с.
14. Лаврова К.Б. Проблематика проектирования библиотечных зданий и оборудования в образовательной, научно-исследовательской и научно-методической деятельности Института библиотековедения (1920- 1933 гг.) / К.Б. Лаврова // Вестник Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2013. – № 2. – С. 43–52.
15. Пащенко Ф.Н. Альбом библиотечного оборудования для сельских и районных библиотек / Ф. Пащенко; Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. – М.: ГБЛ, 1958. – 8 с., 122 л. черт.
16. Пащенко Ф.Н. Архитектура и строительство библиотечных зданий / Ф.Н. Пащенко. – М.: Гос. архитектур. изд-во Акад. архитектуры СССР, 1941. – 196 с.
17. Проектирование технических библиотек предприятий / ГПНТБ СССР; сост. О.Ф. Коршунов. – М.: ГПНТБ, 1966. – 62 с.
18. Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы и итоги. Опыт монографического исследования / сост. и предисл. Ю. П. Мелентьевой; науч. ред. Л.М. Инькова. – М.: ФАИР-ПРЕСС: Пашков дом, 2003. – 432 с.
19. Сборно-разборная книжная витрина / [ред. ст.] // Библиотекарь, 1969. – № 8. -С. 64.
20. Стационарные и подвижные металлические стеллажи для библиотек и архивов / [ред. ст.] // Техн. б-ки СССР, 1965. – № 2. – С. 36 – 41.
21. Столяров Ю.Н. Памяти замечательного зодчего [1994] / Ю.Н. Столяров // Библиотековедение. Избранное. 1960–2000 годы / Ю.Н. Столяров. – М.: Пашков дом, 2001. – С. 441–449.
22. Столяров Ю.Н. Федор Николаевич Пащенко [1982] / Ю.Н. Столяров // Библиотековедение. Избранное. 1960–2000 годы / Ю.Н. Столяров. – М.: Пашков дом, 2001. – С. 421–435.
23. Страшнов В. Читальный зал для детей / В. Страшнов // Библиотекарь, 1978. – № 2. – С. 72.
24. Фраучи В.Р. Об ассортименте библиотечного оборудования / В.Р. Фраучи// Науч. итехн. б-ки СССР, 1976. – № 11. – С. 35 – 38.

25. Художественное конструирование оборудования библиотек: [библиогр. указ.отеч. и иностр. литературы за 1970 - 1976 гг. / Э. Л. Рожкалин]. – М. : ВНИИТЭ, 1977. – 20 с.
26. Чертежи библиотечной мебели и оборудования. Консультация / [ред. ст.] // Библиотекарь, 1971. – № 8. – С. 54 – 59.
27. Шуберт Э.О. Альбом библиотечной мебели / Э.О. Шуберт. – М.: Книга, 1964. – Вып. 1. – 140 л.: черт.
28. Эволюция библиотечного фондоведения / Ю.Н. Столяров, Н.Н. Кушнаренко, А.А. Соляник; под. ред. Ю.Н. Столярова.– М.: Изд-во ФАИР, 2007 – 688 с.

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ СПЕЦИАЛЬНОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ОБОРУДОВАНИЯ (1945 ПО 1991 ГГ.)

В статье рассматривается история разработки специального библиотечного оборудования в отечественном практике в период с 1945 по 1991 гг. Описываются особенности изданий по библиотечной мебели и оборудованию указанного периода, а также роль архитекторов и библиотечных специалистов в разработках данного научно-практического направления.

Ключевые слова: Библиотеки СССР, библиотечная сеть, проектирования и оборудования библиотек, библиотечные специалисты, библиотечные вузы, объект и предмет библиотековедения

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE SPECIAL LIBRARY EQUIPMENT (1945-1991)

The article deals with the history of the development of the special library equipment in domestic practice in the period from 1945 to 1991. It describes the features of media library furniture and equipment of the period, as well as the role of architects and library professionals in the development of the scientific and practical directions.

Key words: libraries of USSR, library network, design and equipment of libraries, library technicians, the libraries of institute of higher education, object and subject of library science

Сведения об авторе: ***И.А. Коженкин*** - аспирант кафедры книжного бизнеса Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: **igor@raduga-lik.ru**

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В КОНЦЕ XX ВЕКА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Б.В.Гаффоров
Российско-Таджикский (славянский) университет

Культурно-просветительные учреждения в конце 80-х гг. сыграли важную роль в формировании научного мировоззрения, трудовом, патриотическом, интернациональном воспитании населения республики. К сожалению, экономический и политический кризис, наступивший в республике после развала СССР, привел к гражданскому противостоянию, а это, оказало негативное воздействие на деятельность всех культурно-просветительных учреждений Республики Таджикистан. В то же время состояние экономики страны, в данный период непосредственно зависело и от состояния культуры в обществе. Если бы не повысился статус культуры посредством культурно-просветительных учреждений в обществе, то невозможно было бы улучшить экономическую и финансовую ситуацию в стране [11, л.1].

В конце XX века-в первое десятилетие независимого Таджикистана резко сократилось финансирование, число культурно-просветительных учреждений, а также ухудшилас их материально-техническая база. Так, если в 1991году в стране функционировало 1433 клуба, 1747 библиотек с книжным фондом более 16,1 млн. экз., и 27 музеев (450 тыс. посещений), то в 2000г. - их число составляло 1065 клуба, 1441 библиотека (книжный фонд 13,5 млн. экз.), 29 музеев (283 тыс. посещений)[10, с.302-307]. С 1991г. по 2000г. количество клубных учреждений сократилось на 368 единиц, библиотек на 360 ед. За этот период только количество музеев выросло на два, однако, и количество посещений сократилось почти в два раза. О работе народных театров, в данный период, стоит отметить, что они практически остановили свою деятельность.

Более половины зданий учреждений культуры до 1995 года требовали ремонта, к тому же большинство их не были обеспечены топливными материалами, т.е. углем, дровами и областные музеи по этой причине зимой какое-то время были закрыты. Кроме того, к примеру, здания некоторых культурных учреждений ГБАО, поврежденные в 1987, 1990, 1992 гг. природными катастрофами, только частично были отремонтированы, отсутствие стройматериалов надолго растянуло их ремонт. Такое положение наблюдается в Ишкашимском, Рошткалинском, Шугнанском районах и г. Хороге [1, с.151].

Прекратились планирование и строительство новых учреждений культуры. Если в 1990г. две трети населенных пунктов республики не имели клубов и библиотек, то в конце 90-х годов количество населенных пунктов, не имевших клубов и библиотек, увеличилось до 80%. Недостаточность в финансировании культурных учреждений привела к оттоку из этой сферы и вообще из республики талантливых специалистов. Численность работников культуры в 1993г. по сравнению с 1990г. сократилась на 20%, а их заработная плата оставалась одной из самых низких в народном хозяйстве[6, с.596].

С 1991 по 2000 гг. из-за нестабильности и неблагополучия политических и экономических положений республики и из-за нехватки финансов работники учреждений культуры - клубов, библиотек, музеев не смогли принять участие в курсах повышения квалификации на должном уровне, что сказалось в их практической работе.

Учитывая сложности, многообразность и особенности культурно-просветительских учреждений, каждое из них рассматриваем в отдельности.

Клубные учреждения. Политико-экономические реформы, осуществляемые в стране, не могли не коснуться культурно-просветительной деятельности клубных учреждений, которая продолжалась и в условиях социально-экономической реформы 90-х годов. После этого периода проблема осложняется тем, что в условиях социалистической экономики и в условиях перехода общества к рыночной экономике цели и задачи культурно-просветительной работы клубных учреждений значительно различались. При социализме, господстве общественной собственности на средства производства, целью этой работы было воспитание коллективизма, индивидуальность была подчинена коллективу, что в определенной мере сдерживало ее развитие. В условиях перехода общества к рынку формируется новый тип личности, свободно распоряжающегося своей физической, интеллектуальной и нравственной потенцией.

В клубах отмечались крупнейшие события, праздники и знаменательные даты. Здесь отражалась жизнь предприятий, коллектива, семьи и т.д., здесь общались люди. Клубы способствовали развитию организаторских, технических, художественных способностей трудящихся, являлись признанными органами культурного отдыха. Суверенитет республики коренным образом изменил назначение и функции клубов в Таджикистане[9, с.46].

Одними из наиболее уязвимых в условиях перехода к рыночной экономике общества и развития рыночных отношений оказались работники культурно-просветительских учреждений и сельские учреждения культуры. Сокращение государственного финансирования культуры вело к сильному уменьшению, а во многих районах и городах Таджикистана и к полному прекращению работ по строительству клубов.

Таблица №1. Количество клубных учреждений Республики Таджикистан в период с 1991 по 2000 гг.

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Количество клубов	1433	1036	1359	1276	1268	1180	1125	1131	1096	1065
В городских	206	140	168	198	232	264	213	195	194	199

поселений										
В сельской местности	1227	896	1191	1076	1036	916	912	936	902	866

Так, с 1991 г. по 2000 г. количество клубных учреждений сократилось на 368 единиц. В 1993 году начался рост клубной сети, а в последующие годы, в связи с новым экономическим кризисом, снова спад. Такая ситуация коснулась и городских поселений и в сельской местности[10, с.306].

Почти все клубные учреждения нуждались в приобретении мебельного инвентаря, кресел, мебели, шкафов, музыкальных инструментов, сценических костюмов, усилительной аппаратуры, в художественном оформлении. Ощущалась слабая материально-техническая база, нехватка музыкального и сценического инвентаря, книжных поок, недостаточная приспособленность учреждений культуры для кружковой и досуговой деятельности, неудовлетворительное состояние самих помещений[12, л.1]. Например, в 1993 г. из 1359 клубных учреждений, 392 нуждались в срочном капитальном ремонте. В этот период более 2,5 тыс. населенных пунктов не имели своего клуба. Почти 90% клубных учреждений в республике не отапливались в зимний отопительный сезон. Во многих клубах отсутствовали даже национальные инструменты (рубабы, дуторы, танбуры, и др.)[13, л.1] и это тенденция продолжала оставаться даже почти до 2010 года[14, л.5-6].

Следует отметить, что во время гражданской войны и кровопролитий в республике, особенно в тех регионах, которых прошли боевые действия, здания клубных учреждений были полностью разрушены. В конце XX в. существенно ухудшилось состояние учреждений культуры на селе: их инфраструктура, культурная деятельность среди сельского населения, уменьшились возможности для проведения содержательного досуга. Например, в 1995 г. в Республике Таджикистан 1036 клубных учреждений находились в сельской местности[10, с.306]. Из них 522 находились в приспособленных помещениях, 326 требовали капитального ремонта, остальные в аварийном состоянии.

Многие клубные учреждения не имели кружковых комнат, что привело к падению уровня эстетической образованности сельского населения[15, л.3].

Финансовая, материальная и социальная обеспеченность работников культурных учреждений на селе по сравнению с другими сферами страны оставалась на очень низком уровне[11, л.1]. Материально-техническая база клубных учреждений оставляла желать лучшего. Многие из них нуждались в капитальном ремонте, большинство находились в аварийном состоянии или сдавались в аренду для функционирования других видов деятельности. Одной из актуальных проблем для отделов (Управлений) культуры районов, городов и областей республики оставалось отсутствие своего транспорта. Это затрудняло работу с сельскими клубными учреждениями по оказанию им практической помощи на местах, а также в выезде коллективов с концертами по населенным пунктам и т.д.[11, л.1]

Таким образом, в данный исторический период трансформировались основные цели, задачи и направления работы клубных учреждений. В 90-е гг. в некоторых клубных учреждениях, наряду со светскими мероприятиями стали проводить и национальные исторические и религиозные праздники. Со временем акцент постепенно делался уже на общечеловеческие ценности.

Библиотеки. Сокращение количества сети библиотек и их книжных фондов существенно снизило их роль в приобщении широких народных масс. Более того, большинство учреждений культуры существовало только на бумаге - для статистических отчетов, поскольку клубы, библиотеки и кинотеатры начали использоваться не по назначению: в них стали размещать различные склады, столовые,

бары, их мебель уничтожалась, книжный фонд библиотек разворовывался[6, с.596].Обращаемся к цифрам.

Таблица №2. Основные параметры функционирования общедоступных (публичных) библиотек системы Министерства культуры Республики Таджикистан с 1991 по 2000 гг.:

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Число библиотек	1747	1269	1577	1591	1560	1495	1470	1473	1463	1441
Всего книг и журн.(тыс.экз.)	16115	13051	14881	17054	14415	14103	14012	13912	13849	13487
Всего читат., (тыс. чел.)	1256,9	936,9	1083,6	1040,0	974,2	880,0	891,9	815,7	798,5	805,9

С 1991 по 2000 гг. количество библиотек сократилось на 360 единиц. В этот период книжный фонд уменьшился более, чем на 3 млн. единиц. Также уменьшается количество читателей библиотеки. Так, если в 1991 г. число зарегистрированных пользователей равнялось 1256,9 тыс. чел., то в 2000 г. – 805,9. Другими словами, с 1991 по 2000 гг. число зарегистрированных пользователей уменьшилось на 451 тыс. человек[10, с.302].

С 1991 г. в библиотечном деле имеет место уже противоположная тенденция. Более того, в начале 90-х гг. ухудшалось материально-техническое состояние библиотек. С каждым годом возрастала доля библиотек, нуждавшихся в капитальном ремонте. Неблагоприятным оставалось положение с кадровым обеспечением библиотек, которое, к тому же ухудшалось в начале 90-х гг.

Как и в клубных учреждениях, в первые годы независимости идеологическая направленность деятельности библиотек Таджикистана была связана с трудовым, патриотическим и национальным воспитанием населения. Работе библиотек республики на протяжении всего исследуемого периода были присущи недостатки, которые имели отношение к организационной, выставочной, научной, клубной и профессиональной деятельности. Уменьшение количества библиотек и их книжно-журнальных фондов в течение 1991-2000-х гг. сопровождалось снижением показателей по числу читателей и книговыдаче. Данное обстоятельство может свидетельствовать, по нашему мнению, о кризисе духовности, охватившем общество с этого времени. Тем более, что этот кризис еще не имел отношения к экономической раздробленности последующих лет. В 1990г. число выданных экземпляров в среднем на 1 читателя равнялось 13, в 2000г. - 11 ед. В 1991г. библиотеками было выдано 16 млн. книг и периодики, а в 2000 г. - 8,8 млн. (сокращение почти в 2 раза)[10, с.302].

Одной из важнейших причин уменьшения количества книг в публичных библиотеках республики за этот период является не предоставление обязательных экземпляров со стороны издателей.

Причина ухудшения основных показателей в работе библиотечной сети кроилась в экономическом и духовном кризисе, охватившем общество в период и после гражданской войны в республике. Так, если превалирование негативных тенденций в сфере экономики имело место вплоть до 2000 года, то в области духовной-постепенный упадок интереса к библиотеке начался с 1993г.[10, с.302] и был связан в первую очередь о все уменьшающейся заинтересованностью граждан к получению знаний, высшего образования и усилением информационности общества в целом, а также образовательной функции библиотек. Начиная с 1993 г., уменьшается рост книговыдачи, а также число читателей. Уменьшение количества библиотек с 1991г. (1747 ед.) привело к тому, что уже к 2000г. их насчитывалось 1441 ед. Негативная тенденция в пополнении библиотечных фондов наметилась до 2000 г.[10, с.302]

В целом ситуацию, связанную с деятельностью библиотек с начала 91-х по 2000 гг., на основании данных по основным показателям, можно охарактеризовать, на наш взгляд, как негативную. Так, например, книжный фонд библиотек республики в течение десяти лет, с начала 1991-х до 2000 гг. уменьшился на 2,6 млн. экземпляров[10, с.302-306].Уровень комплектования книжно-журнальных фондов и их качество не удовлетворяли современные информационные потребности. Изучение состава и использования фондов показало, что фонды библиотеки республики в основной своей массе содержат много устаревшей литературы[16, л.2].Фонды библиотек в основном приобретенные в доперестроечное время, к тому же отражают устаревшие социальные стереотипы, хотя осуществленные в стране преобразования в условиях независимости породили совсем иные культурные и информационные потребности.

В постсоветский период была нарушена система государственного книгоснабжения. Отсутствие систематического финансирования деятельности библиотек потребовало деятельного поиска и привлечения внебюджетных средств.

В 1991–1992 гг. к кризису духовности добавились экономические проблемы, которые еще более обострили проблематику материального обеспечения деятельности библиотек и привели к социальной незащищенности библиотечных работников[7, с.138-142].

С 1991 по 2000 гг. материально-техническое состояние зданий общедоступных публичных библиотек изменялось в худшую сторону. Например, в 1993 г. из 1577 библиотек 382 нуждались в срочном капитальном ремонте. Почти 90% сети библиотек в республике не отапливались в зимний отопительный сезон [13, л.1].

Социальная незащищенность библиотекарей вела к падению престижности этой профессии. В первые годы постсоветского периода широко распространенным явлением была задолженность по зарплате. В последующие годы, даже в сравнительно экономически благополучные 1998-2000 гг., почти ни в одном районе работники библиотечного дела не обеспечивались полным и своевременным получением заработной платы, гарантированной государством[17, л.3].Что касается кадрового обеспечения библиотечной работы в публичных библиотеках, то здесь произошли существенные изменения. Намного уменьшилось число библиотечных работников. Постепенно происходил упадок количества специалистов, имеющих высшее образование вообще, а также библиотечное в частности. Процент людей, имеющих среднее специальное, в том числе библиотечное образование, кардинально изменился. Сохранялась высокая текучесть кадров, которая то- усиливалась, то- ослабевала[22, с.10-11].

Нужно отметить, что в исследуемый нами период, бесплатное библиотечное обслуживание пользователей в Таджикистане, безусловно, осталось приоритетным. Однако, в условиях независимости государства и рыночной экономики, библиотекам было предоставлено право вводить плату за предоставление определенных услуг: ксерокопирование, ночной абонемент, Интернет и др.[3]

Следует отметить, что исходя из вышеисследуемой материальной базы в деле изучения библиотечной деятельности Таджикистана в период 1991-2000 гг. можно сделать вывод, что в начале 90-х годов сокращается количество сети библиотек и их книжно-журнальных фондов, снижается количество читателей и книговыдачи. Крупнейшие библиотеки страны не получают обязательных экземпляров со стороны издателей. Теряется связь между библиотеками бывших союзных республик, ухудшается материально-техническая база библиотек республики. Однако, с началом политических и экономических реформ, постепенным изменением государственной культурной информационной политики независимого государства библиотеки вступили в новый этап своего развития.

Музеи. Экономический и политический кризис в первой половине 90-х годов весьма негативно повлиял и на состояние музейной сети. Отсутствие бюджетных средств, ослабление материально-технической базы на фоне дестабилизации общества, а в последующие годы расширения предложений различных форм досуга, прежде всего появление видео и показа видео – материальные продукты привели к тому, что музеи республики оказались мало подготовленными к происходящим в обществе глубоким изменениям.

После распада Советского Союза и обретения независимости в республике, музеи страны могли бы самостоятельно создавать новые экспозиции, выставки. Но, это им трудно удавалось: из-за снижения финансирования, отсутствия стимула для творчества, музейных специалистов, технической оснащенности; фотолабораторий, реставрационных мастерских и многого другого[8, с.8-9].

В тяжелые 90-е годы XX столетия в музейном хозяйстве республики накопилось множество проблем. В аварийном состоянии находились здания некоторых музеев республики, особенно музеи тех регионов, в которых во время гражданской войны были проведены военные операции. За этот период серьёзные недостатки допускались Министерством культуры Республики Таджикистан в осуществлении государственного контроля над постановкой дел охраны, пропаганды и использования памятников истории и культуры. Низким был уровень реставрационных работ[18, л.3].

Кроме того, если в 1991 г. в Таджикистане функционировали 27 музеев, которые посетили 450 тыс. чел., то в 2000 г. в республике увеличилось количество музеев до 29. Из общего количества музеев: 23 - краеведческих и искусствоведческих, 8 - литературных, 2 – отраслевых[10, с.306].Стоит отметить, что начиная с 1991 года по 2000 год, происходил процесс роста количества музеев на фоне уменьшения их посещаемости.

Таблица №3.Основные параметры функционирования музеев Республики Таджикистан в период с 1991 по 2000 гг.

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всего музеев (включая филиалы)	27	23	31	30	23	24	25	24	27	29
Краеведческие и искусствоведческие	19	15	19	18	17	20	19	18	21	23
Литературные	5	5	5	5	5	4	4	4	4	4
Отраслевые	3	3	1	1	1	-	2	2	2	2
Число посещений музеев, тыс. чел.	450	231	212	250	202	189	287	484	312	283
Число посещений музеев на 1000 населения	68	42	38	44	35	32	47	79	51	46

Так, в 1991 г. в сравнении с 1995, 1996, 1997 и 2000 гг. посещаемость музеев была более, чем в 2-3 раза выше. Причинами ослабления внимания граждан к музеям являются увеличение предложений различных форм проведения досуга- радио, телевидение, видеомагнитофоны, видеозалы, дискотеки, рестораны, эстрадные концерты и т.д., а также сокращение количества туристов, пребывающих на территорию Таджикистана. В 1998 году начинается постепенное увеличение числа посетителей, но через год снова спад. Большую часть посетителей в этом же году составляет молодежь: студенты и школьники. Тенденция, связанная с сокращением посещаемости музеев, имела место по всей стране. В 1992 г., в сравнении с 1991 г., число посещений музеев сократилось почти на 50 %[10, с.306]. Кроме того, одной из главных причин сокращения посещаемости музеев была неудовлетворительная работа

их сотрудников и преподавателей учебных заведений в направлении привлечения в музеи учащейся молодежи[19, л.1].

С 1991 по 1996 г. музеи республики не покупали почти никаких произведений искусства. Из-за отсутствия финансовых средств музеи до этого года не смогли организовать командировки по сельским местностям и городских поселеним для отбора искусства ручных изделий [12, л.1].

В начале 90-х гг. музеи республики стали испытывать большие затруднения, связанные с пополнением фондов. Так, после 1992 г. долгое время музеи республики не имели возможность приобретать работы художников, которые появились и утвердились уже в 90-е гг., отмеченные активизацией художественно-выставочной деятельности при полном отсутствии финансирования[21, с.77].

Увеличение количества музеев происходит главным образом за счет музеев историко-краеведческого характера, отражающих историю, культуру и искусство родного края Таджикистана. В дальнейшие годы тоже происходит увеличение количества музеев за счет музеев историко-краеведческого характера[10, с.306].Создание новых музеев в Таджикистане позволило сохранить большое количество исторических памятников, уменьшило отток предметов традиционного быта и культуры страны, возродило интерес у молодого поколения к истории и культуре своего народа. Деятельность музеев республики была направлена на дальнейшее улучшение обслуживания посетителей, воспитание молодежи и подрастающего поколения на патриотических взглядах и национальных традициях.

Развитие музейного дела в республике строится в соответствии с Законами Республики Таджикистан «О культуре»[5] и «О музеях и музейном фонде»[4]. Закон Республики Таджикистан «О культуре» впервые был принят парламентом страны в 1997 году.

Важнейшими направлениями музейной политики стали: сохранение, развитие и эффективное использование музейных фондов; хранение, популяризация коллекций, создание современных экспозиций, обеспечение доступа граждан к музейным коллекциям; патриотическое воспитание населения.

Однако, исследование показывает, что с одной стороны происходило увеличение численности музеев, а с другой, материально-техническое состояние давно работающих музеев было плохим, т.е. не отвечающим необходимым требованиям нормальной эксплуатации. Да и вновь создаваемые музеи начинали свое функционирование в условиях, оставлявших желать лучшего.

Таким образом, в данный период удалось не только сохранить существовавшую в советские времена сеть музеев, но и значительно расширить ее за счет открытия новых. Данный позитивный процесс сопровождался снижением уровня их посещаемости и уменьшением финансирования музейной деятельности, что негативно отражалось на материально-технической базе музеев республики. Музеи Таджикистана действительно выстояли перед наступлением эпохи рынка и дальше продолжали успешно обогащать культурную жизнь республики.

Народные театры. Народные театры являлись высшей формой художественной самодеятельности и особенно, они приобрели широкую популярность в годы Советской власти. Только в 1979 году в республике действовало 17 народных театров [23, с.157]. Цели и задачи народных театров в условиях независимого Таджикистана были направлены для сохранения и популяризации народных традиций и обычаев, повышения эстетического мировоззрения городских и сельских жителей. Однако, общественно-экономические изменения в стране после приобретения независимости, перехода к рыночным отношениям, повлекли за собой процессы трансформации во всех областях социального бытия. Переход к рыночной экономике не мог не повлечь за собой радикальных изменений в такой важной сфере культуры, как народные театры.

Слабая материально-техническая база театральных учреждений, в том числе и «народных», в свою очередь, обусловила возникновение глубокого внутреннего кризиса в этих учреждениях. Духовный кризис, охвативший общество вследствии гражданской войны в 1992 году, усугубил падение престижности народных театров и их социальную невостребованность. На фоне таких перемен, особенно в результате гражданской войны, уменьшается количество народных театров, а также значительно ухудшается качество их деятельности. В некоторых регионах, в которых непосредственно проходили вооруженные столкновения, вовсе прекратили свою деятельность народные театры, вплоть до 1994-1995 гг.

Таблица №4. Количество народных театров Республики Таджикистан в период с 1991 по 2000 гг.

Годы	1991	1992*	1993*	1994	1995**	1996	1997	1998	1999	2000
Количество народных театров	24	-	-	21	21	22	22	21	22	21

Как видно из данной таблицы, с 1991 года по 2000 год количество народных театров сократилось на 3 единицы [20, л.2]. Данные о количестве народных театров за 1992 и 1993 годы отсутствуют, поскольку в эти годы страна попала в сложную политическую ситуацию, и невозможно было проследить за деятельностью этих учреждений.В 1995 г. представители Министерства культуры и информации Республики Таджикистан проверили деятельность народных театров Ленинабадской и Хатлонской областей. Результаты проверки показали, что в городах и районах этих областей **почти не функционировали народные театры.** Причиной было плохое состояние материально-технической базы народных театров, отсутствие сценической одежды и другой бутафории. Театры регулярно не получали нужной суммы для приобретения оборудования и сценической одежды. Работники народных театров не смогли изучать передовой опыт народных театров государств СНГ, не проводились обмен опытом и курсы повышения квалификации театральных работников [20, л.5].

Финансирование народных театров производилось (и до сих пор производится) в основном за счет бюджетных средств местных органов исполнительной власти областей, городов и районов. Ухудшение финансирования этой сферы общественной жизни и материального обеспечения деятельности народных театров привели к социальной незащищенности их работников. Например, в 1995 году театральные работники получили заработную плату от 186 до 900 рублей [20, л.20].

В период с 1991 по 1999 годы по неизвестным причинам почти не доходили до народных театров методические и репертуарные материалы для улучшения содержания сценических показов художественной самодеятельности и сценарии театральных мероприятий [20, л.2].На характер и интенсивность деятельности народных театров не могло не повлиять наличие большого числа мелких населенных пунктов, культурно-бытовые условия которых были далеки не только от городских, но даже от культурных условий местности. Многие из них, расположенные в высокогорных районах, из-за плохих дорог, большой удаленности от культурных центров и труднодоступности театральных искусств в значительной мере были оторваны от мира [20, л.2].

Следует отметить, что за первое десятилетие перехода к рыночной экономике слаба была материально-техническая база народных театров, в результате чего ухудшалось качество их творческой деятельности. Так, на период с 1991 по 1999 годы не уделялось должного внимания деятельности народных театров. С целью повышения качества деятельности мастеров народных театров, а также народных ремесел в конце этого десятилетия начинаются культурные мероприятия, такие как конкурсы народных театров. Мастера народных театров также были включены в мероприятия общереспубликанского значения, выступления на Днях культуры республики за

рубежом и т.п. Например, с 12 до 30 апреля 2000 года в городах и районах республики проводился конкурс народных театров под лозунгом «Славные сыны Отечества» («Родмардони Ватан»). В конкурсе участвовали не только школьники, студенты, колхозники и рабочие, но и руководители учреждений и организаций, а также председатели местных Хукуматов. В итоге конкурса выявилось, что проведение таких видов мероприятий станет движущей силой и стимулом для возобновления деятельности народных театров и нахождения будущих талантов [2, с.10].

В мае 1997 г. успешно прошли Дни культуры и искусства Таджикистана в Германии и Москве, в июле 1998 г. - в Узбекистане, в октябре 2005 г. - в Российской Федерации. Мастера искусств Таджикистана представили свое самобытное мастерство после окончания гражданской войны, тем самым показав всему миру морально-политическое единство таджикского народа. Таким образом, Таджикистан продемонстрировал успехи в социально-экономическом и культурном развитии общества [6, с.597].

Таким образом, культурно-просветительные учреждения в постсоветский период развивались в определенной степени как единый механизм, различные части которого способствовали дальнейшему прогрессу культуры таджикского народа. Однако, в этом процессе давали о себе знать трудности, выпавшие на долю культуры в период реформирования общественных институтов и в результате гражданской войны. Большей частью проблемы имели материальный характер, выразившийся в недофинансировании работы библиотек, музеев, клубов и народных театров. Народные театры как одна из важнейших форм художественной самодеятельности стояли на грани исчезновения. Главной причиной стала слабая материально-техническая база и кадры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахромов З.М. Социально-экономическая и культурная жизнь ГБАО Республики Таджикистан в годы независимости. дисс... канд. ист. наук / З.М. Бахромов. – Душанбе, 2009. – 175 с.
2. В новое тысячелетие – с новыми надеждами // О годовой деятельности Министерства культуры Республики Таджикистан (2000г.) и перспективные планы на первый год XXI века. – Душанбе, 2001.– 75 с.
3. Закон РТ от 1.08.2003г., №32 «О библиотечной деятельности» // Вестник Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003. -№8.- С.455.
4. Закон РТ от 28.02.2004 г., №15 «О музеях и музейном фонде» // Вестник Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004. -№2.- С. 47.
5. Закон РТ от 12.05.2001г., №4. «О культуре» (новая редакция от 28.06.2011 г., -№734).
6. История таджикского народа. Новейшая история (1941-2010); под ред. акад. Р.М. Масова.- Душанбе, 2011.– Т. 6.– 687 с.
7. Олимов А. Золотая годовщина / А.Олимов. –Душанбе: Ирфон, 2004. – 192 с.
8. Планирование, учет, отчетность и контроль исполнения в социально-культурных учреждениях: методико-практическое пособие специалистам сферы социально-культурной деятельности. – Душанбе, 2009. – 142 с.
9. Сулаймони С. Клубные учреждения Республики Таджикистан в условиях рыночной экономики./ С.Сулаймони // Культура: проблемы и исследования. (Сб. статей.) – Душанбе, 2001. – С. 46-51.
10. Таджикистан: 20 лет государственной независимости: статистический сборник. – Душанбе: Шарки озод, 2011. – 832 с.
11. Текущий Архив Министерства культуры Республики Таджикистан (ТА МК РТ) // Сообщение о деятельности культурных учреждений Республики Таджикистан за 1993 и планы и перспективы на 1994 гг.– Л.1.
12. ТА МК РТ. // Рекомендации отдела культуры и искусств об обеспечении культурных учреждений на 1996 г. – Л.1.
13. ТА МК РТ. // Сообщение о деятельности культурных и творческих учреждений РТ за 2000 г.- Л.1.
14. ТА МК РТ. // Итоги деятельности клубных учреждений в 2010 г. – Л.5-6.
15. ТА МК РТ. // Информация о состоянии и проблемах культуры в Республике Таджикистан на 1 января 1995 г. – Л. 3.
16. ТА МК РТ. // Материально-технические базы библиотек. –П. №16.– Л.2.
17. ТА МК РТ. // Отчет отдела культуры за 2000 г. – Л.3.

18. ТА МК РТ. // Отчет о деятельности культурных учреждений республики на 1993 г. и планы мероприятий на 1994 г. – Л.3.
19. ТА МК РТ.// Справка о деятельности управления культуры, областных, городских и районных отделов культуры (деятельность, проблемы и пути их решений).- 2000 г.– Л. 1.
20. ТА МК РТ.// Количество культурных учреждений районов республиканского подчинения, районов ГБАО, Согдийской и Хатлонской области. (До 01.01.2005 г.). – Л.2.
21. Шарифзода Ф. Комплектование как основа формирования музейных фондов // Вестник культуры: научно-аналитическое издание./ Ф.Шарифзода. – Душанбе, 2013.–№3. – С. 77.
22. Шосаидов С. Нормативно-правовая обеспеченность деятельности библиотек./ С. Шосаидов // Бахори аджам, 2009.–20 апр.– С.10-11.
23. Шукуров М. Культурная жизнь Таджикистана в период развитого социализма / М. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1980.– 240 с.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В КОНЦЕ XX ВЕКА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

В данной статье на основе архивных источников, материалов периодических изданий и научных статей анализируются состояние и проблемы культурно-просветительских учреждений первого десятилетия независимого Таджикистана. Автор статьи показывает трудности и недостатки, которые прослеживаются на этот период в деятельности клубных учреждений, публичных библиотек, музеев и народных театров республики.

Ключевые слова: культурно-просветительные учреждения, публичные библиотеки, клубные учреждения, музеи, народные театры, книговыдача, посетитель, культурные ценности, народное ремесло.

CULTURAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE LATE XX CENTURY: STATUS AND CHALLENGES

This article is analyzed the condition and problems of cultural and educational institutions of the first decade of independent of Tajikistan on basis of archival sources, periodical materials and scientific articles examine. The article shows the difficulties and disadvantages that can be traced to this period of clubs, public libraries, museums and folk theaters of the country.

Key words: cultural and educational institutions, public libraries, clubs, museums, folk theater, book loans, the visitor, cultural values, folk craft.

Сведения об авторе: ***Б.В. Гаффоров*** – соискатель кафедры отечественной истории Российско-Таджикского (славянского) университета. Телефон: **917-66-96-96**

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

З.Ализода
Уполномоченный по правам человека в Республике Таджикистан

Представительная функция парламента наряду с законодательной и контрольной является одной из основных его функций, выражающих в представительстве интересы различных слоев и групп населения в общенациональном представительном органе. Возникнув исторически как сословно-представительные учреждения, парламенты в процессе своей борьбы за представительство превратились в общенациональные представительные органы, осуществляющие законодательную власть и другие функции, вытекающие из его природы как парламента страны. С учетом этого, справедливо отмечает Г.Махачев, что в борьбе за право представительства рождается парламентаризм и связанные с ним политические доктрины, а следовательно формируется полноценно действующая система законодательных органов государства [1].

Как известно, представительная природа парламента вытекает из принципа народного суверенитета. Современные демократические конституции закрепляют суверенитет народа. Так, в статье 3 Конституции Франции установлено, что «национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и посредством референдума»[2]. Постсоветские государства объявив себя демократическими, правовыми и социальными также закрепили данный принцип. В статье 3 Конституции РФ указывается, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [3]. Этот принцип также нашел свое закрепление в Конституции Республики Таджикистан. В статье 6 Конституции подчеркивается, что «в Таджикистане народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти, которую осуществляет непосредственно или через своих представителей» [4].

Как вытекает из указанных норм Конституции народ как носитель суверенитета и единственный источник государственной власти сам непосредственно осуществляет эту власть или реализовывает её через своих представителей. Учитывая это, Конституция также указывает на то, что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и выборы.

Как правило, с учетом масштабности, сложности и дороговизны проведения референдумов и выборов, они проводятся периодически и по важным и нужным вопросам. Например, в соответствии со статьей 98 Конституции Республики Таджикистан изменения и дополнения в Конституцию вносятся только путем всенародного референдума. Выборы также проводятся периодически в соответствии со сроками полномочий выборных органов.

С учетом сказанного, государственная власть, принадлежащая народу в основном осуществляется через его представителей – органов, уполномоченных Конституцией осуществить эту власть в современных демократических государствах, где государственная власть осуществляется на основе её разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Эти власти реализуют свои правомочия на власть в формах и пределах, установленных Конституцией. Например, в статье 1 Конституции Италии подчеркивается, что «суверенитет принадлежит народу, который осуществляет

его в формах и границах установленных Конституцией» [5]. Или в разделе 1 статьи 1 Конституции США закреплено, что «все установленные здесь полномочия законодательной власти принадлежат Конгрессу Соединённых Штатов, который состоит из Сената и Палаты представителей» [6].

Это положение в общей форме нашло свое закрепление в рамках принципа разделения властей и в верховенстве и прямом действии норм Конституции, а также в обязательности соблюдения и исполнения норм Конституции всеми государственными органами, должностными лицами и гражданами.

На основании вышеназванных положений, вытекающих из принципа национального (народного) суверенитета, определяется конституционно-правовой статус Парламента Республики Таджикистан, его организация и функционирование. Исходя из этого, Маджлиси Оли признается парламентом страны, являющимся высшим представительным и законодательным органом Республики Таджикистан, состоящим из двух Маджлисов – Маджлиси Милли и Маджлиси намояндагон. Нижняя палата (Маджлиси намояндагон) состоит из 63 депутатов (41 одномандатников и 22 из списков партий), а верхняя (Маджлиси милли) из 33 членов – 25 представителей регионов и 8 назначаемых Президентом страны.

Для выборов 41 депутатов одномандатников территория страны разделена на 41 избирательных округов. На один избирательный округ насчитывается в среднем 75 000 избирателей. Хотя такое число избирателей не так уж много с учетом существующей практики современных государств, но оно не учитывает административно-территориальное деление страны, а также географическое расположение (отдаленности) деревень и сёл республики. С одной стороны, в республике существует 68 районов и городов. Образование указанного количества (41) избирательных округов не учитывает такое административно-территориальное деление. В горных регионах страны на территории 4-5 районов приходится один избирательный округ. С другой стороны, отдаленность деревень и сел друг от друга не позволяет депутату общаться со всеми своими избирателями. Даже в предвыборных компаниях кандидаты не могут встретиться со всеми своими избирателями. Все это, конечно, отрицательно влияет на представителя (депутата) для представления интересов избирателей.

Состав депутатов (63 депутата) нижней палаты выглядит так образом: 2 академика; 3 члена-корреспондента; 5 докторов наук; 12 кандидатов наук; по специальности – 16 юристов, 14 экономистов, 8 учителей, 4 агронома, 2 журналиста, 2 биолога, 1 врач и 1 политолог; по прежней должности – 19 депутатов прежнего созыва нижней палаты; 31 работников разных уровней государственного аппарата и 2 предпринимателя [7].

В верхнюю палату избраны – председатели областей, городов и районов – 14; руководители организаций – 9; работник Аппарата Президента – 1 и 7 работников науки и образования и бывший президент республики; по специальности – 14 инженеров, 10 преподавателей; 4 экономиста; 1-юрист; 2 -врача; 2 -агронома; 1 -ветеринар; 1-политолог. В нижнюю палату из 63 депутатов избраны 12 женщин, а в верхнюю из 33 членов 5 женщин.

Партийный состав палат парламента выглядит следующим образом: в нижнюю палату избраны 47 депутатов от Народно-демократической партии (партии власти), что составляет 78%; по 2 депутата от Партии исламского возрождения и Коммунистической партии и по одному депутату от Аграрной партии и Партии экономических реформ [8].

Как свидетельствует приведенная статистика, число депутатов парламента от женщин, молодежи, предпринимателей, инвалидов и других слоев общества явно недостаточно. Женщины в обеих палатах парламента составляют около 18% (17 из 97), что является недостаточным. Политические партии в своих партийных списках также

очень мало вносят кандидатов от женщин. Если даже вносят их имена в списки, то в большинстве случаев не в первых рядах, а в середине или в конце списков. Например, в выборах 2010 года в списке Партии исламского возрождения кандидатура женщин было только в десятой, в Социал-демократической и Народно-демократической партиях в третьей позиции. Учитывая, что половину населения страны составляют женщины, такое их количество в парламенте не соответствует социально-демографической структуре общества. В связи с этим, является целесообразным, как установлено, в некоторых странах, в законе о выборах в парламент внести поправки, в соответствии с которыми в избирательных списках партий имена женщин-кандидатов разместить поочередно с мужчинами.

Что касается верхней палаты парламента, то здесь ее члены, как было уже подчеркнуто, избираются местными представительными органами областей, города Душанбе, городов и районов республиканского подчинения на их совместных заседаниях. Согласно Конституционному закону «О выборах Маджлиси Оли Республики Таджикистан» кандидаты в Маджлиси милли выдвигаются местными представительными органами государственной власти. Причем каждый местный маджлис выдвигает только одного кандидата. Выдвижение кандидатов от политических партий и самовыдвижение граждан здесь не допускается.

В связи с этим, выборы членов верхней палаты парламента имеют следующие недостатки. Во-первых, как известно, вторая палата парламента является органом представительства территориальных коллективов, проживающих в пределах административно-территориальных единиц. Это требует, чтобы члены верхней палаты были представителями этих территориальных коллективов, а не представителями местных представительных органов государственной власти. Во-вторых, при выдвижении членов верхней палаты должны участвовать политические партии, а также самовыдвиженцы. В-третьих, принцип представительства территориальных коллективов требует, чтобы они избирались избирателями этими территориальных коллективов.

Восемь членов верхней палаты назначаются Президентом страны. В третьем созыве верхней палаты (2005-2010 гг.) Президентом были назначены 3 председателя районов, президент Академии наук, декан юридического факультета Национального университета, директор крупного предприятия – Таджикского алюминиевого завода, бывший первый вице-премьер, - один из руководителей бывшей оппозиции и председатель дехканского хозяйства [9]. Обычно в тех странах, где такое право предоставлено Президенту, он назначает в члены верхней палаты крупных деятелей науки и культуры, людей которые имеют большие заслуги перед отечеством.

В четвертом созыве верхней палаты (2010-2015) состав лиц назначенных Президентом немного изменился. Так, были назначены директор известного лицея, руководитель Аппарата Президента, ректор медуниверситета, декан политехнического университета, директор алюминиевого завода, бывший председатель нижней палаты парламента, а также двое представителей других национальностей – киргиз и узбек [10].

Другим вопросом, который имеет очень важное значение для представительной функции парламента является представление интересов различных слоев общества через депутатов избранных по партийным спискам.

Как показывает политическая практика развитых стран, которые полностью перешли на пропорциональную систему выборов депутатов парламента через политические партии, не всегда представление интересов различных слоев населения выражается ими. Совершенно справедливо по этому вопросу отмечают Б.А. Страшун и Рыжов В.А. о том, что парламентские выборы в развитых демократических государствах монополизированы политическими партиями, но это, в свою очередь,

обязывает партий считаться с интересами своего электората и по возможности расширять его [11].

Такое положение усугубляется в условиях Республики Таджикистан, еще и тем, что здесь не развита партийная система, партии не имеют широкой социальной базы, финансовых возможностей и т.п. Некоторые партии в районах и городах не имеют своих организационных структур, печатных издании и т.п. Об их существовании и деятельности даже некоторые не знают.

С учетом этого, политические партии должны выполнять функции представительства интересов населения через свои предвыборные программы. Когда избиратели поддержат их предвыборные программы, они должны будут при победе на выборах и получении мест в парламенте стремиться к их выполнению. В противном случае они не имеют шансов на победу в следующих выборах в парламент.

Следует отметить, что Республика Таджикистан также приняла и закрепила в Конституции принцип свободного мандата депутата, который является одним из важных принципов парламентаризма. Статья 51 Конституции страны подчеркивает, что «член Маджлиси милли и депутат Маджлиси намояндагон не зависим от воли избирателей, вправе свободно выражать свое мнение, голосовать по своему убеждению» [12].

Этот принцип иногда злоупотребляется со стороны некоторых депутатов. Они очень редко встречаются со своими избирателями. Некоторые избиратели даже не знают своего депутата. Установленные регламентом нижней палаты встречи депутатов два раза в год (с выездом в избирательные округа) являются недостаточными. Целесообразно, чтобы эти встречи были почаще, хотя бы в квартал один раз. А также следовало бы ввести в парламент институт помощников депутата, которые могли бы быть связующим звеном между депутатами и избирателями.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Махачев Г. Необходимость и условия формирования парламентаризма. / Г.Махачев. // Право и жизнь, 2000. - №31. – С.20-22
2. Конституция зарубежных государств. – М.: Бек, 1997. – С. 106.
3. Конституция Российской Федерации. – Питер, 2011.
4. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2003.
5. Конституция зарубежных государств. – М.: Бек, 1997. – С. 243.
6. Там же. – с 15.
7. Список депутатов Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан четвертого созыва (2010-2015). – Душанбе, 2010. – С. 3.
8. Там же. – С. 3.
9. Члены Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан третьего созыва. – Душанбе, 2005. –С. 8-9.
10. Члены Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан четвертого созыва. – Душанбе, 2010 –С. 8-10.
11. Конституционное (государственное) право зарубежных стран (Общая часть). – М.: Бек, 1996. – С.405.
12. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2003.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

В статье исследуются сущность и формы выражения представительной функции парламента Республики Таджикистан, а также ее закрепление в нормативно-правовых актах страны.

Ключевые слова: представительная функция парламента, Маджлиси мили, Маджлиси намояндагон, конституция, закон, регламент.

REPRESENTATIVE FUNCTION OF THE PARLIAMENT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND ITS LEGAL PROBLEMS FIXING

The paper investigates the nature and forms of expression of representative functions of the parliament of the Republic of Tajikistan, as well as its consolidation in the legal acts of the country.

Key words: representative function of parliament, the National Assembly, the Majlis namoyandagon, constitution, law, rules of procedure.

Сведения об авторе: ***З.Ализода*** - уполномоченный по правам человека в Республике Таджикистан. Телефон:**985-83-00-62**

ТАНОСУБИ ХИЗМАТРАСОНИҲОИ ГРАЖДАНӢ-ҲУҚУҚӢ ВА ХИЗМАТРАСОНИҲОИ ОММАВӢ

Д.Д. Хошимов
Суди конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон

Бо пешрафти муносибатҳои иқтисоди бозоргонӣ, эътирофи моликияти хусусӣ ва дар заминаи он ба миён омадани муносибатҳои гуногуни шартномавӣ байни субъектони муносибатҳои гражданӣ оид ба хизматрасонӣ, пайдоиш ва ташаккули навҳои гуногуни хизматрасониҳои гражданӣ-ҳуқуқӣ ва дар сатҳи қонунгузорӣ ба сифати объекти мустақили ҳуқуқи гражданӣ эътироф намудани хизматрасонӣ боиси ташаккули васеи низоми хизматрасонӣ дар соҳаҳои гуногуни иқтисодиёти Ҷумҳурии Тоҷикистон гардид.

Имрӯз барои ташаккули васеи нақши хизматрасонӣ дар низоми иқтисодиёти кишвар Кодекси граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон[1] заминаи воқеию ҳуқуқӣ гузоштааст. Дар моддаи 140 КГ ҶТ дар баробари дигар объектҳои ҳуқуқи гражданӣ хизматрасонӣ низ ҳамчун объекти мустақили ҳуқуқи гражданӣ эътироф гардида, дар боби 37 КГ ҶТ бошад, шартномаи хизматрасонии музднок ба сифати намуди алоҳидаи шартнома мустаҳкам гардида, муносибатҳо оид ба хизматрасонӣ бо шартномаҳои гуногун ба танзим дароварда шудаанд. Дар баробари меъёрҳои КГ ҶТ муносибатҳои вобаста ба хизматрасонӣ, инчунин бо дигар қонунҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, ки ба намудҳои алоҳидаи фаъолияти хизматрасонӣ бахшида шуданнд, танзими худро пайдо намудаанд.

Ин шаҳодат аз он медиҳад, ки хизматрасонӣ ҳамчун объекти ҳуқуқи гражданӣ ҷои махсусро дар низоми объектҳои ҳуқуқи гражданӣ ишғол менамояд ва воқеияти мазкур бо реҷаи махсуси ҳуқуқӣ, ки объекти мазкурро аз дигар объектҳои ҳуқуқи гражданӣ тафриқа мегузорад, исбот мегардад. Хизматрасонӣ хамчун объекти ҳуқуқи гражданӣ ин натиҷаи муфид мебошад, ки манфиати субъектон ба он нигаронида шуда, натиҷаи фаъолият ва ё амали муайяни иҷрокунандаи хизматрасонӣ маҳсуб ёфта, он натиҷаи ғайримоддиро доро мебошад[2].

Ҳамин тавр, метавон иброз дошт, ки категорияи хизматрасонӣ аз ҷониби қонунгузор сараввал танҳо ба ҳайси предмети танзими муносибатҳо дар соҳаи ҳуқуқи хусусӣ истифода мегардид.

Аммо, муносибатҳои ташаккулёбандаи муосир ва дар заминаи онҳо ба миён омадани робитаи зичи шахсони воқеию ҳуқуқӣ бо мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва танзими фаъолияти ҳамарӯзаи онҳо аз ҷониби давлат боиси пайдоиш ва инкишофи хизматрасониҳои давлатӣ гардиданд, ки аз ҷониби мақомоти гуногуни давлатӣ иҷро карда мешаванд. Хизматрасониҳои давлатӣ аз қабилӣ таълимӣ, тиббӣ, ҳифзи иҷтимоии аҳолӣ ва дигар намудҳои хизматрасонии дар қонун муқарраршуда аз ҷониби сохторҳои мақомоти марказии ҳокимияти иҷрояи давлатӣ ва мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ зимни ба амал баровардани салоҳиятҳои қонунии худ ва салоҳиятҳои ба зиммаи онҳо иловатан вогузоршуда ба таври ройгон ва ё дар асоси маблағи муайяни аз ҷониби мақоми дахлдор муқарраршуда ба шаҳрвандон ва ташкилотҳо иҷро карда мешаванд.

Дар ин радиф метавон қайд кард, ки дар шароити муосири ташаккули муносибатҳои ҷамъиятӣ бо иштироки мақомоти гуногуни давлатӣ ва ҳалли

саривақтии масъалаҳои мубрами шахсони воқеию ҳуқуқӣ аз ҷониби мақомоти давлатӣ, барои баланд гардидани боварии аҳолӣ ба ниҳодҳои давлатӣ мусоидат намуда, аз ҷониби мақомоти давлатии дахлдор мунтазам андешидани чораҳои заруриро бобати ба роҳ мондани робитаи зичи ҳамкорӣ бо шаҳрвандон дар заминаи эҳтироми арзишҳои инсонӣ тақозо дорад.

Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон зимни баромаду суханрониҳои худ хизматрасониҳои босифати давлатӣ ба шаҳрвандон, хусусан дар соҳаи хизмати давлатиро рисолати муҳим ва вазифаи аввалиндараҷаи шахсони мансабдори давлатӣ маънидод намуда, ҳамеша ба омили мазкур диққати махсус зоҳир менамоянд.

Вобаста ба ин, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар Паёми худ ба мақоми олии қонунгузории кишвар иброз доштанд, ки: «Ба роҳ мондани хизматрасониҳои босифати давлатӣ яке аз вазифаҳои муҳимтарини низоми хизмати давлатӣ буда, татбиқи он метавонад ба танзими масъалаҳои мухталифи соҳаҳои иқтисодиву иҷтимоӣ тавассути фаъолияти самараноки хизматчиёни давлатии соҳибкасб ва риояи қатъии интизоми иҷроия мусоидат намояд.

Сатҳу сифати хизматрасониҳои давлатӣ ва дастрасиву шаффофияти онҳо бояд ба талаботи имрӯза ва арзу ниёзи мардум мувофиқ ва наздик гардонида шавад»[3].

Зимнан метавон гуфт, ки ҷорӣ намудани мафҳуми хизматрасонии давлатӣ дар қонунгузории ватанӣ такя ба принсипи ташаккули менеҷменти муосири давлатӣ пеш аз ҳама бо ислоҳоти мақоми идоракунии давлатӣ, ки солҳои охир бо тадриҷ гузаронида шуда истодааст, асоснок карда мешавад. Яъне хизматрасониҳои давлатӣ нисбатан падидаи нав дар илми ҳуқуқ мебошад, ки ба соҳаи ҳуқуқи умумӣ мансуб буда, ба он таваҷҷуҳи мутахассисони ҳуқуқи маъмурӣ бештар ба назар мерасад. Дар ин ҷода бояд қайд кард, ки дар доктринаи ҳуқуқи умумӣ дар баробари ибораи «хизматрасониҳои давлатӣ» ибораи «хизматрасониҳои оммавӣ» низ истифода мешавад. Ба хизмтарасониҳои оммавӣ бошад, инчунин хизматрасониҳои иҷтимоӣ низ шомил мебошанд.

Мафҳуми хизматрасонии иҷтимоӣ дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи хизматрасонии иҷтимоӣ»[4] оварда шудааст, ки мувофиқи он таҳти мафҳуми хизматрасонии иҷтимоӣ маҷмӯи хизматҳои иҷтимоии марбут ба фаъолияти хадамоти иҷтимоӣ дар бобати дастгирии иҷтимоӣ, расонидани хизматҳои иҷтимоӣ - маишӣ, иҷтимоӣ - тиббӣ, равонишиносию педагогӣ, иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ, хизматҳои дигар ва кӯмаки моддӣ, мутобиқшавӣ ва офияти иҷтимоии шаҳрвандон, ки дар ҳолати душвори зиндагӣ қарор доранд, фаҳмида мешавад.

Дар санади меъёрии ҳуқуқии мазкур, ҳамчунин мафҳуми хизматҳои иҷтимоӣ оварда шудааст, ки таҳти ин мафҳум намудҳои кору фаъолияте, ки ба қонеъ гардонидани талаботи шаҳрвандон ва ба манфиати онҳо бо мақсади расонидани кӯмак дар ҳолати душвори зиндагӣ ва пешгирии онҳо равона гардидаанд, фаҳмида мешавад.

Зимнан метавон гуфт, ки дар таҷриба мафҳуми қонуниро танҳо хизматрасониҳои давлатӣ ва иҷтимоӣ касб намуда, хизмтарасониҳои оммавӣ, ки бештар ин мафҳум аз ҷониби донишмандони ҳуқуқи маъмурӣ истифода мешавад, мустаҳкамии худро дар қонун пайдо накардаанд. Бо вуҷуди ин, дар адабиётҳо андешаҳои зиёд оид ба моҳияти ҳуқуқии хизматрасониҳои оммавӣ ва таносуби онҳо бо хизматрасониҳои давлатӣ ва иҷтимоӣ ҷой доранд.

Тихомиров Ю.А. хизматрасониҳои оммавиро ба таври васеъ, яъне чун «амалҳои ҳуқуқӣ ва иҷтимоии ба манфиати ҷомеа, давлат ва шаҳрвадон»[5] маънидод менамояд. Вобаста ба ин аз ҷониби Тихомиров Ю.А. дар якҷоягӣ бо Э. Талапина нишонаҳои зерини хизматрасониҳои оммавӣ ҷудо карда мешаванд:

- онҳо самти фаъолияти аҳамияти умумидоштаро таъмин менамоянд;

- доираи номаҳдуди субъектонеро, ки аз онҳо истифода мебаранд, дар бар мегиранд;

- аз ҷонби мақомоти ҳокимияти давлатӣ, худидоракунии маҳаллӣ ва ё субъектони дигар ба амал бароварда мешаванд;

- ҳам ба моликияти оммавӣ ва ҳам ба моликияти хусусӣ асос меёбанд[6].

Аз нишонаҳои ҷудокардашуда пайхас бурдан душвор нест, ки онҳо характери ҳуқуқиро доро намебошанд. Онҳо чунон ба таври васеъ ташаккул ёфтаанд, ки ҷудо намудани хизматрасониҳои оммавӣ аз дигар падидаҳои ҳуқуқӣ ғайриимкон мебошад. Новобаста аз ин, ба андешаи Ю.А. Тихомиров, мафҳуми хизматрасонии оммавӣ, ки аз ҷониби ӯ пешниҳод шудааст, «мафҳуми ҳамшабеҳ барои хизматрасониҳои давлатӣ, ки аз ҷониби мақомоти давлатӣ ва муассисаҳо иҷро карда мешаванд ва ҳам ва барои хизматрасониҳое, ки аз ҷониби мақомоти худидоракунии маҳаллӣ ва хизматрасониҳои иҷтимоие, ки аз тарафи сохторҳои ғайридавлатӣ ба мал бароварда мешаванд, ба шумор меравад»[7].

Андешаи ӯро дар маҷмуъ Л.К. Терещенко ҷонибдорӣ намуда, ибораи «хизматрасонии оммави»-ро нисбат ба ибораи «хизматрасонии давлатӣ» васеътар маънидод менамояд. Ба сифати нишонаи фарқкунанда ӯ ба таркиби субъективиаш ишора намуда, қайд менамояд, ки: «Хизматрасонии давлатӣ, дар навбати аввал субъектеро, ки хизматрасониро ба амал мебарорад тавсиф менамояд: ин ҳамеша мақомоти давлатӣ мебошад»[8]. Ба андешаи ӯ дар тафовут аз ин намуди хизматрасонӣ, хизматрасониҳои оммавиро сохторҳои давлатӣ ва ғайридавлатӣ иҷро карда метавонанд. Дар баробари ин «муҳим он, ки онҳоро (хизматрасониҳои давлатӣ ва оммавӣ) омилҳои зерин ба монанди ҳавасмандии ҷомеа барои иҷрои он, манфиати ҷомеа ва аҳамияти иҷтимоии он муттаҳид мекунананд»[9].

Қобили қабул аст, ки Л.К. Терещенко моҳияти хизматрасонии давлатиро дақиқ муайян намуда, мафҳуми кӯтоҳи он вале дар як вақт мафҳуми умумиро пешниҳод намудааст. Истифодаи чунин омил - ба монанди таркиби субъективӣ, воқеан барои ҷудо кардани хизмтарасонии давлатӣ ва тафовут гузоштани он аз дигар хизматрасониҳо имконият медиҳад. Вале Л.К. Терещенко барои ҷудо кардани мафҳуми хизматрасониҳои оммавӣ, давлатӣ ва иҷтимоӣ кӯшиш накарда, бар он андеша аст, ки як хизматрасонӣ дар баъзе мавридҳо хизматрасонии давлатӣ, оммавӣ ва иҷтимоӣ мебошад»[10].

А.В. Нестерев низ дар навбати худ хизматрасониҳои давлатӣ, ҷамъиятӣ ва оммавиро ҷудо мекунад. Ӯ ба хизмтарасониҳои давлатӣ (хизматрасониҳои ҳокимият) «аз ҷониби иҷрокунандагони хизматрасонӣ дар доираи ваколатҳояшон тибқи дастур ва стандартҳои хизматрасонии давлатӣ аз ҳисоби истифодаи захираҳои давлатӣ иҷрои хизматрасониҳои тибқи қонун ройгонро, ба шахсони манфиатдори ихтиёран муроҷиаткунанда» дохил менамояд. Ба хизматрасониҳои ҷамъиятӣ «хизматрасониҳои ба шаҳрвандон ройгонро, ки ба ҷамъият нигаронида шуда, аз ҷониби иҷрокунандагони тибқи озмун интихобгардида аз ҳисоби истифодаи фондҳои ҷамъиятӣ ва тибқи дастури хизматрасониҳои ҷамъиятӣ иҷро карда маешаванд» мансуб менамояд. Ба хизматрасониҳои оммавӣ бошад, А.В. Нестерев «хизматрасониҳои муздноки аҳамияти ҷамъиятӣ доштаро, ки арзиши онҳо аз ҷониби давлат ба танзим дароварда шуда, аз тарафи ташкилотҳои тиҷоратӣ мутобиқи дастури хзматрасониҳои оммавӣ иҷро карда мешавад» дохил менамояд[11].

Мафҳуми нисбатан васеи хизматрасонии оммавиро Е.В. Морозова пешниҳод менамояд, ки тибқи он зери мафҳуми мазкур «фаъолияти мақсадноки давлат оид ба қонеъ намудани ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунӣ ва иҷрои баъзе уҳдадориҳои шахсони воқеию ҳуқуқӣ, ки аз ҷониби онҳо ба миён оварда мешавад» фаҳмида мешавад[12]. Дар баробари ин ба андешаи ӯ хизматрасониҳои давлатӣ «ин

фаъолияти ҳатмии ҳуқуқтатбиқкунандаи ба ваколати мақомоти иҷроияи ҳокимияти далатӣ мансуб буда, мебошад, ки аз ҷониби буҷети дахлдор маблағгузорӣ шуда, ба татбиқи ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунии шахсони воқеию ҳуқуқӣ ва ҳамчунин ба таъмини иҷрои уҳдадориҳои онҳо равона гардидааст»[13].

Д.М. Щекин мафҳуми «хизматрасонии оммави»-ро ба маънои васеъ ва маҳдуд баррасӣ менамояд. Ба андешаи ӯ мафҳуми хизматрасониҳои оммавӣ (ба маънои васеъ) бо нишонаҳои зерин муайян карда мешаванд:

- фаъолияти аҳамияти ҷамъиятидошта;
- мавҷудияти субъекти махсус – мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва ё худидоракунии маҳаллӣ, муассиса ё ташкилоти давлатӣ;
- характери фардии хизматрасонӣ ба истифодабарандаи он;
- мавҷудияти манфиати махсуси истифодабарандаи хизматрасонӣ дар чунин фаъолият;
- аз ҷониби истифодабаранда ихтиёрӣ қабул намудани хизматрасонии оммавӣ[14].

Ба андешаи Д.М. Щекин таҳти мафҳуми хизматрасонии оммавӣ ба маънои маҳдуд «фаъолияти аҳамияти иҷтимоӣ дошта, ки дорои табиати ҳокимиятӣ намебошад (обтаъминкунии аҳолӣ, хизматрасонии тиббӣ ва ё таълимӣ аз ҷониби муассисаҳои давлатӣ) фаҳмида мешавад»[15].

Шарҳи овардашудаи андешаҳо нишон медиҳад, ки оид ба мафҳуми хизматрасонии оммавӣ ақидаи ягона мавҷуд набуда, мутахассисони соҳаи ҳуқуқи умумӣ дар маҷмуъ хизматрасониҳои оммавиро ба таври васеъ маънидод менамоянд.

Ҳамин тавр, Л.К. Терещенко ба сифати намудҳои хизматрасониҳои оммавӣ хизматрасониҳои иҷтимоиро баррасӣ намуда, ба онҳо хизматрасониҳои соҳаи тандурустӣ, фарҳанг, илм ва маорифро дохил менамояд. Мавқеи ӯро дар маҷмуъ дигар олимон низ (Н.В. Путилов ва Е.В. Морозова) дастгирӣ менамоянд[16].

Аммо, дар ин сурат мафҳуми хизматрасонии оммавӣ хизматрасониҳои тиббӣ, фарҳангӣ ва таълимиро, ки дар асоси шартномаҳои хизматрасонии музднок иҷро карда мешаванд, дар бар мегирад ва ин масъалаҳои зиёди марбут ба тафриқагузории хизматрасониҳои оммавиро (аз ҷумла хизматрасониҳои давлатӣ) аз хизматрасониҳоеро, ки объекти ҳуқуқи гражданӣ мебошанд, ба миён меорад.

Бояд қайд кард, ки масъалаи мазкур ба таври махсус ва ё алоҳида дар адабиётҳо мавриди таҳқиқ қарор дода нашуда, баъзе паҳлуҳои он аз ҷониби олимон зимни баррасии категорияи хизматрасониҳои оммавӣ марди омӯзиш қарор дода шудаанд. Новобаста аз ин, ақидаҳои олимон шаҳодати мавҷудияти ҳадди ақал ду мавқеъ мебошад: як гуруҳи олимон хизматрасониҳои оммавиро ҳамчун мафҳуме, ки ба он хизматрасониҳои гражданӣ-ҳуқуқиро шомил менамоянд, маънидод намуда, гуруҳи дигари олимон бошанд, мафҳумҳои хизматрасониҳои оммавиро аз хизматрасониҳои гражданӣ-ҳуқуқӣ тафриқа мегузоранд.

Дар ҳамин асно А.Ю. Тихомиров ташаккули институти нави ҳуқуқӣ – хизматрасониҳои оммавиро, ки дар он «ба сифати асос меъёрҳои ҳуқуқи конститутсионӣ, маъмурӣ ва гражданӣ ва меъёрҳои бо онҳо вобастаи ҳуқуқи молиявӣ, экологӣ, меҳнатӣ ва ғайра ба ҳам тавъам мебошанд», пешниҳод менамояд.

Олимони соҳаи сивилистика бошанд, баръакс хизматрасониҳои гражданӣ – ҳуқуқиро аз дигар намудҳои хизматрасониҳои оммавӣ, ба монанди давлатӣ ва иҷтимоӣ тафриқа мегузоранд.

Е.Г. Шаблова ҷудо намудани хизматрасониро ҳамчун объекти ҳуқуқи гражданӣ вобаста ба характери нишонаҳои он пешниҳод менамояд. Ӯ ба сафати ин нишонаҳо асосҳои зеринро номбар менамояд:

- хизматрасониҳое, ки ба аҳолӣ дар доираи баамалбарории сиёсати иҷтимоии давлатӣ ва татбиқи барномаҳои мақсадноки иҷтимоӣ иҷро карда мешаванд;

- ба субъекти мушаххас равона гардидани он (доираи аҳолие, ки ба расонидани кӯмак эҳтиёҷманданд);

- маҳдуд будани номгӯи ин намуди хизматрасониҳо;

- маблағгузории хароҷотҳои бо хизматрасонии иҷтимоӣ алоқаманд, асосан аз ҳисоби воситаҳои буҷетӣ ва ғайрибуҷетӣ ба амал бароварда мешаванд;

- субъектоне, ки хизматрасониро иҷро менамоянд, асосан муассисаҳои давлатӣ соҳаи иҷтимоӣ мебошанд[17].

Ба андешаи Т.В. Жуков, «ҳангоме, ки дар бораи хизматрасониҳои давлатӣ ва хизматрасониҳое, ки дар доираи муносибатҳои ҳуқуқи граждани иҷро карда мешавад, сухан меравад, мо бо падидаҳои мутлақо гуногун сару кор мегирем. … Дар ҳолати якум – ин муносибатҳои ҳуқуқии оммавӣ мебошанд, ки аз рӯи моҳияти худ ҳамчун функсияҳои давлатӣ мебошанд, ки аз ҷониби мақомоти дахлдори давлатӣ амалӣ карда мешаванд. … Дар ҳолати дуюм (новобаста аз он, ки иҷрокунанда шахси ҳуқуқии давлатӣ ва ё ғайридавлатӣ аст) ин – муносибатҳои оддии граждани (хусусӣ) мебошанд»[18].

Мавқеи сивилистон дар ин ҳолат бештар қобили қабул мебошад, зеро дар ин маврид мавҷудияти фарқияти объективӣ дар танзими ҳуқуқии хизматрасониҳои граждани-ҳуқуқӣ ва оммавӣ ба чашм мерасад. Инкор кардани чунин фарқият маънои инкор намудани моҳияти ҳуқуқии хизматрасонии оммавӣ мебошад, ки дар ин маврид категорияи ҳуқуқии хизматрасонии оммавӣ ба категорияи соф ҳуқуқӣ табдил меёбад.

Аз нуқтаи назари илми иқтисодӣ фарқият байни хизматрасонии ба ном хусусӣ ва оммавӣ на чандон чашмрас аст. Хусусияти хоси хизматрасонӣ ҳамчун зуҳуроти иқтисодӣ тавассути назарияи неъматҳои ҷамъиятӣ маълум карда мешавад, ки ин зарурияти дахолати давлатро ба иқтисодиёт маънидод менамояд. Тибқи назарияи мазкур «пешниҳоди як қатор молҳои дар маҷмуъ барои ҷамъият ва иқтисодиёт зарур, бояд аз ҷониби давлат таъмин карда шаванд, зеро худи бозор бинобар мавҷуд набудани ҳавасмандгардонии зарурӣ талаботи ҳамагонро ба таври кофӣ таъмин карда наметавонад»[19].

Мувофиқан, дар маънои иқтисодӣ давлат хизматрасониҳоеро иҷро мекунад, ки мавзӯи онҳо неъматҳои моддӣ мебошанд[20].

Неъматҳои моддӣ ба ду намуд ҷудо мешаванд:

Якум, неъматҳои ҷамъиятӣ, ки бо рақобатнопазир ва имконнопазир буданашон тавсиф карда мешаванд: «Рақобатнопазирӣ маънои онро дорад, ки тағйир ёфтани шумораи истифодабарандагони ин неъмат ба андозаи фоидаоварӣ он, ки аз ҷониби ҳар кадом истифодабаранда ба даст оварда мешавад, таъсир намерасонад. … Имконнопазирӣ бошад, маънои онро дорад, ки неъмат дорои сифати умумияти истифодабарӣ мебошад, яъне ҳар як эҳтиёҷманд метавонад онро ба даст оварад»[21]. Мисоли онҳо шуда метавонад, амнияти миллӣ, ки тартиботи ҳуқуқии дохилиро таъмин менамояд ва ғ.

Дуюм неъматҳои ҷамъиятии омехта, ки онҳо низ дорои хусусиятҳои номбурда мебошанд, вале онҳо начандон зуҳур ёфтаанд. Ба неъматҳои ҷамъиятии омехта хизматрасониҳои тиббӣ, тандурустӣ, илм, фарҳанг ва ғайра дохил мешаванд. Неъматҳои ҷамъиятии омехта «метавонанд ба сифати объекти муомилоти бозорӣ баромад намуда, доираи фаъолияти онҳо бошад, майдони рақобатноки муборизаи байни бахши хусусӣ ва ҷамъиятӣ (хизматрасониҳои музднок ва ройгони тиббӣ, таълимӣ) мебошад»[22].

Истифодаи категорияи неъматҳои ҷамъиятии омехта сарҳади байни бахши хусусӣ ва давлатиро аз байн мебарад, зеро ба сифати иҷрокунандаи ин ё он намуди хизматрасонӣ метавонад, ҳам давлат дар мақоми муассисаи давлатӣ ва ҳам шахси

воқеӣ баромад намояд. Таҳқиқгарон қайд менамоянд, ки ношаффофӣ ва ноустувории фарқияти мавҷуда байни хизматрасонии давлатӣ ва хусусӣ натиҷаи бештар паҳншудаи менеҷменти давлатӣ дар ҳамаи давлатҳо мебошад[23].

Зимнан, натиҷаи мазкур бештар ба давлатҳои аъзои собиқ Иттиҳоди Шӯравӣ хавфнок мебошад: «Механизми менеҷменти нави давлатӣ, ки фаъолнокии соҳибкорӣ, рақобатпазирӣ ва идоракуниро тавассути субъектони ғайридавлатӣ иброз менамояд, метавонад қонуни будани ҳокимиятро зери шубҳа монда, боварии аҳолиро ба ташкилоти давлатӣ, ки дорои нақши муассир дар ташаккули давлати нави демократӣ мебошанд, аз байн барад. Ба ғайр аз ин, натиҷаи баҳамоии зичӣ сохторҳои давлатӣ ва хусусӣ, хусусан дар давлатҳои собиқ коммунистӣ дар шароити ноуствуории меъёрҳои одобӣ хизматчиёни давлатӣ, метавонад боиси қабули қарорҳои махфии сиёсӣ гардад»[24].

Дар шароити мазкур амалишавии консепсияи менеҷменти нави давлатӣ моҳиятан ба низоми тиҷоратӣ пеш аз ҳама шомил шудани соҳаҳои тандурустӣ, маориф ва дигар соҳаҳоеро ифода мекунад, ки дар замони шӯравӣ фаъолияти онҳо аз ҷониби давлат таъмин карда мешуданд.

Имрӯз ислоҳоти мақомоти давлатӣ дар аксари давлатҳо гузариши муассисаҳои буҷетиро аз маблағгузории сметавӣ ба субсидияҳо дар доираи иҷрои фармоишоти давлатӣ дар назар дорад. Дар ин самт барои дарёфти воситаҳои пулии иловагӣ ба роҳбарони муассисаҳои буҷетӣ пеш аз ҳама зарур мешавад, ки хизматрасониҳои пулакиро дар соҳаҳои маориф, тандурустӣ ва фарҳанг ҷорӣ намоянд. Бояд қад кард, ки ҷомеа, хусусан дар шароити имрӯзаи муносибатҳои иқтисодӣ аз намудҳои гуногуни хизматрасониҳои музднок ба таври васеъ истифода мебарад. Аз ҷумла имрӯз шаҳрвандон ба таври васеъ аз хизматрасонии муздноки таълимӣ, ки аз ҷониби муассисаҳои таълимии хусусӣ расонида мешавад, истифода мебаранд.

Ҳамин тавр дар шароити гузаронидани ислоҳоти мақомоти идораи давлатӣ ва худидоракунии маҳаллӣ чунин категорияи хизмтарасонии оммавӣ нақши муҳим мебозад. Дар ин ҷода хизматрасониҳои оммавиро на ҳамчун категорияи ҳуқуқӣ, балки ҳамчун категорияи иҷтимоиву иқтисодӣ баҳо додан комилан мувофиқ аст. Шаҳодати ин гуфтаҳоро дар кӯшиши бенатиҷаи олимони соҳаи ҳуқуқи маъмурӣ барои дарёфти чунин нишонаҳои хизматрасонии оммавӣ, ки метавонанд зуҳуроти мазкурро чун категорияи ҳуқуқӣ тавсиф намоянд, дидан мумкин аст.

Қайд кардан мумкин аст, ки категорияи хизматрасониҳои давлатӣ соф ҳуқуқӣ мебошад ва таркиби субъективии хизматрасонии давлатӣ имконият медиҳад, ки онҳоро аз хизматрасониҳои гражданӣ-ҳуқуқӣ ҷудо намоем. Ба ғайр аз ин, татбиқи хизматрасониҳои давлатӣ дар идоракунии давлатӣ ба такмили механизми ҳуқуқии қонеъгардонии талаботи шаҳрвандон тавассути коркардаи дастурҳои маъмурӣ ва стандартҳои давлатӣ имконият медиҳад.

Дар баробари ин, ҳангоми чунин муносибат масъала оид ба табиати ҳуқуқии хизматрасониҳое, ки аз ҷониби ташкилоту муассисаҳои давлатӣ ва мақомоти худидоракунии маҳаллӣ иҷро карда мешаванд, баҳснок мемонад. Хизматрасониҳои мазкур наметавонанд ба гурӯҳи хизматрасониҳои давлатӣ шомил карда шаванд, зеро шахсони ҳуқуқии давлатӣ ва мақомоти худидоракунии маҳаллӣ мақомоти ҳокимияти давлатӣ ба шумор намераванд. Барои ба соҳаи танзими гражданӣ-ҳуқуқӣ низ дохил намудани хизматрасониҳои мазкур маҳдудият мавҷуд мебошад. Да ин ҷо, ба сифати асоси муҳим, ба маблағгузории буҷавӣ ишора карда мешавад, модоме, ки хизматрасониҳои харктери гражданӣ-ҳуқуқӣ дошта, дар асоси муқаррароти боби 37 Кодекси граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон дорои характери музднок мебошанд.

Кӯшиши истифодаи характери муздноки хизматрасониҳои гражданӣ-ҳуқуқиро ҳамчун омили тафриқагузорандаи он, нобарор арзёбӣ кардан мумкин аст, зеро музднок ва ё бемузд будани хизматрасонӣ барои истифодабаранда

наметавонад мазмуни ин хизматрасонӣ ва талаботи асосиро оид ба иҷрои он муайян намояд. Нодуруст будани чунин андешаро яқинан дар мисоли хизматрасониҳои таълимӣ ва тиббӣ мушоҳида кардан мумкин аст. Дар ин ҷо саволе ба миён меояд, ки оё байни хизматрасониҳои таълимӣ, ки аз ҷониби муассисаи таълимӣ иҷро карда мешаванд, вобаста ба он омиле, ки донишҷӯ дар гуруҳи буҷетӣ ё шартномавӣ таҳсил мекунад, бояд тафовут ҷой дошта бошад? Ба назар мерасад, ки чунин тафовут бояд ҷой надошта бошад. Тарафи дигар он аст, ки дар асоси хоҳиши донишҷӯ бо пардохти подошпулӣ, ба ӯ ҳаҷми васеи хизматрасониҳои таълимӣ, ки аз доираи стандартҳои давлатӣ бар меоянд, тамин карда мешавад. Аммо, тибқи стандартҳои ҳаҷм ва сифати хизматрасониҳои таълимӣ бояд ба таълимгиринда новобаста аз манбаи маблағгузорӣ якхела бошад. Чунин ҳолат дар хизматрасониҳои тиббӣ низ дида мешавад: муассисаҳои тиббӣ бояд хизматрасонии сифатноки тиббиро ба ҳамаи беморон новобаста аз манбаи маблағгузорӣ баробар таъмин намоянд. Фарқият метавонад дар ҳаҷми хизматрасониҳо вобаста аз маблағгузории он ва ҳамчунин вобаста ба шарт ва шароити иҷрои он ҷой дошта бошад (масалан, пешниҳоди ҳуҷраи алоҳида дар муассисаи тиббӣ ва ғ.). Ҳамин тавр, манбаи маблағгузорӣ наметавонад ба сифати омили фарқгузорандаи танзими ҳуқуқии хизматрасониҳои граждани ва оммавӣ бошад.

Ба сифати чунин омил метавонад сатҳи танзими ҳуқуқӣ баромад намояд. Дар сатҳи инфиродӣ бошад, ба сифати воситаи универсалии батанзимдарорӣ шартнома баромад менамояд, ки батанзимдарории граждани-ҳуқуқии муносибатҳои байни қабулкунандаи хизматрасонӣ ва иҷрокунандаи онро (ташкилот ва ё муассисаро новобаста аз шакли моликият) дар назар дорад.

Аммо, танзими ҳуқуқии муносибатҳои вобаста ба хизматрасониҳои аҳамияти иҷтимоӣ дошта, наметавонад вобаста ба танзими ҳуқуқии инфиродиашон аз байн раванд. Давлат ҳангоми ба амал баровардани функсияҳои иҷтимоии худ, вазифадор аст муносибатҳои мазкурро ҳамчун намуди алоҳидаи фаъолият тавассути муқаррар кардани талаботи дахлдор бо воситаи истифодаи механизмҳои ҳуқуқии батанзимдарории давлатӣ, танзим намояд: иҷозатномакунонӣ, акредитатсия, аттестатсия, стандартизатсия ва ғ. Бо вуҷуди ин воситаҳои ҳуқуқии батанзимдарории давлатӣ аз намуди мушаххаси фаъолият вобаста бошанд.

Ҳамин тавр, бо назардошти асосҳои овардашуда ба хулосаи зерин омадан мумкин аст:

Якум, категорияи хизматрасониҳои оммавӣ, категорияи иҷтимоӣ-иқтисодӣ буда, категорияи ҳуқуқӣ маҳсуб намеёбад.

Дуюм, дар соҳаи батанзимдарории муносибатҳо оид ба хизматрасонӣ ҷудо кардани хизматрасониҳои давлатӣ ва граждани-ҳуқуқӣ мувофиқи мақсад аст.

Сеюм, нисбат ба муносибаҳое, ки вобаста ба хизматрасониҳои оммавӣ байни субъектони гуногун ба миён меоянд, дар баробари татбиқи муқаррароти қоннугзуории граждани, инчунин истифодаи дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, ки салоҳият ва ваколатҳои мақомоти дахлдори давлатӣ ва худидоракунии маҳаллиро ба танзим медароранд, мувофиқи мақсад мебошад.

Чорум, ҳайати субъективии иҷрокунандаи хизматрасониро ба сифати омили фарқгузорандаи хизматрасониҳои давлатӣ аз хизматрасониҳои граждани-ҳуқуқӣ истифода бурдан мумкин аст. Дар хизматрасониҳои давлатӣ ба сифати иҷрокунандаи хизматрасонӣ мақомоти давлатӣ ва ё худидоракунии маҳаллӣ баромад менамоянд. Дар хизматрасониҳои граждани-ҳуқуқӣ бошад, ба сифати иҷрокунандаи хизматрасонӣ метавонанд шахсони воқеию ҳуқуқӣ, ҳамчунин ҳамчунин шахсони ҳуқуқии давлатӣ ва мақомоти худидоракунии маҳаллӣ баромад намоянд. Новобаста аз ин, манбаи маблағгузорӣ (давлатӣ ва ё хусусӣ) на бояд ба табиати ҳуқуқии хизматрасонӣ таъсир расонад.

АДАБИЁТ

1. АМО ҶТ. 1999. №6. Мод. 153, 154.
2. Хошимов Д.Д. Услуги в системе объектов гражданских прав: монография / Д.Д. Хошимов. Душанбе: «ЭР-граф», 2013.- С. 46.
3. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Ҷумҳурият. №59-60 (22 196-197). 27 апрели соли 2013.
4. АМО ҶТ. 2008. №1. Қ 2. Мод. 24.
5. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. -М., 2001.
6. Талапина Э. Публичные функции в экономике / Э. Талапина, Ю. Тихомиров // Право и экономика. -М., 2002.- №6.
7. Публичные услуги и право: науч.-практ. пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. -М., 2007. -С 29.
8. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные / Л.К. Терещенко // Журнал российского права, 2004.- №10.- С.16.
9. Там же. - С.16-17.
10. Хамон чо. - С. 16.
11. Нестерев А.В. Понятие услуги государственной, общественной (социальной) и публичной / А.В. Нестерев // Государственная власть и местное самоуправление, 2005.- №11.
12. Морозова Е.В. Публичные услуги: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. … канд. Юрид. наук / Е.В. Морозова. -М., 2009. -С.8.
13. Морозова Е.В. Ҳамон ҷо. - С. 9.
14. Щекин Д.М. О коммерциализации деятельности российского государства // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) / Д.М. Щекин; под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. -М., 2007. -С. 90.
15. Указанная работа. -С. 91.
16. Путило Н.В. К вопросу о правовой природе социальных услуг / Н.В. Путило // Журнал российского права, 2006. -№4. -С.18.
17. Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. …д-ра юрид. наук / Е.Г. Шаблова. -Екатенинбург, 2003.- С.14-15.
18. Жукова Т.В. К вопросу о понятии и содержании правовой категории «государственные услуги»: взгляд цивилистика / Т.В. Жукова // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт); под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. -М., 2007. -С.44-45.
19. Государственная политика и управление. учебник. В 2 ч. Ч.1. Концепции проблемы государственной политики и управления; под ред. Л.В. Сморгунова. -М., 2006.- С.272.
20. Шаститико А.Е. Публичные услуги и организационные рамки их предоставления / А.Е. Шаститико // Бюллетень Бюро экономического анализа, 2004. -№54. [Электронный ресурс] www.beafnd.org.
21. Тарандо Е.Е. Общественные блага: политэкономический подход / Е.Е. Тарандо // Вестник СПбГУ. Сер.5, 2005. -Вып. 2. -С.39.
22. Там же. С. 41.
23. Сигман К. «Новый государственный менеджмент» в российском высшем образовании / К. Сигман // Russie. Nei. Visions. апрель, 2008. -№30. - С. 16-21.
24. Тийна Рандма-Лийв. О применимости «западных» теорий государственного управления в посткоммунистических странах / Тийна Рандма-Лийв // Вопросы государственного и муниципального управления, 2008. -№2. -С. 81.
25. Кодекси граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қ.1. // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, 1999. - №6. -мод. 153, 154.
26. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон // Ҷумҳурият. 27 апрели соли 2013. -№59-60 (22 196-197).
27. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи хизматрасонии иҷтимоӣ» // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2008. -№1. -қ. 2. -мод. 24.
28. Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. …д-ра юрид. наук / Е.Г. Шаблова. -Екатенинбург, 2003. – 42 с.

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ УСЛУГ И ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ

В современных условиях развития экономических отношений в Республике Таджикистан, наряду с гражданско-правовыми услугами, выступающими самостоятельным объектом гражданского права, также весьма важное значение приобретают услуги, оказываемые государственными органами и органами местного самоуправления, именуемые в теории права публичными услугами, направленными на удовлетворение повседневных потребностей как физических, так и юридических лиц.

В связи с чем, данная статья посвящена вопросам соотношения правовой природы гражданско-правовых услуг и публично-правовых услуг.

Ключевые слова: публичные услуги, гражданско-правовые услуги, социальные услуги, правовое регулирование, правоотношение, государственные органы, органы местного самоуправления.

CORRELATION CIVIL SERVICES AND PUBLIC SERVICES

In the modern conditions of the development of economic relations of the Republic of Tajikistan, along with the civil services acting as independent object of civil law, also very the importance is got by the services rendered by state bodies and local governments, the rights called in the theory public services directed on satisfactions of daily requirements as individuals, and legal entities.

In this connection, this article is devoted to questions of a correlation of the legal nature civil legal services and public services.

Key words: public services, civil services, social services, legal regulation, legal relationship, government bodies, local governments.

Сведения об авторе: ***Д.Д. Хошимов*** **–** кандидат юридических наук, руководитель Аппарата Конституционного суда Республики Таджикистан. Телефон: **(+992)934403000** E-mail: **davron.d@mail.ru.**

СУБЪЕКТЫ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ПО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

А.Р.Нематов
Институт философии, политологии и права АН РТ

Традиционно проектная стадия правотворческого процесса начинается с разработки проекта нормативных правовых актов и ходатайства о его принятии, что выражается в праве субъектов правотворчества поставить вопрос о разработке, принятии, изменении или отмене конкретного нормативного акта.

Правотворческая инициатива та стадия в правотворческом процессе, которая предусматривает порядок, сроки представления проекта на рассмотрение, а в последующем, возможно, и принятие соответствующими правотворческими органами. Эта стадия включает комплекс сложных отношений, которые возникают между субъектами правотворческой инициативы с одной стороны и правотворческим органом с другой. На первый взгляд малозначительная и короткая по времени стадия на самом деле представляет собой сложные правовые отношения по подготовке проектов нормативных правовых актов с соответствующими документами и соблюдением особой процедуры его предоставления в правотворческий орган (например, парламент). Чтобы понять сущность этих сложных правоотношений, необходимо рассмотреть вопрос о составе его участников. Для этого обратимся к Конституциям Республики Таджикистан, который определил субъекты правотворческой инициативы в формате осуществления государственными органами и должностными лицами субъектов законодательной инициативы.

В соответствии со ст. 58 Конституции Таджикистана, правом законодательной инициативы обладают члены Маджлиси милли (верхняя палата Парламента), депутаты Маджлиси намояндагон (нижняя палата Парламента), Президент Республики Таджикистан, Правительство Республики Таджикистан, Маджлис народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области.

Как видно из положений конституции правом законодательной инициативы выступают носители государственной власти в лице главы государства, законодательной и исполнительной власти.

Президент и Правительство являются основными субъектами законодательной инициативы. Мировая практика свидетельствует о том, что значительная часть законопроектов в Парламент вносится Президентом и Правительством, а в парламентских республиках ещё и Премьер-министром.

Среди активных субъектов законодательной инициативы выступают члены и депутаты палат Парламента. В Таджикистане – члены Маджлиси милли и депутаты Маджлиси намояндагон. На современном этапе широкое распространение получила

практика совместного инициирования законопроектов членами и депутатами обеих палат Парламента. Хотя, таковое в Конституции Таджикистана не закреплено, но это очень хорошая практика по взаимному согласованному принятию правотворческих решений. Например, в Таджикистане членами Маджлиси милли совместно с депутатами Маджлиси намояндагон с 2010 по 2011 гг. было инициировано – 5 законопроектов, а с 2011 по 2012 гг. – 6 [4]. Как пишет А.И. Абрамова, в ходе её осуществления координируются разные интересы, что позволяет более объемно отражать в принимаемом законе назревшие потребности общественного развития, освобождает законодательный орган от длительной и сложной процедуры рассмотрения законопроектов в качестве альтернативных, которая включает в себя направление законопроектов на специальное заключение комитетов, выработку единого текста на основе представленных законопроектов [1]. Таким образом, эта форма законодательной инициативы помогает её субъектам заранее согласовать свои позиции, что способствует усилению координации, согласованию точек зрения по законопроекту и принятию совместных согласованных правотворческих решений. К тому же это способствует экономии труда, времени и средство в процессе законотворчества.

В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан правом законодательной инициативы также обладают местные органы государственной власти. Среди местных органов государственной власти республики правом законодательной инициативы в силу географической, климатической и религиозно-культурной специфики в лице депутатов маджлиса народных депутатов обладает Горно-Бадахшанская автономная область. В Таджикистане таким правом обладает лишь представительный орган Горно-Бадахшанской автономной области.

Краеугольным вопросом законодательной инициативы является вопрос о закреплении права законодательной инициативы за народом. Народ как носитель государственной власти осуществляет эту инициативу непосредственно или через своих представителей. Народ может внести законопроекты на рассмотрение Парламента через носителей права законодательной инициативы, в том числе посредством членов Маджлиси милли и депутатов Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Вне правового регулирования осталось непосредственное право реализации законодательной инициативы народом. В соответствии со ст. 6 Конституции Таджикистана, для непосредственной реализации власти народа в сфере законотворчества, наряду с его участием в референдуме, следовало бы наделить его правом законодательной инициативы. Мы поддерживаем А.И. Имомова, который считает, что с целью развития законодательной инициативы и демократизации этого демократического института следовало бы закрепить в Конституции инициативу народа в форме самостоятельной подготовки и внесения законопроектов в Парламент [5]. Конечно, здесь необходимо учитывать круг социально активной части населения (к сожалению, он пока ещё узок), уровень правовой просвещенности, политико-правовой культуры населения. Следует разработать и сами механизмы реализации народом права законодательной инициативы.

Эффективное осуществление законодательной деятельности и формирование гражданского общества связаны со становлением общественного мнения в качестве самостоятельного социального института[8]. В чем это может выражаться? Конечно, в создании механизмов взаимодействия между законодателем и представителями общественности в лице институтов гражданского общества. Современные информационные технологии позволяют и упрощают взаимодействие между активными представителями общественности и власти и тем самым способствуют донести общественные инициативы по тем или иным вопросам общественной жизни до законодателя. Например, в России сделан уверенный шаг в этом направлении, когда

был принят Указ Президента Российской Федерации «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» от 04.03.2013 г. [12], который дает возможность гражданам России представить предложения и поставить на голосование в интернете вопросы социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Общественная инициатива, получившая в ходе голосования необходимую поддержку (не менее 100 тыс. голосов граждан в поддержку инициативы федерального уровня), направляется в экспертную рабочую группу для проведения экспертизы и принятия решения о целесообразности разработки проекта соответствующего нормативного правового акта и/или об иных мерах по реализации инициативы.

К сожалению, в Таджикистане доступ к современным информационным технологиям пока имеет не большая, но активная в политической жизни часть общества. Именно она выражает и представляет интересы большей части населения страны. Практика взаимодействия общества и государства в сфере правотворчества посредством информационных технологий является показательной для Таджикистана. В настоящее время эта форма взаимодействия представителей власти и общественности активно практикуется в правотворческой деятельности многих государств. Например, интернет-обсуждения проектов нормативных актов в Канаде выступают одним из этапов консультаций с общественностью [6], практика осуществления консультаций с общественностью через интернет началась и в России. Справедливости ради, следует отметить, что в Таджикистане тоже начинается практика размещения законопроектов в интернете, но пока это единичные случаи, которые имеют односторонний характер, т.е. обратной связи государственных органов с гражданами, коллективами, социальными группами и представителями гражданского общества пока не существует. Огромную роль наряду с размещением законопроектов на официальных сайтах сыграло бы проведение прямых радио- и теледебатов по законопроекту с участием разработчиков и инициаторов законопроекта. Так, Т.В. Нечипоренко, ссылаясь на мнение экспертов в области информационной политики, пишет, что более или менее объективную политическую информацию гражданам могут представить не новостные программы, а телевизионные дебаты [11]. Проведение теледебатов является удобным средством установления двусторонней связи между законодателем и обществом по законопроекту и каналом донесения до общества основных его положений, раскрытия его экономических, политических и иных целей.

В 2003 г. после внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан высшие судебные органы были исключены из числа субъектов, обладающих правом законодательной инициативы.

Разделение властей является одним из основных признаков демократического и правового государства. Их самостоятельность не исключает их взаимодействия между собой в осуществлении единой государственной власти, непосредственно исходящей от народа. Именно при соблюдении принципа разделения властей определяются основные носители власти в общей структуре государства, и границы между отдельными элементами государственной власти становятся явными. Благодаря этому принципу конкретизируются основа и пределы взаимодействия субъектов верховной государственной власти.

Традиционно участие судебных органов в правотворчестве Таджикистана, видится в признании за ними самостоятельного осуществления правотворчества (судебное правотворчество) и в представлении судебным органам права законодательной инициативы. Сразу отметим, что мы рассматриваем участие высших судебных органов Таджикистана в правотворческой деятельности государства не через призму осуществления ими самостоятельного правотворчества (судебное

правотворчество), а именно через наделение высших судебных органов правом законодательной инициативы, и тем самым через их включение в правотворческую жизнь государства. Рассмотрим эти положения подробнее.

По вопросу признания за судебными органами права самостоятельного правотворчества, на постсоветском пространстве уже давно ведется научная полемика. Здесь есть как сторонники такого признания (Р.З. Лившиц, В.Д. Зорькин, М.Н. Марченко и др.) [9], так и его противники (В.С. Нерсесянц, С.В. Поленина и др.) [10]. В Таджикистане сложилась такая же ситуация. Например, К.Н. Холиков задается вопросом: характерны ли особенности нормативного правового акта как такового для актов Конституционного суда Республики Таджикистан?[13] Думается, здесь нет однозначного ответа. Актами Конституционного суда Республики Таджикистан являются его регламент, постановление.

Мы не сомневаемся, что регламент является нормативным правовым актом, который определяет порядок деятельности Конституционного суда и имеет разовый характер. Он не направлен на широкое регулирование общественных отношений, а имеет в основном организационно-процессуальный характер. Поэтому принятие Конституционным судом собственного регламента ещё не говорит о наличии судебного правотворчества в государстве и нормативности принятых им решений.

Что касается постановления Конституционного суда Таджикистана, то законы и другие нормативные правовые акты им не отменяются, а только признаются неконституционными, что, конечно, имеет несколько иное содержание. При отнесении решений судебных органов к нормативным правовым актам следует исходить с позиции наличия в них свойств нормативности, а их в решениях судебных органов, в том числе и постановлениях Конституционного суда Таджикистана не наблюдается. Обязательность их исполнения не определяет общеобязательности нормативных правовых актов, и во многих случаях они выносятся при решении конкретных индивидуальных дел и запросов.

Судебная власть, как самостоятельная часть общей системы государственной власти, осуществляет возложенное на нее правосудие (при соблюдении определенного процессуального порядка) по конституционным, гражданским, трудовым, уголовным, экономическим делам. Как пишет В.Е. Чиркин, главное назначение судебной власти – разрешение конфликтов в обществе [14]. Однако осуществление этой функции не означает её полной автономизации и предусматривает тесное переплетение функций судебной власти как с законодательствованием, так и государственным управлением, но они не должны подменять основной функции судебной власти – применения права. В.С. Нерсесянц пишет, что в целом судебная власть в наших условиях может и должна утверждаться и развиваться лишь в русле современного конституционного правопонимания, на основе и в границах строгого и последовательного соблюдения принципа разделения властей и требований конституционно-правовой законности. С такой правовой перспективой явно расходятся представления о наделении российского суда не принадлежащими ему и не присущими его природе правотворческими полномочиями [10]. Поэтому придание судебной практике статуса судебной правотворческой деятельности нам кажется сомнительным, и участие судебных органов в правотворческой деятельности государства мы видим в наделении высших судебных органов правом законодательной инициативы по вопросам их ведения.

Одним из основных доводов ученых-юристов, поддерживающих судебное правотворчество, является закрепление права толкования Основного закона за органами конституционного контроля. Право толкования Конституции Конституционным судом очень тесно соприкасается с правотворчеством, особенно, по мнению ученых-юристов с судебным правотворчеством. Так, В.И. Крусс пишет, что нужно признать основным субъектом правотворчества орган, конституционно

уполномоченный к официальной и исключительной интерпретации текста Конституции, т.е. Конституционный суд [7]. Возникает вопрос: как же быть в случае с Таджикистаном, когда исключительное право интерпретации Конституции принадлежит парламенту, и осуществляется оно в порядке и в форме конституционного закона. Согласно ст. 61 Конституционного закона РТ «О Маджлиси Оли Республики Таджикистан» от 19.04.2000 г., право толкования Конституции дается Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан в том же порядке, в каком рассматриваются конституционные законы, и принимается в виде конституционных законов [2]. В.И. Крусс прав в одном, что условиях Таджикистана результаты толкования Конституции являются нормативным актом и результатом правотворческой деятельности, так как толкование Конституции, осуществляемое парламентом и принимаемое в форме конституционного закона, проходит все стадии законотворческого процесса и обладает всеми реквизитами нормативного правового акта. Это ещё один аргумент в подтверждение того, что высшие судебные органы Таджикистана не обладают правом самостоятельного правотворчества.

В общей системе взаимоотношений судебной и законодательной власти доминирует сотрудничество. Такое сотрудничество в основном видится, в обеспечении правовых основ деятельности судебных органов и в назначении судей высших судебных органов со стороны палат Парламента. Одним словом это сотрудничество носит односторонний характер. Однако сотрудничество законодательной и судебной ветвей власти может осуществляться и в других плоскостях. Например, особый характер взаимоотношений судебной власти с законодательной в сфере правотворчества мог бы выразиться в представлении высшими судебными органами предложений по совершенствованию законодательства. Полагаем, что эти взаимоотношения могли бы сопровождаться представлением конструктивных предложений по восполнению пробелов в законодательстве. Роль судебных органов в совершенствовании законодательных актов могла бы быть существенной, если бы судебные органы в лице их высших органов обладали правом законодательной инициативы. С.В. Бошно пишет, что действия по выявлению пробелов в праве и представление предложений по их восполнению путем внесения законопроектов в парламент – такой видится роль судебных органов при использовании права законодательной инициативы [3]. Конечно, роль судебных органов в выявлении пробелов в законодательстве, которые обнаруживаются именно на стадии правоприменительной практики, огромна. Поэтому наделение органов судебной власти правом законодательной инициативы могло бы разрешить проблему неэффективности правового регулирования путем внесения соответствующих законопроектов в парламент по вопросам их ведения. А это возможно только в том случае, если судебные органы обладают правом законодательной инициативы. По этому пути пошли многие постсоветские республики, в том числе Российская Федерация, Республика Азербайджан и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова А.И. Внесение законопроекта в парламент как форма реализации права законодательной инициативы // Законотворчество в Российской Федерации / А.И. Абрамова; под ред. А.С. Пиголкина.– М.: Формула права, 2000.– С.350.
2. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – Душанбе, 2000.– № 4.– С.108.
3. Бошно С.В. Законодательная инициатива судебных органов – путь от источника к форме права / С.В. Бошно // Проблемы государственного строительства и права.– М., 2002.– Ч. 2.– С. 29.
4. Зухуров Ш. Доклад председателя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан / Ш. Зухуров // Садои мардум от 2 июн. 2011 г.– № 81–82; *Его же.* Третья сессия – сессия качества законов // Садои мардум от 29 июн, 2012.– № 82–84.
5. Имомов А.И. Органы государственной власти Таджикистана / А.И. Имомов.– Душанбе: Матбуот, 2007.– С. 259 (на тадж. яз.).

6. Кабышев С.В. Общественное мнение и законотворчество: канадские подходы / С.В. Кабышев // Государство и право, 2011.– №9.– С. 95.
7. Крусс В.И. Правотворчество и конституционализм / В.И. Крусс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации; под общ. ред. С.В. Полениной, В.М. Баранова и Е.В. Скурко. – Н. Новгород, 2007.– С. 60–61.
8. Лапаева В.В. Формирование концепции правовой новеллы / В.В. Лапаева // Законодательная социология. отв. ред. В.П. Казимирчук и С.В. Поленина. – М.: Формула права, 2010.– С. 197.
9. Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права / Р.З. Лившиц // Судебная практика как источник права. – М., 1997.– С. 3-15; Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право / М.Н. Марченко.– М.: Проспект, 2007.– С. 512; Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права, 2004.– № 12 (96).– С. 3–9.
10. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) / В.С. Нерсесянц // Судебная практика как источник права. – М., 1997.– С.34–41.
11. Нечипоренко Т.В. Зарубежный опыт проведения предвыборных теле- и радиодебатов / Т.В. Нечипоренко // Государство и право, 2013.– № 1.– С. 83.
12. Собрание законодательства Российской Федерации.– М.: 11 марта 2013.– № 10.– С. 1019.
13. Холиков К.Н. Конституционный суд Республики Таджикистан: статус, организация и деятельность / К.Н. Холиков. – М.: Издательство Московского университета, 2009.– С. 125–126.
14. Чиркин В.Е. Законодательная власть / В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2008.– С. 156.

СУБЪЕКТЫ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ПО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В данной статье проанализировано субъекты непосредственно, инициирующие вопрос о разработке, принятии, изменении или отмене конкретного нормативного акта. В статье обосновывается положение о том, что развития института правотворческой инициативы в Таджикистане можно осуществить через наделение граждан и высших органов судебной власти правом законодательной инициативы.

Ключевые слова: правотворчество, инициатива, законодательная инициатива, конституция, субъекты правотворчества

SUBJECTS OF A LAW-MAKING INITIATIVE OF THE CONSTITUTION REPUBLIC OF TAJIKISTAN

In this article are analyzed the subjects of a law-making initiating directly a question of development, acceptance, change or cancellation of the concrete statutory act. In the article is proved the thesis about development of institute of a law-making initiative in Tajikistan can be carried out through investment of citizens and the supreme bodies of judicial authority the right of a legislative initiative.

Key words: law-making, initiative, the legislative initiative, constitution, subjects of law-making

Сведения об авторе: ***А.Р. Нематов*** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан. Телефон: **918-61-54-43**

ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

М.Т. Раупова
Таджикский технический университет им. М.С.Осими

Проблемы источника повышенной опасности издавна привлекали внимание ученых-цивилистов. Однако, до сих пор нет единства в определении понятия источника повышенной опасности. Профессор В.А. Тархов отмечает: «...ни одно из самых замечательных творений законодательства не содержит такого понятия: ни Свод Юстиниана, составленный в VI в. и лежащий в основе почти всех современных правовых систем, официально утративший силу с января 1900 г., ни Кодекс Наполеона и Германский гражданский кодекс, действующие поныне, ни Свод законов Российской

империи, хотя все они предусматривают повышенную ответственность некоторых лиц. Только в 1910 г. известный немецкий юрист М. Рюмелин формирует идею повышенной опасности, а Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. вводит в законодательство термин «источник повышенной опасности».[1]

Идея М. Рюмелина заключалась в том, что тот, кто своей деятельностью повышает опасность для окружающих свыше обычного уровня, должен нести на себе и ответственность за это повышение.[2]

В.А. Ойгензихт высказал в своей монографии «нарушение нормы – есть нарушение. Это объективная реальность. Причинение вреда владельцем источника повышенной опасности при его эксплуатации недопустимо и неизвинительно даже при отсутствии вины – гласит правовая норма; недействительно принятия акта, вынесенного ввиду незнания о существовании неопубликованного акта вышестоящего органа; недопустимо осуждение невиновного человека и т.д. Правовая норма не допускает, запрещает, не признает. Отклонение от этой правовой нормы противоправно»[3].

В.М.Болдинов выделял то, что: «В законодательстве Российской империи исследуемый нами специальный деликт появляется в конце XIX в. Нормы - прототипы соответствующих конструкций советских кодексов, содержащие признаки ответственности за причинение вреда повышенно опасной деятельностью (предметами), - можно заметить в ст. 683 Свода законов гражданских, в ст. 92 Общего устава российских железных дорог, в приложениях к ст. 156 (19)-156 (24) Устава о промышленности и др.».[4]

Ученых и практиков всегда интересовал вопрос природы санкций данного специального деликта, ответственности без вины субъекта причинителя вреда. После принятия Гражданского кодекса РСФСР в 1922 г. развернулась широкая дискуссия о понятии источника повышенной опасности как правовой категории. Взгляды правоведов в этом плане диаметрально разошлись. Многие цитируют В.Ф.Яволена: «В цивильном праве всякое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто».[5]

Так, О.А.Агарков указывал, что источником повышенной опасности является «не вещь, а определенная деятельность по использованию соответствующих вещей».[6]

О.С.Иоффе считал, что «источник повышенной опасности есть определенного рода деятельность».[7]

Этой же позиции придерживался и В.Г.Вердников.[8]

Большое исследование провел профессор Б.С.Антимонов, которое нашло отражение в монографии «Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности», опубликованной в 1952 г. В те времена монография была одной из первых научных работ, посвященных этой теме.

Б.С.Антимонов попытался дать обоснование источнику повышенной опасности как определенному роду деятельности: «... это не только движение, действие, - это определенный род деятельности. Представление о деятельности прямо подчеркнуто законодателем».[9]

В итоге Б.С.Антимонов, выявив признаки этой деятельности, не рискнул сформулировать определение источника повышенной опасности, сославшись на то, что оно «имеет условный юридический смысл, - этот смысл не так легко раскрыть».[10] В правоведении эта концепция стала именоваться теорией «деятельности».

Вторая концепция, по мнению большинства ученых, оказалась прямо противоположной первой и получила название теории «объекта». Ее приверженцами были: Т.Б. Мальцман, Е.А. Флейшиц, Л.Л. Собчак, О.А. Красавчиков, Л.М. Белякова и другие.

Т.Б. Мальцман относила к источникам повышенной опасности «не всякие вещи, а только те, которые, выйдя из-под контроля человека, с трудом могут быть подчинены ему вновь или вообще никогда не подчинялись человеческому контролю. Не будучи же подконтрольны, они почти неизбежно причиняют вред тому, с кем и с чем соприкасаются».[11]

Считается, что ссылка Т.Б.Мальцман на то, что эти вещи никогда не подчинялись человеческому контролю, находясь в сфере сил природы, выходят за рамки предметаправового регулирования, не могут находиться в поле человеческой деятельности, поэтому их недопустимо считать признаками источника повышенной опасности.

Схожих взглядов придерживалась Е.А.Флейшиц, характеризуя источник повышенной опасности как «свойства вещей или силы природы, которые при достигнутом уровне развития техники не поддаются полностью контролю человека, а не подчиняясь полностью контролю, создают высокую степень вероятности причинения вреда жизни и здоровью человека, либо материальным благам».[12]

А.А.Собчак, как один из приверженцев теории объекта, высказывался так: «Источники повышенной опасности - это сложные материальные объекты, повышенная вредоносносность которых проявляется в известной независимости их свойств от человека, что вызывает неподконтрольность ему в достаточном полном объеме самого процесса деятельности, а это, во-первых, создает опасность случайного причинения вреда и, во-вторых, влияет на объем и характер его причинения».[13]

О.А. Красавчиков, который, корректируя позицию А.А.Собчака, охарактеризовал ее как плодотворную и развивающуюся в правильном направлении, указав, что «признак сложности не является специфическим для этих предметов материального мира. Сложным может быть то или другое техническое сооружение, тот или иной производственный, транспортный и тому подобный агрегат».[14]

Свойства - это сторона предмета, обусловливающая его различие или сходство с другими предметами и проявляющаяся во взаимодействии с ними. Нам думается, что критерий, определенный А.А.Собчаком как известная независимость повышенной вредоносности этих предметов, не является достаточным для разграничения повышенной опасности от обычной.

В основу критерия вредоносности предметов положены профессором О.А.Красавчиковым его количественные и качественные показатели. Категории качества представляют собой совокупность свойств, указывающих на то, чем данная вещь является. Исчезновение некоторых свойств не ведет к исчезновению самой вещи, исчезновение качества означает исчезновение самой вещи как качественной определенности. Любой предмет материального мира обладает качественными свойствами.

О.А. Красавчиков определяет источник повышенной опасности как «предметы материального мира (преимущественно орудия и средства), обладающие особенными специфическими, количественными и качественными состояниями, в силу которых владение (пользование, создание, хранение, транспортировка и т.д.) ими в определенных условиях времени и пространства связано с повышенной опасностью (объективной возможностью умаления личных или имущественных благ) для окружающих».[15]

Аналогично определяет эту правовую категорию А.М.Белякова.[16]

С учетом сказанного специфические качества этих предметов - это и есть вредоносность и повышенная опасность для окружающих. Представляется, что этот критерий не является определяющим признаком таковых предметов. Степень опасности через количественные показатели объекта соответствует объективной реальности и замыслу законодателя. Количество - это определенность вещи,

характеризующая ее со стороны мощности, множеств и интенсивности свойств. Грань между обычной опасностью объектов и повышенной должна проводиться, исходя из количественных параметров. Так, например, строительство в виде установки сруба для бани на приусадебном участке без применения машинных агрегатов (трактора, экскаватора) повышенной опасности и вредоносности не создает. В другом случае строительство коттеджа с применением электросиловых машин, башенного крана, энергии высокого напряжения и т.п. подпадает под действие ст. 1079 ГК РТ. Таким образом, при применении мощности и интенсивности произошло изменение характера одного и того же вида деятельности, т.е. один и тот же вид деятельности с появлением предметов материального мира, не поддающихся полному контролю со стороны человека, формирует разные структуры правовых отношений в обществе относительно последствий, связанных с возмещением вреда, причиненного в результате строительства.

Следует отметить, что О.А.Красавчиков, а также и другие приверженцы теории «объекта» не рассматривали сами по себе предметы материального мира вне связи с деятельностью человека.

Помимо вышеназванных теорий в середине XX века сформировалась еще одна промежуточная концепция на определение понятия источника повышенной опасности под названием «движущихся вещей». Л.А.Майданник и Н.Ю.Сергеева под таковыми понимали «вещи, оборудование, находящиеся в процессе эксплуатации и создающие при этом повышенную опасность для окружающих».[17]

К сторонникам этой позиции можно отнести и К.К.Яичкова, по мнению которого «источниками повышенной опасности являются объекты, перечисленные в ст. 404 ГК РСФСР, лишь в том случае, когда проявляются заложенные в них опасные свойства».[18]

Следует отметить, что первые два автора впоследствии склонились к теории «деятельности», как активной, так и пассивной, связанной с хранением взрывчатых и легковоспламеняющихся веществ. По нашему мнению, в их взглядах отсутствовало четкое разграничение между деятельностью и объектами.

Судебная практика длительное время воздерживалась от определения источника повышенной опасности. Определение термина «источник повышенной опасности» впервые было дано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. и буквально воспроизведено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г., где в п. 17 указано: «Источником повышенной опасности подлежит признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающего такими же свойствами».[19]

Отсюда усматривается, что по определению источником повышенной опасности признается деятельность.

Ст. 1079 ГК РТ концептуально не разрешила порожденных противоречивыми, что вызывает определенные затруднения у судов как следствие отсутствия единой судебной практики в сфере этой проблематики. Следует констатировать, что после принятия нового ГК и обновления законодательной базы взгляды правоведов остаются противоречивы, а юридическая мысль в области этого специального деликтного обязательства осталась на уровне 60-80 гг. XX века. К сожалению, авторы многих учебников по гражданскому праву не дают определение понятия источника повышенной опасности или в лучшем случае ограничиваются ссылкой на теоретическую неразрешенность данной правовой категории.

1.Законодатель изменил название соответствующей статьи: *«Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности » (ст. 449ГК Тадж ССР от 28декабря 1963г.).*

2. *«Ответственность за вред, причиненный деятельностью,создающей повышенную опасность для окружающих» (ст. 1079 КГ РТ 1996 г.).*

В связи с этим, часть правоведов посчитала, что теоретическая проблема решена и локализована самим законодателем. Так, профессор К.Б.Ярошенко отмечает: «Новый ГК положил конец спорам по поводу содержания понятия источника повышенной опасности. В самом наименовании ст. 1079ГК РТ подчеркнуто, что речь идет о деятельности, создающей повышенную опасность».[20]

Необходимо отметить, что впоследствии К.Б.Ярошенко свое представление об источнике повышенной опасности конкретизировала, правильно указав: «...предметом правового регулирования может быть только деятельность людей. Причинение вреда материальными объектами, обладающими вредоносными свойствами (ядовитыми, химическими, радиоактивными и подобными веществами), вне деятельности по их использованию оказывается тем самым вне рамок правового регулирования».[21]

Приверженцем аналогичного взгляда является А.М. Эрделевский, понимающий под источником повышенной опасности «деятельность, осуществление которой создает повышенную опасность для окружающих вследствие невозможности всеобъемлющего контроля над ней со стороны человека - использование транспортных средств, механизмов...».[22]

М.Н. Малеина утверждает, что «источником повышенной опасности признается деятельность, отвечающая двум признакам: создание повышенной вероятности причинения вреда; невозможность полного контроля за ней со стороны человека».[23]

Сторонником второй, противоположной, концепции на современном этапе является В.М. Болдинов, утверждающий, что термины «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» и «источник повышенной опасности» обозначают различные понятия и явления. Эти явления соотносятся друг с другом как процесс и предмет (деятельность - процесс осуществляется с помощью источника - предмета).[24]

Сходную позицию занимает О.М. Солдатенко, который считает источником повышенной опасности обладающий вредоносными свойствами, неподконтрольными или полностью подконтрольными человеку, предмет материального мира, при эксплуатации которого создается возможность случайного причинения вреда окружающим.[25]

М.А.Рожкова соглашается с тем, что термины «деятельность, создающая повышенную опасность» и «источник повышенной опасности» взаимосвязаны, но не тождественны друг другу. Однако, под самим источником повышенной опасности М.А.Рожкова понимает «материальный объект, который находится под контролем человека, но в силу присущих ему свойств не может полностью контролироваться последним, что создает высокую степень вероятности причинения вреда окружающим».[26]

При всей краткости этого определения в нем содержится нечеткость: во-первых, объект находится под контролем человека, во-вторых, не может полностью контролироваться последним, в-третьих, умалчивается о сфере деятельности человека.

Позиция М.А.Рожковой, к сожалению, не была научно обоснована, а большая часть публикации сориентирована на установление фактов и распределение доказывания в арбитражно-процессуальном судопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тархов В.А. Источник повышенной опасности / В.А. Тархов // Вест. Саратовской государственной академии права, 1997. -№ 2. –С. 115.

2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права: по изд.1917 г. / И.А. Покровский. - М., 1998. - 287с.
3. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве:учеб. пособие для студ. / В.А. Ойгензихт. -Д: Ирфон, 1972. -191с.
4. Болдинов В.М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности СПб / В.М. Болдинов //Юридический центр Прес, 2002. -№5.-С. 12.
5. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана / И.С. Перетерский. - М.: Госюриздат, 1956. -68с.
6. Агарков М.М. Возникновение обязательств из причинения вреда: учеб.пособие длястуд / М.М. Агарков // Гражданское право. Т. 1; под ред. М.М.Агаркова и Д.М.Генкина. - М.: Юриздат, 1944. – 339с.
7. Иоффе О.С. Советское гражданское право: курс лекций / О.С. Иоффе. - Л.: Изд-во.Ленингр. ун-та, 1961. – 178с.
8. Вердников В.Г. Советское гражданское право / В.Г. Вердников. -М., 1961. -398с.
9. Антимонов Б.С. Гражданским ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности / Б.С. Антимонов. - М.: Госюриздат, 1952. -71с.
10. Антимонов Б.С. Там же. -99с.
11. Мальцман Т.Б. Ответственность и вред, причиненный источникомповышенной опасности. Дисс.. канд… юрид. наук / Т.Б. Мальцман. - М., 1948. -.31с.
12. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения / Е.А. Флейшиц. -М.:Юриздат, 1951. – 133с.
13. Собчак А.А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда действием источника повышенной опасности. Автор. дисс… канд .юрид. наук / А.А. Собчак. -Л., 1964. – 8с.
14. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О.А. Красавчиков. -М.: Юрид. лит., 1966. – 19с.
15. Красавчиков О.А. Указ.соч. - 34с.
16. Белякова А.М. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / А.М. Белякова. -М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. Изд-во Моск.ун-та, 1967.
17. Майданник Л.А. Материальная ответственность за повреждение здоровья / Л.А. Майданник, Н.Ю. Сергеева. -М.: Госюриздат, 1953. – 25с.
18. Яичков К.К. Права, возникающие в связи с потерей здоровья / К.К. Яичков. -М.: Наука, 1964. – 65с.
19. Бюллетень Верховного Суда РФ, 1994. - № 7. -3-9с.
20. Ярошенко К.Б. Обязательства вследствие причинения вреда: в кн.: Комментарий Российского законодательства / К.Б. Ярошенко. - М.: Российская правовая академия, 1997. - 425с.
21. Гражданское право. Ч. 2: Обязательственное право. Курс лекций; под ред. О.Н.Садикова. - М.: БЕК, 1997. -655с.
22. Гражданское право: учебник; под ред. С.П.Гришаева. 2-е изд., перераб. и доп.: -М: Юристь, 2003. – 456с.
23. Гражданское право: учебник. Ч. 2; под ред. А.Г. Калпина. -М.: Юристь, 2002. -520с.
24. Болдинов В.М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности / В.М. Болдинов. -СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. -18с.
25. Солдатенко О.М. Гражданско-правовое регулирование ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности: автореф. дис… канд. юрид. наук / О.М. Солдатенко. -Саратов, 2002. -12с.
26. Рожкова М.А. Об источнике повышенной опасности / М.А. Рожкова // Вестник ВАС РФ, 2002. -№2. - С.9.

ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

В статье ведется речь о понятии источника повышенной опасности, ее субъектах и объектах, о классификации, основы появления ответственности от нанесения вреда посредством источника повышенной опасности. Свойства источника повышенной опасности и согласно ее особенностям появляющаяся ответственность. Ответственность для одновременного нанесения вреда и другие проблемы источника повышенной опасности обсуждается в данной статье.

Так же предлагаются нормативные акты Гражданского кодекса Республики Таджикистан, регулирующие соотношение вреда и ответственности. Обобщается судебная практика нанесения вреда посредством источника повышенной опасности, и предлагаются научные выводы.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, возмещение морального вреда, нарушение нормы, ответственность за причинение вреда, деликатность, материальный объект.

HISTORY AND PROBLEMS OF THE NOTION OF THE SOURCE RAISED TO DANGERS

The article says about the big dangerous source, its subject and object and the reason of its existences. There are offered the signs of big dangerous source, the responsibility corresponding it. The responsibility of doing harm together and other riddles of big dangerous sources are analyses in this article.

Like that the measures of the codes of Republic of Tajikistan and the code action of harm by of mediation of big dangerous sources are collect together and the scientifically conclusions were suggested.

Key words: source of heightened danger, compensation of moral damage, breach of norms, responsibility for damage cause, delicateness, tangible object

Сведения об авторе: ***М.Т. Раупова*** - кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных наук ТТУ им. М.С.Осими. Телефон: **927801300.** E-mail: **manzura1963@mail.ru**

ВОПРОСЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

С.И. Додоматов
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

История свидетельствует о том, что войны и вооружённые конфликты сопровождают человечество на всем историческом пути его существования. К сожалению, несмотря на предпринимаемые мировым сообществом меры по поддержанию мира, не удается и в настоящее время избежать крупных и мелких военных конфликтов. Только после окончания Второй мировой войны на Земле зафиксировано около 30 средних по размеру войн и более 400 вооруженных конфликтов [1]. В Республике Таджикистан с 1992 года по 1997 год проходила Гражданская война [2], а также несколько спецопераций, в которых военнослужащие Вооруженных Сил Республики Таджикистан принимали непосредственное участие. Так, например, во время спецоперации в Раштском районе Республики Таджикистан в 2010 году в результате обстрела колонны военнослужащих в ущелье Камароб около 30 человек погибло, и десятки военнослужащих были ранены [3]. Также был сбит вертолет военно-воздушных сил и противовоздушной обороны Вооруженных Сил Республики Таджикистан, при крушении которого погибло 28 человек [4]. Во время военной операции в городе Хороге Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан в 2012 году погибло свыше 100 военнослужащих и более 70 получили ранения различной тяжести [5].

На сегодняшний день сохраняются внутренние и внешние угрозы, непосредственно затрагивающие национальные интересы Республики Таджикистан и её безопасность [6].

Долг военнослужащих исполнять обязанности военной службы в любых условиях, а из вышесказанного можно сделать вывод, что в условиях военного конфликта это связано с повышенной опасностью для их жизни и здоровья.

Военнослужащие пользуются гражданскими правами и свободами с ограничениями, определяемыми условиями военной службы, и в соответствии с условиями военной службы им предоставляются дополнительные права, гарантии и компенсации [7]. По мнению А.В.Кудашкина, главная особенность военной службы состоит в исполнении военнослужащими специфических функций, связанных с применением или возможностью применения средств вооруженной борьбы, в целях решения государственными органами и организациями задач в области защиты Отечества (обороны и военной безопасности), закрепленных за ними в нормативном порядке [8].

Изложенные обстоятельства предопределяют необходимость специального правового регулирования обязательного государственного личного страхования жизни и здоровья военнослужащих Вооруженных Сил Республики Таджикистан, правовой охраны и защиты их гражданских прав в условиях военного конфликта.

Вопрос о месте института обязательного страхования в современной системе права носит дискуссионный характер. Главным отличительным признаком всех разновидностей обязательного государственного страхования является осуществление его в силу закона, в связи с чем, в настоящее время ведется широкая научная дискуссия по вопросу места института обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих. Мнения ученых по данному вопросу разделяются на две категории. Одни ученые относят институт обязательного государственного страхования к гражданско-правовому институту, другие – к институту права социального обеспечения, имеющего в большей степени административно-правовой характер [9].

Сторонники отнесения обязательного государственного страхования к праву социального обеспечения обосновывают свои утверждения, ссылаясь на п. 1 ст. 969 Гражданского Кодекса Российской Федерации, в котором указано, что обязательное государственное страхование осуществляется в целях обеспечения социальных интересов граждан и интересов государства [10].

О социальной направленности института обязательного государственного страхования говорится и в трудах некоторых ученых. Например, М.А. Ковалевский отмечает, что обязательное государственное страхование является одной из форм реализации конституционного института социального обеспечения [11].

Сторонники иной позиции относят институт обязательного государственного страхования к числу гражданско-правовых институтов. А.Н. Мачкасов отмечает, что «обеспечение социальных интересов граждан является основной целью обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих. Однако, данный интерес является, прежде всего, имущественным, и застрахованные лица при наступлении страхового случая приобретают, прежде всего, право на получение страхового возмещения, которое выражается в денежном эквиваленте» [12]. Далее автор обосновывает свой вывод о том, что обязательное государственное страхование к видам социального обеспечения не относится и элементом социального обеспечения его назвать нельзя [13]. Мачкасов А.И. отмечает, что «…поскольку обязательное государственное страхование не является ни элементом государственной системы социального обеспечения, ни разновидностью социального обеспечения, то без всякого сомнения этот вид страхования следует признать категорией гражданско-правовой направленности» [14].

Указанной позиции придерживается и Д.В. Савкин, который считает, что «страховое правоотношение между страхователем, страховщиком и выгодоприобретателем является гражданским правоотношением и подчиняется гражданскому законодательству» [15]. Исходя из рассуждений названного автора, гражданское правоотношение и страховое правоотношение соотносятся между собой как общее и частное. Соответственно институт обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих правильнее будет отнести к числу гражданско-правовых институтов.

Анализ нормативных правовых актов Республики Таджикистан позволил прийти к выводу, что в качестве объекта личного страхования граждан установлены имущественные интересы, связанные с жизнью, здоровьем, трудоспособностью страхователя или застрахованного лица (личное страхование); с владением, пользованием, распоряжением имуществом (имущественное страхование) [16].

Закон Республики Таджикистан «О страховании» отражает экономический характер страхования, так как целью личного страхования в соответствии с ним является именно имущественный интерес. Таким образом, установление данным законом в качестве объекта личного страхования имущественного интереса является

весомым аргументом в пользу отнесения данного правового института к гражданско-правовому.

Право на осуществление обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих является неотъемлемым элементом их правового статуса, оказывающим существенное влияние на уровень социальной защищенности указанной категории граждан [17].

К сожалению, на современном этапе развития военной организации Республики Таджикистан отсутствует специальный механизм, регулирующий порядок обязательного государственного личного страхования жизни и здоровья военнослужащих не только в мирное время, но и в условиях военного конфликта. Этим объясняется актуальность решения вопросов правового регулирования данной сферы общественных отношений.

Такое понимание будет более актуальным, в силу того, что вероятность причинения вреда здоровью и гибели военнослужащих многократно возрастает в военное время, когда они выполняют с оружием в руках свою конституционную обязанность по вооруженной защите Отечества [18].

Из анализа действующего законодательства Республики Таджикистан следует вывод о том, что оно не в полной мере учитывает специфику участия военнослужащих в военных конфликтах, что в свою очередь не способствует соблюдению принципа верховенства прав и свобод человека и гражданина, установленного статьей 5 Конституции Республики Таджикистан [19].

В этой связи особого внимания заслуживает вопрос обязательного государственного личного страхования жизни и здоровья военнослужащих Вооруженных Сил Республики Таджикистан.

Под обязательным государственным страхованием понимается мера социальной защиты определенной категорий государственных служащих, которая предусматривает страхование их жизни, здоровья и имущества [20]. Функция страхования реализуется в результате возмещения имущественных потерь и ущерба, вызываемых стихийными бедствиями, неурожаем, неблагоприятными факторами и негативными воздействиями на имущество граждан, предприятий, организаций, учреждений [21].

Статья 2 Закона Республики Таджикистан «О страховании» определяет страхование как деятельность, направленную на обеспечение защиты интересов физических и юридических лиц от последствий определенных, непредвиденных событий (страховых случаев) за счет денежных фондов, формируемых из уплачиваемых ими платежей (взносов) [22].

В соответствии со статьей 16 Закона Республики Таджикистан «О правовом статусе военнослужащих» военнослужащие и граждане, призванные на военные сборы, подлежат обязательному государственному личному страхованию за счет средств Министерства обороны Республики Таджикистан (министерства и ведомства, в котором законом предусмотрена военная служба) [23]. Условия и порядок осуществления обязательного государственного личного страхования жизни и здоровья военнослужащих в данном законе не предусмотрены. Никаких иных нормативных правовых актов, регулирующих механизм обязательного государственного личного страхования жизни и здоровья военнослужащих, на данный момент не принято. В отличие от Республики Таджикистан в Российской Федерации действует Федеральный закон от 28 марта 1998 г. N 52-ФЗ "Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов

уголовно-исполнительной системы"[24], в котором отражены особенности и порядок страхования жизни и здоровья военнослужащих.

Кроме того, статья 1050 Гражданского кодекса Республики Таджикистан предусматривает освобождение страховщика от выплаты страхового возмещения и страховой суммы (если законом или договором страхования не предусмотрено иное), если страховой случай наступил вследствие военных действий, маневров или иных военных мероприятий, а также гражданской войны [25].

Указание на военные действия, маневры или иные военные мероприятия, а также на гражданскую войну как основания освобождения от ответственности по выплате страхового возмещения подчеркивает важность определения данных понятий, которые особо актуальными становятся в условиях военного конфликта.

Однако законодательство Республики Таджикистан не содержит легального определения таких понятий, как: «военные действия», «маневры или иные военные мероприятия», «гражданская война».

Отсутствуют эти понятия в Военной доктрине Республики Таджикистан [26] и в Законе Республики Таджикистан «Об обороне». Несмотря на то, что данный закон говорит о начале и прекращении военных действий, он не раскрывает самого понятия «военные действия».

Учитывая, что наступление страхового случая, вследствие военных действий, маневров или иных военных мероприятий, а также гражданской войны, являются основанием для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения и страховой суммы автор полагает необходимым данные понятия, которые содержатся только в энциклопедической литературе [27], закрепить законодательно.

Законодательное закрепление данных понятий актуально в Республике Таджикистан еще и потому, что, как отмечалось выше, военнослужащие Вооруженных Сил республики привлекаются к решению задач по защите Отечества с оружием в руках и в ходе проведения специальных мероприятий по обеспечению мира и безопасности в стране. Внесение изменений и дополнений в действующее законодательство Республики Таджикистан в данной сфере общественных отношений будет гарантировать военнослужащим при получении увечий и в случае их гибели соблюдение их гражданских прав и социальной защиты.

Под военными действиями, маневрами и военными мероприятиями следует понимать организованное применение вооруженных сил государства для выполнения поставленных задач (то есть ведение войны на стратегическом уровне) [28], а также передвижение войск при подготовке и ведении боя и операции на новое направление действий, как правило, с изменением ранее поставленной задачи [29].

Следует указать, что в Военной доктрине Российской Федерации раскрываются понятия трех видов войн [30], общим признаком которых является противостояние между двумя и более государствами, что не отражает понятие и сущность гражданской войны. В свою очередь, Конохов М.В. под гражданской войной понимает противоборство между двумя противостоящими друг другу силами одного государства [31].

Действующая нормативно-правовая база Республики Таджикистан, регламентирующая возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы носит неоднородный характер. Нормы и положения, закрепляющие нормативно-правовую основу возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих, содержатся в различных отраслях права.

Ряд нормативных правовых актов, в частности Законы Республики Таджикистан «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» [32], «О статусе военнослужащих» [33] и Постановление Кабинета министров Республики Таджикистан

«О государственном обязательном личном страховании военнослужащих и военнообязанных, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и комитета национальной безопасности» от 15 июня 1992 г. №223 в редакции Постановления Правительства Республики Таджикистан от 18 августа 1994 г. №405, регулирующие государственное обязательное личное страхование военнослужащих не в полной мере отвечают современным реалиям, в т.ч. новым вызовам и угрозам государству и его гражданам.

Вышеизложенное позволяет выявить несоответствие действующего законодательства в сфере обязательного государственного личного страхования военнослужащих Вооруженных Сил Республики Таджикистан потребностям общества, государства и самих военнослужащих в таком правовом регулировании данных отношений, которое соответствовало бы современному уровню развития военной организации государства и особенностям выполнения военнослужащими своих обязанностей как в мирное время, так и в условиях военного конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толкаченко А.А. О роли права в предотвращении войн и вооруженных конфликтов / А.А. Толкаченко // Право в Вооруженных Силах, 2002.- № 6. -С.24.
2. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%F0%E0%E6%E4%E0%ED%F1%EA%E0%FF_%E2%EE%E9%ED%E0_%E2_%D2%E0%E4%E6%E8%EA%E8%F1%F2%E0%ED%E5 (дата обращения 30.10.2013).
3. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Засада_на_колонну_правительственных_войск_Таджикистана_в_ущелье_Камароб (дата обращения 30.10.2013).
4. [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/2010/10/07/tadjikistan/ (дата обращения 30.10.2013).
5. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/world/20120823/729384918.html (дата обращения 30.10.2013).
6. Военная доктрина Республики Таджикистан, утв. Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 3 октября 2010 года № 10.
7. Мигачев Ю.И. Правовые гарантии реализации статуса военнослужащих (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. … докт. юрид. наук / Ю.И. Мигачев. -М., 1998. -С. 22; Артамонов Н.В. Правовой статус советских военнослужащих и его обеспечение: учеб. пособие / Н.В. Артамонов. -С. 11; Кудашкин А.В. Теоретико-правовые основы военной службы в Российской Федерации / А.В. Кудашкин. -С. 82.
8. Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации теория и практика правового регулирования / А.В. Кудашкин. -М., 2003.
9. Конохов М.В. Обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих как комплексный институт военного права / М.В. Конохов // Государство и право, 2013. - № 4. - С. 57.
10. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. -№ 51-ФЗ (редакция от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета, 1994. -№ 238, 239.
11. Ковалевский М.А. Конституционные принципы в обязательном страховании военнослужащих и проблема ответственности страховщика / М.А. Ковалевский // Страховое право, 2002. - № 4.- С. 54.
12. Мачкасов А.И. Осуществление обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников УИС. дисс… канд. юрид. наук / А.И. Мачкасов. -Рязань, 2010. -С. 53.
13. Мачкасов А.И. указ. соч. -С. 53.
14. Мачкасов А.И. указ. соч. -С. 53.
15. Савкин Д.В. Страховое правоотношение по российскому гражданскому праву. дис… канд. юрид. наук / Д.В. Савкин. -М., 2003.- С. 6.
16. Закон Республики Таджикистан «О страховании» от 20 июля 1994 года N 981 // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан 1994 год. -№14. -С. 207; Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 1997 год. -№ 9. -С. 117; 1997 год. -№ 23-24. -С. 333; 1999 год. -№5. -С. 73; 2001год. -№ 4. -С.179; 2005 год. - №12. -С. 635; 2008 год. -№ 3. -С. 197.
17. Конохов М.В. Обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих как комплексный институт военного права / М.В. Конохов // Государство и право, 2013. - № 4. - С. 56.
18. Конохов М.В. «Гражданские права и обязанности военнослужащих в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)»: дис. … канд. юрид. наук / М.В. Конохов.- М., 2012. -С. 4.
19. Конституция Республики Таджикистан (принята всенародным голосованием 6 ноября 1994 г.).
20. Скачкова О.А. Страхование.: Конспект лекций / О.А. Скачкова. -М.: Эксмо, 2007. -С.5.
21. Савкин. Д.В. «Страховое правоотношение по российскому гражданскому праву»: дис. … канд. юрид. наук / Д.В. Савкин. -Москва, 2003.- С.8.
22. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2008. -№3. -С. 197.

23. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2012. -№ 8. -С. 822.
24. [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/12111156/ (дата обращения 05.11.2013).
25. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009. -№ 12. -С. 821.
26. Военная доктрина Республики Таджикистан, утв. Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 3 октября 2010 года - № 10.
27. В энциклопедической литературе под военными действиями понимается действия вооруженных сил во время войны, направленные на разгром противника на суше, в воздухе и на море: Красильников С. Н. Словарь основных военных терминов; под ред. С.Н. Красильникова. -М., 1965. -С. 47.
28. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%EE%E5%ED%ED%FB%E5_%E4%E5%E9%F1%F2%E2%E8%FF (дата обращения 03.11.2013).
29. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/165700/Манёвр (дата обращения 03.11.2013).
30. О военной доктрине Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 февр. 2010 г. № 146 // Рос. газ. 2010. 8 февр.
31. Конохов М.В. Обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих как комплексный институт военного права / М.В. Конохов // Государство и право, 2013. - № 4. - С. 61.
32. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003 год. -№ 4. -С. 146; 2004 год. № 2. -С.50; -№7. -С. 464; 2005 год. -№ 3. -С. 117.
33. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2006 год. -№ 3. -С. 150.

ВОПРОСЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В статье рассматриваются вопросы обязательного государственного личного страхования жизни и здоровья военнослужащих Вооруженных Сил Республики Таджикистан, проблемы связанные с осуществлением права на страхование военнослужащими и дальнейшее направление развития законодательства Республики Таджикистан в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: обязательное государственное личное страхование жизни и здоровья военнослужащих, Вооруженные Силы, Республика Таджикистан, законодательство.

THE ITEMS OF OBLIGATORY STATE PERSONAL LIFE AND HEALTH INSURANCE OF MILITARY PERSONNEL OF THE ARMED FORCES OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The article describes the items of obligatory state personal life and health insurance of the Armed Forces members of the Republic of Tajikistan, the problems concerned with the execution of entitlement of the military personnel insurance and the further development of the Tajik legislation in this field of public relations.

Key words: obligatory state personal life and health insurance of military personnel, Armed Forces, the Republic of Tajikistan, legislation

Сведения об авторе: ***Додоматов С.И.*** - старший лейтенант юстиции, адъюнкт кафедры гражданского права Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации E-mail: **ansor7707@mail.ru**

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

У.А.Азизов
Таджикский национальный университет

Развитие общественных отношений и институтов, в частности развитие права, немыслимо без преемственности и отрицания. История права есть единый процесс, в котором по необходимости присутствуют как моменты разрушения, так и моменты связи и преемственности[1], выявляет этот процесс особенно ярко, если здесь используется исторический подход. Исторический же подход означает выделение основных тенденций развития в том или ином явлении, правильное установление связей между прошлым и настоящим, сегодняшним и будущим[2].

Общественные идеи и теории в каждую новую эпоху не возникают на пустом месте, они разрабатываются на основе идейного материала предшествующих эпох. Так

складывается непрерывное развитие во всех областях общественного сознания – в философии, искусстве, морали, праве и т.д.

В правовых системах различных общественно-экономических формаций встречаются сходные, и даже идентичные, элементы. Причем элементы сходства можно обнаружить в любой из правовых систем, включая отрасли и институты права[3].

Так, новая система наследует институты права, а затем совершенствует их, поскольку они соответствуют новыми общественными отношениями, родственному по своей основе старому. Они дополняются, видоизменяются, развиваются и совершенствуются под воздействием целей системы и факторов, существующих и проявляющихся в новом обществе.

Концепция развития есть диалектическое единство двух моментов – отрицания и преемственности. Так, если категория отрицания констатирует ликвидацию того или иного материального образования или качественного состояния и отображает прерывность, конечность бытия, то преемственность характеризует его непрерывность и бесконечность. Благодаря ей в процессе развития происходит обогащение содержания, так как новое, удерживая в снятом виде положительные моменты старого, прибавляет к ним свое специфическое содержание[4]. Таким образом, преемственность, как генетическая связь нового со старым, – это закономерность развития, необходимое условие его поступательности.

Это особенно становится заметным в переходные периоды. При переходе от одного типа права к другому передаются его элементы, связанные с общими условиями существования человеческого общества, а не с конкретно-определенным экономическим и классовым строем. "В процессе исторического развития, особенно в переходном периоде, - пишет Ф.Т. Тахиров, - происходит возрастание роли преемственности не только в силу естественного роста объема юридического материала, но и в силу действия ряда социально-политических факторов, обусловливающих ускорение темпов правового прогресса"[5].

Преемственность в праве носит закономерный, универсальный характер. Она сопровождает право на всех этапах его развития. Нет ни одной ранее существовавших и ныне действующих правовых систем, которые в той или иной мере не испытали бы влияние прошлого в области права. Речь может идти лишь о глубине и степени этого влияния.[6]

Она - не простая передача определенных элементов, а изменение в ходе такой передачи. Механизм осуществления этого изменения характеризуется удержанием, сохранением и дальнейшим развитием старого в новом. Этим преемственность существенно отличается от заимствования, т.е. передачи и сохранения чего-либо без изменения, вне развития[7].

К сожалению, вопрос о преемственности в уголовном праве почти не ставился в работах советских криминалистов, а между тем он имеет исключительно важное значение, ибо его изучение позволит познать и усвоить те процессы, которые происходили в области развития уголовного законодательства и в сфере уголовно-правовой идеологии. Отрицательное отношение со стороны целого ряда советских юристов ко всему тому положительному, что было достижением передовой как советской, так и зарубежной уголовно-правовой мысли, было аналогично пролеткультовскому отрицанию всей феодальной и буржуазной культуры. Сказанное относится и к соотношению марксистской теории уголовного права с уголовно-правовой мыслью предшествующих эпох. Но, тем не менее, советское уголовное право сохранило в себе некоторые лучшие моменты, достигнутые в предшествующих ему законодательствах. Из классической школы были заимствованы многие термины и формулировки, которым был придан иной социальной смысл и диаметрально

противоположная классовая интерпретация с позиций марксистско-ленинской философии. На это обращается внимание в специальной литературе, где отмечается, что многие категории уголовного права были заимствованы социалистическим уголовным правом из предшествующих типов права[8]. Такие понятия, как вина, умысел, неосторожность, соучастие, наказание с формальной стороны были преемственно восприняты советским уголовным правом и теорией[9].

Такая ситуация возникла и во время восстановления социалистического государства на территории Таджикистана. Например, правительство БНСР, принимая во внимание политическую, экономическую и идеологическую ситуацию и неприятие многого происходящего местным населением издало закон о временном сохранении некоторых правовых норм шариата и казийских судов. Но применение этих норм, а также организация казийских судов коренным образом отличались от дореволюционных. Эти суды избирались революционными комитетами из числа трудящихся с последующим утверждением Назиратом юстиции[10].

Таким образом, если сделать сравнительный анализ уголовных норм всех этих периодов, то мы увидим, что в ныне действующем уголовном законодательстве применяются нормы, которые появились и развивались в первых уголовных кодексах нашей страны. В этот период времени изменялись их санкции, а также, в некоторых случаях, их содержание.

История развития отечественного уголовного законодательства представляется как единый процесс, отдельные этапы которого вполне соответствуют друг другу, несмотря на различие их идеологических, политических и экономических основ, а в содержании самих этапов прослеживается преемственность.

После распада Советского Союза Республика Таджикистан, как суверенное государство, формирует свою самостоятельную правовую систему. В связи с этим возникла проблема преемственности в уголовном законодательстве.

Что является основанием преемственных связей в уголовном законодательстве?

Н. Неновски объясняет наличие преемственных связей в праве, в том числе и в уголовном, потребностью общества в управлении, относительной самостоятельностью общественного сознания (в частности правосознания), преемственности в области человеческой культуры, в производственных отношениях, в определенных институтах идеологической надстройки, единством законов природы, международным фактором[11]. Бесспорно, всеми перечисленными моментами можно объяснить наличие преемственности в уголовном праве, и все же они отнюдь не равнозначны и не могут быть поставлены в один ряд. Так, международный фактор едва ли оказывает решающее влияние на связи между различными историческими типами права; то же можно сказать о религии (именно ее приводит в пример Н. Неновски при определении идеологического фактора преемственности), хотя, безусловно, в эпоху феодализма она сыграла определенную роль в воспрепятствовании распространения римского права в мусульманском мире.

Не менее важна причина феномена преемственности и относительной самостоятельности уголовного законодательства и в общей правовой системе, в рамках ее общей зависимости от экономического строя. Хотя, и в общем, и в целом, развитие правовой системы определенного исторического типа права обусловлено характером экономического строя всего времени. Оно всегда зависит и испытывает на себе влияние предшествовавшего уровня правового развития. Право, как элемент духовной культуры общества, выражает определенные духовные ценности,[12] и его прогрессивное развитие невозможно без удержания и дальнейшего усвоения созданных ранее ценностей правовой, нормативно-регулятивной культуры. По определению Л.С. Явича, "прогресс юридической действительности немыслим без усвоения новой ступенью развития всего положительного, что было достигнуто в прошлом.

Следует подчеркнуть и значительную роль иных условий, под воздействием которых становится возможной преемственность уголовно–правовых норм, а именно: мировоззренческие представления, политические установки, экономическая система, нравственные, религиозные особенности каждой конкретной страны в исторически определенный период времени.

Не претендуя на исчерпывающее решение вопроса и исходя из вышеизложенного, мы присоединяемся к следующему определению преемственности в праве: *преемственность есть связь между различными историческими ступенями развития права, обусловленная диалектическим единством прерывности и непрерывности экономических и иных общественных отношений и "собственным" развитием права.* При этом ее сущность заключается в удержании, сохранении и использовании отдельных элементов предшествующего уровня правового развития в последующем[13].

Необходимо выделить существенные признаки понятия, преемственности, содержащиеся в этом определении. Прежде всего, преемственность представляет собой генетическую связь, связь в процессе развития. В.А. Рыбаков также называет связь важнейшим свойством преемственности, не указывая, однако, каков характер данной связи[14]. Существенным признаком исследуемой нами преемственности служит то, что эта связь - генетическая, т.е. связь развития, имеющая непрерывный (в отличие от повторяемости) характер.

Что же касается объективности, то обусловленность преемственности в праве и правовой системе преемственностью в материальных, базисных отношениях, придает ей объективный, не зависимый от воли и сознания людей характер. Тем не менее, эта объективность касается в основном содержания преемственности, т.е. того, что получено от прошлого.

Преемственность в праве и правовой системе, как и иные виды социальной преемственности, представляет собой социальное действие. При этом различаются субъект, объект, направленность формы, методы, характер, результаты такого действия. Так, субъектом, осуществляющим преемственность в праве, в условиях антагонистических формаций является экономически и политически господствующий класс эксплуататоров, а в современных условиях - народ. Объект преемственности – это оставшийся от предшествующего общества правовой материал, соответствующий и полезный для регулирования новых общественных отношений. Преемственные связи могут сохраняться стихийно или сознательно, насильственным путем; преобразование правового наследства может быть радикальным или частичным и т.п.

При переходе от одного типа права к другому передаются его элементы (стороны, черты), связанные с общими условиями существования человеческого общества, а не с конкретно – определенным экономическим и классовым строем. К таким элементам относятся те, которые отражают роль и функции права, имеющие общезначимый характер и являющиеся конкретным проявлением одной (подчиненной, зависимой) стороны противоречивой сущности права как социального явления. Эти элементы преемственности можно увидеть и в уголовном законодательстве.

Сейчас в Республике Таджикистан все ещё продолжается трудный процесс формирования новой правовой системы в новых условиях независимого развития, поскольку в данный период разрабатывается новый проект Уголовного кодекса. Одновременно происходят интеграционные процессы в области уголовного права, в связи с чем проблемы преемственности и отрицания правовых идей и институтов приобретают особое значение. Поэтому преемственность норм уголовного права, как и развитие общества в целом, не может быть понята вне сознательной деятельности людей, вне оценочного отношения к ней общественно-политических сил.

Становясь исходной базой для развития права, накопленные правовые ценности и преемственность оказывают благотворное влияние на весь правотворческий процесс, так как не только сокращают путь поисков оптимальных решений в той или иной области правового регулирования, но и помогают законодателю избежать многих ошибок и заблуждений прошлого.

Появление проблемы преемственности в области уголовного права в Таджикистане в современный период связано с провозглашением независимости Республики Таджикистан и формированием новой правовой системы. Формирование правовой системы очень сложный процесс. От того, как этот процесс будет развиваться, объединяя прошлое, настоящее и будущее в праве, вводить в жизнь уже готовые достижения в области права, зависит оптимальное решение проблемы.

Если говорить об объеме преемственности в уголовном законодательстве, нашей страны, то следует отметить, что большинство правовых норм прежних советских кодификаций сохранено в уголовном законодательстве постсоветского периода. Это традиция будет продолжаться и впред в процессе разработки нового Уголовного кодекса Таджикистана. Основанием для сохранения соответствующих норм являлось то, что они выдержали испытание временем и соответствовали современным потребностям борьбы с преступностью. Например, в новом Уголовном кодексе 1998г. вместо четырех новых обстоятельств, исключающих преступность, - деяние, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск и исполнение приказа или распоряжения, также сохранились два предыдущих обстоятельства - необходимая оборона и крайняя необходимость. В процессе правотворческой деятельности подвергались различного рода оценкам, в том числе сравнительным, сами ценности, находящиеся в сфере правового регулирования.

Формирующаяся правовая система Республики Таджикистан должна аккумулировать в себе все ценное в области права, лучшие традиции народа, вновь закреплять и охранять все положительное, находящееся в сфере правового регулирования, и способствовать их развитию, вытеснять всё устаревшее и отрицательное[15].

Эти высказывания имеют исключительно важное значение и для уголовно-правовой мысли. Например, Верховный Совет Республики Таджикистан 25 декабря 1991г. принял постановление, согласно которому впредь до принятия новых законов Республики Таджикистан действуют законы Союза ССР, не противоречащие конституции и другим законам Республики Таджикистан.

Положения данного постановления касались и уголовного законодательства. Естественно, что до принятия нового кодекса, все общественные отношения, связанные с преступлением и наказанием, регулировались Уголовным кодексом Таджикистана 1961г. Во время разработки и принятия Уголовного кодекса 1998г был использован и многолетний опыт действия предыдущего кодекса, а также преемственно будут восприняты многие нормы этого уголовного закона в новом кодексе, которое разрабатывается рабочей комиссией.

В условиях, когда разрабатывается проект нового Уголовного кодекса Республики Таджикистан, со стороны рабочей комиссии, естественно возникают проблемы ликвидации старых правовых норм, необходимость разработки и принятия новых, а также проблема преемственности правовых норм.

Центральным понятием уголовного права является понятие преступления. Определение понятия преступления в Уголовном кодексе Таджикской ССР 1961г. опиралось на социально–политические и экономические постулаты своего времени, на идеологические основы советской науки уголовного права.

Уголовный кодекс 1998г. заимствовал формально материальный характер законодательного определения понятия преступления. Оно предусматривает как формальный (нормативный) признак (запрещенность деяния уголовным законом), так и материальный признак (его общественную опасность).

Преступлением признается деяние, действие или бездействие, которое имеет четыре признака: общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость (ст. 17). Отсутствие общественной опасности (материальный признак) исключает из числа преступлений малозначительные деяния, имеющие формальное сходство с преступлением. Эта часть нормы перешла из старого Уголовного кодекса в новый без изменения.

Институт наказания является одним из основных институтов уголовного права. В действующем Уголовном кодексе он размещен в третьем разделе. В нормах этого института тоже можно наблюдать признаки преемственности и отрицания. Например, по иному сформулированы цели наказания. Ими являются: восстановление социальной справедливости; исправление осужденных; предупреждение новых преступлений.

В самом определении наказания законодатель отказался от включения в него признака кары, хотя на стадии обсуждения этот вопрос вызывал оживленные дискуссии[16], поскольку, по мнению многих ученых, не может быть наказания без элемента кары.

Отказ от признака кары в определении наказания, по нашему мнению, является правильным, поскольку это много раз доказывалось учеными. Например, В.Д. Филимонов, комментируя данную норму, пишет: "Отказ от определения наказания как кары за совершенное преступление имеет свои основания. Основная причина этого отказа состоит в том, что слова "наказания" и "кара" синонимы. Поэтому определение наказания как кары ничего для выяснения содержания этого явления не дает"[17]. Такого мнения придерживаются М.Д. Шаргородский и А.А. Пиантковский. Например, М.Д. Шаргородский полагает, что "наказание неизбежно причиняет страдание тому лицу, к которому она применяется. Именно это свойства, являясь необходимым признаком наказания, делает его карой[18]". А.А. Пиантковский же пишет, что "всякое наказание представляет собой кару за совершенное виновным преступление", и "…по своему содержанию всегда связано с причинением осужденному по приговору суда определенных страданий". Это необходимое свойство всякого наказания … Мы нередко употребляем как синонимы слова "наказание" и "кара"[19].

Из перечня наказаний исключены малоэффективные в новых социально-экономических условиях меры, такие, как: ссылка и высылка; увольнение от должности; возложение обязанности с целью загладить причиненный вред; общественное порицание; из числа дополнительных наказаний было исключено лишение родительских прав и возмездное изъятие находящегося в личной собственности транспортного средства. Также из Уголовного кодекса Таджикской ССР 1961г. в действующий перешли такие виды наказания, как штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы; лишение специального воинского звания, классного чина и государственных наград; конфискация имущества; лишение свободы и смертная казнь.

Одномоментно, с проявлениями преемственности можно и наблюдать отрицания уголовно-правовых норм. Например, Закон Республики Таджикистан "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан" от 17 мая 2004г. исключил из числа наказаний арест и добавил к их числу новый вид - обязательные работы. Основанием для исключения из числа наказаний ареста послужила невозможность его применения из-за экономических причин. Но мы думаем, что его исключение является поспешным. Этот вид наказания может стать намного эффективнее в случае его применения к лицам, совершившим преступления

небольшой тяжести. К тому же арест мог бы стать одним из способов ограничения применения наказания в виде лишения свободы.

В уголовном кодексе Таджикской ССР 1961г. число составов преступлений, предусматривающих смертную казнь, достигало почти 50. В новом уголовном законодательстве их число первоначально снизилось до 15.

После внесения изменений и дополнений в Уголовный кодекс Законом "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан", от 21 мая 2003г., число составов преступлений, предусматривающих смертную казнь, еще более сократилось. Теперь применение предусмотрено только по 5 составам преступлений.

Таким образом, большинство уголовно-правовых институтов Общей части Уголовного кодекса Республики Таджикистан во многом, а иногда и буквально, схоже с предшествующим уголовным законом.

Особенная часть Уголовного кодекса Республики Таджикистан 1998г., по сравнению с Уголовным кодексом Таджикской ССР 1961г., имеет принципиально иную систему построения, в основе которой лежат новые приоритеты уголовно-правовой охраны: "личность – общество–государство". Конституция Республики Таджикистан 1994г. провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанность государства. Как и ранее, защита личности предполагает, прежде всего, защиту жизни и здоровья человека. Это согласуется с нормами международного права (ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966г.).

Многие из ранее существовавших положений, касающихся вопросов уголовной ответственности за преступления против жизни, так или иначе, были восприняты Уголовным кодексом Республики Таджикистан 1998г. Как и в Уголовном кодексе Таджикской ССР 1961г., все эти преступления подразделены, в первую очередь, на причинение смерти другому лицу и доведения его до самоубийства. Причинение смерти другому лицу, в свою очередь, классифицируется на умышленное и неосторожное. Охватывая понятием "убийство" только умышленное лишение жизни, законодатель пошел по пути расширения его отягчающих и смягчающих обстоятельств. Признав целесообразным исключить из ранее закрепленного перечня такой признак, как совершение убийства особо опасным рецидивистом, законодатель дополнил его иными обстоятельствами, отягчающими наказание: сопряженность убийства с похищением человека либо с захватом заложника; совершение убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего; убийства по найму и т.д.

В отличие от ранее действовавшего законодательства, которое признавало преступления против личной свободы, чести и достоинства, близкими по своей направленности с деяниями, ставившими в опасность жизнь и здоровье человека, действующий кодекс усматривает общность (в направленности и характере причиняемого вреда) деяний против свободы с тем, что затрагивает честь и достоинство личности, а потому и объединил их в главу 17 - "Преступления против личной свободы, чести и достоинства личности".

Сопоставляя в интересующем нас аспекте положения Уголовного кодекса Республики Таджикистан 1998г. с ранее действовавшим законодательством, можно констатировать, что в их основе лежат те представления о системе преступлений против чести и достоинства личности, которые существовали в нашей стране во второй половине XX в. Более того, не претерпело сколь-нибудь значительного изменения и понимание основных, конструктивных признаков составов преступлений против чести и достоинства личности. Во всяком случае, применительно к понятию клеветы об этом можно говорить с уверенностью, поскольку замена слова "измышление" на слово "сведения" носит терминологический характер и не более того.

Признаки преемственности можно увидеть и в других главах действующего Уголовного кодекса. В него перешло большинство норм, предусматривающих уголовное преследование за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности. Но по сравнению с ранее действующим уголовным законом, принятый Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998г. отличается не только четкостью, последовательностью и полнотой описания основных и квалифицирующих признаков каждого состава преступления сексуального характера, но и отличается он с точки зрения использованных законодателем принципов конструирования всей системы такого рода деяний. Следуя логике действующего Уголовного кодекса, в качестве отправного, системообразующего признака в данном случае нужно рассматривать насильственный и ненасильственный характер посягательства. Именно это послужило для законодателя исходным пунктом для конструирования основного различия между группами посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность личности, в связи с чем на первое место были помещены три состава насильственных деяний (изнасилование, насильственные действия сексуального характера и понуждение к действиям сексуального характера), а на второе - два ненасильственных (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 - летнего возраста и развратные действия).

Деяния, именуемые ныне "Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина", в качестве самостоятельной группы появились лишь в Основах уголовного законодательство Союза ССР и союзных республик 1958г. и республиканских Уголовных кодексах[20], в том числе и в Уголовном кодексе Таджикской ССР 1961г. Одна из этих групп была связана с нарушением политических прав граждан: воспрепятствование реализации избирательного права, подлог избирательных документов, или неправильный подсчет голосов, и воспрепятствование равноправию женщин. В Уголовном кодексе 1998г. они перешли с некоторыми уточнениями и дополнениями, однако, по сути, остались прежними (вместо, например, нарушения равноправия женщин введен состав о равноправии всех граждан).

Большинство норм главы 20 "Преступления против семьи и несовершеннолетних" было воспроизведено из предыдущих Уголовных кодексов. Первый Уголовный кодекс Таджикской ССР 1935г. предусматривал эти нормы в главе 9 - "Преступления, составляющие пережитки родового быта". Со значительными изменениями данная глава была воспроизведена в Уголовном кодексе Таджикской ССР 1961г. Но в последнем эта группа преступлений была сосредоточена в основном в главе 3, и только один состав - воспрепятствование осуществлению равноправия женщин - в главе 4[21].

Увеличение числа статей, имеющих целью защитить интересы семьи и несовершеннолетних, а также важность этой задачи стали основанием для вывода о целесообразности ввести в Особенную часть Уголовного кодекса специальную главу. Наряду с новыми нормами, с эту главу вошли также некоторые нормы (с соответствующими изменениями и дополнениями) преемственно перешли из Уголовного кодекса Таджикской ССР 1961г. Например, выдача замуж девочки, не достигшей брачного возраста, заключение брака в отношении лица, не достигшего брачного возраста, двоеженство и многоженство, злостное уклонение родителей от содержания детей, злостное уклонение детей от содержания нетрудоспособных родителей и т.д.

Значительное внимание уголовное законодательство уделяет проблемам обеспечения общественной безопасности и здоровья населения. Указанные преступления сгруппированы в разделе 8, который предусматривает ответственность за 41 вид преступлений, посягающих на общественную безопасность и здоровье населения.

Этот раздел состоит из трех глав. Во всех трех главах названного раздела сохранились нормы из предшествующего Уголовного кодекса. Например, в гл. 21 "Преступления против общественной безопасности" сохранилась такая норма, как "Терроризм". Это преступление является одним из опаснейших преступлений против общественной безопасности. Ранее в СССР обобщенного понятия о терроризме не было. В разделах уголовных кодексов союзных республик "Государственные преступления" были составы, которые именовались "Террористический акт" и "Диверсия", предусматривающие ответственность за совершение этих преступлений только с антисоветском умыслом, т.е. с целью подрыва, свержения или ослабления строя. Современная практика борьбы с преступностью показывает, что терроризм, в его широком понимании и толковании, может совершаться и не с прямым антигосударственным умыслом, а с иными целями[22]. Не менее опасным преступлением против общественной безопасности является захват заложников (ст. 181). Оно предусматривалось и в Уголовном кодексе Таджикской ССР 1961г. в ст. 134^{1}. В советский период эта норма почти не применялась, но в последнее время она стала почти обычным явлением. Это объясняется политическими, экономическими, социальными и национальными катаклизмами, определенной слабостью новой государственной власти, растерянностью общества, которое не приспособилось за столь короткий период к совершенно новым реалиям. В этом плане появление в Уголовном кодексе статьи, карающей за захват заложников, является очень своевременным. Большинство норм, предусмотренных в этой главе, со значительными изменениями и дополнением перешли из предыдущего Уголовного кодекса.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998г. как по форме, так и по содержанию существенно отличается от уголовного законодательства предыдущего периода, во многом превосходя его. И, тем не менее, у них очень много общего. Основные институты Уголовного кодекса свидетельствуют не только о многолетней эволюции, но и о вполне обоснованной преемственности уголовного права. И в наши дни этот процесс продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неновски Н. Преемственность в праве: пер. с болг / Н. Неновски. - М., 1977. - С.11.
2. Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность / В.М. Чхиквадзе. - М., 1967. - С.17.
3. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. - М., 2001. - С. 20-21.
4. Философская энциклопедия. - М., 1967. - Т.4. - С.360.
5. Тахиров Ф.Т. Проблемы формирования правовой системы Республики Таджикистан / Ф.Т. Тахиров // Государство и право (Душанбе), 1997. - № 4. - С. 41.
6. Там же. - Т. 33. - С. 99.
7. Мукашев З.А. Преемственность как момент развития / З.А. Мукашев. -Алма - Ата, 1981. - С. 12.
8. Рыбаков В.А. Преемственность в развитии социалистического права: автореф. дис. канд. юрид. наук / В.А. Рыбаков. - М., 1978. - С. 22.
9. Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР: Проблемы Общей части. (1917- 1936 гг.) / О.Ф. Шишов. - М., 1981. - С.38.
10. Муллоев М.М. История Уголовного права Таджикской ССР / М.М. Муллоев. – Сталинабад, 1960. -Ч. 1. - С. 57.
11. Неновски Н. Преемственность в праве / Н. Неновски. - С. 21-32.
12. Алексеев С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. - М., 1981. - Т.1. - С.175.
13. Раджабов Р.М. Проблемы формирования правовой системы Республики Таджикистан: теорико – методологический аспект / Р.М. Раджабов. - Душанбе, 2001. - С.77.
14. Там же. -С. 4.
15. Раджабов Р.М. Указ. раб. -С. 63-65.
16. Садои мардум, 1998. - 6 июн.
17. Филимонов В.Д. Новое уголовное право России: Общая часть. - М., 1996. - С. 95.
18. Шаргородский М.Д. Курс советского уголовного права / М.Д. Шаргородский. - М., 1970. -Т.3.- С. 193.
19. Там же. - С. 26.
20. Уголовное право: Особенная часть. - М., 2000. - С. 140-141.

21. Арипов Д.С. Борьба с преступлениями, составляющими пережитки феодального быта и некоторые вопросы квалификации. - Душанбе, 1962. - С. 18-19.
22. Уголовное право: Особенная часть. - М., 2000. - С 372.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В данной статье автором рассматривается преемственность как фактор развития уголовного законодательства на примере уголовного законодательства Республики Таджикистан. Развитие общественных отношений и институтов, в частности развитие права, немыслимо без преемственности и отрицания. Общественные идеи и теории в каждую новую эпоху не возникают на пустом месте, они разрабатываются на основе идейного материала предшествующих эпох.

Ключевые слова: развитие права, уголовное законодательство, развитие уголовного законодательства, преемственности уголовного права, отрицание.

CONTINUITY AS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL LEGISLATION

The author of this article examines continuity as the factor of development of the criminal legislation on the example of the criminal legislation of the Republic of Tajikistan. Development of social relations and institutions, in particular the development of the law, is unthinkable without continuity and denial. Social ideas and theories in each new era don't just happen; they are developed on the basis of ideological material from previous eras.

Key words: development of the law, criminal law, development of the criminal legislation, the continuity of criminal law, denial.

Сведения об авторе: ***Азизов У.А.*** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ТНУ. Телефон: **907-81-12-85**

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Х.С.Мирсайев
Институт философии, политологии и права АН РТ

Следует заметить, что проблема установления происхождения ребенка в законодательстве различных государств различны. Это касается как коллизионных привязок, регулирующих установление материнства и отцовства, так и внутреннего национального законодательства отдельных стран. Следует добавить то обстоятельство, что не многие страны допускают применение вспомогательных репродуктивных технологий и не в полном объеме и, вследствие чего, не во всех странах установление происхождения ребенка находится в правовом поле.

Коллизионные привязки, регулирующие установление происхождения ребенка бывают нескольких видов. Прежде всего, это личный закон ребенка, личный закон родителей, закон лица, обращающегося за установлением происхождения ребенка от конкретного лица (lex fori- закон суда), закон наиболее благоприятный для ребенка.

Личный закон ребенка в свою очередь может проявляться в следующих вариантах: закон гражданства ребенка, право государства, гражданином которого является ребенок по рождению, личный закон ребенка на момент его рождения.

В законодательстве отдельных стран в качестве коллизионной привязки, регулирующей происхождение ребенка указывается на закон гражданства ребенка.

Еще одним случаем проявления личного закона является личный закон ребенка на момент его рождения (Украина). Следует заметить, что таковым может быть как закон гражданства, закон места жительства, закон государства с которым правоотношение наиболее тесно связано. По сути дела, данная коллизионная привязка является общей по отношению к коллизионной привязке - закону гражданства ребенка. Данные коллизионные привязки соотносятся как общее и частное.

В законодательствах других стран в качестве коллизионного принципа указывается право государства, гражданином которого является ребенок по рождению (Казахстан, Кыргызстан, Россия, Болгария, Таджикистан, Азербайджан, Италия и другие.). Например, ст. 152.1 Семейного кодекса Азербайджанской Республики для установления и оспаривания отцовства (материнства) требует соблюдения законодательства страны, гражданином которой ребенок признается по рождению[1]. Указание на момент рождения предотвращает изменение применимого права, если впоследствии гражданство ребенка будет иным, нежели при рождении. В данном случае ситуация является более прогнозируемой, но может не всегда отвечать интересам ребенка[2].

Так, в соответствии с ч.1 статьи 173 Семейного кодекса Республики Таджикистан происхождение ребенка определяется по законодательству того государства, гражданином которого является ребенок по рождению. В свою очередь, Конституционный закон «О гражданстве Республики Таджикистан» от 1995 года, закрепляющий в своих нормах возможности приобретения ребенком гражданства страны преимущественно по принципу крови, устанавливает, что ребенок, родители которого на момент его рождения состоят в гражданстве Республики Таджикистан, является гражданином Республики Таджикистан независимо от места его рождения (ст.16 Закона). При наличии иностранной составляющей в семейных отношениях в виде различного гражданства родителей ребенка, один из которых к моменту рождения ребенка состоял в гражданстве Республики Таджикистан, ребенок является гражданином Республики Таджикистан: если он родился на территории Республики Таджикистан; если он родился вне пределов Республики Таджикистан, но родители или один из них в это время имели постоянное местожительство на территории Республики Таджикистан (ст.17 Закона). В то же время, Семейный кодекс закрепляет положение о том, что порядок установления и оспаривания отцовства (материнства) на территории Республики Таджикистан определяется законодательством Республики Таджикистан (ч.2 ст.173 СК РТ). Получается, закон устанавливает в качестве коллизионного принципа, определяющего применимое законодательство к происхождению ребенка, его гражданство, а точнее гражданство родителей, если оно у обоих одинаковое. Однако, если родители ребенка имеют гражданство различных государств, одно из которых является гражданство Таджикистана, то на территории республики применяется семейное законодательство РТ. В данном случае имеется противоречие между частью первой и второй статьи 173 СК РТ, поскольку в первом случае закон упоминает коллизионную привязку к гражданству ребенка, а во втором указывает о применении территориальной коллизионной формулы. Хотелось бы заметить, что на практике установление происхождения ребенка, родители которого являются иностранцами, путем применения привязки к его гражданству возможно лишь в случае проведения данного действия, либо в дипломатическом представительстве или консульском учреждении иностранного государства, которые в свою очередь в соответствии с нормами международного права являются территориями тех стран, которые направили дипломатические службы, следовательно, компетентные органы, которые применяют нормы этих государств.

Еще одним случаем, когда применяется коллизионная привязка к личному закону ребенка, является установление происхождения ребенка у граждан Таджикистана на территории республики. В других случаях, наши органы ЗАГС-а или судебные органы не обязаны применять порядок и основания для установления материнства и отцовства иностранного государства на территории республики. Тем более имеются требования, которые хотя и предусмотрены иностранным законодательством, но не урегулированы нашими нормами. К примеру, нормы о суррогатном материнстве.

Как мы видим, нормативное закрепление в качестве применимой коллизионной привязки к закону гражданства ребенка не отражает действительную возможность ее применения. Территориальный принцип установления происхождения ребенка, по нашему мнению, на современном этапе развития международных семейных отношений более целесообразен и практически обоснован. Родители - иностранцы, которые находясь на территории Республики Таджикистан, решив установить происхождение ребенка, по всей видимости, предполагают, что находятся определенное время на территории этого государства и должны подчиняться его законам. Кроме того, следует не забывать о том обстоятельстве, что ребенок не может быть вывезен из страны без документов, удостоверяющих личность, в которых указываются определенные лица в качестве его родителей. Другие государства обязаны принимать и признавать их как документ, удостоверяющих личность.

Следует также добавить, что часть вторая статьи 173 СК РТ, указывающая на использование законодательства гражданства ребенка, требует соблюдения порядка установления материнства и отцовства на территории Республики Таджикистан по законодательству республики (ч.2 ст.173 СК РТ) Поэтому по нашему мнению, необходимо исключить п.1 ст.173 СК РТ, но в то же время дополнить новым пунктом 2 данную статью нормой следующего содержания:

«*Установление материнства и отцовства, совершенное в дипломатическом представительстве и консульском учреждении иностранного государства, находящегося на территории Республики Таджикистан, с соблюдением законодательства соответствующего иностранного государства о компетенции органов, принимавших решения об установлении происхождения ребенка, и подлежащем применению при этом законодательстве, признается действительным в Республике Таджикистан».*

Личный закон ребенка как определяющий коллизионный принцип при установлении происхождения ребенка не ограничивается гражданством, а может проявляться в виде закона места жительства, так называемого домицилия. В соответствии со статьей 24 Закона «О международном частном праве Венесуэлы» 1998 г. установление происхождения, равно как и отношения между родителями и детьми определяются правом места жительства ребенка[3].

Следует заметить, что личный закон ребенка может также обозначаться как закон его обычного места нахождения. Например, статья 50 Закона «О международном частном праве Грузии» от 1998 г. регулирует правоотношения, связанные с происхождением ребенка, подчиняя праву страны, где ребенок имеет обычное место нахождения. Установление происхождения ребенка от одного из родителей подчиняется праву страны, к которой принадлежит этот родитель[4].

Что касается другого коллизионного принципа определяющего установление происхождения ребенка, то следует отметить, что варианты личного закона родителей в законодательствах зарубежных стран проявляются в виде личного закона матери, права гражданства лица, которое истребует установление или оспаривание отцовства или материнства, на момент рождения ребенка или в момент добровольного признания отцовства или материнства.

Так, в соответствии со ст. 311-14 Гражданского кодекса Франции установление происхождения ребенка регулируется личным законом матери на день рождения ребенка, если мать не известна, личным законом ребенка[5]. Следует отметить, что добровольное отцовство или материнство регулируется их личным законом или личным законом ребенка. Или статья 964 Гражданского кодекса Ирана закрепляет положение о том, что отношения между родителями и детьми регулируются национальным законом отца, за исключением случая, когда происхождение ребенка

устанавливается только по отношению к его матери, и в таком случае отношения между ребенком и его матерью регулируются национальным законом последней.

В данном случае при установлении происхождения ребенка применяется коллизионная формула прикрепления к личному закону матери.

В п. § 1 статьи 62 Закона «О международном частном праве Бельгии» 2004 г. закреплено, что установление или оспаривание отцовства или материнства лица регулируется правом государства гражданства лица во время рождения ребенка или, если установление является результатом добровольного акта, то во время совершения такого акта[6]. В данном случае, коллизионным принципом является закон государства гражданства лица, которое истребует установления или оспаривания отцовства или материнства, на момент рождения ребенка или в момент добровольного признания отцовства или материнства.

Следует отметить, что кроме основных коллизионных норм законодательства зарубежных стран предусматривают дополнительные коллизионные привязки. Например, при установлении происхождения несовершеннолетних закон Грузии предусматривает кроме личного закон ребенка и личный закон родителей. Если мать состоит в браке, происхождение ребенка может быть установлено также в соответствии с правом страны, на котором при рождении ребенка основывались общие последствия брака. Если брак прекратился ввиду смерти одного из супругов, времени прекращения брака придается решающее значение. Если родители не состоят в браке, обязанности отца в отношении беременной подчиняются праву страны, где она имеет обычное место нахождения[7].

В некоторых странах судье предоставлено право самому определять, применимые для установления происхождения ребенка, коллизионные привязки с учетом предложенных законодательством. Например, в соответствии со статьей 52 Кодекса международного права Туниса 1998 г. судье надлежит применить закон, наиболее благоприятный для установления происхождения ребенка, из следующих: закона гражданства ответчика или закона его места жительства или закона гражданства ребенка или закона его места жительства. Причем оспаривание происхождения подчиняется закону, в силу которого оно установлено.

При установлении происхождения ребенка в некоторых странах до сих пор мы можем столкнуться с таким явлением как разделение детей на законнорожденных и на незаконнорожденных вследствие чего применяются различные коллизионные принципы.

Например, §21 Федерального закона «О международном частном праве» Австрии 1978 г. закрепляет, что условия брачного происхождения ребенка и его оспаривание определяются согласно тому личному закону, который супруги имели на момент рождения ребенка или, если брак был прекращен до этого, на момент прекращения брака. При отличающихся личных законах супругов является определяющим тот личный закон, который более благоприятен для брачного происхождения ребенка. При рождении ребенка в законном браке применению подлежит коллизионная привязка к личному закону родителей, каковым законодательство Австрии признает гражданство физических лиц. В случае наличия различных гражданств у родителей ребенка применяется тот закон, который является наиболее благоприятным для несовершеннолетнего.

В соответствии с § 25 этого же закона условия установления и признания отцовства применительно к внебрачному ребенку определяются согласно его личному закону на момент рождения. Получается в случае, установления происхождения внебрачного ребенка применимым коллизионным принципом является гражданство ребенка в момент его рождения.

Однако, если ребенок поменял гражданство то происхождение от отца определяется по более позднему личному закону ребенка, если установление или, соответственно, признание является допустимым согласно последнему личному закону несовершеннолетнего, а не согласно личному закону на момент рождения. Следует добавить, что право, согласно которому отцовство было установлено или признано, является также определяющим для его оспаривания.

Следует отметить, что, не смотря на то, что в нашем законодательстве отсутствует разделение детей на рождённых в браке и внебрачных, все- таки порядок установления происхождения ребенка облегчен при его состоянии родителей в браке. В данном случае, имеются различные презумпции - предположения, закрепленные в законодательстве, о наличии или отсутствии определенных юридических фактов, с которыми нормы права связывают наступление юридических последствий[8]. В частности, существует презумпция материнства женщины, родившей ребенка и презумпция отцовства мужа матери ребенка, которые были еще сформулированы в римском праве. Если ребенок родился от лиц, не состоящих между собой в браке необходимо, либо добровольное признание обоих лиц его родителями, или установленное в судебном порядке его происхождение. Однако, безусловно, на объем прав ребенка установленное происхождение не влияет.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Электронный ресурс]. http://vn.taxes.gov.az/2009/uploads/qanun/2011/mecelleler/aile_mecellesi_rus.pdf
2. Байборша Н.С. Коллизионно-правовое регулирование отношений суррогатного материнства / Н.С. Байборша // Журнал международного права и международных отношений, 2010. -№2. [Электронный ресурс]. //http://evolutio.info/content/view/1687/232/ [Дата обращения 17.07.2013]
3. [Электронный ресурс]. http://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/0301 [Дата обращения 18.07.2013]
4. [Электронный ресурс]. http://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/050301 [Дата обращения 18.07.2013]
5. [Электронный ресурс]. http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do [Дата обращения 18.07.2013]
6. [Электронный ресурс]. http://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041801[Дата обращения 18.07.2013]
7. [Электронный ресурс]. http://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/050301 [Дата обращения 18.07.2013]
8. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов; под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка // Право и закон, -М.: КолосС, 2003. - 544 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В данной статье автором рассматриваются некоторые проблемы правового регулирования установления происхождения ребенка в международно-правовых отношениях. Проблема установления происхождения ребенка в законодательстве различных государств различны. Это касается как коллизионных привязок, регулирующих установление материнства и отцовства, так и внутреннего национального законодательства отдельных стран.

Ключевые слова: установление происхождения ребенка, личный закон ребенка, личный закон родителей, закон гражданства ребенка, право государства, гражданином которого является ребенок по рождению, личный закон ребенка на момент его рождения.

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE ESTABLISHMENT OF ORIGIN OF THE CHILD IN INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS

In this article the author discusses some of the problems of legal regulation of the establishment of origin of the child in international legal relations. The problem of establishing the origin of the child in the legislation of different countries is different. This applies as conflict bindings, regulating the establishment of maternity and paternity and internal national legislation of different countries.

Key words: identification of the origin of the child, the personal law of the child, the personal law of the parents, the law of the citizenship of the child, the right of a state of which the child by birth, personal law of a child at the time of his birth..

Сведения об авторе: ***Х.С.Мирсайев*** **–** соискатель Института философии, политологии и права АН РТ. Телефон**: (+992)985-31-36-36**

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД И ЕГО РОЛЬ В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Д.Ш.Сангинов
Таджикский национальный университет

Основной формой правозащитной деятельности Конституционного суда Республики Таджикистана является конституционное судопроизводство, которое осуществляется посредством правосудия. Именно путем рассмотрения в судебном заседании обращений различных субъектов права, Конституционный суд принимает непосредственное участие в обеспечении реализации прав и свобод граждан.

Наиболее наглядно это проявляется при разрешении Конституционным судом дел о соответствии Конституции Республики Таджикистан норм законодательных актов по жалобам граждан. В этом случае имеет место взаимодействие государственного органа власти в лице Конституционного суда и граждан-заявителей по вопросу об устранении юридических препятствий для реализации принадлежащих им конституционных прав и свобод. Если же инициатором рассмотрения в Конституционном суде дела, затрагивающего правозащитную тематику, выступает какой-либо государственный орган власти, конституционное судопроизводство характеризуется наличием совместной деятельности Конституционного суда и иных государственных органов, направленной на защиту прав и свобод граждан.

Нормативное регулирование конституционного судопроизводства имеет определенные особенности, поскольку «конфликты в процессе реализации норм конституционного права требуют специфических процессуальных форм разрешения»[1]. В отличие от гражданского, административного и уголовного судопроизводства «конституционно-процессуальные» нормы содержатся не в специальном кодексе, а вКонституции и в Конституционном законе о Конституционном суде, которые устанавливают также его полномочия, структуру и порядок образования.

Как отмечает В.А. Кряжков, «процессуальные аспекты деятельности Конституционного суда неразрывно связаны с его статутными и организационно-структурными особенностями»[2].

В соответствии с Конституционным законом «О Конституционном суде Республики Таджикистан» поводом к рассмотрению дела в Конституционном суде может являться обращение в Конституционный суд в форме запроса, ходатайства или жалобы, отвечающее требованиям данного Закона.

Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан» наделил правом на обращение в Конституционный суд довольно широкий круг субъектов. Такое право предоставлено:

1) Президенту Республики Таджикистан, Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан – о соответствии Конституции Республики Таджикистан вносимых изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан, проектов законов и других вопросов, представляемых на всенародный референдум;

2) Президенту Республики Таджикистан, совместному заседанию Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Правительству Республики Таджикистан, члену Маджлиси милли и депутату Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Верховному Суду Республики Таджикистан, Высшему экономическому суду Республики Таджикистан, Генеральному прокурору Республики Таджикистан, Маджлисам народных депутатов

Горно-Бадахшанской автономной области, областей и города Душанбе – о соответствии Конституции Республики Таджикистан законов, совместных правовых актов Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, правовых актов Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Президента Республики Таджикистан, Правительства Республики Таджикистан, Верховного Суда Республики Таджикистан, Высшего экономического суда Республики Таджикистан и не вступивших в законную силу международных договоров Таджикистана;

3) Генеральному Прокурору Республики Таджикистан, Маджлисам народных депутатов Горно – Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе и председателям Горно – Бадахшанской автономной области, областей и города Душанбе о соответствии Конституции Республики Таджикистан правовых актов министерств, государственных комитетов и иных органов государственного управления, местных органов государственной власти;

4) Правительству Республики Таджикистан, министерствам, государственным комитетам и ведомствам при Правительстве Республики Таджикистан, Маджлисам народных депутатов Горно Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, председателям Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов – по спорам между ними об их компетенции;

5) Уполномоченному по правам человека – о нарушении конституционных прав свобод заявителя о соответствии Конституции Республики Таджикистан законов и других правовых актов;

6) гражданам – о нарушении конституционных прав и свобод, связанных с примененным или подлежащим применению законом и другим правовым актом в конкретном правоотношении, а также о соответствии Конституции Республики Таджикистан закона, других правовых актов и руководящих разъяснений Пленумов Верховного Суда Республики Таджикистан, Высшего экономического суда Республики Таджикистан, примененных судом в их отношении в конкретном деле;

7) юридическим лицам – о нарушении конституционных прав и интересов примененным законом и другим правовым актом в конкретном правоотношении, а также о соответствии Конституции Республики Таджикистан закона, других правовых актов и руководящих разъяснений Пленумов Верховного Суда Республики Таджикистан, Высшего экономического суда Республики Таджикистан, примененных судом в их отношении в конкретном деле;

8) троим судьям Конституционного суда Республики Таджикистан – по вопросам, относящимся к полномочиям Конституционного суда;

9) другим судам и судьям Республики Таджикистан – о соответствии Конституции Республики Таджикистан закона, других правовых актов и руководящих разъяснений Пленумов Верховного Суда Республики Таджикистан, Высшего экономического суда Республики Таджикистан, примененных или подлежащих применению судами в конкретном деле[3].

Например, здесь можно отметить, что в странах с американской моделью конституционной юрисдикции правом на подачу обращения в Конституционный суд располагают обычно только физические и юридические лица.

Перечень нормативно-правовых актов, конституционность которых может быть подвергнута сомнению в Конституционном суде, состоит из актов, регламентирующих на самом высоком уровне наиболее важные области социально-политической жизни общества и государства. К ним относятся законы, нормативные акты Президента, Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Правительства и т.п.

В некоторых странах (например: Германия, Португалия, Польша, Словения) объектом конституционного контроля является еще более широкий круг правовых актов, а именно: нормативные акты центральных и региональных органов исполнительной власти, акты местных органов власти и самоуправления[4].

Некоторые российские ученые посчитали, что лишение гражданина возможности инициировать процедуру конституционного контроля в отношении обыкновений правоприменительной практики существенным образом ограничило право граждан на судебную защиту своих законных интересов, поскольку «в неправовом государстве люди страдают не столько от плохих законов, сколько от произвольного применения и искажения их норм на практике»[5]. В этой связи С.А. Авакьян отмечает, что предоставление гражданину права на обжалование в Конституционном суде только норм закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, взамен права на обжалование обыкновений правоприменительной практики, резко сузило возможности для защиты гражданами своих конституционных прав и свобод, так как «противоречащие Конституции законы вряд ли будут появляться часто, а вот неконституционной правоприменительной практики из-за несоответствующего применения законодательства – сколько угодно»[6].

Если возникает вопрос об обжалования гражданами норм законов, то объектом проверки в Конституционном суде могут стать как нормы законов, так и нормы конституционных законов. Однако, не все ученые придерживаются данной точки зрения. Так, Ж.И. Овсепян считает, что если бы Конституционный суд был вправе проверять конституционность законов, то он подверг бы сомнению свою собственную правовую основу[7].

Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан», помимо положения о возможности обжалования гражданином только норм закона (формально-правовое условие допустимости жалобы), содержит и иные требования к жалобе, выполнение которых является обязательным для положительного решения вопроса о ее принятии к рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства. В частности можно выделить материально-правовое и процессуально-правовое условие допустимости жалобы.

Материально–правовое условие допустимости связано с содержанием обжалуемого акта. Согласно Конституционному закону «О Конституционном суде Республики Таджикистан» заявитель вправе обжаловать только те нормы закона, которые затрагивают конституционные права и свободы граждан. Иные законы, не касающиеся вопросов регламентации прав и свобод, не могут быть предметом жалобы в Конституционный суд. При этом важно подчеркнуть, что оспариваемая гражданином норма закона должна именно нарушать конституционные права и свободы. Такое нарушение может выражаться в искажении законодателем юридического смысла отдельных конституционных прав и свобод, необоснованном ограничении их объема или действия в пространстве и времени, ограничении субъектного состава их носителей, установлении таких механизмов реализации прав и свобод, которые существенно затрудняют их осуществление гражданами.

Исходя из буквального смысла Конституции, можно сделать вывод о том, что объектом проверки в Конституционном суде по жалобам граждан могут стать только конституционные права и свободы (то есть права и свободы, напрямую указанные в тексте Основного Закона), а также права и свободы, которые хотя и не перечислены в самой Конституции, но являются общепризнанными в соответствии, например, с международно-правовыми актами в этой области[8].

Что же касается вопроса судебной защиты прав и свобод, предоставляемых отраслевыми законами, то это в большей степени относится к сфере юрисдикции иных судов. Однако, учитывая тот факт, что все отраслевые права и свободы, так или иначе

объективно связаны с правами и свободами, закрепленными в Конституции, и являются от них производными, провести четкую грань между полномочиями конституционных судов и иных судов в данном вопросе представляется в этой связи затруднительным. Конституционный суд в этом случае имеет возможность расширять свою юрисдикцию путем перевода при рассмотрении дел вопросов отраслевого права в конституционное судопроизводство[9]. Таким образом, судебный орган конституционного контроля способствует реализации гражданами не только конституционных, но и отраслевых прав и свобод.

Процессуально-правовое условие допустимости жалобы гражданина заключается в том, что гражданин может обжаловать в Конституционном суде только закон, который был применен или подлежит применению в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или начато в суде или органе, применяющем закон.

По мнению Т.Г. Морщаковой, «оспаривание актов безотносительно к их применению в конкретных делах может быть отнесено к правомочиям только узкого круга субъектов, специально ответственных за правопорядок. В ином случае носители субъективных прав в конкретных правоотношениях могли бы лишиться реальной возможности получить защиту действительно нарушенного права, так как суды не в состоянии были бы обеспечивать это, осуществляя значительный по объему абстрактный контроль»[10].

С данной точкой зрения вполне можно согласиться, поскольку излишняя загруженность Конституционного суда является серьезным барьером для эффективного осуществления судебным органом конституционного контроля своей правозащитной деятельности. Однако, перечень судов, имеющих право на инициирование процедуры абстрактного конституционного контроля, безусловно, должен быть расширен, так как именно абстрактный конституционный контроль, производимый Конституционным судом вне связи с каким-либо конкретным делом, позволяет более оперативно устранять противоречащие Конституции нормативные барьеры, препятствующие реализации конституционных социально-экономических прав и свобод граждан. Представляется целесообразным наделить данным полномочием такие государственные правозащитные институты как Уполномоченный по правам человека и Генеральный прокурор Республики Таджикистан.

В соответствии с Конституционным законом Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» к жалобе гражданина должна прилагаться копия официального документа, подтверждающего применение либо возможность применения обжалуемого закона при разрешении конкретного дела[11]. Таким документом может являться копия решения уполномоченного государственного органа о применении к гражданину обжалуемых норм закона (например, копия судебного приговора по уголовному делу, копия судебного решения по гражданскому делу) либо копия документа, подтверждающего необходимость применения в отношении гражданина нормы обжалуемого закона (например, решение о возбуждении судебного производства в отношении заявителя, указывающее на закон, подлежащий применению).

На практике нельзя исключить ситуацию, когда правоприменительный орган по тем или иным причинам идет на нарушение закона и отказывает гражданину в выдаче копий документов, необходимых ему для обращения в Конституционный суд Республики Таджикистан. В данном случае Конституционный суд, на основании изложенной в обращении гражданина информации о факте отказа уполномоченных органов в предоставлении такого документа, должен принять жалобу к рассмотрению, поскольку право гражданина на судебную защиту своих социально–экономических прав и свобод в порядке конституционного судопроизводства не может быть поставлено в зависимость от произвола должностных лиц органов власти.

Истребование указанных документов должно быть произведено самим Конституционным судом в порядке статьи 40 Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан». При неисполнении или ненадлежащем исполнении таких требований Конституционного суда виновные лица должны привлекаться к ответственности, установленной законодательством Республики Таджикистан.

Все рассмотренные выше законодательные условия допустимости жалобы гражданина в Конституционный суд позволяют судебному органу конституционного контроля максимально оптимизировать свою правозащитную деятельность. Это обусловлено также и тем фактом, что Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан» 1995 года значительно упростил для рядовых граждан доступ к конституционному правосудию.

В частности, теперь для принятия Конституционным судом жалобы гражданина к рассмотрению не требуется, чтобы заявитель к моменту обращения в Конституционный суд исчерпал все возможные средства правовой защиты своих субъективных прав и свобод путем безрезультатного прохождения необходимых судебных и иных правоприменительных инстанций. В настоящее время гражданин вправе подать жалобу в Конституционный суд на любой стадии рассмотрения дела в суде или ином органе, применяющем закон.

Такое условие допустимости жалобы, как целесообразность ее рассмотрения, также отсутствует в тексте Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан». Если привести в пример судебную практику Российской Федерации, то согласно пункту 14 части 1 статьи 69 Закона РСФСР «О Конституционном суде РСФСР»[12] федеральный судебный орган конституционного контроля имел возможность отклонить жалобу гражданина, если считал ее рассмотрение нецелесообразным, что, безусловно ограничивало право граждан на судебную защиту.

Каждый год в Конституционный суд Республики Таджикистан поступает несколько обращений граждан и государственных органов. При этом абсолютное большинство данных обращений затрагивает вопросы, разрешение которых не подведомственно судебному органу конституционного контроля.

На сегодняшний день полномочия Конституционного суда в этой сфере недопустимым образом сужены законодателем, что на практике может привести к незаконному воспрепятствованию реализации гражданами конституционных прав и свобод в течение длительного периода времени (учитывая фактические сроки рассмотрения обращений в Конституционном суде).

При этом в обязанности Конституционного суда должно быть вменено принятие решения по данному вопросу в каждом случае, когда им рассматривается вопрос о принятии обращения к рассмотрению, а не только если заявитель напрямую ходатайствует о приостановлении действия оспариваемого нормативного акта.

Применительно к вопросам участия Конституционного суда в обеспечении реализации прав и свобод граждан определенной спецификой обладают нормы конституционного процесса, касающиеся возможности рассмотрения в судебном органе конституционного контроля обращения, по предмету которого уже было принято решение Конституционного суда. Согласно Конституционному закону «О Конституционном суде Республики Таджикистан» одним из условий принятия Конституционным судом обращения к рассмотрению является отсутствие ранее вынесенного по предмету обращения постановления, сохраняющего свою юридическую силу. Данное положение закона органически вытекает из принципа конституционного судопроизводства об окончательности решения Конституционного суда и невозможности его обжалования.

Трактовка данной нормы закона в Регламенте Конституционного суда выглядит следующим образом: «В случае повторного обращения заявителя в Конституционный суд по вопросу, по которому ранее было вынесено постановление Конституционного суда, либо состоялось решение Конституционного суда об отказе в принятии обращения к рассмотрению или о прекращении производства по основаниям, предусмотренным в Законе о Конституционном суде, либо вынесено решение в соответствии с частью второй статьи 10 настоящего Регламента, заявителю вторично высылается копия соответствующего решения Конституционного суда...».

Однако, с таким расширительным толкованием норм Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан» нельзя согласиться, поскольку в рассматриваемом положении закона речь идет только об одной разновидности решения Конституционного суда - «постановлении», которое представляет собой итоговое решение, принятое по существу обращения. Что касается решений Конституционного суда об отказе в рассмотрении обращения, о несоответствии обращения требованиям закона и о прекращении производства по обращению – они именуются «определениями» и не могут служить основанием для принятия решения об отказе в принятии обращения заявителя к рассмотрению в порядке Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан». Это объясняется тем, что правовая позиция Конституционного суда по затрагиваемым в обращении вопросам, связанным с защитой прав и свобод граждан, выраженная в принятом им определении, может с течением времени изменяться под влиянием различных обстоятельств юридического и общесоциального характера. Ввиду этого у повторно обратившегося в Конституционный суд заявителя есть все основания ожидать вынесения иного решения по его вопросу.

Таким образом, можно вполне согласиться с мнением Т.Г. Морщаковой, которая считает, что Конституционный суд не может повторно рассматривать только те обращения, которые были ранее разрешены по существу в судебном заседании и по которым была произведена оценка конституционности оспариваемых норм.

Указанная выше норма Регламента Конституционного суда подлежит приведению в соответствие с положениями Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан». Сообразным образом должна быть изменена и соответствующая практика Конституционного суда, касающаяся отказов в принятии обращений к рассмотрению по данному основанию, поскольку основной целью деятельности судебного органа конституционного контроля является, прежде всего, обеспечение всесторонней защиты конституционных прав и свобод граждан путем предоставления всем субъектам права свободного доступа к правосудию.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

- Обращение граждан и иных заявителей в Конституционный суд является необходимой юридической предпосылкой для участия судебного органа конституционного контроля в механизме обеспечения реализации конституционных прав и свобод граждан;
- Конституционный суд фактически осуществляет защиту не только прав и свобод граждан, непосредственно указанных в тексте Конституции Республики Таджикистан, но и отраслевых прав и свобод, которые являются производными от конституционных и закрепляются в текущем законодательстве;
- Ввиду особого политико-правового статуса Конституционного суда он может быть наделен полномочием по самостоятельному инициированию в определенных случаях процедуры конституционного судопроизводства;
- Перечень субъектов, имеющих право на обращение в Конституционный суд с запросами, нуждается в расширении за счет таких государственных правозащитных

институтов как Уполномоченный по правам человека и Генеральный прокурор Республики Таджикистан;

- Понятие «закон», как предмет конституционной жалобы, нуждается в расширительном толковании Конституционным судом, так как в настоящее время на практике вопросы социально–экономических прав и свобод граждан регулируются не только законодательными актами;
- Секретариат Конституционного суда должен осуществлять свои полномочия по предварительному рассмотрению обращений и направлению их в необходимых случаях по подсудности в иные государственные органы только под строгим контролем со стороны судей Конституционного суда, поскольку указанная деятельность Секретариата непосредственно затрагивает вопросы обеспечения реализации прав и свобод граждан;
- В целях повышения уровня правовой защиты конституционных социально–экономических прав и свобод граждан Конституционному суду необходимо предоставить право временно приостанавливать действие оспариваемых нормативно-правовых актов до момента принятия решения по существу;
- Социальная направленность правозащитной деятельности в области судебного конституционного контроля обуславливает необходимость трактовки всех сомнений в допустимости обращения в Конституционный суд только в пользу заявителя.

Одной из основных стадий конституционного судопроизводства является судебное разбирательство, цель которого состоит в рассмотрении всех обстоятельств дела, а также в уяснении правовой позиции сторон процесса, касающейся предмета обращения в Конституционный суд Республики Таджикистан. Именно в ходе судебного заседания гражданин имеет возможность реализовать в полном объеме принадлежащее ему право на судебную защиту своих конституционных прав и свобод, а в обязанности Конституционного суда входит оказание максимального содействия гражданину в защите указанных прав и свобод, что в конечном итоге значительно облегчает для Суда задачу принятия правильного судебного решения по предмету обращения[13].

Рассмотрение дела в Конституционном суде происходит на базе определенных принципов, представляющих собой «основные идеи, воплощенные в нормах и институтах судебного конституционного процесса, которые определяют природу, сущность и содержание конституционного судопроизводства...»[14]. Многие из этих принципов (такие как независимость судей, состязательность и равноправие сторон, открытость процесса) основываются непосредственно на нормах Конституции и являются общими для всех судов, входящих в судебную систему Республики Таджикистан. В то же время, по мнению Б.С. Эбзеева, принципы конституционного судопроизводства не следует отождествлять с одноименными принципами, например, гражданского судопроизводства; в конституционном процессуальном праве они несут на себе качественное своеобразие процесса реализации Конституции и природы деятельности государственных органов в этом процессе[15]. Указанные принципы подчеркивают специфику конституционного судопроизводства при рассмотрении в судебном заседании дел, затрагивающих вопросы реализации социально–экономических прав и свобод граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс / Н.В. Витрук. - М., 1998. -С. 202.
2. Кряжков В.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации / В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев. -М., 1998. -С.63.
3. Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» от 3 ноября 1995. -С. 37.

4. Кокурин К.С. Роль конституционного суда Российской Федерации в обеспечении реализации прав и свобод граждан. [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук /К.С. Кокурин, 12.00.02. -М.: РГБ, 2003.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996г. №9-n «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Российская газета. 1996.17 апреля.
6. Пашнин С.А. Конституционный Суд в «новой редакции» / С.А. Пашнин // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 1994. - №2. -С. 28-29.
7. Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в Российской Федерации: проблемы деполитизации (сравнительный анализ) / Ж.И. Овсепян // Государство и право, 1996. -№1. -С. 32-42.
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966.
9. Бланкенагсль А. «Детство, отрочество, юность» российского Конституционного Суда / А. Бланкенагсль. -М., 1996. -С. 77-82.
10. Морщакова Т.Г. Некоторые вопросы конституционного правосудия в системе процессуальных реформ / Т.Г. Морщакова // Журнал российского права, 2001. -№12. -С.15.
11. Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан». -Ч.6 -С.37. -С. 40.
12. Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 12.07.1991 года №1599-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 25.07.1991. -№30. -С. 1017.
13. Холиков К.Н. Конституционный Суд РТ: статус, организация и деятельность / К.Н. Холиков. -М., 2009. - С. 44-53.
14. Витрук Н.В. Конституционное правосудие / Н.В. Витрук // Судебное конституционное право и процесс. -М., 1998. -С. 207-208.
15. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации - судебный орган конституционного контроля / Б.С. Эбзеев // Вестник Конституционного Суда РФ, 1995. -№2-3. - С. 94.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД И ЕГО РОЛЬ В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

В данной статье анализируются научные мнения и законодательства Республики Таджикистан и зарубежных стран в сфере защиты социально–экономических прав и свобод граждан со стороны Конституционного суда Республики Таджикистан. Анализируются существующие нормы Конституции Республики Таджикистан и Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан» о деятельности Конституционного суда и полномочий Конституционного суда по защите конституционных прав и свобод граждан.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, судебное заседание, обращение, обеспечение, процесс реализации, ходатайства, всенародный референдум, юридические лица, нормативно-правовые акты, право на обжалование, правоприменительная практика, конституционные права и свободы, социально–экономические права и свободы.

CONSTITUTIONAL COURT AND ITS ROLE IN PROTECTING THE RIGHTS AND FREEDOM OF THE CITIZENS

This paper analyzes the scientific opinion and the laws of the Republic of Tajikistan and other countries in the protection of socio - economic rights and freedom by the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan. Review existing norms of the Constitution and the Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan" on the activities of the Constitutional Court and the powers of the Constitutional Court for the protection of constitutional rights and freedom of citizens.

Key words: Advocacy, trial, appeal, software, implementation process, petitions, referendum, legal entities, regulations, rights of appeal, law enforcement practices, constitutional rights and freedom, socio - economic rights and freedom.

Сведения об авторе: ***Сангинов Д.Ш.***- аспирант кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета. Телефон: **93-884-37-37**

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

А.А. Мурадов
Институт философии, политологии и права АН РТ

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Таджикистанявляется составным структурным подразделением Верховного Суда РТ,полномочия которой установлены в статье 34 Конституционного Закона РТ «О судах РТ», в Гражданском процессуальном Кодексе и других законах, регулирующих её организацию и полномочия. Состав и председатель судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда утверждается Пленумом по представлению Председателя Верховного Суда. Коллегия состоит из председателя и 14 членов из числа судей Верховного Суда.

Судебная коллегия правомочна рассматривать гражданские дела по существу (по первой инстанции), в кассационном и надзорном порядках, а также по вновь открывшимся обстоятельствам. Осуществляет возложенные на него законом полномочия по обобщению судебной практики и анализу судебной статистики.

Судебная коллегия по гражданским делам рассматривает в установленном законом порядке гражданские дела по первой инстанции в следующих случаях:

- в законе установлено, что дело подсудно Верховному Суду;
- при аннулировании двух или более судебных решений по одному гражданскому делу;
- председатель Верховного Суда РТ вправе истребовать любое гражданское дело подсудное нижестоящим судам и принять его к своему производству.

В первом случае судебная коллегия рассматривает те категории гражданских дел, которые законом отнесены к его подсудности как суды первой инстанции. В частности к ним относятся следующие споры:

- решения Центральной комиссии по выборам и референдумам[1];
- жалобылиц, постоянно проживающих за пределами Республики Таджикистан, обжалующих неправомерные действия должностных лиц дипломатических представительств или консульских учреждений Республики Таджикистан[2];
- о запретедеятельности политических партий[3];
- решения о признании выборов в Парламент - Маджлиси Оли Республики Таджикистан недействительными[4];
- о решении, заключении квалификационной коллегии судей[5].

Также Верховному Суду Республики Таджикистан предоставляется право в условиях чрезвычайного положения изменять установленную законом территориальную подсудность гражданских и уголовных дел[6].

Данные гражданско правовые споры отнесены законом в подсудность Верховного Суда Республики Таджикистан, в силу их исключительной важности и общественного значения.

Во втором случае, судьи судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда рассматривают по существу те гражданские дела, когдаотмененосудебное решение или постановление по одномугражданскому делу два или болеераз, принимаютэти дела в своё производство и рассматривают их в качестве суда первой инстанции[7].

Рассмотрение дел по существу судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда осуществляется судьёй единолично и производится по общим

правилам гражданского судопроизводства, установленных в Гражданском процессуальном Кодексе.

Статистические данные показывают, что судебная коллегия по гражданским делам по первой инстанции рассмотрела: в 1991 г. - 18 дел; в 1992 г. - 10 дел, что на 44,4% дел рассмотрено меньше, чем в 1991 г.; в 1993 г. - 9 дел, что на 10% рассмотрено дел меньше, чем в предыдущем году; в 1994 г. - 5 дел, что на 44,4% рассмотрено дел меньше чем, в 1993 году; в 1995 г. рассмотрено 9 дел, что на 80% дел больше, чем 1994 г.; в 1996 г. - 8 дел, что на 11,1% рассмотрено дел меньше, чем в предыдущем году в 1997 г. - 5 дел, что на 37,5 % рассмотрено дел меньше, чем в предыдущем году; 1998 г. рассмотрено 9 дел, что на 80% дел больше чем предыдущим году; 1999 г. - 15 дел, что на 66,6% рассмотрено дел больше чем в 1998 г.; в 2000 г. - 27 дел, что на 80% рассмотрено дел больше чем в предыдущем году; в 2001 г. рассмотрено 6 дел, что на 77,7% дел меньше чем в 2000г.; в 2002 г. - 4 дел, что на 33,3% рассмотрено дел меньше, чем в предыдущем году; в 2003 г. рассмотрено 15 дел, что в 2,75 раза дел рассмотрено больше, чем в 2002 году;в 2004 г. - 9 дел, что на 40% рассмотрено дел меньше, чем в предыдущем году; в 2005 г. - 10 дел, что на 11,1% рассмотрено дел больше, чем в 2004 году; в 2006 г. рассмотрено 10 дел, что равно с прошедшим годом; в 2007 г. рассмотрено 11 дел, что на 10% дел больше, чем в 2006 году; в 2008 г -. 8 дел, что на 27, 2% рассмотрено дел меньше, чем в предыдущем году; в 2009 г. рассмотрено 10 дел, что на 25% дел больше чем в 2008 году; в 2010 г. - 10 дел, что равно с количеством рассмотренных дел в прошлом году; в 2011 г. - 14 дел, что на 40 процентов рассмотрено дел больше, чем в 2010 году; в 2012 г. 13 дел, что на 7,1% рассмотрено дел меньше в сравнении с количеством рассмотренных дел в 2011 году.

Необходимо отметить, что судебная коллегия рассматривает споры, вытекающие из гражданско-правовых, трудовых, жилищных, земельных и других отношений. До образования семейной коллегии также рассматривала семейные споры. Исходя из приведенных статистических данных, можно определить, что семейные и административные дела составляют незначительную численность дел рассматриваемых коллегией по первой инстанции. В связи с тем, что компетентные судебные коллегии по семейным и административным делам в составе Верховного Суда РТ были образованы в 2010-ом году, на основе статистических данных мы не видим кардинального уменьшения или увеличения количества рассматриваемых по первой инстанции дел судебной коллегией по гражданским делам.

Динамика рассмотрения гражданских дел по первой инстанции судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РТ в различные годы наблюдается на графике № 1.

Также необходимо остановиться на вопросе именно кто рассматривает гражданские дела по первой инстанции в Верховном Суде. В статье 34 конституционного закона РТ «О судах РТ» установлено, что судебная коллегия правомочна рассматривать гражданские дела по первой инстанции. Под словом коллегия мы понимаем рассмотрение дела коллегиально, то есть в составе

определенного количества судей. А статья 8 Гражданского процессуального Кодекса РТ устанавливает, во-первых, что гражданские дела во всех судах первой инстанции рассматриваются судьёй единолично, во-вторых, если судье предоставлено право единолично рассматривать гражданские дела, или совершать отдельные процессуальные действия, судья действует от имени суда. Исходя из этого, можно сделать выводы, что гражданские дела рассматриваются не коллегией, а судьёй данной судебной коллегии единолично.

Приведем пример: если судебная коллегия рассмотрела гражданское дело по первой инстанции. Если принятое судебное решение не вступило в законную силу, и оно будет обжаловано или опротестовано в кассационном порядке, то данное судебное решение правомочно рассматривать в кассационной инстанции на законность и обоснованность этой же судебной коллегии по гражданским делам только в коллегиальном составе трех судей. В данном положении мы видим несовершенствованное урегулирование законодательством вопроса. Будет ли судебная коллегия отменять или изменять принятое самой же коллегией судебное решение. По нашему мнению, существование в одном судебном органе двух инстанций в котором бы обжаловались принятые им же судебные решения, нарушает принцип иерархии обжалования судебных решений и сказывается на основополагающем принципе организации и деятельности судебной системы независимости, объективности, всесторонности и беспристрастности. Было бы эффективным и целесообразным в организации и деятельности Верховного Суда образовать кассационную коллегию, которая бы рассматривала в кассационном порядке не вступившие в законную силу решения судов среднего звена и решения принятые Верховным Судом по первой инстанции. Таким образом, мы бы привели к минимуму коллективный интерес в деятельности судебных коллегий.

Приоритетным направлением деятельности судебной коллегии по гражданским делам как высшей инстанции в отношении общих судов по гражданско-правовым спорам это осуществление надзорных полномочий, т.е. в установленном законом порядке рассматривать и разрешать жалобы и протесты на судебные решения.

Важной задачей судебной коллегии по гражданским делам является рассмотрение дел в кассационном порядке.

Ряд ученых придерживаются точки зрения, что в кассационной инстанции непосредственно осуществляется рассмотрение, разрешение гражданского дела по существу, среди которых Перлов И.Д., Герзон С., Антимонов Б. и.т.д.

Наша точка зрения по данному вопросу иная, ибо рассмотрение и разрешение гражданско-правового спора-это установление фактических обстоятельств дела, по результатам которого принимается судебное решение, что относится к компетенции суда первой инстанции. Суд второй инстанции - кассационная инстанция или по другому его в быту называют «кассацией» - это самостоятельная стадия гражданского процесса, у которой собственные задачи, цели и методы. Основной задачей данной стадии является проверка судебного решения на законность и обоснованность не вступившего в законную силу вынесенного нижестоящим судом, т.е. насколько рассмотренное и разрешённое конкретное гражданское дело отвечает требованиям норм материального и процессуального законодательства и соответствует ли судебное решение всем фактическим обстоятельствам дела и правильно ли суд дал правовую оценку доказательствам предъявленным сторонами. Также суд кассационной инстанции выполняет контрольные функции, когда непосредственно в этой стадии гражданского процесса выявляются ошибки, допущенные со стороны нижестоящих судов при рассмотрении дела по существу, то они отправляют дело на новое рассмотрение в тот же суд в составе другого судьи и указывают пути устранения

допущенных ошибок, вследствие чего способствуют единообразному пониманию и применению законов.

Лесницкая Л.Ф. в своей работе отмечает, что суд второй инстанции, проверяя существо дела, сам заново его не решает, не устанавливает фактических обстоятельств по делу, а в случае необходимости направляет дело для нового решения в суд первой инстанции. Суд второй инстанции сам не может устанавливать на основе своей оценки доказательств наличие или отсутствие тех или иных фактических обстоятельств по делу, так как установление фактов входит в компетенцию лишь суда первой инстанции, имеющего для этого необходимые процессуальные средства и гарантии[8].

В соответствии со статьёй 326 Гражданского процессуального кодекса Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда, рассматривает в кассационном порядке жалобы и протесты на решения, не вступившие в законную силу:

- судов районов и городов республиканского подчинения;
- суда Горно-Бадахшанской автономной области, судов областей, суда города Душанбе, действовавших в качестве суда первой инстанции;
- Верховного Суда Республики Таджикистан, действовавшего в качестве суда первой инстанции:

Судебная коллегия по гражданским делам выступает высшей судебной инстанцией по отношению судов среднего звена это: т.е. для судов Горно-Бадахшанской автономной области, судов областей, суда города Душанбе, а также суды районов и городов республиканского подчинения. Судебная коллегия рассматривает кассационные жалобы, и протесты в составе трех судей один из которых является председательствующим по данному делу. Коллегия рассмотрев конкретное гражданское дело в кассационном порядке выносит постановление.

Основная масса рассматриваемых судебной коллегией гражданских дел это дела, рассматриваемые в кассационном и надзорном порядке. Посредством, чего судебная коллегия по гражданским делам осуществляем свои надзорные функции. В ниже предоставляемых статистических показателях приводятся только те гражданские дела, которые стали предметом непосредственного рассмотрения со стороны судебной коллегии. Так судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РТ в кассационном и надзорном порядке рассмотрела: в 1991 г. - 263 дела; в 1992 г. - 276 дел, что на 4,9% дел больше, чем в предыдущем году; в 1993 году рассмотрено - 103 дела, что на 62,6% дел меньше, чем в 1992 году; в 1994 году рассмотрено - 121 дело, что на 17,4% больше, чем в предыдущем году; в 1995 году рассмотрено - 121 дела; в 1996 году рассмотрено - 122 дела, что на 0,8% больше по отношению рассмотренных в предыдущем году; в 1997 году рассмотрено - 143 дела, что на 17,2% больше, чем 1996 году; в 1998 году рассмотрено - 100 дел, что на 30% меньше, чем в прошедшем году;в 1999 году рассмотрено - 115 дел, что на 15% дел больше, чем в 1998 году; в 2000 году рассмотрено - 88 дел, что на 23,4% меньше, чем в прошедшем году; в 2001 году рассмотрено 142 дела, что на 61,3% больше, чем в 2000 году;в 2002 году рассмотрено - 216 дел, что на 52,1% больше, чем в предыдущем; в 2003 году рассмотрено - 163 дела, что на 24,5% меньше, чем в предыдущим году; в 2004 году рассмотрено - 235 дела, что на 44,1% больше, чем в 2003 году; в 2005 году рассмотрено - 291 дел, что на 2004 год на 23,8% больше чем рассмотрено в предыдущем году;в 2006 году рассмотрено - 319 дел, что на 34,3% дел больше, чем предыдущем году; в 2007 году рассмотрено - 378 дел, что на 18,4% дел больше чем в 2006 году; в 2008 году рассмотрено - 282 дел, что на 25,3% дел меньше чем в предыдущим году; в 2009 году рассмотрено - 430 дел, что на 52,4% дел больше, чем в 2008 году; в 2010 году рассмотрено - 338 дела, что на 21% меньше дел, чем рассмотрено в 2009 году; в 2011 году рассмотрено - 282 дела, что на 16,5% меньше чем впредыдущем году; в 2012 году рассмотрено - 252 дела, что на 10,6% меньше, чем в 2011 году.

Динамика рассмотрения гражданских дел в кассационном и надзорном порядке судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РТ в различные годы наблюдается на графике № 2.

Наглядно заметно, что деятельность судебной коллегии по рассмотрению дел в кассационном и надзорном порядках с 1991 года по 2012 год велика.

Кассационное и надзорное производство служит надежной гарантией защиты прав и охраняемых интересов лиц, участвующих в деле. В случае отмены решения суда первой инстанции приостанавливает исполнение незаконного решения и направляет дело на новое судебное разбирательство в новый состав суда. При этом не должны нарушаться главенствующий принцип в организации и деятельности судов независимость и недопустимость вмешательства в их работу.

Гражданские дела в кассационной и надзорной инстанций рассматриваются судом коллегиально в составе трех судей, один из которых, является председательствующим по данному делу.

Среди ученых бытует мнение, что для улучшения работы в данной стадии гражданского судопроизводства по согласию сторон возможность рассматривать дела в кассационном порядке судьей единолично.

Так Е.А. Борисов высказывает мнение, что для выявления резервов улучшения работы судов кассационной инстанции, представляется очень интересным предложение о возможности, с согласия сторон, рассмотрения дела в кассационном порядке судьей единолично[9].

Наша точка зрения по данному вопросу противоположная, ибо проверка судебных решений в кассационном порядке направлена на пресечение допущенных нарушений норм материального и процессуального законодательства, является важным гарантом обеспечения защиты прав и интересов участвующих в деле лиц. Исходя из этого, установленное в законе коллегиальное рассмотрение гражданских дел в кассационном порядке является эффективным и целесообразным.

В Верховном Суде РТ существует два структурных подразделения, которые рассматривают в надзорном порядке вступившие в законную силу судебные решения это: судебные коллегии и Президиум Верховного Суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда, рассматривает в надзорном порядке вступившие в законную силу судебные решения принятые нижестоящими судами общей юрисдикции.

Пересмотр решений в порядке судебного надзора - важная гарантия исправления ошибок и нарушений законности при рассмотрении гражданских и хозяйственных дел. В теории гражданского процесса Республики Таджикистан, как и в России[10], рассмотрение дел в порядке надзора считается исключительной стадией процесса.

Так, в соответствии со статьёй 366 Гражданского процессуального кодекса судебная коллегия по гражданским делам рассматривает в надзорном порядке решения вступившие в законную силу:

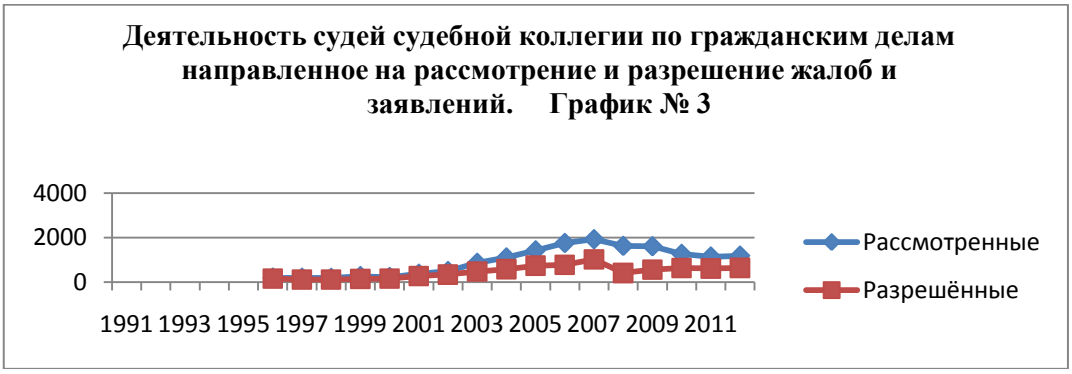
- судов городов и районов республиканского подчинения;

- суда Горно-Бадахшанской автономной области, суда области, суда города Душанбе, принятые в качестве первой инстанции, постановление Президиума суда Горно-Бадахшанской автономной области, суда области, суда города Душанбе, вступившие в законную силу решения и определения Верховного Суда Республики Таджикистан.

Данные судебные решения рассматриваются в надзорном порядке, если они не были предметом кассационного рассмотрения в Верховном Суде РТ.

В надзорном порядке исключительно не подлежат рассмотрению постановления Президиума Верховного Суда РТ, так как Президиум, является последней инстанцией, в связи с этим его решения окончательны и обжалованию не подлежат.

Основным приоритетным направлением деятельности судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда является защита и восстановление нарушенных или оспариваемых прав и интересов граждан. В связи с чем, судьи судебной коллегии рассматривают и разрешают заявления, и жалобы граждан чему свидетельствуют приведенные ниже статистические данные. На графике №3 наглядно видна динамика рассмотренных и разрешённых заявлений и жалоб граждан со стороны судей судебной коллегии по гражданским делам в различные годы.

Другой немаловажной задачей судебной коллегии по гражданским делам является обобщение судебной практики и анализ судебной статистики. Рассматривая и разрешая различные гражданско-правовые дела в кассационном и надзорном порядке, судебная коллегия непосредственно сталкивается и выявляет допущенные ошибки нижестоящих судов при рассмотрении ими дел по первой инстанции. Посредством обобщения судебной практики по конкретным гражданским делам способствует правильному и единообразному применению действующего законодательства.

Исходя из сделанного анализа организации и деятельности судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда, можно сделать выводы, что данная коллегия является составной частью Верховного Суда РТ. В установленном законом порядке правомочна рассматривать гражданско-правовые споры по первой инстанции, в кассационном надзорном порядке, по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Статистические данные позволяют утверждать, что деятельность судебной коллегии по всем выше перечисленным инстанциям в различные годы её работы значительна. Но, существуют определенные проблемы, которые необходимо совершенствовать в организации высшего судебного органа судов общей юрисдикции. Одна из них: нужна ли судебной коллегии по гражданским делам рассматривать споры по первой инстанции, а также нарушается ли принцип иерархии обжалования судебных решений вынесенные им по первой инстанции и другие вопросы организации и деятельности судебной коллегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахбори Маджлиси Оли РТ за № 10 в редакции Конституционного закона Республики Таджикистан «О выборах Президента Республики Таджикистан» от 03. 09. 1999 года за № 9.
2. Ахбори Маджлиси Оли РТ за № 10 в редакции Конституционного закона Республики Таджикистан «О гражданстве Республики Таджикистан» от 06. 10. 2008 года за № 444.
3. Ахбори Маджлиси Оли РТ за № 11 в редакции Закона Республики Таджикистан«О политических партиях» от 13 ноября 1998 года Лупинская П.А. за № 680.
4. Ахбори Маджлиси Оли РТ за № 10 в редакции Конституционного закон Республики Таджикистан «О выборах Маджлиси Оли Республики Таджикистан» от 06. 10. 2008 года за № 44.
5. Ахбори Маджлиси Оли РТ в редакции за №2 Конституционного закона Республики Таджикистан «О судах Республики Таджикистан» от 02.08. 2011 года за № 754.
6. Ахбори Маджлиси Оли РТ за № 10 в редакции Конституционного закона Республики Таджикистан «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 06.10.2008 года за № 416.
7. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 03.07.2012г., за №871 // Гражданской процессуальный кодекс Республики Таджикистан.
8. Лесницкая Л.Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. / Л.Ф. Лесницкая. –Москва, 1974.
9. Борисова Е.А. О гарантиях судебной защиты на стадиях апелляционной, надзорной проверки / Е.А. Борисова // Арбитражный и гражданский процесс, 2005. -N 1. -С. 25.
10. Лупинская П.А. Гражданский процесс; под ред. / П.А. Лупинская, М.С Шакаряна. -М., 2005. -С.-I3. 2004.-342.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В статье рассматривается организация и деятельность судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Таджикистан его организация и полномочия с использованием и анализом статистических данных о его деятельности от 1991–2012 года. Выявляются некоторые проблемы его организации и процессуальных полномочий и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: Верховный суд, судебная коллегия, полномочия, деятельность, гражданские дела, рассматривать и разрешать, первая инстанция, кассационная инстанция, надзорная инстанция, статистические данные.

ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF PANEL OF JUDGES ON CIVIL CASES OF THE SUPREME COURT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The article describes the organization and functioning of Panel of Judges on Civil Cases of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan of its organization and power of the use and analysis of statistical figures on its actives from 1991 – 2012 years. It is identified some problems in its organization and procedural powers and offer ways of their solution.

Key words: the Supreme court, the judicial Board, powers, activity, civil cases, consider and resolve, the court of first instance, the court of cassation, supervising authorities, statistical data.

Сведения об авторе: ***Мурадов А.А.*** - аспирант Института философии, политологии и права АН РТ. Телефон: **233-75-38 (раб.); 93-578-10-00 (моб)**

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОНТРАБАНДЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН-УЧАСТНИКОВ СНГ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ш. Н Саидов
Таджикский национальный университет

Особенностью таможенного права является совмещение в своем содержании норм национального и международного права. Это обстоятельство вызвано тем, что возникающие во внешней торговле правоотношения всегда подвергаются воздействию со стороны таможенного права иностранного партнера.

Под контрабандой практически во всех странах мира принято понимать незаконное перемещение через границу государства товаров или иных предметов, признаваемое преступлением.

Проведенное исследование законодательства стран СНГ только подтвердило справедливость этого заключения. Среди этих групп немаловажное место занимают преступления против общественной безопасности и преступления против мировой финансово-экономической системы. Как известно, по таджикскому уголовному праву контрабанда относится к преступлениям, совершаемым в сфере экономики. Однако, в законодательстве некоторых стран СНГ тенденция такого разграничения не поддерживается.

Например, на современном этапе новое оригинальное решение ответственности за контрабанду закреплено в модельном УК республик; Россия, Казахстан, Узбекистан, с учетом специфики объекта посягательства. В нем различаются:

1) контрабанда как преступление против общественной безопасности, когда предметом незаконного перемещения через таможенную границу РТ являются наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, ядовитые и другие опасные вещества, вооружение, военная техника, оружие массового поражения и другие опасные вещества, средства или предметы;

2) экономическая контрабанда как преступление против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, когда предметом незаконного перемещения через таможенную границу являются другие товары и предметы.

Так после принятия законопроекта от 6 декабря 2011г УК Российской Федерации[1] предусматривает контрабанду двух видов: контрабанда товаров изъятых из обращения предметов, а также предметов, обращение которых ограничено, отнесена к главе 24 преступлениям против общественной безопасности (ст. 261 прим 1); и глава 25 преступления против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 229 прим) контрабанда других товаров и предметов считается экономической контрабандой.

УК Республики Казахстан[2] также предусматривает контрабанду двух видов: контрабанда изъятых из обращения предметов, а также предметов, обращение которых ограничено, отнесена к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка (ст. 250); контрабанда других товаров и предметов считается экономической контрабандой (ст. 209) и относится к преступлениям в сфере экономической деятельности.

Так, в УК Республики Узбекистан[3] контрабанда подразделяется на два вида: как преступление против общественной безопасности (ст. 246) и экономическая контрабанда, определяемая как нарушение таможенного законодательства (ст. 182), которая относится к преступлениям против основ экономики.

УК Республики Грузия[4] придерживается, по всей видимости, тенденции отнесения контрабанды к преступлениям против общественной безопасности, так как содержит в главе 30-ой "Преступления против общественной безопасности и общественного порядка" ст. 235, которая устанавливает, что "незаконный экспорт технологии, научно-технической информации или обслуживания по созданию оружия массового поражения или средств для его перевозки, вооружений или военной техники, за которым установлен специальный экспортный контроль, - наказывается штрафом или лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

УК остальных стран имеют схожий характер. Так, в УК Республики Беларусь[5] контрабанда отнесена к преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности. Простая контрабанда наказывается штрафом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок. Само понятие контрабанды ст. 228 УК Республики Беларусь определяет практически так же, как и УК РТ.

Статья 201 УК Украины[6] указывает, что контрабанда - это перемещение товаров через таможенную границу Украины вне таможенного контроля или с утаиванием от

таможенного контроля, содеянное в больших размерах, а также незаконное перемещение исторических и культурных ценностей, отравляющих, сильнодействующих, радиоактивных или взрывных веществ, оружия и боеприпасов (кроме гладкоствольного охотничьего оружия и боевых припасов к ней), а также контрабанда стратегически важных сырьевых товаров, относительно которых законодательством установлены соответствующие правила вывоза за границу.

УК Республики Молдовы[7] разграничивает простую контрабанду по ч. 1 ст. 248, определение которой схоже с имеющимся в УК РТ; контрабанду наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, радиоактивных и взрывчатых веществ, а также вредных отходов по ч. 2 ст. 248; контрабанду вооружения, оружия, взрывных устройств, боеприпасов по ч. 3 ст. 248 и контрабанду культурных ценностей, а равно невозвращение на таможенную территорию страны вывезенных за ее пределы культурных ценностей, если их возвращение является обязательным (ч. 4 ст. 248). Данное преступление по законодательству Республики Молдова является экономическим.

Обобщая вышеизложенное, можно задаться вопросом о том, есть ли необходимость Таджикистану последовать примеру стран СНГ разграничивающих в своем законодательстве контрабанду на несколько видов.

После анализа УК этих стран мы пришли к выводу, что для совершенствования изменения и дополнения действующего законодательства в сфере противодействия контрабанде дополнить статьи для ответственности за контрабанду оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, сформулировано предложение о выделении указанных деяний в самостоятельные составы преступлений и размещения их в соответствующих главах Особенной части УК РТ:

Главу 21 УК РТ «Преступления против общественной безопасности» дополнить ст. 195^1 «Контрабанда оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»:

«**Статья 195^1. Контрабанда оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.**

Контрабанда оружия, боеприпасов, его основных частей, взрывчатых веществ и взрывных устройств, то есть перемещение через таможенную границу Республики Таджикистан оружия, боеприпасов, его основных частей, взрывчатых веществ и взрывных устройств, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации. либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием.

Главу 22 УК РТ «Преступления против здоровья населения» дополнить ст. 200^1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, их аналогов»:

«Статья 200^1. Контрабанда наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, их аналогов.

Контрабанда наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, их аналогов, то есть незаконное перемещение через таможенную границу РТ наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, их аналогов.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

а) должностным лицом с использованием своего служебного положения;

б) с применением насилия или угрозой применения насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль;

в) путем прорыва, выразившегося в открытом перемещении через таможенную границу Республики Таджикистан, вопреки прямому запрету присутствовавшего при этом должностного лица, осуществляющего таможенный контроль;

г) в крупном размере.

3. Деяние, предусмотренное частями первой, второй настоящей статьи, совершенные:

а) организованной группой;

б) с сокрытием в теле человека;

в) в особо крупном размере.

Автором высказано предложение о дифференциации уголовной ответственности за перемещение указанных предметов в зависимости от цели перемещения, размера и вида перемещаемого предмета.

3. Обосновывается целесообразность включения в Уголовный кодекс РТ статьи об ответственности за контрабанду редких животных и растений и (или) находящихся на грани исчезновения, поместив ее в главе 24 «Преступления против экологической безопасности и природной среды»:

«**Статья 233[1]. Контрабанда животных и растений.**

Контрабанда животных и растений, то есть перемещение через таможенную границу Республики Таджикистан различных видов редких животных и растений и (или) находящихся под угрозой исчезновения, их частей, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием.

ЛИТЕРАТУРА

1. УК Российской Федерации. [электронный ресурс] www. codecs. ru.
2. УК Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL:http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243100&subID=100105558,100105574.
3. УК Республики Узбекистан. URL: [Электронный ресурс] http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242643&subID=100101635,100101637,100101652.
4. УК Грузии: науч. ред. З.К. Бигвава; пер. с грузинского И. Мериджанашвили. СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2002. -С. 235.
5. УК Республики Беларусь по сост. на 25 января 2006 г. URL: [Электронный ресурс] http://pravo.kulichki.com/vip/uk/00000027.htm.
6. УК Украины. URL: [Электронный ресурсс] http://yurist-online.com/uslugi/yuristam/kodeks/013/206.php.
7. УК Республики Молдова. СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2003. -С. 301-303.

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОНТРАБАНДЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН-УЧАСТНИКОВ СНГ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Под контрабандой практически во всех странах мира принято понимать незаконное перемещение через границу государства товаров или иных предметов, признаваемое преступлением. Проведенное исследование законодательства стран СНГ только подтвердило справедливость этого заключения. Среди этих групп немаловажное место занимают преступления против общественной безопасности и преступления против мировой финансово-экономической системы. Как известно, по таджикскому уголовному праву контрабанда относится к преступлениям, совершаемым в сфере экономики. Однако, в законодательстве некоторых стран СНГ тенденция такого разграничения не поддерживается. Данная статья посвящена изучению данной проблемы.

Ключевые слова: таможенное право, нормы национального и международного права, правоотношения, контрабанда, Республика Таджикистан, законодательство стран-участников СНГ.

THE ISSUES OF COMBATING THE SMUGGLING OF LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Under smuggling in almost all countries of the world it is accepted to understand the illegal movement across the state border of goods or other items recognized as a crime. The study of legislation in the countries of the CIS only confirmed the validity of this conclusion. Among these groups occupy important place crimes against public safety and crime against the world financial and economic system. As is known, through the Tajik

criminal law smuggling refers to the crimes committed in the economic sphere. However, the legislation of some CIS trend of such distinction is not supported. This article is devoted to the study of this problem.

Key words: customs law, the norms of national and international law, legal, smuggling, Republic of Tajikistan, laws of the countries-participants of the CIS.

Сведения об авторе: ***Ш. Н Саидов*** **–** кандидат экономических наук, доцент ТНУ, докторант МГЛУ. Телефон: **98-802-10-00**

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЕ ПРАВО И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ЕДИНОЙ КОНВЕНЦИИ ООН О НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ 1961 ГОДА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

С.М. Мусоев, Р.Д. Мирзоев, Дж. Г. Амиров
Таджикский национальный университет

Незаконный оборот наркотических средств (НС) в 90-ые годы прошлого столетия в Республике Таджикистан (РТ) стал приобретать характер национальной катастрофы, затрагивая экономические, социальные, политические и культурные основы общества. Сложившаяся ситуация вызвала необходимость решительных действий по борьбе с незаконным оборотом НС и их немедицинского потребления[11,12].

Статья посвящена исследованию роли фармацевтического права в имплементации Единой Конвенции ООН о наркотических средствах 1961 года (ЕК) в РТ. Анализ нормативных правовых актов показывает, что в РТ на основе фармацевтического права поэтапно реализуются нормы ЕК: создана и совершенствуется эффективная система контроля за легальным оборотом наркотических средств.

Цель работы- показать роль фармацевтического права как инструмент реализации ЕК в РТ.

Материалы и методы исследования: ЕК, нормативно-правовые акты РТ и международные нормативно-правовые акты в области контроля за НС, признанные РТ. Использованы методы судебно-фармацевтического мониторинга, нормативно-правового, документального и статистического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Борьба с международным терроризмом и наркоугрозой, исходящими из Афганистана, на сегодняшний день является одной из важнейших задач, стоящих перед мировым сообществом. Поэтому на всех международных форумах о глобальной безопасности афганская проблема находится в центре внимания. Так, в сентябре 2010 года в Нью-Йорке состоялась 65-я сессия Генеральной ассамблеи ООН. На сессии выступил с докладом Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, который отметил неразрывную связь двух глобальных угроз человечеству – терроризма и незаконного оборота наркотиков. В докладе, в частности отмечено, что «В деле борьбы с терроризмом необходимо учесть, что он не может существовать без материальной базы и финансовой подпитки. Сегодня не является секретом то, что незаконный оборот наркотиков становится одним из основных источников финансирования международного терроризма. Острота и масштабность проблем, связанных с наркотиками и их незаконным оборотом, ясно свидетельствуют о глобальной опасности, угрожающей международной стабильности и безопасности в целом»[1].

РТ благодаря своему географическому расположению, т.е. соседством с Афганистаном - крупнейшим в мире нелегальным производителем наркотических средств опийной группы, стала наркотранзитным государством и объектом экспансии международного наркобизнеса. В силу этого борьба с наркотизмом является в Таджикистане одним из важнейших задач в сфере обеспечения внутренней безопасности, стабильности в обществе и устойчивого развития государства[9,11,12].

С учетом сложившейся наркоситуации, республика выработала и продолжает реализовать свою четко выраженную антинаркотиковую политику. Первым и определяющим дальнейшую политику шагом стала ратификация парламентом страны антинаркотиковых конвенций ООН [13,14,15]. Следовательно, принятие Таджикистаном адекватных мер по противодействию наркоугрозе вытекают как из сложившейся наркоситуации в стране, так и из ее международных обязательств как участницы Единой Конвенции ООН о наркотических средствах 1961 года (ЕК). Реализация норм ЕК наряду с правоохранительными и медико-социальными задачами - противостоянием незаконному обороту наркотических средств, профилактикой наркомании, лечением и реабилитации наркозависимых, диктует необходимость совершенствования законного оборота НС. Перечисленные международные обязательства в контексте фармацевтического права означают, необходимость принятия строгих мер по предупреждению утечки наркотических лекарственных средств в незаконные каналы и одновременно посредством правовых и экономических мер достичь максимального уровня их физической и экономической доступности для применения в научных и медицинских целях. В частности, статья 4 ЕК обязывает участников «принимают такие законодательные и административные меры, какие могут быть необходимы для того, чтобы:

а) ввести в действие и выполнять постановления настоящей Конвенции в пределах их собственных территорий;

б) сотрудничать с другими государствами в выполнении постановлений настоящей Конвенции;

в) при условии соблюдения постановлений настоящей Конвенции, ограничить исключительно медицинскими и научными целями производство, изготовление, вывоз, ввоз, распределение наркотических средств, торговлю ими и их применение и хранение[2]. Также, государства-участники в соответствии со статьями 2 и 4 ЕК, статьей 2 Конвенции о психотропных веществах 1971 года и статьей 12 Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, обязаны в своих национальных законодательствах классифицировать все вещества, предусмотренные этими конвенциями, с целью обеспечения минимальных мер контроля, предусмотренных конвенциями[2,6,7].

Основным законодательным актом в сфере регулирования законного оборота наркотических средств в Таджикистане является Закон РТ «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах». В соответствии со статьей 12 названного Закона и постановлением Правительства РТ №390 от 21 сентября 2000 года «Об утверждении Национального Списка наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров», контролируемые вещества включены в четыре списка. Все наркотические средства и психотропные вещества, предусмотренные Конвенциями 1961 и 1971 гг., классифицированы в трех списках в зависимости от степени их опасности для здоровья человека и применения в медицине с учетом рекомендаций Международного комитета ООН по контролю за наркотиками (МККН). Список IV включает 23 прекурсора, приведенных в Конвенции 1988 года[5,16].

Следует отметить, что режим контроля в Таджикистане значительно строже режима предусмотренного Конвенциями. Безусловно, государство вправе устанавливать более строгие меры контроля, чем предусмотренные Конвенциями. В тоже время, такие меры контроля должны обеспечивать равновесие между предупреждением утечки контролируемых веществ с одной стороны и обеспечением легальных потребностей населения с другой. Следует отметить, что анкетирование специалистов здравоохранения показывает, что из-за чрезмерно жесткого контроля ряд врачей предпочитают вообще не выписать наркотические анальгетики. По этой же причине ряд фармацевтических учреждений вынуждены были прекратить деятельность

в сфере законного оборота НС. Кроме того, МККН отмечает, что уровень обеспеченности морфинсодержащими препаратами в странах СНГ, включая Таджикистан, является одним из самых низких в мире.

Согласно положениям статьи 17 ЕК, государства-участники в целях применения постановлений конвенции должны создать и поддерживать функционирование специального органа[2].

В Таджикистане специальный межведомственный координирующий орган на политическом уровне не создан. Функции такого органа частично возложены на Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан (АКН РТ), которое образовано в соответствии с Указом Президента РТ от 1 июня 1999 года и Протоколом между Правительством РТ и Управлением ООН по наркотикам и преступности, подписанным 27 апреля 1999 года. В задачи АКН РТ входят в частности разработка и реализация государственной политики в области законного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействия их незаконному обороту[20].

Указом Президента Республики Таджикистан от 3 апреля 2004 года также создан Координационный совет по профилактике злоупотребления наркотиками, который должен осуществлять взаимодействие министерств, ведомств, органов государственной власти на местах в области предупреждения немедицинского потребления психоактивных веществ. Основными задачами данного органа является определение приоритетных направлений профилактики злоупотребления наркотиками, осуществление контроля за выполнением соответствующих национальных и отраслевых программ в области профилактики злоупотребления наркотиками, а также разработка и проведение мероприятий в указанной области[21].

Министерство здравоохранения РТ также наделено определенными функциями регулирования и контроля законного оборота НС. Министерство здравоохранения, в частности определяет порядок использования этих средств в медицинских целях, осуществляет экспертизу, сертификацию и контроль за производством, ввозом, вывозом, реализацией, хранением, учетом и использованием наркотических лекарственных средств[10].

Вопросы лицензирования деятельности в сфере законного оборота НС регламентируются Законом РТ «О лицензировании отдельных видов деятельности». В статье 17 названного Закона, где речь идет о видах деятельности, которые подлежат лицензированию в РТ, включена деятельность, связанная с законным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, а также культивирование наркосодержащих растений и разработка новых наркотических и психотропных лекарственных средств. Постановление Правительства Р от 01.09.2005 г. №337 «Об утверждении положения об особенностях лицензирования отдельных видов деятельности» устанавливает лицензирующий орган – Служба государственного надзора за фармацевтической деятельностью при Министерстве здравоохранения РТ, а также определен перечень документов, необходимых для получения лицензии [4,8,17].

На помещение, где осуществляется деятельность в РТ не нужна отдельная лицензия, как это рекомендовано ЕК, но мера контроля за помещением предусмотрен: для получения лицензии необходимо заключение территориальных органов внутренних дел о возможности хранения НС в данном помещении и мерах по предупреждению их утечки. Данная мера контроля детализируется совместным приказом Министерства здаоохранения РТ и МВД РТ «202/437 «Об усилении борьбы с наркоманиями и обеспечении законного оборота наркотиков» от 25 июля 2001 года [19]. Этим же приказом утверждены формы учета, нормы запасов НЛС, что является реализаций ст. 34 §b и 29§3 ЕК.

Регистрационные записи являются обязательными при осуществлении всех видов деятельности, связанной с НС. Рецептурному отпуску подлежат все НС и психотропные веществ, включение в Национальный Список.

Что касается международной торговли, согласно Закону РТ «О лекарственных средствах и фармацевтической деятельности», в РТ разрешается только ввоз зарегистрированных ЛС. В случае ввоза и вывоза НЛС, на каждую ввозимую или вывозимую партию требуется свидетельство на ввоз и разрешение на вывоз[3,18].

Статья 38 Конвенции 1961 года предусматривает необходимость создания и поддержания системы инспекции лиц и предприятий на предмет соответствия выполняемой ими деятельности установленным правилам регулирования.

Закон РТ «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» и Положения об АКН РТ устанавливают, что АКН осуществляет контроль совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами за порядком ввоза, вывоза, учета, хранения, реализации (отпуска), производства и распределения контролируемых веществ предприятиями, организациями и учреждениями, независимо от форм собственности. В нормативных актах отсутствуют более подробные нормы, предусматривающие порядок проведение инспектирования, а также перечень государственных органов, уполномоченных проводит такое инспектирование. На практике от субъектов законного оборота поступают жалобы на то, что очень большое число органов проводит различного рода проверки, которые мешают нормальной хозяйственной деятельности. Таким образом, в Республике Таджикистан принимаются комплекс правовых мер в области контроля за наркотическими средствами с целью реализации Единой Конвенции ООН о наркотических средствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Э.Рахмона на 65-й сессии Генеральной ассамблеи ООН: [Электронный ресурс]. http: //www/khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=2 4609&Itemid=.
2. Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972г. о поправках к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 г. [Электронный ресурс]. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf.
3. Закон Республики Таджикистан «О лекарственных средствах и фармацевтической деятельности»: [Электронный ресурс]. htpp://mmk.tj/library/ zakon respubliki tadzhikistan o lekarstvennih sredstvah I farmacevticheskoi deyatelnosti.doc
4. Закон Республики Таджикистан «О лицензировании отдельных видов деятельности»: [Электронный ресурс]. htpp://mmk.tj/library/ zakon respubliki tadzhikistan o licenzirovanii.doc
5. Закон Республики Таджикистан «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах»: [Электронный ресурс]. htpp://mmk.tj/library/ zakon respubliki tadzhikistan o narkoticheskih sredstvah, Psihotropnih veshestvah I prekursorah.doc
6. Конвенция о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 1988 года: [Электронный ресурс]. www.ecad.ru/oon/oon88-00.html
7. Конвенция о психотропных веществах 1971 года: [Электронный ресурс]. www.ecad.ru/oon/oon71-00.html
8. Мусоев С.М. Лицензирование фармацевтической деятельности в Республике Таджикистан на основе фармацевтического права/ С.М. Мусоев, В.В. Шаповалов, В.В. Шаповалов, метод. реком. – Душанбе. Харьков, 2012.- 22 с.
9. Мусоев С.М. Нелегальное производство наркотиков в Афганистане как фактор дестабилизации наркоситуации в Республике Таджикистан / С.М. Мусоев, Дж.Г. Амиров // Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 20-летию XVI Сессии Верховного Совета Республики Таджикистан «Роль XVI Сессии Верховного Совета Республики Таджикистан в укреплении и обеспечении экономического и социального развития Республики Таджикистан». -Душанбе, 2013. -С.123-129. (КВД «Матбаа» Таможенной службы при Правительстве РТ).
10. Мусоев С.М. Организационно-правовые механизмы контроля за оборотом наркотических средств в Таджикистане / С.М. Мусоев, В.В. Шаповалов, В.В. Шаповалов, метод. реком. – Душанбе. Харьков, 2012.- 45 с.
11. Мусоев С.М. Судебно-фармацевтический мониторинг наркоситуации как механизм оценки имплементации антинаркотиковых конвенций ООН в Республике Таджикистан / С.М. Мусоев //

Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук, 2012. -№3/3 (87). – С.95-99.
12. Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2011 год. Ежегодное издание Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан. –Душанбе, 2012. - 114с.
13. Постановление Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 14 декабря 1996г. №376 «О присоединении Республики Таджикистан к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года».
14. Постановление Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 14 декабря 1996г. №375 «О присоединении Республики Таджикистан к Конвенции о психотропных веществах 1971 года».
15. Постановление Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 4 ноября 1995г. №186 «О присоединении Республики Таджикистан к Конвенции о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 1988 года».
16. Постановление Правительства Республики Таджикистан №390 от 21 сентября 2000 г. «Об утверждении Национального списка наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров»: [Электронный ресурс]. htpp://taj.akn.tj
17. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 01.09.2005 г. №337 «Об утверждении положения об особенностях лицензирования отдельных видов деятельности» (в новой редакции). В сборнике «Фармацевтическая деятельность в Республике Таджикистан. Сборник нормативных документов». -Душанбе, 2010. -С. 432-444.
18. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 2.04.2009 г. №204 «О правилах ввоза и вывоза лекарственных средств, медицинских товаров, а также наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, применяемых в медицине в Республике Таджикистан». В сборнике «Фармацевтическая деятельность в Республике Таджикистан. Сборник нормативных документов». -Душанбе, 2010. -С. 445-447.
19. Совместный приказ Министерства здравоохранения Республики Таджикистан и Министерства внутренних дел Республики Таджикистан от 25 июля 2001 года, №202/437 «Об усилении борьбы с наркоманией и обеспечении законного оборота наркотических средств», -Душанбе 2001.- 62с
20. Указ Президента Республики Таджикистан «Об утверждении Положения об Агентстве по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан» №1248 от 12 июля 1999 года»: [Электронный ресурс]. - htpp://taj.akn.tj
21. Указ Президента Республики Таджикистан от 3 апреля 2004 года №1310 «Об образовании национального координационного комитета по профилактике потребления наркотиков».

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЕ ПРАВО И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ЕДИНОЙ КОНВЕНЦИИ ООН О НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ 1961 ГОДА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В статье проведен анализ нормативно-правовых актов Республики Таджикистан в области контроля за наркотиками. Результаты анализа показывают, что в республике на основе фармацевтического права создана законодательная база в целях имплементации Единой Конвенции ООН о наркотических средствах 1961 года.

Ключевые слова: наркотические средства, наркотические лекарственные средства, фармацевтическое право, лицензирование, ввоз, Агентство по контролю за наркотиками, Единая Конвенция ООН о наркотических средствах 1961 года, имплементация.

PHARMACEUTICAL LAW AND UN SINGLE CONVENTION ON NARCOTIC DRUGS IMPLEMENTATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

This article analyzes the legal acts of the Republic of Tajikistan in the field of drug control. The results of the analysis show that the republic on the basis of pharmaceutical law established the legal framework for the implementation of the United Nations Single Conventions, 1961.

Key words: narcotic drugs, narcotic medicines, pharmaceutical law, licensing, Drug control Agency, United Nations Single Conventions, 1961, implementation.

Сведения об авторах: ***Мусоев С.М.*** - кандидат фармацевтических наук, доцент, заведующий кафедрой фармации Таджикского национального университета. Телефон: **901-07-99-90**
Мирзоев Р.Д. – соискатель кафедры фармации Таджикского национального университета.
Телефон: **907-85-37-07**
Амиров Дж.Г. - соискатель кафедры фармации Таджикского национального университета.
Телефон: **906-22-83-83**

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В НОРМАХ КОНСТИТУЦИИ ТАДЖИКСКОЙ ССР 1978 ГОДА

А.М. Тошев
Академия управления МВД России

Новым важным этапом в развитии права личности на территории Таджикистана является принятие Конституции СССР 1977 г. До принятия Конституции СССР 1977 г., Советский Союз в 1976 г. ратифицировал Международный пакт ООН 1966 г. о правах человека, однако, без Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г., который предоставлял гражданам государств-участников пакта право обращения в международные органы по защите прав человека. В связи с этим, В.А.Карташкин отмечает, что Советский Союз и восточноевропейские страны выступили противниками как учреждения международного суда по правам человека, так и создания Комитета по правам человека, одной из функций которого должно было стать рассмотрение жалоб отдельных лиц. Они считали, что статьи Пакта, относящиеся к его имплементации, являются вмешательством во внутренние дела государств и нарушают их суверенитет [3; С. 44]. Факт ратификации международных договоров ООН, имеющих обязательную юридическую силу, несомненно, стал основой развития правового статуса личности на территории СССР.

Конституция СССР 1977 г. являлась основой демократических реформ в области права личности на территории Советского Союза. Прав Д.В.Петрович, который утверждает: «Конституция СССР 1977 г. стала первой и единственной за весь советский период конституцией, включавшей в отдельном разделе, посвященном правам, свободам и обязанностям граждан, стандартный для развитых европейских стран комплекс гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав» [4; С. 71]. В связи с этим, В. А. Зинченко пишет, в нашей стране в основе взаимоотношений государства и личности лежит гуманный и демократический принцип – забота всех о благе каждого и каждого – о благе всех. С учетом этого принципа Закон закрепляет положение о том, что граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантированных Конституцией СССР, а общенародное социалистическое государство надежно охраняет эти права и свободы [1; С. 3].

Таким образом, на основе Конституции СССР 1977 г. в республике был разработан и вынесен на всенародное обсуждение проект новой Конституции Таджикской ССР. Он обсуждался на собраниях, проходивших в производственных коллективах, на стройках, в колхозах и совхозах, организациях и учреждениях, воинских частях, по месту жительства трудящихся. В обсуждении Конституции Таджикской ССР 1978 г. (далее Конституция 1978 г.) приняло участие свыше 1,5 млн. человек. Верховный Совет республики на восьмой сессии 14 апреля 1978 года принял новую Конституцию Таджикской ССР [6; С. 97].

Новая Конституция 1978 г. в сфере развития права личности с одной стороны обобщала прошлый конституционный опыт, а с другой – обогащала этот опыт новым содержанием. Убедительным свидетельством являются конституционные положения Основного закона, содержащиеся во втором его разделе – «Государство и личность». В этом разделе получили свое выражение и закрепление все наиболее важные аспекты равенства граждан, их основные права, свободы и обязанности, то есть правовой статус личности. Новая Конституция по сравнению с Конституцией 1929 г., 1931 г. и 1937 г. содержала полный перечень и вдвое больше статей о правах, свободах и обязанностях граждан. Г. Сатторов справедливо отмечает: «Конституция Таджикской ССР 1978 года

полностью подтвердила записанные в Конституции Таджикской ССР 1937 года права и свободы граждан Таджикской ССР. Но, вместе с тем, содержание этих прав и свобод было углублено и расширено» [5; С. 136].

Наряду с провозглашением, как и в ранее действовавшей Конституции, общего принципа равноправия граждан, в новом Основном законе формулировались и другие важные принципы взаимоотношений государства и личности: углублены, развиты и расширены конституционные положения о социально-экономических, политических и личных правах; провозглашен ряд новых конституционных прав и свобод граждан; отражена повысившаяся социальная активность и ответственность, нашедшая свое выражение в ряде новых конституционных обязанностей. Значительно усилены и дополнены конституционные гарантии прав и свобод личности, защиты ее чести и достоинства, жизни и здоровья, личной свободы и имущества.

В Конституции 1978 г. была закреплена сама система прав и свобод граждан, по-прежнему фиксировались категории социально-экономических, политических и личных прав и свобод (ст. 37). Подобной статьи не содержали в себе предшествующие конституции.

Четко просматривается приоритет социально-экономических и культурных прав и свобод: право на труд (ст.38); право на отдых (ст. 39); право на охрану здоровья (ст. 40); право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца (ст. 41); право на жилище (ст. 42); право на образование (ст. 43); право на пользование достижениями культуры (ст. 44); гражданам гарантировалась свобода научного, технического и художественного творчества (ст. 45); граждане имели право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе (ст. 46); граждане имели право на обжалование действий должностных лиц, государственных и общественных органов (ст. 47).

В области политических прав: граждане имели право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения (ст. 46); гражданам гарантировались свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 48); граждане имели право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов (ст. 49).

Что касается области личных прав и свобод, то гражданам гарантировались: свобода совести (ст. 50); неприкосновенность личности (ст. 52); неприкосновенность жилища (ст. 53); охранялась законом личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телефонных сообщений (ст. 54).

Наряду с правами и свободами, в соответствии с нормами Конституции 1978 г. граждане были обязаны: соблюдать Конституцию СССР, Конституцию Таджикской ССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание советского гражданина (ст. 57); каждый способный к труду гражданин был обязан добросовестно трудиться и соблюдать трудовую дисциплину (ст. 58); граждане обязаны были беречь и укреплять социалистическую собственность (ст. 59); обязаны были оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его имущества и авторитета (ст. 60); обязаны были на воинскую службу в рядах Вооруженных сил СССР (ст. 61); уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства (ст. 62); уважать права и законные интересы других лиц, быть непримиримыми к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка (ст. 63); заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно-полезному труду, растить достойными членами социалистического

общества. Дети были обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь (ст. 64); беречь природу, охранять ее богатства (ст. 65); заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей (ст. 66) и содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира.

Основной закон закрепил возросшую ответственность органов управления и должностных лиц перед Советами народных депутатов и населением, а население перед обществом и государством. Взаимоотношения государства и личности не только закреплялись в упомянутом разделе Конституции, но и были впервые сформулированы в Преамбуле – как основной части Конституции. Именно в преамбуле Конституции 1978 г. было закреплено: «Руководствуясь высокими идеалами коммунизма и в соответствии с Конституцией СССР, закрепившей основы общественного строя и политики СССР, установившей права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и цели социалистического общенародного государства, народ Таджикской ССР провозглашает настоящую Конституцию».

Конституция 1978 г. закрепила основы общественно-политического и экономического строя, провозгласила цели и принципы общенародного социалистического государства, основы его внутренней и внешней политики, национального государственного устройства и правового статуса личности. Конституция констатировала, что вся власть в республике принадлежит народу, и народ осуществляет ее через своих представителей – Совет народных депутатов.

Статья 9 Конституции 1978 г. закрепляла дальнейшее развертывание социалистической демократии, все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения.

Конституция 1978 г. впервые установила гражданам личную собственность, составляющую трудовые доходы. В личной собственности могли находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Государство охраняло личную собственность граждан и ее наследования. Конституция установила право граждан на пользование земельными участками, предоставляемыми в установленном законном порядке для ведения подсобного хозяйства (включая содержание птицы и скота), садоводства, огородничества, а также индивидуального жилищного строительства. Граждане были обязаны рационально использовать предоставленные им земельные участки. Государство и колхозы оказывали содействие гражданам в ведении подсобного хозяйства. Конституция запрещала использовать имущество, находящееся в личной собственности или пользовании граждан, для получения нетрудовых доходов, использовать в ущерб интересам общества (ст. 13).

Начиная с первой Конституции республики приоритет в оценке норм Основного закона, посвященных правам и свободам граждан, отдавался классовой сущности, а только затем внимание уделялось их непосредственному содержанию и устранению этих недостатков. Устранение этих недостатков основывалось на принятии Конституции 1978 г. Прав, А. Имомов, который утверждает: «Последние Советские Конституции 1977-1978 гг. в определенной мере стремились восполнить настоящий пробел. Этому содействовало много причин. Победа во Второй Мировой войне антифашисткой коалиции отстояла поруганную честь, права и свободы человека, независимо от его гражданства, места проживания, общественно-политических взглядов, национальной принадлежности и расы, вероисповедания, социального и имущественного положения и т.д.» [2; С.153].

В Конституции СССР 1977 г. и в Конституции Таджикской ССР 1978 г. впервые на конституционном уровне были определены исходные начала правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства. Это был современный этап развития права личности на территории СССР и в том числе на территории Таджикской ССР. Она во многом усовершенствовала основополагающие нормы о правовом статусе личности, дала толчок обновлению всего законодательства в данной сфере. Указанные начала предусматривались в статьях 35 и 36 раздела II «Государство и личность» Конституции Таджикской ССР 1978 г. в ней устанавливалось принципиальное положение о гарантированности в Таджикской ССР иностранным гражданам и лицам без гражданства предусмотренных законом прав и свобод. При этом особо выделялась одна из существенных конституционных гарантий – право на юридическую, в том числе судебную защиту. Гарантируя права и свободы, Основной закон одновременно возлагал на находящихся на территории Таджикской ССР иностранных граждан, и лиц без гражданства обязанность соблюдать Конституцию СССР, Конституцию Таджикской ССР и законы. На основе статьи 36 Конституции Таджикской ССР предоставлялось право на убежище иностранцам.

Таким образом, конституционные положения о правах, свободах и обязанностях граждан, закрепленные в Конституции Таджикской ССР 1978 г. регулируют сферы жизненно важных отношений между государством и личностью в республике. К ним относятся: взаимоотношения в социально-экономической области, т.е. отношения по поводу производства и распределения социальных благ; отношения в политической области – по поводу осуществления государственной власти, участия граждан в формировании государственных органов, в контроле за их деятельностью, в принятии политических значимых решений; взаимоотношения в сфере обеспечения и охраны интересов и прав граждан, защиты от посягательств на их честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и имущество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В.А. Правовой статус личности в СССР / В.А. Зинченко. – Алма-Ата, 1983.
2. Имомов А. Укрепление государственности и создание гражданского общества в Таджикистане / А. Имомов. – Душанбе, 2003. - С. 153.
3. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации / В.А. Карташкин. - М., 2011. – С. 44.
4. Петрович Д.В. Становление и эволюция правового статуса личности в российском законодательстве (историко-правовой анализ): дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.В. Петрович. – Спб., 2008. - С.71.
5. Сатторов Г. Развитие Конституции Таджикской ССР: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Г. Сатторов. – Душанбе, 1989. - С. 136.
6. Хакимов Ш.К. Становление и развитие Конституции как политико–правового института в Таджикистане / Ш.К. Хакимов. – Душанбе, 2002. – С. 97.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В НОРМАХ КОНСТИТУЦИИ ТАДЖИКСКОЙ ССР 1978 ГОДА

Статья посвящена анализу норм Конституции СССР 1977 года и Конституции Таджикской ССР 1978 года о развитии конституционного регулирования правового статуса личности.

Ключевые слова: СССР, Таджикская ССР, Международный пакт, Конституция, правовой статус личности.

DEVELOPMENT OF THE LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL IN THE NORMS OF THE CONSTITUTION OF THE TAJIK SSR OF 1978

The article is devoted to the analysis of the norms of the 1977 Soviet Constitution and the Constitution of the Tajik SSR of 1978 on the development of constitutional regulation of the legal status of the individual.

Key words: USSR; Tajik SSR; the international Covenant; the Constitution; legal status of an individual.

Сведения об авторе: ***Тошев А.М.***– адъюнкт кафедры государственно – правовых дисциплин Академии управления МВД России. Телефон: **8-929-511-05-09.** E-mail: **tam300986@mail.ru**

ОТНОШЕНИЯ ПО ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ КАК ПРЕДМЕТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

З.К.Набиджанова
Российско - Таджикский (славянский) университет

Законодатель прямо определил в главе 37 ГК РТ медицинские услуги к предмету возмездного оказания услуг, признав гражданско-правовой характер таких отношений. А это значит, что права и обязанности, определяющие отношения между медицинским учреждением и пациентом, должны формироваться на основе закона, тем более что непосредственным объектом таких отношений выступает здоровье как наиболее ценное благо.

Для такого решения вполне созрели объективные предпосылки: государство утратило монополию на осуществление медицинской деятельности; медицинские услуги фактически включены в пространство свободного экономического оборота; категория "медицинская услуга" введена в область гражданско-правового регулирования.

Однако, нормы главы 37 закрепили лишь общие подходы к регулированию таких отношений, тогда как специфический их характер требует более детального решения целого ряда вопросов, возникающих перед теорией и практикой.

Например, большинство ученых высказывают мнение по поводу правовой природы отношений между медицинским учреждением и пациентом весьма неоднозначно.

1. Отношения по оказанию медицинских услуг как предмет административного, гражданского и социального права.

Одни авторы, например Н.В.Путило отмечает, что "должное поведение субъектов отношений в сфере охраны здоровья граждан обеспечивается посредством комбинированного воздействия приемов и способов, характерных для административного, гражданского права и права социального обеспечения. Субъектами регулируемых отношений являются государство, его органы и учреждения, медицинские учреждения различных форм собственности, с одной стороны, и граждане - с другой" [25].

2. Отношения по оказанию медицинских услуг как предмет административного права.

Некоторые ученые утверждают, что все отношения по медицинскому обслуживанию имеют административно-правовую природу, так как пациенты обязаны соблюдать режим лечебных учреждений, устанавливаемый административным актом [4,9; 8,21; 5,7; 5,10; 26,12].

Высказывается в литературе точка зрения, согласно которой гражданско-правовые обязательства по оказанию медицинской помощи гражданам возникают только между пациентами и частными медицинскими учреждениями, а также "между пациентом и государственным медицинским учреждением при предоставлении медицинских услуг сверх установленного обязательного минимума, гарантированного государством в качестве бесплатно предоставляемого" [2,12; 7, 9,30]. Во всех остальных случаях основными правовыми формами предоставления медицинских услуг пациентам являются административные правоотношения.

А.Ю. Кабалкин считает, что административному законодательству отведена своеобразная роль в регулировании отношений в сфере обслуживания, т.е. "административно-правовое регулирование должно создавать необходимые предпосылки для совершенствования гражданско-правового регулирования отношений по обслуживанию, но не подменять одним другое" [3,19].

Остается бесспорным, что правоотношения, в которых государство использует свои властные полномочия, несколько отличаются от правоотношений, возникающих между пациентом и исполнителем медицинской услуги. Безусловно, в формировании и реализации прав, составляющих общий правовой статус пациента, значительную роль играют органы исполнительной власти. Они издают нормативные правовые акты, конкретизирующие конституционные права, устанавливают процедуру их реализации, определяют инстанции и должностных лиц, обязанных осуществлять и обеспечивать защиту этих прав.

Однако, здесь необходимо отметить, что в отношениях с гражданами, государство в лице своих органов в обществе пользуется властными полномочиями, строго установленными законом и в определенных законом же пределах, за рамками которых в правовом государстве полномочия публичной власти уже неприменимы. За пределами, ограниченных законом, отношений властности, принуждения государство выступает в качестве партнера, равного участника уже не публично-правовых, а частноправовых отношений.

Лечебное учреждение не может иметь применительно к пациенту в процессе оказания медицинской услуги административно-властные полномочия. Административными являются правоотношения по государственному управлению здравоохранением. Властными полномочиями в этой сфере обладают соответствующие органы и должностные лица (отделы здравоохранения, главные врачи, и т.д.). Однако указанные субъекты вправе использовать принадлежащие им административно-властные полномочия по отношению к подчиненным им работникам, а не к пациентам. Положение о том, что граждане обязаны выполнять предписания органов и учреждений здравоохранения, соблюдать установленный режим, также не может служить основанием для определения этих отношений как административно-правовых. Обязанность выполнять предписания лечебного учреждения возникает не из акта принуждения, а принимается гражданином по своей воле, и пациент может прекратить свои отношения с лечебным учреждением по своему усмотрению, что не свойственно административному методу регулирования [5,11].

Кроме того, административно-правовой метод регулирования взаимоотношений при оказании медицинской помощи гражданам может применяться только в исключительных случаях, специально оговоренных в законодательстве. Так, в соответствии со ст.14 Конституции РТ ограничения прав и свобод граждан допускаются только с целью обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики. В частности, о возможности применения подобных мер указывается в Законах РТ "О противодействии вирусу иммунодефицита человека и синдрому приобретенного иммунодефицита" [22], "О психиатрической помощи" [23]. Эти медицинские отношения лежат в сфере публичного (административного) права и обусловлены государственными правовыми нуждами обеспечения интересов других людей, всего общества в целом. Их участниками являются наделенные компетенцией уполномоченные органы и учреждения, а на предписанные законом мероприятия пациентам предоставляются специальные гарантии соблюдения их прав и свобод.

3. Отношения по оказанию медицинских услуг как предмет социального права.

А.Б. Литовка и П.И. Литовка отмечают, что медицинское право является подотраслью социального права [24,80].

По мнению В.П. Новоселова, в случаях, связывающих пациента с медицинскими учреждениями, публично-правовой элемент присутствует не в качестве отношений "власти-подчинения", а в виде отношений, направленных на удовлетворение социально-значимых интересов граждан. На них возложена обязанность осуществлять медицинские мероприятия. Обязательность выполнения объясняется особой высокой

социальной значимостью в целом для государства и общества, т.е. их публичностью, но в процессе предоставления самой медицинской услуги ее непосредственные участники остаются юридически равноправными [5,11].

По мнению В.Г.Соловьева, "отношения по предоставлению бесплатной медицинской помощи в рамках каких-либо государственных программ не могут относится к гражданско-правовым, так как возможность участников гражданских правоотношений по получению медицинской помощи зависят, главным образом, от их экономических возможностей, которые сами по себе гражданским правом не порождаются" [8,30].

Авторы данного взгляда аргументируют тесную связь здравоохранения с государством, само медицинское обслуживание считают формой государственных социальных гарантий, сходной с пенсионным обеспечением. Довольно распространенная точка зрения: право социального обеспечения там, где есть прямые ассигнования из государственного бюджета и специальный субъект - лица, подвергшиеся воздействию социального риска, имеющие доступ к восстановительным, реабилитационным мероприятиям на бесплатной или льготной основе.

Все же на наш взгляд, следует отграничить сферу оказания медицинских услуг от социального обеспечения по следующим основаниям. Общее юридическое положение субъектов социально-обеспечительных правоотношений можно охарактеризовать, прежде всего, тем, что между ними нет, ни отношений власти и подчинения, ни отношений равенства, государство в лице его органов выступает обязанным субъектом. Имущественные права принадлежат гражданам, а соответствующие обязанности возлагаются на компетентные государственные и иные органы. Кроме того, санкции в сфере социального обеспечения носят своеобразный характер: они являются, как правило, не штрафными, а носят правовосстановительный характер. К противоположному же субъекту (по отношению к гражданам) данных отношений вообще никаких санкций не применяется - государственный орган в таких случаях обязывает совершить те действия, которые должны исходить от него в силу его компетенции (орган социальной защиты населения). Кроме того, само по себе наличие определенных льгот или преимуществ в рамках социального обеспечения для отдельных категорий граждан в процессе оказания медицинской услуги, не может служить квалифицирующим признаком отнесения самого действия (или деятельности) по предоставлению медицинской помощи к тому или иному правовому регулированию. Как указывает В.В. Витрянский "в таких случаях, несмотря на то, что "оказывается помощь другому", достижение указанной цели не предполагает каких-либо действий" [21,209]. В том, что медицинскую помощь традиционно включают в право социального обеспечения, есть и своего рода некое политическое "удобство": раз медицинской помощью обеспечивают всех как социальным благом, следовательно, бесплатным, значит и претензии к ее качественным характеристикам предъявлять как-то бестактно, "неприлично". Общепринято, что обеспечение за счет общества (социальное обеспечение) должно осуществляться не для всех граждан, а лишь для определенных их категорий (беженцы; лица, потерявшие кормильца; нетрудоспособные, в том числе по старости, инвалидности, выслуге лет и т.д.). Как правильно отмечается в научной литературе [10,8-9], сугубо медицинские услуги следует отграничивать от так называемых социальных медицинских услуг, предоставляемых в рамках государственной социальной политики.

Кроме того, авторы вышеотмеченных концепций в своих работах перечисляют права пациента, которыми он может воспользоваться в связи с обладанием нематериальными благами уже безотносительно к возмездности возникающих при этом отношений: право на отказ от медицинского вмешательства, право на информированное согласие на медицинское вмешательство, право на уважительное и

гуманное отношение и т.д. Если процесс оказания бесплатной медицинской помощи не зависит от усмотрения пациентов, то последние вряд ли смогут воспользоваться и перечисленными правомочиями - но в законодательстве они закреплены безотносительно к форме предоставления медицинской помощи и ее платности.

4. Отношения по оказанию медицинских услуг как предмет самостоятельного права (собственного или медицинского права).

Ряд авторов считают, что так называемые медицинские отношения имеют пусть в большей или меньшей степени частноправовое, но абсолютно самостоятельное, собственное правовое регулирование.

Так, у С.А. Шишкова "...вызывает сомнение тезис о гражданско-правовом характере действий по оказанию медицинских услуг. По условиям, характеру и предмету медицинскую помощь невозможно поставить в один ряд с "обычными" услугами. В противном случае такие высшие нематериальные блага, как жизнь и здоровье человека, вольно или невольно уравниваются с благами материальными - предметами повседневного обихода, домашней утварью и т.п.. Поэтому сфера оказания медицинских услуг не слишком тяготеет к моделям гражданских правоотношений" [27,37]. По мнению автора отношения по врачеванию являются абсолютно самостоятельными.

Некоторые ученые указывают, что услуги в сфере бытового обслуживания, гражданское законодательство однозначно относит к предмету регулирования гражданским правом. Однако некоторые виды услуг можно довольно условно отнести и к сфере бытового обслуживания, т.к. при их оказании необходимо соблюдение правил гигиены и санитарии, а осуществление их требует определенных медицинских знаний. В некоторых случаях даже невозможно провести четкой границы между тем, где заканчивается договор бытового обслуживания, а где договор на оказание медицинской помощи. Н.А.Ардашева приводит в качестве примера парикмахерские услуги, в процессе оказания которых "мастер педикюра вполне может произвести манипуляцию по удалению вросшего ногтя, который вызывал болезненные ощущения у клиента" [1,14].

На наш взгляд, услуги, оказываемые парикмахерскими, студиями визажистов и т.п., автоматически не становятся медицинскими услугами и, несмотря на вышеназванную специфику, не перестают считаться "обычными" услугами с распространением на них режима гражданско-правового регулирования. Предоставление медицинской помощи направлено именно на оздоровление человека или поддержание здоровья, ее оказание неизбежно сопряжено с осуществлением специфической профессиональной деятельностью, право осуществлять которую должно быть специально подтверждено. Необходимость обладания определенными профессиональными знаниями и соблюдение правил гигиены при оказании данного вида услуг никак не может служить препятствием для их гражданско-правового регулирования. Речь идет об условиях, при соблюдении которых только и возможен процесс оказания услуги. И можно привести множество иных видов услуг, предоставление которых сопряжено с обязанностью соблюдения довольно жестких требований (условий): услуги общепита, услуги по перевозке, строительные работы и т.д., в процессе оказания которых требуется представление доказательств обладания конкретными профессиональными знаниями и навыками, а также строгое соблюдение соответствующих гигиенических или санитарных норм и правил. Поэтому нет видимых реальных препятствий или опасности в том, чтобы поставить медицинскую помощь в один ряд с другими "обычными" услугами в смысле их аналогичного правового регулирования. Ведь "уравнивание" в этом случае происходит лишь в детализации формирования отношений между их участниками, в принципах организации и осуществления самого обслуживания, особенности которого связаны со спецификой

субъектного состава данных отношений. На практике сложились отношения между гражданами и организациями (исполнителями) по производству работ и оказанию услуг, в процессе которых возможно удовлетворение только личных, бытовых потребностей граждан. Все эти отношения, и по производству работ, и по оказанию услуг охватываются понятием "бытового обслуживания". Именно к этой сфере - сфере обслуживания многие авторы не без оснований относят удовлетворение материальных, культурных потребностей граждан, а также и здравоохранение [12,19; 95].

Конечно, в своей работе нет цели и призыва механически "уравнять" нормативную регламентацию отношений по оказанию медицинской помощи с отношениями, возникающими между исполнителем, например тех же коммунальных услуг, заключающихся в устранении течи в радиаторе отопления в жилом помещении или прочистке канализационных труб или услуг химчистки. Однако и отказывать в жесткой и четкой правовой защищенности пациенту лишь на основании непредсказуемости последствий применения к нему мер медицинского характера или идеализации того нематериального блага, на которое непременно воздействует исполнитель медицинской услуги, также уже не представляется возможным. Напротив, в силу исключительной важности для каждого человека состояние его здоровья, самой жизни, необходимо предоставить и пациенту, и исполнителю медицинской услуги конкретный правовой механизм формирования между ними цивилизованных, честных, откровенных, взаимно-уважительных отношений. А сейчас врач не считает себя исполнителем - ему претит примитивность такого понятия. Поэтому исполнителя медицинской услуги следует пусть постепенно, но приучить к мысли, что он поступает так не потому, что он может, а потому что он обязан в силу своих профессиональных обязанностей и заключенного договора, предписывающего определенное поведение, добровольно выполняемое как пациентом, так и исполнителем медицинской услуги.

5. Отношения по оказанию медицинских услуг как предмет гражданского права, но в ограниченном объёме.

Другие авторы допускают гражданско-правовое регулирование данных отношений, но в "ограниченном объеме". Одни авторы полагают, что "отношения между пациентом и медицинским учреждением попадают в сферу гражданского права только в случаях, когда допущено ненадлежащее исполнение обязанностей, когда причинен вред" [20,247], т.е. придерживаются не договорного, а деликтного характера таких отношений, считая, что лишь деликт порождает гражданско-правовые обязательства в данной сфере.

Другая группа авторов считают, что "отношения граждан с лечебными учреждениями являются гражданско-правовыми лишь в части оплаты процедур и лекарств, возмещения расходов лечебного учреждения с преступников" [14,87]. В.П.Новоселов подчеркивает, что "с утверждением о гражданско-правовой природе отношений между врачом и пациентом можно согласиться лишь с оговоркой, что в медицинской практике немало правоотношений, регулируемых административно-правовыми нормами" [5,11].

По утверждению В.Н.Соловьева "гражданское право не регулирует отношения между медицинским учреждением и пациентом в случае, когда медицинская помощь оказывается государственными медицинскими учреждениями за счет средств бюджета" [11, 7,64]. Эти отношения, по мнению автора, регулируются нормами административного права, либо права социального обеспечения.

Или же, В.К.Ермолаев утверждает, что "основными правовыми формами оказания медицинских услуг являются административно-правовые отношения по бесплатному оказанию пациенту медицинской помощи и гражданско-правовые обязательства по предоставлению медицинских услуг на возмездных началах"[7,11]. Данной концепции придерживаются также А.Ю. Кабалкин [8,19], Ю.Х. Калмыков [14,116] и другие.

По мнению В.А.Ойгензихт, отношения сторон в процессе оказания медицинских услуг строятся "на их взаимном соглашении по поводу тех или иных способов лечения, в связи с чем, несомненно, носят гражданско-правовой характер, хотя и возникают (частично) из административно-правового акта" [16,37]. В целом, автор признаёт гражданско-правовую направленность, но одновременно считает, что такие отношения носят "нетипичный характер". Это выражается в особенностях возникновения таких отношений: так как обязанность медицинского учреждения "является обязанностью общего характера, не являющейся основанием для возникновения конкретного правоотношения", то соответственно эти обязанности не влекут за собой "никакого взаимного соглашения сторон, в котором бы по воле сторон уточнялись их будущие взаимоотношения, как это происходит в других гражданско-правовых договорах".

6. Отношения по оказанию медицинских услуг как предмет гражданского права.

Решительными сторонниками гражданско-правовых отношений между пациентом и медицинским учреждением являются В.Л. Суховерхий и В.К. Субботенко, которые утверждают, что "здоровье, как имя и честь, считается личным благом, неразрывно связанным с личностью их носителя". А так как здоровье человека, отмечает автор, как личное благо, "тесно связано с имущественными отношениями, то и отношения по поводу здоровья должны быть предметом гражданско-правового регулирования" [26,105; 17,139].

А.Н.Савицкая указывает на признаки договорного порядка установления отношений между пациентом и медицинским учреждением через наличие в них собственного "волеизъявления гражданина в форме обращения за помощью в лечебное учреждение, ответного действия другой стороны в форме записи на прием к врачу или госпитализации и т.п." [18,38].

М.Н.Малеина придерживается в этом вопросе господствующей, по ее мнению, "характеристики отношений лечебных учреждений и граждан как гражданско-правовых договорных", указывая на характерную в этих отношениях форму защиты права, осуществляемую путем взыскания убытков - имущественного вреда, причиненного здоровью пациента "вследствие небрежности медицинского работника - то есть гражданско-правовую по своей природе" [15,30].

Н.С.Малеин считает определяющим моментом в признании отношений, возникающих между медицинским учреждением и пациентом гражданско- правовыми отсутствие отношений власти и подчинения, равенство их субъектов. Такого же мнения придерживается Д.Г.Хечуриани, отмечая, что учету подлежит, прежде всего правовое положение субъектов, характер прав и обязанностей, ответственность и т.д., в связи с чем "отношения граждан с платными медицинскими учреждениями приравниваются к их отношениям с бесплатными медицинскими учреждениями, являясь гражданско-правовыми" [19,124].

Представляется, что решение вопроса об отраслевой принадлежности отношений пациента и медицинского учреждения должен решаться в пользу гражданского права. Отношения, возникающие между врачом и пациентом в процессе оказания услуги остаются гражданско-правовыми, исходя из оснований их возникновения, содержания и объема прав и обязанностей, которыми наделяются стороны данного правоотношения.

В соответствии с ч.1. ст.3 ГК РТ "Гражданское законодательство основывается на принципах неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных гражданских прав, их судебной защиты". Таким образом, перед законом одинаково равны, и граждане, обратившиеся за оказанием помощи, и учреждения здравоохранения, и самостоятельные организации, осуществляющие медицинскую

деятельность, и индивидуальные предприниматели без образования юридического лица, в качестве которых выступают приравненные к ним частнопрактикующие врачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардашева Н.А. Проблемы гражданско-правового обеспечения прав личности в договоре на оказание медицинской помощи. Автореф. дис. ... к. ю. н. / Н.А. Ардашева. -Тюмень., 1997. -[14].
2. Комзолов А.И. Гражданско-правовое регулирование и защита прав участников медицинских отношений: автореф. дис. ... к. ю. н. / А.И. Комзолов. –М,. 1999. -[12].
3. Кабалкин А.Ю. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений в сфере обслуживания: автореф. д. ю. н. / А.Ю. Кабалкин. -М., 1975. - [19].
4. Марьян Г.В. Организационно-правовые вопросы управления здравоохранением России: автореф. дис. ... к. ю. н. / Г.В. Марьян. - М., 2002. - [9].
5. Новоселов В.П. Административно-правовой статус больницы: автореф. дис. ... к. ю. н. / В.П. Новоселов. –Екатеринбург, 1991. - [7, 10, 11];
6. Ярославцев В.В. Конституционно-правовое регулирование медицинского обеспечения населения в РФ. автореф. дис. ... к. ю. н. / В.В. Ярославцев. - М., 1999. - [12].
7. Ермолаев В.К. Общетеоретические и гражданско-правовые основы медицинского обслуживания граждан в РФ. дисс. на соиск. уч. ст. к. ю. н. / В.К. Ермолаев. -М., 1997.- [11, 18,30].
8. Малышко А.Ю. Правовой статус гражданина РФ при оказании медицинской помощи: административно-правовой аспект. дис. ... к. ю. н. / А.Ю. Малышко. - М., 2004. - [21].
9. Соловьев В.Г. Гражданско-правовое регулирование осуществления конституционных прав граждан на оказание медицинской помощи. дис. ... к. ю. н. / В.Г. Соловьев. –Томск, 1999. -[30].
10. Сироткина А.А. Договор оказания медицинских услуг: особенности гражданско-правового регулирования. дис. ... к. ю. н. / А.А. Сироткина. - М., 2004.- [8-9].
11. Соловьев В.Н. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих при реализации конституционного права граждан на медицинскую помощь. дис. ... к. ю. н. / В.Н. Соловьев. - Красноярск, 1999. -[7, 64].
12. Баринов Н.А. Ответственность сторон по договору бытового заказа / Н.А. Баринов. – Саратов, 1970.- [19].
13. Новоселов В.П. Правовое положение граждан в отраслях государственного управления / В.П. Новоселов. – Саратов, 1977. -[87].
14. Калмыков Ю.Х. К понятию обязательства по оказанию услуг в гражданском праве / Ю.Х. Калмыков. //Избранное. -М., 1998.-[116].
15. Малеина М.Н. Гражданско-правовой договор на оказание медицинской помощи / М.Н. Малеина // Правоведение, 1989. -№ 2. -[30].
16. Ойгензихт В.А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве / В.А. Ойгензихт. – Душанбе, 1984.- [37].
17. Субботенко В.К. К вопросу о предметной принадлежности отношений по оказанию медицинской помощи и лечению / В.К. Субботенко. -Томск, 1982.- [139].
18. Савицкая А.Н. Возмещение ущерба, причиненного ненадлежащим врачеванием. – Львов, 1982. - [38].
19. Хечуриани Д.Г. Функции советского гражданского права / Д.Г. Хечуриани. - Тбилиси, 1990. - [124].
20. Ярошенко К.Б. Имущественная ответственность лечебных учреждений за вред, причиненный их работниками / К.Б. Ярошенко // Вопросы государства и права. Выпуск 2. – Минск, 1970. - [247].
21. Брагинский М.И. Договорное право: книга третья / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. - М., 2002. - [209].
22. Закон РТ "О противодействии вирусу иммунодефицита человека и синдрому приобретенного иммунодефицита" от 28 декабря 2005г. № 150.; Адлия. Версия 6.0. Централизованный Банк правовой информации РТ. e-mail:adlia@yandex.ru.
23. Закон РТ "О психиатрической помощи" от 2 декабря 2002г. № 90.; Адлия. Версия 6.0. Централизованный Банк правовой информации РТ. e-mail:adlia@yandex.ru.
24. Литовка А.Б. Медицинское право-комплексная отрасль национального права России / А.Б. Литовка, П.И. Литовка // Известия Вузов. Правоведение, 2000. -№ 1. [80].
25. Путило Н.В. Законодательство субъектов РФ о здравоохранении / Н.В. Путило // Современное Российское право, 2003. -№ 1.
26. Суховерхий В.Л. Гражданско-правовое регулирование отношений по здравоохранению / В.Л. Суховерхий // Советское государство и право, 1975. -№ 6. [105].
27. Шишков С. Проект Закона "О правах и безопасности пациента в сфере здравоохранения" / С. Шишков // Российская юстиция, 1997.- №1. [37].

ОТНОШЕНИЯ ПО ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ КАК ПРЕДМЕТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В статье проведен правовой анализ отношений по оказанию медицинских услуг. В ходе анализа предпринята попытка выявить основные проблемы регулирования отношений по оказанию медицинских услуг.

Ключевые слова: медицинская услуга, медицинское учреждение, врач, пациент, закон, здоровье, исполнитель медицинских услуг.

RELATIONSHIPS IN PROVIDING MEDICAL SERVICES AS A SUBJECT OF CIVIL LAW CATEGORY

In the article is analyzed the legal of relationships in providing medical services. The analysis attempts to identify the main problems of regulating relations in the provision of health services.

Key words: medical service, medical institution, doctor, patient, law, health, provider of medical services.

Сведения об авторе: ***З.К.Набиджанова*** - соискатель кафедры гражданского права юридического факультета РТСУ. Телефон: **(992 37) 221-35-50**; факс: **(992 37) 221-05-70.**

ХРОНИЧЕСКИЙ АЛКОГОЛИЗМ ИЛИ НАРКОМАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Имомова Нилуфар
Российско-Таджикский (славянский) университет

Республика Таджикистан, подписав и ратифицировав Конвенцию о правах ребенка 1989 г., признала, что ребенок не должен разлучаться со своими родителями без их желания, за исключением случаев, когда подобное решение принимается судом в интересах ребенка. В нашей стране приоритетной формой воспитания ребенка является его воспитание кровными родителями в составе полной семьи (так называемой полноценной ячейки общества), т.е. состоящей из биологических матери и отца. Но бывают случаи, когда ребенка необходимо оградить от самих же кровных родителей, в данном случае применяется такая мера ответственности как лишение родителей родительских прав. Лишение родительских прав означает потерю тех прав, которые дарованы родителям богом, поскольку права и обязанности родителей неотчуждаемы и непередаваемы. Родитель не может отказаться от принадлежащего ему права на воспитание, переложить на другого свою алиментную обязанность, право на представительство его интересов и др. Как справедливо отмечает Т.А. Фадеева, родительских прав лишается лишь тот родитель, который виновно допустил противоправное поведение в отношении своего ребенка (детей), достаточное для применения к нему санкции в виде лишения родительских прав[1]. Наделяя родителя правами, государство, вместе с тем, не разрешает ему нарушать права и интересы других лиц, тем самым, выполняя правозащитную функцию[2].

Одним из оснований для применения такой исключительной меры ответственности является заболевание хроническим алкоголизмом и наркоманией. Для лишения родителей родительских прав по данному основанию в принципе достаточно установить факт наличия у родителей таких заболеваний, так как они представляют особую опасность для ребенка, поскольку ребенок оказывается в нездоровой семейной обстановке, предоставлен самому себе, страдает нравственно и физически[3]. Опасность таких семей, в которых употребляют алкоголь и наркотики в том, что дети впитывают ту духовно-нравственную атмосферу, которая господствует в ней. Правы А.В. Борбат, А.Н. Ильяшенко, которые справедливо отмечают, что «подростки во всем следуют семейным традициям, подражают родителям. Нравы родителей, манеры их общения, уровень духовности, моральные ориентации длительное время

воспринимаются ими без критики (еще недоступной по возрасту) и становятся привычной нормой отношения к себе и окружающим[4]».

Под алкоголизмом понимаются все патологические изменения в организме человека, развивающиеся под влиянием употребления алкоголя и совокупность вредных последствий на здоровье, быт, труд и благосостояние, как отдельного человека, так и общества в целом[5]. Более точное понятие данного пагубного для общества явления дано в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: «Алкоголизм в социальном смысле - неумеренное употребление спиртных напитков (пьянство), приводящее к нарушениям норм поведения в быту, обществе, в сфере трудовой деятельности, а в масштабах страны - к заметному ущербу для здоровья и благосостояния населения, а также экономическим потерям. Алкоголизм в медицинском смысле - болезнь, относящаяся к группе токсикомании (пристрастие к этиловому спирту)[6]».

Наркомания в свою очередь, является хроническим прогредиентным заболеванием, вызванным употреблением наркотических веществ[7]. Следует отметить, что данное заболевание опасно тем, что поражает психику и волю человека. Завися от алкоголя и наркотиков и желая потреблять их постоянно, родитель теряет связь с реальностью и забывает о своей обязанности по воспитанию и содержанию детей.

В Конституции Республики Таджикистан закреплено, что родители должны заботиться о детях (ст. 34). В исполнении этой обязанности заинтересованы не только родители, но и государство и общество, поскольку стабильность семьи как ячейки общества указывает на стабильность социума, в общем.

А.М. Рабец, говоря о лишении родительских прав за злоупотребление алкоголя и наркотиков, отмечала, что в данном случае семейно-правовая ответственность возникает за болезнь[8]. Так и есть, вина наступает за доведение себя до болезни[9]. Родитель больной алкоголизмом или наркоманией не может в полной мере заниматься воспитанием и образованием детей, поэтому чаще всего имеет место быть несколько оснований для лишения родительских прав. Практически хронический алкоголизм или наркомания напрямую сам по себе не затрагивает охраняемых законом ценностей. Если дети подобных больных оказываются без надлежащего содержания и воспитания, то возникает вопрос о причине возникновения такого положения. Первопричиной такой ситуации является болезнь родителей - хронический алкоголизм и наркомания.

Огромную долю причин предъявления исков о лишении родительских прав составляет алкоголизм отца или матери, сопряженный моральным падением и тунеядством. Лишение родительских прав вследствии заболевания алкоголизмом, реже наркоманией в совокупности имеет место быть в 75% случаев. Родители, зависимые от данных пагубных привычек не заботятся о нравственном воспитании детей, их физическом развитии, обучении, подготовке к общественно-полезному труду.

Дети, оказываясь предоставленными сами себе вследствии отсутствия надлежащего надзора, вовлекаются в различного рода антиобщественные действия, совершают правонарушения, состоят на учете в органах внутренних дел.

Решением суда И. Сомони города Душанбе А. была лишена родительских прав в отношении своего ребенка, поскольку воспитанием ребенка не занималась (ребенок воспитывался у бабушки). Основанием для предъявления иска послужило то что, А. систематически пьянствовала, нигде не работала и ночами пропадала. В результате чего родила сына от неизвестного человека.

Алкоголизм и наркомания обычно сопряжены с безразличием ко всему, кроме потребляемых вредных веществ, поэтому дети остаются без заботы и внимания в лучшем случае, а в худшем - имеет место быть злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с ними.

Комиссия по делам несовершеннолетних предъявила иск к А. о лишении ее родительских прав в районный суд города Душанбе в отношении одного несовершеннолетнего ребенка. Основанием для предъявления иска послужило то, что А. систематически пьянствует и принимает наркотическое вещество (героин), является хроническим алкоголиком и наркоманом. Состоит на учете в наркологическом диспансере. Также, была осуждена решением суда района Шохмансура города Душанбе с 17.09.2001г. ст. 244 ч. 4, Уголовного Кодекса РТ. Все это послужило основанием для лишения родительских прав.

Следует отметить, что лишить родительских прав по причине алкоголизма не просто, поскольку для принятия решения необходимо провести медицинское освидетельствование. Однако, часто дается запрос о том, состоит ли родитель на учете у нарколога. Поэтому без внимания остается огромное количество лиц, не стоящих на учете, так называемых латентных алкоголиков и наркоманов. Касательно этого вопроса А.А. Корсантия, И.В. Максименко справедливо замечают, что официальная статистика отражает только десятую часть наркоманов, которые добровольно встали на медицинский учет[10]. В силу принципа невмешательства в дела семьи не всегда становится известно о том, что ребенок находится в опасности в семье родителей, употребляющих алкоголь или наркотики. Ребенок не всегда адекватно воспринимает то, что происходит с его родителями и считает это нормальным. В данном случае огромную помощь по защите детей могут оказать бдительные соседи и педагоги, если ребенок посещает дошкольное или школьное учреждение, а также участковый инспектор милиции.

Следует заметить, что лишение родительских прав с одной стороны является мерой ответственности, применяемой к виновным в употреблении алкогольных напитков и наркотических веществ, а также мерой защиты прав и интересов детей.

Особенностью Республики Таджикистан является то, что ее законодательство не запрещает употребление алкоголя и наркотиков, но большая часть общества в силу приверженности мусульманским ценностям воздерживается от использования запрещенных религией вещей. Употребление алкоголя не влечет привлечения к никакой ответственности, кроме морального осуждения. Употребление наркотиков также уголовно не наказуемо, хотя в соответствии со ст. 201 Уголовного кодекса Республики Таджикистан незаконное производство, изготовление, переработка, приобретение, хранение, транспортировка или пересылка без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ наказываются штрафом в размере от ста до пятисот показателей для расчетов либо лишение свободы до двух лет[*].

Получается, человек может хранить для собственного потребления наркотики и его привлекут к ответственности, а если его задержат во время потребления, то он уголовно не наказуем.

Вряд ли данную позицию можно признать справедливой. По нашему мнению, необходимо установить четкие границы для квалификации преступления, не допуская произвола правоприменительных органов.

Получается употребление алкоголя и наркотиков не является противоправным поведением, а является лишь противоречащим нормам морали и религии. В данном случае, лишение родительских прав за употребление алкоголя и наркотиков не является семейно-правовой ответственностью.

Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос: почему заболевание токсикоманией осталось без внимания законодателя? Ведь токсикомания тоже представляет собой совокупность болезненных состояний, характеризующихся влечением и привыканием к приёму лекарственных средств и других веществ, не

[*] Показатель для расчетов- величина равная 45 сомони в 2013 году (В соответствии с. http://ru.wikipedia.org/wiki

относимых к наркотическим согласно «Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 года»[11]. Она влечет те же вредные последствия, что и наркомания. Поэтому считаем целесообразным дополнить статью 69 Семейного кодекса Республики Таджикистан, дополнив словами «токсикоманией». Л.Ю. Михеева также обращаясь к данному вопросу, пишет: «Сохраняя лишение родительских прав как один из способов судебной защиты прав ребенка, необходимо уточнить основания его применения, дополнив их перечень злоупотреблением спиртными напитками, наркотическими, психотропными и иными одурманивающими средствами[12]».

Ислам, ссылаясь на Суру «Трапеза» Корана, осуждает опьяняющие вещества: «О, вы, которые уверовали! Воистину, все, что опьяняет (хамр), азартные игры и гадание являются скверной из деяний дьявола! Сторонитесь же их - может быть, вы преуспеете. Воистину, сатана при помощи опьяняющих веществ и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и намаза. Неужели вы не прекратите?[13]». Очень четко помечено в Коране, что кроме опьяняющих веществ, обществу, и семье в частности, могут, приносит большой вред еще и азартные игры и гадания. Игромания или лудомания признана патологической склонностью к азартным играм, которая заключается в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, которые доминируют в жизни человека и ведут к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей: такой человек не уделяет должного внимания своим обязанностям в этих сферах[14]. Однако, законодатель оставил без правового регулирования вопрос заболевания одного из членов семьи лудоманией. Хотя данное заболевание также может привести к безразличию к семье, к детям, к расточительству, хищению имущества из дома. Поэтому было бы целесообразным включить в качестве основания для лишения родительских прав и наличие патологической склонности к азартным играм, повлекшее злостное неисполнение родительских обязанностей. По нашему мнению, было бы правильным установить ответственность за участие в азартных играх. Тем более данное явление осуждается нашим обществом и ничего положительного не приносит. На сегодняшний день можно говорить лишь о моральном осуждении данного явления обществом.

Еще один момент, на который мы хотели бы обратить внимание - это то, что наличие факта заболевания игроманией установить сложно, поэтому считаем целесообразным при применении данной меры ответственности необходим полный состав семейного правонарушения: противоправного поведения, которое заключается в систематическом участии в азартных играх; вина, которая может быть в форме, как умысла, так и неосторожности, вредных для детей последствий в виде злостного неисполнения родительских обязанностей и причиной связи между противоправным поведением и вредными последствиями.

Сегодня же один из самых низких уровней наркотизации и алкоголизации общества наблюдается в тех странах, где распространен Ислам. В странах, действуют нормы Шариата, распространение и употребление наркотиков карается самым суровым образом, вплоть до смертной казни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фадеева Т.А. Личные и имущественные отношения между родителями и детьми / Т.А. Фадеева // Гражданское право; под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. -М.: Статут, 1999. -С.428.
2. Вавильчикова Г.В. Семейно-правовые санкции, применяемые к родителям за ненадлежащее осуществление прав и исполнение обязанностей по воспитанию детей в Российской Федерации: автореф. канд. юрид. Наук / Г.В. Вавильчикова. - М., 2008. - С.4.
3. Пчелинцева Л.М. Семейное право России / Л.М. Пчелинцева. -М.: Инфра-Норма, 2000. - С. 199.
4. Борбат А.В. Образ жизни семьи и преступность несовершеннолетних / А.В. Борбат, А.Н. Ильяшенко // СПС «Гарант» [Дата обращения 12.03.13].
5. Большая медицинская энциклопедия. [Электронный ресурс]. http.V/bigmeden.ru/search ’q [Дата

обращения 03.04.2013]
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс]. http://ru.wikisource.org/wiki/
7. [Электронный ресурс]. http ://ru.wikipedia. org
8. Рабец А.М. Проблемы укрепления нравственных начал в нормах и личных неимущественных правах и обязанностях родителей и детей / А.М. Рабец // Семейное право, 2003. - №1. - С.24.
9. Тагаева С.Н. Правовая сущность семейно-правовой ответственности / С.Н. Тагаева. -М.: Ирфон, 2012.
10. Корсантия А.А., Максименко И.В. Основные причины детерминации преступности в Российской Федерации // Право и безопасность, 2009. -№2 (31). [Электронный ресурс]. http://www.dpr.ru/pravo/pravo 27 25.htm
11. [Электронный ресурс] http://ru.wikipedia.org/wiki
12. Михеева Л.Ю. Ответственность родителей за воспитание детей / Л.Ю. Михеева // СПС «Гарант» [Дата обращения 12.03.13].
13. Коран: аят 90-91.
14. [Электронный ресурс]. http.V/ludoman. info

ХРОНИЧЕСКИЙ АЛКОГОЛИЗМ ИЛИ НАРКОМАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

В Республике Таджикистан приоритетной формой воспитания ребенка является его воспитание кровными родителями в составе полной семьи, состоящей из биологических матери и отца. Но бывают случаи, когда ребенка необходимо оградить от самих же кровных родителей, в данном случае применяется такая мера ответственности как лишение родителей родительских прав. Лишение родительских прав означает потерю тех прав, которые дарованы родителям богом, поскольку права и обязанности родителей неотчуждаемы и непередаваемы. Опасность таких семей, в которых употребляют алкоголь и наркотики в том, что дети впитывают ту духовно-нравственную атмосферу, которая господствует в ней.

Ключевые слова: воспитание ребенка, права и обязанности родителей, лишение родителей родительских прав, алкоголь и наркотики, лишение родительских прав.

CHRONIC ALCOHOLISM OR DRUG ADDICTION AS A BASIS FOR DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS

In the Republic of Tajikistan the priority form of upbringing child is his education in by his own parents as a complete family, consisted of biological mother and father. But there are cases when the child needs protection from the natural parents, in this case it is applied a sanction of deprivation of parents of their parental rights. Deprivation of the parental rights means the loss of those rights which are gifted to the parents by God, because the rights and duties of parents are inalienable and nontransferable. The danger of such families in which alcohol or drugs are used that children absorb the spiritually-moral atmosphere, dominates in it.

Key words: education of the child, rights and duties of parents, deprivation of parental rights, alcohol and drugs, deprivation of parental rights.

Сведения об авторе: ***Имомова Нилуфар*** – аспирантка кафедры гражданского права юридического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета. E-mail:<**nilufar-2010@mail.ru**>

МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

С.Б.Мирзоев
Таджикский национальный университет

После Второй Мировой войны сложилась европейская модель судебного конституционного контроля на основе создания специального судебного органа, разрешающего споры о конституционности актов. Специализированные органы судебного конституционного контроля стали осуществлять свои полномочия в порядке конституционного производства, отличающемся от уголовного, гражданского судопроизводства, т.е разрешать правовые споры в рамках особой процедуры. Доктрина Г. Кельзена «стала теоретическим основанием европейской системы конституционного судопроизводства»[1].

Практика судебного контроля возникла в Австрии в деятельности имперского суда, в период введения Конституции 1848 года, а после образования федеративного государства был образован Конституционный Суд Австрии в 1920 году. Федеральный конституционный закон (Конституция) Австрии 1920 года, в частности, установил норму, согласно которой если суд «сомневается относительно применения постановления в связи с его возможной противозаконностью, то он должен внести представление об отмене этого постановления в Конституционный суд» (ст. 89)[2]. Конституционный Суд Австрии рассматривал вопросы о конституционности законов федерации и земель, государственных договоров, по имущественно-правовым требованиям, о спорах между землями, между землёй и федерацией, о спорах между судебными и управленческими органами, об опротестовании выборов, по обвинениям в порядке конституционной ответственности, о нарушении норм права касательно жалобы на решения органов управления[3].

По словам В.Н. Витрука, австрийская модель судебного конституционного контроля была учреждена еще перед Второй Мировой войной «в Чехословакии (1920 г.), Греции (1927 г.), Испании (1931 г.), Ирландии (1937 г.) и Египте (1941 г.)»[4]. Наиболее широкое распространение в различных модификациях судебный конституционный контроль получил после Второй Мировой войны, когда был введен «в Бирме, Японии, Италии (1947 г.), Германии, Таиланде, Индии (1949 г.), Сирии, Люксембурге (1950 г.), Уругвае (1952 г.), на Кипре (1960 г.), в Турции (1961 г.), Алжире, Югославии (1963 г.) Греции (1968 г.), Португалии (1976 г.), Испании (1978 г.) … в ряде других стран Азии, Африки, Центральной и Южной Америки»[5].

Такая форма судебного конституционного контроля впоследствии была использована в Италии, Германии, Бельгии, Турции. При этом полномочия органов судебного конституционного контроля были расширены. Так, Федеральный Конституционный Суд Германии рассматривает вопросы об утрате и лишении основных прав; об антиконституционности партий; по жалобам на решения Бундестага касательно действительности выборов, либо членства Бундестага; по обвинениям Федерального президента; о толковании Основного закона; о соответствии федерального права или права земли Основному закону; о разногласиях в сфере прав и обязанностей федерации и земель; по конституционным жалобам; по обвинениям против судей; об оценке нормы международного права в качестве составной части федерального права[6].

В ряде стран (Франция, Алжир) созданы несудебные органы конституционного контроля. Так, органом конституционного контроля во Франции является Конституционный Совет, осуществляющий высший надзор за конституционностью законов и иных нормативных актов, как на стадии обсуждения законопроекта в парламенте, так и в отношении изданных законодательных актов на предмет определения их положений в качестве сферы компетенции правительства[7]. Конституционный Совет проверяет нормативные акты на предмет их соответствия не только Конституции, но и органическим законам, а также основополагающим принципам правовой системы. Конституционный контроль осуществляется также за применением закона. В круг полномочий Конституционного Совета входят также вопросы о конституционности регламентов палат, международных договоров и соглашений, проведения референдумов и выборов. Конституционный Совет вправе объявлять антиконституционные нормативные акты недействительными.

Таким образом, в рамках европейской модели судебного конституционного контроля существуют специализированные органы судебного и несудебного характера. При этом в литературе высказываются суждения о том, что несудебные органы конституционного контроля находятся вне рамок европейской модели. Так, по мнению

М.Ф. Чудакова, создание специализированных несудебных органов конституционного контроля не вписывается в рамки двух известных моделей[8].

По мнению А.А. Клишаса, особенностью европейской модели конституционного контроля является то, что в ее рамках созданы органы конституционного контроля как специализированного, так и неспециализированного характера. Соответственно различаются специализированный и неспециализированный конституционный контроль в рамках европейской модели. В качестве примера обращается внимание на деятельность Конституционного совета - особого органа конституционного контроля во Франции. При этом отмечается, что Конституционный совет даёт заключение о соответствии Конституции всех законов до их промульгации Президентом и регламентов палат до их принятия, а также решает вопросы, связанные с выборами, общенациональными референдумами, коллизиями в процессе формирования депутатского корпуса. А Государственный совет Франции осуществляет последующий контроль нормативных актов исполнительной власти[9].

В литературе указывают на обстоятельства, по причине которых американская модель судебного конституционного контроля не была воспринята в большинстве стран Европы. Так, по мнению С.В. Боботова, пути США и Европы разошлись по причине того, что «в Соединенных Штатах священна Конституция», в то время как «в Европе – свят закон, основанный на Конституции и действии общих принципов права, толкуемых высококомпетентными юристами»[10].

По мнению ряда авторов, эволюция парламентских и полупарламентских режимов в направлении усиления исполнительной вертикали и власти партийно-политического аппарата послужила основой для контроля над органами законодательной власти[11].

Судебный конституционный контроль, получив распространение практически во всех странах Западной Европы в качестве института правового государства, приобретает универсальный характер. По мнению ряда авторов, столь широкому распространению европейской модели судебного конституционного контроля послужили следующие факторы: рост числа законов и иных нормативных правовых актов вследствие усиления экономической и социальной деятельности государств на фоне их расхождения с конституциями; б) конституционно-правовые коллизии и споры вследствие широкой реализации политического плюрализма, а также обнаружившиеся конфликты в условиях федеративного устройства государства[12].

А.А. Клишас группирует следующие направления деятельности специализированных органов конституционного контроля в рамках европейской модели: 1) предварительный контроль конституционных изменений, международных договоров и иных нормативных правовых актов до их промульгации; 2) последующий контроль – абстрактный и конкретный – на основе обращений судов и индивидуальных жалоб; 3) официальное толкование конституций, законов и иных нормативных правовых актов; 4) разрешение правовых конфликтов и споров между публичными органами разных уровней (между субъектами федерации, между ними и самой федерацией); 5) контроль над деятельностью партий и иных общественно-политических объединений; 6) определение конституционности и законности осуществления референдумов, плебисцитов и выборов; 7) утверждение в должности избранных депутатов; 8) определение статуса и правомочий государственных служащих; 9) решение вопросов отрешения от должности главы государства и других высших должностных лиц; 10) констатация правовых и иных обстоятельств, оправдывающих роспуск представительных органов, в том числе Парламента[13].

О.В. Брежнев выделяет следующие основные черты европейской модели судебного конституционного контроля: 1) создание специализированного органа конституционного контроля – конституционного суда, не входящего в судебную

систему или занимающего в ней автономное положение; 2) судебный конституционный контроль для органов конституционного правосудия в качестве единственного полномочия; 3) конституционные суды образуются способом, отличным от формирования судов общей юрисдикции; 4) особый процессуальный порядок деятельности конституционных судов в форме конституционного судопроизводства; 5) решения органа конституционной юрисдикции обязательны не только для сторон по делу, как это свойственно американской модели, а для всех субъектов права[14].

А.А. Клишас, указывая на указанные выше особенности европейской модели судебного конституционного контроля, в то же время обращает внимание на следующие моменты. Европейские органы конституционного контроля, обладая контрольными прерогативами в сфере разрешения вопросов «соотносимости с Конституцией страны» нормативных актов, одновременно выступают судебной инстанцией «в отношении высших должностных лиц государства» (Австрия и Германия), действуют в качестве «избирательного суда при проведении общенациональных референдумов» (Франция и Италия), рассматривают вопросы «конституционности политических партий и общественных движений»[15]. Следует отметить, что автор различает понятия «конституционный контроль» и «конституционное правосудие», соответственно, специализированный и неспециализированный конституционный контроль.

В последующем европейская модель судебного конституционного контроля была воспринята во многих государствах Азии, Африки, Латинской Америки, а также в странах Восточной Европы (Польша, Венгрия, Словения, Болгария, Румыния, Чешская Республика, Словацкая Республика).

Постсоветские страны также восприняли европейскую модель конституционного контроля. В странах СНГ созданы специализированные органы конституционного контроля, за исключением Туркменистана, а также Республики Казахстан, где функционирует Конституционный Совет, возникший, кстати говоря, на базе Конституционного Суда республики. Большинство постсоветских стран конституционные суды включают в судебную систему в качестве органов судебной власти[16]. Конституционный Суд Республики Молдова рассматривается как орган конституционной юрисдикции и выводится за рамки судебной системы. В ряде изданий Конституционный Совет Республики Казахстан включается в число органов, осуществляющих конституционное правосудие[17]. Между тем иные авторы не согласны с таким мнением[18]. Существует также мнение о том, что Конституционный Совет Казахстана является квазисудебным органом конституционного контроля, решения которого носят предварительный, консультативный характер[19].

Состав и порядок формирования органов конституционного контроля в странах СНГ разнообразен. Так, председатель и пять судей Конституционного Суда Республики Беларусь назначаются Президентом, а остальные шесть судей избираются Сенатом соответственно на 11 лет. Конституционный Суд Украины состоит из 18 судей, научаемых Президентом, Верховной Радой и съездом судей Украины (соответственно по 6 судей). Пять членов Конституционного Суда Республики Армения назначает Национальное Собрание, а остальных четырех судей – Президент Республики. В Республике Молдова двое судей Конституционного суда назначаются Парламентом, двое других – Президентом страны, двое остальных – Высшим советом магистратуры. Президент Республики Казахстан, Председатель Сената и Председатель Маджлиса назначают по два члена Конституционного Совета, причем Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан назначается также Президентом. Отдельный порядок формирования конституционных судов существует также в иных постсоветских странах.

Различаются также возрастной ценз и сроки полномочий судей или членов органов конституционного контроля в постсоветских государствах. Так, предельный возраст членов Конституционного Суда Республики Беларусь, назначаемых и избираемых на 11 лет, составляет 75 лет. Судья Конституционного Суда Украины назначается на 9 лет без права повторного назначения на эту должность, а Председатель Конституционного суда избирается на специальном пленарном заседании суда путем тайного голосования только на один трехгодичный срок. В Республике Армения действует принцип несменяемости судей и членов Конституционного Суда, причем судья занимает свою должность до достижения 65, а член Конституционного суда - 70 лет. Судьи Конституционного суда Республики Молдова назначаются на шесть лет. Срок полномочий членов Конституционного Совета Республики Казахстан составляет шесть лет, при этом пожизненными членами данного органа являются по праву бывшие Президенты.

Конституции стран СНГ предусматривают также иные требования к членам органов конституционного контроля, в частности, в сфере нравственности, профессионального стажа. Судьи Конституционного Суда Республики Беларусь должны быть высокопрофессиональными специалистами в области права и иметь ученую степень.

В литературе обращается внимание на то, что в постсоциалистических и развивающихся государствах в известной степени наблюдается рецепция моделей специализированных судебных органов конституционного контроля, действующих в странах Западной Европы. Причем, если в некоторых постсоциалистических государствах «рецепция во многом происходит по принципу географической близости, либо по принципу преимущественного финансирования процессов создания конституционной юстиции из-за рубежа, то в развивающихся странах происходит рецепция конституционно-правовых моделей бывших метрополий. К примеру, в Алжире воспринята французская модель конституционного контроля по линии создания Конституционного совета[20].

Помимо того, в ряде постсоциалистических стран Восточной Европы конституционный контроль отличается спецификой. Так, функцию конституционного надзора осуществляют: в Польше - Конституционный трибунал, а в Румынии – Конституционные палаты. Конституционные суды Болгарии, Венгрии, Чехии, Словакии, Сербии и Черногории в своих решениях часто констатировали, что они имеют автономный статус и не вписываются в рамки трех классических ветвей власти[21].

Между тем, с учетом специфики государственно-правовой системы складываются разнообразные варианты конституционного контроля. В литературе озвучена мысль о том, что «современный институт конституционного правосудия характеризуется таким многообразием форм, которое все труднее сводить к двум основным моделям»[22].

О.В. Брежнев считает, что традиционное деление моделей конституционного контроля на американскую и европейскую является относительно условным. По его мнению, «новейший исторический период развития законодательства характеризуется появлением так называемых «смешанных» моделей судебного конституционного контроля». Проявление такой тенденции автор объясняет тем, что в ряде стран устанавливается модифицированная «американская» модель судебного конституционного контроля, «которая, в отличие от классической, предполагает организованное и процессуальное выделение в пределах компетенции судов общей юрисдикции (чаще всего, высшего судебного органа) особых, конституционно-контрольных полномочий, что сближает ее с «европейской». И наоборот, учреждение конституционного суда, как показывает опыт многих стран, не исключает возложение

законодательством на суды общей юрисдикции части полномочий в сфере конституционного контроля»[23].

По мнению ряда авторов, имеются и такие смешанные модели, которые институционально сочетают обе названные и являются европейско-американской моделью, сочетающей конституционный контроль, как специализированным органом, так и судами общей юрисдикции, например, в Португалии[24].

Как отмечает М.Ю. Михайлова, постепенно в развивающихся странах модель конституционного контроля приобретает «смешанный, гибридный характер» на фоне ее отделения от «американской или европейской модели»[25]. По мнению А.Г. Орлова, на принципы организации и порядок функционирования судебной власти в странах Латинской Америки существенное влияние оказали сложившиеся там «смешанные правовые системы»[26]. Другие авторы также указывают на то, что смешанная американо-европейская модель с элементами децентрализованного и централизованного контроля характерна для конституционных судов Боливии, Гватемалы, Колумбии, Перу, Суринама, а также для суда конституционных гарантий Эквадора и Федерального Верховного суда Бразилии. И только три государства (Чили, Венесуэла, Сальвадор) используют европейскую модель в чистом виде[27].

А.А. Клишас также указывает на то, что во многих развивающихся странах (Индия, Малайзия, Пакистан, Гана, Нигерия и др.) «модели конституционного правосудия были существенно модифицированы или интерпретированы таким образом, что в целом ряде отношений стали значительно отличаться от классических вариантов»[28]. По его словам, в современных условиях сложившиеся «формы конституционного контроля все труднее сводить к двум основным моделям – американской и европейской», поскольку обозначилась «тенденция к возникновению многочисленных смешанных форм», для которых характерно осуществление конституционного контроля «как судами общей юрисдикции, так и специализированными органами конституционного правосудия», в частности, в Греции, Португалии, Бразилии, ЮАР[29].

В литературе обращается внимание на особенности конституционного контроля в странах Латинской Америки. По словам А.Г. Орлова, латиноамериканские страны «восприняли как централизованную (европейскую) модель конституционного контроля со специальным органом или только Верховным судом, так и децентрализованную (американскую) модель, а также смешанные системы конституционного контроля»[30].

Многие авторы своеобразие конституционного контроля в странах Латинской Америки связывают с процедурой или судом ампаро, который является формой конституционного правосудия. По словам А.Б. Зеленцова, ампаро представляет собой «суд или процесс по рассмотрению иска частного лица, выставляемого перед юрисдикционными органами против любого акта властей, который наносит урон его правам и который оно рассматривает как неконституционный, преследуя цель лишить его силы по мотивам незаконности»[31].

А.А. Клишас дает следующее более развернутое определение: «процедура ампаро представляет собой механизм конституционного контроля, направленный на защиту основ конституционного правопорядка, а именно – конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц, компетенции федеральных органов власти от посягательств со стороны властных органов штатов, полномочий органов субъектов федерации от посягательств со стороны федеральных органов власти, что осуществляется посредством самостоятельного судопроизводства, возбуждаемого по инициативе потерпевшей стороны, и вынесения решения о конституционности или неконституционности обжалуемого нормативного акта, которое влечет за собой установленные законодательством правовые последствия только для сторон рассматриваемого дела»[32].

Автор выделяет наиболее характерные черты мексиканского института конституционного правосудия в рамках процедуры ампаро: 1) процедура ампаро является не просто обычным способом защиты конституционных прав со стороны судов общей юрисдикции, «а именно механизмом специализированного конституционного контроля»; 2) осуществляется в рамках «самостоятельного (специализированного) судопроизводства; 3) возбуждается по инициативе потерпевшей стороны; 4) решения, выносимые в рамках процедуры ампаро, «обязательны непосредственно для сторон дела»[33].

Исходя из этого, А.А. Клишасом выделяется «иберийская (южноамериканская) модель судебного конституционного контроля», в отличие от классических (американской и европейской) моделей конституционного контроля.

О.В. Брежнев считает, что «смешанная модель судебного конституционного контроля существует в сегодняшней России». Это объясняется тем, что Конституционный Суд Российской Федерации является центральным звеном указанной модели судебного конституционного контроля. Помимо него функционируют также конституционные (уставные) суды субъектов федерации, которые в качестве специальных судебных органов осуществляют «правовую охрану конституций (уставов) субъектов Федерации». Причем конституционный Суд России и конституционные (уставные) суды субъектов «не образуют иерархическую в компетенционном отношении систему судебных органов. Они не обладают правом взаимного пересмотра решений». Важную роль «в российской модели судебного конституционного контроля играют суды общей юрисдикции», к ведению которых «относится особая категория дел, возникающих из публичных, в том числе конституционно-правовых отношений». Определенными полномочиями «в сфере судебного конституционного контроля наделены арбитражные суды». Так, согласно ч. 2 ст. 34 Арбитражного процессуального кодекса, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации рассматривает в качестве суда первой инстанции дела об оспаривании нормативных актов Президента и Правительства, затрагивающие права и интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Таким образом, утверждается, что «в Российской Федерации существует «смешанная» модель судебного конституционного контроля, предполагающая разделение соответствующих полномочий между судами общей и специализированной юрисдикции»[34].

Институт конституционного контроля применяется также в ряде исламских стран. На теорию и практику конституционного контроля в этих странах решающее влияние оказывают ислам в качестве государственной религии, особенности исламских правовых систем, исламская правовая доктрина. Так, конституционный контроль в Исламской Республике Иран осуществляет Совет по охране Конституции и исламских норм, учрежденный по Конституции 1979 г. Согласно ст. 94 Конституции Ирана, указанный орган рассматривает законы, принятые Меджлисом (парламент), на предмет их соответствия, как исламским принципам, так и Конституции. С учетом данного обстоятельства в состав Совета входят 6 мусульманских правоведов и 6 юристов, представляющих различные отрасли права. Первые отбираются Духовным лидером государства, вторые представляются Высоким советом правосудия и окончательно утверждаются меджлисом[35]. По словам Л.Р. Сюкияйнена, «Совет выступает по существу органом конституционного надзора: в течение 10 дней он обязан дать заключение о соответствии всех принятых меджлисом актов предписаниям ислама и конституции. При этом вопрос о соблюдении исламских норм решается большинством голосов факихов, а мнение об удовлетворении требований конституции выносится большинством голосов «юристов». Акты, не отвечающие указанным требованиям, возвращаются в меджлис на новое рассмотрение»[36].

В Арабской Республике Египет специализированный судебный конституционный контроль осуществляет Верховный конституционный суд. В круг его полномочий входят: проверка конституционности законов и иных правовых актов, в том числе декретов Президента; толкование законов и декретов Президента в случае возникновения споров об их применении; разрешение споров судов и других органов, обладающих судебными полномочиями, о компетенции; рассмотрение споров, возникающих в связи с вынесением двух разных решений по одному и тому же делу[37].

В Йеменской Республике Верховный Суд Республики рассматривает вопросы о конституционности законов и подзаконных актов, разрешает вопросы о компетенции между органами государственной власти, проверяет мандаты членов парламента. Верховный суд Исламской Республики Пакистан осуществляет конституционный контроль в сфере конституционности действий государственных органов, иногда - легитимности государственного переворота. Конституционный контроль в Сирийской Арабской Республике осуществляет Верховный конституционный суд, который, в частности, проверяет конституционность принимаемых законов, рассматривает по требованию парламента дела о государственной измене Президента, выносит решения по жалобам на результаты выборов, проверяет действенность депутатских мандатов[38].

Таким образом, в развитии и модернизации конституционного контроля наблюдаются следующие тенденции и перспективы:

1) продолжают функционировать классические (традиционные) модели судебного конституционного контроля в рамках их модернизации в изменяющихся исторических условиях, с учетом динамизма социально-политической практики и правовой интеграции; причем наблюдается преднамеренное расширение классических моделей конституционного контроля в рамках правовой глобализации по инициативе стран, являющихся родоначальниками соответствующих моделей, в частности, в рамках финансирования процесса учреждения конституционного контроля, либо прямого воздействия правовой системы метрополий на государственно-правовые системы бывших колоний;

2) формирование смешанных моделей судебного конституционного контроля на основе, как интеграции классических моделей, так и отражения особенностей национальной правовой системы, в частности, национальных правовых традиций, специфики судебной системы;

3) адаптация классических моделей судебного конституционного контроля к условиям и особенностям государственно-правового развития в странах, где судебный конституционный контроль вводится впервые; классические модели конституционного контроля адаптируются часто в рамках их рецепции;

4) обращение к институту судебного конституционного контроля в исламских странах, где принимаются конституции, и утверждается конституционализм на основе сочетания западных и исламских ценностей (судебный конституционный контроль и верховенство шариата; одновременный контроль, как за религиозностью, так и конституционностью законов и т.п.);

5) модернизация классических (традиционных) моделей судебного конституционного контроля в развивающихся странах, в постсоциалистическом лагере, в странах молодой демократии, в исламских странах происходит таким образом, что они, приобретая собственные черты, в меньшей степени начинают согласовываться с классическими моделями, иногда отличаться от последних.

Указанные тенденции и перспективы развития судебного конституционного контроля в различных странах, особенно в условиях многообразия правовых систем подталкивают к выводу о том, что в современном многополярном мире, особенно на

фоне сохранившегося социокультурного и цивилизационного различия, все труднее сводить существующие на данный момент разновидности судебного конституционного контроля к двум классическим моделям конституционного контроля. Это в большей мере касается смешанных моделей судебного конституционного контроля, которые наглядно начинают дистанцировать от классических (американской и европейской) моделей. Такая закономерность и перспектива дальнейшего развития судебного конституционного контроля вполне вписывается в исторический прогресс в сфере конституционного контроля. Классические модели судебного конституционного контроля будут иметь разнообразные формы проявления в различных странах. Исторические условия, особенности форм государственности, типы политических режимов, своеобразие правовых систем, так или иначе, будут накладывать отпечаток на соответствующие варианты судебного конституционного контроля. Несмотря на своеобразие моделей судебного конституционного контроля, более наглядно проявляется стремление подавляющего числа стран к обеспечению верховенства конституции посредством судебного либо квазисудебного конституционного контроля.

В литературе подчеркивается, что ныне «институт конституционного (судебного или квазисудебного) контроля, отличаясь «своей вариантностью», приобрел тенденцию к универсализации». Причинами универсализации специализированного конституционного контроля являются «общее признание идеи правового государства» и «развитие идеи верховенства права и основного его источника – Конституции»[39].

ЛИТЕРАТУРА

1. Медушевский А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы / А. Медушевский // Конституционное правосудие в постсоветских странах: Сб. докл. -М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999. -С. 18.
2. Федеральный конституционный закон от 10 ноября 1920 г. // Конституции государств Европейского Союза. -М., 1997.- С. 57–58.
3. Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты / Сост. Т.Г. Морщакова. -М.: Прогресс, 1985.
4. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие для вузов / Н.В. Витрук. -М.: Закон и право: ЮНИТИ, 1998. -С. 60.
5. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие для вузов / Н.В. Витрук. -М.: Закон и право: ЮНИТИ, 1998.- С. 60–61.
6. Основной Закон Федеративной Республики Германии // Конституции государств Европы; под общ. ред. Л.А. Окунькова. Т.1. -М.: Прогресс, 2001.
7. Франция. Конституция и законодательные акты. -М.: Прогресс, 1989.
8. Чудаков М.Ф. Конституционное государственное право зарубежных стран / М.Ф. Чудаков. -Минск: Харвест, 1998. -С. 222 – 224.
9. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран / А.А. Клишас. Сравнительно-правовое исследование; под ред. В.В. Еремяна. -М.: Международные отношения, 2007. -С. 128, 137, 140.
10. Боботов С.В. Конституционная юстиция / С.В. Боботов.- М.: ЕАВ, 1994. - С. 55.
11. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран / А.А. Клишас. Сравнительно-правовое исследование; под ред. В.В. Еремяна. -М.: Международные отношения, 2007. -С. 120–129; Сафьян М. Роль конституционных судов в процессе создания конституционного права / М. Сафьян // Конституционное правосудие на рубеже веков. Материалы Международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (1–2 ноября 2001 г., г. Москва). -М., 2002.- С. 127; Ильинский И.П. Парламент Австрии / И.П. Ильинский // Парламенты мира: Сб. -М., 1991. -С. 10-12; Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. - М., 1999. - С. 123 и др.
12. Конституция Российской Федерации: Энциклопедический словарь / [В.А. Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин и др.]. - М., 1997. - С. 122–123.
13. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран / А.А. Клишас // Сравнительно-правовое исследование; под ред. В.В. Еремяна. -М.: Международные отношения, 2007. -С. 150–152.
14. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук / О.В. Брежнев. -М., 2006.- С. 72–73.

15. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран / А.А. Клишас // Сравнительно-правовое исследование; под ред. В.В. Еремяна. -М.: Международные отношения, 2007. -С. 129-130.
16. Мартинович И.И. Закон о судоустройстве в статусе судей в Республике Беларусь / И.И. Мартинович // Государство и право, 1996.- № 8. -С. 92.
17. Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Сб. нормативных документов / Отв. ред. М.А. Митюкова. -М., 1998. -С. 44.
18. Ковешников Е.М. Конституционное право стран Содружества Независимых Государств: учебник для вузов / Е.М. Ковешников, М.Н. Марченко, Л.А. Стешенко. -М.: Изд. группа НОРМА – ИНФРА, 1999. -С. 372.
19. Витрук Н.В. Конституционное правосудие: учеб. Пособие / Н.В. Витрук. -М., 1998. -С. 208.
20. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран / А.А. Клишас // Сравнительно-правовое исследование; под ред. В.В. Еремяна. -М.: Международные отношения, 2007. -С. 143–145; Орлов А.Г. Высшие органы государственной власти стран Латинской Америки / А.Г. Орлов. -М., 2001. -С. 90–91; Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы / Отв. ред. З.В. Ивановский. -М., 2000.- С. 82–159, 261–343 и др.
21. Андреев И.А. Политические институты и конституционное право Польши / И.А. Андреев // Иностранное конституционное право; под ред. В.В. Маклакова. - М., 1996. -С. 423. Алексеенко И.Г. Восточная Европа: революция в конституционном праве / И.Г. Алексеенко. -Днепропетровск, 1997. - С. 137–140.
22. Юдин Ю.А. Конституционное правосудие в федеративном государстве (сравнительно-правовое исследование). Ю.А. Юдин, Ю.Л. Шульженко. -М.: ИГП РАН, 2000. -С. 5.
23. Брежнев О.В. Указ. соч.- С. 75.
24. Лазерев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации / Л.В. Лазерев, В.А. Коржяков. - М., 1998. -С. 17.
25. Михайлова М.Ю. Институт федерального вмешательства в зарубежных странах: дис. … канд. юрид. наук / М.Ю. Михайлова. - М., 2005. - С. 51.
26. Орлов А.Г. Указ. соч. - С. 91.
27. Сравнительное правоведение / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. -М.: Норма, 2008. -С. 283–284; Иовенко В.А. Конституционное правосудие в Латинской Америке / В.А. Иовенко //Журнал Российского права, 2000. -№ 8. -С. 127–128.
28. Клишас А.А. Указ. соч. - С. 146.
29. Там же. -С. 206.
30. Орлов А.Г. Указ. соч.- С. 137.
31. Зеленцов А.Б. Административная юстиция / А.Б. Зеленцов. -М., 1997. -С. 45.
32. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран / А.А. Клишас // Сравнительно-правовое исследование; под ред. В.В. Еремяна. -М.: Международные отношения, 2007. -С. 258.
33. Там же.
34. Брежнев О.В. Указ. соч. - С. 76 - 90.
35. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник // Отв.ред. А.Я. Сухарев. -М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000.- С. 259.
36. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики / Л.Р. Сюкияйнен. - М.: Наука, 1986. - С. 135.
37. Арабская Республика Египет: Справочник. -М., 1990.
38. Пакистан: Справочник. -М.: Наука, 1991; Сирия: Справочник. -М.: Наука, 1992; Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. -М., 2000.
39. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран / А.А. Клишас // Сравнительно-правовое исследование; под ред. В.В. Еремяна. -М.: Международные отношения, 2007. -С. 206.

МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Конституционный контроль имеет долгую историю. В процессе становления и развития конституционного контроля сложились соответствующие его модели, которые в последующем оказали влияние на становление конституционного контроля в различных странах. Теория и практика конституционного контроля имеет в различных странах свои особенности. В данной статье автором подвергнуты рассмотрению и изучению модели конституционного контроля в развивающихся странах.

Ключевые слова: конституционный контроль, становление и развитие конституционного контроля, исторические условия, особенности форм государственности

THE MODEL OF THE CONSTITUTIONAL CONTROL IN DEVELOPING COUNTRIES

Constitutional control has a long history. In the process of formation and development of the constitutional control formed the relevant model, which subsequently influenced the formation of the constitutional control in different countries. Theory and practice of constitutional control has its own peculiarities in different countries. In this article the author subjected to review and study the model of the constitutional control in developing countries.

Key words: constitutional control, the formation and development of the constitutional control, historical conditions, specific forms of statehood

Сведения об авторе: ***Мирзоев С.Б.*** - кандидат юридических наук, доцент кафедры судебного права и конституционного надзора юридического факультета ТНУ. Телефон: **(+992) 951-94-61-61**

ҲАМОҲАНГСОЗИИ ФАЪОЛИЯТИ МАҚОМОТИ МАҲАЛЛИИ ҲОКИМИЯТИ ДАВЛАТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Ҷ. Ш. Қодиров
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Асосҳои вазъи ҳуқуқии мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатиро боби шашуми Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон бо номи «Ҳокимияти маҳаллӣ» ва Қонуни конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ» аз 17 майи соли 2004 мустаҳкам кардаанд.

Меъёрҳои конститутсионӣ, моддаҳои 76-78-и Конститутсия мафҳуми мақомотии маҳаллии ҳокимияти давлатиро ду сифат, ба сифати мақомоти намояндагии маҳаллӣ ва мақомоти иҷроияи маҳаллӣ муайян кардаанд. Инак, моддаи 1-и Қонуни конститутсионии мазкур табиати ҳуқуқии сифати мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатиро бо ду мафҳум муайян намудааст. Яъне зери мафҳуми мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ мақомоти намояндагӣ ва мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ фаҳмида мешавад.

Мақомоти намояндагии маҳаллии ҳокимияти давлатӣ Маҷлиси вакилони халқи Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳияро, ки аз тарафи интихобкунандагони Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия интихобшудааст, дар доираи ваколати худ масъалаҳои дорои аҳамияти маҳаллиро ҳал мекунанд.

Мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ мақомоте мебошад ки, дар ҳудуди воҳидҳои марзию маъмурии дахлдор иҷрои Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон, қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон, санадҳои меъёрии ҳуқуқии дахлдори мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатиро таъмин менамояд. Қонунгузории амалкунандаи ҷорӣ на танҳо асосҳои ҳуқуқии ташкил ва фаъолияти низоми ин гуна мақомоти ҳокимияти давлатиро муқаррар намудааст, инчунин тартиб ва роҳҳои ҳамкори мутақобилаи байни мақомоти зикршударо барои пешрафт ва ҳалли масоили минтақавӣ муайян кардааст. Бо таассуф бояд зикр намуд, ки таҷрибаи фаъолият ва ҳамкории ин мақомот нишон медиҳад, ки на ҳама вақт аз чунин ҳамкорӣ барои пешрафти кор ва ҳалли масоили минтақавӣ истифода менамоянд. Дар сатҳи маҳаллӣ мақомоти ҳокимияти давлатӣ (агар чунин ифода кардан мумкин бошад), ҳарифи асосӣ буда, ин ҳарифӣ бояд барои расидан ба як мақсад-баланд бардоштани сатҳи зиндагии мардуми минтақа ва таъмини самараноки рушди соҳаҳои иқтисодӣ, иҷтимоии ва маҳаллӣ дахлдор равона карда шавад. Аз ин рӯ, дар шароити имрӯзаи рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон масъалаи ҳамкории мутақобилаи мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ моҳияти хело муҳимро касб кардааст.

Мақомоти иҷроияи маҳаллӣ қисми таркибии мақомоти иҷроияи ҳокимиятии давлатиро ташкил намуда, вазифаи асосии онҳо аз амалисозии сиёсати ягонаи давлатӣ бо дарназардошти манфиатҳои маҳаллии дахлдор иборат буда, пеш аз ҳама мақомоти амаликунандаи сиёсати марказ дар маҳал маҳсуб мешаванд.

Дар шароити имрӯза фаъолият ва ҳамкории мутақобилаи мақомоти намояндагии маҳаллии ҳокимияти давлатӣ бо мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ бояд дар асоси принсипҳои зерин ба роҳ монда шавад: қонуният ва адолати иҷтимоӣ; ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд; мутобиқати манфиатҳои маҳаллӣ ва умумидавлатӣ; ба таври демократӣ, ошкоро ва бо назардошти гуногунандешии сиёсӣ ҳал намудани масъалаҳо; масъулият барои натиҷаҳои фаъолияти худ дар назди аҳолӣ; изҳори иродаи аҳолӣ ба воситаи Маҷлиси вакилони халқи дахлдор; мустақилияти мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ дар ҳалли масъалаҳои ваколати худ; ҳатмӣ будани иҷрои санадҳои мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ, ки дар доираи ваколаташон қабул шудаанд; дастаҷамъона будани фаъолияти мақомоти намояндагии маҳаллии ҳокимияти давлатӣ; яккасардории фаъолияти мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ. [1]

Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар тамоми баромадҳои худ оид ба масъалҳои идоракунии давлатӣ дар ҷумҳурӣ ба масъалаи баланд бардоштани нақши мақомоти намояндагӣ дар ташакулии идоракунии давлатӣ ва роҳҳои баланд бардоштани нақши ин мақомот, инчунин васеъ кардани шакли назорати онҳо аҳамияти ҷиддӣ медиҳад. Баланд бардоштан ва мустаҳкам шудани нақши мақомоти иҷроияи маҳаллӣ дар идоракунии маҳаллии дахлдор аз ҳамаи шахсони мансабдори давлатӣ дарки баланди масъулият ва ҷавобгарииро тақозо мекунад. Аз ин нуқтаи назар ба андешаи мо ба инобат гирифтани принсипи тавозуни ҳокимият дар маҳал зарурати васеътар кардани вазифаҳои назоратии мақомоти намояндагии маҳаллии ҳокимияти давлатӣ дар шароити имрӯза ба миён омадааст. Шакл ва усулҳои ин гуна назорат гуногун буда, дар шаклҳои зерин амали шуданашон мумкин аст:

- шунидани ҳисоботи роҳбарони сохтори маҳаллии мақомоти марказии ҳокимияти иҷроия;
- ҳангоми зарурат ирсол намудани пешниҳод ба мақомоти марказии ҳокимияти иҷроия дар хусуси ба ҷавобгарӣ кашидани шахсони мансабдори сохторҳои маҳаллии онҳо, оид ба масъалаҳое, ки ба ваколати маҷлиси вакилони халқ мансубанд;
- изҳори нобоварӣ намудан ба Раиси Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия ҳангоми мавҷуд будани асос бо овоздиҳии пинҳонӣ ва бо тарафдории на камтар аз се ду ҳиссаи шумораи умумии вакилони Маҷлиси вакилони халқии дахлдор ва ба Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи озод намудани ӯ масъала гузоштан;
- тасдиқ ва назорати иҷрои барномаҳои рушди иқтисодӣ- иҷтимоии минтақаи дахлдор, инчунин қабули буҷети маҳаллӣ ва ҳангоми зарурат ба он ворид намудани тағйироту иловаҳо, назорати иҷрои он ва тасдиқи ҳисоботи иҷрои буҷет.

Бояд таззакур дод, ки тасдиқи Раиси Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия, ки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба вазифа таъин ва аз вазифа озод намудааст, инчунин изҳори нобоварӣ намудан ба Раиси Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия ҳангоми мавҷуд будани асос бо овоздиҳии пинҳонӣ бо тарафдории на

камтар аз се ду ҳиссаи шумораи умумии вакилони Маҷлиси вакилони халқи дахлдор ба Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи озод намудани ӯ масъала гузоштан яке аз шаклҳои асосии назорати мақомоти намояндагӣ аз болои фаъолияти мақомоти иҷроия мебошад. Мутаасифона, дар қонунгузории ҷорӣ муайян карда нашудааст, ки дар сурати изҳори нобоварӣ кардани Маҷлиси вакилони халқии дахлдор ба Раис ин масъала чӣ гуна ҳал карда мешавад, оё Президент метавонад ин изҳори нобовариро рад кунад ва дар сурати рад кардани изҳори нобоварӣ, оё ин шахс вазифаҳои худро чӣ гуна анҷом медиҳад зеро фаъолияти минбаъдаи Раис бо Маҷлиси вакилони халқии дахлдор алоқаманд мебошад.

Мақомоти намояндагӣ, инчунин ҳангоми таъйин ва озод намудани дигар шахсони мансабдори мақомоти иҷроияи маҳаллӣ дорои ваколатҳои назоратианд. Аз ҷумла, тасдиқи қарорҳои раиси Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳияро дар бораи ба вазифа таъин ва аз вазифа озод намудани муовини якум, муовинон, роҳбари дастгоҳи раиси Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия, роҳбарони сохторҳои мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатии тобеи раиси Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия роҳбарони дахлдори сохторҳои маҳаллии мақомоти марказии ҳокимияти иҷроия. [2]

Ба андешаи мо беҳтар мебуд, пеш аз қабули қарор дар бораи таъйини ин шахсони мансабдор номзадии онҳо бо мақомоти намояндагӣ аз ҷумла, дар комиссияҳои дахлдори Маҷлиси вакилони халқ муҳокима ва мувофиқа карда шуда, баъдан тасдиқ карда мешуданд, зеро таҷрибаи дигар давлатҳо аз ҷумла Ҷумҳурии Қазоқистон нишон медиҳад, ки номзадии муовинони Аким ва роҳбарони сохторҳои иқтисодии мақомоти иҷроия пеш аз таъйин шудан ба мансаб бо комиссияҳои доимии Маслиҳат (мақомоти намояндагии маҳаллӣ дар Ҷумҳурии Қазоқистон) мувофиқа карда мешаванд. [3] Чунин ҳолат бе шаку шубҳа барои пешрафти кори мақомоти иҷроияи маҳаллӣ замина гузошта, аз шахсони мансабдори он масъулияти бештарро тақозо мекунад. Қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷавобгарии шахсони мансабдори мақомоти иҷроияи маҳаллиро дар назди мақомоти намояндагии маҳаллӣ муқаррар кардааст. Дар асоси моддаи 8-и Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ» Маҷлиси вакилони халқ ҳисоботи роҳбарони сохтори маҳаллии мақомоти марказии ҳокимияти иҷроия ва ташкилоти дахлдорро оид ба масъалаҳое, ки ба ваколати Маҷлиси вакилони халқ мансубанд, баррасӣ менамояд ва ҳангоми зарурат ба мақомоти дахлдор дар хусуси ба ҷавобгарӣ кашидани шахсони мансабдори онҳо пешниҳод ирсол медорад. Ба андешаи мо беҳтар мебуд ба моддаи 8-и Қонуни конститутсионии зикргардида тағйироту иловаҳо ворид карда шуда, ба Маҷлиси вакилони халқии дахлдор, ваколати изҳори нобоварӣ кардан нисбат ба роҳбарони сохтори маҳаллии мақомоти марказии ҳокимияти иҷроия, инчунин дар маҷмӯъ ба худи мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти далатӣ ба таври пурра дода шавад. Зеро дар иҷро нашудани барномаҳои иқтисодию иҷтимоӣ инчунин, амалӣ нашудани сиёсати давлатӣ дар маҳаллии дахлдор на танҳо Раис, балки дар маҷмӯъ тамоми сохторҳои мақомоти иҷроияи маҳаллӣ масъуланд.

Яке аз шаклҳои назорати мақомоти намояндагӣ ин тасдиқ ва назорати иҷрои барномаҳои рушди иқтисодӣ- иҷтимоии маҳаллии дахлдор, инчунин қабули буҷети маҳаллӣ ва ҳангоми зарурат ба он ворид намудани тағйироту иловаҳо,

назорати иҷрои он ва тасдиқи ҳисоботи иҷрои буҷет мебошад. Дар асоси моддаи 20-и Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ» Раиси Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия дар доираи ваколати худ лоиҳаи буҷети Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳияро барои қабул ба Маҷлиси вакилони халқ пешниҳод менамояд. Пас аз қабул иҷрои онро таъмин менамояд, оид ба он ҳисобот медиҳанд, инчунин барои тасдиқи Маҷлиси вакилони халқ барномаҳои тараққиёти иҷтимоию иқтисодии минтақа ва барномаҳои мақсадноки минтақавиро пешниҳод менамояд ва оид ба иҷрои онҳо дар иҷлосия ҳисобот медиҳад. Беҳтар мебуд, ки дар Қонуни конститутсионии мазкур муайян карда мешуд, ки дар сурати аз ҷониби Маҷлиси вакилони халқ ду маротиба тасдиқ накардани ҳисоботи Раис ва роҳбарони сохторҳои маҳаллии мақомоти ҳокимияти иҷроия оид ба иҷрои барномаҳои рушди иқтисодӣ - иҷтимоии минтақаи дахлдор, инчунин тасдиқи ҳисоботи иҷрои буҷети маҳаллии дахлдор, Маҷлиси вакилони халқ, ваколати изҳори нобоварӣ кардан нисбати Раис ва роҳбарони ин сохторҳо ва дар маҷмӯъ тамоми мақомоти иҷроияи маҳаллиро дорад. Дар қонунгузори мустаҳкам кардани чунин ваколати Маҷлиси вакилони халқ масъулияти роҳбарони сохторҳои мақомоти иҷроияи маҳаллиро бештар карда, барои онҳо ҷавобгариро ба миён меорад ва барои пешрафти кор ва фаъолияти пурсамари мақомоти иҷроияи маҳаллӣ заминаи асосӣ мегузорад.

Яке аз шаклҳои пурсамар ва таъсирбахши назорат аз болои фаъолияти мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ин дархости вакилӣ мебошад. Мутаасифона, дар Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ» чунин шакли назорат муқаррар нашудааст. Дар моддаи 11-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи статуси вакили Маҷлиси вакилони халқи Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия» муқаррар карда шудааст, ки вакили халқ ҳуқуқ дорад, ба Раис, роҳбарони дигари ҳокимияти иҷроия ва мақомоти он, ба корхонаю ташкилот ва муассисаҳои воқеи қаламрави Маҷлиси дахлдори вакилони халқ оид ба масъалаҳое, ки ба салоҳияти Маҷлиси вакилони халқ тааллуқ доранд, мурочиат намояд. Дархост аз тарафи вакил ё гурӯҳи вакилон дар шакли хаттӣ ё шифоҳӣ пешниҳод шуда метавонад. Дархосте, ки дар шакли хаттӣ пешниҳод мешавад, бояд дар иҷлосияи Маҷлиси вакилони халқ хонда шавад. Мақоми давлатии шахси мансабдор, ки дархост ба вай нигаронида шудааст, бояд дар иҷлосияи Маҷлиси вакилони халқ ё дар мӯҳлати дигаре, ки Маҷлиси вакилони халқ муқаррар кардааст, ба он ҷавоби шифоҳӣ ё хаттӣ диҳад. Ҷавоби дархост дар иҷлосия хонда дода мешавад. Вакил ҳақ дорад нисбат ба ҷавоби дархост фикрашро баён кунад. Аз рӯйи ҷавоби дархост музокира доир шуда метавонад. Маҷлиси вакилони халқ аз рӯйи ҷавоби дархост ва натиҷаи он қарор қабул мекунад. [4]

Чунон ки таҷрибаи фаъолияти бисёри мақомоти намояндагии маҳаллии ҳокимияти давлатӣ нишон медиҳад, на ҳама вақт ва на ҳамаи вакилони онҳо аз ин ҳуқуқи худ пурра ва ҳаматарафа истифода мебаранд. Истифодаи ин ҳуқуқ масъулияти мақомоти иҷроияи маҳаллӣ ва шахсони мансабдори онҳоро бештар мекунад. Беҳтар мебуд, ки барои пешрафти кори мақомоти иҷроияи маҳаллӣ дар қонунгузорӣ ҷавобгарии шахсони мансабдори мақомоти иҷроияи маҳаллӣ барои иҷро накардани дархости вакилӣ пешбинӣ карда шавад.

Яке аз қисмҳои таркиби ва асосӣ дар фаъолияти мақомоти намояндагии маҳаллӣ ин комиссияҳои доимӣ ва муваққатии онҳо мебошад. Мутобиқи Қонуни

конститутсионӣ Маҷлиси вакилони халқ барои баррасии пешакии масъалаҳо ва ба иҷлосия манзур намудани онҳо, мусоидат ба татбиқи қарорҳои Маҷлиси вакилони халқ ва санадҳои меъёрию ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон комиссияҳои доимӣ ва муваққатӣ таъсис медиҳад. Маҷлиси вакилони халқ бо пешниҳоди раиси Маҷлиси вакилони халқ номгӯй ва шумораи ҳайати комиссияҳои доимӣ ва муваққатиро муқаррар намуда, аз ҳисоби вакилон раис ва аъзои онҳоро интихоб менамояд. Вакили Маҷлиси вакилони халқ метавонад танҳо узви як комиссияи доимӣ бошад.

Комиссияҳои доимӣ дар назди Маҷлиси вакилони халқ масъул буда, ба он ҳисобот медиҳанд. Комиссияҳои доимӣ метавонанд дигар вакилони Маҷлиси вакилони халқ, намояндагони мақомоти давлатӣ, ташкилотҳо, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, ҳизбҳои сиёсӣ, мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот, инчунин шаҳрвандонро ба кори худ ҷалб намоянд.

Шахсони мансабдори сохторҳои мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ, сохторҳои маҳаллии мақомоти марказии ҳокимияти иҷроия, мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот, ташкилотҳои воқеъ дар ҳудуди дахлдор бо тартиби муқарраргардида уҳдадоранд, ки бо дархости комиссияҳои доимӣ, ки дар доираи ваколаташон дода мешаванд, маълумоти заруриро пешниҳод намоянд. Комиссияҳои доимӣ қарорҳои протоколӣ қабул менамоянд.

Маҷлисҳои комиссияҳои доимӣ ҳангоми ҳозир будани аз нисф зиёди шумораи умумии аъзои он ваколатдор ҳисобида мешаванд. Комиссияҳо метавонанд дар маҷлисҳои худ шахсони мансабдори зерсохторҳои мақомоти иҷроияи маҳаллиро даъват кунанд. Қарори протоколии комиссияҳои доимӣ бо тарафдории аксарияти аъзои дар маҷлиси комиссия ҳозирбуда қабул карда мешавад. Фаъолияти комиссияҳои доимиро низомномае, ки Маҷлиси вакилони халқ тасдиқ кардааст, танзим менамояд.

Дар ҳолатҳои зарурӣ дар доираи ваколати Маҷлиси вакилони халқ комиссияҳои муваққатӣ ташкил карда мешаванд. Ҳайат, вазифаҳо, ваколат, муҳлати фаъолият ва ҳуқуқҳои комиссияҳои муваққатиро Маҷлиси вакилони халқ ҳангоми таъсис додани онҳо муқаррар менамояд.

Бояд тазаккур дод, ки комиссияҳои муваққатӣ одатан, масъалаҳои мубрами аҳамияти маҳаллидоштаро баррасӣ намуда, ҳамчун яке аз унсурҳои ҳамкории мақомоти намояндагӣ ва иҷроияи маҳаллӣ баромад карда, дар ҳамгироии фаъолияти онҳо омили субот ва таъмини тавозуни ҳокимиятро рӯйи кор меоварад.

Комиссияҳои муваққатии Маҷлиси вакилони халқ оид ба масъалаҳои вобаста ба ваколати худ хулоса медиҳанд.

Таҷрибаи фаъолияти баъзе мақомоти намояндагии маҳаллӣ нишон медиҳад, ки комиссияҳои доимӣ ва муваққатӣ дар ҳалли масъалаҳои муҳимтарини идоракунии давлатӣ ва танзими фаъолияти мақомоти иҷроияи маҳаллӣ нақши назаррас доранд.

Дар хотима бояд тазакур дод, ки мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ аз шаклҳо ва механизми гуногуни ҳамкорӣ истифода намуда, дар амалисозии сиёсати давлатӣ, инчунин иҷрои барномаҳои рушди иқтисодию иҷтимоии маҳал нақши назаррас дошта метавонанд ва ин ҳамкорӣ боиси таъмини самаранокии фаъолияти онҳо, таъмини ҳуқуқу манфиатҳои қонунии шаҳрвандон, омили таҳкими қонуният ва суботи ҷомеа шуда метавонад.

АДАБИЁТ

1. Қонуни конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ» //АМО ҶТ. 2004. №5. м. 339, 2006. -№11. м. 472; 2009. -№12. м.814.
2. Қонуни конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ» //АМО ҶТ, 2004. -№5. м. 339.; 2006. -№11. м. 472; 2009. -№12. м.814.
3. Жанузакова Л.Т. Монография. Конституционно- правовые проблемы организации и деятельности местных органов в Республике Казахстан / Л.Т. Жанузакова. –Алматы, 2004.
4. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи статуси вакили Маҷлиси вакилони халқи Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия» //АМО. ҶТ, 1996. -№ 23, м.348, 2008. -№12. м.995.

КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В условиях реформирования органов исполнительной власти Республики Таджикистан, большое значение приобретают именно вопросы успешного обеспечения взаимодействия местных органов государственной власти. Местные исполнительные органы, будучи составной частью единой системы органов исполнительной власти, имеют вертикальную подчиненность. Их основное предназначение - проводить на местах общегосударственную политику, сочетаемую с интересами и потребностями развития местностей.

Ключевые слова: местные исполнительные органы, местные представительные органы, реформы политической системы, децентрализация управления, сессия, депутатский запрос.

COORDINATION THE ACTIVITY OF LOCAL BODIES OF STATE AUTHORITY IN REPUBLIC OF TAJIKISTAN

A great significance will obtain the matters successfully providing mutual relation of local bodies of state authority. The executive bodies being the ingredient part of single system of executive power have a vertical subordination. Their main destination is to carrying out the policy combine with the interest and requirement development of the place.

Key words: Local executive bodies, local representative bodies, reform of political system, deputy requirement, session.

Сведения об авторе: ***Кодиров Дж.Ш.*** - старший преподаватель кафедры конституционного права Таджикского национального университета. Телефон: **918-64-73-48.** E-mail: **jurabek0376@mail.ru**

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ КОНВЕНЦИИ ООН В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ТАДЖИКИСТАНА

Шарипов Шарифбек
Таджикский национальный университет

Если обратиться к истории, то в конце XX веке при распаде государственно-бюрократического социализма для будущих стран СНГ, в то время, когда в развитых странах мира утверждался новый, постиндустриальный строй, в постсоветском пространстве только переходили к постиндустриализму. Переход происходил путём захвата номенклатурой и её доверенными олигархами, как государственной собственности, так и власти. И именно такой способ перехода сопровождался разнообразным потоком коррупции.

Действительно, коррупция, являясь сложным комплексным явлением, в котором выделены экономические, политические и правовые аспекты, проникает во все сферы общественной жизни.

Немаловажную роль в создании эффективной международно-правовой антикоррупционной нормативной базы, как одно из важнейших направлений - противодействия коррупции, играет Международное сотрудничество, включающей в себя вопросы экстрадиции лиц, совершивших коррупционные преступления должностного, экономического, налогового характера и по легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, взаимная

правовая помощь, обмен информацией и оказание технической помощи, и в целом обмен передовым опытом противодействия коррупции.

Коррупция, как социальное явление, универсально, имеет транснациональную разновидность и колоссальный потенциал снижать эффективность политического и экономического международного содружества.

Необходимость решительных шагов по борьбе с коррупцией, подчинения государственной политики антикоррупционным задачам, обусловливается остротой проблемы коррупции в Республике Таджикистан. По оценкам международных организаций, наряду с многими другими странами, Таджикистан является одним из государств мира, где риски коррупции и рост уровня коррупционной преступности и правонарушений имеет динамику увеличения показателей из года в год как таковой, так и соответственно роста национальных масштабов противодействия коррупции. К примеру, на веб-сайте Агентства по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан http://www.anticorruption.tj можно следить за показателями итогов деятельности его контрольно-ревизионных, оперативно-розыскных и следственно-профилактических подразделений, растущих из года в год. Хотя 20-тилетний опыт борьбы с коррупцией в стране и непосредственно 6-ти- летний опыт самого Агентства показывают, что не хватает привлечения научного потенциала для анализа огромного опыта, исходя из которого пока можно судить о том, что не принимаются во внимание рост ВВП в стране, населения и смена ценностей переходного периода, ввиду отсутствия регулярного мониторинга, хотя бы как это делается в европейских странах, подобно России. Почему некоторые авторы социологических исследований и говорят образно о росте коррупции ввиду роста коррупционных правонарушений, с одной стороны, и ослабления доверия населения к органам государственной власти, которые вместе с тем сами ничего для этого не делают, с другой стороны.

В антикоррупционной стратегии на 2008-2012 годы был предусмотрен пункт матрицы о рассмотрении вопроса присоединения к Конвенции о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств-членов Европейского Союза, принятая Советом ЕС в 1997 г., Конвенции о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках,[1] принятой Организацией экономического сотрудничества и сотрудничества (ОЭСР) в 1997 г., Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, принятой Комитетом министров Совета Европы в 1999 г.,[2] однако, пока эта мера не осуществлена ввиду отстствия соответствующих предпосылок.

Принимая во внимание все указанные выше международно-правовые документы, можно выделить две важные конвенции, в которых участвует Таджикистан, и положения которых являются важными в антикоррупционном законодательстве страны. Первая это Конвенция ООН против коррупции, другая это Договор государств-участников СНГ о противодействии отмыванию денег, принятой в декабре 2007 года в Душанбе.

10 сентября 2005 года Президентом Республики Таджикистан был издан Указ «О конвенции Организации Объединенных Наций» и в соответствии со статьей 69 Конституции Республики Таджикистан принято постановление об одобрении Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой 21 ноября 2003года на 58 сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций с оговоркой об уголовной ответственности юридических лиц, так как в нашей стране действует принцип индивидуальной ответственности (наказания). Расхождение между Конвенцией ООН и Уголовным кодексом Республики Таджикистан существует в вопросе о предмете подкупа в публичном и в частном вопросе. В международном праве, как было отмечено выше, под таким предметом понимается «любое

неправомерное преимущество для себя или других лиц», тогда как по УК РТ под взяткой или предметом коммерческого подкупа понимаются «деньги, ценные бумаги, иное имущество или выгоды (услуги) имущественного характера». Формулировка Конвенции ООН более широкая по сравнению с формулировкой УК. Данное противоречие не является непреодолимым, поскольку «неправомерное преимущество» в подавляющем большинстве случаев носит именно материальный характер. К примеру, ответственность за обещание и предложение взятки, а также за принятие такого обещания возможна только при квалифицированном взяточничестве. Одним из путей решения данного противоречия является включение данных деяний в объективную сторону взяточничества (коммерческого подкупа).

Понятие должностного (публичного) лица в Конвенции ООН формулируется следующим образом: «любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица; и любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника»; любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве государства-участника», (ст.2). Давая широкое определение публичного должностного лица, в частности, включающее служащих государственных предприятий, в целом Конвенция ООН содержит отсылку к национальному законодательству государств-участников.[3] Вместе с тем, подход, принятый в Конвенции, намного шире, чем используемое в УК РТ понятие должностного лица.

Существенное расхождение в Конвенции ООН и законодательства Таджикистана имеется по вопросу о коррупции в частном секторе. В Конвенции ООН четко закреплен равный подход к коррупционным преступлениям в частном и публичном секторах, о чем свидетельствует однотипное формулирование этих составов преступлений в публичном и частном секторе. В то же время при изучении норм УК РТ об ответственности за «государственную» и «частную» коррупцию следует обратить внимание на весомую разницу в подходе в таджикском законодательстве к коррупционным деяниям государственных и частных секторов управления.

Анализ уголовно-правовых норм, предусмотренных Конвенцией Совета Европы, и соответствующих норм УК РТ об ответственности за служебные преступления показывает, что Конвенция Совета Европы расширяет круг субъектов коррупционных преступлений по сравнению с установленным в УК РТ.[2]

Представляется, здесь уместно отметить важную роль Правительства Таджикистана, способного организационно способствовать налаживанию именно координационного механизма. Немаловажную роль в этом процессе играет участие гражданского сектора, представителей научной сферы, влиятельных международных организаций в Таджикистане, таких как ОБСЕ и ООН и что немаловажно, органов отраслевого сотрудничества государств-участников СНГ, наподобие Координационного совета органов налоговых (финансовых) расследований государств-участников СНГ. По инициативе миссии ООН в Таджикистане проводятся круглые

[2] Конвенция об Уголовной Ответственности за Коррупцию была принята в 1998 году и представляет собой консенсус о международном сотрудничестве в области криминализации коррупции. Конвенция СЕ охватывает коррупцию в общественном и частном секторах, а также криминализует коррупционные преступления, в том числе взяточничество, конфликт интересов, отмывание денег и правонарушения в бухгалтерском учете; Конвенция о Гражданско-правовой Ответственности за Коррупцию была принята в 1998 году и вступила в силу 1 ноября 2003 года. Данная конвенция предусматривает введение новых положений во внутреннее законодательство принимающих участие стран, которые смогут обеспечить эффективное средство правовой защиты "для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющее им защищать свои права и интересы, включая возможность возмещения убытков".

столы, конференции и семинары, где рассматриваются вопросы, касающиеся Конвенции ООН по борьбе с коррупцией, ратификации и её механизмов имплементации. Вызывает интерес, что в дискуссиях принимают участие представители Исполнительного аппарата Президента, Министерства иностранных дел, Генеральной прокуратуры, Министерства юстиции, Таджикского государственного национального университета, представители гражданского общества, других заинтересованных министерств и ведомств, что в итоге всегда посодействует разработке соответствующих рекомендаций в сфере антикоррупционных мер в Таджикистане и совершенствованию в вопросах сотрудничества между странами в борьбе с коррупционными явлениями.

С начала деятельности Агентства в Таджикистане было проведено более сотни международных семинаров и конференций, столько и за рубежом участвовало в мероприятиях по обмену опытом с антикоррупционными органами и международными организациями по всему миру, на веб-сайте Агентства по регулярным пресс-релизам можно видеть огромное количество встреч, агитации и другой антикоррупционной пропаганды и просвещения, другой комплексной профилактической работе, в том числе презентации национальных антикоррупционных стратегий на 2000-2012, 2013-2020. В настоящее время претворяются в жизнь новые этапы антикоррупционной политики и национальной государственной стратегии борьбы с коррупцией, внедряются новые программы.

Представляется с коррупцией нужно и можно бороться, но, безусловно, система противодействия негативным явлениям, связанным с коррупцией, должна быть комплексной и поэтапной. Разработать четкую систему или безупречную стратегию почти невозможно, но хотя можно наметить определенные задачи по данному вопросу и постепенно целеустремленно их решать, тогда и программы по борьбе с коррупцией и Стратегии будут успешнее претворяться в жизнь и давать полдожительные результаты и успешный правовой эффект. Такая стратегия, вторая по счёту с предусмотрением финансирования мероприятий, индикаторов успеха и мониторинга результатов её осуществления ожидается к принятию на 8-ми летний срок, которая коренным образом отличается от предыдущей. Она обобщает весь опыт и преудсматривает, по сути, возложение на руководителей госорганов обязанностей по регулярному анализу рабочих процессов с целью профилактики коррупции.

В рамках же международных отношений, в заключении следует отметить, что имплементация Конвенции ООН против коррупции и других международных правовых антикоррупционных стандартов в Таджикистане сложилась посредством следующих важных практических механизмов:

1. Мониторинг Таджикистана по осуществлению рекомендаций, данных Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию в рамках Стамбульского плана действия антикоррупционной сети стран Восточной Европы и Центральной Азии, 1 раунд которого был проведен в 2004 году, второй в 2010 году и третий предполагается в сентябре 2013 года.

2. План Национального совета противодействию коррупции по обеспечению выполнения рекомендаций ОЭСР в рамках Стамбульского плана действия антикоррупционной сети стран Восточной Европы и Центральной Азии, принятый 26 декабря 2012 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок. Принята Организацией экономического сотрудничества и развития 17 декабря 1997 года.
2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы в 1999 г. Подписана в Страсбурге 27 января 1999 года.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года.

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ КОНВЕНЦИИ ООН В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ТАДЖИКИСТАНА

В статье рассматривается отражение некоторых статей Конвенции ООН в правовой системе Таджикистана. Если обратиться к истории, то в конце XX веке при распаде государственно-бюрократического социализма для будущих стран СНГ, в то время, когда в развитых странах мира утверждался новый, постиндустриальный строй, в постсоветском пространстве только переходили к индустриализму с элементами бюрократии, переросшей в системную коррупцию. Переход происходил путём захвата номенклатурой и её доверенными олигархами, как государственной собственности, так и власти. И именно такой способ перехода сопровождался разнообразным потоком коррупции.

Ключевые слова: отражение, конвенции Объединенных Наций, правовая система Таджикистана, переход, номенклатура.

REFLECTION OF SOME ARTICLES OF THE UNITED NATIONS CONVENTIONS IN THE LEGAL SYSTEM OF TAJIKISTAN

The reflection of some articles of the United Nations Conventions in the legal system of Tajikistan is reviewed in the article. If we look at history, at the end of the twentieth century, the decay of the state bureaucratic socialism for the future of CIS countries, while in developed countries approved a new, post-industrial system, in the post-Soviet space, just move on to post-industrialism. The transition took place by capturing the nomenclature and its authorized oligarchs as state property, and power. And it is this way of transition was accompanied by a diverse stream of corruption.

Key words: reflection, United Nations Convention, legal system of Tajikistan, transition, nomenclature.

Сведения об авторе: ***Шарипов Шарифбек*** – соискатель Таджикского национального университета. Телефон:**918-62-28-40**

ПОНЯТИЕ «ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» И ЕГО ИСТОЧНИКИ

Н.Б. Ходжаева
Таджикский национальный университет,
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Одним из наиболее дискуссионных в теории доказательств продолжает оставаться вопрос понятие «вещественное доказательство» и его источников. Наличие в процессуальной науке множества трактовок понятия «доказательство» связано, в числе других, с попыткой обосновать единую теорию и понятие «вещественное доказательство». Ответить на вопрос, что же представляют из себя вещественные доказательства, непросто из-за обилия точек зрения, связанных с неоднородностью материальных объектов и неопределенностью толкование термина «вещественное доказательство» в уголовном процессуальном законе.

Согласно части 1 статьи 78 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан перечисляются вещественные доказательства; любые предметы, которые: служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; имущество, деньги и иные ценности, полученные в результате преступных действий либо нажитые преступным путем; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.[1] К ним относятся любые предметы: анализ этой нормы свидетельствует, что законодатель понятие «вещественное доказательство» отождествляет с вещью, предметом.

Таким образом, законодательное определение вещественных доказательств имеет казуистический характер, то есть представляет собой открытый перечень возможных их разновидностей. Указание в названной норме на то, что вещественные доказательства - средства для обнаружения преступлений - не решает проблему, а

только запутывает ее, т.к., *во-первых,* любое доказательство может служить средством для обнаружения обстоятельств дела; *во-вторых*, как отмечается в литературе, не всякий предмет, способный выступать средством для обнаружения преступлений является доказательством (например, средства криминалистической техники).[2]

Данное законодательное определение затрудняет выяснение сущности вещественных доказательств и в ряде случаев не позволяет достаточно четко отграничить их от некоторых других доказательственных видов, прежде всего, от иных документов и образцов для сравнительного исследования. Поэтому имеется необходимость в выработке теоретического понятия вещественных доказательств. Однако, в юридических исследованиях этому вопросу до сих пор не уделяется достаточного внимания.

Достаточной обычно считается ссылка на то, что вещественные доказательства есть материальные следы, "отпечатки" исследуемого события.[3] Однако, далеко не все вещественные доказательства можно рассматривать как материальные отражения или следы исследуемого события. Так, например, вряд ли подпадают под эту категорию имущество, деньги и ценности, нажитые преступным путем. Дары волхвов, безусловно, могли бы стать вещественными доказательствами рождения Христа, хотя сами по себе, как предметы, имели чисто символическое значение. Не может служить универсальным признаком вещественных доказательств и естественная (декодированная) форма находящейся в них информации, как полагают некоторые авторы.[4] Так, документ с признаками интеллектуального подлога содержит доказательственную информацию именно в знаковой (кодированной) системе.

На наш взгляд, вещественные доказательства в общем виде можно определить как предметы, которые объективно, в силу своих собственных качеств, а также связей с иными обстоятельствами, могут служить средством к установлению искомых по делу обстоятельств. Признак объективности - ключевой для понимания природы вещественных доказательств.[5] Он подразумевает, что содержащаяся в них информация, имеющая значение для дела, формируется отнюдь не для доведения ее до сведения органов расследования и суда, а с какими-либо иными (иногда прямо противоположными) целями, либо вообще независимо от воли и желания людей.

Так, например, записка, в которой подозреваемый обращается к другим лицам с просьбой укрыть похищенное, повлиять на свидетелей и т.п., является вещественным доказательством в силу своего объективного характера по отношению к уголовно-процессуальной деятельности, ибо подозреваемый не желал, чтобы данная информация попала к следователю или в орган дознания, а намеревался достичь противоположного результата. Орудие преступления сохраняет на себе его следы не потому, что так хотел правонарушитель, а потому, что таково объективное положение вещей. Деньги и ценности, нажитые преступным путем, могут рассматриваться как вещественные доказательства лишь постольку, поскольку выявлена их объективная связь с преступными источниками обогащения обвиняемого или подозреваемого.

Другими словами, обстоятельства возникновения и появления в деле вещественных доказательств есть не что иное как доказательственные факты, неразрывно с ними связанные и, в определенном смысле, являющиеся их частью. Например, лишь факт обнаружения при обыске в жилище подозреваемого денег, хранившихся в тайнике, придает этим деньгам смысл вещественных доказательств; факт написания лицом предсмертной записки (независимо от ее содержания) перед совершением самоубийства делает эту записку, оставленную на месте происшествия, не просто документом, а документом - вещественным доказательством. При этом, как видно из приведенных примеров, сами предметы - вещественные доказательства - иногда могут непосредственно и не содержать в себе информации, имеющей значение

для дела - основное значение имеет их системность, выражающаяся, в частности, в связи с сопутствующими доказательственными фактами.

Отсутствие информации о доказательственных фактах, связанных с предшествующими обстоятельствами возникновения, местонахождения, положения и функций относительно других предметов либо использования предмета, лишает его качества вещественного доказательства. Поэтому предмет, происхождение которого не известно (например, нож с отпечатками пальцев подозреваемого, подброшенный следователю неизвестными лицами), не может быть признан вещественным доказательством, если не будет выяснена его предшествующая история. Неприемлемо, на наш взгляд, также использование взамен утраченных или необнаруженных вещественных доказательств так называемых предметов-аналогов (например, направление на экспертизу вместо необнаруженного ножа, являвшегося орудием убийства, другого ножа подобного типа). Хотя происхождение предмета-аналога известно, оно непосредственно не связано с тем событием, которое является предметом расследования, и, значит, необходимый доказательственный факт отсутствует.

Ввиду отсутствия в их структуре доказательственного факта не могут признаваться вещественными доказательствами и образцы для сравнительного исследования, несмотря на то, что физически они могут ничем от вещественных доказательств не отличаться. Именно из неразрывной связи вещественных доказательств с обстоятельствами прошлого вытекает практический критерий их отграничения от иных, смежных, доказательств. Этот критерий - незаменимость вещественных доказательств. Утрата или необратимое повреждение, включая нарушение необходимой процессуальной формы, означает невозможность воспроизведения вещественного доказательства, ибо для этого пришлось бы вернуться в прошлое, когда формировался сопутствующий доказательственный факт. Копирование же вещественного доказательства в той или иной форме (фотографирование, изготовление слепков, макетов) не может восполнить этой утраты, так как ведет к возникновению другого, производного, доказательства, обладающего иной доказательственной силой. Напротив, утрата так называемого иного документа (статья 82 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан) может быть восполнена получением из того же источника нового документа, имеющего точно такую же доказательственную силу.

Вещественным доказательством является не сам предмет, как таковой, а предмет с его определенными качествами и связями с доказательственными фактами. Без восприятия этих качеств и связей субъектом доказывания предмет не имеет доказательственной ценности. Поэтому вещественное доказательство есть не просто предмет, а тройственная система: предмет - доказательственный факт (факты) - субъект доказывания, причем система правовая, требующая соблюдения определенной процессуальной формы. Поэтому необходимыми элементами понятия вещественного доказательства являются его осмотр и решение субъекта доказывания о приобщении к делу. Осмотр предмета (часть 2 статьи 78 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан) производится на месте производства того следственного действия, в ходе которого предмет был обнаружен (часть 4 статьи 183 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан). Это может быть не только собственно осмотр, но и обыск, выемка, проверка показаний на месте.

Невыполнение этого требования ведет к недопустимости данного предмета как доказательства (например, извлеченная из тела пуля, не подвергнутая осмотру с отражением его результатов в соответствующем протоколе). Оформление процесса получения вещественных доказательств и описание их без составления протоколов следственных действий (например, путем составления таких не известных уголовно-процессуальному закону документов, как акты проверочных закупок, протоколы

"добровольных выдач" и т.п.) неправомерно, ибо это не обеспечивает достаточных гарантий достоверности полученной информации. В этих случаях необходимо проводить следственное действие, включающее в себя осмотр полученного предмета.

В то же время согласно статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном уголовно-процессуальным законом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эти данные устанавливаются в числе других средств доказывания и вещественными доказательствами. Поскольку сведения есть осознанная информация, нетрудно заметить, что законодатель в новом уголовно-процессуальном законе принял за основу информационную модель понятия «доказательство», но оказался непоследовательным при определении понятия «вещественное доказательство».

Понимание вещественных доказательств в смысле статьи 78 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан как предметов исключает возможность рассматривать их в качестве сведений, носителями которых выступают люди. Если отнести вещественные доказательства к информации, сведениям, то они не будут обладать вещественностью, предметностью, что противоречит их определению в статье 78 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан.

Слово «вещь» в общеупотребительном его смысле обозначает всякий неодушевленный предмет, обладающий определенными свойствами. Свойства вещи - это то, что характеризует какую – либо ее сторону и что выявляется в ее взаимоотношениях с другими вещами или явлениями. Свойства в их отношении к вещам подразделяются на две группы. Свойства одной группы образуют границу данной вещи, ибо с исчезновением их данная вещь превращается в другую; их именуют качествами вещи. Свойства другой группы, не определяющие границ вещи, называют просто свойствами. [6]

Учитывая, что в теории процессуальных доказательств под вещественными доказательствами понимаются предметы, вещи, А. Козлов сформулировал два тезиса методологического характера, с которыми трудно не согласиться:

А) вещественное доказательство есть получаемая субъектом процессуального познания информация, выраженная естественным кодом (это средство доказывания, функционирующее в процессе отражения не как предмет, вещь, а как сообщение, способное дать познающему знания об обстоятельствах, выступающих объектами исследования);

Б) вещественное доказательства (сообщение) и его источник (предмет, вещь) суть различные объективные реальности.[7]

Источник вещественного доказательства формируется путем отражения информации на материальных объектах. Если говорить о понятии «формирование доказательства» с процессуальной точки зрения, то оно формируется путем «снятия» информации с источника доказательства процессуальными средствами. Когда мы говорим о вещах, как источниках доказательств, то подразумеваем, что эти вещи обладают такими свойствами, которые являются сведениями, имеющими значение для дела, т.е. доказательствами. Доказательство, таким образом, это не сама вещь, а ее свойства. Если свойства не относятся к числу существенных, не определяют качества вещи, то они могут быть отделены от нее без изменения ее сущности, а будучи отделены, образуют сущность новой вещи, которая и выступает в качестве носителя доказательств.[8]

Среди предметов, обладающих статусом вещественных доказательств. законодатель называет документы, если им присущи признаки, указанные в статье 78

Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. Если документ служил орудием преступления, был предметом преступного посягательства или сохранил на себе следы преступления - это вещественное доказательство. Во всех остальных случаях, когда документ содержит изложение фактов или обстоятельств, надлежащим образом удостоверенное - это документальное доказательство (статьи 81-82- Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан). Основание для их разграничения - незаменимость первых и заменимость вторых. Среди источников доказательств выделяются микрообъекты (микросреды, микрочастицы и макроколичества вещества), собирание которых осуществляется по специально разработанным методикам и с помощью специального инструментария. Однако, следует отметить сложности, связанные с необходимостью исследования таких объектов и демонстрации результатов исследования в суде.

Многие свойства вещественных доказательств (например, химический состав) недоступны визуальному наблюдению и требуют более углубленного исследования и интерпретации с использованием соответствующих специальных познаний. В принципе обстановку места происшествия также можно рассматривать в качестве комплексного вещественного доказательства. И в качестве такового она фиксируется путем отражения в протоколе осмотра, фотосъемкой или видеозаписью, что не исключает приобщения к делу отдельных предметов (фрагментов) обстановки в качестве источников вещественных доказательств и позволяет осуществлять исследование путем проведения экспертиз. Говоря о классификации доказательств, следует отметить, что в литературе отношение к делению доказательств на личные и вещественные неоднозначно.

Некоторые авторы считают его неправомерным, приводя основанной аргумент формально-логического порядка: в таком делении один вид доказательств-вещественные доказательства- противопоставляется всем остальным.[9] По нашему мнению, поскольку вещественное доказательство не тождественно предмету, на базе которого оно сформировано публичным субъектом процессуального познания (следователем, дознавателем) оснований для такого деления нет.

Таким образом, вещественное доказательство представляет собой сложное образование, состоящее из двух компонентов, различных по форме своего бытия: вещественного и личного, объективного и субъективного. Оно выступает перед участниками процесса в форме материального бытия - как некоторый предмет, реальное существование которого делает возможным зафиксировать его в сознании и протоколах следственных и судебных действий. Предъявление доказательства со стороны его вещественного компонента выступает «аргументом» очевидности, непосредственно, воочию убеждающим адресата в существовании предмета и его свойств.[10]

Насколько информационным является представление суду, например, ножа, с применением которого было совершено преступление? Безусловно, больший интерес для суда предмет, а те следы, отпечатки, состояние, изменения, реакции, которые возникли у вещи, предмета при воздействии на них в связи с преступным деянием. Именно в этих следах, во всех их проявлениях заложена информация для тех субъектов, которые обладают кодом ее расшифровки, осмысления и превращения в сведения об обстоятельствах преступления.

Не сам по себе нож как таковой интересует нас в ходе расследования, а нож, обнаруженный в определенном месте в определенное время, например в квартире преступника; нож, на котором обнаружены кровь потерпевшего и микроволокна с его одежды. И если в результате проведения следственных действий интересующая информация уже «снята», то какая необходимость есть в преставлении суду ножа как предмета, на котором интересующей нас информации уже может и не быть?

Согласно части 2 статьи 78 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан предметы, под которыми законодатель понимает вещественные доказательства, осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится соответствующее постановление. В соответствии с частью 1 статьи 241 и части 2-4 статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан вещественные доказательства на стадии ознакомления с материалами уголовного дела предъявляются для ознакомления обвиняемому и его защитнику, а на стадии судебного следствия они в любой момент осматриваются по ходатайству сторон.

Законодатель оставаясь на этот раз последовательным в части понятия «вещественное доказательство» как вещи, видимо, считает необходимым представление данного предмета участникам процесса и суду. Однако, анализ статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан свидетельствует, что при определенных условиях допускается фактическая утрата предмета, являющегося «вещественным доказательством». По нашему мнению, в ходе предварительного расследования возможны и иные, не предусмотренные законом случаи утраты предмета, на базе которого формируется вещественное доказательство.

Речь идет, прежде всего, об экспертном исследовании наркотиков, следов биологического происхождения, боеприпасов. В частности взрывчатых веществ. На практике встает вопрос о возможности в случаях, не предусмотренных законом, признания вещественными доказательствами объектов, которые полностью или частично утрачены в ходе расследования уголовного дела и которых нет возможности представить ни на стадии ознакомления с материалами уголовного дела, ни в суде.

Законодателем не решен вопрос: в каком объеме признавать вещественным доказательством объект, который частично утрачен, например, в ходе экспертного исследования в объеме легализованного в уголовном процессе или в объеме, которые можно представить суду фактически. Резонно встает вопрос о возможности признания допустимыми вещественных доказательств в случаях утраты объектов, на основании которых они сформированы.

Если следовать логике законодателя, что «вещественное доказательство» и есть предмет, вещь, то невозможность представления этого объекта суду предполагает признания вещественного доказательства недопустимым.

Если же исходить из посылки, что «вещественное доказательство» есть сведения, снятые» с предмета, вещи процессуальными средствами, то отпадает вопрос о необходимости преставления суду данного объекта. Законодательная формулировка понятия «вещественное доказательство» является, на наш взгляд, рудиментом теории доказательств. Развитие общественных отношений требует новых подходов к развитию процессуальных отношений, в том числе и в сфере обеспечения прав потерпевших.

На практике чаще всего на стадии предварительного расследования перед прокурорами встает вопрос обеспечения прав потерпевших в части возврата похищенного у них имущества и денежных средств. В принципе законодатель предусмотрел такую возможность в отношении скоропортящихся товаров и продукции, имущества, подвергающегося быстрому моральному старению, предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, в том числе большие партии товаров, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью (статья 79 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан).

Речь идет о предметах, которые в силу их специфических свойств утрачивают свои качества с течением времени. Однако, можно только догадываться, что имел в виду законодатель, обусловливая возможность возврата таких предметов законному владельцу отсутствием ущерба для доказывания.

Например: Преступники, выследив потерпевшего, получившего в банке кредит на приобретение квартиры, прокололи колесо его автомобиля и похитили из салона дипломат с деньгами.

В результате своевременных мер преступники были задержаны, при них обнаружены все похищенные деньги, как должны поступить следователь и прокурор, к которым обратился потерпевший с ходатайством о возвращении похищенных денег на стадии предварительного расследования, мотивируя это необходимостью приобретения жилья?

Принимая, что при возврате денег потерпевшему они как предметы, которые надо представить суду, будут утрачены, основываясь на формальных требованиях закона, можно отказать в удовлетворении ходатайства. Но насколько такая позиция будет обоснованной с точки зрения обеспечения прав потерпевшего? Ведь в данном случае он получит свои деньги по вступлении приговора в законную силу, а до этого пройдет не один месяц, а возможно, и год.

Было принято решение о «снятии» процессуальными средствами свойств изъятых у преступников денег. Денежные купюры были осмотрены, сфотографированы. Обеспечивая процессуальные права обвиняемых, осмотры были произведены с их участием. Похищенные деньги на стадии предварительного расследования возвращены потерпевшему, а преступники в последующем осуждены. В принципе аналогичные ситуации (необходимость возвращения законному владельцу его имущества на стадии предварительного расследования) возникают достаточно часто, например при кражах из торговых точек больших партий ценного имущества, привлечении оперативными службами больших сумм денежных средств для передачи вымогателям или взяткополучателям. Это только часть проблем, связанных с понятием «вещественное доказательство», его нынешним законодательным определением. Практика настоятельно требует развития теории доказательств, адекватного отражения в законодательстве реалий сегодняшнего дня. Приведения в соответствие с информационной концепцией понятия «вещественное доказательство», а возможно, и отказа от этого понятия в его современной интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Республика Таджикистан (2009). Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: офиц. текст. - Д.: Ирфон, 2010.- 47с.
2. Лукашевича В.З. Уголовный процесс. учеб. для студ. вузов. Общая часть:. / В.З. Лукашевича. - М., СПб.: Изд-во юрид. фак-та СПб Гос.университета. 2004. - 265с.
3. Жогина Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе: юрид. литература учеб. для студ. Вузов / Н.В. Жогина. - М.: Изд-е 2-е, 1973.- 634с.
4. Орлов Ю.К. Основы доказательств в уголовном процессе. учеб. для студ. вузов / Ю.К. Орлов - М.: Проспект, 2000. - 112с.
5. Смирнов А.В Учебник уголовного процесса. пособие для студ вузов. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. 2-е изд. СПб.: -Питер, 2005. - 204-205с.
6. Вахтомин Н.К. О роли категорий: сущность и явление в познании. / Н.К. Вахтомин. - М., 1963.- 47с.; А.И. Уемов Вещи, свойства и отношения / А.И. Уемов. - М., 1963. -39с.
7. Козлов А.С. Актуальные проблемы теории доказательств в науке гражданского процесса: учеб. пособие для студ. вузов / А.С. Козлов. Ю.К. Орлов. - Иркутск, 1980. - 56-57с.
8. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. учеб. для студ.вузов / А.Р. Белкин. - М.: Норма, 2005. - 29-30с.
9. Бойкова А.Д. Курс советского уголовного процесса. Общая часть.: учеб.для студ. вузов / А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. - М.: 1989. - 567-568с.
10. Корнев Г.П. Методологические проблемы уголовно - процессуального познания. вузов / Г.П. Корнев. - Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. - 155с.

ПОНЯТИЕ «ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» И ЕГО ИСТОЧНИКИ

В статье рассматриваются вопросы понятия вещественных доказательств в уголовном процессе. Автор, на основе научных исследований проводит сравнительный анализ самого понятия вещественных доказательств и его источников.

Ключевые слова: вещественные доказательства, источники «Вещественное доказательство, понятие «вещь», доказательство.

THE NOTION OF MATERIAL PROOF AND ITS SOURCES

The present article deals with the notion of material proof in the court trial. The author on the basis of scientific researches carries out the contrastive analysis of the notion material proof and the sources of in material evidence.

Key words: Material proof, the sources of material evidence, the word thing, proof, the notion material proof.

Сведения об авторе: ***Ходжаева Н.Б.*** **–** ассистент кафедры судебного права и прокурорского надзора Таджикского национального университета, соискатель Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.Телефон: **918-65-82-88**

ТАЪРИХИ ИНКИШОФИ ҚОНУНГУЗОРӢ ОИД БА ҶАВОБГАРИИ ҶИНОЯТӢ БАРОИ ҶИНОЯТҲО ДАР СОҲАИ ИТТИЛООТИ КОМПЮТЕРӢ

Д.М. Давлатов
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Аз лаҳзаи пайдоиши ҷамъияти инсонӣ, одамон ба талаботи робита бо ҳамдигар ниёз доранд. Робитаи ибтидоӣ (мубодилаи ахбор) бо имову ишорат, аломат, қиёфабозӣ ва овозҳои норавшан ба амал оварда мешуд ва оҳиста-оҳиста нутқи инсонӣ ба воситаи хат, чопи китоб ва амсоли инҳо ба вуҷуд омад. Сипас, дар асри XX воситаҳои алоқа тавассути телеграф, телефон, радиову телевизион ва техникаву технологияи навин ба амал омада, ҳаёти мардуми сайёраро ба куллӣ тағйир дод.

Мусаллам аст, ки дар солҳои охир масъалаи ҷинояткорӣ дар соҳаи иттилооти компютерӣ аҳамият ва ҷиддияти махсус касб кард. Ин масъала дар кишварҳои мутараққии Ғарб дар нимаи 2-юми солҳои 60-ум ва дар кишвари мо дар арафаи солҳои 70-80-ум пайдо шуда, алҳол пайваста ба инкишоф, вусъатёбӣ ва хатари аз ҳад зиёд майл дорад.

Бояд тазаккур дод, ки ҷорӣ намудани техникаи компютерӣ дар тамоми соҳаҳои фаъолият дар кори мусаллаҳгардонии техникии ҷинояткорӣ нақши ниҳоят муҳим бозид. «Диданашавандагии» ҷинояткории компютерӣ ва дар айни замон «дарозтар шудани дастони вай» бо роҳи даромадан ба ҳар кадом сирри ҳифзшаванда – ҳарбӣ, молиявӣ, дигарҳо – техникаи компютериро барои намояндагони тоифаи ҷинояткор басо ҷолиб мегардонад. Хавфи ба ин монанд амалҳо боз ба он муайян карда мешавад, ки компютер оҳиста-оҳиста дар тамоми ҷаҳон тамоми соҳаҳои фаъолияти ҳаётии инсонро фаро гирифта истодааст ва ба ҷинояткорон имкон медиҳад, ки ғасби худро хеле вусъат диҳанд. Назария ва амалия, тавсифи ягонаи ҷиноятҳои компютериро кор карда набаромадааст. Дар навбати аввал ин бо тафовути қонунгузории ватанӣ ва хориҷӣ оид ба ҷинояткорӣ бо истифодаи компютер шарҳ дода мешавад. Мувофиқи қонунгузории ҷиноятии амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар зери мафҳуми ҷинояткориҳои компютерӣ ҷиноятҳои дар соҳаи раванди иттилоотӣ содиршаванда фаҳмида мешаванд, ки мақсади онҳо иттилоот ва воситаҳои компютерӣ мебошанд. Мавзӯи ҷиноятҳои компютерӣ дар илми ҳуқуқи ҷиноятии ватанӣ хеле кам омӯхта шудааст. Бешубҳа, сабаб дар он аст, ки дар сохтори ҷинояткорӣ ҷиноятҳои компютерӣ ҳиссаи на он қадар зиёдро дар бар мегиранд. Инчунин қонунгузор ба меъёрҳо оид ба ҷавобгарии ҷиноятӣ барои содир намудани ҷиноятҳои компютерӣ таваҷҷуҳи кам зоҳир менамояд. Аз сабаби махфӣ нигоҳ доштани нишондоди оморӣ дар ин масъала, моро лозим меояд, ки ба нишондоди оморӣ дигар давлатҳои хориҷӣ, аз ҷумла Русия такя намоем.

Нишондоди омор оид ба тамоюли афзоиши устувори миқдори ҷиноятҳои дар соҳаи иттилооти компютерӣ дар Русия дар тӯли солҳои 2002-2007 шаҳодат медиҳад: дар соли 2002 – 4050, дар соли 2003 – 7541, дар соли 2004 – 8739, дар соли 2005 – 10216, дар соли 2006 – 12131, дар соли 2007 – 12381 [11, 211].

Миқдори ҷиноятҳои ба қайд гирифташуда дар соҳаи иттилооти компютерӣ дар соли ҳисоботии 2007 нисбат ба ҳамин гуна нишондиҳандаҳои соли 2002 3,1 баробар зиёданд, дар айни ҳол нишондиҳандаҳои миёнаи афзоиши солона 155,34% мебошанд. Дар айни ҳол миқдори маҳкумшудагон дар худи ҳамон давра хеле камтар, аз 109 нафар то 260 нафар, яъне 2,4 маротиба афзуд.

Ҳадаф аз таҳқиқоти мавзӯи мазкур таҳлили пурраи системаи ҷиноятҳои компютерӣ аз рӯйи Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад.

Ҳаминро бояд қайд намуд, ки ба инсоният вақти хеле зиёде лозим шуд, то аз дастгоҳҳои содаи ҳисоби асри XVII ба мошинҳои электронии ҳисоббарорӣ (МЭҲ) ниҳоятдараҷа зудамалкунанда бо ҳаҷми бузурги хотира (аз рӯйи меъёрҳои ҳозира) гузарад, ки қобилияти ҷамъ кардан, нигоҳ доштан, аз нав кор карда баромадан, фиристодан ва бароварда додани ҳар гуна иттилоотро доранд. Пайдо шудани компютерҳои шахсии ихчам ва нисбатан арзон дар соли 1974 дар бозор, ки бо такмилёбии онҳо ҳудуди байни МЭҲ-и аз ҳама хурдтарин ва аз ҳама калонтарин рахна пайдо кард, ба доираи номаҳдуди одамон имконияти ба сели азими иттилоот пайваст шуданро доданд. Масъалаи дар зери назорат гирифтани дастрасӣ ба иттилоот, таъмини амният ва хушсифатии онҳо баромад. Чораҳои ташкилӣ, инчунин воситаҳои муҳофизати барномавӣ ва техникӣ ба таври кофӣ таъсирбахш набуданд. Махсусан масъалаи мудохилаи беиҷозат дар кишварҳои технологияи хеле инкишофёфта ва шабакаи иттилоотӣ дошта тезу тунд арзи ҳастӣ кард. Барои муроҷиат намудан ба чораҳои иловагии бехатарӣ маҷбур шуда, онҳо ба истифодаи воситаҳои мудофиаи ҳуқуқӣ, аз ҷумла ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ бо ҷидду ҷаҳд шурӯъ намуданд [2, 87].

Воситаи асосии мубориза бо вайронкориҳои ҷиноятии фаъолияти муқаррарии техникаи компютерӣ, қонунгузории ҷиноятӣ бояд мегардид. Ҳуқуқшиносони кишвар кайҳо масъаларо оид ба зарурати мустаҳкамкунии қонунгузории муносибатҳои ҳуқуқӣ, ки аз соҳаҳои мухталифи истифодаи воситаҳои коркарди автоматии иттилоот сарчашма мегиранд, гузошта буданд. Аммо меъёрҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқии ба мубориза бо ҷиноятҳои компютерӣ равона кардашудаи соли 1998, ки мухтасар ифода карда шудаанд, натиҷаи ислоҳотҳои хеле зиёди қонунгузорӣ дар ин соҳа буданд.

Коркарди лоиҳаи Қонуни ҶШСҶТ «Оид ба ҷавобгарӣ барои ҳуқуқвайронкунӣ ҳангоми кор бо иттилоот», ки он асос барои ҷавобгарии интизомӣ, шаҳрвандӣ-ҳуқуқӣ, маъмурӣ, ҷиноятӣ барои аъмоли ба ин монанд ба назари эътибор мегирифт, кӯшиши аввали ҳал намудани масъала зарурати мубориза бо ҷиноятҳои компютерӣ гардид. Аммо он асосан аз сабаби коркард нашудани асоси қонунгузорӣ дар ин соҳаи ҳуқуқ ҳамин тариқ қабул нашуда буд [5, 23].

Аз ҷониби Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон 23 сентябри соли 1992 қабул гардидани қонуни «Оид ба муҳофизати ҳуқуқии барномаҳо барои мошинҳои электронии ҳисоббарор ва базаҳои маълумот» маҷмӯи қоидаҳоеро дар бар мегирифт, ки барориши барномаи шахси бегона барои МЭҲ ё базаи маълумотҳо дар зери номи худ ё аз нав бавуҷудоварӣ ё паҳн кардани чунин маҳсулот боиси ҷавобгарии ҷиноятӣ мегардад, дар ин самт эҷоди қонунҳо пешравии бузурге буд.

Дар моҳҳои январ – феврали соли 1995 лоиҳаи КҶ ҶТ коркард шуда нашр гардид, ки ба он боби 28 «Ҷиноятҳо ба муқобили амнияти иттилоотӣ» ворид карда шуда буд, ки ҷавобгариро барои ғайриқонунӣ даромадан ба иттилооти компютерӣ (м. 298), тағйир додани иттилооти компютерӣ (м. 299), тахриби компютерӣ (м. 300), ғайриқоунунӣ ба даст овардани иттилоотӣ компютерӣ (м. 301), тайёр кардан

ва ба соҳибияти каси дигар додани воситаҳои махсус барои тамоси ғайриқонунӣ ба системаи ё шабакаи компютерӣ (м. 302), таҳия, истифода ва паҳн кадани барномаҳои зараровар (м. 303), вайрон кардани қоидаҳои истифодаи системаи ё шабакаи компютерӣ (м. 304)-ро муқаррар мекард. Дар соҳаи технологияи иттилоотӣ аз ҷониби ҳуқуқшиносон ва мутахассисон ба камбудиҳои калон ишора шуда буд, аз ҷумла ба набудани консепсияи ягонаи ҳуқуқӣ дар ин боб, алоқаи нокифоя бо қонунҳои соҳавӣ, кор карда баромадани сусти истилоот ва услуб [6, 42].

Қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи иттилоот» аз 10 апрели соли 2002, «Дар бораи ҳифзи иттилоот» аз 12 ноябри соли 2002 ва аз 18 июни соли 2008 «Дар бораи ҳуқуқи дастрасӣ ба иттилоот», ки истилоҳоти зиёди ҳамин соҳаи фаъолиятро муқаррар намуда буданд, дар қатори актҳои ҳуқуқии меъёрӣ дар соҳаи ҳуқуқи иттилоотӣ ҷойи муҳимро ишғол намуданд. Ин қонун барои қабули қонунгузории нави ҷиноятӣ, дар ояндаи хеле дур бошад – ташаккули ҳуқуқи компютерии комил ҳамчун соҳаи мустақил, заминаи ҳуқуқӣ омода намуд. Аз рӯйи ҳисобу китоби ҷудогона, дар давраи аз соли 1992 то июли 1995 ҳамин тариқ наздикии 500 актҳои ҳуқуқии меъёрӣ оид ба масъалаҳои қонунгузории иттилоотӣ, аз ҷумла 75 – то пурра ба ҳамин мавзӯъ бахшидашуда нашр карда шуда буданд [3, 17].

Аз 21 майи соли 1998 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон эътибори қонунӣ пайдо карда, аз 1-уми марти соли 1998 ба истифода дода шуда буд. Дар боби 28 КҶ ҶТ дар бораи «Ҷиноят ба муқобили амнияти иттилоотӣ» сухан меравад, ки моддаҳои 298-304 дар он дарҷ ёфтаанд.

Тартибдиҳандагони лоиҳаи КҶ ҶТ бо назардошти тасаввуротҳои монанд дар бораи объекти ҳимояи ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ, пешниҳод мекунад, ки таарруз ба компютерҳо ба яке аз бобҳои фасли «Ҷиноятҳо бар зидди бехатарии ҷамъиятӣ» муттаҳид карда шаванд ва дар он қариб ҳамаи амалҳое ҷой дода шаванд, ки муаллифони зикршуда онҳоро ба дахолат ба кори компютер медонанд. КҶ ҶТ тасвияҳои пешниҳодкардаи тартибдиҳандагони лоиҳаро қабул накард, ҳарчанд моҳияти он аслан нигоҳ дошта шуда буд, аммо баъзе норасоиҳои қонунбарорӣ дар амалияи истифодаи ҳуқуқ боиси ба душвориҳо рӯ ба рӯ шуданашон мумкин аст. Дар навбати аввал ин ба м. 298 КҶ дахл дорад, ки ҷавобгарӣ барои воридшавии ғайриқонунӣ ба иттилооти компютериро дар назар дорад, «…агар ин амал боиси нест кардан, баста шудан, модификатсия ё нусхабардории иттилоот, вайрон кардани кори МЭҲ, системаи МЭҲ ё шабакаҳои онҳо шавад». Истилоҳи «боис шудан» имкон медиҳад тахмин кунем, ки ҷиҳати объективии таркиби ҳамин ҷиноят аз амал (воридшавии ғайриқонунӣ), натиҷаҳо (нест кардани иттилоот ва ғайра) ва алоқаи сабабии байни онҳо ташаккул меёбад. Ин намуди ҷиноят бо роҳи муттаҳид кардани се таркиби мустақили дар лоиҳа номбаршуда ба вуҷуд омад: а) худсарона ворид шудан ба системаи компютерии автоматикунонидашуда, агар ин боиси шинос шудани истифодабарандагони нодаркор бо иттилооти махфӣ гашта бошад; б) «нусхабардории ғайриқонунии барномаҳо барои МЭҲ файлҳо ё базаҳои маълумот, ки ба хотираи МЭҲ дохил карда шудаанд, агар ин боиси зарари зиёд расондан шавад» ва в) «худсарона модификатсия кардан, вайрон кардан, нест кардани базаҳои маълумот ё барномаҳо барои МЭҲ» [7, 12].

Мавриди зикр аст, ки нест кардан, блокировка кардан, модификатсия ва нусхабардорӣ кардан, содир намудани амалҳои мустақилонаро истисно намекунанд. Дуруст мебуд, агар асоси ҷавобгарии ҷиноятӣ барои воридшавии ғайриқонунӣ ба иттилооти компютерӣ ҳамчун воқеае, ки воридшавии ғайриқонунӣ бо нест кардан, блокировка кардан ва ғайраву ҳоказо вобаста аст, дида баромада шавад (яъне ба чунин воридшавӣ бояд маънии на танҳо сабаб, балки вазъияти зарурироро додан лозим аст).

Дигар мулоҳизаҳо ҳам ҳастанд, ки имкон медиҳанд қайд намоем, ки дар моддаҳои ба соҳаи иттилооти компютерӣ бахшидашуда, ҳалли масъала оид ба оқибатҳои амали содирнамуда ниҳоят суст кор карда баромада шудааст.

Далели нест кардан, блокировка кардан, модификатсия, нусхабардорӣ кардани иттилооти бо қонун ҳимояшаванда ба соҳиби иттилоот зарар меоварад, ки қонунгузор бо далел дар зери ҳимоя мегузорад. Аммо монеаҳои ҷиддӣ дар истифодаи иттилооти худ аз ҷониби соҳиби иттилоот дар натиҷаи вайрон кардани кори МЭҲ, системаи МЭҲ шабакаи онҳо чунин оқибатҳои амалҳои ғайриқонунӣ бояд боиси ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида шудан гарданд. Дар баробари ин, дар як ҳолат барои дастдарозӣ ба моликияти хусусӣ, дар дигар ҳолат бошад – барои содир намудани ҷиноятҳои компютерӣ (барномаҳои вирусӣ қодиранд аз кор бароранд. Масалан, қисмати электронии МЭҲ-ро) ва сеюм ин ки аз рӯйи маҷмӯи ҷиноятҳо. Баробари ҳамин аз рӯйи сазовори ҷазо будан, вайрон кардани қоидаҳои истифодабарии МЭҲ, системаи МЭҲ ё шабакаи онҳо, дар бораи оқибатҳо дар шакли нест кардан, блокировка кардан ё модификатсияи иттилоот гуфта мешавад, аммо дар бораи вайрон кардани кори МЭҲ, системаи МЭҲ, шабакаи онҳо ҳеҷ чиз гуфта намешавад. Дуруст фаҳмида намешавад, чаро ҳангоми вайрон кардани ин қоидаҳо, агар он боиси нест шудани иттилоот гашта бошад, гунаҳкор ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида шуда метавонад. Ҳангоми оқибатҳо дар шакли вайрон кардани кори МЭҲ бошад, ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида шуда наметавонад [3, 22].

Нуқтаи назари ягона ба ҳалли ин масъала на он қадар бо мулоҳизаҳои қонунӣ илқо мешаванд, чӣ қадар ки ҳангоми содир намудани ҳар гуна ҷинояти компютерӣ оқибатҳои сатҳи дуюм имкон доранд. Аз матбуоти даврӣ ва илмӣ ҳодисаҳои истифодаи МЭҲ барои шикаста кушодани системаи бехатарии электронии бонкӣ бо мақсади дуздидани маблағи калони пулӣ қасдан, ё ин ки беэҳтиётона вайрон кардани кори системаи бехатарии миллӣ, муассисаҳои калонтарин, хадамоти диспетчерӣ ва ғайраҳо маълум гардид. Муҳим нест, ки чаро маҳз (дар натиҷаи «шикаста кушодан», «тороҷ кардан», пайдо шудани вируси компютерӣ, беэҳтиётии программист (барномасоз) дар кори шабакаи компютерии ягон раванди технологӣ нодуруст ба амал омад: дар ҳар ҳолат оқибатҳо фалокатовар буда метавонанд.

Аслан, яке аз сабабҳои асосӣ ҳамин мебошад ва аз ин сабаб ҷиноятҳои компютериро дастдарозӣ кардан на танҳо ба моликияти маънавӣ, балки ба бехатарии ҷамъият ҳам ҳисобидан лозим аст.

Аз эҳтимол дур аст, ки чунин тарзи корбурд муназзам ҳисобида шавад, ки ҳангоми он масалан, беэҳтиётона расонидани зарари вазнин, дар натиҷаи вайрон кардани қоидаҳои истифодабарии МЭҲ бояд ҳолати таснифкунанда ҳисобида шавад, дар ҳоле ки фаро расидани чунин натиҷаҳо боиси дастрасии ғайриқонунӣ ба иттилооти аз тарафи қонун ҳимояшаванда, чунин ҳисобида намешавад [2, 11].

Мутаассифона, дар адабиёти ихтисосии ватанӣ то ба ин замон масъалаҳои танзими ҳуқуқии ҳамкории байналмилалӣ дар соҳаи мубориза бо ҷиноятқории компютерӣ, инчунин таҷрибаи ҳалли онҳо, усулҳои кор карда баровардашуда, тавсияҳо, меъёрҳои ҳуқуқии аз амалияи ҷаҳонӣ ба даст овардашуда, ба қадри кофӣ инъикос нагардидаанд. Масъалаҳои батартибандозии ҳуқуқии назорати давлатии инкишофи умумиҷаҳонии шабакаҳои компютериро то ба охир ҳалшуда ҳисобидан мумкин нест ва он яке аз омилҳое мебошад, ки Тоҷикистонро аз кишварҳои саноаташон тараққиёфта аз рӯйи сатҳи информатизатсияи иқтисодиёт ва ҷамъият ба ақибмонӣ оварда мерасонад. Номукаммалии ин базаи ҳуқуқӣ-меъёрӣ ба набудани мураттабӣ ҳангоми амалӣ кардани сиёсати давлатӣ дар соҳаи ташаккули фазои иттилоотии Тоҷикистон, ташкили мубодилаи иттилоотии байналмилалӣ ва якҷоякунии фазои иттилоотии Тоҷикистон дар фазои иттилоотии ҷаҳонӣ оварда мерасонад. Илова бар ин, актҳои ҳуқуқии меъёрии ҷудогона комилан равшан аст,

ки бе маслиҳати зарурии мутахассисони техникӣ эҷод шудаанд, аз ҳамин сабаб ҳам маҷмӯи қоидаҳои ҳуқуқӣ ба онҳо вобаста кардашуда дар амалия корношояманд [8, 19].

Инкишофи технологияи иттилоотӣ ба бошиддат такмил додани базаи қонунбарор, ба соҳаи ҳуқуқӣ ворид намудани мафҳумҳое, ки пеш дар кибернетика ва информатика истифода мешуданд, маҷбур мекунад. Дар соли 2002 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Оид ба иттилоот» ва «Дар бораи ҳифзи иттилоот» қабул шуда буд, ки дар он қарори нави иттилоот, ҳимояи иттилоот ва ғайра дода шудаанд. Якчанд нуқтаи назари нав ба ҳимояи иттилоот ба шакли муайян дароварда шуд, ки ба мундариҷаи меъёрҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ оид ба ҷиноятҳои компютерӣ таъсир накарда наметавонад.

Қайд кардан бамаврид аст, ки инкишофи бошиддати технология аз аксуламали қонунгузор пеш мегузарад, ки ба ӯ барои батартибандозии комилан мувофиқ дар қонунҳо ва дигар актҳои меъёрӣ-ҳуқуқии муносибатҳо, ки дар соҳаи дида баромадашаванда ба вуҷуд меоянд, вақт зарур аст. Илова бар ин, таҷрибаи давлатҳои дигарро оқилона ба назар гирифтан хеле муҳим аст, ки онҳо саривақт ба мубориза бо ҷиноятқориҳо дар соҳаи технологияи бузург оғоз намуда, системаи воситаҳои ҳуқуқии таъсирбахши ин муборизаро кор карда баромаданд.

Татқиқотҳо нишон доданд, ки дар охири солҳои 80-ум ва аввали солҳои 90-ум ҷавобгарӣ барои ҷиноятҳои компютерӣ дар бисёр кишварҳои ҷаҳон пешбинӣ шуда буд. «Инқилоби иттилоотӣ» Ҷумҳурии Тоҷикистонро дар давраи мураккаби иқтисодӣ ва сиёсӣ ғофилгир намуд. Зарурати пеш аз мӯҳлат таълиф намудани асосҳои ҳуқуқии ҳимояи муносибатҳои иттилоотӣ, ҳанӯз суст инкишоф ёфтани системаҳои ҳисоббарории электронӣ, миқдори ками дастдарозиҳои ошкоршудаи аз ҷиҳати ҷамъиятӣ хатарнок ба ин муносибатҳо, набудани таҷрибаи зарурӣ боиси он шудаанд, ки дар Кодекси Ҷиноятии нав қабулшудаи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар боби 28-ум «Ҷиноятҳо ба муқобили амнияти иттилоотӣ» ҳафт модда буд.

Зарурати таълифи системаи нави ҷиноятҳои компютерӣ боз аз он сабаб ба миён меояд, ки дар моддаҳои 298 – 304-уми Кодекси Ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон натиҷаҳои аз ҷиҳати ҷамъиятӣ хатарноки дастрасии ғайриқонунӣ ба иттилооти комютерии шахси бегона тамоман ба назар гирифта нашудаанд.

Агар дар натиҷаи ҷиноят зарар расонида шавад, амали ҷиноятӣ аз рӯи моддаҳо оид ба ҷиноятҳои зидди моликият тасниф карда мешавад.

Дар замони ҳозира, бар хилофи баъзе давлатҳои қитъаи Амрико, Аврупои Марказӣ ва Аврупои Шарқӣ, ҷиноятқории компютерӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон он қадар васеъ паҳн нашудааст. Аммо осуда шудан лозим нест, зеро ин падида ба Ҷумҳурии Тоҷикистон низ хоҳад омад ва қонун дар баробари дигар чорабиниҳои пешгирикунанда бояд воситаи воқеии пешгирикунанда гардад, то ки ба фароҳам овардани шароит барои инкишофи мӯътадили системаҳои телекоммуникатсионӣ ва аз дастдарозиҳои ҷиноятқорона ҳимоя намудани онҳо мусоидат намояд. Меъёрҳои ҳуқуқӣ ҷиноятӣ оиди ҷавобгарӣ барои ҷиноятҳои компютерӣ ба ин талабот ҷавобгӯ нестанд. Албатта, ҳамаи ин масъалаҳоро дар доираи як мақола ҷойгир кардан имконнопазир аст. Аз ин рӯ, дар таҳқиқотҳои минбаъда мо боз сари масъала баргашта, паҳлӯҳои дигари мавзӯи мазкурро мавриди омӯзиши амиқу дақиқ қарор хоҳем дод.

АДАБИЁТ

1. Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества / А.Г. Волеводз. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. – 456 с.
2. Григоренко С.В. Об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации в зарубежных странах (на примере США и Великобритании) / С.В. Григоренко //

Государство, общество, личность: современные тенденции и проблемы развития: Сборник статей. Вып. 2. – М., 2003. – 347 с.
3. Крылов В.В. Расследование преступления в сфере информации / В.В. Крылов. – М.: Издательство «Городец», 1998. – 221 с.
4. Кодекси Ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, 1998.
5. Маслакова Е.А. История правового регулирования уголовной ответственности за компьютерные преступления / Е.А. Маслакова // Информационное право, 2006. – № 4. – 232 с.
6. Максимов В.Ю. Компьютерные преступления (вирусный аспект) / В.Ю. Максимов. – Ставрополь: Книжное издательство, 1999. – 97 с.
7. Мосин О.В. Компьютерная преступность: как с ней бороться? / О.В. Мосин – М., 2008. – 306 с.
8. Осипенко А.Л. Борьба с преступлениями в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт: монография / А.Л. Осипенко. – М.: Норма, 2004. – 311 с.
9. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи амният» аз 28 декабри с. 1993 // Ахбори Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, 1994.
10. Қонуни Ҷумхурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи иттилоот» аз 12 ноябри соли 2002.
11. Состояние преступности за 2002-2007 годы. Статистический сборник. – М.: МВД РФ, 2008. – С. 211.
12. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи иттилоот» аз 10 апрели соли 2002.

ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В настоящей статье рассмотрены вопросы истории развития законодательства Республики Таджикистан об уголовной ответственности за совершение компьютерных преступлений и комплексный анализ системы компьютерных преступлений по Уголовному кодексу РТ.

Ключевые слова: преступление, законодательство, компьютер, уголовный кодекс, информация.

ABOUT A HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION ON THE CRIMINAL PROCEEDINGS FOR CRIMES IN SPHERE OF THE COMPUTER INFORMATION

In this article are considered the questions of a history of development of the legislation of the Republic of Tajikistan on the criminal proceedings for perpetrate of computer crimes and the complex analysis of system of computer crimes under Criminal code of the Republic of Tajikistan.

Keywords: crime, legislation, computer, criminal code, information.

Сведения об авторе: ***Давлатов Д.М.*** **-** аспирант юридического факеультета Таджикского национального университета.E-mail: **davlatov.d.m@mail.ru**

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Б.Х.Раззоков
Таджикский государственный университет коммерции

Государство функционирует и развивается как сложная социальная система со своими элементами. Важнейшим из них является государственная власть со своими институтами как структурными способами ее осуществления. При помощи этих структур, именуемых чаще «органами», государство осуществляет свои функции, выполняет свою роль и социальное назначение в обществе. От качественного исполнения носителями функции государства зависят как его устойчивость и долговечность, так и способность приспособления к меняющимся условиям политического, экономического и социального развития. Именно поэтому большое значение имеет верная и объективная классификация носителей исполнительной власти, ибо, как справедливо замечено в юридической литературе, правовой статус органов исполнительной власти, правила их деятельности, не могут быть квалифицированно урегулированы без учета состава этих органов и их назначения в системе [1].

Вначале сразу же определимся в позиции: полагаем, что корневое родство позволяет охватить понятием «орган государственного управления» в широком смысле

слова и органы исполнительной власти. Субъекты государственного управления могут быть классифицированы по различным основаниям: масштабу территории, организационно-правовым формам, характеру компетенции, порядку образования, порядку решения подведомственных вопросов, источникам финансирования. Так, с учетом территориального масштаба деятельности субъекты государственного управления подразделяются на центральные органы управления и местные органы управления. Первые распространяют свою деятельность на всю территорию Таджикистана, вторые - осуществляют деятельность в пределах административно-территориальных единиц (области, города, района). По организационно-правовым формам различаются Правительство республики, министерства, государственные комитеты, комиссии, службы, агентства, главные управления, инспекции, отделы и т.д.

По общему правилу правительство, министерства, государственные комитеты являются центральными звеньями исполнительной власти и образуются лишь на уровне республики. Правительством страны руководит Президент Таджикистана. В состав Правительства республики входят по должности министры и председатели государственных комитетов. Министр осуществляет руководство порученной ему сферой деятельности на основе единоначалия и несет персональную ответственность перед Президентом республики за выполнение возложенных на министерство функций. Председатель государственного комитета на принципах единоначалия осуществляет оперативное руководство по задачам и функциям, возложенным на государственный комитет. Другие организационные формы создаются и действуют на различных уровнях управления. Так, комитет является органом государственного управления, осуществляющим государственное регулирование и межотраслевую координацию по вопросам, находящимся в его ведении. Службы, агентства, инспекции являются центральными органами государственного управления, осуществляющими специальные исполнительные, контрольные и надзорные функции. Руководители комитетов, служб, агентств, инспекций не входят в состав Правительства республики.

Следует отметить, что указанные структуры, а также различного рода главные управления, управления, действующие при Правительстве в литературе, нормативно-правовых актах охватывались понятием «ведомства». В отдельных случаях термин «ведомство» фигурировало и при характеристике всех центральных органов отраслевого и межотраслевого управления, включая министерства и государственные комитеты, в других – всех такового рода органов, кроме министерств. Наиболее распространенным и отвечающим своему предназначению оказался первый подход, т.е. узкое, специальное понимание ведомства. В принципе аналогичное употребление этого термина встречается до сих пор, здесь изменился лишь подход к установлению их правового статуса. Прежде, как было замечено выше, ведомства формировались Правительством и ему подчинялись. В настоящее время многие ведомства образуются также Президентом и непосредственно ему подчиняются.

По характеру компетенции выделяются органы общей, отраслевой и межотраслевой компетенции. Органы общей компетенции руководят на подведомственной территории всеми или большинством отраслей и сфер управления, обеспечивают развитие экономической, социально-культурной и административно-политической сферы. К ним относятся Президент и Правительство республики, председатели областей, городов и районов. Органы отраслевой компетенции осуществляют руководство подведомственными им отраслями и сферами деятельности (министерства, структуры местных исполнительных органов государственной власти). Органы межотраслевой компетенции выполняют общие специализированные функции для всех или большинства отраслей и сфер управления. Среди них по своему статусу выделяются органы, оказывающие руководящее воздействие на группы специализированных отраслей (комплексы), выполняющие различные функции

(например, министерство экономического развития и торговли, государственный комитет по инвестициям и управлению государственным имуществом); органы, выполняющие специализированные функции межотраслевого значения (например, министерство труда и социальной защиты населения), органы, выполняющие функции по определенным проблемам (например, Миграционная служба).

В зависимости от порядка образования органы управления подразделяются на четыре группы: 1) образуемые Президентом страны (министерства, государственные комитеты, специальные ведомства); 2) образуемые Правительством республики (комитеты, службы, агентства, комиссии, главные управления, т.е. собственно ведомства; структурные подразделения центрального аппарата министерств, государственных комитетов и ведомств, а также их местные структуры); 3) образуемые председателями областей, городов, районов (структуры местных исполнительных органов государственной власти). Классификация по этому признаку, как справедливо было замечено Б.М.Лазаревым, определяет юридические основы их возникновения, а также источники их полномочий [2].

Следует заметить, что ранее при классификации по этому признаку как образующие компоненты отдельно выделялись министерства, государственные комитеты и ведомства, однако, с течением времени тенденции централизации управления и концентрации властных полномочий в Таджикистане лишили их самостоятельного организационного творчества. В настоящее время решения по всем вопросам внутриорганизационного строительства названных структур «подняты» на уровень Правительства республики, что, по сути, противоречит природе органов исполнительной власти и нуждается в исправлении.

В юридической литературе ранее часто обращалось внимание и на такое основание классификации как способа формирования субъектов государственного управления, согласно которому выделялись избираемые, образуемые и назначаемые органы. При этом подчеркивалось, что независимо от способа, последние формируются в государственно-властном порядке, т.е. на основании акта полномочного органа государства [3]. Но, в настоящее время, в связи с признанием самостоятельного значения исполнительной власти и последовательным претворением принципов ее организации, в законодательных актах произошли серьезные изменения в способе формирования одноименных органов. Преимущественно все звенья последних формируются в порядке назначения. Это правило повлияло и на порядок разрешения ими подведомственных вопросов: в соотношении коллегиальных и единоначальных органов резко возросло количество вторых.

Единоначальными являются органы, в которых решающая власть по всем вопросам их компетенции принадлежит возглавляющему данный орган руководителю. Единоначалие обеспечивает оперативность руководства, использование индивидуальных способностей и опыта руководителей, повышает их персональную ответственность за результаты работы органа. Единональными являются ныне как органы общей, так и отраслевой компетенции (министерства, государственные комитеты, ведомства, местные исполнительные органы государственной власти и т.д.). Коллегиальные органы – организационно и юридически объединенные группы лиц, которым принадлежит приоритет в принятии решений по всем вопросам компетенции данных органов. В коллегиальных органах решения принимаются большинством голосов их членов с сочетанием персональной ответственности за их принятие и исполнение, руководство порученными участками работы. Коллегиальность позволяет наиболее правильно решать крупные и сложные вопросы руководства с участием специалистов, с использованием их опыта и знаний. Сегодня можно назвать исчерпывающий перечень коллегиальных органов (Правительство республики, а также образуемые при нем и местных исполнительных органах комиссии).

В системе государственного управления сочетаются единоначальные и коллегиальные начала, что способствует как оперативному решению вопросов, так и всестороннему и квалифицированному их обсуждению. Единоначалие эффективно тогда, когда опирается на различные институты демократии и не подменяется единовластием. Это выражается, в частности, в том, что в единоначальных органах часто действуют коллегии. Они функционируют, например, в министерствах, государственных комитетах, других центральных органах управления. По своему статусу коллегии относятся к совещательным органам, что никоим образом не умаляет их роли в руководстве соответствующими отраслями и сферами. Решения коллегии, как правило, приводятся в жизнь приказами (распоряжениями) руководителей. Это объясняется тем, что председателями этих коллегий являются руководители соответствующих органов, которые своей подписью придают юридическое значение решениям коллегий. Тем не мене, нельзя не признать явное пренебрежение к потенциалу коллегиальных начал в управлении. Даже в организации работы государственных комитетов, которые изначально задумывались и образовывались как органы коллегиального управления (как бы, микроправительства) по направлениям межотраслевого значения, со временем стерлись эти существенные различия.

По источнику финансирования можно выделить две подгруппы органов государственного управления: а) финансируемые из республиканского бюджета; и б) финансируемые из местного бюджета. Значение указанного основания классификации будет возрастать по мере становления и укрепления экономических основ местного (территориального) управления.

Приведенная классификации не только способствует правильной и всесторонней характеристике правового положения исполнительных органов, но и позволяет вплотную подступиться к решению вопроса построения системы органов исполнительной власти и органов государственного управления, их взаимоотношения между собой. Система первых является более узкой, она вплетена как составной элемент во вторую. В тоже время, это отнюдь не механическое соединение, так как, с одной стороны, органы государственного управления вовлечены в механизм реализации исполнительной власти, а с другой - функции государственного управления в основном реализуют именно органы исполнительной власти. Тем самым рассматриваемые управленческие явления представляются скорее в виде некоего «сообщающегося сосуда», построенного на основе структурной и функциональной соподчиненности [4], что дает нам основание сформулировать их определение. Система государственного управления представляет собой единство соподчиненных и взаимодействующих между собой структурных элементов – исполнительно-распорядительных государственных органов, объединенных единством целей и задач. Система исполнительной власти представляет собой единство соподчиненных и взаимодействующих между собой структурных элементов – органов государственного управления, объединенных единством целей и задач и наделенных правоустановительными полномочиями.

Многообразие, что традиционно справедливо приписывается органам государственного управления, за вычетом правоустановительных полномочий для органов исполнительной власти резко уменьшается. Тем не менее, именно за счет многочисленности органов государственного управления, их сложности, носителям исполнительной власти удается решать поставленные задачи, ибо многочисленность и многообразие органов управления обусловлено многосторонностью исполнительно-распорядительной деятельности государства.

В контексте изложенного нелишне заметить, что в Конституции Таджикистана вовсе отсутствует упоминание о системе исполнительной власти. Видимо, она само собой подразумевается государственным устройством страны, которая в соответствии с

конституционными положениями объявляется унитарным государством. Термин «система» применительно к организации публичной власти встречается лишь в Конституционном законе «О Правительстве Республики Таджикистан». Так, ст.1 настоящего Закона гласит: «Правительство Республики Таджикистан возглавляет систему органов государственного управления» [5]. Изложенная диспозиция может служить дополнительным аргументом предложенной нами конфигурации соотношения органов исполнительной власти и государственного управления.

Проблема системы и структуры органов исполнительной власти, тем не менее, сохраняет свою актуальность, так как в организационном строительстве страны много произвольных комбинаций, затрудняющих четкое формирование и надлежащее функционирование механизма исполнительной власти. Развитие организационных форм в Таджикистане все еще не носит последовательно научный и логически взаимосвязанный характер. Много в этом деле элементов конъюнктурных, субъективных и поверхностных. Например, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что одну и ту же форму носят организационные структуры различного уровня. Так, агентства имеются как при Президенте и Правительстве республики, так и в структуре министерств и государственных комитетов. Аналогичная ситуация наблюдается и по другим организационным формам (например, комитетов, служб, главных управлений). Между тем, правовое положение подобных организационных структур, действующих в составе министерств и государственных комитетов, в нормативно-правовых актах четко не прослеживается, не прозрачны также основания и критерий их образования в составе центральных органов исполнительной власти. Правовой статус одних подобных структурных подразделений определяется на уровне законов, других - положениями, утверждаемыми Президентом или Правительством страны, третьих - самими министерствами и государственными комитетами. В результате подобного разброса в правовом обеспечении деятельности организационных структур управления нередко таковые стремятся обрести большую самостоятельность и в компентенционном плане нередко выходят за рамки не только функционального назначения самого структурного подразделения, но и центрального органа исполнительной власти в целом.

Сложившаяся ситуация ведет к превышению полномочий, злоупотреблениям властью, вседозволенности. И хотя для исправления положения в последнее время предпринимаются отдельные практические шаги, общая картина медленно меняется в положительную сторону. Более того, организационная самодеятельность порой обретает новый импульс. Так, два образованных при Правительстве республики ведомства с очевидными правоохранительными полномочиями именованы по - разному – Налоговый комитет и Таможенная служба. Не столько образование последних, сколько субъективные подходы к их названию иначе как очередным капризом аппарата управления нельзя назвать, ибо трудно найти иных вразумительных объяснений такому ходу явлений. Но суть даже не в этом. В организационном сознании глубоко укоренилась мысль, будто изначальный принцип правового регулирования деятельности органов государства: «разрешено только то, что непосредственно предусмотрено законом» мало касается носителей публичной власти. Последним, видимо, больше импонирует обратная сторона вышеназванного принципа: «разрешено все, кроме запрещенного законом», поскольку оно полностью развязывает им руки в нормативном и организационном творчестве. Но разрастание такового в государственном управлении чревато непредсказуемыми последствиями, угрожающими правам и законным интересам иных субъектов правоотношений, юридической безопасности, устоям правовой государственности в целом.

Здесь уместно проанализировать и учесть опыт Российской Федерации в правовом обеспечении организационного строительства. Указ Президента России от 9

марта 2004 г. №314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» с учетом накопленного организационного опыта определил принципиально новую классификацию разновидностей органов исполнительной власти: основными разновидностями органов исполнительной власти на федеральном уровне теперь признаны: министерства, службы, агентства [6]. Настоящий нормативно-правовой акт, а также принятый в его дополнение Указ от 20 мая того же года №649 несомненно, носят концептуальный характер и в значительной степени определили дальнейшие параметры административной реформы в Российской Федерации.

Прежде всего, в новой российской системе исполнительной власти, по общему правилу, правоприменительная деятельность на федеральном уровне возложена на службы и агентства, а правоустановительная на министерства. Так, федеральное министерство определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности. Федеральная служба закрепляется как федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности. Федеральное агентство признается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющее в установленной сфере деятельности функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом.

Далее, устанавливается некое разделение труда и ограничения по осуществлению управленческих функций. Так, федеральные министерства не вправе вести в установленной сфере деятельности функции по контролю и надзору, а также по управлению государственным имуществом, а равно как федеральные службы не вправе, правда, за отдельными исключениями, осуществлять в установленной сфере деятельности нормативно-правовое регулирование, федеральные агентства лишены нормотворческих и контрольно-надзорных полномочий. Наконец, по смыслу Указа №314 в зависимости от прямого подчинения выделяются два вида федеральных министерств (находящиеся в непосредственном ведении Президента РФ и находящиеся в ведении Правительства РФ), три вида федеральных служб (находящиеся в ведении Президента, находящиеся в ведении Правительства РФ, находящиеся в ведении федеральных министерств и входящие в их систему) и три вида федеральных агентств (находящиеся в непосредственном ведении Президента РФ, находящиеся в ведении Правительства РФ и находящиеся в ведении определенных федеральных министерств). В итоге весь перечень федеральных органов исполнительной власти делится на две группы – руководство деятельностью которых осуществляют соответственно Президент РФ и Правительство РФ.

Организационные новеллы, введенные в Российской Федерации в рамках развернувшейся административной реформы, заслуживают серьезного изучения и дальнейшего научного осмысления. Действительно, перечень федеральных органов исполнительной власти, согласно Конституции РФ, вправе определять Президент РФ, что представляется вполне оправданным. Президент РФ в силу универсальных качеств не входит напрямую ни в одну из ветвей государственной власти и по сему, как всенародно избранный арбитр, придает легитимное начало носителям исполнительной власти.

Таким образом, анализ конституционных норм и текущего законодательства выявляет следующую конструкцию исполнительной власти в Таджикистане: Президент, Правительство, министерства, государственные комитеты, представители Президента на местах - председатели областей, городов и районов. Как видно, Конституция страны закрепляет не все организационные звенья государственного управления. Но в ней верно «схвачены» ведущие звенья системы исполнительной власти – «несущий стержень» структуры государственного управления. Именно они в

совокупности представляют собой наиболее объемную и сложную часть государственной администрации, сосредоточившую в себе практически всю управленческую информацию и важнейшие средства по обеспечению организационной деятельности государства.

Организация государственного управления предполагает наличие четко налаженного механизма реализации исполнительной власти в общегосударственном масштабе. Эффективность и качество государственного управления достигается не столько созданием укрупненных территориальных образований и внедрением жестко иерархических административных композиций, сколько путем правильного и научно-обоснованного правового обеспечения функционального единства, организационной взаимосвязанности структур, соподчиненности и скоординированности действий органов исполнительной власти по всей управленческой вертикали. К сожалению, в управленческой практике до сих пор не удается увязать организационные формы с характером их компетенции. Наиболее ненормальное явление сложилось на местном уровне, где закрепив в структурном плане звенья исполнительной власти, законодатель не определил организационную форму их деятельности.

В свете изложенного, для таджикского законодателя вырисовывается следующая двуединая задача: а) поднять уровень правового регулирования организации исполнительной власти; б) выделить ведущие и вспомогательные звенья государственного управления и терминологически четко их обозначить. В этой связи в целях комплексного охвата однородных общественных отношений предпочтительным представляется принятие отдельного законодательного акта «Об органах государственного управления Республики Таджикистан», где важно выделить следующие управленческие иерархии: а) высшее звено исполнительной власти: Президент и Правительство Таджикистана; б) центральное звено исполнительной власти: министерства и государственные комитеты; в**)** местное звено исполнительной власти: представители Президента – председатели областей, городов, районов; г**)** органы государственного управления: агентства, службы, комитеты, комиссии, департаменты, главные управления, управления, отделы. В предполагаемом законе необходимо дать четкое и ясное понятие каждой организационной формы государственного управления, ее функционального назначения и положения в механизме реализации исполнительной власти. При этом в законопроекте целесообразно оговорить также роль и значимость ряда структур, содействующих государственному управлению – при президентских органов (Исполнительного аппарата Президента, Совета безопасности, Совета юстиции), Прокуратуры, Национального банка, Центризбиркома, местных Маджлисов народных депутатов, исполнительных аппаратов законодательного органа и судов страны, а также исполнительных структур джамоатов поселка и села как органов местного самоуправления.

Принятию предполагаемого закона должна предшествовать разработка законодателем концепции развития одноименных органов, в которой следует закрепить ясное и недвусмысленное определение каждой организационной формы управления – министерство, государственный комитет, комитет, агентство, служба, инспекция, департамент (управление), отдел и т.д.; четко и прозрачно определить основания и критерии их образования, место в иерархии управления. При этом исключительно важно, проявив дифференцированный подход, произвести «селекцию» органов исполнительной власти как ведущих звеньев национальной администрации. Предложенный вариант даст возможность, во-первых, четко определить правовой статус основных субъектов исполнительной власти, т.е. «несущий стержень» организационной структуры государственного управления и во вторых, что не менее значимо, определит место иных государственных органов и специфических

образований, не являющихся органами исполнительной власти в собственном смысле слова, но служащих, опять же, лучшей организации и функционированию механизма исполнительной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1.Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития /Отв. ред. Н.Ю.Хаманева. М., 2004. -С.36.

2.Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. / Б.М. Лазарев.-М., 1972. -С.42.

3.Тихомиров Ю.А. Управление делами общества. / Ю.А. Тихомиров. -М., 1984. -С.73.

4.Ноздрачев А.Ф. Основные характеристики исполнительной власти по Конституции Российской Федерации. / А.Ф. Ноздрачев. //Государство и право. 1996. -№1. -С.29.

5.Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2001. -№4. Ст.215.

6. СЗ РФ. 2004. -№111. Ст.945; -№210. Ст.2023.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Статья посвящена классификации органов исполнительной власти Таджикистана. Рассматривая различные основания разграничений, автор приходит к выводу, что в организационном строительстве до сих пор не удается увязать организационные формы управления с характером их компетенции. Для комплексного охвата однородных общественных отношений обосновывает необходимость субъектного разграничения носителей исполнительной власти и собственно органов государственного управления, а также предлагается ряд мер по законодательному закреплению изложенной конструкции.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, органы государственного управления, правовое регулирование.

THE CLASSIFICATION OF EXECUTIVE AGENCIES

The article focuses on the classification of the executive agencies in Tajikistan. Considering the various reasons distinctions, the author comes to the conclusion that the building institution is not yet able to link the organizational forms of control to the nature of their competence. For comprehensive coverage of homogeneous social relations, the need for separation of subject and media executive proper government is justified, and proposes a number of measures to consolidate the legislative above construction.

Keywords: executive agencies, governments, legal regulation.

Сведения об авторе: ***Раззоков Б.Х.*** **–** доцент кафедры коммерческого права Таджикского государственного университета коммерции. Телефон**:(+992) 91 913 7389.** E-mail: **razzokov_b@mail.ru**

ПОСТРЕЛИГИЯ КАК ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ

К.М. Товбин
Филиал Дальневосточного федерального университета
в г. Южно-Сахалинске, Россия

Пострелигия – важнейшее проявление духовности Постмодерна. В первую очередь, потому что религиозная сфера относится к числу тех, которые старательно репрессировались или трансформировались в эру Модерна, и сегодняшняя религиозная гальванизация предстаёт перед нами чем-то свежим и архаичным, не имеющих прецедентов в Новой истории.

При подступе к исследованию современной религиозности возникают методологические проблемы: с какой точки зрения нам осмотреть пострелигиозность: с позиции классического религиоведения, с позиции Традиции или с позиции Постмодерна, если в нём имеется собственное религиоведение?

1. Религиоведение Модерна рассматривало религию либо как пережиток интеллектуального прогресса, либо как его несамостоятельный спутник. *Маргинальным* следствием такого отношения является утверждение об отмирании религии в обществе будущего. *Умеренное* следствие представления об устарелости религии в рамках Нового времени – это стремление внести в религию гуманистические принципы (стремление к осуществлению свободы совести и утверждение конфессиональности как частного выбора) и «освобождение» религии изнутри – либерализация и модернизация богословия. Суммируя общее в маргинальных и либеральных тенденциях, можно обобщить: религиоведение Модерна считает, что *религия есть продукт общественного развития*. Следовательно, на высотах развития общества мы должны увидеть религиозные системы иссякнувшими либо превратившимися во что-то иное, нерелигиозное. Бытования домодерновой духовности, тем паче – натиска её на образ жизни современного человека – попросту не может быть. Однако, сохранение не только религиозных систем, но и само́й традиционной духовности в модернизирующихся обществах опровергает все основания модернистского религиоведения. Именно Запад и наиболее «развитые» страны остального мира дают нам примеры как возрождения даже самых архаичных культов, так и рождения и массового распространения культов совершенно новых.

2. С позиции Традиции мы не можем судить о не только о феномене пострелигии, но и о самом явлении под именем «религия». Прежде всего, потому что религия в западном смысле слова изначально позиционировала себя как преодоление Традиции. Разросшаяся дистанция заставила внутри религиозных систем выработать как собственную понятийную основу, так и совокупность собственных феноменологических измерений духовности [1: 102]. И то, и другое не может быть зафиксировано мышлением, находящимся в рамках традиционного общества: оно работает совершенно по другим законам, существует в иной атмосфере, выражает себя в иных понятиях. Мышление Традиции настолько закрыто от Модерна, что либо нежизнеспособным осколком древности (например, шаманские культы северных народов или дремучее беспоповское старообрядчество), либо экзотичным довеском к современному мышлению (к примеру, синтоизм или буддизм махаяна). Для человека Традиции религиозная система уже сама по себе является признаком дефицита Священного, а потому не имеет никакой сакральной ценности. Пострелигия же вообще не может быть замечена традиционным мышлением, если только способом самоопределения постверующего не является имитация традиционной духовности.

3. Возможно ли обнаружение пострелигии с третьей точки зрения – постмодернистской? Только в той мере, насколько Постмодерн является преодолением Модерна. Сами «классики» постмодернизма всегда подчёркивали, что Постмодерн является не столько критическим преодолением Модерна, сколько осуществлением его изначальной программы. В связи с этим обращает на себя внимание учение Дугина о Постмодерне как Ультрамодерне [2: 469]. И именно с философии и фигуры Дугина можно обратиться к другой, неклассической версии постмодернизма – традиционализму. Традиционалистская школа (Р. Генон, Ю. Эвола, Т. Буркхардт, Ф. Шуон, Дж. Катсингер, Ж. Борелля, А.Г. Дугин и пр.) не только в негативном ключе изыскивала корни Модерна, но и стремилась к внефилософскому выходу за пределы Современности посредством сохранившихся инструментов Традиции: ритуала, символа, образа жизни [3: 585]. Традиционализм, возникший на изломе Модерна именно благодаря ментальным брешам в Модерне, может проследить все трансформации религиозности. «Классическая» постмодернистская философия обнаруживает пострелигиозность ровно настолько, насколько современная религиозность верна приставке «пост-», т.е. служит рычагом осуществления маргинально-модернистической программы постмодернистов. Для постмодерниста в пострелигии важен коэффициент перевёртыша, осуществлённого с момента возникновения религии: изначальная религиозная система видится как приглашение к действию, как набор приёмов отгорожения от Традиции, которые нужно осуществить до конца. Чем сильнее и наблюдаемее отличие от изначальных посылок – тем эффективнее пострелигия. Причём эта эффективность воспринимается положительно как постмодернистами, находящимися вне религиозных систем (и действующих вопреки им), так и постмодернистами от религии (чему яркий пример – позитивное сближение позиций в знаменитом диспуте Дерриды и Капуто [4]).

Традиционализм считывает те же признаки пострелигиозности, но даёт им совершенно иную оценку. Схоже с постмодернистом, традиционалист видит пострелигию не преодолением религии, но преодолением Традиции. Религия же представляется накоплением тех предпосылок, которые по мере своего развития могут создать полный противовес Традиции – *абсолютно (в)несакральное мышление*.

Традиционалистическое религиоведение, подобно постмодернистскому, привлекает символы и понятия несовременного звучания и наполнения, однако такое религиоведение продолжает основываться на рационалистической гносеологии Модерна. На феноменологическом и – в идеале – онтологическом уровнях традиционализм должен совершенно порвать с Модерном, ибо в этом его прямое назначение. Однако, остающаяся связка на понятийном уровне служит мостом, позволяющим транслировать принципы перенниализма вовне, в пространство Современности. Это позволяет традиционализму не замыкаться в символическое гетто (сеять которые – назначение Постмодерна [5: 20]), но противостоять и Модерну, и Постмодерну, видя их лишь разными отрезками длинной цепи десакрализации.

Используя постмодернистскую терминологию вкупе с традиционалистической методологией, можно выделить некоторые характерные черты пострелигии. Описанные ниже характеристики применимы и к нововозникающим культам, и к попыткам сохранения устоявшихся больших религиозных систем, и к попыткам возрождения духовности традиционной.

Отличительными чертами религиозности Постмодерна являются копирование и подражание, что делает её *псевдорелигией (якобы-религией)*. На этом понятии надлежит остановиться подробнее. Длительная и планомерная борьба Модерна с религией привела не к «отмиранию» религии, но к её сущностной трансформации. Эпоха Модерна, сделавшая посюсторонность и «расколдовывание» своими ценностными основаниями, в итоге пришла к созданию и тотальному тиражированию *антирелигии*,

представлявшей собой банальный перевёртыш Традиции – набор изначально одухотворённых, но секулярно выхолощенных положений (гуманизм, сциентизм, глобализм, прагматизм и пр.). Эти положения преподносились как всеобщая религия, лишённая Бога, как здравый смысл и естественнее положение вещей. Подчеркём: антирелигия – не «противо-религия», но «вместо-религия», так как не отрицает таких аспектов религии как вера, поклонение, благочестие, проповедь, служение. Но на центральное место в обосновании этих принципов ставится нечто новое – абстрактный человек.

Постмодерн, воспринимая себя критическим преодолением Модерна, отвернулся также и от антирелигии Модерна. Понятия Бога и Священного вновь эксплуатируются, вкупе с понятием Традиции. Более того, заявляемая традиционность стала модой – огромное количество самых разнообразных новых религиозных движений, претендующих на духовное оздоровление «бездуховного Запада», используют внешние детали Традиции как значимые элементы своего облика. Но возвращения к традиционной религиозности не произошло, так как Традиция не создаётся человеческими стараниями и является непрерывной цепью духовного самосовершенствования [6: 188]. Посему Постмодерн создаёт не религию, не антирелигию, но *псевдорелигию*, в которой «указатель сменяет указуемое как центр ориентации и ценности» [7: 12].

Для псевдорелигии характерна установка на стилизацию (прекрасно осознаваемая адептами самой псевдорелигии [8: 43]), произвольная связанность внутренних религиозных элементов, отсутствие центра, множественность опорно-смысловых точек, тяга к фантасмагоричности и множественности нескомпонованных интерпретаций. Псевдорелигиозность является особенным планетарным сдвигом мышления человечества, живущего в информационном мире, пользующегося смысловыми парадигмами западной цивилизации. Отличительная черта пострелигии – отнесённость не к Горнему (трансцендентному), но трансцендирование верующим *себя самого*. Центр пострелигии не сакрален и его вообще нельзя представить как центр – это *сфера* ощущений и предпочтений современного верующего. Постмодерн не строится на центрирующих разумных основаниях – он вообще отрицает возможность что-либо строить на каких-либо основаниях, кроме сферы чувств (являющейся не фундаментом, но облаком предпочтений). Пострелигия отличается от иных мозаик Постмодерна лишь тем, что имеет дело с наиболее глубокими и сильными человеческими чувствами – религиозными. Прочее же не отличает пострелигию от движений, возникших на основе привязанности определённому стилю музыки, поведению или ролевым играм – та же комбинаторика, игровая увлечённость деятельностью как самоценностью, отсутствие внешних неоспоримых инстанций [9: 302]. С традиционалистической точки зрения, пострелигия есть наиболее опасное детище секуляризации. Секуляризация выхолостила трепет священного настолько, что перестала восприниматься как секуляризация, как протест и превратилась в фундаментальную несерьёзность, имеющую несколько форматов, которые, исходя из всё ещё не затёртой склонности человека к схематизации, можно распределить на группы «деконструкция», «расщепление», «виртуализация», «коллажирование».

Деконструкция. Существует определение деконструкции, данное самими деконструктивистами – как освобождение изначальной данности от напластований контекста, условий, ситуации [10: 165]. При таком понимании Истина – это результат человеческого творчества, над которым не властвуют более никакие концепты и консенсусы [11]. По замечанию традиционалиста Катсингера, Истина становится *биржевой* [12].

Особенностью постмодернистской религиозности является некритическое использование деконструкции как способа отделения суждения от историко-

культурного контекста. Тема деконструктивной религиозности, вынесенная Дерридой и Капуто из богословия в публицистику [13], теперь привела к тому, что даже обыватель не чужд деконструктивизма в выборе религии и подборе для себя элементов избранной религиозности. Более того, сегодня сама такая избирательность даже подаётся как признак религиозности [14: 60]. Восприятие мира как текста, а верующего как читателя, писателя и редактора этого текста, даёт подступ к оперированию языковыми играми, к конструированию собственных «микрорассказов» из обломков Традиции и модернистских наработок противостояния ей. В обожествляющей властность постдуховности главное – добиться роли «верховного интерпретатора», чтобы твоя деятельность по конструированию воспринималась как «откровение», «воссоздание», «продолжение», «примыкание» к Священному (которое в Современности является идеологическим и/или игровым конструктом).

Следовательно, конструирование смысла напрямую ведёт к конструированию социальности [15: 121] – так возникают симулякры Церкви, общины, нации, класса, прикрывающие свою виртуальность лоскутами Традиции. Опять же: если автор «умирает», а движение, активированное им, находит иного продолжателя/изменителя/нарушителя, то при взгляде со стороны может возникнуть иллюзия *само*воспроизводства Социального, что в традиции всегда намекало на неизменное присутствие Священного.

В деконструкции особое внимание уделяется динамике, заложенной деконструктором (автором/редактором). Поскольку же автор – этот модернистский Богозаменитель – согласно заверений самих постмодернистов, существовать продолжительно не может, его авторизированная власть распыляется, становясь уделом социальных институтов (современных форматов), автономизировавшихся сетей и неуправляемого, но подправляемого безличного Действа. Это чрезвычайно похоже на всесакральность Древности, однако является её симулякром, поскольку отобразилась не с Традиции, а с Модерна посредством отрицания отрицания. Всесмешение вместо иерархии, стохастичное шевеление вместо программного хода, непостижимость вместо рационализма, тотальная социальность вместо индивидуализма и личностности – эти новые дихотомии имеют внешнее сходство с дихотомиями, поставленными в обратном порядке «просветителями» Нового Времени.

Постмодерн больше не отрицает противоположных ценностных систем – он стремится инкорпорировать их в себя [16], а для этого нужно отторгнуть от Сакрального центра религиозные системы, претендующие на традиционность. В этих условиях создаётся уникальный мировоззренческий стиль – «постмодернистским богословием» его назвать нельзя, ибо его он представлен в современной догматической методике совершенно различных религий. Скорее, его обозначение – *«постмодернистское богословствование»*, сводящееся к самоценным диалогу и сопоставлению/противопоставлению. Диалог привлекает в себя условия: контекст, историческая, личностная ситуация; исходя из контекста, выстраивается виртуальное представление, внешне имитирующее традиционную схему отношений человека, Церкви и Бога. В этой изменчивости смыслов, в зависимости от дискурса и в отсутствии Традиции как преемственности, человек играющий сражается за *свой образ* – против образов других людей играющих. В диспуте о Сакральном само Сакральное не участвует – веер рассудочных и медийных возможностей человека то призывает, то отстраняет Его [17: 281]. Именно такое отстранение Святого от повседневности в маргинальных теориях современных богословов получило именование «смерти Бога»: Горнее больше не участвует в нашей жизни, человеческая свобода *двигательной активности* достигла столь предельной максимизации, что сама претендует на место Бога [18:36; 19; 20:11].

Расщепление. Пострелигия отрицает понятие главного, первостепенного, «конфигурация всё время меняется, происходит бесконечное ветвление побегов и рассеивание смысла» [21: 52]. По выражению Р. Барта, смысловая множественность мира, воспринимаемого как текст, является не вероятностной, а обязательной, неустранимой [22: 417]. Происходит *рассеивающее внимание уравнивание главного с неглавным, сущностного – с наружным* (с точки зрения *внешнего зрителя*). Эта сатанинская [23] децентрация легко имитируется под сочленённость Традиции, потому увидеть фальшь в «возвращении к истокам» достаточно затруднительно.

Вращение вокруг представляемого Сакрального Центра – это движение смыслоимитации, оно начинается по причине дефицита преемственности и как вращение только вокруг предполагаемого (фантазируемого, мнящегося) Центра [24]. Предположение как изначальный стимул – в этой «перверсии смысла» и не может быть Смысла изначального. Более того, нет даже вращения в какой-то одной понятийной *сфере* – Фуко подчёркивал, что движение мысли и чувственности Современности *лабиринтоподобно*, оно использует комбинации нарративов, чуждых досимулякровой эпохе, изъятых и из Модерна, и из Премодерна [25: 441].

Ризомическое смыслополаганние относит нас к перетолковыванию гораздо более существенных пластов самовосприятия. Главным назначением стержневого корневища является – наряду с питанием – устойчивость положения стебля. Мочковатое корневище такой задачи не ставит. Питание, циркуляция соков – единственный смысл ризомы. То же и в новорелигиозной сфере: активная сторона религиозной жизни (общение, проповедь, миссионерство) являются самоценностями, позволяющими быть «на плаву». Потому отличительными чертами ризомической религии являются беспокойство, неустроенность, озабоченность внешними проявлениями религиозности (причём только теми, которые заметны «внешним», а не своим братьям и сёстрам), агрессивность, нетерпимость и политизированность; этим признакам апологеты пострелигий уделяют центральное внимание. Современные неопротестантские богословы именуют это состояние «блуждающим (кочевническим) богословием» [26: 36], выводя эту мочковатость верований из бонхёфферовского представления о самоосвящённости «совершеннолетнего» мира.

Самым важным в пострелигии является то, что человек Современности либо вовсе не ощущает расщепления своего «Я» в отношении к Священному, либо считает это расщепление нормой [27: 7], позволяющей не утомляться продолжительным нахождением в каждой из ниш своего ячеистого сознания. Для ризомического мышления характерно самоцельное движение, перепрыгивание с одной области в другую внутри области некоего общего смысла или ощущения. Фактор, ускоряющий или замедляющий это перепрыгивание, один: информационная востребованность. Работа с брендами, личинами, образами – поле проявления ризомической множественности. Постмодернистская духовность есть заигрывание с образами, восприятие образа как действительности, намерения как реальности, стиля как фундаментальности. Неумение отграничить виртуальность от реальности есть проявление ризомичности.

Ризома есть обозначение множественности, движимости, ориентированности только на питание. Однако, и ризома имеет свою причину. Эта причина – расщепление человека на сакральную и профанную сферы. Бывшее цельное стало качественно двойственным (затем – и множественным, поскольку единого «профанного» как стойкой антитезы «сакральному» не существует [28: 62]). Традиционная *цельность* человека была утрачена при вовлечении в Модерн [29: 10]. Расщепление произошло уже тогда, однако человеческое сознание не вмещало предположения о нынешней «дивидуальности», «дигитальности» [1: 278], и взамен традиционного ощущения *слитности воедино* предлагалась модернистская концепция *единственности* какого-

либо жизненного основания. Постмодерн отменил эту маскировку, и расщепление стало явным. Сфера сакрального более не может игнорироваться, не может вестись речь о «чисто человеческом», ибо оно уже очевидно неправомерно.

В сознании человека посредством Расщепления исчезает иерархичность самопонимания. Случайные сферы, вдохновляющие на сию минуту и – более того – вдохновляющие сиюминутностью, выходят на первый план и подчиняют себе всю деятельность индивида. Тот же процесс заметен и в пострелигиях. Сознание адепта псевдорелигии цепляется в случайном порядке за разные элементы и рудименты религии или Традиции, выводя их на первый план. В этом случае трудно опознать подмену традиционализма постмодернизмом, потому что в сознании традиционного верующего, как и в сознании поствующего, нет рассудочно выстроенной лестницы вхождения в предмет культа. И постмодернисты, и традиционалисты отрицают движущую роль разума в достижении трансцендентных целей. Центром человека является «сердце», и именно оно должно быть путеводителем по духовным сферам; разум играет служебную роль. Однако трудно угадать грань между эксцентричностью и озарением, потому в пострелигии достаточно активна апология импульсивности и безыерархичности.

Соответственно, возникает вопрос различения холизма Традиции и вавилонского всесмешения Постмодерна. В традиционном мышлении есть неписаная грань иерархии (отображающая степени материализации сакрального). Модерн снимает само понятие сакрального, а иерархичность превращается в классификацию (подчинённую волюнтаристски определённо цели). Постмодерн, выступив против классификации (точнее, против заключённого в ней субъективизма, маскирующего под объективность), приходит к безыерархичности, к понятийной и бытийственной деклассированности. И эта деклассированность весьма изобретательно подражает холизму Традиции.

В сознании традиционного верующего на определённом этапе приближения к Священному Центру своего верования происходит некая трансформация самовосприятия и оценки своей динамики движения к Центру. Традиционалист Мухаммад Легенгаузен так оценивает этот момент:

«Трансформация внимания, обращаемого от мирского в сторону сакрального, осуществляется посредством распознавания онтологического Статуса Источника Откровения, так что без метафизического измерения религии все остальное в ней, включая спасительный потенциал ее символизма, ощущения обязательности уважения по отношению к ее заповедям, приверженность участию в ее ритуалах – все это ослабеет и поблекнет» [30: 46].

Если этого Распознавания не произойдёт – духовная жизнь останется двухмерной, находящейся в двух несвязанных измерениях – догматическом и ритуальном. Псевдоверующий может блестяще ориентироваться в богословии своего упования и отдаваться сложным и древним богослужениям, но без Озарения в его сердце не происходит раскрытия третьего – сакрального, сущностного – измерения своей религии. И без этого измерения духовная жизнь будет лишена центростремительной динамики, будет более или менее удачной комбинаторикой сущностно не связанных элементов религиозной системы. И сама такая двухплоскостная религия будет лишь мировоззренческой системой или экстравагантным культом, главной задачей которой станет исключительно оказание «духовных услуг» потребителю [31: 523].

Но и фактор Озарения используется пострелигиозной комбинаторикой, что ярко проявляется в маргинальных и умеренных формах в движениях «харизматического возрождения», «New Age», неоязычества.

В сознании поствующего, как и в любом постмодернистском сознании, на первое место выходит лейбл, внешний признак, инициативный ритуал. Игра с

лейблами (их обоснование, оправдание, очерчивание границ) становится заменителем традиционной духовной жизни. Происходит уравнивание понятий «стиль» и «образ», и действительное их различение не могут указать даже известнейшие богословы современности. В современной религиозной литературе часто встречаются упоминания о том, что символ может действовать самостоятельно, без участия ума и воли того, кто этот символ использует. Это – действительное проявление традиционной религиозности, но завышенное внимание к этому моменту – несомненно, черта пострелигиозности. Так, например, для традиционного сознания Священное Писание – способ поклонения; для модернистски перевёрнутого – объект поклонения; для расщеплённого – аргументационный арсенал в поклонении чему угодно (Богу, Писанию, Судьбе, лидеру, самому себе). Для традиционного сознания ритуал – это знак, путь, объект «относительного поклонения»; для деструктурированного сознания ритуал – это объект «служительного» поклонения.

С традиционалистической точки зрения, в эру Постмодерна происходит завершение десакрализации мира. В эру Модерна произошёл якобы-отказ от Традиции. Однозначно, Модерн не был безразличен к Традиции – он её ненавидел и тщился изжить как альтернативу себе. Постмодерн же стремительно расправляется с Традицией именно своим намеренным безразличием к ней. Она есть – но лишь как одно из перьев веера возможностей, феерического коллажа Современности [32]. Традиция становится частью занятной игры, использующей внешние формы, но последовательно игнорирующей содержательную сторону. От Традиции остаётся только обозначение – многократно истолкованное, «освобождённое от пут Модерна», от инсинуаций модернистов и эволюционистов – и эта внешняя сторона вполне притягательна для людей, «уставших от Современности», но уже её впитавших, не видящими иной жизни, кроме функционирования в беспрерывном интерпретационном потоке [33].

Теперь человеку не надо искать религию (в смысле «утраченную связь» с Богом [34: 127]), теперь религию можно выбрать из множества предлагаемых вариантов и даже – при наличии способностей – скомбинировать собственную. Из связи с Трансцендентным религия превратилась в идеологический и/или мировоззренческий комплекс, и именно в этом смысле правы те религиоведы, которые противопоставляют понятия «религия» и «Традиция». В традиционную эпоху вхождение в конфессию означало, прежде всего, смирение, научение и врастание (оттуда, например, смысл «оглашений» в Древней Церкви). Теперь же можно подобрать конфессию под свои предпочтения, темперамент, взгляды (сложившиеся в *миру*!). Преображения человека не происходит, конфессии становятся клубами по интересам или по сочувствиям. Именно поэтому постмодернистская религиозность есть триумф десакрализации и секуляризации.

Виртуализация. В целом, пострелигия характеризуется приоритетом идентификации над идентичностью, самоопределения над определённостью. В эпоху отсутствия всяческих авторитетов, кроме спорадического «мне так нравится», единственным критерием самоопределения является сам индивид. В случае совпадения своего идеала с идеалами других индивидов, случайно возникших в поле зрения, возникает ощущение «мы», происходит трансцендентация смысла деятельности сообщества «мы».

Однако сегодня всё чаще продолжает напоминать о себе настроение, которое Жижек называет «страстью по Реальному»: уставшее от информационного небытия сознание страстно стремится к любым нарративам, имеющим претензии на истинность, причём достаточно лишь внешнего сходства [35: 12]. Однако, Реальность воспринимается не иначе, как монстр, ибо современный человек уже утратил связь с естественным образом мышления, и даже воскрешая элементы Традиции, он не знает, в

какой последовательности их наново смонтировать, какое место в этом ансамбле занять и каким образом функционировать. Вместо Традиции – мнение о Традиции; это единственное, на что способно сознание, привыкшее к виртуальности-подвижности.

В условиях жажды по Реальности совершенно неподготовленные к Реальности люди (представляющие Реальность лишь как альтернативу устоявшейся для них версии виртуальности), обращаются к тому, что призвано быть эссенцией Реальности-Традиции, – к религии. Однако современная гальванизация религий не равна возрождению Традиции. Не стоит забывать, что гальванизируется только мёртвое тело и только для интересов, которые лежат *вне* этого тела.

Виртуальное гетто использует информационное пространство для создания на нём собственного локуса и позиционирования его как альтернативы всем/основным локусам. Даже смысловые гетто, подающие себя противниками виртуальности, обязательно находят способ заявить о себе в отрицаемом ими виртуале. «Борьба за эфир» объединяет теперь и «системщиков», и «антисистемщиков» [36: 40]. Как и во многих других случаях, это вновь создаёт иллюзию примордиальной нерасчленённости. Однозначно обозначив Традицию, Модерн противопоставил «прогресс» – «варварству» на множестве уровней (хозяйственный, политический, ментальный), но Постмодерн вновь предложил единое «общее основание» для агентов Современности и якобы-борцов с ней – это информационное поле. Обладатель «сильного» знака отныне обладает и Социальным [37: 159].

В этом виртуальном пространстве создаётся и особое время – виртуальное. Например, живя в железобетонных домах, отпуская своих жён на работу и отдавая детей в детский сад, православные псевдотрадиционалисты убеждены, что живут в Святой Руси, более того – чти именно они являются «консульством Святой Руси». Тот, кому не по нраву «большие рассказы», выстраивают свои собственные дискурсы, «микрорассказы». Эти дискурсы (возникшие опять же при восприятии бытия (и веры) как текста) возникают при отгорожении от других дискурсов, в ином смысловом поле, но только при одном, чисто постмодернистском условии – *что их будут читать*. Об этой псевдо-жизни, являющейся не более, чем нагромождением цитат, писал Фуко, один из теоретиков такого «ухода»: «Дискурс – это не жизнь, у него иное время, нежели у нас; в нем вы не примиряетесь со смертью» [38: 207]. Отсутствие такого атрибута как смерть (со своими свойствами: старением, безумием, маразмом, болезнью, усталостью) есть признак виртуальности. Бесконечная компьютерная игра со смыслами; игра, в которой всегда можно пересохраниться перед трудным уровнем и начать сначала, если герой погибнет, – это пострелигия. В ней «изначальные смыслы» религии не умирают, носитель этой религии не дряхлеет, «возродители» этой религии всегда вдохновенны, прямолинейны и истинны.

Коллаж. Духовность Постмодерна – коллаж, составленный из разнородных элементов. Мозаичность внутреннего смысла создаёт ощущения свободы («вседозволенности»), при которой религия есть не привязка к Священному, но субъективная сакрализация определённой деятельности или поведения. Протест против фальшивок, предложенных Модерном на царственное место в области смысложизненных определений, привёл к миру, в котором нормой является отсутствие «царя в голове». Протест против постхристианского фантазма «рациональности» привёл не к метафизике, а к имитирующей её иррациональности, уравнивающий мышление интеллектуала и идиота (различие теперь проводится только в объёме знаний, но никак не в их связанности). И это достаточно похоже на традиционную духовность. То, что адепт пострелигии не может объяснить, истолковать, он объявляет тайной, сферой Скрытого, которая в Традиции стоит на первом месте. Одна из особенностей Постмодерна – снижение доверия к слову и рост доверия к жесту, позе, действию. В эпоху «развенчания больших рассказов» на их место претендуют сила и её

символы. Архаизм, в который превращаются предпочтения многих современных верующих, тяготеющих к Традиции, имеет мало общего с традиционализмом именно в силу несвязности элементов Традиции, вовлекаемых в мироощущение современного верующего [39]. Элементы Традиции связываются между собой именно как игровая мозаика. Интеллигентское сознание, наполненное цитатами из различных сфер духовности и антидуховности, легко воспринимает такую неоднородную духовность. Опасность заключается в том, что изначального плана расшифровки этого намёка не предполагается, и единственная инстанция, претендующая на авторитетность, – субъективное сознание зрителя и/или редактора. В.А. Бачинин пишет: «Теперь, на излете эпохи модерна, культурное сознание пришло к отчетливому пониманию ценности хаоса, его продуктивности и эвристичности. На этой волне стала успешно набирать силу новая научная дисциплина синергетика, а в метафизической сфере широко распространился особый стиль философствования в виде склонности к манипуляциям "обломками" смысловых, ценностных, нормативных структур и извлечениям из этих игр разных по своей значимости познавательных и эстетических эффектов. <…> Для постмодерна характерна совершенно особая атмосфера интеллектуальных игр как с "обломками" классических артефактов, так и с подложными разновидностями общепринятых ценностей. Типичной формой постмодернистского культуротворчества становится жонглирование фальшивыми двойниками ("симулякрами") бытующих смыслов, ценностей и норм» [40: 67].

Теперь человек не стремится «схватить историю» – его вполне удовлетворяет инкорпорирование в ткань современности элементов истории [41: 12]. Оторванность от Традиции не может обнаружить фальсификацию, и наиболее талантливый конструктор-интерпретатор вполне может претендовать на роль воскресителя/продолжателя Традиции.

Таково видение пострелигиозности с традиционалистической точки зрения. Методологические проблемы этого подхода многократно названы по ходу текста, однако, традиционалистическая точка зрения вполне обнаруживает сильнейшую и не имеющую аналогов в истории трансформацию религиозности – появление *пострелигии* как особенного мироощущения *постверу*ющего, являющегося вершиной десакрализации, наполнявшей всю западную историю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А.Г. Философия традиционализма / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – 624 с.
2. Дугин А.Г. Философия политики / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 2004. – 616 с.
3. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А.Г. Дугин. – М.: Евразийское движение, 2009. – 744 с.
4. God, the Gift, and Postmodernism / Ed. J.D. Caputo, M.J. Scanlon. – Bloomington: Indiana University Press, 1999. – 527 p.
5. Hassan I.H. The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture / I.H. Hassan. – Columbus: Ohio State University Press, 1987. – 215 p.
6. Эвола Ю. Люди и руины / Ю. Эвола. – М.: АСТ, 2007. – 362 с.
7. МакГрат А. Плюрализм: вызов современной христианской церкви / А. МакГрат // Христианская культура, 2002. – № 2. – С. 12-23.
8. Vattimo G. The Age of Interpretation / G. Vattimo // Rorty R., Vattimo G. The Future of Religion. – NY.: Columbia University Press, 2005. – P. 43-54.
9. Caputo J.D. What Do I Love When I Love My God? Deconstruction and Radical Orthodoxy / J.D. Caputo // Questioning God / Ed. J.D.Caputo, M. Dooley, M.J. Scanlon. – Bloomington: Indiana University Press, 2001. – P. 301-325.
10. Charlesworth M.J. Philosophy and Religion: From Plato to Postmodernism / M.J. Charlesworth. – Oxford: Oneworld, 2002. – 312 p.
11. Caputo J.D. After Jacques Derrida Comes the Future / C.J. Caputo / The Journal for Cultural and Religious Theory [Denver, 1999-2013] URL:[Электронный ресурс]. http://www.jcrt.org/archives/04.2/caputo.shtml (дата обращения 24.05.13).

12. Cutsinger J.S. The Yoga of Hesychasm / J.S. Cutsinger / Sacred Web : A Journal of Tradition and Modernity [Vancouver, 2013] URL: [Электронный ресурс]. http://www.sacredweb.com/online_articles/sw10_cutsinger.html (дата обращения 24.05.13).
13. Ward G. Deconstructive theology / G. Ward // The Cambridge companion to Postmodern Theology / Ed. K.J. Vanhoozer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 76-91.
14. Антропов В.В. Этика и религия в "безрелигиозном христианстве" Дитриха Бонхёффера / В.В. Антропов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, 2005. – № 6. – С. 58-72.
15. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
16. Разумовский Д.А. Метаморфозы постмодернистской церкви в интерьере "ретро-духовности" / Д.А. Разумовский / Богослов.Ru [М., 2007-2013] URL: [Электронный ресурс]. http://www.bogoslov.ru/text/277615.html (дата обращения 24.05.13).
17. Маркова Л.А. Философия из хаоса. Ж. Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии / Л.А. Маркова. – М.: Канон+, 2004. – 384 с.
18. Altizer T. Apocalypticism and Modern Thinking / T. Altizer // Journal for Christian Theological Research. – 1997. – Vol. 2. – P. 36.
19. Van Buren P. Theology Now? / P. Van Buren / Religion-online.org [Claremont, 2013] URL: [Электронный ресурс]. http://www.religion-online.org/showarticle.asp?title=1609 (дата обращения 24.05.13).
20. Vanhoozer K.J. Theology and the condition of postmodernity: a report on knowledge (of God) / K.J. Vanhoozer // The Cambridge companion to Postmodern Theology / Ed. Vanhoozer K.J. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 3-25.
21. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и "глобализация" как американизация / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии, 2004. – № 4. – С. 58-69.
22. Барт Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413-432.
23. Ваторопин А.С. Перспективы секуляризма и религии в эпоху постмодерна / А.С. Ваторопин, К.М. Ольховиков // Общественные науки и современность, 2002. – № 2. – С. 136-145.
24. Делёз Ж. Платон и симулякр / Ж. Делёз / Philosophy.ru [М., 2007] URL: [Электронный ресурс]. http://philosophy.ru/library/intent/07deleuze.html (дата обращения 24.05.13).
25. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 308 с.
26. Taylor M.C. Erring: A Postmodern A/theology / M.C. Taylor. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 218 p.
27. Ali Lakhani M. What is Normal? / M. Ali Lakhani // Sacred Web, 2006. – Vol. 17. – P. 7-15.
28. Генон Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – М.: Эксмо, 2008. – 784 с.
29. Cutsinger J. S. An Open Letter on Tradition / J. S. Cutsinger // Modern Age, 1994. – Vol. 36: 3. – P. 10-20.
30. Легенгаузен М. Современные вопросы исламской мысли / М. Легенгаузен. – М.: Феория, ДИК, 2009. – 210 с.
31. Wuthnow R. Church Realities and Christian Identity in the 21st Century / R. Wuthnow // The Christian Century, 1993. – May, 12. – P. 520-572.
32. Аверьянов В.В. Сверим понятия (определения от противного). Консерватизм-традиционализм-национализм / В.В. Аверьянов / Фонд Питирима Сорокина [М., 2007] URL: [Электронный ресурс]. http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=286 (дата обращения 24.05.13).
33. Ваттимо Д. Насилие – это то, что препятствует задавать вопросы / Д. Ваттимо / Индекс [М., 1997-2011] URL: [Электронный ресурс]. http://index.org.ru/infospace/398vatt.html (дата обращения 24.05.13).
34. Макаров Н.О. Религиоведческое наследие Аврелия Августина / Н.О. Макаров // Религиоведение, 2006. – № 4. – С. 126-138.
35. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. – М.: Прагматика культуры, 2002. – 160 с.
36. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – М.: Логос, 2000. – 184 с.
37. Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1993. – 263 с.
38. Фуко М. Theatrum philosophicum / М. Фуко // Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 431-457.
39. Костюк К.Н. Архаика и модерн в российской культуре / К.Н. Костюк / Наука – Интернет – Россия [б/м, б/г] URL: [Электронный ресурс]. http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-4-99kost.html (дата обращения 24.05.13).
40. Бачинин В.А. Постмодернизм и христианство / В.А. Бачинин // Общественные науки и современность, 2007. – № 4. – С. 65-79.
41. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.

ПОСТРЕЛИГИЯ КАК ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ

В статье рассмотрено понятие пострелигии, сконструированное, исходя из методологических посылов Традиционалистской школы, которые также обоснованы в статье, в сравнении с прочими

методологическими подходами, обнаруживающими свою несостоятельность при оценке духовности Постмодерна. Пострелигия, отошедшая от прямолинейной модернистской секуляризации, показана в различных разрезах (деконструктивизм, расщепление, виртуализация, коллажирования); пострелигия последовательно сводит традиционную духовность к плоскостной имитации, не позволяющей современному адепту традиционного верования раскрыть вертикальное измерение Традиции, возводящее к Священному. Такой подход показывает пострелигию вершиной мирового десакрализационного процесса. Пострелигия – как духовная сфера Постмодерна – есть отход от секулярной программы «Просвещения» к Традиции, которой Модерн последовательно противопоставлял себя. Однако, пострелигия вместо Традиции создаёт множество разнообразных имитаций и симуляций, вполне успешно претендующий на роль традиционной духовности в современном глобализированном и секуляризированном мире.

Ключевые слова: пострелигия, Постмодерн, Традиция, традиционализм, симулякр, деконструкция, ризома, десакрализация, секуляризация.

POST-RELIGION AS THE FINAL OVERCOMING OF TRADITION

In article is considered the concept of post-religion designed, proceeding from methodological messages of Traditionalist school which are also proved in article, in comparison with the other methodological approaches finding the insolvency at an assessment of spirituality of the Postmodernity. The post-religion which has departed from a rectilinear modernist secularization, is shown in various cuts (deconstructivism, splitting, virtualization, collaring); the post-religion consistently reduces traditional spirituality to the plane imitation which is not allowing the modern adherent of traditional belief to open vertical measurement of Tradition, erecting to Sacred. Such approach shows post-religion top of world desacralization process. The post-religion - as the spiritual sphere of the Postmodernity - is a deviation from the secular program to Tradition to which the Modernity consistently opposed itself. However, the post-religion instead of Tradition creates a set of various imitations and the simulations, quite successfully applying for a role of traditional spirituality in the modern globalized and secularization world.

Key words: post-religion, Post modernity, Tradition, traditionalism, simulacrum, deconstruction, rhizome, desacralization, secularization.

Сведения об авторе: ***Товбин К.М.*** - докторант, Филиал Дальневосточного федерального университета в г. Южно-Сахалинске, Россия E-mail: **kimito@yandex.ru**

ВЕРОЯТНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ УХОДА ЗАПАДНОЙ КОАЛИЦИИ В 2014 ГОДУ

Р. Ш. Нуриддинов, М.С. Комилов
Таджикский национальный университет

Позиция мировых и региональных держав по Афганистану в русле приближения 2014 года и вывода войск антитеррористической коалиции вырисовывается все отчетливее. Активизировалось политическое, научное и экспертное сообщество как региона, таки мира по вероятным путям развития ситуации в Афганистане.

Данный вопрос находится под пристальным вниманием высшего руководства нашего государства, ибо от развития ситуации в Афганистане напрямую зависит внутри и внешнеполитические перспективы Таджикистана. В своем послании нынешнего года Маджлиси Оли Республики Таджикистан Президент страны Эмомали Рахмон отметил, что мы не можем обойти вниманием вопросы сопредельного Афганистана, ибо, как постоянно подчёркивали, не представляем безопасность Центральной Азии без обеспечения стабильной и безопасной обстановки в Афганистане. Нас, конечно же, радуют позитивные тенденции развития ситуации в этой братской дружественной стране. Вместе с тем, следует отметить, что эти тенденции пока не обрели прочного необратимого характера и в этом направлении потребуется ещё приложить немалые усилия.

Президент России В.В. Путин и лидер Китайской Народной Республики Си Цзипин на переговорах на высшем уровне в Москве в марте 2013 года также выразили

свою озабоченность и заявили, что проблема урегулирования афганского конфликта не имеет военного решения.

К сожалению, позиция и оценки региональных и мировых центров по складывающейся ситуации в Афганистане радикально отличаются от заявления руководства НАТО о том, что «афганские армия и полиция поддерживают порядок на территориях, где проживает 87% населения» [1] не реалистична.

По словам Директора Второго департамента Министерства иностранных дел Российской федерации, Специального представителя Президента Российской федерации по Афганистану Замира Кабулова «эта цифра не соответствует действительности. Это, во-первых, а во-вторых, ключевые слова тут «контролировать», «поддерживать порядок». Вопрос: как они это делают? Сегодня только 7% частей афганской армии и 9% частей полиции, по американским оценкам, имеют достаточный уровень подготовки, чтобы действовать самостоятельно при минимальной поддержке со стороны Международных сил содействия безопасности (МССБ). Каждые три из десяти новобранцев Афганской национальной армии (АНА) ежемесячно дезертируют, гибнут, получают ранения или попадают в плен. Количество дезертиров за последние три года превысило 63 тыс. Это треть армии!» [2]. Опыт показывает, что порой первостепенное значение имеет моральный дух войск, которого как раз очень мало в современной афганской армии. Более того они не верят, что защищают интересы своей страны.

О вопросах, в чем ошибка НАТО в урегулировании афганского конфликта много пишут и говорят. На наш взгляд, руководство НАТО повторяет те же ошибки, которые до них допускали другие оккупанты Афганистана. Но, самая главная их ошибка на данный момент заключается в неоправданном форсировании процесса передачи полномочий и территорий афганским силам безопасности без учета реальной обстановки.

Рассуждая о вероятных направлениях развития ситуации в Афганистане после 2014 года, многие специалисты указывают на следующие варианты: «Первый – выборы проходят успешно, преемник Хамида Карзая продолжает его курс с опорой на иностранную финансовую и военно-техническую помощь. Второй – результаты выборов вызывают сомнения у большей части населения, что ведет к политическому кризису, массовым столкновениям на межэтнической почве с перспективой перерастания в гражданскую войну. Третий – талибы блокируют проведение выборов, берут контроль над большей частью страны и устанавливают там свою власть. Четвертый: с талибами удается договориться и делегировать им часть властных полномочий. С большой долей вероятности реализация третьего и четвертого сценариев тоже приведет к началу гражданской войны» [3].

Многие эксперты Афганистана считают, что если задача повышения боеспособности афганских национальных сил безопасности не будет решена, весьма вероятен рост влияния экстремизма, эскалации гражданской войны и раскола страны по этническому признаку. Именно такой вариант развития обстановки противоречит национальным интересам России, Китая, стран Центральной Азии и особенно Таджикистана.

Западная коалиция в Афганистане допускала и другую системную ошибку, которая заключается в игнорировании использования советского опыта. Американцы в отличие от СССР не занимались экономикой, строительством. Советский ставленник Наджибулла сумел продержаться до 1992 года, то есть еще три года после того, как советские войска ушли из Афганистана. Два года просоветский режим держался прочно, моджахеды не только не могли получить преимущество, наоборот войска преданные Наджибулле захватили те территории, которые при помощи советских

войск не могли. Коллапс начался, когда коммунистический режим в Москве перестал поставлять ему горючее и боеприпасы.

Другой опасной тенденцией афганской действительности является рост антиамериканских настроений в рядах афганских сил безопасности и участившиеся атаки green on blue, афганских солдат и полицейских на военных коалиции. Причин этого явления много: усталость общества от более, чем десятилетнего присутствия коалиционных сил, разочарование в результатах кампании, отсутствие эффективных органов власти, игнорирование исторических и культурных традиций афганского общества и многое другое.

Москва и Пекин нормально относятся к налаживанию диалога кабульского режима с талибами. Но позиция России и Китая заключается в том, чтобы эти контакты проходили при руководящей роли Кабула и строгом соблюдении трех условий: сложение оружия, признание Конституции Афганистана и окончательный разрыв связей с «Аль-Каидой» и другими террористическими организациями [4].

На наш взгляд достигнутая договоренность об открытии в Катаре офиса талибов это вынужденный шаг, направленный на демонстрацию успеха политики Запада на афганском направлении и на создание условий для переговоров об обеспечении безопасности в ходе вывода воинского контингента. Россия и Китай поддерживают процесс национального примирения, но он должен возглавляться афганцами и вестись афганцами. Двух государств также сближает межафганский диалог, а не диалог между талибами и американцами, англичанами или еще кем-то. В противном случае это не национальное примирение. Более того, когда повстанческая организация одной страны договаривается с правительствами другой – это нонсенс, нарушение международного права.

Другая сторона вопроса заключается в роли и месте международных и региональных институтов в урегулировании данного конфликта. По мнению профессора Шанхайской академии общественных наук, генерального директора Центра исследований ШОС, заместителя Исполнительного директора Центра русских и центральноазиатских исследований Лифань Ли «процесс мирного урегулирования в Афганистане не может развиваться без поддержки Шанхайской организации сотрудничества» [5].

В духе российской позиции по Афганистану, китайский эксперт считает, что «12 лет военного присутствия США и их союзников в Афганистане не принесли гармонии и мира в эту страну. Более того, талибы сохраняют популярность в большинстве афганских провинций и могут вновь стать реальной политической силой в Афганистане». «Насколько можно понять, иностранное военное присутствие, по идее, должно было сопровождаться большим количеством инвестиций в экономику и системными мерами по изменению жизни простых граждан к лучшему. Однако, этого не произошло», – констатирует специалист. «Будущее Афганистана туманно, но, по крайней мере, есть надежда, что страна не распадется как, например, тот же Судан в 2011 году» [6].

На наш взгляд, возможности США по вовлечению талибов в процесс мирного урегулирования в Афганистане сильно ограничены и напрямую связаны с Пакистаном, в целом характером американо-пакистанских отношений. Тем не менее, представляется, что содействие политическому диалогу между афганским правительством и талибами – это ключевой вопрос для безопасности Афганистана. Однако, сегодня этот диалог по-прежнему сталкивается с многочисленными проблемами.

Привлекает внимание отличительная позиция китайского экспертного сообщества о том, что для продвижения процесса национального примирения в Афганистане необходимо, чтобы движение Талибан должно быть официально исключено США из

списка международных террористических организаций, а, в свою очередь, талибы должны стать политически более умеренными. «В 2012 году представители талибов дважды встречались (в Париже и Киото) с афганскими правительственными чиновниками, в том числе от Северного альянса. Считается, что под давлением Пакистана, талибы были готовы к диалогу с афганскими властями, обсуждению будущего политической системы страны и новой конституции» [7].

«С другой стороны, экономически, процесс мирного урегулирования в Афганистане не может развиваться без поддержки Шанхайской организации сотрудничества. Государства-члены ШОС могут оказать огромное экономическое воздействие на Афганистан, особенно принимая во внимание потенциал финансовой помощи Китая, субсидий России или даже политики Узбекистана по поддержке торговли с Афганистаном» [8].

Другие региональные эксперты, комментируя некоторые особенности американской политики в Афганистане, считают, что США оплатили слишком высокую цену за «вход» в Афганистан и Центральную Азию и поэтому «выход» из региона выглядит нелогичным и невероятным.

Эксперты подчеркивают, что вероятнее всего полного вывода войск из Афганистана не произойдет, ибо американское военное ведомство не с целью быстрого ухода «поселилось» в Центральной Азии. Присутствие американских войск в Афганистане было вызвано и продиктовано угрозой международного терроризма, исходящей из региона и они признают, что условия возникновения и наличия этой угрозы все еще сохраняются.

С другой стороны Соединенные Штаты понесли колоссальные моральные (антитеррористические операции на территории Афганистана сопровождались значительными потерями среди военнослужащих коалиции), материальные и финансовые затраты. Таким образом, США оплатили слишком высокую цену за «вход» в регион, а поэтому «выход» из региона выглядит нелогичным и невероятным» [9].

Сомнительными кажутся заявления другой плеяды авторов о том, что якобы «в результате войны в Афганистане США научились играть по местным правилам, которые были чужды для западного мира. В процессе адаптации к региональной дипломатической культуре разрешения вопросов, США потеряли много времени и средств и «ныне США стали действовать также, как и другие региональные державы в построении взаимосвязей с властями государств региона».

Сложно оценить вероятность и результаты новых переговоров с талибами, где в центре повестки дня вопрос полного вывода иностранных войск из Афганистана. Результаты социологических опросов показывают, что большинство афганского населения выступает категорически против присутствия иностранного контингента. Не случайно в этой связи и заявление президента страны Хамида Карзая о том, что действия НАТО больше нацелены на убеждении в обратном и оправдании своего присутствия» [10].

Стамбульский процесс, оформившийся в 2011 году, нашел свое продолжение в третьей министерской конференции, которая в мае 2013 года состоялась в городе Алматы, куда съехались делегации из 50 разных стран мира, выражающих готовность расширять свое сотрудничество с Афганистаном. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, открывая министерскую конференцию в Алматы, с тревогой говорил о грядущем в 2014 году выводе контингента Международных сил содействия безопасности из Афганистана. Он отметил, что это обстоятельство не должно рассматриваться как «признак ослабления внимания мира к Афганистану».

Сильно беспокоит мировые геополитические центры и ряд региональных держав информация о том, что после вывода из Афганистана сил НАТО американцы собираются оставить в стране девять военных баз в Кабуле, Багграме, Мазари-Шарифе,

Джалалабаде, Нардезе, Кандагаре, Гильменде и Герате, которая подтверждается заявлениями Президента Афганистана Х. Карзая.

Мировыми и региональными лидерами, а также научным сообществом логично актуализируется вопрос о том, что война обходилась и обходится слишком дорого для госбюджета участников афганской кампании.

Например, французские аналитики указывают, что начиная с 2010 года на войну в Афганистане, уходит более половины ежегодных бюджетных ресурсов Франции, предназначенных на проведение операций за пределами страны (Чад, Ливан, Гаити), – 1,3 млн. долларов США в день. Но, эти цифры не включат в себя незапланированные дополнительные расходы (увеличение жалования, транспортные расходы, новое вооружение, боеприпасы и т.д.). На вывод 3600 французских солдат, размещенных в Афганистане, уйдет от 300 до 500 млн. евро. На сегодняшний день на транспортировку воздушным путем российскими транспортными самолетами Ан-124 на 60-80 рейсов будет потрачено от 36 до 40 млн. евро. Наземные пути – через Пакистан – пока еще не открыты. Начиная с 2002 года, война уже обошлась Франции в 5-7 млрд. евро» [11].

Но, как показывает опыт военных конфликтов, полную цену войны сложно определить цифрами. По имеющимся сведениям 56% ветеранов войн в Ираке и Афганистане будут обеспечены медицинским обслуживанием и довольствием до конца их жизни. Каждый второй ветеран уже получил пожизненную инвалидность. За 11 лет от 60 до 70 тыс. французских солдат вернулись из Афганистана. 88 были убиты, 700 раненых воспользовались дополнительным месячным отпуском [12].

По статданным сегодня выживают 90% раненых против 50% во времена Вьетнама и 30% в годы Второй Мировой войны. Многие военные лишились двух или даже трех конечностей. Во Франции пособие взрослому инвалиду составляет около 10 тыс. евро в год. Если предположить, что продолжительность жизни 600-700 раненых составит 40 лет, только на пенсии по инвалидности уйдет от 240 до 280 млн. бюджетных средств [13].

Полемика, возникшая на данную тему среди экспертов по Афганистану, равно как и желание понять основные тенденции развития страны и региона хотя бы в среднесрочной перспективе с точки зрения интересов безопасности Центральной Азии, заставляет обратиться к некоторым историческим ретроспективам. Одним из таких моментов является проблема федерализации Афганистана как вероятный путь разрешения вопроса.

Идея фрагментирования Афганистана имеет свою историю. Например, можно вспомнить о британском проекте создания таджикско-узбекского государства на Севере Афганистана в 1929 году, когда в Кабуле недолго сидел эмиром таджик Бачаи Сакао, он же Хабибулло Гази (креатура Лоуренса Аравийского, известного в Афганистане и Британской Индии как Пир Карам-шах). Ярким сторонником административно-территориального деления Афганистана с простым копированием советской модели союзного государства был Хафизулла Амин, мечтавший о создании союзных республик по простому этническому принципу – пуштунская, белуджская, таджикская и так далее. Федерализация Афганистана рассматривалась в свое время в советском руководстве – как вариант урегулирования межэтнических, этнополитических проблем и стабилизации ситуации в стране после вывода советских войск. В частности, изучалась возможность создания «в рамках единого Афганистана таджикской автономии на базе районов проживания таджиков с включением в нее территорий провинций Бадахшан, Тахар, Баглан, части Парван и Каписа», обсуждались вопросы представительства таджиков в высших органах власти страны и формирования Исламским Обществом Афганистана «регулярных войск таджикской автономии с включением их в состав ВС РА» [14]. Отказ советского руководства от подобного переформатирования Афганистана был связан как с пониманием конфликтности этой

инициативы с пуштунским окружением Наджибуллы, так и с осознанием высокой дисперсности расселения этногрупп и очевидной нереальностью администрирования по этническим критериям.

По мнению российского эксперта А. Князева не являясь единственно доминирующим противоречием в развитии афганского общества, этнический фактор, в то же время, играл и играет чрезвычайно важную роль, особенно в случаях и в периоды общеполитических кризисов, стимулируемых, как правило, воздействием внешних центров силы. Пуштунский вариант решения национального вопроса – под флагом унитарного Афганистана – был и остается источником дополнительной напряженности в стране.

По мнению ряда исследователей, этнополитический баланс афганского общества, начавший формироваться на рубеже XIX-XX вв., обеспечивался применением модели гегемонистского доминирования в сочетании с исторически установившимися, естественными механизмами интеграции и ассимиляции, что создавало условия для постепенного преодоления трайбалистских и этнических противоречий в процессе модернизации афганского национального государства.

Вторая половина 2010-го – первая половина 2011-го года демонстрируют резкий рост межэтнических противоречий, эволюционизирующий в общественных настроениях и в пристрастиях непуштунских политических элит в сторону сепаратизма. [15]

В то же время, инициируемая окружением Хамида Карзая и нарастающая пуштунизация госструктур вызывает отрицательную реакцию непуштунского населения. Это в косвенных признаках было очевидно в ходе электоральной кампании 2009 г., и очень ярко проявилось по результатам парламентских выборов 2010 г., когда пуштуны потерпели скандальное фиаско, уступив определяющее большинство в парламенте другим этническим группам. Дальнейшая пуштунизация госвласти, неизбежная в случае включения во власть талибского (то есть пуштунского) компонента способна привести только к усложнению конфигурации конфликта в целом, а значит, и к сужению поля потенциального переговорного процесса.

История Афганистана никогда не была собственно афганской историей. Она всегда была, остается и будет и историей борьбы внешних факторов на афганской территории, во внутриафганских процессах. Мировая история, по крайней мере в ключевых регионах мира, окончательно утратила свой естественный характер. История стала проектной. И Афганистан – это тоже проект. В американских аналитических центрах рассматривается еще один проект сходного характера – «Независимый Белуджистан», декларируемая задача которого – объединить в единое государство белуджское население Афганистана, Пакистана и Ирана. Практически впервые в истории Афганистана, и уж во всяком случае – в новейшее время, афганские белуджи начинают заявлять о себе как о самостоятельной политической силе. В первую очередь, этот проект направлен на хаотизацию ситуации в Пакистане и Иране. В современном американском геополитическом проектировании раздела Афганистана главные звенья – Пуштунистан, а на севере – Афганский Туркестан. [15]

Успех и процветание странам Центральной и Южной Азии гарантирует только единый, стабильный развивающийся Афганистан. А вот опора на этничность и раздел страны – есть показатель других, латентных, но подлинных целей западной коалиции, заключающихся в продолжении распада и экспорте нестабильности в Центральную Азию. Этот процесс уже идет, и остановить его со стороны внешних факторов, приверженных целостности границ, уже попросту невозможно. Здесь можно только согласиться с мнением Владимира Пластуна, о том, что «в любом случае решение остается за США, как ведущим игроком на афганском направлении». Другие игроки, в частности, Россия, так и не сформировав внятной, системной политики на афганском,

да и на среднеазиатском в целом, направлении, в предстоящий период будут вынуждены лишь принимать как данность происходящие в Афганистане, а во многом и во всем регионе, процессы. Проектный характер происходящего подразумевает не простой раздел на Север и Юг, что уже было в 1990-х, но и использование Севера для переноса нестабильности в сопредельную Среднюю Азию. [16]

Таким образом, следует резюмировать, что война в Афганистане это настоящий системный провал западной коалиции. Если согласно Клаузевица война – это продолжение политики другими средствами, то война в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и т.д. это продолжение отсутствия политики другими методами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Положение в Афганистане оптимизма не вызывает // Коммерсантъ, -№73 (5104), 25.04.2013.
2. [Электронный ресурс]. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1366856880
3. Положение в Афганистане оптимизма не вызывает // Коммерсантъ, -№73 (5104), 25.04.2013.
4. [Электронный ресурс]. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1366856880.
5. Мирное урегулирование в Афганистане не может развиваться без ШОС. [Электронный ресурс]. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367896080.
6. Мирное урегулирование в Афганистане не может развиваться без ШОС. [Электронный ресурс]. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367896080.
7. Мирное урегулирование в Афганистане не может развиваться без ШОС. [Электронный ресурс]. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367896080.
8. Мирное урегулирование в Афганистане не может развиваться без ШОС. [Электронный ресурс]. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367896080.
9. [Электронный ресурс]. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367809380.
10. [Электронный ресурс]. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367809380.
11. [Электронный ресурс]. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1368035100.
12. Там же.
13. Там же.
14. Гай Д. Вторжение./ Д. Гай, В. Снегирев //Знамя, 1991. – № 3. – С. 195-217; "Архив генерала армии В.И. Варенникова", приводится по: Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – Ярославль, 2004. – С. 664.
15. Князев А.А. Международные процессы./ А.А. Князев //Теория международных отношений и мировой политики. – М., 2009. -Том 7. -№ 1 (19).
16. Пластун В.Н. Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока. /В.Н. Пластун. – М.: Сова, 2005. – 476 с.

ВЕРОЯТНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ УХОДА ЗАПАДНОЙ КОАЛИЦИИ В 2014 ГОДУ

С приближением 2014 года и вывода войск западной коалиции Афганистан переходит на новый уровень своего исторического и трагического развития. Соединенные Штаты Америки и ее союзники, как и все другие державы, завоевавшие эту страну, не смогли решить афганскую проблему. Уровень конфликтогенности региона намного вырос, нестабильность Афганистана угрожает национальной и региональной безопасности.

Ключевые слова. Афганистан, антитеррористическая кампания, западная коалиция, безопасность, мировые державы, Аль-Каида, ШОС.

THE PROBABLE SCENARIO SUCCESSION OF EVENTS IN AFGHANISTAN AFTER THE LEAVING OF THE WESTERN COALITION IN 2014

Afghanistan moves to a new level of the historical and tragic development by the approach of 2014 and withdrawal of troops of the western coalition. The United States and its allies, as well as all other powers, who won this country, were not able to solve the Afghan problem. The level of conflict potential in the region is much increased, the instability in Afghanistan threatens to the national and regional security.

Key words: Afghanistan, the anti-terrorist campaign, the Western coalition, security, world powers, al-Qaeda, the SCO.

Сведения об авторах: ***Нуриддинов Р.Ш.*** - доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений факультета международных отношений Таджикского национального университета.Телефон: **(+992) 904-58-50-05.** E-mail: **rshn1995@mail.ru,**

Комилов М.С. - начальник управления стран Европы и Америки Министерства иностранных дел Республики Таджикистан

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Т.И.Шамсов
Курган-Тюбинский государственный университет им.Носира Хусрава

Понятие «политический режим» отражает функциональный аспект существования и проявления политической власти, раскрывает механизм функционирования политической системы общества. В научной литературе имеются различные определения политических режимов. Основное их содержание сводится, в конечном счете к следующему: **политический режим**- это способ осуществления политической и государственной власти; совокупность примеров и методов, с помощью которых правящий класс осуществляет свое политическое господство.

Политический режим характеризует не те государства, а организационные средства достижения политических целей, формы жизнедеятельности политических институтов, способ организации общественной и государственной жизни в рамках того или иного общественного строя. Политический режим как система средств и методов осуществления власти отражает состояние демократии в обществе, наличие прав и свобод граждан, отношение государственных органов к правовым основам их деятельности. Сходные политические режимы обслуживают противоположные общественные системы и их политические курсы. Политические режимы в капиталистическом и социалистическом мире могут в основном быть схожи не только по названию, но и по внутренней сущности, по своим формам и методам.

Политический режим описывается с помощью ряда показателей, отражающих состояние политической сферы жизни общества. В этом смысле политический режим включает в себя:

-роль, место и политические функции главы государства в системе политического руководства;

-способ и порядок формирования представительных учреждений;

-взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью, между центральными и местными органами власти и управления;

-положение, влияние и условия деятельности политических партий, общественных организаций и движений;

-правовой статус личности, состояние прав и свобод граждан;

-наличие гласности и др.

Для определения политического режима необходимо сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых норм с реальной политической жизнью, провозглашенных целей с действительной политикой.

Всякий политический режим в конечном итоге представляет собой то или иное сочетание двух противоположных принципов организации человеческого взаимодействия: авторитарности (односторонней властности жестокой дисциплины и ответственности) и демократизма (равноправия сторон, их согласования, свободы выбора, самоуправления). Практически невозможны режимы, полностью лишенные форм реализации одного принципа и построенные на формах реализации только принципа. Фактически в каждом режиме заключается тот и другой принцип, но режимы отличаются мерой их сочетания.

Установление того или иного режима определяется следующими факторами цели, задачи, которые ставят перед собой господствующие классы и их партии;

-состояние, острота классовой борьбы в конкретном обществе;

-политическое сознание, политическая культура общества;

-исторические традиции, нравственные установки;

-формы государственного устройства;

-внешнее окружение и т.д.

В научной литературе предлагаются различные классификации политических и государственных режимов. Так, Бурлацкий Ф.М. и Галкин А.А. выделяют применительно к буржуазным государственным фашистские, полуфашистские, авторитарные, консервативные парламентские и буржуазно-демократические парламентские режимы [1]. Гозман Л. и Эткинд А.М. делят политические режимы на тоталитарные, авторитарные, либеральные и демократические [2]. Довольно интересную классификацию предлагают Курашвили Б.П., выделяющий тоталитарный, жестко авторитарный, авторитарно - демократический, демократически-авторитарный, развернуто-демократический и анархо-демократический политические режимы [3].

Нам представляется, что в студенческой аудитории не обязательно давать столь развернутую типологию политических режимов, а будет достаточным ограничиться характеристикой основных, наиболее общих типов, а именно - тоталитарного, авторитарного и демократического режимов. При этом следует подчеркнуть отсутствие жестких границ между ними и наличие переходных, смешанных форм.

Термин «тоталитарный» происходит от латинского и означает «целостный», «целый». Это понятие возникло в 20-е годы в Италии для характеристики режима Муссолини. Позже понятие вошло в политологию и служит для обозначения режимов, стремящихся к полному (тотальному) политическому контролю над жизнью общества в целом и каждого гражданина в отдельности. Для тоталитарного режима характерны строгая регламентация, политизация и санкционирование всей жизнедеятельности общества- начиная с экономической сферы и кончая областью искусства, спорта и моды, включая в значительной степени и частную жизнь человека. Происходит огосударствление общества, фактическое уничтожение или крайнее сужение независимой от государства общественной жизни, установление гражданского общества, превращение человека в простой придаток государственного механизма.

Партийно-государственная власть выступает здесь как главное, если не единственное устройство. Важнейшей чертой тоталитаризма является фетишизация власти, культ власти, когда власть существует ради власти, рассматривается как абсолютная ценность.

В политической сфере тоталитаризму соответствует:

-Монополизация власти в руках одной партии, узурпирующей властно-политические функции.

-Срастание партийного и государственного аппаратов.

Во главе партии и государства стоят одни и те же лица, наделенные безграничной и бесконтрольной властью. При тоталитаризме «сращивание государственного и партийного аппарата столь глубоко и ограничено,- пишет И.С.Ислеев, что невозможно разграничить, где начинается партия и заканчивается государство. Государственные органы являются по своему духу «партийными», т.е. открыто политическими, а партийные-государственными и полицейско-бюрократическими» [4].

Правящая партия принимает по существу статус «государства в государстве», становится над государством, а посредством него над гражданским обществом. Такая организация перестанет быть политической партией в собственном смысле слова, а сохраняет лишь внешние признаки таковой.

- Однопартийная система, недопущение оппозиции и инакомыслия.

- Создание строгой иерархической вертикальной системы управления, увенчанной фигурой вождя. Харизматический лидер выступает как ядро тоталитарной системы.

- Формирование власти на всех уровнях через закрытые каналы бюрократической номенклатуры.

- фактическое отчуждение граждан от политического процесса.

- максимальное ограничение прав и свобод граждан.

Умаление роли права, закона. Основной принцип тоталитарного общества «Запрещено все, что приказано».

- Монопольный контроль над вооруженными силами.

- Террор, насилие как средство политической борьбы.

В экономической сфере устанавливается монопольный контроль партийно-государственного аппарата над хозяйственной деятельностью, централизованное плановое руководство и управление экономикой.

В духовной сфере важнейшей особенностью тоталитарного режима является господство официальной идеологии, нацеленной на построение нового политического и социального порядка и создание нового типа личности. Тоталитарная идеология складывается из трех частей: радикальной критики предшествующего, старого общества или определенного противника, которого необходимо сокрушить: представленной о «совершенном обществе» будущего, «светлом завтра», рецептов его достижения.

Тем самым тоталитарная идеология отрицает прошлое и настоящее во имя великого и светлого будущего, постулирует необходимость тоталитарного переустройства общества. Это официальная идеология претендует на то, чтобы быть воплощением абсолютной истины, и потому объявляется общеобязательной и не подлежащей критике. Тоталитарная идеология становится тем самым объектом веры, своего рода квазирелигией. Фанатичная вера в единственную и окончательную истину во многом объясняет массовый энтузиазм народа к поддержке тоталитарных режимов.

Приверженность населения официальной идеологии достигается посредством централизации идеологических средств воздействия, монополией аппарата на информацию, нетерпимости к инакомыслию.

Таковы основные черты тоталитарного режима. Конечно, это своего рода «теоретическая» модель тоталитаризма, а на практике эти черты имели специфические формы проявления в зависимости от конкретно-исторической ситуации.

Научное осмысление тоталитаризма началось в 50-х годах. Наибольшую известность на Западе получили работы Ф.Хейка «Дорога к рабству» Х.Арент «Происхождение тоталитаризма», З.Бжезинского и К.Фридриха «Тотальная диктатура и автократия», Т.Адорно и др. «Авторитарная личность», а также более поздние труды Р.Арона, Л.Шапиро, Дж. Киркпатрик.

Наиболее яркими примерами тоталитарного режима могут служить гитлеровский нацизм и итальянский фашизм. Несмотря на существенные различия этих форм тоталитаризма, общим для них является абсолютная власть государства и партии, террор, беззаконие, подчинение народа произволу государственной машины. Американский политолог - историк Р.Даниэльс отмечает: «Тоталитаризм левого толка или сталинизм представляет собой прямой и естественный продукт революции. Тоталитаризм правого толка - это исход контрреволюционной борьбы против реальной или возможной революции. В обоих случаях для сохранения власти и контроля над обществом применяются все доступные средства принуждения, усиленные современной технологией вооружения, надзора и составления досье. Тоталитаризм характерная для XX века форма посреволюционной диктатуры, устанавливаемая либо правыми, либо левыми» [5].

Тоталитарная система путем принуждения, жесткой регламентации всех сфер деятельности человека обеспечивает известную внутреннюю стабильность политической системы. Но, как показывает исторический опыт, тоталитарный режим не в состоянии длительное время обеспечивать эффективную жизнедеятельность общества. Насильственно осуществляемые меры характеризуются нерациональностью, большими экономическими издержками, нарастанием структурных диспропорций. При

тоталитарном режиме человек лишается внутренних побудительных стимулов к труду, отсутствие которых компенсируется либо применением насилия, либо попытками разжечь массовый энтузиазм.

Очевидно, что тоталитарная модель общества является нежизнеспособной, тупиковой, что рано или поздно- часто после смерти харизматического лидера - становится очевидным даже для правящей элиты.

По оценкам советских ученых, постепенное разложение, распад тоталитарной системы в СССР начался после 1953г., о чем свидетельствует устранение единоличной власти вождя, массового террора и репрессий, возникновение диссидентского движения и др. Но лишь в условиях перестройки и особенно после августовских событий 1991г. удалось осуществить демонтаж основных структур тоталитаризма, прежде всего КПСС, разрушение унитарного, псевдофедеративного государства, департизацию общества. Революционные процессы в странах Восточной Европы на рубеже 1989-1990гг. также происходили под знаком разрушения тоталитарных режимов.

Авторитарный режим в отличие от тоталитарного не претендует на политический контроль за всеми сторонами жизни общества. Обеспечивая любым путем, включая прямое насилие, политическую власть, авторитарный режим не вмешивается в те сферы, которые не связаны непосредственно с политикой. Для него характерны разгосударствление, деэтапизация экономики, культуры, социальной сферы. Авторитарное общество построено на принципе: разрешено все, кроме политики.

Тем самым в условиях авторитарного режима имеют место дифференцированные отношения государства и общества, сохраняются определенные элементы гражданского общества, пусть и в незрелом, конфликтном виде.

Важнейшее отличие авторитаризма от тоталитаризма состоит в том, что здесь нет единой идеологической базы, сверхидеи; или она довольно размыта. Западные политологи отмечают, что авторитарные режимы можно назвать прагматическими диктатурами, в отличие от идеократических при тоталитаризме [6]. Не случайно А.Солженицын в своем «Письме вождям Советского Союза» (1973) называл необходимым этапом оздоровления советского общества отказ вождей пусть пока не от власти, а от идеологии. Он предлагал преследовать или запрещать марксизм, а лишь только «лишь марксизм мощной государственной поддержкой, и пусть он существует сам по себе, на своих ногах» [7].

Прошлое и настоящее демонстрируют нам множество форм и разновидностей авторитаризма. По мнению многих политологов и тоталитаризм не является чистым типом, а лишь крайней формой авторитарного режима. Собственно авторитарные режимы могут быть революционными и контреволюционными, левоавторитарными и правоавторитарными, олигархически-авторитарными (Марокко, Непал, Индонезия).

В развивающихся странах авторитарная власть часто принимает форму военного режима, что связано со слабостью гражданской бюрократии в этих странах. Так, в независимых странах Африки после 1960 г. произошло 68 успешных военных переворотов, и в среднем один год из каждых трех приходится на правление военных. Только 18 стран из 49 избежали военных режимов, а в остальных половина всего периода независимого существования прошла под господством армии. В настоящее время число военных режимов здесь сократилось и многие из них трансформировались в гражданские (Бурунди, Заир, Судан, Того, Мали и др.)

Авторитарный режим в отличие от тоталитарного более гибок, способен к трансформации и модернизации. Авторитарный режим допускает размежевание и даже поляризацию различных сил и интересов, разрешает в определенных пределах легальную оппозицию, а тем самым способствует зарождению демократических механизмов и институтов. При справедливой критике авторитарных режим за

централизацию власти, жестокость и т.п. ведет конструктивную роль в некоторых случаях, т.е. они направлены на стабилизацию общества, способствуют формированию национального рынка, политической культуры.

Как правило, авторитарные режимы возникают там, где происходит слияние старых социально-экономических институтов и поляризация сил в процессе перехода стран от традиционных структур к индустриальным. Поэтому не всегда оправдана лишь сугубо негативная оценка этих режимов и отождествление их с такими наиболее одиозными фигурами современной истории как Стресснер, Пиночет и др. В целом ряде стран (Испания, Южная Корея, Таиланд, Бразилия), авторитарные режимы создали необходимые политические условия для экономической модернизации общества.

В советской литературе 1990г. тоже попытались переосмыслить опыт многих стран Азии, Африки, Латинской Америки, где долгое время господствовали авторитарные режимы, применительно к реалиям Советского Союза. Высказывалось мнение, что переход от тоталитаризма к демократии возможен лишь на путях определенных разновидностей авторитаризма [8].

Очевидно, что на сегодняшний день нельзя исключить вероятности установления авторитарной системы власти во многих государствах СНГ и странах Восточной Европы. В ряде республик бывшего Союза тенденции авторитарного развития уже налицо. Но является ли авторитарный режим неизбежным при переходе от тоталитарных структур к демократическим? Каковы условия и пути демократизации общества? Ответ на эти вопросы невозможен без выяснения сущности демократических режимов и путей их становления.

Нынешнее состояние нашего общества характеризуется в научной литературе как посттоталитарное, открывающее возможности для перехода при благоприятных условиях к демократическому режиму и вместе с тем сохраняющее опасность авторитарных тенденций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлацкий Ф.М. Современный Левифан: Очерки политической социологии капитализма /Ф.М Бурлацкий, А.А. Галкин. - М., 1985. -С.36.
2. Гозлан Л.Я. Люди и власть от тоталитаризма к демократии./ Л.Я. Гозлан, А.М. Эткинд. - М.: 1989.
3. Курашвили Б.П. Страна на распутье... Потери и перспективы перестройки. /Б.П. Курашвили - М.: - С.98.
4. Желев Ж.Е. Фашизм. Документальное исследование германского, итальянского и испанского фашизма// Философская и социологическая мысль./ Ж.Е Желев, 1991.- №1. - С.127.
5. История СССР, 1990.-№6- С.187.
6. Поспеловски Д. Тоталитаризм-авторитаризм-демократия: книжное обозрение / Д. Поспеловски, 1990. - №20.
7. Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза / А.Солженицын // Диалог, 1990.- №4.-С.93.
8. Клямкин И.М. Нужна «железная рука»? / И.М. Клямкин, А.М. Мигранян // Литературная газета, 1989.- №33; Мигранян А.М. Долгий путь к европейскому дому / А.М. Мигранян. Новый мир, 1990.- №7.-С.169-171.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

В данной статье автором расмотрены теоретико-методологические основы исследования политических режимов и показаны особенности политических режимов, которые имеют важное значение в исследовании политических наук.

Ключевые слова: политический режим, тоталитарные, авторитарные, либеральные и демократические, правовой статус личности, культ власти, монополизация власти, однопартийная система, фактическое отчуждение граждан, посттоталитарное**.**

THEORY– METHODOLOGICAL BASES OF POLITICAL REGIMES INVESTIGATION

In this article author analyses theory–methodological bases of political regimes investigation, explains the immediate peculiarity of political regimes in compare with each other, which have a special importance for the investigation of political sciences.

Key words: political regimes, totalitarian, authoritarian, libertarian, democratic, legally status of personality, cult of power, monopolization of power unit-party system, alienation of citizen, post totalitarian.

Сведения об авторе: ***Т.И. Шамсов*** – соискатель кафедры философии и политологии Курган-Тюбинского государственного университета им.Носира Хусрава. Телефон: **915-18-18-48**

ОППОЗИТСИЯ ҲАМЧУН ПАДИДАИ ИҶТИМОИЮ СИЁСӢ

А.Н.Маҳмадов, Р.Ф. Сафаров
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Агар ба таърихи сиёсии гузаштагони халқияту миллатҳои мухталифи ҷаҳон назар афканем, ба хуби дарк менамоем, ки падидаи оппозитсия ҳамеша ҳамсафари давлатмардону кишвардорон будааст. Омӯзишу татқиқоти ин зуҳурот низ таърихи хеле қадима дорад. Баҳсҳои асосӣ бештар сари масъалаи аз кадом замон сар шудани омӯзиши ин масъала аст. Аммо бештари таърихнависону файласуфон тарафдори ақидае мебошанд, ки оппозитсия дар шаклиҳои гуногун аз пайдо шудани одамон ва муборизаи онҳо барои қонеъ гардонидани талаботҳо ҳаррӯза вуҷуд дошт. Вобаста ба рушди ҷомеа ва дигар талаботҳои инсонӣ пайдо шудани зулму истибдод, поймол кардани ҳаққу ҳуқуқҳои одамон заруриятҳои дигаре пайдо гардидаанд, ки як гурӯҳ ва ё якчанд нафар одамон бар хилофи ақида ва дигар муносибатҳои ҳукумронӣ мухолифат нишон дода, мардумро ба бедорӣ ва худшиносӣ роҳнамоӣ намуданд. Шояд сабаби асосии пайдоиш ва рушди оппозитсия низ ҳамин бошад.

Баъди пайдо шудани шаҳру давлатҳои калон ва ба кишварҳои ҷудогона тақсим шудани минтақаҳои мухталиф раванди тамаддунофарӣ ва кишваркушоӣ ба миён омад, ки чанде аз миллатҳои алоҳида империяҳои бузург мисли империяҳои Форс, Рим, Юнон, Византия ва ғ.-ро сохтанд, ки ҳамаи онҳо дар ин ё он шакл ба худ оппозитсияи иҷтимоию сиёсӣ доштанд. Умуман, омӯзиши ин падида бештар аз замони Исои Масеҳ оғоз мегардад ва эшонро асосгузори аввалин мактабҳои хусусияти махфидошта муаррифӣ менамоянд.

Худи калимаи оппозитсия аз лотинӣ opposition гирифта шуда, ҳамчун мухолифат ва муқобилияти сиёсати муайян, самти сиёсӣ, амали сиёсӣ; шахс, ҳизб ва ташкилоте, ки дар якҷоягӣ бар зидди системаи сиёсии давлат фаъолият мекунанд, муаррифӣ мегардад. Дар таҷриба ва илмҳои сиёсӣ гуруҳбандии гуногуни шаклҳо ва намудҳои оппозитсияи сиёсӣ мавҷуд аст. Дар аввал аз рӯи муносибат бо ҳокимият оппозитсия метавонад қонунӣ ва ғайриқонунӣ бошад. Дуюм, аз рӯи макони фаъолият метавонад парламентӣ ва ғайрипарламентӣ бошад. Севюм, аз рӯи усусли фаъолият оппозитсия метавонад системавӣ ва ба ҳолатҳо руоваранда бошад.

Бояд гуфт, ки мақсаду мароми оппозитсия мубориза мебошад, лекин на танҳо барои барҳам задани системаи идоракуние, ки ба вай писанд нест, балки барои тағйир додани система равона мегардад. Яъне ба низоми муайян ба муросо омадан, ҳатто дар ҳолате, ки вай хеле пурқувват аст. Аз ин лиҳоз, зарурати пайдоиши оппозитсия дар ҳокимият маълум аст. Яъне оппозитсия бояд ҳокимиятро пайгирӣ намояд ва пеши роҳи он ҳамеша маълум бошад.

Ба ақидаи мо, мақсади ниҳоии оппозитсия ин эътирофи вай дар майдони сиёсат мебошад. Бинобар ин, ягона воситае, ки онҳо ба ин мақсади худ ноил мегарданд, ин муқобилгузории мубориза ба системаи амалкунанда мебошад. Чуноне, ки мутахассисон қайд мекунанд, мо дар муқоиса бо Аврупо дар шароити дигар ҷой дорем, яъне дар маконе, ки урфу одатҳои бисёрасра дорад. Аз ин рӯ, мо вазифадор ҳастем, ки дар шароити истибдоди Шарқӣ кафолати оппозитсияро аз рӯи қонун ифода намоем. Вобаста ба ин ақидаҳои мухталиф мавҷуданд. Масалан,

З. Курманов менависад, ки дар Шарқ (Осиёи Марказӣ) парламенти дохилаш беҳизб ва суст ба қисмҳои сиёсӣ ҷудошуда мавҷуд аст, аз ин рӯ зарур аст, ки дар байни ҳизбҳои ҳукуматӣ ва оппозитсия дар мавриди муносибати онҳо бо сарвари давлат ва самти сиёсии пешгирифта сарҳад ҷудо карда шавад. Аз ин ҷо барои фаҳмидани саволе, ки чиро дар ин самт бояд қонун ба тартиб дарорад? Зарур аст, гуем ки объект ва соҳаи идоракунӣ, субъектҳо ва кафолати фаъолияти оппозитсия муайян карда шавад. Ба ақидаи мо соҳаи батартибандозии қонун бояд муносибати байни ҳокимият ва оппозитсия бошад. Дар қонун бояд фаҳмиши оппозитсия, мақсади онҳо, вазъият, кафолати фаъолияти боимтиёзи оппозитсия ҷой дода шавад. Аммо барои он, ки ҳамаи ин гуфтаҳо амалӣ гарданд ва ҳокимияти амалкунанда онҳоро таъмин намояд, бояд оппозитсия пурқувват ва дорои шуури интелектуалии баланд бошад.

Оиди ин масъала оппозитсияи демократӣ-коммунистӣ дар Тоҷикистон бозии сиёсиро бохтанд. Зеро дар нақши оппозитсияи асосӣ исломгароён фаъолияти амалӣ намуданд. Вале онҳо низ дар охир ҳамчун оппозитсия оҳиста-оҳиста нуфузро аз даст доданд. Сабаб ин буд, ки онҳо бештар ба кайфияту ҳиссиёт такя намуда, фаҳмишу шуури аҳолии мамлакатро бо роҳи қалбакӣ ба худ кашида буданд. Оид ба муносибат ва шаклҳои оппозитсияи тоҷик то имрӯз фикру андешаҳои мухталиф мавҷуд аст, ки ба баъзе шаклҳои дигар рост намеоянд. Масалан, масъалаи оппозитсияро ҳамчун ҳодисаи ҷамъиятӣ дар дигар кишварҳои Аврупои Ғарбӣ низ қайд менамоянд. Онҳо алоқамандии зич доштани оппозитсияро ба низоъ бештар қайд менамоянд. Бояд гуфт, ки мавҷуд будан ва шаклҳои гуногуни бавуҷудоии оппозитсия аз иқтидори низоҳои сиёсӣ ва ҳаҷми рузмарраи онҳо дар раванди сиёсӣ вобастагии калон дорад. Аз ин рӯ, ошкор сохтани мундариҷаи фаҳмиши “оппозитсияи сиёсӣ” имкон медиҳад, ки фарқияти ҳамаи зуҳурот ва падидаҳое, ки бо мафҳуми оппозитсия ифода мегарданд, дарк карда шавад. Аксар вақт дар зери мафҳуми оппозитсияи сиёсӣ ақаллияте, ки назари онҳо ва мақсади онҳо мухолифин аксари иштироккунандагони раванди сиёсии амалкунанда мебошад, фаҳмида мешавад.

Ҳамин тариқ, мафҳуми “оппозитсияи сиёсӣ” хислати хоси субъекти амалкунандаи низоъро дорад. Яъне аксуламалеро, ки сиёсат, мавқеъ ва бартарии низоъро баён менамояд, нишон медиҳад.

Бояд қайд кард, ки мавҷудияти оппозитсия дар он мамлакатҳое, ки рӯҳониён ба ҳар восита барои дастгирии шахсияти сарвари сиёсии амалкунанда кор мекунанд, имконпазир аст. Лекин дар мамлакатҳое, ки оппозитсия дар системаи сиёсӣ институткунонида шудаанд, мавҷудияти ғайриқонунӣ доранд.

Умуман, оппозитсияи сиёсӣ ҳамчун ҳастии ҷамъиятӣ дар ҷомеа ҷои худро дорад. Моҳияти асосии оппозитсияи сиёсӣ дар он аст, ки фаъолони озордидаи табақаҳои гуногуни иҷтимоии аҳолӣ, гурӯҳҳое, ки дар мубориза барои ҳокимият мағлуб шудаанд аз таъсиррасонии ҷиддӣ ба ҳокимият дур мегарданд. Ҳамзамон, кушиш менамоянд, ки барои мубориза ба воситаи ин ё он методи режими сиёсӣ ва ҳоким муттаҳид шаванд.

Оппозитсияи мусаллаҳҳона чун қоида ҳамин гуна ҳолатро муайян мекунанд, зеро ки матлаби вай ба даст даровардани ҳокимият ба таври зурӣ мебошад. Вале шакли дигари шарҳи ин барнома вуҷуд дорад, зеро на ҳамаи оппозитсия масъаларо ба таври инқилобӣ ҳал намудан мехоҳанд.

Оппозитсия чун қоида иттифоқи ҷамъиятӣ-сиёсие мебошад, ки дар аввал худро возеҳу равшан муқобили қувваи сиёсии давлат дар самти масъалаҳои барномавии сиёсат, манфиатҳои базавӣ, афкори асосӣ ва мақсадҳо мегузорад. Дуввум он ки оппозитсия аз ташкилоти сиёсии ҳамамаслакон- яъне ҳизб, гурӯҳ, ҳаракат ва ғайра ташкил ёфтааст. Сеюм ин ки он қодир аст, барои мубориза ва муборизаро барои бартарӣ доштан ва инкишоф додани ҳолати муносибати ҳокимият давом диҳад. Дар охир оппозитсия дар он вақт ташкил мешаванд, ки

сарвари сиёсӣ дошта бошад ва ҳамаи муттаҳидшудагонро дар рӯҳияи принсипҳои барномаи худ тарбия намояд ва худаш намунаи ибрати дигарон бошад.

Барои баҳо додани дараҷаи тахассусии оппозитсия дар илмҳои сиёсӣ нуқтаи назари гуногун вуҷуд дорад. Аз он ҷумла оппозитсияи маъмулӣ, иҷтимоӣ, иҷтимоӣ-сиёсӣ ва сиёсӣ.

Оппозитсияи маъмулӣ дар ячейкаи ибтидоии ҷомеа-оила, обшина, байни оилаҳо ва қабилаҳои авлодӣ ба вуҷуд меояд. Вай одатан дорои характери агрессивӣ мебошад ва доимо бо натиҷаҳои душвор ва ногувор барои ҳамаи аъзои оила ба анҷом мерасад.

Оппозитсияи иҷтимоӣ бошад дар ҳолате ба вуҷуд меояд, ки дар ҷомеа нобаробарӣ ва ноадолатии иҷтимоӣ ҷой дошта бошад. Инчунин дар шароите, ки байни бою камбағал тафовут ба миён омад, пайдо шудани оппозитсия амри воқеъист.

Оппозитсияи иҷтимоӣ-сиёсӣ одатан ақаллияти иҷтимоӣ-сиёсии ҷомеаро дар бар мегирад, ки дар давлати демократӣ онҳо низ дорои оянда ва ҳуқуқҳои муайяне мебошанд, ки бояд аз тарафи ҳокимият ва аксарияти органҳои интихобии ҳокимият ба назар гирифта шавад.

Оппозитсияи сиёсӣ дар сиёсат метавонад дар дараҷаҳои гуногуни ҳукмронӣ дар ҳокимияти гуногуни давлатӣ ва ҳизбӣ дар дохили онҳо арзи ҳастӣ намояд.

Оппозитсия ба сифати қувваи рӯзмарра дар он замон пайдо мешавад, ки мухолифати вай дар системаи марзҳо иҷозат дода шавад ва ё то андозае назорат карда шавад. Саволе ба миён меояд, ки ба опозитсия чӣ таъсир мерасонад, ки дар бисёр ҳолатҳо амали танқидӣ ва популистиро пеш гирифта, фаъолияти ҳокимиятро халалдор месозад? Ҷавоб ин аст, ки барои он, ки баъзе аққалиятҳои норизо ба оппозитсия табдил ёбанд, ба онҳо бояд комилан шароит муҳайё бошад.

Онҳо бояд мутобиқи фикр ва тартиботи ҷомеа норозигии оммаро ифода карда тавонанд. Вагарна онҳо аз ду таркиб иборат мешаванд: оппозитсияи ба таври фардӣ ташкилшуда, яъне ифодакунандаи манфиатҳои шахсӣ ва оппозитсияи номуташаккили дорои манфиатҳои сиёсӣ, иҷтимоӣ ва электоралӣ.

Инчунин, оппозитсияи сиёсӣ метавонад дар дохили ҳизб ё ташкилоти интихобӣ аз гурӯҳҳои ашхосе иборат бошанд, ки ба муқобили қарорҳо ва афкори аксарият баромад менамоянд. Пайдоиши оппозитсияро аз рӯи нақша чунин тасаввур кардан мумкин аст: зиддияти иҷтимоӣ-сиёсӣ, кайфияти сиёсӣ ва амали эътирозии омма- ҳолати ба низоъ бархурдан – низои сиёсӣ дар самтҳои ифодакунандаи низоъ – оппозитсияи намудҳои гуногун.

Оппозитсияро дар навбати худ аз рӯи характер ва шаклҳояш ба чунин шаклҳо ҷудо менамоянд: таркибӣ, илмӣ, қонунӣ, мӯътадил, радикалӣ, парламентӣ ва ғайрипарламентӣ.

Оппозитсияи парламентӣ муқобили самти сиёсати пешгирифтаи ҳукумат баромад намуда, кӯшиш менамояд, ки онро ба истеъфо барорад. Фаъолияти вай аслан дар атрофи парламент амалӣ гардида, аз рӯи тартиботи он маҳдуд карда мешаванд. Вай чун қоида аз рӯи меъёри ҳизбӣ ва ё дар асоси гурӯҳҳои ҳизбӣ ташаккул меёбад.

Оппозитсияи ғайрипарламентӣ бошад, ба сифати эътирозчӣ фаъолияти худро дар шакли маҷлисҳо, намоишҳо, ҷамъомадҳо, роҳпаймоиҳо ва ғ. ба роҳ мемонад. Масалан, дар Тоҷикистон чунин оппозитсияи ғайрипарламентӣ дар моҳи феврали соли 1991 бо ташаббуси оппозитсияи исломӣ ва коммунистӣ ташкил шуда буд.

Маҳз ҳамин равандҳои манфиатҳои элитаҳои нав ва куҳнаро дар фазои сиёсии Тоҷикистон такон дод. Онҳо хусусиятҳои мундариҷаи низои сиёсиро пурра намуданд ва баъд аз истиқлоликунонӣ оппозитсияи ғайрипарламентӣ қуввахои ҳаракаткунадаи ислоҳоти сиёсӣ дар ҷумҳурӣ гардиданд.

Гуфтан ҷоиз аст, ки ҲХДТ дар муқоиса бо ҲКТ ва ҲНИТ ҳизби баъдиҷангӣ башумор меравад, ки бо майлу хоҳиши ҳалли низои сиёсӣ ва сулҳ тавлид

гардиааст. ҲКТ ва ҳам ҲНИТ баъди пошхурии Иттифоқи Шӯравӣ ва шикасти монополияи идеологияи коммунистӣ дар таърихи навини Тоҷикистон ҳамчун натиҷа ва воситаи ҷалби сиёсии ҷомеа ба шумор мерафтанд.

Бояд гуфт, ки оппозитсияи сиёсӣ дар давлатҳое, ки муборизаи идеологияҳо вуҷуд надоранд, буда наметавонад. Кушиши нест намудани оппозитсия ҷомеаро ба шакли тезу тунди давлатдорӣ ба мисли авторитаризм ва тоталитаризм оварда мерасонад. Бо шинос шудани паҳлӯҳои гуногуни низои байни тоҷикон, имкони фаҳмидани далелҳое пайдо мешавад, ки ташаккули низоъ сохторӣ набуд. Маҳз дар ҳамон вақт ба исломгароён ва ё оппозитсияи мусаллаҳ заминагузорони исломӣ ва зархаридони хориҷӣ бо технологияи қаллобӣ намудани шуури мардум ба ёрӣ омаданд.

Чунин муносибат мантиқан ба чунин хулосае оварда мерасонад, ки он қуввaҳое, ки дар паси мушоҳидаи тоҷикон буданд, аз аввал ба таври инқилобӣ ба охир расидани масъаларо мехостанд. Дар чунин паҳлуҳои мухолифин минтақаҳо интихоб гардида буданд, яъне мушоҳида байни низоҳои оппозитсия.

Қайд намудан ба маврид аст, ки оппозитсия ҳамчун ҳарифи органҳои ҳокимият бояд, ки тартиботи конститутсиониро ҳимоя кунанд ва кафолати мустаҳкамии сиёсӣ, сарқонун ва тараққиёти иқтисодӣ бошанд. Аз ин нуқтаи назар системаи давлатдорӣ дар он вақт мустаҳкам мешавад, ки ҳокимияти пурқувват аз тарафи оппозитсияи пурқувват таъсир ва маҳдудиятро ҳис менамояд.

Қайд намудан ба маврид аст, ки оппозитсия чӣ хеле ки буд ва ҳаст доимо дар дилхоҳ низоми сиёсӣ ҳамчун норозигии ҷамъятӣ аз тарафи табақаҳои гуногуни ҷомеа ва шахсиятҳои алоҳидаи сиёсии роҳбарикунандаи элита дар ин ё он сатҳ арзи ҳастӣ мекунад. Мавқеи оппозитсия дар ҷомеа ва муносибати вай бо элитаи роҳбарикунанда аз низоми сиёсӣ вобастагии калон дорад.

Имрӯз барои шаҳрвандони Тоҷикистон узви оппозитсия будан хавфнок нест. На ба онҳо ва на ба хешовандони онҳо ягон хатар таҳдид намекунад, онҳо метавонанд фазои рӯҳӣ-ақлониашонро иваз намоянд. Ин далели барҷаста аст, ки мардум дар шуури худ ба таври анъана оппозитсияро элементи душманӣ ба чизи бегона тасаввур менамоянд. (Ба таври анъана гуфта ду чизро дар назар дорем: якум анъанаи даврони Шӯравӣ, ки мегуфтанд: “Касе, ки бо мо нест, душмани мост” ва манзур аз дуюм анъана ин анъанаи ҷамъияти ибтидоӣ ё худ анъанавӣ аст).

Лозим ба ёдоварист, ки имрӯзҳо элитаи роҳбарикунанда мавҷудияти институти сиёсиро инкор намекунанд. Яъне чӣ хеле ки набошад имрӯз оппозитсия дар Тоҷикистон мавҷуд аст ва амал мекунад. Вай дар чунин шаклҳо вуҷуд дорад:

- оппозитсияи фардӣ;
- оппозитсияи институтсионалӣ- муташаккил;
- оппозитсияи парламентӣ;

Ҳамин тариқ, институти мухолифини сиёсӣ дар системаи сиёсии Тоҷикистон мавқеи муҳимро ишғол менамояд.

Оппозитсияи сиёсӣ натиҷаи системаи иҷтимоӣ дар маҷмӯъ ва ё субъектҳои алоҳидаю муносибатҳои онҳо ба шумор мераванд. Ташаккулёбии вай аз рӯи талаботҳои субъектҳо ва манбаҳои мавҷуда барои таълимоти онҳо вобастагӣ дорад.

АДАБИЁТ

1. Гельман В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? / В.Я. Гельман // Полис. –М., 2004. -№4. –С.125-129.
2. Павловский Г.О. Власть и оппозиция. / Г.О.Павловский. –М., 2005. –С.9.
3. Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Полше (1956-1976). / В.В. Волобуев. –М.: Институт славяноведения, 2009. –С.8.
4. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. / А. Пшеворский. –М., 1999.

ОППОЗИЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В данной статье авторы исследуя политическую оппозицию, анализируют ее различные аспекты. В рамках этого анализа политическая оппозиция показывается как социально-политический феномен и определяется ее место в политической жизни общества.

Ключевые слова: политическая партия, оппозиция, политическая борьба, политический процесс, политический институт, парламентская и непарламентская оппозиция, политическая идеология, институциональная оппозиция.

OPPOSITION AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON

In this article the authors exploring the political opposition, analyzes its various aspects. Within this analysis the political opposition is shown as a socio-political phenomenon and determined its place in the political life of society.

Key words: political party, the opposition, the political struggle, the political process and political institutions, parliamentary and non-parliamentary opposition, political ideology, institutional opposition.

Сведения об авторе: ***Махмадов А.Н.*** – доктор политических наук, профессор Таджикского национального университета. Телефон: **93-505-15-58**
Сафаров Р.Ф. – соискатель кафедры политических процессов в Таджикистане Таджикского национального университета. Телефон: **919-04-26-79**

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОТИВ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Н.З.Бобохонова
Таджикский национальный университет

В последние годы в Таджикистане и во всем Центрально-азиатском регионе активизировали свою деятельность религиозно–экстремистские течений. Их деятельность направлена против исламских традиционных священнослужителей, государства и общества. Ситуация свидетельствует о крайней серьезности складывающейся ситуации и требует экстренного вмешательства государства и общества в целом. Поэтому мы считаем, что государству необходим эффективный контроль над качеством и содержанием исламского образования. Иначе эта сфера окажется в руках у радикалов и экстремистов.

Основным объектом идеологической атаки религиозно-экстремистских течений являются, прежде всего, молодые люди, однако, сейчас вектор их радикальной пропаганды меняется. Не молодежь, а исламские традиционные муллы и женщины становятся их главной мишенью. В чем причина такого сдвига? Представляется, что одна из причин - накопившиеся деформации в системе религиозного образования в нашем традиционном обществе.

В этой связи встает вопрос о месте религии в нашем обществе, о роли культурного и религиозного просвещения, о том, каким образом государство и общество должны взаимодействовать с религиозными институтами. Эти размышления касаются большей частью ислама, так как именно ислам в Таджикистане стал в последнее время той призмой, сквозь которую видны проблемы всего образования, в частности религиозного образования и просвещения.Проблемы образования стали актуальными во время бурных трансформационных изменений в таджикском обществе.

В этом контексте таджикский исследователь Р. Назаров пишет, что «Трудности переходного трансформирующегося таджикского общества, последствия гражданского противостояния после приобретения независимости, создавали новые сложные проблемы для системы образования Таджикистана. Тотальный кризис общества, который отразился на секторе образования Таджикистана, вызванный нехваткой финансовых средств, слабой научно-методической базой, нехваткой учителей и их

прежнего менталитета, бедностью населения и т.п., отрицательно влияют на вхождение системы образования страны в передовое образовательное пространство мира. Поэтому современная таджикская система образования слабо организована в плане совершенствования качества образования»[1]. Мы считаем, что утверждение Р. Назарова носит объективный характер, потому, что проливает свет на трудности, которые переживает система образование в Таджикистане.

Образования является в большой мере гарантом развития общества на перспективу, ибо то, что закладывается в качестве социально-экономических задач развития государства сегодня, будет завтра выполняться выпускниками школ и университетов. Будут они достаточно подготовлены интеллектуально и нравственно к реализации этих задач, задуманные программы могут оказаться выполненными, не будут - жди очередных революций, перестроек, катаклизмов. Желание учиться - это прежде всего осознание важности этой деятельности для всей дальнейшей жизни человека, это осмысление зависимости успеха, благополучия от качества приобретаемых знаний, умений, навыков, переориентации, повышения квалификации, саморазвития на любом отрезке жизненного пути человека.

В 2011 году вышло постановление правительства о возвращении на родину обучающихся студентов в религиозных школах исламских государств. Потому, что по данным СМИ там обучали студентов ислам радикального толка, в общем, говоря, делали из мальчиков без четко сформировавшегося мировоззрения радикалов, фанатиков и экстремистов. Проблема состоит в том, чтобы организовать внутри страны исламское высшее учебное заведение, чтобы отвечало всем критериям подготовки специалистов в этой отрасли. В сегодняшнее время образование и знания в нашей стране имеют значение только в сравнении с религиозной неграмотностью наших обществ. Поэтому задача формирования сети современных образовательных центров – это не только задача религиозно-культурного плана, но она носит и политический, общегосударственный характер. Ибо с этим связана стабильность нашего государства, нашей безопасности.

Но для того, чтобы её решить необходимо также дать и религиозный ответ – создать внутри страны легальные условия для получения современного религиозного образования. Вот тогда проблема будет постепенно решаться. А при нынешней ситуации всё равно не получается удержать в стране тех, кто стремится получить религиозное образование за границей. Они просто начинают уезжать через третьи страны, и проконтролировать данный процесс пока не получается.

Таджикский исследователь А. Рахнамо утверждает, что у нашей страны есть потенциал для получения и развития религиозного образования, мы можем обучать, но для этого необходима серьёзная поддержка. Мы преподаём привычный нам ханафитский мазхаб, а это является залогом того, что полученные нашими студентами знания не будут противоречить традициям и устоям нашего народа, не будут вызывать смуту в таджикском обществер[2].

Распад Советского Союза породил масштабный идеологический вакуум. Ценностные модели, привычные для советского человека, перестали работать в рыночных условиях, а новые общепринятые ценности так и не утвердились. В результате этот идеологический вакуум стали заполнять религиозные структуры, которые могли предложить четкое мировосприятие и устоявшийся ценностный набор. Ключевую роль в этом процессе играли религиозно – экстремистские течения, которые создали сеть подпольных структур пропагандирующих радикальные взгляды. Также они создали серьезную кадровую базу, так и всю необходимую образовательную инфраструктуру для ведения идеологических, религиозных войн[3]. Исламские религиозные деятели оказались в более сложном положении. Учитывая, что в советский период был предпринят целый ряд шагов по деисламизации общества, в

частности была уничтожена система религиозного мусульманского образования, закрыты практически все мечети, можно сказать, что мусульмане начали воссоздавать свои религиозные институты практически с нуля. Семьдесят лет Советской власти создали в Центральной Азии уникальное представление об исламе и мусульманах. [4]В 1990-е этот процесс происходил при значительной подпитке из-за рубежа, как кадровой, так и финансовой.

И кадры в этом процессе, как всегда, «решали всё». Не имея возможности получить исламское образование в Таджикистане, сотни и тысячи молодых людей уехали учиться за рубеж. Университеты и медресе Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Катара, Египта, Турции с распростертыми объятиями принимали таджиков на учебу, обеспечивая их общежитиями, питанием и стипендиями. Естественно, подготовка студентов осуществлялась на основе взглядов, которые доминировали в этих странах, без учета таджикских культурных и национальных традиций. Уже невозможно точно установить, сколько таджиков получило исламское образование за рубежом. Этим процессом никогда и никто не управлял: региональные духовные управления мусульман только в последнее время начали контролировать выезд молодых людей на учебу по официальным каналам, но остается и множество неофициальных.

Как результат, в части таджикского религиозного поля появились радикальные проповедники, в том числе вербовщики различных исламистских структур, призывавшие сражаться против неверных. Некоторых из таких проповедников выслали из Таджикистана. Однако, это лишь часть проблемы. Практически все выпускники зарубежных исламских учебных заведений вернулись в Таджикистан носителями совершенно другого восприятия мира, общества и ислама и быстро обнаружили несоответствие многовековых исламских традиций, принятых на территории нашей страны, тем взглядам, которые они почерпнули за рубежом.

Стремлением новых духовных лидеров стало «приведение в соответствие с мировыми канонами» традиционного отечественного ислама. Этот тезис тут же дополнялся обличениями в адрес духовных авторитетов страны, уничижительными заявлениями в отношении гуманитарного образования, прежде всего, философии в Таджикистане и достижений наших мусульман в исторической науке, культурологии, востоковедении, эстетике. По убеждению общественного деятеля РФ Левичева Н. «вернувшиеся из мировых исламских центров выпускники начали убеждать своих единоверцев в том, что «истинные духовные ценности находятся за пределами сложившихся локальных традиций, а вероисповедание выше национальности и гражданства»[5].

Государство фактически оказалось не готово к подобным трансформациям. Процесс возрождения исламского образования в Таджикистане начался и проходил без какого-либо контроля со стороны государства. Нужно подчеркнуть, что в Таджикистане основной часть населения являются мусульманами, ислам является доминирующей религией.

Поэтому нам нужно осознать простой факт, 99% населения Таджикистана исповедует ислам и проведение государством осмысленной политики взаимодействия с населением, последовательное содействие процессу возрождения исламских образовательных институтов могли бы предотвратить многие острые конфликты и не только в Таджикистане. География подобных конфликтов расширяется. Сложная ситуация складывается в сопредельной Центральной Азии, где поднимает голову радикальный ваххабизм, совершаются идеологические покушения на высших исламских священнослужителей, особенно это остро наблюдается в Северном Кавказе Российской федерации.

В настоящее время в мире существуют две модели построения системы исламского образования. Первая де-факто сложилась в Таджикистане и представляет собой систему каждодневного обучения при мечетях, а также в медресе как высшем исламском учебном заведении.

Исламское образование при мечетях не играет ключевой роли в формировании системы профессионального духовного образования, однако, оказывает существенное влияние на рядовых мусульман, привлекает молодежь. Точное количество таких школ сегодня неизвестно никому. Эти школы, как и все остальные учебные заведения, должны иметь государственную регистрацию и лицензию на ведение преподавательской деятельности, однако, на практике эти требования выполняют только единичные школы при мечетях. Безусловно, государство должно создать такие условия, при которых школы будут заинтересованы в том, чтобы находиться в правовом поле.

Еще более сложная ситуация сложилась с системой средних профессиональных исламских учебных заведений - медресе. Есть, конечно, и исключения: в Таджикистане существующее медресе имеет государственную регистрацию, лицензию Министерства образования на ведение преподавательской деятельности. При участии Духовного управления мусульман разработана единая программа подготовки, срок обучения в высших медресе определен в четыре года.

Медресе, как высшее исламское учебное заведение - наименее проблемное звено в системе исламского образования. Будучи участником Совета по исламскому образованию при Совете муфтиев Таджикистана, оно имеет стандартизированную программу обучения. Кроме того, оно имеет лицензию на ведение преподавательской деятельности в Министерстве образования Таджикистана и, соответственно, выдает дипломы государственного образца. Медресе финансируется с государственного бюджета.

Вторая модель исламского образования создана, к примеру, в Германии и Швейцарии и подразумевает открытие кафедр исламской теологии в светских вузах. В Таджикистане такая модель не используется. Мы считаем, что можно открыть такое отделение на философском факультете Таджикского национального университета. Философский факультет имеет все возможности для открытия отделения религиоведения и налаживания в нём процесса религиозного образования. Такая модель имеет свои преимущества: студенты получают больше знаний по светским дисциплинам, что приводит к повышению общего уровня эрудиции, который особенно важен для имамов в сёлах и городах. Думается, в нашей стране с успехом могут использоваться обе модели построения религиозного образования, так как они не противоречат друг другу, просто нужен единый стандарт.

Мы считаем, что ключевой проблемой таджикского ислама по-прежнему является проблема кадров: велик процент пожилых священнослужителей, существует острая нехватка священнослужителей в сельских районах, а среди сотрудников образовательных заведений разного уровня до сих пор много людей, получивших исламское образование за рубежом. Первым шагом в деле проведения осмысленной государственной политики по отношению к исламу должна стать реформа системы управления исламским образованием на территории нашей страны, целью которой, наряду с подготовкой необходимого числа исламских ученых, квалифицированных священнослужителей, преподавателей медресе и вузов, должна стать активная просветительская деятельность в обществе.

Сейчас нам необходимы последовательные шаги в этой области. Целесообразно мусульманские образовательные учреждения зарегистрировать и давать лицензию Минобразования. Кроме того, министерству совместно с Советом улемов необходимо продвигать единые образовательные стандарты и программы, разработанные Советом

по исламскому образованию, для всех типов исламского образования на государственном уровне. Сейчас учебные заведения могут воспользоваться примерными программами и учебными планами, подготовленными Советом муфтиев или центром исламоведения по исламскому образованию, или разработать свои программы в соответствии со стандартами. Необходимо двигаться в сторону стандартизации и унификации исламского образовательного пространства на всей территории нашей страны. Существующий хаос в образовательной среде ведет не только к размыванию многовековых традиций традиционного ислама, но и создает практические сложности для рядовых мусульман вследствие нехватки имамов, а также низкого образовательного уровня отдельных действующих исламских священнослужителей.

Большой опыт в этом плане накопила Турция, где подобная работа ведется на государственном уровне: никто не может занять пост имама или преподавателя исламских наук, не получив образование на теологическом факультете Турецкого университета. Подобным путем следует и Азербайджан, где государство также проводит осмысленную политику в области религиозного образования[6].

В заключения хотим подчеркнуть, что человечество выступило в XX1 век. Перед вызовами глобализации и невиданного размаха научно – технического прогресса перед человечеством возникло множество проблем, одной из которых является формирование новой философии образования XX1 века[7]. Эта проблема непосредственно связана и с исламским образованием в нашей стране.

Поэтому с учетом мировоззренческих вызовов последнего времени, усиления межрелигиозной вражды во всем мире, конфликтов и скандалов, так или иначе касающихся религии и религиозной культуры, мы все должны наконец осознать, что образование действительно является фундаментом общества и занижение статуса учителя, преподавателя слишком дорого обходится всем нам. Развивать человеческий капитал с помощью культуры, образования и просвещения - единственный путь в стабильный, современный и цивилизованный мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назаров Р. Философия качества образования Таджикистана (социально–философский анализ). / Р. Назаров. – Душанбе, 2011. - 320 с.
2. А. Рахнамо. [Электронный ресурс]. http://www.islamsng.com/tjk/interviews (дата обращения 25.12 2012)
3. Махмадиев Н.Д. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане: дис. канд. филос наук // Н.Д. Махмадиев. -Душанбе, 2012. -167 с.
4. Адиб Халид. Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии / Халид Адиб. –М.: Новое литературное обозрение, 2010. -304 с.
5. Левичев Николай. Религиозное образование против исламского экстремизма /Н. Левичев. [Электронный ресурс]. http://expert.ru (дата обращения 12.10.2012).
6. Модель исламского образования в Турции. http://www.reuters.com (дата обрашение 20.12.2012).
7. Назаров Р.Н. Философия образования таджикского народа. / Р.Н. Назаров, А.Ш. Ќурбонов. – Душанбе, 2010. -С. 202.

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОТИВ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В последние годы в Таджикистане происходят бурные трансформационные процессы, которые охватывали все стороны жизни общества. В результате этих сдвигов наше религиозное поле дополнилось разными течениями радикального толка. Традиционное религиозное образование во время существования СССР находилось в заточении и не развивалось соответственно времени. Поэтому после развала СССР его место заняли нетрадиционные течения радикального толка. Они со своими стандартами продвигали радикальную идеологию.

Ключевые слова: образование, социальный институт, экстремизм, система образования в Германии, система образования в Турции, конфликт, медресе, ислам.

INSTITUTE OF EDUCATION AGAINST RELIGIOUS INTOLERANCE IN TAJIKISTAN

We believe that the main problem of the Tajik Islam remains a personnel problem: high percentage of elderly priests, an acute shortage of priests in rural areas and among the staff of the educational institutions of different levels is still many people who have received an Islamic education abroad. The first step in conducting a meaningful public policy towards Islam should be the reform of the management of Islamic education in the country, the goal of which, along with the preparation of the required number of Islamic scholars qualified clergy, teachers, madras's and universities should become active educational activities in the community.

Key words: education, social institution, extremism, the education system in Germany, the education system in Turkey, the conflict, madras's, Islam.

Сведения об авторе: ***Н.З. Бобохонова*** - аспирантка философского факультета Таджикского национального университета. Телефон:**93-536-95-93**

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГИБЕЛИ ГОСУДАРСТВА. ИЛИ НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Р. Ш. Нуриддинов, Ф. Р.Нуриддинов
Таджикский национальный университет

Категории модернизация и инновация в последние годы стали самыми распространенными и привлекательными среди научных кругов и практиков мира. Нужда в обновлении, развитии с учетом мировых достижений в экономике, в политике, в общественном и государственном устройстве, несомненно, актуальна. Однозначно, что модернизация и инновация не может протекать без острой борьбы с таким негативным явлением, как коррупция, и что она не должна реализоваться ценой снижения уровня жизни населения. Для нас важен поиск ответа на вопрос о том, что конкретно включается в понятие модернизации в условиях Таджикистана, каков порядок реализации задач в ее осуществлении. Авторы статьи, не претендуя на определение стратегии и тактики модернизации в Таджикистане, ограничивают свою задачу изложением собственных взглядов по некоторым ее узловым вопросам.

Модернизация (от греч. moderne – новейший, современный) совершенствование экономических, политических и социальных механизмов развития общества по критериям внешней цивилизации; процесс усвоения наиболее передовых для данного исторического периода промышленных технологий, экономических форм, сопутствующих им социальных и политических институтов, уровня культуры и т.д.; актуализации механизмов государственной системы применительно к требованиям времени [8. 118.].

Теория модернизации, возникшая в 50-е начале 60-х годов в США и Англии, прямо опиралась на отдельные положения раннего марксизма о том, что более развитые страны показывают менее развитым их будущее и что все страны должны в своем развитии пройти одинаковые стадии. Основной идеей классической теории модернизации была идея неизбежного перехода от «аграрного» общества к «индустриальному» обществу. Этот переход в страны незапада несли страны «первого мира», которые уже в силу этого факта выступали в качестве «прогрессоров», «культуртрегеров» и «благодетелей».

В качестве основных причин модернизационных интенций можно назвать новые вызовы и угрозы современного мира, исчерпание традиционных способов развития и позитивный внешний пример. По словам Л. Пономарева и Е. Ихлова, процесс модернизации, начавшийся с середины второго тысячелетия, можно разделить на три этапа: сначала он охватывает Англию, Голландию, Швецию (первый, т.н. «протестантский эшелон»); позднее Францию, северной Италии, Польшу, Германию,

Испанию (второй, «католический эшелон») и, наконец, третий эшелон – Россия и исламский мир. Южная и Восточная Азия – догоняющая модернизация [6].

Но обновленный вариант «неомодернизационизма» выдвинул положение о ее циклическом характере, предполагавшем, что модернизация может проходить неограниченный число раз [3].

Различные научные школы дают разные понимания модернизационных процессов, что на наш взгляд является вполне нормальным явлением. Не могут быть универсальные для всего человечества модернизационные и инновационные модели развития. Они могут быть уникальными и привлекательными, а ни в коем случае универсальными. Погоня за универсализацией никогда еще в истории не увенчалась успехом. Ярким примером могут послужить попытки универсализации на территории бывшего Советского Союза, когда из одного центра без учета национально-этнических, религиозно - конфессиональных, культурно-психологических, ментальных, социально-экономических и других особенностей и различий навязывались единые подходы в решении тех или иных задач.

Китайская поговорка гласит, что «развиваться можно уверенно, только опираясь на свои исторические, прошедшие испытание времени корни». Опыт развития Японии, Китая, Индии, Бразилии, Сингапура и ряда других стран служит ярким свидетельством тому, что без механического принятия западного образа жизни можно обеспечить стабильное развитие своих стран. Единство ни в коем случае не подразумевает единообразие, поэтому модернизационные модели развития для стран постсоветского пространства должны иметь свои особенности.

В связи с этим возникает очень много вопросов. Когда, с чего или с кого надо начинать модернизацию? Можно ли модернизировать общество в условиях отсутствия у населения должной правовой и экономической культуры? Является ли кризис стимулом модернизации? Модернизация должна иметь широкий или узкий масштаб? Надо начинать модернизацию сверху или снизу? Когда надо начинать модернизацию политической элиты? Можно ли начинать с модернизации нравственности человека? Какова роль средств массовой информации в данном процессе? и т.д.

История многих стран учить тому, что перевод экономики на модернизационные и инновационные рельсы не возможен без мощной конкурентоспособной промышленности. Поэтому первейшая задача заключается в реиндустриализации экономики, восстановлении индустрии на современной основе. «Нельзя заниматься изобретениями на уровне XXI века, имея производственную базу середины XX века» [5].

Другой значимый вопрос для Таджикистана заключается в цене модернизации, ибо в условиях рыночных отношений этот вопрос приобретает важность еще с учетом экономического состояния республики. В наше время все имеет свою цену и за все надо платить. Поэтому, прежде чем начинать (а начинать все равно рано или поздно надо) модернизацию таджикского общества, необходимо определиться, кто будет оплачивать эти процессы – государство, бизнес-сообщество или международные финансовые институты, каждый из которых в этом процессе преследует свои собственные интересы.

Какие ресурсы имеет сегодня государство для модернизации? На наш взгляд, одно из важных ресурсов это создание работоспособного, эффективного, квалификационного госаппарата. Надо сократить разбухшие, параллельные и дублирующие органы и должности, привести их в соответствие со стоящими перед государством задачами. При этом надо обратить внимание не на количество, а на качество чиновников, от работы которых зависит качество модернизации и инновации.

Бытует ошибочное мнение о том, что для осуществления модернизации обязательно располагать сырьевыми ресурсами – нефть, газ и другие виды сырья. Но

опыт Сингапура, Японии, Индии, Китая, Южной Кореи, Малайзии, Израиля, Дубая, Гонконга, Тайваня и многих других стран свидетельствует, что отсутствие нефтедолларов не является преградой на пути обновления и развития страны. Важно правильно определить приоритеты и поэтапно реализовать их.

Чем будут отличаться модернизационные процессы в Таджикистане от аналогичных процессов в России, Китае, Индии или соседних стран Центральной Азии? Многие эксперты отмечают, что на это оказывают влияние различные факторы, такие как общий уровень развития государства, экономический и финансовый потенциал, качество работы высшего законодательного органа, эффективности образовательной системы, уровень коррупции, геополитическое положение государства и т.д.

Нельзя ограничивать процесс модернизации одной экономикой, как бы ни было важно это само по себе. Надо воспринимать понятие модернизации значительно шире. Она должна развиваться кроме экономики, в политике, социальной, правовой сферах, в культурной области. И здесь возникает уместный вопрос: модернизация должна осуществляться во всех областях одновременно или последовательно? Разумеется, на этот вопрос также отвечают неодинаково. Большинство международных экспертов считают, что «упор следует делать вначале на модернизацию экономики. Но экономическая модернизация не может осуществляться изолировано, без демократизации общественной жизни и государственного управления» [7. 132-137.].

Демократизация общества ни в коем случае не должна приводить к ослаблению института государства. Для осуществления модернизационного рывка с целью обретения исторической перспективы, Таджикистану нужна сильная государственная и демократическая власть. Сильное государство не должно ассоциироваться с авторитаризмом или тоталитаризмом. Хотя говоря о соотношении модернизации и демократии, некоторые эксперты рассматривают их в альтернативном плане и при этом ссылаются на опыт Китая, Южной Кореи, Чили, Португалии и других, где модернизация произошла или успешно происходит в условиях авторитарного порядка. Но, в Китае, где успешная модернизация осуществляется в условиях «просвещенного авторитаризма», произошло сращивание марксизма с либерализмом.

Условия Таджикистана отличаются именно тем, что в советский период здесь не произошла конвергенция марксизма и либерализма. Определенные шаги в этом направлении в условиях неудачной перестройки не могли служить основанием для дальнейшей модернизации. Двадцатилетний период развития нового государства – Республики Таджикистан при всех трудностях, сложностях, ошибках, нерешенных задачах был движением в сторону демократии. Более того, Таджикистан является единственной постсоветской страной, которая столкнулась с гражданской войной, которая также отбросила нас по сравнению с другими государствами на несколько десятилетий назад.

Вывод о том, что без демократизации невозможна модернизация экономики, не должно интерпретироваться, как заключение о необходимости сначала провести политическую модернизацию, а потом приступить к модернизации экономики. Более того, модернизационный процесс начинается с экономики, распространяется на социальную сферу, а потом на политическую. Здесь следует исходить из того, что главная задача модернизации является обеспечение условий для подъема жизненного уровня населения. Как пишет В.Л. Иноземцев «Существенный подъем уровня жизни становится следствием, а не является предпосылкой модернизации» [2. 78.].

Особенности нынешнего развития Таджикистана заключаются в том, что, режим в последние годы показывает порядок, устойчивость, стабильность и безопасность, которые являются немаловажным условием для повышения его эффективности и

развития демократических институтов. Самое главное, не надо допускать ситуацию, когда контроль сверху не работает еще, а контроль снизу не работает уже.

Модернизация таджикского общества невозможна без решения проблемы кадровых ресурсов. Парадоксы нашего кадрового вопроса заключаются в том, что с одной стороны, имеют место невысокое качество основной массы инженерно-технических и управленческих кадров, острый дефицит работников низшего и среднего уровня производственных квалификаций, а с другой, избыток специалистов, на которых отсутствует спрос со стороны бизнеса и государства. Для совершенствования кадрового потенциала республики, на наш взгляд, необходимо комплексно решать две взаимосвязанные проблемы. Первая – создание непрерывного потока подготовки кадров для покрытия рынков труда в специалистах разных уровней. Речь идет о повышении эффективности работы трех образовательных уровней – среднего, профессионального технического и высшего образования. Вторая проблема – подготовка высокопрофессиональных и компетентных управленческих кадров. Еще в XIX веке основатель германской империи, «железный канцлер» О. Бисмарк писал: «Если в стране не будет хорошей системы управления и хороших управленцев, ей не помогут никакие законы» [7. 132-137.].

Невозможно проводить модернизацию, отгородившись от остального и, прежде всего, западного мира. В.Л. Иноземцев считает модернизацию антиподом любому виду «охранительства» [4. 79.]. Поэтому важным внешним условием модернизации Таджикистана является продолжение многовекторной политики. Ибо в истории ни одна модернизационная модель не осуществлялась без участия Запада, который действительно является локомотивом модернизации и все незападные государства в течение XX в. используя именно достижения Запада, модернизировались. Но при этом, они не теряли свою национальную колоритность и не западнизировались. Например, Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Вьетнам и другие «драконы» Азиатско-Тихоокеанского Региона, Индия принимали самые передовые политические, технологические, экономические и другие модели развития Запада и приспособили их к своим национальным особенностям. Другими словами модернизация не означает необходимости «раствориться» нашей стране в западном или другом мире.

Следует отметить, что среди определенной части западной интеллигенции существует мнение о том, что не все страны мира доросли до самостоятельной модернизации. Например, А. Безансон пишет, что «Когда отстающая страна принимается догонять, те, от которых она отстала, это не редко заставляет ее отклониться от верного пути и не позволяет достичь искомого результата» [1].

Метафорическую концепцию неудачных цивилизационных контактов с Западом как «модернизации» дал О. Шпенглер в книге «Закат Европы». Мыслитель применил термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии. [*]

Шпенглер пишет: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая древняя культура тяготеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигнет даже полного развития своего самосознания… Народ, назначением которого было – в течение поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой …был просто – напросто непонятен. В лишенной городов стране с ее

[*] Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизируется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречить внешнему строению». Такими были, по мнению О. Шпенглера, реформы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры запада.

старинным крестьянством распространялись, как опухоли, города чужого стиля. Они были фальшивыми, неестественными, неправдоподобными до глубины своей души» [9. 30.].Другой важной проблемой модернизационного процесса является вопрос о ее темпах. Практика показывает, что чем быстрее осуществляются реформы, тем болезненней они будут протекать для общества. Следующий важный вопрос модернизации это определение круга рисков. Какие чисто таджикские риски этого процесса могут иметь место?

Первый риск – это группа внутренних трудностей. Здесь в первую очередь можно поставить состояние экономики и ее социальную направленность. Потому, что всякое новшество в обществе имеет поддержку, когда она подкреплена экономически, когда люди чувствуют, что это направлено на улучшение их условия жизни.

Второй риск – это скорости, темпы и качество реформ на различных уровнях. Необходимо чтобы разрыв в модернизации столицы, областных центров и на селе не был слишком большим. Надо уменьшить этот разрыв. Ошибочно когда в реализации модернизации упор делается только на большие города. Большинство населения в Таджикистане проживает на селе, а модернизация должна носит человеческое лицо.

Третий риск связан с качеством управления и управленцев. Данный риск тесно связан с таким фактором как коррупция. Перед Таджикистаном также остро стоит вопрос с подготовкой кадров с новым мышлением, отвечающим современным менеджерским качеством. Парадокс заключается в том, что коррупция больше развита в странах с демократическими режимами и рыночными отношениями. Уровень коррупции низка в авторитарных режимах. Многие утверждают, что это связано с репрессивными методами управления. Но на наш взгляд здесь присутствуют и другие факторы, такие как менталитет, психология, культура и др. Самую плохую ситуацию в борьбе с коррупцией сегодня можно наблюдать в переходных обществах.

Очень много в качестве примера приводят опыт борьбы Южной Кореи и Сингапура с коррупцией. Но механическое принятие опыта этих стран в условиях Таджикистана не приемлемо по разным причинам. К примеру, разного уровня судебной и правовой системы, место и роли бюрократии в модернизации и др.

Таким образом, при осуществлении модернизации с одной стороны не надо забегать вперед, с другой соблюдать последовательность ее реализации. Опираясь на опыт передовых стран, модернизируя общество и хозяйство опереться на традиционные таджикские институты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безансон А. Россия – европейская страна? Спор с Мартином Малиа / А. Безансон. Comentarie, 1999. - № 87. [Электронный ресурс]. http://www. strana – oz. ru/?numid=20&article=953.
2. Иноземцев В.Л. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы / В.Л. Иноземцев // Центр исследований постиндустриального общества. Вып. 1. – М., 2009.
3. Классическими работами «неомодернизационизма» считаются работы С. Хантингтона и А. Турена.
4. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 1. Центр исследований постиндустриального общества. – М., 2009.
5. Независимая газета, 2010, 8 декабря.
6. Пономарев Л. Правозащитная зубатовщина / Л. Пономарев, Е. Ихлов // Независимая газета, 25.02.2002.
7. Примаков Е.М. Мысли вслух / Е.М. Примаков. – М.: Российская газета, 2011.
8. Региональная история в глобальном измерении. -Новосибирск, 2009.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Т.2. / О. Шпенглер // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: ИПЛ, 1991.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГИБЕЛИ ГОСУДАРСТВА, ИЛИ НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В статье рассматриваются модернизационные процессы в целом и особенности осуществление этого процесса в Таджикистане. Авторы считают модернизацию как альтернативу современного государства, исследуют основные угрозы этого явления в таджикском обществе.

Ключевые слова: Таджикистан, модернизация, демократизация, модернизационный процесс, государства, общества, экономика, коррупция, кадровые ресурсы.

MODERNIZATION AS AN ALTERNATIVE OF THE GOVERNMENT DISTRUCTION, OR SOME FEATURES OF MODERNIZATION PROCESSES IN TAJIKISTAN

The article is considered the processes of modernization in general and peculiarity of this process implementation in Tajikistan. The authors consider modernization as an alternative to the modern state, researching the major threats to this phenomenon in Tajik society.

Keywords: Tajikistan, modernization, democratization, modernization process, the state, society, economy, corruption, human resources.

Сведения об авторе: ***Нуриддинов Р.Ш.*** **-** доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, ТНУ.Телефон**. (+992) 904-58-50-05.** E-mail: **rshn1995@mail.ru**
Нуриддинов Ф.Р. **-** соискатель кафедры международных отношений Таджикского национального университета. Телефон**:(+992) 907-89-07-07.** E-mail: firuzin@gmail.com,

ТВОРЧЕСТВО Г.В. СВИРИДОВА КАК МЕТОД ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ МИРА

Л. А.Кинаш, М.С. Жиров
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В условиях радикального реформирования всех сфер жизнедеятельности российского общества особую значимость и актуальность приобретают традиции русской национальной культуры, определяющие нормы поведения в социуме, моделирующие связь времён и преемственность поколений в процессе производства, хранения, распространения и потребления материальных и духовных ценностей. Именно поэтому основополагающее значение в настоящее время приобретают вопросы творческого освоения духовного наследия великих русских мыслителей, писателей, композиторов, художников, поэтов, которое способствует поддержанию собственного «культурного лица», национального культурного кода, потенциальных возможностей расширения присутствия России в мировом гуманитарном, духовно-нравственном, информационном и культурном пространстве.

Творчество Г.В. Свиридова (1915-1998 гг.) – феноменальное явление духовной культуры русского народа, пока ещё не познанное и не осмысленное в полной мере как в историко-культурном, так и в содержательно-субстанциональном аспектах, являет такую возможность. Речь идет о музыкальном и литературном наследии выдающегося советского композитора, Человека, Гражданина, Творца, выполнившего «целый ряд великих заданий» (И.А. Ильин), связанных с культурой, искусством, творчеством, духовной сферой.

Все ключевые проблемы бытия осмысливаются композитором только в контексте конкретных реальных фактов и событий, с огромной мерой моральной ответственности за результаты деятельности. Это позволяет говорить о духовной целостности личности Г.В. Свиридова – могучего гуманного художника, свободного мыслителя, глубоко религиозного человека, его творческом методе как способе познания и раскрытия Истины Мира.

Как любой русский гений, Г.В. Свиридов не замыкался в узкой сфере профессионального музыкального творчества, свидетельство тому – богатейшее эпистолярное наследие композитора (рукописные рабочие тетради, дневниковые размышления и записи), составившее содержание монографического издания, озаглавленного словами самого композитора – Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко. – М.: Молодая гвардия, 2002, серия «Библиотека мемуаров». По существу эта работа являет собой литературную параллель музыкального наследия Г.В. Свиридова, его творческих исканий, взглядов, воззрений, убеждений, пристрастий; бесценное свидетельство внутренней жизни: музыкальный и творческий мир в широком смысле, мир идеалов и философии (культура, искусство, творчество в контексте взаимосвязей политических, общественных, социально-культурных событий). Ввиду этого, содержание издания «Музыка как судьба» открывает современникам новые грани творчества Г.В. Свиридова – мыслителя, критика, документального публициста, продолжившего плеяду представителей русской литературы и философии XIX «золотого» для России века знаковыми работами («Дневник писателя» Ф.М. Достоевского; «Окаянные дни» И.А. Бунина; «Наши задачи» И.А. Ильина).

Однако, если тождество философа и писателя является достаточно известным фактом русской истории культуры (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин, Л.Н. Толстой, К.Н. Леонтьев, А.С. Хомяков), то органичный симбиоз композиторского,

писательского и философского дара феноменальным образом проявился лишь в творчестве Г.В. Свиридова, последовательно утверждающего ключевой жизненно-творческий тезис «Художник призван по мере своих сил служить раскрытию Истины (Истины Мира)» [8, 230].

Несмотря на обилие музыкальной тематики, «записки» Г.В. Свиридова имеют историко-философский характер в силу ряда факторов. Так, определяя для себя то или иное явление, даже относящее к сфере культуры, искусства, творчества, композитор всегда обращался к его корням, прослеживая причинно-следственные связи, прежде всего – исторический контекст. Не случайно, суть многих эпохальных событий, отраженных в музыке или дневниковых «записках» (Революция, Гражданская война, строительство новой социалистической жизни, развал Советского Союза и т.д.) он раскрывает через их отражение в мировом культурном процессе. Одним словом, состояние культуры в каждый определенный момент времени являлось для Свиридова зеркалом нравственного состояния общества, его душевной и духовной направленности

Именно с этих позиций творческое наследие Г.В. Свиридова (музыкальное, литературное, философское) требует актуализации, поскольку в нём пытливая (ищущая) мысль находит ответ на извечный и основной вопрос: что ждёт Россию, русский народ, русского человека? Содержание ответа музыкального гения, которое обнаруживается в его многогранном творчестве, нравственном выборе главного для России во все времена вопроса: «Что делать?», впечатляет простотой и в тоже время масштабом мысли: надеяться на русский народ, его многовековой духовный и практический опыт, на веру православную, самую несокрушимую из всех вер, которая во все века русской истории возвращала Русь-Россию из пучины бед («Единением и любовью» – во времена монгольского ига; «Терпением и смирением» – в период строительства «новой» жизни; «Патриотизмом, самопожертвованием, соборностью и державностью» – в годы Великой Отечественной войны и восстановления разрушенного хозяйства).

При жизни ставший классиком русской музыки, Г.В. Свиридов внес весомый вклад в отечественную и мировую музыкальную культуру. Его творчество опиралось на великие традиции русской национальной культуры и прочные, глубоко продуманные духовно-нравственные принципы искусства, основной миссией которого является духовное совершенствование человека: в самом себе, в своих делах, поступках, во внешнем мире (И.А. Ильин), а поиски творческого и жизненного кредо направлялись пытливой мыслью и взыскующим нравственным чувством совести – нести людям правду, помогать жить лучше, быть чище, добрее, искать и находить ответы «на самые важные, самые сокровенные вопросы своей судьбы и жизни» [7].

Многогранное музыкальное наследие Г.В. Свиридова (вокальное, вокально-симфоническое, инструментальное, музыка для театра и кино), имеющее оригинальное авторское стилевое направление, позволяет говорить о нем как о современном художнике, создавшего свою традицию в русской музыке, запечатлевшей «вечное в новом и новое в вечном». Каждое произведение композитора – открытие нового мира и в то же время продолжение устойчивых, давних, освященных столетиями традиций многовековой национальной культуры. Его новаторский вклад в советское ораториально-кантатное, хоровое, романсовое творчество стоит в одном ряду с тем, что сделал, например, С.С. Прокофьев для оперы, балета, фортепианной музыки, а Д.Д. Шостакович – для симфонии и камерно-инструментальных жанров.

Г.В. Свиридов видел смысл своей творческой деятельности в продолжении этого большого традиционного дела демократической русской культуры – служения своей стране, своему народу с целью – осмыслить исторический путь и перспективы развития России, раскрыть сущность и противоречия жизни русского сообщества в разных формах ее проявления: духовный склад и характер народа, любовь к своей земле и

природе, идеи народности, всечеловеческого братства, утверждение высоких идеалов общественного долга, гражданственности, национального самосознания и т.д.

Действительно темой творческих исканий Г.В. Свиридова была сама Россия, с ее самобытностью, духовной красотой и мощью, разными для судьбы Отечества временами: счастливыми и тягостными, трагическими и судьбоносными как для народа, так и для композитора. Отмечая пороки и недостатки многих сфер жизнедеятельности российского общества, Г.В. Свиридов, тем не менее, называл жизнь великим даром, «страшно интересным делом», позволяющим быть свидетелем колоссальных событий и вообще жизни человечества [8, 351]. Во всех этих ипостасях бытия феноменальным образом проявился дар композитора проникать в глубину мироздания: слышать эпоху, шаги истории, разные времена далекого прошлого, ощущать дыхание «настоящего и будущего»; но более всего слышать Россию в ее громадной необъятности значений, подтверждая слова Г.В. Свиридова: «Для меня Россия – страна простора, страна песни, страна печали, страна минора, страна Христа <…> Я хочу создать миф: «Россия». Пишу всё об одном, что успею, то сделаю, сколько даст Бог» [8, 350, 539].

В стремлении осмыслить историю своей страны, ее современность и будущность в духовно-нравственных категориях Г.В. Свиридов апеллировал музыкой, имеющей свой образный мир, свои берущие за душу интонации, в которой нот мало, а музыки много (Д. Шостакович), Однако, простота музыки – следствие глубокого личностного постижения композитором сложности жизни во времени и пространстве, а также уникальный пример профессионального умения сказать о ней просто, но емко, наглядно, убедительно. Так, за полнокровной щедрой конкретностью свиридовских музыкальных образов – будь то гимны родной природе или овеянные безотчетной щемящей грустью скромные пейзажи «края долготерпенья»; судьбы людей, возделывающих землю, «которую завоевал и полуживую вынянчил»; труд крестьянина, хлеб; картины военных походов, битв и фигуры честных и доблестных воинов; странник, бредущий по дальней дороге и сама эта «неприглядная дорога, да любимая навек, по которой много ездил всякий русский человек»; поэт, как символ искусства, шире – духовной культуры своей страны и т.д. – всегда стоит тот «второй план», тот социальный, психологический, философский, духовный контекст, который делает их многомерными, объёмными.

В большинстве случаев место действия свиридовских героев – русская земля, Россия. Именно для неё, для её многовековой, многострадальной истории характерны и бесчисленные сражения с захватчиками, и «хождения» разного люда в поисках свободы, справедливости, лучшей доли, и старинные народные обряды, и обычная жизнь народа, наполненная трудом, будничными заботами, горестями и радостями – всё это «думы о Родине», прямое продолжение национальных традиций. За каждым музыкальным образом стоит большая мысль: о человеке, его предназначении на земле; о жизни, смерти и бессмертии; о непреходящей ценности таких чувств и нравственных качеств, как дружба, верность, любовь, сила духа, достоинство, свободолюбие, соборность, коллективизм (например, песни на слова Роберта Бернса в пер. С. Маршака. Для баса с фортепиано. М.: Музгиз, 1961 (с русск. и англ. текстом)). Этот цикл являет собой манифест идей демократизма, всеобщего братства, гуманизма, выразитель глубокой жизненной мудрости человека и народа. В целом, все значительные произведения Г.В. Свиридова (вокальные, вокально-симфонические, инструментальные, музыка для театра и кино) несут в себе мысль – о смысле истории и человеческой жизни. Это чуждая философичности, воплощенная в живых образах и эмоциональных состояниях философия эпохи.

Традиционные для русской литературы, русского искусства в целом, проблемы нравственности: каким быть человеку в обществе, как относиться к себе и другому, в

особенности к «рядовому» в социальном статусе – нашли широкое отражение в музыке Г.В. Свиридова. Его произведения, преимущественно камерные вокальные циклы на стихи Пушкина, Лермонтова, Прокофьева, Исаакяна, Бернса, Есенина, Блока, «населены» простым людом разных национальностей. Однако, эти «маленькие» люди – крестьяне, солдаты, рабочие, рыбаки и т.д. показаны в музыке любовно, с высоким внимание к их судьбе, а потому образ «маленького» человека согрет идеей гуманности (сочувствие, сострадание, уважение к человеческой личности). В аналогичном ключе разрабатывается композитором и традиция антииндивидуализма: интересы общинные, коллективные, общенародные, всечеловеческие встают противовесом интересам отдельно взятой личности. В частности, надличная идея Родины приобрела в творчестве Г.В. Свиридова не только национальный и социальный, но и моральный смысл, встав на пути индивидуализма, себялюбия, эгоцентризма.

В творчестве Г.В. Свиридова красной нитью проходит мысль о взаимозависимости русской культуры от «чувства совести», которое Россия принесла в мировое сознание, «а ныне – есть опасность «лишиться этой высокой нравственной категории…» [8, 356]. Универсальность категории «совесть» в контексте творчества Г.В. Свиридова необходимо рассматривать как этический критерий «личности и самосознательности» композитора, как «голос иного», как «Всеобщий закон, высшая Истина» [6, 265]; как «книгу» всех дел художника (творческих, общественных, социально-культурных и пр.); как «обличитель и свидетель» души (Иоанн (Маслов)) [4, 957]. В работе «Русская культура» Д.С. Лихачева, современника композитора, который провидчески предсказал роль и значение в грядущем возрождении русской культуры творческого наследия Г.В. Свиридова, постулируется тезис об универсальности категории совести во всех сферах человеческой жизнедеятельности, поскольку «культура и совесть» необходимы друг другу. Более того, по справедливому утверждению мыслителя, культура расширяет и обогащает «пространство совести» [5, 7].

Совесть как имманентное качество духовности незримо присутствует в музыкальных творениях Г.В. Свиридова, его мемуарном наследии. В этом нравственном истоке композитор видел созидательную силу развития русской художественной традиции, путь достижения гармонии с миром, самим собой, средство воспитания человеческих добродетелей, формирования национального самосознания, русской ментальности, «взаимопонимания мирового сообщества в общих чувствах добра, справедливости, уважения человеческого достоинства в решении глобальных проблем человечества: экологических, геополитических, нравственных, этических, религиозных [1, 130].

Г.В. Свиридов одним из первых советских композиторов осознал последствия величайшей катастрофы, потрясшей Советский Союз в конце XX века, и указал путь выхода из тупика: обратиться к ценностям православия, традиционной русской религиозности, национальной культуры в самом широком значении и смысла этого слова, в том числе народной и православной музыке, являющих собой исключительно духовное явление, характеризующее ту или иную мотивацию поведения личности, её сущность и содержание внутреннего мира. Не случайно, Г.В. Свиридов вполне определённо связывал назначение искусства с духовностью: «Искусство – то, чем питаются духовно» [1, 539]. Духовность в русской традиции, по Свиридову, это стремление к идеалу и его утверждение в жизненных делах и поступках. Полагаем этот тезис мыслителя в контексте осмысления и восприятия её как проявление «человеческого в человеке» с позиции целостного сознания – идеологического, правого, нравственного, религиозного, эстетического и т.д. в решении проблем современного мира [2] воспринимается более чем актуально. Духовность всегда конкретна и всегда личностна, «человек есть личный дух», – не уставал повторять И.А.

Ильин, советуя «найти начало духовности в самом себе, в той субъективной глубине, которая сама спрашивает, испытывает, желает, мыслит, воображает и чувствует» [3, 32]. И в этой «субъективной» глубине своей, по И.А. Ильину, человек есть живой, личный дух.

Говоря об историческом аспекте русской духовности вполне допустима мысль английского философа Дж. Локка о том, что в душе народа нет ничего, чего не было бы в его истории, подтверждая мысль о диалектической преемственности сознания и чувств, формирующих социокультурную духовность, включающую систему представлений, взглядов, убеждений, верований и идеалов относительно предельно общих взаимосвязей общественного и индивидуального бытия, принципов взаимоотношений друг с другом. Поэтому философское понятие «духовность» родственно дефинициям «душа народа», «дух народа», где «душа» трактуется как совокупность психических характеристик личности, «дух» – её ценностный мировоззренческий пласт, а «душевный мир» – это переживания, влечения и т.п., а также характер отдельно взятого человека, представляющего свой народ, конкретным проявлением которого он является.

Поскольку дух беспределен, духовность не поддаётся рационалистическому объяснению, поэтому изначально связана с трансцендентным началом. Понятие «духовность» отражает внутреннее состояние человека, его отношение с Богом, окружающим миром, потребность познания смысла и назначения жизни, в первую очередь, собственной. Духовность определяется мерой «обращённости человека к высшим ценностям, к идеалу, к сознательной устремлённости к совершенству; соответственно одухотворение заключается в освоении высших ценностей, в приближении к идеалу» [6, 81].

В русской религиозной философии утверждается мысль о том, что духовность человека определяется не рационально, а чувственно, эстетически. Именно духовный потенциал человеческой деятельности определяет её смысл и ценность. Духовная красота рассматривается как высшее проявление художественного начала. В работе «Столп и утверждение Истины» П.А. Флоренский пишет о том, что «есть особая красота духовная, и она, неуловимая для логических формул, есть в то же время единственный верный путь к определению, что православно и что нет. Знатоки этой красоты – старцы духовные мастера «художества из художеств» так сказать, «набили руку» в распознавании доброкачественности духовной жизни» [9, 66]. Г.В. Свиридов видит её в православной вере, которая является основой и источником человеческого и художественного самостояния вкупе с музыкальным мастерством и воображением.

В своих «записках» композитор акцентирует внимание на факте родства некоторой части русской культуры с культурой Древней Греции. Корни общих характерных элементов он находит в православной вере, впитавшую в себя и древнюю греческую философию. Для художника совершенно очевидно: откуда появился платонизм у М. Мусоргского, В.Соловьёва, А. Блока и С.Есенина – преобладающий элемент духовного начала в творчестве (Божественного). Именно поэтому, по мысли Г.В. Свиридова, искусство этих художников невозможно мерить европейской меркой (чувствительность, схоластика, рационализм Спинозы или Бетховена). Это искусство не клерикальное, не религиозное (культ, обряд, богослужение). Оно религиозно, священно, сакраментально в том смысле, как утверждал Платон, – что душа сотворена Богом, – это та Божественная часть человеческого существа, которая способна общаться со своим творчеством и одна лишь несёт в себе подлинное, неизменное, вечное Божественное начало в человеке.

Таким образом, человек духовен настолько, насколько он живёт не только внешним, чувственно-материальным, но и внутренним опытом, отличая объективно прекрасное, истинно нравственное, художественно справедливое, следуя этим

ценностям и формируя их у себя неустанно на протяжении всей жизни. По мысли Г.В. Свиридова, быть художником – это значит не заниматься выкладками, а расти подобно дереву, которое не подгоняет свои соки, но доверчиво противостоит буйным весенним ветрам. Человек гибнет не только тогда, когда он беднеет, голодает, страдает и умирает, а тогда, когда он слабеет духом и разлагается нравственно и религиозно, совершая низменные безнравственные антигуманные поступки.

Мировоззренческая позиция Свиридова – творца зиждется на понимании гражданской ответственности художника, высокой этической миссии искусства, неприятия облегчённого представления о нём. По справедливому утверждению Г.В. Свиридова, великое искусство всегда исполнено духовности и «в этом секрет его неувядания, сохраняемости во времени, бессмертие… [8, 271]. Ключевой тезис свиридовских дневников – утверждение духовной сущности и гуманистической направленности искусства, которое должно раскрыть человеческую душу, выразить духовный мир человека [8, 152]. Вместе с единством эстетического и этического, правды и красоты для Г.В. Свиридова характерна устремлённость к провозглашению и утверждению идеала посредством изображения образов цельных, находящих путь к добру и правде. Нисколько не идеализируя действительность жизни, Г.В. Свиридов, тем не менее, видит путь борьбы со злом, человеческими пороками в доказательстве и утверждении добра, душевной крепости и стойкости, мужества и возвышенной просветлённости духа.

В обширных дневниковых записях Г.В. Свиридова содержатся ценные высказывания, характеризующие духовный облик творцов художественных ценностей, творческое кредо ряда композиторов, поэтов, философов, миросозерцание которых близко и понятно композитору по духу. «Величие художника – это величие души (величие духа) художника. Величие М.П. Мусоргского и А.П. Бородина – это величие христианина; М.И. Глинка был первым среди музыкантов, увидевшим мир и, прежде всего Россию и народ её крупно, объёмно, разнохарактерно, как целое, как художественную идею. В музыке М.И. Глинки впервые выразился он сам как великая личность; М.П. Мусоргский и Р. Вагнер были величайшими из композиторов (величайшими художниками, людьми) < … > Они видели судьбу наций, крестный их путь» [8, 65, 175, 302, 371].

По Свиридову, духовный облик художника-творца – это «неотделимость искусства от народа, чуткость к народному сердцу, любовь, искренняя свобода художника, простота его гимнов и, наконец, неподкупность его совести» [8, 294]. В «записках» художника красной нитью проходит тезис о взаимозависимости русской культуры от «чувства совести», которое Россия принесла в мировое сознание [8, 373], а в настоящее время есть опасность лишиться этой высокой нравственной категории.

Универсальность категории «совесть» в контексте творчества Г.В. Свиридова следует рассматривать как этический критерий «личности и самосознательности» художника, как «голос иного», как «Всеобщий закон, высшая Истина» [6, 265]; как «книгу» всех дел композитора (творческих, общественных, социально-культурных и пр.); как «обличитель и свидетель» души [4, 957]. Совесть как имманентное качество духовности незримо присутствует в музыкальных творениях Г.В. Свиридова, его мемуарном наследии. В этом нравственном истоке художник видел созидательную силу развития русской художественной традиции, путь достижения гармонии с миром, самим собой, средство воспитания человеческих добродетелей, формирования национального самосознания, русской ментальности, «взаимопонимания мирового сообщества в общих чувствах добра, справедливости, красоты, уважения человеческого достоинства в решении глобальных проблем человечества: экологических, геополитических, нравственных, этических, религиозных [1, 130].

Рассуждая о всечеловечности русской культуры, её открытости, обращенности ко всем людям земли, композитор постулирует важный для современности тезис о том, что «может быть, самая важная, самая насущная, первостепенная её задача – это питать душу своего народа, возвышая эту душу, охраняя её от растления, от всего низменного» [8, 382]. И в этой связи Г.В. Свиридов предельно жестко говорит об уничтожении Русской культуры как идейной культуры в кино, в музыке, в театре, в литературе, на телевидении» «очернение, окарикатуривание Родины, Человека, жизни, всего святого, всего чистого» <…>. Из великих произведений искусства и литературы умело вытравливается их сущность, их высокий нравственный смысл – та идея, во имя которой собственно и созданы эти произведения» [8, 157].

Анализируя современное состояние художественной культуры, Г.В. Свиридов с горечью констатирует об «убывании духовного начала искусства», организованном и сознательном понижении культуры, «унижении и опошлении художественных ценностей, низведение их на тротуар» [8, 503]. Корень этого зла художник отчетливо видит, в том числе, в деструктивных способах системы управления и регулирования культурной политикой (пресса, критика, учебные заведения, антреприза и т.д.) [8, 227].

Безусловно, высота понятия духовности определяет собою и глубину понятия «нравственность», характеризующего внутренние духовные качества личности (система правил, норм, оценок, требований), которыми руководствуется человек в соответствии со своими взглядами, внутренними установками и убеждениями в выборе своих мыслей, желаний, поступков, действий, в формировании своих способностей, жизненных ценностей, привычек, характера. Не случайно нравственность нередко отождествляется с этикой и моралью, ввиду их сущностной идентичности как совокупности (системы) норм и принципов нравственного поведения людей, их общественный долг, их обязанности по отношению к своему народу, обществу, государству, семье, друг к другу.

В записках Г.В. Свиридова, датируемых 1981 годом (11/2), композитор актуализирует нравственную сторону поступков (жизнь поэтов, композиторов, писателей, деятелей культуры), для которых искусство, творчество лишено всякого нравственного смысла. К примеру, для того, чтобы заявить о своей национальной принадлежности, композитору достаточно вставить в своё сочинение цитату из русской классики, порой крайне бестактно. Возникновение подобных вставок ничего общего не имеющих с основной тканью музыки, её посылом, внутренним смыслом, типом эмоции и миросозерцания являют собой, по мысли Г.В. Свиридова, «неорганичное соединение чуждых здравых элементов». Подобное «творчество» не требует душевных сил, вдохновения, творческой тайны. Достаточно «комбинаторских» приёмов, правил, по которым производится движение материи, чтобы обеспечить «кроличью плодовитость» современных произведений, лишённых всякого духовного содержания. «Искусство зашло в тупик, оно потеряло глубину, потеряло душу, потеряло смысл и значение, Божественное. Оно утратило и Человеческое, обратившись в механическое, инстинктивно-животное, безмелодично-ритмическое, примитивное» [8, 503]. Чрезмерная сложность музыки маскирует, прикрывает недостаток внутреннего содержания, равно как «будет поэзия без поэзии, где всё будет заключаться в делании, будет мануфактур-поэзия» (Гёте).

Современную музыку не упрекнёшь в мелкотемье – с иронией и горечью констатирует Г.В. Свиридов. Поражает невероятная легковесность, бездушевность и безнравственность по отношению к великим творениям Шекспира, Толстого, Гоголя, Есенина, равно как и величайшим людям нашей эры (Иван Грозный, Борис Годунов, Петр Великий, Господь Бог). Это усилиями таких великих творцов и гениев – наше искусство, отечественная культура обрели нравственную суть, которая так безнаказанно и далеко не безуспешно попирается в XXI веке.

Следовательно, в потери духовной самостоятельности Г.В. Свиридов видел главную причину водораздела художественных течений в современной ему советской художественной культуре (музыка, литература, театр), в творчестве тех или иных композиторов, писателей, поэтов, деятелей культуры, СМИ и пр., вновь и вновь подчеркивая, что духовно-нравственная составляющая – есть основная линия человеческого бытия, смысла жизни в целом, метод познания и раскрытия Истины Мира. Возвращение к ней, по мысли Г.В. Свиридова, способствует единству нации, ее целостности, жизнеспособности, а следовательно, и защите русской культуры, культурной идентичности от глобального натиска мировых культурных стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жиров М.С. Русская народная песня: история и современность / М.С. Жиров, О.И. Алексеева. - Белгород, 2007.
2. Жиров М.С. Традиции национальной культуры как ресурс духовно-нравственной позитивности российского общества: Духовная безопасность молодежи: Социокультурный аспект: монография / М.С. Жиров. - Белгород, 2009.
3. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин. - М.: ООО «Издательство АСМ, 2002.
4. Иоанн (Маслов) Схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / Иоанн (Маслов). - М.: САМШИТ, 1996.
5. Лихачев Д.С. Русская культура / Д.С. Лихачев. - М.: Искусство, 2000.
6. Педагогический энциклопедический словарь: гл. ред. Б.М. Бим-Бад. - М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002.
7. Свиридов Г. Искания и победы / Г. Свиридов // Литературная газета, 1958. 28 марта.
8. Свиридов Г.В. Музыка как судьба: сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко / Г. Свиридов. -М.: Молодая гвардия, 2002.
9. Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / П. Флоренский // Оправдание космоса. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 1994.

ТВОРЧЕСТВО Г.В. СВИРИДОВА КАК МЕТОД ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ МИРА

В представленной статье анализируются некоторые аспекты творческого наследия Г.В. Свиридова – композитора, музыканта, мыслителя, общественного деятеля, русского человека, выполнившего целый ряд великих «заданий», связанных с культурой, искусством, творчеством, духовной сферой, способствующих раскрытию и познанию Истины Мира.

Ключевые слова: творческое наследие, творческий метод, духовно-нравственные ценности и идеалы, национальная культура, русский народ, искусство, музыка, музыкальные образы, мировоззрение, Истина Мира.

G. V. SVIRIDOV'S CREATION AS A METHOD OF PERCEPTION OF TRUTH OF THE WORLD

In the given article are analyzed some aspects of the creation heritage of G.V. Sviridov - composer, musician, thinker and public figure, Russian person who made several great “job” related to culture , art, creativity , spiritual sphere, promoting disclosure and perception of the Truth of the World.

Key words: artistic heritage, creative method, spiritual and moral values and ideals, national culture, the Russian people, art, music, musical images, outlook, true peace.

Сведения об авторах: ***Кинаш Л.А.*** - аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: **kisknarp216@rambler.ru**

Жиров М.С. - доктор педагогических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: **zhirov@bsu.edu.ru**

ТАШАККУЛИ ФАРҲАНГИ ЭТНИКӢ ҲАМЧУН ПРОБЛЕМАИ ПЕДАГОГИКАИ МУСИҚӢ

Б. Нарзуллоев
Донишгоҳи давлатии санъати Тоҷикистон ба номи Мирзо Турсунзода

Вазъияти имрӯзаи ҷамъиятию сиёсӣ ва иҷтимоию иқтисодии Ҷумҳурии соҳибистиқлоли Тоҷикистон муҳимияти таҳқиқи проблемаи тарбияи этникиро аз диди дигар вобаста ба талаботи ҷомеаи навин тақозо менамояд. Президенти кишвар муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон яке аз вазифаҳои муҳимтарини соҳаи маорифро дар он мебинанд, ки мактаби имрӯза бояд «шогирдонро дар руҳияи ватандӯстӣ, хештаншиносӣ ва ифтихори миллӣ» тарбия намояд.

Дар ибтидои асри XXI, яъне баъди ҳазор соли давлатдории Сомониён дар ҳаёти навини халқи тоҷик падидаи муҳиме ба вуқӯъ пайваст, ки дар таърихи миллату ватани мо гардиши бунёдӣ ҳисоб меёбад. Ин падидаи нек дар соҳиби давлати миллӣ будан ва мустақилияти кишварамон таҷассум ёфтааст. Дар шароити эҳё ва рушди давлати миллӣ беш аз ҳарвақта масоили тарбияи худогоҳӣ ва фарҳанги этникӣ, дарки арзишҳову анъанаҳои миллӣ пеш меояд.

Табиист, ки ташаккули фарҳанги этникӣ дар ҷомеаи соҳибистиқлол хусусиятҳои принсипан навро ба худ касб мекунад. Чи тавре ки профессор Д.Латипов кайд мекунад, «хусусиятҳои асосии ин самти тарбия иборат аз он аст, ки меҳру муҳаббат ва садоқат ба ватан дар доираи меҳри зодгоҳ, маҳал, деҳа, ноҳия, вилоят маҳдуд нашуда, Тоҷикистони ягонаву томро фаро мегирад, зеро новобаста ба сербории этносҳои Тоҷикистон, ин Ватан ватани ягонаи ҳамаи тоҷикистониён аст. Шуури этникӣ дар шароити соҳибихтиёрӣ маънои ҳақиқӣ, ҳаматарафа ва самимиро молик мегардад» (6, 56).

Тағйири сохтори сиёсию ҷамъиятӣ ва мушкилоти иқтисодию молиявии кишвар нишон дод, ки сарфи назар кардани муҳимияти масъалаҳои доғи рӯз, ки ба рушди ташаккули ҳисси этникӣ ва худшиносии миллӣ алоқаманданд, муносибати халқҳо ва миллатҳоро мураккаб сохта, ангезаҳои асосии зиддиятҳои миёни халқҳоро ба миён меоварад. Ин аст, ки тарбияи этникӣ бояд ба самти дигари кори тарбиявӣ – ташаккули фарҳанги муошрати байналмилалӣ робитаи қавӣ дошта бошад.

Соҳибистиқлолии ҷумҳурӣ мавқеъ ва ҷойгоҳи муассисаҳои таълимиро дар ташаккули фарҳанги этникӣ, эҳёи эҷодиёти бадеии мардумӣ, пайвастагии ҷанбаҳои анъанавӣ ва инноватсионӣ дар шаклҳо, усулҳо ва методҳои кори тарбиявӣ, ки дар ноҳияҳои сермиллат ва аҳолиашон якмиллата ҷойгир шудаанд, муассир намудааст.

Махсусан, масъалаҳои ташаккули фарҳанги этникии тарбиягирандагон тавассути пиёда сохтани шаклҳои анъанавии фарҳанги миллӣ дар робита бо усулҳои инноватсионӣ, ғанӣ гардонидани мазмуни барномаҳои педагогӣ дар соҳаи педагогикаи мусиқӣ зарурати айнии таҷдиди назар карданро тақозо менамояд (8, 12).

Ба ақидаи композитор ва педагоги маъруф Д.Б. Кабалевский, муаллими мусиқӣ ба кӯдакон кушодани хусусиятҳои мусиқиро ҳамчун унсурҳои ифоданоки нутқи мусиқӣ, гуногунии ҳиссиёт ва фикр, ки дар шакл ва жанрҳои гуногун дода мешавад, вазифа мегузорад. В.А.Сухамлинский нақши мусиқиро дар ташаккули шахсияти хонанда зикр намуда, чунин мегӯяд: «Тарбияи мусиқӣ» ин тарбияи мусиқинавоз набуда, пеш аз ҳама, тарбияи инсон мебошад». Тавассути мусиқӣ мо метавонем ба фаҳмиши шогирд ёрӣ расонем, ки ба доираи маълумоти мусиқӣ дуруст ворид гардад.

Масалан, омӯзиши таҷрибаи кори муаллими мактаби № 43-и ноҳияи Варзоб М. Саидов аз он шаҳодат медиҳад, ки омӯзгор тавассути дарсҳои мусиқӣ, аз ҷумла

омӯзондани суруди миллӣ, суруди «Тоҷат ба сар бод, эй Тоҷикистон» дар хонандагон ватандӯстиро тарбия менамояд, ҳисси баланди худшиносиро ташаккул медиҳад.

Солҳои охир система ва шабакаҳои нави муассисаҳои таҳсилот ва фарҳанг барои кӯдакон ба вуҷуд омадани навъҳои гуногуни муассисаҳои фароғатии наврасон аз қабили Марказҳои корҳои тарбиявии минтақавӣ ва ноҳиявӣ дар ҳудуди ҷумҳурӣ, робитаҳои фарҳангӣ бо кишварҳои хориҷаи дуру наздик, боло рафтани нуфузи муассисаҳои ин система ва дигар омилҳои мусбат, коркарди муносибати наву муассирро дар ин соҳа ба миён гузоштааст.

Аз ин ҷиҳат, таҳқиқи масъалаҳои ташаккули фарҳанги этникӣ тавассути фаъолияти педагогии омӯзгорони ҷумҳурӣ дорои аҳамияти зиёд аст. Омӯзиш ва баррасии ин проблема то андозае барои муайян намудани роҳҳои самараноки тарбияи этникӣ дар системаи умумии фаъолияти тарбиявӣ дар ҷумҳурӣ ва беҳтаршави корҳои таълимию тарбиявӣ дар соҳаи фароғат дар байни хонандагон кӯмак мерасонад.

Ташаккули фарҳанги этникии хонандагон проблемаи комплексӣ буда, мавриди таҳқиқи илмҳои гуногун, аз қабили таърих, фалсафа, сиёсатшиносӣ, сотсиология, этнология, фарҳангшиносӣ, педагогика ва ғайра қарор гирифтааст. Таҳқиқоти мо ҷанбаҳои педагогии ин проблемаро фаро мегирад.

Дар Тоҷикистон масъалаи фарҳанги этникӣ ва муассисаҳои беруназмактабӣ дар як қатор монографияҳо, рисолаҳои номзадӣ, мақолаҳои илмӣ мавриди таҳқиқ қарор гирифтаанд. Раванди барқароршавӣ ва рушди ин система дар корҳои М.А. Орифӣ, И.О. Обидов ҳамаҷониба таҳқиқ гардидааст. Илова бар ин, дар омӯзиш ва таҳқиқи ин мавзӯъ саҳми олимон И.Измайлов, М.Криштул, Л.Кузнетсова, В.Муллоҷонов, Г.Шукурова, В.Фирсов ва дигарон, назаррас аст. Дар чаҳорчӯбаи ин мавзӯъ Маҳмадулло Лутфуллоев, Холмурод Бӯйдоқов, Ирина Холовна Каримова, Ҳалқамо Тӯрахонова, Людмила Александровна Орлова, А.Раҳимов, М.Юлдашева ва дигарон дар таҳқиқоташон андешаҳои хешро баён сохтаанд. Илова бар ин, дар омӯзиш ва таҳқиқи ин мавзӯъ саҳми олимон Н.Алибахшев, Д.Латифов, С.Сулаймонӣ, Б.Титов, Г.Фролова ва дигарон назаррас аст, ки дар ҳалли баъзе масъалаҳои назарӣ ба мо ёри расонданд.

Аз таҳлилу муқоисаи асару мақолаҳо ва рисолаҳои ба ташаккули фарҳанги этникӣ ва системаи таҳсилот бахшидашуда чунин бармеояд, ки дар ин замина корҳои зиёде анҷом ёфта бошад ҳам, **тарбияи этникӣ ҳамчун проблемаи педагогикаи мусиқӣ дар давраи соҳибистиқлолӣ**, самаранокии фаъолияти тарбиявии омӯзгорон дар муассисаҳои таҳсилоти ҷумҳурӣ дар ҳалли вазифаҳои ташаккули фарҳанги этникӣ то ҳол пурра мавриди омӯзиш қарор нагирифтааст. Ин аст, ки масъалаҳои ташаккули фарҳанги этникӣ дар фаъолияти омӯзгорон ҳамчун воситаи баланд бардоштани маҳорати касбии онҳо (дар асоси маводи Ҷумҳурии Тоҷикистон) имкон медиҳад, ки салоҳияти касбии онҳо дар ин самт такмил дода шавад.

Мақсади таҳқиқоти мо ташаккули фарҳанги этникӣ ва татбиқи онҳо дар таъмини муттасилии фаъолияти таълимию тарбиявӣ дар мактаб ҳамчун омили мӯътадилгардонӣ ва ваҳдати миллии ҷомеа ташкил медиҳад.

Вазифаҳои асосии таҳқиқот чунинанд:

–ошкор сохтани проблемаҳои актуалии ташаккули фарҳанги этникӣ дар шароити кунунии рушди Тоҷикистон ва муайян намудани ҷойгоҳи он дар педагогикаи мусиқӣ;

–муайян кардани дараҷаи илмии омӯхта шудани проблемаи ташаккули фарҳанги этникӣ чун зуҳуроти педагогӣ;

–асоснок намудани омилҳои муҳимми педагогигии ташаккули асосҳои фарҳанги этникӣ тавассути таҳсилоти фанҳои алоҳидаи мусиқӣ дар шароити соҳибистиқлолии Тоҷикистон;

–баррасии хусусиятҳои ташаккули фарҳанги этникии омӯзгорон ва тарбиятгирандагон дар шароити мактабҳои олии эҷодӣ;

–коркарди модели ташаккули асосҳои фарҳанги этникӣ ва роҳҳои самараноки татбиқи он дар фаъолияти омӯзгори мусиқӣ.

Асоси назариву методологии таҳқиқотро мероси педагогии мутафаккирони намоёни халқи тоҷик, ғоя ва ақидаҳои олимони Россия ва хориҷи кишвар доир ба ҷойгоҳи арзишҳои миллӣ ва умумибашарӣ дар ташаккули фарҳанги этники, инсони комил ва ба танзим давровардани муносибатҳои этникӣ ташкил доданд.

Барои таҳқиқоти мо нуқтаҳои ислоҳоти соҳаи маориф, навсозии мазмуни он мувофиқи талаботи Консепсияи миллии тарбия дар Ҷумҳурии соҳибихтиёрии Тоҷикистон, ки гуногунрангии хусусиятҳои этникии тарбиятгирандагонро ба ҳисоб мегиранд, ҳуҷҷатҳои меъёрии ҳуқуқӣ доир ба таҳсилоти иловагии кӯдакон ва фарҳанги этникӣ судманд буданд.

Таҳқиқоти педагогӣ, махсусан он таҳқиқоте, ки аз ҷониби Ассотсиатсияи байналмилалии ҳаракати кӯдакон доир ба вазъи кунунии ҳаракати ҷамъиятии кӯдакон гузаронида шуданд, имкон доданд, ки аҳамияти иттиҳодияҳои ҷамъиятии кӯдакон ва наврасон ҳамчун воситаи рушди фарҳанги этникии онҳо муайян карда шавад.

Кори таҳқиқотӣ дар доираи мавзӯи ягонаи Пажӯҳишгоҳи илмҳои педагогии Академияи таҳсилоти Тоҷикистон «Шароити педагогии муҳити мактаб ва нақши он дар ташаккули симои маънавии хонандагон» анҷом ёфта, аз ҷониби Академияи илмҳои ҶТ тасдиқ карда шудааст.

Таҳлилу баррасии масъалаҳои ташаккули ҳисси этникии тарбиягирандагон дар раванди фаъолияти тарбиявии омӯзгорон нишон медиҳад, ки ин масъала то андозае аз тарафи омӯзгорон ба инобат гирифта намешавад.

Дар раванди таҳқиқот дар баъзе муассисаҳои таҳсилотӣ барномаи ташаккули фарҳанги этникӣ татбиқ карда шуд, ки дар асоси он ғанӣ гардонидани мазмун ва шакли машғулиятҳои маҳфилҳо ва ташкили чорабиниҳои оммавӣ-бадеӣ дар ин самт бо назардошти анъанаҳои миллию фарҳангӣ баррасӣ гардиданд.

Дар раванди системаи корҳои беруназмактабӣ дар ташкили маҳфилҳо, иттиҳодияҳо ва клубҳои шавқмандон оид ба ташаккули фарҳанги этникӣ мусоидат ба амал омад.

Таҳқиқоти гузаронидаи мо фарзияи таҳқиқотро оид ба истифодаи мақсадноки арзишҳои миллӣ ҳангоми ташкили фаъолияти омӯзгорон дар раванди таълими фанҳои мусиқӣ ва инчунин шаклҳои эҷодии корҳои беруназмактабӣ, ки ба бедор кардани рағбати хонандагон ва рушди минбаъдаи худшиносии миллии онҳо, азхудкунии фарҳанги ниёгон мусоидат намуд, тасдиқ кард. Натиҷаи таҳқиқот ошкор сохт, ки шумораи тарбиятгирандагоне, ки ба мафҳумҳои асосии «арзишҳои этникӣ», «фаъолияти этникӣ», «ҳисси баланди этникӣ», «муҳаббат ба ватан», ва ғайра амиқ сарфаҳм мераванд, афзун гардид. Мувофиқи ҳисоби фоизӣ дар синфҳои озмоишӣ ин нишондиҳанда тақрибан аз 27% то 42% расид.

Тарбиятгирандагони гурӯҳҳои озмоишӣ зуҳуроти маҳалгароӣ, минтақагароӣ ва ба ин монанд мафҳумҳоро, ки мухолифи ватандӯстию ваҳдатанд, комилан номатлуб ҳисобиданд.

Натиҷаҳои таҳқиқот имконияти пешниҳоди чандин хулосаҳоро ба миён овард, ки фишурдаашон ба тариқи зайл аст:

1. Такмили консепсияи ташаккули фарҳанги этникӣ бо назардошти хусусиятҳои педагогикаи мусиқӣ дар асоси истифодаи фарҳанги бадеӣ, анъанаҳо ва ба ҳисоб гирифтани ҳайати этникии хонандагон ташкил карда мешавад.

2. Системаи фаъолияти муассисаҳои таҳсилотӣ оид ба ташаккули фарҳанги этникӣ, ки чунин масъалаҳоро дар назар дорад:

– таҳриру такмили барномаи маҳфилҳо ва таъмини онҳо бо маводи ҷанбаи тарбияи миллӣ ва ватанпарастидошта;

– таъмини робитаи зичи кори мактаб бо муассисаҳои таҳсилоти иловагии кӯдакон, муассисаҳои фарҳангию фароғатӣ ва ташкилоти ҷавонон, дигар созмонҳои ҷамъиятӣ ва истифодаи имкониятҳои бадеии онҳо;

– истифодаи анъанаҳои бадеии оила дар педагогикаи мусиқӣ, ба низом даровардани кори маҳфилҳо ва ташкилу гузаронидани чорабиниҳои тарбиявии онҳо, ки раванди ташаккули шуур ва эҳсосоти этникӣ ва умумимиллиро тақвият мебахшанд ва ғ.

3. Модели педагогии ташаккули фарҳанги этникӣ тавассути санъати мусиқӣ дар раванди таълим ва корҳои беруназмактабӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба чунин самтҳо асос меёбад:

– ягонагии паҳлӯҳои маърифати этникӣ ва ҷалбнамоӣ ба фаъолияти маҳфилу иттиҳодияҳои мусиқӣ ва эҷодиёти амалии халқӣ;

– истифодаи анъанаҳои миллӣ ва фарҳанги бадеии мардумӣ дар кори тарбиявии беруназмактабии мусиқӣ;

– робитаи пурқуввати раванди таълими мусиқӣ ва беруназсинфиву беруназмактабии санъат, махсусан дар шароити деҳот, ки эҳсоси этникиро ташаккул медиҳанд;

– технологияҳои нави тарбиявие, ки бо назардошти сермиллатӣ ва якмиллата будани маҳфил, иттиҳодияҳои мусиқӣ ва клубҳои завқмандон ташкил карда мешаванд.

Ҳамин тариқ, таҳқиқи масъалаи ташаккули фарҳанги этникӣ дар низоми педагогикаи мусиқӣ имкон медиҳад, ки салоҳияти касбии омӯзгори мусиқӣ дар таълиму тарбияи насли наврас бо истифода аз намудҳои мухталифи санъати мусиқӣ ва тасвирӣ дар мактаб беҳтар гардад ва фаъолияти иҷтимоӣ-фарҳангии онҳо такмил дода шавад.

АДАБИЁТ

1. Государственная программа подготовки педагогических кадров на 2005-2010 годы, утвержденная постановлением Правительства РТ от 1 ноября 2004 года № 425. – Душанбе, 2005.
2. Закон Республики Таджикистан «Об образовании» // Вестник МО Республики Таджикистан. – Душанбе: Шарқи Озод, 2003. - 66с.
3. Закон Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» // Ҷумҳурият, 2011. 6 авг.
4. Аминов Н.А. Диагностика педагогических способностей / Н.А. Аминов. - М.: Воронеж, 1997.
5. Кузьмина В.К. Методы системного педагогического исследования / В.К. Кузьмина. – Л., 1993. – 172с.
6. Латыпов Д.Н. Этнокультурное образование и национальное единство / Д.Н. Латыпов. – Душанбе, 2011. – 316с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М., 1993. - 995с.
8. Турсунова М.Г. Педагогические особенности формирования национального самосознания (на примере средних специальных учебных заведений культуры и искусств Республики Таджикистан): автореф. канд. пед. Наук / М.Г. Турсунова. – Душанбе, 2005. – 23с.
9. Шаповалова В.К. Этнокультурная направленность содержания общего образования в России / В.К. Шаповалова. – М., 2002.
10. Романов В. Этнокультурная толерантность народов Поволжья: автореф. док-ра филос. Наук / В. Романов. – Ульяновск, 2006.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРЫ КАК ПРОБЛЕМЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В статье рассматриваются вопросы формирования этнокультуры школьников посредством музыкального искусства. Автор статьи ставит и в некоторых аспектах решает задачи этнокультурного воспитания в одном из новых направлений педагогической науки – музыкальной педагогике. Предлагаются некоторые рекомендации по улучшению учебно-воспитательной работы по формированию этнокультуры учащихся.

Ключевые слова: музыкальное искусство, музыкальная педагогика, этнокультурное воспитание, формирование этнокультуры школьников.

THE FORMATION OF ETHNIC CULTURE AS A PROBLEM OF MUSIC PEDAGOGY

The article considers the questions of formation of the ethnic culture of pupils by musical art. The author of the article poses and in some aspects solves the problems of ethnocultural education in one of the new directions of pedagogical science - music pedagogy. Some suggestions are offered in improvement of educational work on the formation of the ethnic culture of the students.

Key words: musical arts, music pedagogy, ethno-cultural education, the forming of ethnic culture of schoolchildren.

Сведения об авторе: ***Нарзуллоев Б.*** - заведующий кафедрой методики музыкального воспитания Таджикского государственного института языков им.М.Турсунзаде. Телефон: **93-561-45-61**

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЛИЦЕЙ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЫТА УЧАЩИХСЯ

Хусейнова Гуландом
Академия образования Таджикистана

Формирование культуры быта подрастающего поколения всегда было в центре внимания государства и общества республики, ибо превращение моральных требований суверенного, демократического и правового общества в нормы и правила поведения в быту и выработка активной жизненной позиции каждого гражданина, в первую очередь учащихся, является одной из актуальных проблем современности. Выполнение этой исторической миссии возложено на школу, семью и общественность. Немаловажное место в решении этих задач принадлежит профессиональным лицеям.

Профессиональные лицеи играют существенную роль в обогащении культуры личности. Они призваны способствовать утверждению новых качеств жизни у учащихся, включающее в себя коллективизм и товарищество, нравственное здоровье и социальный оптимизм, уверенность каждого человека в завтрашнем дне, высокую культуру труда и потребления, поведения и быта.

Учебные заведения накопили немалый опыт работы по формированию культуры быта у учащихся системы начального профессионального образования. При этом они ведут разъяснительную работу по совершенствованию культуры быта среди учащихся, широко используют и опираются на национальные художественные традиции в сфере быта, образ жизни народов Востока, в частности таджиков. Это позволяет сделать востребованным и конкурентоспособным будущего специалиста сферы обслуживания, окончившего профессиональные лицеи. Однако, этот опыт не обобщен, такая работа ведется не систематично, степень внедрения в неё научных основ пока невелика. Нет до сих пор ни одного специального исследования, посвященного этой проблеме. Только некоторые проблемы развития системы начального профессионального образования исследованы в трудах ученых Таджикистана И.О.Обидова, Ш.М.Рузиева, Г.К.Хасанова и др.

Однако, как показывает анализ научной литературы, на сегодняшний день нет фундаментальных исследований, посвященных анализу проблем педагогического содействия формированию культуры быта учащихся, обогащения содержания, форм и методов педагогического взаимодействия педагогов лицея и семей в формировании здорового быта учащихся, опираясь на национальные традиции таджикского народа.

Таким образом, с одной стороны, можно зафиксировать противоречие между потребностями общества в активизации образовательно-воспитательной деятельности по совершенствованию культуры быта подрастающего поколения и реальным уровнем решения этой задачи в современных условиях. С другой, налицо несоответствие между реальными масштабами проводимой работы и степенью ее научного осмысления, что

отрицательно оказывается на практике деятельности учреждений системы начального профессионального образования по формированию культуры быта.

Таким образом, несмотря на изученность различных аспектов проблемы, сохраняются противоречия: между социальной потребностью в рабочих специалистах, владеющих в совершенстве основами культуры быта, которая позволяет им ориентироваться в постоянно изменяющейся социальной, трудовой среде, анализировать и оценивать свой профессиональный уровень и неразработанностью педагогических основ её формирования;

Современные знания, широкий кругозор и такие качества и свойства как, доброта, порядочность, честность, правдивость, справедливость, трудолюбие, дисциплинированность, коллективизм, регулирующие индивидуальное поведение учащихся воспитываются не только в процессе обучения, но и в условиях досуга и быта, при активном содействии учебных заведений и семьи.

В образовательных учебных заведениях начального профессионального образования Республики Таджикистан закладывается фундамент профессии, обеспечивается профессиональная мобильность и конкурентоспособность, здесь применяется эффект погружения во все проблемы профессиональной деятельности. Функции учреждений начального профессионального образования не ограничиваются профессиональной подготовкой учащихся. Эти учебные заведения являются формой трансляции и воспроизводства культурных норм, в том числе культуры быта, ценностей, идей, творчества.

Однако, как показали исследования, в этом направлении недостаточно разработанными явились вопросы взаимодействия профессиональной деятельности учителя лицея с семейным социумом. К сожалению, вопросы обновления содержания и форм формирования культуры быта на основе творческого использования семейных традиций и обычаев, обоснование концепции и педагогической модели формирования основ культуры быта и нравственных качеств учащихся в условиях досуга в совместной педагогической деятельности учителей и семьи в новой социально-политической ситуации республики, остались вне поля зрения исследователей.

Недостаточно изучены также особенности национальных семейных традиций как одного из ведущих факторов в формировании культуры быта у учащихся.

В настоящее время в системе начального профессионального образования осуществляется подготовка кадров по 97 специальностям.

Наши исследования показали, что важное место в решении задач повышения культуры быта учащихся, системы начального профессионального образования принадлежит процессу обучения различным профессиям сферы быта, роли, которую играет семья, вовлечению учащихся в деятельность социально-культурных учреждений, охват культурными мероприятиями организованными лицеями: национальные праздники и обряды, конкурсы по вопросам профессии в сфере быта, досуга, по убранству города, района, села, своего места жительства и т.д.

Учителя лицеев ведут целенаправленную работу в общежитиях с учащимися, особенно с теми, которые поступили из сельской местности.

Содержательную основу технологической образовательной программы составляют дисциплины нравственно-эстетического цикла, охватывающие сферу системы отношений "человек-человек"; социо-экологического цикла, охватывающие сферу системы отношений "человек-природа"; эстетического цикла, охватывающие сферу семьи, темы отношений "человек-культура".

Приобретение подлинного суверенитета и национальной независи-мости, кроме других предпосылок, основывается на достаточной разработанности проблем культурного воспитания учащихся, исполь-зования в этом процессе семейных

традиций. Следовательно, важнейшим условием формирования культуры личности выступает овладение ею традициями и нормами народной культуры.

Это связано, во-первых, с использованием прогрессивных традиций и обычаев народа в повышении культуры быта, коренным обновлением её содержания и форм, приведением её целей и задач в соответствии с современными требованиями общества, разрушением традиционных систем ценностей и воспитания в духе идей социалистического быта и морали, вооружением учителей новыми методиками и технологиями. И, во-вторых, решительного искоренения всего того, что было внесено в национальные традиции в быту предрассудками в сфере досуга, что отжило свой век и является пережитками.

Нам представляется, что совершенствование формирования культуры быта зависит в большей мере от расширения направлений и профилей подготовки специалиста сферы быта (резьба по дереву, золотошвей, дизайн сферы досуга, гончарное ремесло,вышивание, чеканка и т.п.); внедрение других новых специальностей позволит сделать конкурентоспособным и востребованным будущего специалиста сферы обслуживания. Тем самым лицей способствует сохранению национальных традиций и препятствует исчезновению национальных профессий среди молодёжи.

Другое направление совершенствования культуры быта связано на наш взгляд со стимулированием процесса её формирования; внедрение в быт элементов художественности обогащает его содержание и формы, способствует созданию новых направлений в сфере социального обслуживания, улучшает закрепляемость специалистов этой сферы. Все это окажет положительное воздействие на формирование культуры быта у выпускников- лицеистов, позволит им лучше ориентироваться к рыночным условиям, увеличивать производительность в сфере легкой промышленности, найти свое место в сфере производства – т.е социального обслуживания в повышении культуры бытовой жизнедеятельности населения.

Кроме того, решение задачи целенаправленного, систематического формирования культуры быта учащихся является необходимым условием становления всесторонне и гармонично развитой личности и важной составляющей системы эстетического воспитания учебного заведения системы начального профессионального образования.

Формирование культуры быта в условиях свободного времени учащихся как интегративного качества личности учащегося современного лицея связано с изменившейся ситуацией современной национальной образовательной системы; требованиями, складывающимися в общественно-политической практике к подготовке рабочих, глобализацией, умаляющей или не учитывающей национальную специфику бытовых традиций; деградацией нравственных принципов в сфере быта, деформирующей нравственное сознание и не учитывающей национальные ценности суверенного государства; новыми концептуальными вопросами формирования культуры быта учащихся, недостаточной разработанностью содержания формирования здравых ценностей и нравственной культуры, педагогических технологий решений этой проблемы в условиях семейного досуга и т.д.

Как показывает практика, в семьях, где родители осознают свою ответственность и роль семьи, дети, как правило, вырастают самостоятельными, творческими, уверенными в завтрашнем дне. Каждой семье присущи свои специфические формы взаимоотношений и взаимовлияний, что, в конечном счете, является формой организации и самоорганизации труда, быта, традиций, которые передаются от поколения к поколению. Тот факт, что в одной семье часто вырастают люди, увлеченные одним и тем же видом деятельности, с одинаковыми интересами и хобби, образуя династии, не раз доказывала история. Это явление можно оценить как результат создания самоорганизующейся развивающей предметной и духовной и

культурно-бытовой среды, которая обеспечивает благоприятные условия для развития задатков и способностей, формирует профессионально-гражданские качества личности. Эти свойства можно отнести к области духовного наследия семьи, её традиций.

Вместе с тем, на наш взгляд необходимо обеспечить взаимодействия семьи, социально-образовательных, социально-культурных и других институтов в формировании культуры быта. Для реализации этой установки необходима общественная технологическая и педагогическая модель, обеспечивающая единство взаимодействия всех заинтересованных социальных структур. Формой реализации такой модели может стать **Центр семейно-бытовой культуры**, в деятельности которого - органично сочетаются разнообразные технологии. Чем больше технологических приемов и способов используется в работе Центра по включению личности в социально-культурную деятельность, направленную на обновление и совершенствование быта, тем эффективнее воздействие на личность технологических программ, формирующих культуру бытования молодых людей.

Одним из направлений формирования культуры быта является здоровый образ жизни. Изучение опыта работы начальных профессиональных образовательных учреждений г.Душанбе, районов республиканского подчинения и знакомство с научными публикациями позволил нам выделить следующие задачи и основные направления содержания формирования трезвого образа жизни у учащихся этих заведений:

формирование отрицательного отношения к табакокурению, употреблению спиртных напитков и наркотиков в семье;

индивидуальная медико-воспитательная работа;

стремление к физическому совершенству, как необходимому условию подготовки к жизни и труду;

формирование убеждения о важности трезвого образа жизни для создания полноценной семьи;

осознание прямой зависимости между трезвым образом жизни и усвоением привычек санитарно-гигиенического поведения;

воспитание нравственной устойчивости в соответствии с нормами поведения в условиях быта т досуга;

умения противостоять вредным привычкам (алкоголизм, табакокурение, наркомания, насвай и т.п.) занятия искусством, художественным творчеством, наукой, техникой и т.д

выработка потребности в регулярных занятиях физической культурой;

развитие умения и навыков самообразования и самовоспитания, связанных с формированием трезвого образа жизни;

выработка умения способствовать повышению умственной и физической выносливости; выработка умения снижать психические напряжения и т.д.

В формировании культуры быта у учащихся необходимо учесть факторы, то есть такие обстоятельства, при которых создаются условия для протекания педагогического процесса, и многообразию обстоятельств и вариантов их сочетания соответствует многообразие факторов (условий) образования. Учет этих факторов позволит обеспечить эффективность системы начального профессионального образования, шире вовлечь учащихся в деятельность учреждений этой системы, повысить их деятельность по устройству и совершенствованию быта.

В ходе поисково-констатирующего исследования нами исследовался уровень подготовленности классных руководителей и родителей по данному вопросу, выявились основные трудности, с которыми они сталкивались в процессе совместной деятельности. Исходя из этого, целесообразно определение системы мер педагогического содействия учителей по использованию семейных традиций и

обычаев, основанных на своеобразии их подготовленности к осуществлению формирования культуры быта, особенностей развития культуры, когда она включает в себя специфические стороны, а именно:

- обогащение знаний учителей по вопросам сущности и особенностях использования семейных традиций в формировании культуры быта;
- знакомство учителей с традициями сферы быта и методикой использования этих традиций в морально-этическом воспитании учащихся;
- овладение учителями умениями и навыками необходимыми для педагогического содействия в совместной деятельности с родителями путем использования семейных традиций в формировании культуры быта.

Однако, в сфере быта еще прочно укоренились предрассудки (особенно на селе) среди женщин и через них внедрение в быт обрядов, суеверия, запрета и неодобрения межнациональных браков, проведение пышных дней рождения родителей и семей, родство с богатыми семьями, и др. Хотя и в республике принят Закон об урегулировании традиций и обычаев, эти предрассудки еще полностью не изжиты. И естественно все эти отжившие традиции, обычаи оказывают негативное воздействие на сферу быта и досуга учащихся, семейный социум, на воспитание детей. Поэтому необходимо изучение способов борьбы с пережитками прошлого и предрассудками, разработка программ, направленных на использование семейных традиций и обычаев в формировании здорового, духовно насыщенного быта, рациональной организации досуга учащихся.

По итогам исследования нами предложена модель педагогической программы формирования культуры быта у учащихся системы НПО, предполагающая комплекс педагогически направленных видов деятельности:

а) учебно-познавательной - включающей информационно-просветительные мероприятия, способствующие формированию знаний по тем или иным сторонам быта-лекции, беседы, презентации, вечера вопросов и ответов, диспуты и дискуссии и т.п.;

б) ценностно– ориентационной - включающей участие в различных любительских объединениях, ориентированных на совершенствование культуры быта своих членов и их семей, организацию мероприятий, способствующих выработке общественного мнения по вопросам быта -общественных судов, агитбригад, КВН и т.п.;

в) коммуникативной - включающей комплекс мероприятий, стимулирующих общение учащихся по вопросам быта, распространение позитивного опыта в этой сфере, конкурсы на лучшую ученическую комнату в общежитии, встреч в кругу друзей, вечеров интересных встреч, досуговых посиделок и т. п.;

г) преобразовательной - включающей внесение конструктивных начал собственно в быт учащихся - консультаций по проблемам ремонта своего жилища (общежития), его украшения; оказание помощи в воспитании детей в семье (младших братьев и сестер), руководство их чтением, оптимального расходования семейного бюджета, вопросам кулинарии и т. д.;

д) художественно-творческой - включающей стимулирование различных видов домашнего творчества, пропаганду достижений отдельных лиц семейных и домовых коллективов в благоустройстве дворов, улиц, жилищ посредством «хашара», организацию любительских объединений для учащихся, предоставляющих своим членам возможность овладения умениями и навыками рациональной организации быта.

Изучение и анализ показали, что народные традиции и обычаи в семейном воспитании используются эпизодично. Коэффициент полезного содействия проводимой в этом плане работы недостаточно высок, поскольку она нередко носит стихийный характер, представляет собой сумму мероприятий, не связанных органически друг с другом ни по содержанию, ни по формам. Между тем, многие направления и специальности, по которым в будущем работают лицеисты,

ориентированы на национальные традиции. Особенно это относится к сфере социального обслуживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурно-просветительная работа в системе пропаганды и утверждения здорового образа жизни: мет. рекомендации, 1989. – 152 с.
2. Программа развития здоровья молодёжи в Республике Таджикистан на 2011-2013 гг. -Душанбе, 2010.
3. Садовская В.С. Методология, теория и педагогические технологии формирования культуры быта: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук / В.С. Садовская. - М., 1996 . – 39 с.
4. Соловьев Г.М. Здоровый образ жизни: научно – теоретические и методические основы: учеб. пособие. Часть 1. / Г.М. Соловьев. –Ставрополь: СГУ, 2001. -180с.
5. Сафаров Ш.А. Педагогические основы формирования здорового образа жизни младших школьников средствами таджикских национальных подвижных игр: дисс. на соиск. уч. степ. канд.пед.наук / Ш.А. Сафаров. - Душанбе, 2008. - 163 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЛИЦЕЙ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЫТА УЧАЩИХСЯ

Система формирования нравственной культуры в республике объединяет учреждения и организации, одним из которых является совместная работа профессиональных лицеев и семей. Автор статьи предприняла попытку выявить место этих учреждений, их совместных педагогических возможностей в условиях быта и досуга. С учетом факторов и особенностей традиций и обычаев освещается разработанная модель педагогической программы формирования культуры быта, которая способствует эффективной организации воспитательной работы в профессиональных лицеях.

Ключевые слова: профессиональный лицей, нравственная культура, совместная работа, педагогические возможности, традиции и обычаи, педагогическая программа формирования культуры быта,

PROFISSIONAL INSTITUTIONS AND THE PROBLEMS OF FORMATION OF THE LIFE CULTURE OF PEOPLES

The system of formation of moral culture in Tajikistan unites different institutions and organizations one of them is collaboration of professional lyceums and families. The author of the article tried of show these institutions and their joint pedagogical possibilities in the conditions of a life and leisure. Taking into account factors and features of traditions and customs it shows the developed model of the pedagogical program of formation of culture of a life which promotes the effective organization of educational work in professional lyceums.

Key words: professional institutions, moral culture, team work, educational opportunities, traditions and customs, pedagogical program of the formation of the culture of everyday life.

Сведения об авторе: ***Хусейнова Гуландом*** – соискатель Академии образования Таджикистана.
Телефон:**907-63-30-11**

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИНФОРМАТИКИ

М.Сафаров
Кулябский государственный университет им. А. Рудаки

В обязательном минимуме содержания образования по информатике присутствует линия "Моделирование и формализация", которая наряду с линией информации и информационных процессов, является теоретической основой базового курса информатики.

Не следует считать, что тема моделирования носит чисто теоретический характер и автономна от всех других тем. Большинство разделов базового курса имеют прямое отношение к моделированию, в том числе и темы, относящиеся к технологической линии курса. Текстовые и графические редакторы, СУБД, табличные процессоры, компьютерные презентации следует рассматривать как инструменты для работы с

информационными моделями. Алгоритмизация и программирование также имеют прямое отношение к моделированию. Следовательно, линия моделирования является сквозной для многих разделов базового курса.

По мнению Бешенкова С.А. и др. темы "Информация и информационные процессы" и "Формализация и моделирование" являются ключевыми в курсе информатики. Данные темы объединяют в единое целое такие традиционные темы курса, как "Алгоритмы и исполнители", "Информационные технологии" и др. [3].

Создатели авторских курсов "Информатика в играх и задачах" и "Информатика-плюс" считают, что основная задача школьного курса информатики - формирование и развитие умения анализировать и строить информационно-логические модели.

Бояршинов М.Г. полагает целесообразным введение в рамках предмета информатики курса компьютерного моделирования, целью которого будет являться ознакомление учащихся с приемами решения задач физики, химии, математики, экономики, экологии, медицины, социологии, дисциплин гуманитарного направления, конструкторских и технологических проблем с помощью современной вычислительной техники [7].

Кузнецов А.А., Бешенков С.А., Ракитина Е.А. считают, что основными компонентами курса информатики, которые придают ему системный характер, являются "Информационные процессы", "Информационные модели", "Информационные основы управления". Решение задачи всегда начинается с моделирования: построения или выбора ряда моделей: модель содержания задачи (формализация условий), модель объекта, выбранная в качестве рабочей для решения этой конкретной задачи, модель (метод) решения и модель процесса решения задачи.

Таким образом, изучение информационных процессов, как и вообще любого феномена внешнего мира, основано на методологии моделирования. Специфика информатики в том, что она использует не только математические модели, но и модели всевозможных форм и видов (текст, таблица, рисунок, алгоритм, программа) - информационные модели. *Понятие информационной модели придает курсу информатики тот широкий спектр межпредметных связей*, формирование которых является одной из основных задач этого курса в основной школе. Сама же деятельность по построению информационной модели - информационное моделирование является обобщенным видом деятельности, который характеризует именно информатику [8].

Одним из эффективных методов познания окружающей действительности является метод моделирования, который является мощным аналитическим средством, вобравшим в себя весь арсенал новейших информационных технологий.

Обобщающий характер понятия "информационное моделирование" обусловлен тем, что при работе с информацией мы всегда либо имеем дело с готовыми информационными моделями (выступаем в роли их наблюдателя), либо разрабатываем информационные модели.

Информационное моделирование является не только объектом изучения в информатике, но и важнейшим способом познавательной, учебной и практической деятельности. Его также можно рассматривать как метод научного исследования и как самостоятельный вид деятельности.

Зубко И.И. информационное моделирование определяет как "новый общенаучный метод познания объектов окружающей действительности (реальной и идеальной), ориентированный на использование компьютера". Моделирование рассматривается как способ познания, с одной стороны, и как содержание, которое должно быть усвоено учащимися, с другой. Автор считает, что наиболее эффективно обучение учащихся информационному моделированию возможно в случае реализации на практике метода проектов интегрирующего в себе исследовательскую, самостоятельную и творческую работу в самых разных вариантах [4].

Галыгина И.В. считает, что обучение информационному моделированию целесообразно проводить на основе следующих подходов:

модельного, в соответствии, с которым моделирование рассматривается как инструмент познания, объект изучения и средство обучения;

объектного, подразумевающего выделение и анализ разных типов объектов: объекта изучения, информационной модели как нового объекта, объектов языка моделирования, используемых для построения модели.

Информационное моделирование в педагогике может рассматриваться в трех аспектах, как:

инструмент познания, поскольку получение новых знаний о реальном объекте, соответствующей информационной модели, объектах языка моделирования, используемых для описания этой модели, происходит в процессе построения и исследования модели;

средство обучения, так как процесс обучения в большинстве случаев связан с оперированием информационными моделями изучаемого объекта, такими как словесное описание, графическое изображение,

формульное представление закономерностей и др.;

объект изучения, поскольку информационная модель может рассматриваться как самостоятельный информационный объект, с присущими ему особенностями, свойствами, характеристиками.

Основное отличие данных аспектов с точки зрения обучаемого заключается в том, что в первом случае в процессе познавательной деятельности обучаемый сам строит модель изучаемого объекта на базе собственного опыта, знаний, ассоциаций. Во втором случае обучаемому предоставляется модель изучаемого объекта, разработанная учителем, автором учебного пособия или создателем научной теории. В последнем случае совокупность моделей является изучаемым объектом.

Включение в содержательную линию "Моделирование и формализация" базового курса информатики модуля "Информационное моделирование" позволит создать прочную основу для:

сознательного использования информационных моделей в учебной деятельности;

знакомства учащихся с методикой научной исследовательской деятельности;

последующего углубленного изучения информационного моделирования в профильных курсах информатики [7].

Титова Ю.Ф. считает, что важнейшей образовательной функцией является развитие творческого потенциала учащихся. Опыт творческой деятельности формируется через решение проблемных задач разной направленности и, в частности, через исследовательскую деятельность. Одним же из важнейших инструментов исследовательской деятельности является моделирование, была разработана методика обучения моделированию в базовом курсе информатики, сочетающая теоретический материал, в основе которого лежит формализованный подход к разработке и исследованию моделей, и комплекс исследовательских задач, обеспечивающий интеграцию знаний из различных образовательных областей. Считает, что применение данной методики обеспечит развитие у учащихся широкого спектра интеллектуальных умений, таких как абстрагирование и конкретизация, обобщение, классификация, анализ, осмысление результатов своих действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ситамов С.С. Физика 100 задач для решения на компьютере: учебное пособие./ С.С. Ситамов - СПб.: ИД "МиМ", 2006. - 156 с.
2. Бешенков С.А. Информатика. Систематический курс: учеб. для 10-го класса [Текст] / С.А. Бешенков, Е.А. Ракитина. - М.: Лаборатория Базовых Знаний, 2001. - 432 с.

3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович; под редакцией Д.И. Фельдштейна [Текст] // Вступительная статья Д.И. Фельдштейна. 2-е изд. -М.: Институт практической психологии, 1997. - 352 с.
4. Бочкин А.И. Методика преподавания информатики: учеб. пособие [Текст] / А.И. Бочкин. - Мн.: Выш. Шк., 1998. - 431 с.
5. Булатова О.С. Педагогический артистизм: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / О.С. Булатова. - М.: Изд. центр Академия, 2001. - 240 с.
6. Введение в научное исследование по педагогике: учеб. пособие для студентов пед. институтов [Текст] / [Ю.К. Бабанский, В.И. Журавлев, В.К. Розов и др.]; под ред. В.И. Журавлева. - М.: Просвещение, 1988. - 239 с.
7. Галыгина И.В. Методика обучения информационному моделированию в базовом курсе информатики [Текст]: дис. канд. пед. наук: 13.00.02 / И.В. Галыгина. -Москва, 2001.- 198 с. РГБ ОД, 61: 02-13/838-7
8. Юнусов Ш. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовании / Ш. Юнусов. – Куляб, 2006.
9. [Электронный ресурс]. www.cipi.tj

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИНФОРМАТИКИ

В данной статье раскрывается понятие «моделирование», его роль и значение в методике обучения информатике в школьном курсе, также приводятся некоторые взгляды ученых по данной проблеме.

Ключевые слова: моделирование, формализация, информатика, информационные модели, информационные процессы

PLACE AND IMPORTANCE OF COMPUTER MODELING IN THE SCHOOL COURSE OF INFORMATICS

This article explains the concept of «modeling», its role and importance in the methods of teaching informatics in the school course, there are also some scholars' opinions on this issue.

Key words: modeling, formalization, computer science, information models, information processes.

Сведения об авторе: ***Сафаров М*** - аспирант кафедры информатики и информационных технологий Кулябского государственного университета им.А.Рудаки. Телефон: **918-66-54-41**

МУОШИРАТ - ҶУЗЪИ ТАРКИБИИ ФАЪОЛИЯТИ ПЕДАГОГӢ

Давлатов Миралӣ
Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи Абӯабдуллоҳи Рӯдакӣ

Муошират мафҳуми хеле васеъ дошта, ҳамаи ҷабҳаҳои ҳаётро дарбар мегирад. Вай аксар вақт ҳамчун амали мутақобилаи ду ва ё зиёда одамонро дарбар гирифта, барои барқарор намудан ва нигаҳ доштани муносибатҳои байнифардӣ ва ба даст овардани натиҷаи умумии фаъолияти якҷояи муаллиму мактаббачагон маънидод карда мешавад. Мухтасар карда гӯем, интихоби тарзҳои дурусту самараноки бо дигарон барқарор карда тавонистани алоқаҳои байниҳамӣ, муошират номида мешавад. Доираи муоширати одамӣ хело ҳам доманадор буда, ҳам муносибати одамонро ба якдигар, ҳам амалҳои мутақобилаи онҳо, ҳам мубодилаи афкору ахбор, ҳам ба якдигар таъсиррасониро дарбар мегирад.

Муоширати байниҳамии одамон дар шароитҳои гуногун, аз ҷумла дар раванди таълиму тарбия, фаъолияти меҳнатӣ, бозӣ ва дигар навъҳои фаъолият барқарор мешавад. Ҳамин аст, ки ҳанӯз аз замонҳои қадим муоширати байниҳамии муаллиму хонандагон яке аз шаклҳои асосии муошират маҳсуб меёфт, ки дар он тамоми ҳикмату донишҳо ва таҷрибаи тӯли ҳазорсолаҳо андӯхтаи ҷомеаи инсонӣ инъикос ёфтааст ва он то замони мо омада расидааст.

То вақтҳои охир тадқиқоти назариявӣ ва таҷрибавии олимон доир ба психологияи фаъолияти педагогӣ бартарият доштанд. Ҳоло бошад, баръакс, бештар корҳои илмие ба анҷом мерасанд, ки ба психологияи муошират педагогӣ робита доранд. Албатта, мафҳумҳои (категорияҳои) «муошират» ва «фаъолият»

куллан мустақиланд ва воқеияти мухталифро тавсиф менамоянд, аммо дар байни онҳо робитаи мутақобилаи диалектикӣ низ вуҷуд дорад. Ҳамин тариқ, тасдиқ кардан мумкин аст, ки баъзе намудҳои фаъолият арзи ҳастӣ доранд, ки асосан аз рӯйи қонунҳои муошират сохта мешаванд ва фаъолияти педагогӣ яке аз онҳост.

Дар зери мафҳуми муоширати педагогӣ одатан, муоширати тахассусии муаллим бо хонандагон дар рафти дарс ва берун аз он (дар раванди таълиму тарбия) фаҳмида мешавад. Асоси меъёрҳои муоширати байниҳамии муаллиму хонандагон, пеш аз ҳама дар самаранок ташкил намудани муҳити мусоиди психологӣ, ташаккули муносибатҳои байнифардӣ дар гурӯҳи таълимӣ мебошад. Шаклҳои муошират дар гурӯҳҳои таълимӣ аз ҷониби омӯзгор бояд мақсаднок ба роҳ монда шавад. Дар марҳилаи аввал муаллим дар хонандагон шаклҳои фардиро ташаккул медиҳад. Дар марҳилаи дуюм, асоси сарчашмаи байниҳамӣ дар рушди муносибатҳои коллективӣ, ба худинкишофёбӣ вобаста аст. Бесабаб нест, ки шоирони шарқи қадим муаллимро ба боғбон ташбеҳ медоданду хонандагонро ба боғи мевадор, ки дар натиҷаи ғамхории устод амсоли дарахтони ҷавон баъдан худ сабзида, камол меёбанд ва меваҳои ширин ба бор меоранд.

Дар шароити кунунӣ як қатор олимон, аз ҷумлаи И.А. Зимняя, Я.Л. Коломинский, С.В. Кондратева, А.А. Леонтев, Н.В. Кузмина, А.А. Реан, В.А. Крутецкий ва дигарон проблемаи муошират педагогии самаранокро дар самти рушди фаъолияти педагогӣ масъалаи муҳим мешуморанд. Тадқиқотҳои экспериментали солҳои охир равшану возеҳ нишон медиҳанд, ки миёни вазифаҳои зиёди дар назди педагог меистода мураккабтаринашон он вазифаҳое мебошанд, ки маҳз бо муошират байниҳамии муаллиму хонандагон алоқаманданд. Онҳо дар назар доранд, ки муаллим бояд рушди дараҷаи кофии малакаю маҳоратҳои коммуникативӣ (робитавӣ)-ро соҳиб бошад.

Дар тадқиқоти С.В.Кондратева масъалаи робитаи мутақобилаи байниҳамии муаллиму хонандагон дар раванди таълим ва тарзу воситаҳои ба хонандагон таъсиррасонӣ баррасӣ шудааст. Аз ин таҳлил бармеояд, ки дар ин сохтор таъсиррасонии омӯзгорони дараҷаи баланд ба шууру ҳисси хонандагон дар ҷойи аввал таъсиррасонии хосияти ташкилидошта меистад, дар омӯзгорони сатҳи пасти фаъолият бошад, хосияти банизомдарорӣ қарор дорад.

Агар дар раванди таълим ба омӯзгор муяссар нагардид, ки ба ташкили фаъолияти хонандагон ба дараҷаи кофӣ диққат диҳад, баъдан ӯ маҷбур мешавад, ки барои нигоҳ доштани тартибу интизом дар синф вақту нерӯи зиёд сарф намояд. Аз тадқиқоти С.В. Кондратева бармеояд, ки ҳисоби миёнаи таъсиррасониҳои шифоҳӣ дар як дарс дар муаллими сатҳи баланди фаъолият ба 17, дар омӯзгори сатҳи пасти фаъолият ба 69 баробар аст. Ин таъсиррасонӣ кам ҳам бошанд, босамартаранд. Пас, маълум мешавад, ки эҳтимол муаллими сатҳи пасти фаъолиятдоштаро лозим меояд, ки дар давоми 45 дақиқаи дарс нисбат ба хонандагони беинтизому бемасъулият аз шаклҳои танбеҳ гаштаю баргашта, дар он сурат самаранокии раванди таълим зиёд мешавад.

Системаи таъсиррасонии шифоҳии муаллимони сатҳи баланд ва пасти фаъолият ҳам миқдоран ва ҳам сифатан фарқ менамоянд. Муқаррар карда шудааст (С.В.Кондратева), ки муаллимони сатҳи баланди фаъолият бештар чунин шаклҳои таъсиррасонии шифоҳиро аз қабили: дастурдиҳӣ, пасту баланд кардани овоз, ном гирифтани насаб, ҳавасманкунӣ ва ҳазлу шӯхӣ истифода менамоянд. Муаллимони сатҳи пасти фаъолият бошанд, бештар овозро баланд мекунанд ва ба хонанда бо гирифтани насаб муроҷиат мекунанд. Дар ҳамин ҳол онҳо ба ҳавасмандкунӣ ва ҳазл хеле кам рӯй меоранд.

Аз тадқиқотҳои бахшида ба таҳлили сохторӣ ба таври шифоҳӣ таъсиррасонӣ ба хонандагон (П.У. Крейтсберг, А.А. Реан) бар меояд, ки муаллим дар дарс назар ба хонандагони синф ду маротиба бештар маводи таълимиро шарҳу эзоҳ медиҳад. Ба ақидаи Э. Стоунс бошад, тақрибан 2/3 таъсиррасонии шифоҳии умумӣ ба

муаллим рост меояд. Аслан ин ба он анъанаи расмшуда вобастагӣ дорад, ки бояд фаъолнокии шифоҳии муаллим қисмати бештари дарсро дарбар гирад. Муҳаққиқон (П.У. Крейтсберг, А.А. Реан) чунин меҳисобанд, ки дар ҳоли баръакс рафтор кардани муаллим вай аз уҳдаи иҷрои вазифаҳои ба зимма доштааш намебарояд. Аммо ба гумон аст, ки чунин ақидаҳо аз нигоҳи педагогӣ заминаи илмӣ надоранд, зеро дар баробари фаъолияти муаллим самаранокии таълим маҳз бо сатҳи фаъолнокии худи хонандагон низ сахт марбут аст.

Муошрати педагогии самаранок ҳамеша ба он равона шудааст, ки муаллим дар хонандагон бовариро ба худ, ба қувваи худ, ба иқтидори худ ба вуҷуд оварда тавонад. Ҳамин тариқ, агар мо ба кӯдак ҳамчун ба шахсияти болаёқат, масъулиятноку боинтизом муносибат кунем ва шароит муҳайё созем, ки вай маънии сухани моро ҳис кунад, мо барои он замина мегузорем, ки кӯдак ё талаба дар ҳақиқат чунин шахс гардад.

Аз ин ҷо ба хулосае омадан мумкин аст, ки муносибати мусбӣ ба шахсияти хонанда ва истифодаи системаи қоидаҳои ҳавасмандсозӣ ва шавқмангардонӣ воситаи муҳимму таркибии муошрати педагогӣ мебошад. Аммо ба назар бояд гирифт, ки истифодаи усули ҳавасмандгардонӣ метавонад чӣ босамар ва чӣ бесамар бошад.

Баландбардории сатҳи муносибатҳои байнифардӣ дар коллективи хонандагон яке аз вазифаҳое мебошад, ки муошрати сермаҳсули педагогӣ дар назди хеш мегузорад. Агар муаллим шахсияти аъзоёни коллектив ва тамоюлҳои ҳаққонии боарзиши онро надонад, ҳалли ин вазифаи наздаш истода барояш мушкил мегардад. Омӯзгор бояд дар фаъолияти худ ба системаи мавҷудаи арзишҳои мусбии хонандагон, аз қабили меҳрубонию мушфиқӣ, хайрхоҳӣ, самимият, вафо ба аҳд ва ғайра, ки сифатҳои ҷолиби муносибатҳои байнишахсӣ ва ҳусни таваҷҷуҳи тарафайнро муайянкунандаи хонандагон мебошанд, такя намояд. Муаллим вазифадор аст, ки ин сифатҳоро бубинад ва зоҳиршавии онҳоро дар муносибатҳои байнифардии хонандагон ҳавасманд гардонад, ба онҳо чун ба сарватҳои арзишманд дар раванди муошрати педагогии худаш нигарад.

Муошрати педагогӣ ин ҳамкории якҷояи махсуси байниҳамии муаллиму тарбиягиранда (хонанда), азхудкунии ғайримустақими донишҳо ва ташаккули шахсияти онҳо дар раванди таълиму тарбия маҳсуб меёбад.

Ба ақидаи А.А. Леонтев (1996), муошират ҷузъи таркибии фаъолияти педагогист, ки бидуни он ба даст овардани мақсадҳои таълим ва тарбия ғайриимкон аст.

Муҳаққиқ И.А. Зимняя бошад, ба он диққат медиҳад, ки муошрати педагогӣ ҳамчун шакли муҳимми ҳамкории таълимӣ, шарти беҳтар намудани таълим ва тараққии шахсияти хонандагон мебошад.

Ҳамин тариқ, яке аз хусусиятҳои муошрати педагогӣ ин аст, ки вай шакли асосии амалӣ намудани раванди педагогист. Самаранокии он, пеш аз ҳама ба мақсадҳо ва арзишҳои муошират муайян мегардад, ки онҳо бояд аз ҷониби ҳама субъектҳои раванди педагогӣ ба сифати талаби қатъии (императив) рафтори фардиашон қабул гарданд.

Мақсади асосии муошрати педагогӣ иборат аст аз додани чӣ тачрибаи ҷамъиятӣ ва касбӣ (донишҳо, маҳорату малакаҳо) аз муаллим ба хонандагон, ҳамчунин дар мубодилаи маъниҳои фардиятӣ, ки алоқамандand бо объектҳои омӯхташаванда ва умуман ҳаёт.

Ғайр аз вазифаи маълумотдиҳӣ боз як қатор дигар зервазифаҳои муошрати педагогиро ҷудо кардан мумкин аст. Ба мисли:

васлӣ – барқарор намудани алоқа ҳамчун ҳолати омодагӣ ба қабул кардан ва додани маълумоти таълимӣ ва нигоҳ доштани робитаи мутақобила дар шакли огоҳӣ доштан аз мутақобилаи доимӣ;

водоркунанда – рушду нумӯи ваҷҳу фаъолнокии хонандагон, ки бачагонро ба иҷрои ин ва ё он амалҳои таълимӣ равона месозад ва ғайра.

Арзиши аз ҳама беҳтари муошират педагогӣ фардияти муаллим ва хонанда, яъне дар раванди таълим риояи шаъну шарафи шахсияти муаллим, шаъну шарафи хонандагон маҳсуб меёбанд. Тавре болотар ишора рафт, ғайр аз ин барои муошират сермаҳсул чунин арзишҳои ахлоқӣ, аз қабили бовиҷдонӣ, самимияту ростгӯйӣ, беғаразӣ, боварӣ, раҳму шафқат, меҳрубонӣ, сипосгузорӣ, ғамхорӣ, вафо ба аҳд аҳамияти калон доранд.

Сифати муошират педагогӣ, қабл аз ҳама бо он муайян мегардад, ки вай вазифаи маълумотдиҳиро бо ҳамгироии вазифаи тарбиявӣ амалӣ месозад.

Аслан, сифатҳои шахсӣ касбии муаллим дар самаранок будани муошират педагогӣ нақши муҳим мебозанд. Миёни нишондиҳандаҳои шахсиятӣ майлу рағбатҳои робитавӣ, донишҳо, маҳорату малакаҳои муошират ва дигарон аҳамияти калон доранд. Бешак, ба самаранокии муошират педагогӣ сифатҳои фардӣ-шахсии хонандагон, аз қабили майлу рағбат, шавқу завқ, дараҷаи тайёрӣ ва одату хислатҳои хонандагон низ таъсир мерасонанд.

Маҳорати муддати дер ва самаранок таъсир расонидан ба шууру ҳиссиёти маънавии мактаббачагони хурдсол яке аз сифатҳои муҳимми педагогӣ маҳсуб меёбад. Маҳорати мазкур одатан, ба қобилиятҳои коммуникативии омӯзгор алоқаманд мебошад.

Қобилиятҳои робитавӣ ё худ коммуникативӣ, ки дар муошират байниҳамии муаллиму бачагон зоҳир мегарданд, пеш аз ҳама ба омӯхтани донишу маҳорат ва малакаи таълимии муҳассилин мусоидат менамояд.

Маҳорату малакаи дуруст баҳо додан ба вазъияти муошират ин қобилияти муҳитро назорат кардан, интихоби нишонаву аломатҳои бештари ахборотии вай ва ба онҳо диққат додан мебошад.

Муошират педагогӣ усулҳои худро дорост ва онҳо дар шаклҳои гуногуни вобаста ба сифатҳои фардии омӯзгор ва тасаввуроти вай дар хусуси нақши ӯ дар ин ҷараён амалӣ карда мешавад. Дар адабиёти психологӣ – педагогӣ проблемаи мазкур дар алоқамандӣ бо услуби фаъолияти педагогӣ дида баромада мешавад. Воқеан, якчанд таснифоти усули педагогӣ вуҷуд доранд, ки онҳо дар заминаи психологӣ асос ёфтаанд. Масалан, усулҳои ба тартибдароварда (риояи вақти муқарраргардида) ва ногаҳонӣ (импровизатсионӣ)-и таъсиррасонии педагогӣ ба сифати усулҳои ба якдигар муқобилгузошташуда ҷудо карда мешаванд, ки метавонанд чун усулҳои муошират педагогӣ дида баромада шаванд. (Шелихова Н.И., 1998).

Ҳамчунин тақсимбандии анъанавии усулҳо аз рӯйи риояи меъёри нақши муаллиму талаба, иштирокчиёни раванди таълимӣ арзи ҳастӣ дорад. Дар доираи усули ҳукмравоии (авторитарии) муошират ин нақшҳо сахт ба тартибу танзим дароварда шудаанд. Маҳз дар шароити раванди таълиму тарбия ҳамчун воситаи таъсиррасонии мақсаднок ба шууру ҳиссиёти бачагон амалӣ карда мешавад. Усули муошират бо ном демократӣ мувофиқу муносиб ба назар мерасад, ки дар он танзими муайяни нақшҳои иштирокчиёни муколима (диалог) ҷой дорад. Усули мазкур имкон медиҳад, ки механизмҳои таъсиррасонӣ бо назардошти нақши афзояндаи хонандагон ҳамчун иштирокчии муколамаи бештари баробарҳуқуқ тасҳеҳ карда шавад.

Муошират яке аз пурзӯртарин омилҳоест, ки дар ташаккули шахсияти мактаббачагон нақши муассир мебозад. Нафарони дар муошират баромадкунанда ҳамин тариқ имкони ба якдигар додани донишҳоро дар бораи воқеияти онҳоро иҳотакунанда, ки худ аз бар намудаанд, инчунин додани маҳорату малакаҳоро ба даст меоранд. Дигар аҳамияти тарбиявии муошират на фақат дар он аст, ки вай ҷаҳонбинии умумии одамро васеъ намуда, ба рушди донишҳои психологӣ

мусоидат менамояд, балки шарти ҳатмии ташаккули умумии ақлу хирад (интеллект)-и умумии инсон ба шумор меравад.

Муҳаққиқ Г.М.Андреева дар китоби дарсии «Социальная психология» се ҷиҳат ё худ ҷанбаи муоширатро ҷудо намудааст:

- идрок ва фаҳми мутақобилаи одамон якдигарро (ҷанбаи персептивии муошират);
- мубодилаи маълумот (ҷанбаи коммуникативӣ);
- амалӣ намудани фаъолияти якҷоя (ҷанбаи интреактивӣ).

Дар ин қисмати (компоненти)-и персептивии муошират педагогӣ нақшҳои иштироккунандагони муколама гуногун мебошад. Дар ҷараёни педагогӣ ташаккули шахсияти хонанда ба амал меояд, ки як қатор марҳилаҳои пайдарпаю маттасили қабл аз ташаккули шуур ва ҷаҳонбиниро мегузарад. Дар марҳилаҳои барвақтии раванди мазкур омӯзгор аз як қатор бартариятҳо бархӯрдор аст. Махсусиятҳои шахсияти вай, сифатҳои фардӣ-психологӣ ва касбии вай ба сифати шарти муҳими хислати муколамавиро муайянсозанда баромад менамоянд.

Қисмати коммуникативии муошират педагогӣ низ аз бисёр ҷиҳат ба характери муносибатҳои тарафайни ширкатдорони муколама асос ёфтааст. Азбаски кӯдак дар марҳилаҳои барвақтии таъсиррасонии педагогӣ иқтидори зарурии иштирокчии мубодилаи маълумотро молик нест, муаллим ба сифати аз насл ба насл додан ва барангезандаи таҷрибаи инсонӣ баромад мекунад.

Бо вуҷуди ин, ин маънои онро надорад, ки робитаи педагогӣ дар марҳилаҳои барвақтӣ раванди яктарафа бошад. Муаллим бояд бар он саъй кунад, ки ваҷҳу кӯшиши хонандагонро дар рафти азхудкунии дониш, маҳорату малакаҳо фаъол гардонад, то ин ки онҳо бо андозаи азбаркунии донишҳо ва ахбороту маълумот иштирокчии баробарҳуқуқи муколимаи таълимӣ гарданд.

Бо ёрии қисмати интреактивии муошират муошират байниҳамии индивидҳо дар шакли мубодилаи донишҳо, ғояҳо ва маҷмӯи амалҳо мегузарад. Ҳамчунин шахс муносибати субъективии худро нисбат ба амалу рафтори дигарон, ба ҳаводиси ҳаёти ҷамъиятӣ, назарияҳо, ғояҳои илмӣ ва ақидаҳои гуногун баён менамояд. Ин шакли муошират педагогӣ, пеш аз ҳама ба мақсад, хоҳиш, ҳавас, ваҷҳҳои амал, равандҳои маърифатӣ, ҳиссиёт, ирода, саъю кӯшиш, идеал ва нуқтаи назари шахсӣ асос меёбад.

Ташкили муошират самараноки педагогӣ ва умуман, бароҳмонии босамари раванди таълиму тарбия ба муаллим дар он сурате муяссар мегардад, ки агар худ қобилияти ахборотрасонӣ, таълимдиҳӣ, дидактикӣ, персептивӣ, коммуникативӣ, ташкилотчигӣ, тақсимоти диққат, тахайюлӣ, педагогӣ, нуткӣ ва дигар хислатҳои боарзиши педагогию инсониро молик бошад. Ҳамчунин муаллим бояд дар ниҳоди хеш фазилати педагогӣ, тафаккури тахассусӣ, хаёли эҷодӣ ва иродаи устуворро ташаккул дода бошад.

Муошират педагогӣ – ин муошират касбии муаллим бо хонандагон дар дарс ва берун аз он (дар раванди таълим ва тарбия) мебошад, ки функсияҳои муайяни педагогӣ ва ба ташкили муҳити солими психологӣ мусоиду мувофиқ, инчунин ба дигар тарзҳои муносибгардонии психологии фаъолияти таълимӣ ва шаклҳои муносибатҳои байниҳамии муаллиму хонандагон алоқаи ногусастанӣ дорад.

Ҳамин тариқ, муошират педагогӣ ҷузъи ҷудонашавандаи фаъолияти педагогӣ буда, дар раванди таълиму тарбия ташаккул меёбад, ҷараён мегирад ва ба самаранокии кори педагогӣ таъсири мусбӣ мерасонад.

АДАБИЁТ

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник / Г.М. Андреева. - М.. 1996.
2. Мустафоқулов Т. Асосҳои психологияи умумӣ. / [Т. Мустафоқулов, М. Давлатов ва дигарон]. - Душанбе: Империал-групп, 2012/ - 422 с.

3. Крутетский В.А. Психология / В.А. Крутетский. - М.: Просвещение, 1980.
4. Леонтев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтев. - М., 1965.
5. Миралиев А.М. Педагогика ва психология / А.М. Миралиев, М. Давлатов. -Душанбе: Ирфон, 2007.
6. Мустафоқулов Т. Асосҳои психологияи синусолӣ ва педагогӣ / Т. Мустафоқулов., М. Назруллоева. - Кӯлоб, 1993.

ОБЩЕНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается значение педагогического общения как фактор мотивации овладения знаниями, умениями, навыками в учебно–воспитательном процессе. Также на основе исследования психологов и педагогов показывается роль общения как основного фактора самосознания, мировоззрения и интеллектуального развития учащихся.

Ключевые слова: общение, педагогическая деятельность, учитель, ученик, обратная связь, урок, деятельность, педагогическое общение, психологический климат, взаимовлияние, личность, совместная деятельность, положительные ценности, эффективность, качества учителя, мотивация, перцепция, коммуникация, интерактивность.

COMMUNICATION AS AN INTEGRAL PART OF TEACHING AKTIVITIES

The article discusses the importance of teaching as a motivating factor to master, knowledge, abilities, skills in the educational process. Also based on the research of psychologists and pedagogues it shows the role of communication as a major factor identity, outlook and intellectual development of students.

Key words: communication teaching activities, teacher, students, feedback, lesson activities, educational communication, psychological climate, mutual influence, the individual, joint activities, positive values, efficiency, teacher quality, motivation, perception, communication, interactivity.

Сведения об авторе: ***Давлатов Мирали –*** старший преподаватель кафедры психологии Кулябского государственного куниверситета им. А.Рудаки. Телефон:**988-13-99-68**

НАҚШИ НАЗМИ РИЁЗӢ ДАР БЕҲДОШТИ ҚОБИЛИЯТИ МУОШИРАТИИ ХОНАНДАГОН ДАР ҶАРАЁНИ ОМӮЗИШИ ФАННИ МАТЕМАТИКА

Бахтиёр Буриев
Пажӯҳишгоҳи рушди маорифи Академияи таҳсилоти Тоҷикистон

Дар марҳилаи ҳозира, ки талабот ба омодагии таҳсилоти умумии хонандагон зиёд гаштааст ва мақсади таълим на танҳо хонандагонро бо донишҳои амиқ мусаллаҳ гардонидан, балки дар онҳо такмил додани қобилиятҳо, тарбияи дарки маданияти баланд ва тарзи муомилаи баланд низ мебошад.

Методикаи муосир масъалаи синтези ҳамаи он дастовардҳои самарабахш ва муҳим, ки дар системаи анъанавии таълим ба даст оварда шудааст ва баъзе фаъолияти амалиёти коммуникативӣ алтернативиро, ки иштироки факторҳои равонии таълимро таъмин месозад, махсусан фаъолнокии нутқии хонандагонро баланд мебардоранд, ки он ба баланд шудани қобилиятҳои фардии хонандагон равона мегарданд, дар мадди аввал мегузорад.

Мувофиқи консепсияи эътирофгардидаи Л.Ф. Виготский инкишофи ҷиҳатҳои нутқӣ дар инкишофи равонии умумии шахс нақши муҳим мебозад.

Малакаҳои муоширатӣ ҳангоми муомила ба монанди муомилаи умумӣ ҷараёни бисёрпаҳлӯ буда, дар раванди ҳамкориҳои байни одамон аҳамияти муҳим дорад.

Иштирокчиён дар муомила на танҳо амалҳои ҷисмонӣ ё моддии худро, ки ба материя вобаста аст, баён менамоянд, балки дар муомила фикрҳои худро баён мекунанд. Ният, ақида ва изтиробҳои худро иброз медоранд.

Бинобар ин муомила ба иваз ва додан, координатсияи эҷоди навгониҳои хаёлӣ, ки дар ҳар як фард дар шакли тасаввурот, қабул, фикрронӣ ва ғайра мебошад, мусоидат менамояд.

Мушкилоти муомилоти педагогии дарсҳои математикаро ба се гурӯҳи асосӣ муттаҳид кардан мумкин аст: ахборотӣ, муназзамӣ ва пурҳаяҷонӣ.

Мушкилоти ахборотӣ ҳангоми ягон чизро хабар карда натавонистан, фикри худро баён карда натавонистан, муайян карда натавонистан, илова кардан, давом додани ҷавоб, ҷамъбасти фикр, оғоз намудани ҷумла, ёрӣ дар баёни фикр, муайян намудани ҷиҳатҳои «нозук»-и масъала, кӯтоҳбаёнӣ, пешгӯйии ҷавобҳо ва масъалаҳои проблемавии «васеъ»-и эҷодӣ зоҳир мегарданд.

Мушкилиҳои муназзамӣ ҳангоми ба танзим дароварда натавонистани масъалаҳои фаъолнокии хонандагон намоён мегарданд.

Мушкилиҳои амалишавии хосиятҳои пурҳаяҷонӣ ҳангоми маъқул шуморида натавонистани фикри хонандагон, ҳамфикр шудан бо онҳо, қайд кардани дурустии ороиши забонӣ, гуфторҳо бехато, таъриф кардан барои рафтори шоён, кори фаъол, ҳамфикр набудан бо баъзе ақидаҳо, норизо будан барои роҳ додан ба хатоҳо, барои вайрон кардани шеваи ҳалли тамринҳо ба таври манфӣ мутаассир шудан, инъикос мегардад.

Дар дарсҳои математика хонандагон на ҳамеша баромадҳои худро дуруст тасдиқ карда метавонанд. Хулосаҳои умумӣ бароварда метавонанд, ё ин, ки бо ҳамдигар озодона муошират карда, маънои математикии истилоҳҳоро баён карда наметавонанд. Вале дар баъзе мавридҳо онҳо ҳаракат мекунанд, ки гуфтори зиндаи маданиро бо имову ишорати ҳаётӣ, яъне бо усулҳои соддалавҳонаи ғайришифоҳии муомила иваз намоянд. Бачаҳо ҳангоми ташаккули гуфторҳои мустақил, ки бо гуфторҳои хаттӣ ва шифоҳии умумигардонида шудаанд, азият мекашанд. Ҳонандагон ҳангоми ҳалли мисолу масъалаҳо ва махсусан дар раванди иҷрои иншо ва ё диктанти математикӣ ба хатоҳои зиёди нутқӣ, орфографӣ ва аломатҳои китобатӣ роҳ медиҳанд.

Бинобар ин вазифаи таълими математика аз ташкили шароит ҳангоми дарс барои муошират ва забонии салоҳиятдор иборат мебошад.

Барои амалӣ намудани ин мақсадҳо ҳал намудани масъалаҳои зерин ногузир аст:

–такмили малакаҳои хониши матнҳои таълимӣ, публитсистӣ- бадеӣ;

–вобаста ба ҷиҳатҳои эстетикии забон омӯхтани таҳлили масъалаҳои матнии математикӣ, ҳолномаи олимони соҳаи математика ва ғайра;

–омӯзонидани нақли хаттӣ ва шифоҳии матн, тартиб додани масъалаҳои матнӣ, синквейн, навиштани иншо, диктант ва ЭССЕ-и математикӣ.

Аммо хонандагони мо дар тараққиёти салоҳияти муошираташон камбудиҳои ҷиддӣ доранд. Сабабҳои он:

–паст гардидани дараҷаи маданияти хониш;

–паст гардидани дараҷаи захираи луғавӣ;

–дараҷаи пасти ташаккулёбии асосҳои салоҳияти шахсӣ – фардии муоширатӣ.

Ин ҳама дар сифат ва натиҷаҳои хусусиятҳои нутқӣ, малакаҳои муоширати созандагӣ, ба муқарраршавии баъдинаи иҷтимоии самаранок таъсири худро мегузорад.

Дар раванди таълими математика барои инкишофи нутқи хонандагон назмҳои риёзӣ нақши махсусеро мебозад. Усулҳои мухталифи таҳлили назми математикӣ мавчуданд:

–«панҷдақиқагӣ»-и синтаксисӣ ё метематикӣ;

–«тахаюлотро кор фармо»;

–«ҳамин тавр нависи»;

–«аз супориши иловагӣ то ЭССЕ»;

–тартиб додани ҷадвал.

Ба ҳамагон аён аст, ки муодила яке аз мафҳумҳои асосии илми математикӣ буда, дар ҳамаи давраҳои инкишофи он саҳми босазо гузоштааст. Аломаҳои

асримиёнагии Шарқ дар ҳалли бисёр масъалаҳои муҳимми ҳаётӣ аз муодила истифода намудаанд ва мероси ғаниеро оид ба ин масъала ба мо гузоштаанд.

Дар асарҳои олимони асримиёнагии Шарқ ду намуди ҳалли муодилаҳо: назмӣ ва насрӣ акс ёфтаанд. То асри XVIII аз формулаҳо истифода намебурданд. Алломаи забардасти асримиёнагии Шарқ Ал-Хоразмӣ дар рисолаи «Рисолаи ҷабру муқобала» («Тракта по алгебре») муодилаҳоро ба шаш гурӯҳ ҷудо намуд ва усулҳои гуногуни ҳалли онҳоро ба таври риторика нишон дод. Олим аввалин бор намудҳои муодилаҳоро тавсиф намуд.

Муҳаммад Наҷмиддинхон яке аз асосгузорони назми риёзиёти тоҷик, дар яке аз шеърҳояш номҳои компонентҳои муодиларо, таърифҳои амалҳои асосии муодилаи алгебравӣ - барқароркунӣ ва муқобилгузорӣ (муқобала)-ро меорад. Намунае аз шеър меорем:

Анҷоси муодила се қисм аст,
Ҳар якро зикр ин исм аст:
Шайъу адад асту, мол пасттар,
Дар ҳар ду муодилайн бингар,
Тарфе, ки дар ӯст ҳарфи илло,
Такмил намову мисли онро.
Бар тарфи дигар фузун, эй ҳабр,
Дар мусталаҳ аст, номи ин ҷабр.
Ҳангоми муодала ту бишнос,
Афтад агар, ин ки баъзе аҷнос.
Бо ғафсӣ таҷонус аз савият,
Дар ҳар тарафанд бе мазият.
Бояд ки зи ҳар ду сӯбиронӣ,
Номаш чу муқобала бихонӣ[1]

Ал-Хоразмӣ шаш намуди муодилаҳоро ҷудо кард. Муҳаммад Наҷмиддинхон бошад, ҳалли муодилаҳои намуди якумро дар шакли назм нишон дод:

Афтад чу адад адили амвол,
Тақсимаш кун ба аддади мол.
Он гоҳ бигир ҷазри хориҷ,
Барояд шайъ чу базри хориҷ.

Дар ин назми риёзӣ сухан оид ба ҳалли муодилаҳои квадратии якномаълумаи намуди $\mathbf{ax^2 = b}$ меравад.

Ҳамин тавр, қобилиятҳои асосие, ки дар дарсҳои математика онҳоро бо назм инкишоф додан мумкин аст, ба се гурӯҳ ҷамъ овардан кардан мумкин:

1. Қобилияти фаъолияти маърифатӣ:
- таҳлил ва таркиб;
- муқоисанамоӣ;
- дарки ашё;
- дарки қабул;
- тақсим намудани диққат;
- кӯчонидани диққат;
- афзун намудани ҳаҷми ахбор;
- бахотиргирии ғайриихтиёрӣ;

2. Қобилияти боҳодиҳии ҳиссиётӣ:
- баёни баҳодиҳии гуногун (баён намудан, таъриф додан)-и фактҳо, мулоҳизаҳо ва ғайраҳо;
- ба баҳодии амалиёт ва гуфторҳои худ;
- ба корҳои созандагӣ баҳри расидан ба мақсадҳои худ;
- ба кори мустақилона;
- ба кӯшишҳои иродавӣ аз рӯи талаботи вазъият;
- ба ҳиссиёти гуногун - хурсандӣ, хафагӣ, ифтихор ва ғайраҳо;

-ба мутобиқшавӣ ба зуҳуроти ҳолатҳои аёнӣ ва ноаёнии муносибати худ ба одамон;

3. Қобилиятҳои зарурӣ барои соҳаи амалӣ- азнавсозӣ

Ин қобилиятҳо дар амалиётҳои зерини хонандагон эҳсос карда мешаванд:

- ба интихоб, интихоби ифодаҳо, мақсадҳои муошират;
- ба сохтани ибораҳо, калимаҳо;

Албатта, қобилиятҳои дар боло қайдгардида барои ба даст овардани малакаҳои муошират мусоидат менамоянд, вале агар қобилияти омӯзишӣ инкишоф наёфта бошад, билохира, омодагии фаъолияти таълимӣ асоснок нашуда бошад, дар ин ҷараён мушкилиҳо пайдо мешаванд. Механизми асосии асоснокунии эҷодии хонанда ин озодии эҷоди ӯст.

РОЛЬ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В РАЗВИТИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКИ

На уроках математики учащиеся не всегда могут свободно аргументировать свои выступления, делать обобщённые выводы, или просто свободно и произвольно общаться друг с другом. Зачастую они стараются заменить живую, культурную речь стандартной житейской мимикой и жестами, т.е. примитивными невербальными способами общения. Ребята затрудняются в создании самостоятельных, связных, обобщённых устных и письменных высказываний. Ученики допускают большое количество речевых, орфографических и пунктуационных ошибок.

Ключевые слова: поэзия, способность, математика, коммуникативность, общение.

THE ROLE OF MATHEMATICAL POETRY IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE ABILITIES OF SCHOOLCHILDREN IN THE PROCESS OF LEARNING MATHEMATICS

In mathematics lessons students cannot always be free to argue their speeches, to make generalized conclusions, or just randomly chat freely with each other. Often they are trying to replace a living, the cultural standard of everyday speech and gestures, facial expressions, i.e primitive non-verbal ways of communication. The children find it difficult to create independent, coherent, generalized oral and written statements. Students admit a large number of speech, spelling and punctuation errors.

Key words: poetry, the ability, mathematics, communication, communication

Сведения об авторе: ***Буриев Бахтиёр*** - старший научный сотрудник Института развития образования Академии образования Таджикистана. Телефон: **95-146-46-11**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕСТОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ. ОСОБЕННОСТИ ТЕСТОВЫХ ЗАДАЧ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К НИМ

Р.Т. Курбанова
Таджикский национальный университет

Реформа высшего образования, проводимая в настоящее время в Таджикистане, обусловила резкое повышение требований к качеству профессиональной подготовки специалистов всех областей, в том числе и педагогических кадров. В «Государственной программе развития образования Республики Таджикистан на 2010-2015 годы»[7, 1]., отмечается, что основными ориентирами его развития являются: приведение направлений и содержания подготовки специалистов в соответствие с современным уровнем развития науки и технологии; установление соответствия содержания и технологий образования требованиям современного общества (переход от передачи «готовых знаний» к формированию профессионально значимых умений и навыков обучающихся), разработка новых информационных технологий. Результатом такого процесса должно стать, прежде всего, повышение качества образования. Именно оно является главным критерием оценки деятельности учебного заведения. В арсенале педагогической науки имеется целый набор средств и методов, которые могут

способствовать достижению этой цели. Среди них важное место занимают средства и методы контроля качества получаемого образования.

Образование в республике Таджикистан переживает период, который характеризуется интенсивным развитием теории и практики педагогических измерений. Все активнее используются такие технологии оценки качества образования, как педагогическое тестирование и методические требования к ним.

Тестирование в сфере образования - это способ выявления и объективной оценки уровня подготовки учащихся по тем или иным учебным дисциплинам или образовательным программам. Тест состоит из тестовых задач (заданий). Выполнение тестовых заданий в процессе обучения и диагностики прочно вошло в методический обиход. Однако, за внешней простотой скрываются определенные трудности. В большинстве случаев задания, предлагаемые учителями учащимся и называемые тестами (тестовыми заданиями), таковыми не являются.

Под тестовыми задачами понимаются отдельные задания, служащие в совокупности для моделирования исследуемой деятельности. Отбор тестового материала - наиболее сложный и ответственный этап разработки теста. Отбору тестовых задач предшествует:

1 Определение основных характеристик и типов задач;

2) решение вопросов выбора трудности заданий теста,

3) анализ дискриминативности заданий теста;

4) анализ внутренней согласованности, надежности частей и всей совокупности пунктов, факторной нагрузки отдельных заданий и их комплексов;

Трудность заданий теста - это характеристика задачи теста, которая отражает статистический уровень ее решаемости в данной выборке стандартизации. Трудность может быть субъективно-психологической и статистической. Субъективная трудность связана с индивидуально- психологическим барьером, величина которого определяется внешними обстоятельствами, такими, как лимит времени и доступность инструкции, уровень сформированности необходимых знаний, умений и навыков. Воздействие всего комплекса этих факторов на результат теста снижает надежность и достоверность данных, поэтому необходимо выравнивать их воздействие с помощью направленного комплектования выборки и стандартной процедуры проведения. Показателем статистической трудности считается доля лиц выборки, справившихся и не справившихся с заданием. Так, если 20% испытуемых справились с задачей, то для данной выборки она оценивается как трудная, если 80% - то как легкая. Трудность заданий теста - относительная характеристика, потому что зависит от особенностей выборки.

Подбор заданий по показателям трудности заданий теста необходим для успешного применения данного теста. Так, если в тесте все задания слишком трудные, то валидность и надежность такого теста резко снизятся; статистические характеристики оценивания ухудшатся из-за незначительного количества правильных решений; велика вероятность случайной оценки. Если же задания слишком простые, то это приведет к однообразию результатов, их незначительной вариативности, что затруднит оценивание и может вызвать негативное отношение к тесту. Таким образом, необходимо выбрать оптимальные по сложности пункты теста и, следовательно, упорядочить отдельные задания в нем. Если большинство испытуемых справляется с задачей, то ее как легкую нужно поместить в начале теста. Если с задачей справляется незначительное количество испытуемых, то ее как трудную нужно поместить в конце теста. Одну-две самые легкие задачи располагают перед основными задачами теста и используют в качестве примера. Расположение заданий по возрастанию степеней трудностей, выраженных процентом лиц данной выборки, справившихся с

соответствующей задачей, дает возможность примерно определить порог трудности конкретного испытуемого, характеризующий его место в группе. [5, с.350].

Под *дискриминативностъю* заданий теста понимается способность отдельных заданий теста дифференцировать испытуемых относительно максимального и минимального результата теста. Любой ответ испытуемого на конкретное задание можно оценить по двухбалльной шкале - «верно» (1балл), «неверно» (0 баллов). Сумма баллов по всем пунктам будет первичной оценкой. Мера соответствия успешности выполнения одной задачи всему тесту станет показателем дискриминативности заданий теста для данной выборки испытуемых. Это называется коэффициентом дискриминации или индексом дискриминации, который является показателем критериальной валидности отдельного пункта, так как определяется по отношению к внешнему критерию - суммарному результату.

Индекс дискриминативности заданий теста определяется применением метода контрастных групп. Наличие распределения оценок, близкого к нормальному по критерию валидизации, - необходимое условие применения метода. Доля членов контрастных групп меняется в зависимости от величины выборки. Чем больше выборка, тем меньшей долей обследуемых можно ограничиться при выделении групп с высокими и низкими результатами. Нижняя граница «отсечения групп» составляет 10% от общего числа тестируемых в выборке, верхняя - 33%. Десятипроцентные группы используются редко, так как их малочисленность снижает статистическую надежность индексов дискриминации. Обычно из выборки берут по 27 или 33% испытуемых.

При анализе дискриминативности заданий теста особое внимание уделяется определению статистической значимости коэффициентов корреляции. Если коэффициент дискриминации приближается к нулю, то проверяемый пункт теста необходимо пересмотреть в связи с некорректностью формулировки задания или вариантов ответа на него.

Составитель теста должен решить, на каком материале лучше всего строить задание. Преимущества, традиционно приписываемые вопросам, которые требуют описательного ответа, связаны с тем, что эти вопросы дают возможность проверить способность ученика отбирать и организовывать материал и его умение выражать свои мысли ясно и точно. Но время, которое отводится ученику, чтобы ответить на эти вопросы, очень невелико для измерения вышеназванных умений. Поэтому нецелесообразна разработка объективных заданий для небольших групп учащихся. В данном случае «тщательно сформулированные и точно адресованные местоименные вопросы являются наиболее разумным выходом» [7, с.51]. Такие вопросы можно комбинировать с объективными заданиями. К основным достоинствам объективных заданий относят быстроту и объективность подсчета показателей. Каждое объективное задание требует для своей проверки значительно меньше времени, чем обычное задание с местоименными вопросами, следовательно, с их помощью можно охватить более полно содержание учебного предмета и уменьшить вероятность ошибки в суммарных показателях.

Любое тестовое задание должно соответствовать следующим особенностям:

- каждое задание имеет свой номер и эталон правильного ответа;
- задание должно иметь краткую, четкую и логически корректную форму высказывания;
- элементы задания фиксируются в определенных местах в соответствии с содержанием и выбранной формой задания; j
- наличие одинаковой инструкции, содержания заданий и оценки результатов тестирования для всех испытуемых [6, 57].

Одним из параметров качества тестового задания является трудность задания. Выбор трудности задания зависит от того, для чего и для кого оно предназначено. Тестовые

задания различной трудности лежат в основе тестов различного уровня сложности, которые используются в дифференцированном обучении.

По степени сложности выполнения тест и отдельное тестовое задание могут быть сформулированы на одном из четырех уровней усвоения знаний, выделенных В.П.Беспалько:

1 уровень - знания-знакомства, которые дают возможность выполнять действия-распространения и действия-различия.

Для проверки качества усвоения знаний на первом уровне Е.Л. Белкин предлагает использовать тесты, требующие выполнения деятельности по узнаванию (должны содержаться задания на опознание, различение и классификацию объектов, явлений и понятий); избирательные или выборочные тесты (ученик выбирает правильный ответ из предложенных вариантов, при этом выполнение действий осуществляется в условиях, когда "помехи", создаваемые рядом вариантов ответов, с одной стороны, затрудняют выбор правильного решения, а, с другой - контрастируют с ним); тесты на классификацию (необходимо соотнести несколько признаков с несколькими объектами, предъявленными в тесте).

2 уровень - знания-репродукции, определяющие действия - воспроизведения, состоящие в возможности описания ранее воспринятых образов и фактов.

К тестам второго уровня следует относить такие, в которых требуется воспроизводить и обсуждать информацию об изучаемых объектах по памяти: тесты-подстановки (в заданиях необходимо заполнить пропуски слов, фразы, формулы), конструктивные тесты (ученик по памяти без косвенных подсказок сконструирует ответ), тесты-типовые задачи (содержат условия, позволяющие применить разрешающую их процедуру - правило, последовательность действий и получить необходимый ответ).

3 уровень - знания-умения, в соответствии с которыми выполняются действия по применению знаний на практике без переноса на неизученные ранее ситуации или с ограниченным переносом.

Для определения качества знаний на третьем уровне используются тесты-нетиповые задачи, методика решения которых требует от обучаемого трансформации изученных способов действий.

4 уровень - знания-навыки или трансформации, предполагающие действия по применению знаний без внешних опор и с возможностью широкого переноса как на аналогичные явления, так и на явления, общие с изученным по существу, но различные по форме.

Тестами четвертого уровня выявляют умение обучаемых ориентироваться и принимать решения в объективно новых ситуациях. Тесты 4 уровня - это проблемы, решение которых сопровождается творческой деятельностью, получением объективно новой информации. Очевидно, что для тестов 4 уровня невозможно создать эталоны, поэтому здесь не могут быть выполнены требования определенности и однозначности. Их оценка может быть выполнена экспертным путем по ответам, полученным от обучаемого [4,42].

При составлении теста необходимо учитывать некоторые общие правила разработки тестовых задач. Так, Л.Ф. Бурлачук и С.М. Морозов выдвигают ряд требований, которым должны удовлетворять тестовые задачи:

1)легкость понимания (это требование, на наш взгляд, особенно актуально при использовании тестов в практике начальной школы);

2) относительная новизна для тестируемых по способу решения и содержанию;

3) анонимность;

4) Минимальная вероятность случайного решения;

5) Экономичность с точки зрения выполнения [5, с. 109].

Тестовые задания необходимо составить таким образом, чтобы они не вызывали лишних вопросов со стороны ученика, не требовали больших усилий для выполнения вспомогательных операций, были компактны и удобны для учета результатов и обработки материала, допускали возможность формализации окончательных результатов, четкой стандартизации процедуры и интерпретации. Кроме этого необходимо отметить, что тестовые задания должны соответствовать содержанию учебного материала. Эффективность тестовых заданий (высказываний) должна быть основана на использовании логики. Не всякие высказывания входят в тест, а только те, которые, во-первых, логически осмыслены и, следовательно, выражают те или иные суждения, и, во-вторых, имеют отношение к предмету изучения. В каждом суждении что-то утверждается или отрицается. Посредством высказываний до сознания тестируемого доводятся определенные суждения, придающие мысли законченную форму.

Выделяют следующие принципы построения тестовых заданий:

-кумулятивности (каждый последующий ответ включает предыдущий);

-альтернативы;

-удвоенной альтернативы;

-градуирования;

-классификации;

-сочетания.

Проиллюстрируем некоторые принципы на конкретных примерах. По принципу альтернативы построены задания типа: «Отметьте номер правильного ответа».

Имя существительное обозначает:

2. Признак предмета.
3. Действие предмета.
4. Предмет.
5. Добавочное действие.

По принципу классификации: «Отметьте номер правильного ответа».

Окончание служит для образования:

1.Новых слов.

2.Новых форм слов.

По принципу сочетания: «Отметьте номер правильного ответа».

Глаголы прошедшего времени изменяются по:

1. Лицам и числам.
2. Лицам и родам.
3. Родам и числам.

По принципу кумуляции: «Отметьте правильный ответ».

Если прямая речь стоит после слов автора, то ставятся знаки препинания:

1. Кавычки.
2. Кавычки, тире.
3. Кавычки, тире, запятая.

Интересен вопрос о форме выражения тестовых задач. Тестовые задания - могут быть представлены в форме утверждения, выражать определенный смысл и обладать такими чертами правильного мышления, как определенность, логическая непротиворечивость, содержательная и логическая правильность, последовательность и обоснованность. «Учебные вопросы многословны и порождают ответы - полные и неполные, правильные и неправильные, разные по форме, содержанию и структуре, вследствие чего оценка таких ответов требует обязательного участия преподавателя и сопровождается некоторой долей субъективизма. Вопросы и ответы на них иногда бывают столь неопределенными и многословными, что для выявления их истинности требуются большие затраты интеллектуальной энергии, в то время как технологичная

методика тестирования предполагает четкую и быструю дифференцируемость ответов. В этом смысле традиционные вопросы и ответы не технологичны; их не рекомендуется включать в тест. Семантическое преимущество заданий заключается в лучшем понимании их смысла и значения. Это связано, во-первых, со словесным составом задания в тестовой форме: смысл тестового утверждения улавливается всегда лучше, чем смысл вопроса. В тестовых утверждениях нет ни одного лишнего слова и даже знака, в то время как вопрос требует ряда дополнительных слов и знаков для выражения требуемого смысла, значения и интонации».

Считаем, что сравнение тестовых заданий в утвердительной форме с плохо сформулированными заданиями в вопросительной форме представляется нам не совсем корректным. Мы ведем речь о тестовых заданиях по русскому языку для национальной школы, и обе формы являются одинаково приемлемыми, то есть правильно сформулированное задание в форме вопроса ничем не уступает подобному заданию в форме утверждения.

Выбор способа формулировки тестового задания в утвердительной или вопросительной форме должен определяться тем, понятен он учащимся или нет.

Выводы:

Таким образом, можно выдвинуть ряд правил формулирования содержания и инструкции выполнения тестовых задач:

1 .В основе каждой задачи или вопроса должна лежать одна мысль. Если состав утверждений ложный (например: имена существительные и имена прилагательные изменяются по родам, числам и падежам), то формулировку нужно сократить или разделить на необходимое количество вопросов.

Тестовое задание должно проверять один элемент знания. Если это не

так, то неясно, с каким элементом знаний ученик не справился и в чем причина невыполнения задания. В.С. Аванесов [1,с.28] для таких заданий вводит понятие «псевдотестовые» и ставит их в отдельный ряд. А.Н. Майоров считает, что «если для автора неважны вопросы разнесения причин невыполнения заданий и он готов оценивать несколько элементов знаний одной оценкой, то ничего плохого в этом нет» [8, с. 121].

2. Следует избегать употребления многозначных понятий, редких значений слов, диалектизмов, узкоспециальных терминов.

3. Необходимо помнить, что слишком короткие формулировки могут вызвать дополнительные вопросы, так как нередко являются многозначными.

4. Необходимо избегать и чересчур длинных высказываний, использование которых ведет к затруднению понимания, увеличивает время проведения тестирования, утомляет учеников (русский язык в национальных школах- школьников, в частности, у которых еще не до конца сформирован навык чтения), создает условия для возникновения помех, которые могут повлиять на результат всего теста. Иными словами, формулировка задачи должна быть понятной для учащихся данной возрастной группы.

5. Задачи должны реально отражать существующие отношения, соответствовать времени, иметь конкретное содержание.

6. Задачи не должны быть похожими друг на друга по содержанию, чтобы решение одной задачи не служило «ключом» для другой.

7. Задание теста должно иметь однозначный ответ. В данном случае речь идет об однозначной, с точки зрения пользователя, возможности оценки результата выполнения тестового задания, как возможность любого пользователя на основе сравнения ответа ученика и правильного ответа, предложенного составителем, сделать однозначный вывод о том, выполнил данный ученик это задание верно или нет.

8. При составлении вопросов следует осторожно использовать слова «иногда», «часто», «всегда», «все», «никогда». Такие слова содержат неопределенность и могут пониматься субъективно, что может привести к неправильным ответам; в то же время использование таких слов дает возможность учащимся догадаться о правильном ответе.

Авторы [3, с.20-22] называют такие задания аналитическими тестами «уровня усвоения изученной темы», которые ориентированы на личностные достижения ребят. Нами уже указывалось, что назначение тестов не только и даже не столько контроль и оценка знаний и практических умений младших школьников как итоговых результатов, сколько диагностика состояния и проблем работы учащихся с программным материалом на каждом этапе его изучения, выявление возможных пробелов и затруднений.

9.Вопросы должны быть четко сформулированы и не должны содержать слова «большой», «небольшой», «много», «мало», «меньше», «больше».

Не следует задавать вопросы с подвохом, ибо в заблуждение могут быть введены наиболее способные учащиеся, «которые знают достаточно для того, чтобы попасться в ловушку», кроме того, это противоречит основной цели - «определение уровня знания и понимания» [8, с. 124].

Наша позиция опирается на точку зрения некоторых теоретиков тестологии: «Выбор правильного ответа дает истинное суждение, а выбор неправильного - ложное суждение. Третьего не дано. Из этого закона следует методическое правило: в каждом задании с выбором одного правильного ответа последний должен быть, что придает однозначность замыслу самого задания и не допускает противоречивых толкований у испытуемых. Следование закону исключения третьего налагает логический запрет на применение таких ответов, как «правильного ответа нет» или «все ответы правильные», которые в практике еще встречаются».

Отметим также, что обязательным элементом любого тестового задания является правильный ответ (оценочная схема).

При подготовке набора тестовых задач необходимо провести проверку объективности и корректности их формулировок. Эта проверка осуществляется с помощью экспертных оценок и напоминает процедуру установления содержательной валидности. Эксперты оценивают тестовые задачи с точки' зрения однозначности формулировок и соответствия назначению теста. Возможно также специальное исследование соответствия содержания и понимания заданий по характеристикам области применения теста. Если эксперты признают задачу неудачно сформулированной или вызывающей различное толкование, а также неадекватной или слабо связанной с направленностью разрабатываемой методики, такая задача отбрасывается или же формулируется по - другому.

Отобранные задания располагаются или по степени трудности, или в случайном порядке (гомогенные тесты). Тестовые задания могут объединяться в блоки (гетерогенные тесты).

В школьной практике иногда используются комбинации из тестовых задач, относящихся к различным методикам. Однако подобная практика не может быть допустимой, так как характеристики надежности, валидности, трудности, однородности целых методик и их частей далеко не равнозначны.

Таким образом, тестовые задания должны быть составлены с учетом определенных правил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов В.С. Тесты в социологическом исследовании / В.С. Аванесов. - М.: Наука, 1982.
2. Анастази А. Психологическое тестирование / А. Анастази, С. Урбина. - СПб.: Питер, 2001.
3. Базарова О.Т. Использование дидактических тестов в условиях развивающего обучения / О.Т. Базарова, И.Н. Шиц // Начальная школа, 2001. -№3. -С.20-22.

4. Беспалько В.П. Опыт разработки и использования критерия качества усвоения знаний/ В.П. Беспалько // Советская педагогика, 1968. - № 4. - С. 66-67.
5. Бурлачук Л.Ф.Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф.Бурлачук, С.М. Морозов. - СПб.: Питер, 2000.
6. Вилфорд Д. Современная типология педагогических тестов / Д. Вилфорд; пер. и адаптация к отечественной терминологии В. Г. Кузнецова. - Самара, 2000.- 174 с.
7. Государственная программа развития образования республики Таджикистан на 2010–2015 годы Утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от«29» апреля 2009 года, №254
8. Майоров А.Н. Тесты школьных достижений: конструирование, проведение, использование / А.Н. Майоров. - СПб.: Образование и культура, 1997.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕСТОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ. ОСОБЕННОСТИ ТЕСТОВЫХ ЗАДАЧ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К НИМ

В статье исследуется повышение требований к качеству профессиональной подготовки педагогических кадров, технологии оценки качества образования, как педагогическое тестирование и методические требования к ним. Автор акцентирует внимание на вопросе профессионализма в тестировании, как в процессе создания апробации и оценки тестов, так и на уровне пользователя.

Ключевые слова: комбинация задач, тестовые задания, степень трудности задач, педагогическое задание, образовательный процесс, предметные знания, валидность, надёжность.

THEORY AND PRACTICE OF THE USE OF TESTS IN THE RUSSIAN LANGUAGE. FEATURES OF TEST PROBLEMS AND METHODOLOGI CAL DEMANDS PLACED UPON THEM

The article investigates the increasing demands for quality training of teachers, technology, quality assessment, as teacher testing and teaching requirements for them. The author focuses attention on professionalism in testing both in the course of creation, approbation and assessment of tests, and at level of the user-diagnostician.

Key words: a combination of tasks, tests, level of difficulty of the task, the pedagogical task, educational process, subject knowledge, validity, reliability.

Сведения об авторе: ***Курбанова Р.Т.*** – ассистент кафедры русского языка в нефилологических факультетах Таджикского национального университета. Телефон: **93-556-26-26**

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

И.Т.Касымова
Таджикский государственный институт языков им. С. Улугзаде

Педагогическая практика и специальные исследования показали, что на реализацию мировоззренческой направленности учебно-воспитательной работы при изучении русского языка решающее влияние оказывают следующие факторы:

– правильность отбора комплекса знаний о языке как общественном явлении;

– четкость методологических позиций педагога в трактовке им основных языковых явлений и категорий;

– активизация познавательной деятельности обучающихся;

– высокое качество фактического языкового материала, на базе которого изучается теория языка.

Все названные факторы присутствуют в образовательной практике в виде системы, так как только их рациональное взаимодействие дает положительные результаты. Рассмотрим некоторые из них, и в первую очередь остановимся на ознакомлении с языком как общественным явлением.

Социальная сущность языка проявляется, прежде всего, в его коммуникативной функции. Для того чтобы способствовать отчетливому осознанию роли языка в жизни общества, во-первых, необходимо обеспечить в учебном процессе внимание к

усвоению студентами роли каждой языковой единицы в нашей речи. Коммуникативная функция языка познается студентами в процессе осознания функции основных его единиц: фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения и взаимоотношений между ними.

Во-вторых, на осознание студентами коммуникативной функции языка положительное влияние оказывает коллективный поиск ответа на вопрос: «Какую роль выполняет язык в жизни каждого человека и общества в целом?» Постепенно по мере освоения языка ответ на данный вопрос углубляется и расширяется. Студенты находят в окружающей их жизни конкретные примеры для подтверждения своих мыслей о том, что язык необходим людям для совместной жизнедеятельности, для того, чтобы познавать новое, создавать новые технологии и т.д. Они подводятся и к пониманию роли языка в становлении человека как личности. Труд и речь создали человека, выделили его из мира животных. Совершенствуя в процессе труда своё мышление и развивая одновременно речь, человек постоянно совершенствовал и совершенствует себя. Преобразуя окружающий мир, человек все дальше и дальше уходит в своем развитии, все богаче становится его язык. Общение с людьми, членами общества, совместный труд являются необходимыми условиями развития любого человека.

В-третьих, на формирование у студентов взгляда на язык как на общественное явление благотворное влияние оказывает изучение истории происхождения и развития языка. Студенты, изучая историю языка, понимают, что язык возник в связи с трудовой деятельностью и развивался постепенно. В очень далекое от нас время в языке было немного слов, а новые слова появлялись по мере того, как люди познавали окружающий их мир, создавали орудия труда, производили что-то и т.д. Предметам, их признакам, процессам, явлениям, действиям и многому другому, что существует вокруг нас, люди давали названия; так язык пополнялся и пополняется новыми словами. Так, например, в настоящее время словари русского языка содержат более 200 тысяч слов, хотя на Земле есть племена, которые находятся на ранней стадии своего развития, и в их языке насчитывается около 200 слов.

Безусловно, о развитии языка, о жизни отдельных слов студенты узнают постепенно в процессе изучения имен существительных, имен прилагательных, глагола, наречий. Большими возможностями в этом плане располагает раздел «Состав слова», изучая который студенты знакомятся с важным источником пополнения русского языка новыми словами, а именно словообразованием. Большинство новых слов, как известно, образуются на базе слов, уже существующих в языке, и создаются по тем моделям, которые присущи русскому языку (например: прилуниться по типу приземлиться, целинник по типу лесник, бульдозерист по типу тракторист, космодром по типу аэродром и т.д.). Появление в языке нового слова обычно влечет за собой появление целой группы однокоренных слов (например: пулемет, пулеметчик, пулеметный; радио, радист, радиолюбитель и т. д.).

Рамки учебных программ в вузе не дают возможности организовать специальное изучение вопроса о развитии языка, но все-таки важно заложить фундамент научного взгляда на язык как на культурно-историческое явление, развивающееся вместе с развитием общества. А с учетом того, что лексическая сторона языка является наиболее подвижной в своем развитии, можно на ее примере наиболее доступно раскрыть студентам связь развития языка с развитием общества. При этом изменения, происходящие в лексическом составе языка, дают богатый материал и для того, чтобы формировать у студентов взгляды и убеждения о познаваемости мира.

Исследование процесса усвоения языка студентами убеждает в том, что формирование основ научного взгляда на язык как на целостное, развивающееся явление способствует познанию его существенных связей. В частности, такой цели служит работа над осознанием студентами связи между звуковой структурой слова и

его лексическим значением, между морфемным составом слова и его лексическим значением, между грамматическими значениями слова и его принадлежностью к определенной части речи, между морфемным составом слов, типом его образования и принадлежностью к определенной части речи и т.п. Указанные связи являются частным проявлением более общих связей, характеризующих взаимодействие фонетической, лексической, словообразовательной и грамматической сторон языка. Необходимо подчеркнуть, что осознание студентами связей, характерных для языка, имеет большее значение не только с точки зрения овладения языком, но и в плане формирования мировоззренческих взглядов. Умение видеть явление во взаимосвязи составляющих его частей - основа диалектического, целостного взгляда на мир.

В настоящее время вопросы усвоения студентами существенных связей, характерных для языка, оказались наименее разработанными методической наукой и в силу своей значимости требуют к себе особого внимания.

Необходимо подчеркнуть важность опоры на жизненную практику на разных ступенях познания языка студентами. На жизненный опыт студента, на его речевую практику можно опираться как на начальном этапе накопления фактов, необходимых для обобщений теоретического характера, так и на этапе применения знаний. Под влиянием обучения сама речевая деятельность студентов претерпевает качественные изменения, она становится более сознательной. Например, уровень использования студентами в своей речи имен прилагательных, глаголов, морфем слова и т.д. становится значительно выше после изучения соответствующих программных тем.

Таким образом, связь обучения русскому языку с окружающей действительностью создает фундамент для понимания студентами целостности мира. Одновременно решается одна из ведущих задач процесса изучения русского языка - развитие у студентов умений верно наблюдать и точно передавать свои мысли в устной и письменной форме. При этом особого внимания требует формирование у студентов умения мыслить целостно и диалектически.

Целостность и диалектичность мышления (в широком понимании) характеризуется умением видеть явления в развитии, всесторонне, в совокупности их существенных признаков, с учетом связей с другими явлениями и процессами. Такое качество мышления формируется у студентов постепенно и, в свою очередь, включает овладение умениями добывать факты в процессе наблюдений, анализировать их и устанавливать связи между отдельными сторонами изучаемых явлений, сравнивать и обобщать.

В последнее десятилетие учебно-познавательная деятельность студентов все в большей степени носит поисковый характер. При изучении русского языка ведущим для студентов-таджиков является не запоминание отдельных правил и определений, а целенаправленный анализ и синтез языкового материала, «созданного» самими студентами на основе наблюдений над окружающей их жизнью или почерпнутого в готовом виде из литературных источников. Активное участие в самом процессе установления существенных признаков изучаемых грамматических, словообразовательных, лексических понятий, сопоставление познаваемых фактов со сходными или противоположными (т. е. включение их в систему знаний), а также творческое применение изучаемых теоретических знаний в разнообразной речевой деятельности - все это создает предпосылки для развития у студентов умения мыслить целостно, диалектически. При этом одним из важных факторов является целенаправленное управление умственными действиями студентов со стороны педагога, формирование у них общих методов решения орфографической, грамматической или лексико-стилистических задач.

Наконец, при решении вопроса о формировании у студентов основ научного мировоззрения в процессе обучения русскому языку особую значимость приобретает

учебный материал, на базе которого он изучается в вузе. Фактическая сторона материала, его мировоззренческая направленность и художественная выразительность воздействуют на мыслительную и эмоциональную деятельность студентов, расширяют их знания об окружающем мире, воспитывают интерес к языку и культуре народа, создавшему его, повышают общий уровень развития студентов и содействуют формированию их личностных качеств, их мировоззрения. В последние годы значительно возросли требования к содержанию обучения русского языка и к учебно-методическим пособиям для преподавателей. Основными критериями отбора учебного материала по русскому языку являются: познавательная ценность текстов и отдельных предложений, их лексико-стилистическая точность, разнообразие тематики, связь с разными сторонами жизни, мировоззренческая направленность текстов, их доступность и некоторые другие. Литературные произведения, используемые в качестве учебных материалов, должны побуждать студентов действовать в жизни в соответствии с высокими нравственными идеалами и благородными целями. При этом педагогическое руководство чтением студентов должно быть направлено на то, чтобы студенты как можно яснее, ярче воспринимали образы людей, изображаемых писателем, испытывали волнение, знакомясь с поступками героев, переживали бы содержание произведения и сердцем и умом. Кроме того, необходимо помнить, что помогают воспитывать мировоззрение кинофильмы, картины художников.

Итак, на формирование мировоззрения студентов-таджиков в процессе обучения русскому языку большое влияние оказывают следующие факторы:

– методологические позиции преподавателя;

– комплекс знаний о языке как развивающемся общественном явлении, которые усваивают студенты;

– способы познания, которыми овладевают студенты;

– познавательная, мировоззренческая и художественная ценность учебного материала, на базе которого изучается русский язык.

Формирование у студентов научного мировоззрения - проблема многоаспектная, и решается она всей системой учебно-воспитательной работы в вузе и вне его. При этом в процессе изучения русского языка, в первую очередь, формируется лингвистическая компетентность студентов-таджиков, которая является основой освоения ими языка как системы, с учетом взаимосвязи всех его сторон.

Система изучения русского языка в вузе как учебной дисциплины основывается на реально существующей в языке внутренней взаимосвязи всех его сторон: фонетической, лексической, словообразовательной и грамматической (морфологической и синтаксической).

Многоплановость и сложность связей между всеми сторонами языка, их диалектическое единство проявляется, прежде всего, в коммуникативной функции языка. Коммуникативная функция выступает как основное свойство языка, его сущность. Данную функцию выполняет каждый из компонентов языка, но осуществляет ее во взаимодействии с остальными.

Звуковая форма, которая свойственна любому слову, создает людям возможность для общения: слова физически воспроизводятся и воспринимаются.

Однако звуковой строй языка не существует сам по себе, подобно тому, как форма немыслима без содержания. Не любой комплекс звуков, а лишь тот, который имеет определенный смысл, может служить целям коммуникации. В качестве такого звукового комплекса, как известно, выступает слово. Словарный состав языка, его лексика, - это своеобразный строительный материал, служащий для выражения мыслей.

Тем не менее, как бы ни был богат словарный состав языка, без грамматики, он мертв. Словарный состав языка сам по себе не выполняет коммуникативной функции. Для целей общения слова грамматически организуются, т.е. вступают в определенные

отношения друг с другом в структуре целого предложения. Благодаря этому мысли получают стройную форму выражения. Роль грамматики как организующей части языка была определена еще М.В. Ломоносовым [1].

Своеобразие каждой из сторон языка проявляется в специфике языковых единиц. Для фонетики в качестве таких единиц выступают звуки речи, фонемы, для лексикологии - слово с точки зрения его семантического значения и употребления; для грамматики - слово в своих формах, а также словосочетание и предложение, для словообразования - морфема и слово со стороны его строения и способа образования.

С грамматической стороны слово, словосочетание и предложение имеют целый комплекс особенностей. Слово имеет свою морфемную структуру, свой тип словообразования, ему свойственны те или иные грамматические категории (падеж, род, число, лицо и др.), определенная синтаксическая роль. Словосочетание, так же как и слово, имеет формы словоизменения (изменяться может только стержневое слово или оба члена словосочетания). Предложение по своей структуре качественно отличается от слова: слово состоит из морфем, не обладающих самостоятельностью значения вне слова, составные компоненты предложения имеют самостоятельное лексическое значение, которое в составе предложения лишь уточняется. Предложение и словосочетание в качестве своего «строительного материала» используют слово, но их структура различна. Для предложения характерен еще ряд синтаксических особенностей, а также интонация законченности.

Итак, даже краткое рассмотрение специфики каждой из сторон языка подчеркивает сложность отношений между ними, их взаимопроникновение. В аналогичных сложных отношениях находятся и разделы языковедческой науки, изучающие соответствующие стороны языка.

Фонетика связана как с лексикологией,- так и с грамматикой. Звуки, фонемы, слоги существуют в языке не сами по себе, а в составе слова, обладающего определенным лексическим значением.

Связь фонетики с синтаксисом проявляется, в частности, в том, что каждое предложение имеет определенную интонацию. Комплекс слов, грамматически и семантически связанных, становится предложением только в условиях вполне определенной интонационной выразительности. При этом смысл предложения зависит от интонации, которую говорящий придает предложению. Интонация, таким образом, наряду с порядком слов,- использованием служебных слов, словоизменением, выступает как один из способов организации предложения.

Теснейшим образом связаны лексикология и словообразование: во-первых, как отмечают многие лингвисты, словарный состав языка пополняется в основном за счет образования новых слов по моделям слов, уже существующих в языке; во-вторых, лексическое значение производных слов базируется на вещественном значении производящих основ.

Морфология находится в тесной связи с лексикологией и словообразованием.

Морфология изучает в основном грамматические свойства слов. Однако грамматическое значение слова всегда выступает в единстве с лексическим, и каждое слово, таким образом, заключает в себе, с одной стороны, признаки, свойственные определенной лексико-грамматической группе, к которой данное слово относится, а с другой - у него есть свое лексическое значение. Вот это единство общего в слове изучается морфологией, - естественно, не в отрыве от лексики, а на ее базе.

Для слова характерен определенный морфемный состав, от которого зависит как лексическое значение слова, так и ряд его грамматических признаков: отнесенность к той или иной части речи, наличие категорий рода, числа, падежа (или лица) и др. При образовании новых слов любым способом (морфологическим, морфолого-синтаксическим, лексико-семантическим, лексико-синтаксическим) слово всегда

«рождается» грамматически оформленным и имеющим свое лексическое значение. В языке каждая часть речи имеет характерные ей черты словообразования. Морфемный состав слов и способы образования новых слов изучает такой раздел науки, как словообразование, но делает это не изолированно от грамматики и лексикологии.

В разностороннюю связь вступают между собой морфология и синтаксис. Морфология, как отмечалось выше, изучает, главным образом, грамматические значения слов и формы их выражения. Объектом изучения синтаксиса являются «способы организации слов в словосочетания и в предложения, а также типы предложений, их значения и условия употребления» [2]. Объекты изучения в некоторой степени совпадают; слово изучается и в морфологии, и в синтаксисе, однако аспект изучения слова разный. В синтаксисе в центре внимания предложение; слово изучается в плане его смысловой и грамматической связи с другими словами, объединенными в словосочетание или предложение. В морфологии слово может изучаться и вне предложения; оно рассматривается с точки зрения соотношения с другими словами, входящими в ту же лексико-грамматическую группу или имеющими тот же тип склонения, спряжения и т.д. Но такой разный подход к слову в морфологии и синтаксисе не означает отсутствия точек соприкосновения. Напротив, они существуют в самой природе слова и предложения. Коммуникативную функцию предложение выполняет благодаря тому, что слова обладают системой словоизменения. Вся система формообразования и словоизменения изучается в морфологии, но поскольку свое применение она находит в предложении, то изучение правил сочетания слов относится к области синтаксиса. При установлении способов соединения слов в словосочетания учитываются морфологические свойства частей речи, входящих в словосочетание. Это один из частных случаев взаимосвязанности языковых явлений, изучаемых в морфологии и синтаксисе. Однако и данного конкретного примера, видимо, достаточно, чтобы подчеркнуть, что морфология и синтаксис, хотя и взаимообусловлены, но самостоятельны.

Приведенные положения определяют методику обучения русскому языку студентов-таджиков с учетом внутрипредметных связей:

1. Исходя из того, что все стороны языка (лексическая, фонетическая, словообразовательная, грамматическая) взаимосвязаны между собой и в то же время каждой из них свойственны специфические черты, студентам для сознательного владения языком необходимо усвоение особенностей каждой из сторон языка и связей между ними.

Система обучения русскому языку как неродному строится с учетом сущности связи между фонетикой, лексикологией, словообразованием и грамматикой. Данное положение реализуется как при определении последовательности изучения материала (порядок изучения разделов программы), так и в самом содержании обучения (органическая связь между разделами программы, обусловленная их лингвистическими особенностями).

2. Взаимодействие всех сторон языка проявляется в его коммуникативной функции: в целях общения слова как основные единицы языка должны быть правильно произнесены или написаны, одинаково поняты всеми людьми, говорящими на данном языке, грамматически правильно организованы в предложения.

Учитывая это, для осознания студентами-таджиками сущности связи произносительной, графической, лексической, словообразовательной и грамматической сторон языка необходимо изучение разделов программы осуществлять под углом зрения усвоения коммуникативной функции языка как ведущей, т. е. понимания роли каждой из сторон языка и их единства в процессе общения людей.

В этих целях при изучении фонетической стороны языка большое место отводится уяснению студентами единства смысловой и произносительной сторон слова и смыслоразличительной роли звуков.

При изучении раздела программы «Слово» основное внимание направлено на уяснение студентами единства всех сторон слова: произношения, лексического значения, морфемного состава, совокупности грамматических признаков, образования, а также употребления в речи и написания. При этом педагогу необходимо добиваться понимания студентами как номинативной (назывной) функции слова, так и взаимодействия в слове его морфемного состава и лексического значения.

При изучении раздела «Предложение» ведущим направлением работы является раскрытие функции предложения как языковой единицы речи и формирование у студентов умений сознательно пользоваться предложениями разной структуры в устной и письменной речи.

Взаимосвязанное изучение в вузе всех сторон русского языка (произносительной, лексической, грамматической, словообразовательной) - ведущий методический принцип обучения русскому языку, реализация которого создает научную основу для осознания студентами языка как явления сложного, развивающегося, имеющего существенные стороны, которые находятся между собой во взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рамзаева Т.Г. Методика обучения русскому языку в начальных классах: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Педагогика и методика нач. обучения» / Т.Г. Рамзаева, М.Р. Львов. - М.: Просвещение, 1979. -№ 2121. - 431 с.
2. Шубинский В.И. Ломоносов: Всероссийский человек / В.И. Шубинский. - М.: Молодая гвардия, 2010. - 471 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

В данной статье автором подвергнуты изучению и рассмотрению традиционные формы и методы обучения русскому языку, направленные на формирование научного мировоззрения и профессиональных компетенций. Взаимосвязанное изучение в вузе всех сторон русского языка (произносительной, лексической, грамматической, словообразовательной) - ведущий методический принцип обучения русскому языку, реализация которого создает научную основу для осознания студентами языка как явления сложного, развивающегося, имеющего существенные стороны, которые находятся между собой во взаимодействии.

Ключевые слова: обучение русскому языку, традиционные формы и методы, профессиональные компетенции, взаимосвязанное изучение русского языка.

THE TRADITIONAL FORMS AND METHODS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE, AIMED AT FORMATION OF A SCIENTIFIC OUTLOOK AND PROFESSIONAL COMPETENCES

In this article the author subjected to examination and reviews the traditional forms and methods of teaching Russian language, aimed at formation of a scientific Outlook and professional competences. Interconnected study at the University all the sides of the Russian language (pronouncing, lexical, grammatical and word-building) is the leading methodological principle of learning the Russian language, the implementation of which creates the scientific basis for the comprehension of the students of the language as a complex phenomenon, emerging with the essential aspects, which are among themselves in the interaction.

Key words: Russian language teaching, the traditional forms and methods, professional competence of interrelated teaching of the Russian language.

Сведения об авторе: ***Касымова И.Т.***- кандидат педагогических наук, доцент проректор по воспитательной работе ТГИЯ им.С.Улугзаде, докторант Института развития образования Академии образования Таджикистана. Телефон: **918-50-63-19**

ФЕМИНИЗМ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Исмаил Челик
Академия образования Таджикистана

Представительница социал-феминизма Маргарет Бэнстон в своей работе «Политическая экономия освобождения женщин» (1969 г.) определяет домашний труд как критическую форму женского труда, сделавшую женщину социальным нулем. Домашний труд не оплачивается, он при этом является тяжелым, малоценным, невидимым, рутинным, бесконечным, непрестижным и т.д.

Семейные обязанности женщины определяют ее вторичный статус в сфере труда. По данным МОТ, в целом в мире заработная плата женщин составляет 60-70% от зарплаты мужчин.

Следующий проблемный узел социал-феминизма – это соотношения пола и класса: к какому классу принадлежит женщина? Всегда ли класс женщины определяется классом мужа? А до и после брака? Есть ли общий опыт работающих женщин?

Под следующий узел проблематики социал-феминизма относится вопрос о роли семьи в идеологической социализации женщины, мужчины и ребенка. По мнению социал-феминисток стереотипное поведение женщины в семье весьма выгодно капитализму. Мужчины социализируются через соревновательность, агрессивность, рациональность, независимость – черты необходимые для успеха в капиталистической экономике. Женщины, наоборот, социализируются через относительные, жизнесберегающие, направленные на интеграцию, на объединение и на компромиссы отношения, которые необходимы и предназначены для выполнения домашней работы.

Центральными концепциями социал-феминизма являются: практика, воспитание сознательности и идеология. Отсюда вытекают формы деятельности социал-феминисток: кризисные центры, детсады, малый бизнес для стимулирования альтернативного мышления и поведения.

Идеология сохраняет свое традиционное значение в социал-феминистской трактовке: она понимается как процесс, в котором продуцируется смысл. Борьба за идеологию в социал-феминизме протекает в таких областях, как общественная политика, законодательство, образование, личные конфликты. При этом социал-феминистки отмечают, что семья для женщины представляет собой не только убежище, но нередко становится местом ее скуки и депрессии [1].

Таким образом, социал-феминизм причину угнетения женщин видит в экономике и домашней работе. Капитализм и патриархат в социал-феминизме рассматриваются как взаимозамкнутые и взаимозависимые системы угнетения женщины. Это патриархальное угнетение имеет материальный и идеологический базис: у мужчин и женщин разные темпераменты и склонности, отсюда их разные роли в разделении труда. Однако разделение труда в семьях иммигрантов, рабочих, разведенных, лесбиянок и гомосексуалистов, одиноких родителей иное. Там или нет совсем мужа-кормильца, или он сам угнетен капитализмом. Это значит, что в таких семьях традиционный порядок разделения труда и семейных ролей по половым признакам исключается. В таких случаях проблематично объяснить происхождение сегрегации женщины на рынке труда только по ее семейным обязанностям.

Черный феминизм и феминизм цветных первым среди феминистских направлений поставил вопрос о многообразии женского опыта. Все предыдущие течения феминизма страдали белым солипсизмом. Если гендер – первая форма субординации, то класс, сексуальность, раса еще более расширяют границы и сферы патриархального доминирования [2].

Психоаналитический феминизм утверждает, что причина неравенства женщины кроется в структурах бессознательности и в языке, в значительно большей степени, нежели в природе и материальных отношениях.

З. Фрейд, которого принято считать певцом женского угнетения, полагал, что развитие психики женщины определяется комплексом кастрации и завистью к пенису. Эти факторы определяют три возможные линии развития женской психики:

1. подавление сексуальных импульсов и, следовательно, неврозы;

2. модификация характера под мужские образцы (стремление к творчеству, сублимация, сильные социальные интересы, активность);

3. нормальная женственность, стремление обладать тем, что составляет предмет женской зависти (т.е. фаллосом) через замужество и рождение сына.

Психоаналитический феминизм изучает формирование женской идентичности. Для нее важнейшие психофизиологические состояния – дефлорация, беременность, роды, менопауза. Анатомия женщины не может определяться через то, чего у нее нет, - отсутствие пениса, а должна определяться через уникальные женские особенности.

Феминистки именно в психоанализе нашли ключи для понимания внутренних процессов патриархальной культуры. Скрытая психодинамика накладывает отпечаток на характер личностных, межличностных и социальных отношений, на динамику бессознательного. Все это формирует мышление, эмоции, действия людей. Женщина – первый воспитатель ребенка. Ее опека становится причиной гендерного неравенства. Мать испытывает двойственное отношение к другим женщинам, на которых переносится коллизия женского доминирования [3].

Постмодернистский феминизм склонен к критике убеждений, идей и ценностей модерна, бывших характерными для западного мира, но теперь уже неактуальных. К числу таких ценностей относится рационализм, гуманизм.

Согласно постмодернизму, личность нестабильна, противоречива и сконструирована; знание множественно, неиерархично; история нелинейна и непрогрессивна, читанная через ограниченное настоящее и через частный социальный контекст; общество есть достижение, основанное на оценке различий без оппозиций.

Постмодернизм понимает гендер как социально- сконструированную, политически тиражированную категорию, которая пересекается с другими социально-сконструированными категориями, такими как раса, класс, сексуальная ориентация и другими. Однако, отказ от универсальных категорий заставит феминизм отказаться от единого смысла категорий – гендер, женщина, патриархат и др.

Противники постмодернизма выдвинули четыре претензии к постмодерну:

1. постмодерн выражает точку зрения основной части избирателей (белые привилегированные мужчины Запада);

2. указанная группа и есть объект критики и реконструкции постмодернизма;

3. постмодерн слеп и нечувствителен к вопросам гендера;

4. постмодерн не совместим с политикой феминизма [4].

Получается, что вопрос «Какая теория наилучшим образом удовлетворяет запросам женщины?» принципиально неразрешим, поскольку невозможно определить единые нужды женщин.

Постмодернистка Джудит Батлер предлагает оспаривать и переопределять все категории, включаемые в политическую борьбу феминизма.

Экологический феминизм исходит из того, что существуют реальные, невоображаемые гендерные различия в опыте, ответственности и интересах по отношению к природе и окружающей среде, но эти различия коренятся не в биологии. Они вытекают из социального понимания биологии и социальных конструктов гендера, класса, расы, следовательно, они могут изменяться. Экофеминизм рассматривает связь женщин и природы как биологически данную или сконструированную. Феминистский

инвайронментализм указывает на гендерные интересы в распределении ресурсов и экологические запросы на основе материальных различий в повседневной работе и обязанностях. Согласно экофеминизму, гендер и окружающую среду роднят три общие темы:

1. гендерно-ориентированные науки выживания;
2. гендерно-ориентированные права и ответственность в отношении окружающей среды;
3. гендерно-ориентированная политика и общественная активность [5].

Любопытно, что когда в западных странах зародилась вторая волна феминизма – движения за освобождение женщин (Movement of Women's hibernation), не только в Таджикистане, но и во всем Советском Союзе об этом ничего не знали: «железный занавес» плотно закрывал путь любой информации.

Понятие «феминизм» по сей день во многих странах постсоциалистического пространства вызывает негативную реакцию у большинства политиков, журналистов, общественных деятелей обоих полов. В обществе господствуют традиционные гендерные стереотипы.

В условиях рыночной экономики на рынке труда больше всех подвергается дискриминации право женщин на труд. Тяжелое материальное положение и трудные условия сельской жизни препятствуют женщинам и девушкам осуществлять свои конституционные права на образование в полном объеме. В силу отсутствия руководящего органа, идейных и политических ориентиров и самое главное, отсутствия культурно-правовой и политической грамотности, женский потенциал политических сил в Таджикистане вплоть до достижения мира не мог быть объединен и направлен на путь освобождения страны от всеобъемлющего политического и социально-экономического кризиса.

Отсутствие женских организаций в начале переходного этапа в Таджикистане обусловлено тем, что в советский период женщины объединялись с мужчинами в единый рабочий класс или единый средний класс, либо социально-профессиональное положение женщины определялось положением семьи, под которым молчаливо подразумевалась позиция мужа. Тем не менее, тогдашние условия способствовали высокому уровню трудовой активности и высокому удельному весу занятости женщины в различных отраслях производства и непроизводственной сфере [6].

Поэтому в советский период, несмотря на существование реального неравенства возможностей в обществе, сверхэксплутацию женского труда и множество других проблем, «женский вопрос» был объявлен решенным.

Применение гендерных измерений в обществе и разработка специальной гендерной политики, в целях улучшения положения женщин, началось сравнительно недавно – с середины 90-х годов XX века. Благодаря усилиям местных и международных неправительственных организаций, с 1995 года в республике начали проводиться отдельные социологические опросы городского и сельского населения, положившее начало изучению данной проблематики [7].

Определенный вклад в научный анализ гендерных проблем в республике внесли международные эксперты, работавшие в это время в Таджикистане и проводившие здесь свои полевые исследования [8].

В 1995 году при поддержке Программ развития ООН было создано Бюро «Женщины в развитии», деятельность которого, главным образом, была сосредоточена на разработке гендерной политики государства. С этой целью в 1997-1999 годы была проведена оценка нужд и экономического статуса социальных групп населения, с учетом гендерного подхода в пилотных районах Таджикистана: Кафирниганском, Айнинском и Турсунзадевском. В ходе исследования, наряду с оценкой проекта «Организация малых предприятий» Бюро «Женщины в развитии» был проведен

гендерный анализ экономических и полеролевых функций в семье, занятости на производстве и в домашнем хозяйстве, репродуктивного поведения сельского населения. Были выявлены основные источники доходов и их соотношение между членами семьи, распределение обязанностей и принятие решений в семейной жизни, включая распределение бюджета, практические и стратегические нужды населения.

Одновременно с этим, происходил постепенный переход от изучения нужд и потребностей отдельных групп населения, например городских женщин с высшим образованием, к комплексному гендерному подходу, позволяющему проанализировать влияние последствий постконфликтного периода на социальный статус и поведение, как женщин, так и мужчин, тесно взаимосвязанных между собой. В результате проведенных в 1996-1997 годах исследований социальных ролей мужчин и женщин в семье, впервые были выявлены признаки гендерного неравенства, а также гендерные стереотипы.

Пытаясь совместить несколько ролей, женщинам труднее достичь на работе равных с мужчинами результатов. Такое положение дел снижает самооценку женщин, приводит к пассивности в политической жизни общества. Низкая самооценка женщины, согласно мнениям большинства исследователей, - это результат комплекса факторов, связанных со стереотипами о роли женщины и в семье и в обществе, недооценка, прежде всего, обществом, их вклада в экономику, способностей и возможностей [9].

На современном этапе женское движение Таджикистана представляет собой хрупкое и зависимое явление. Оно зависит от государства, которое оказывает моральную поддержку, и больше всего от западных гуманитарных организаций, без финансовой поддержки которых женские общественные организации Таджикистана вряд ли могли бы достичь заметных результатов.

В последние годы в дело финансово-материальной поддержки женского движения в Таджикистане активно включился Комитет помощи (Кумитаи имдод) имени Имама Хомейни Исламской Республики Иран.

Правительство Таджикистана оказывает особое внимание и покровительство женскому движению и на этом фоне происходит политизация женского вопроса. Новый политический курс в постсоветском пространстве рассматривает решение женского вопроса как один из аспектов процесса демократизации общества. Однако, если в советский период женское движение в Таджикистане, как и во всем бывшем Советском Союзе имело четкую политическую направленность, вытекающую из коммунистической идеологии, то в настоящий период ее трудно определить. Но вырисовываются неясные контуры приобщения к идеологическим установкам феминистского движения западного типа, о которых мы говорили раньше. Но возможно права российская феминистка Ольга Липовская, которая утверждает, что «Эти западные субсидии демонстрируют практически нулевую эффективность в построении гражданских институтов. Они скорее формируют, либо способствуют формированию новых бюрократических структур и общественной номенклатуры» [10].

Что же касается идеологического содержания женского движения в Таджикистане, то, как уже отметили, оно свободно от идей феминизма. Во всяком случае, никто в Таджикистане не произносит публично слово «феминизм», несмотря на то, что все женские правительственные и неправительственные организации ставят во главу угла своей деятельности защиту интересов женщин и решение их проблем. Анализ опубликованных материалов женских организаций Таджикистана показывает, что феминистские идеи, так или иначе, присутствуют в женском движении Таджикистана. Но это не классический, западный феминизм, это другой феминизм, основанный на возрождении национальных и исламских (ценностей) традиций. Идейно

этот феминизм предусматривает равноправие полов, но постольку, поскольку это не противоречит национальным и религиозным традициям народа [11].

Таким образом, женское движение в Таджикистане переживает первый этап своего развития под воздействием феномена под названием глобализация. Под воздействием феномена глобализации вырисовывается новый гендерный порядок, отличающийся характеристиками, которые в целом не были свойственны ни советскому, ни досоветскому периоду истории таджикского народа. То есть новый порядок включает в себя и патриархальные традиционные элементы гендерных отношений, и советские нормы и новые нетрадиционные и несоветские характеристики мужских и женских ролей. Мужчины и женщины в рамках нового порядка занимают полярные места в зависимости от преобладания в них тех или иных характеристик. В тоже время формируются новый тип женщин, которые в большей степени идентифицирует себя с понятием человек, нежели со своим полом. Экономическая независимость женщины, вместе с ослаблением позиции «мужчины - добытчика» частично разрушают вековую традицию патриархальных уставов общества. Самое главное и примечательное это то, что новая социализация таджичек происходит не под влиянием принудительного воздействия, как это было в начале советизации гендерной системы таджикского общества, а изнутри, вследствие трансформации всей социальной, экономической и политической системы общества.

Влиятельный процесс мировой глобализации формирует новые подходы: политические, идеологические, нравственные, исходя из своих собственных целей и задач. Но какой эффект они будут иметь, зависит не столько от степени их влияния, сколько от совокупности особенности и способности их восприятия субъектами этих процессов, в том числе таджикским обществом как частицей современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ritzer George. Contemporary Sociological theory. Translated by Mehsin Salosi. – Tehran, 1374. – P. 468-469. (On Persian language).
2. Шакирова С. Теории феминизма / С. Шакирова // Некоторые аспекты гендерных исследований в Таджикистане. Сборник материалов научных семинаров. Выпуск 2. – Душанбе, 2003. – С. 57.
3. Ritzer George. Contemporary Sociological theory. Translated by Mehsin Salosi. – Tehran, 1374. – P. 484-488. (On Persian language).
4. Шакирова С. Теории феминизма / С. Шакирова //Некоторые аспекты гендерных исследований в Таджикистане. Сборник материалов научных семинаров. Выпуск 2. – Душанбе, 2003. – С. 58.
5. Шакирова С. Теории феминизма / С. Шакирова // Некоторые аспекты гендерных исследований в Таджикистане. Сборник материалов научных семинаров. Выпуск 2. – Душанбе, 2003. – С. 59.
6. Кувватова А.А. Гендерные отношения: последствия гражданской войны в Таджикистане / А.А. Кувватова // Известия АН РТ. Серия: философия и правоведение. – Душанбе, 2004. - №3-4. –С.89.
7. Кувватова А.А. Гендерные отношения: последствия гражданской войны в Таджикистане / А.А. Кувватова // Известия АН РТ. Серия: философия и правоведение. – Душанбе, 2004. - №3-4. – С.89.
8. Shahrbaroua Tadjbakhsh. The analysis of the Survey Economic Status of Women in Tajikistan. – Dushanbe, 1996. Collete Harris. Control and Subversion (Gender, Islam and Socialism in Tajikistan). – Amsterdam, 2000.
9. Шляхтенко И.М. К вопросу изучения гендерных проблем в Республике Таджикистан / И.М. Шляхтенко // Известия АН РТ. Серия философия и правоведение. – Душанбе, 1997. - №1. – С.75-82.
10. .Шоисматуллаев Ш. Социальное положение супругов и разделение труда в домашнем хозяйстве. / Ш Шоисматуллаев // Некоторые аспекты гендерных исследований в Таджикистане. Сборник материалов научных семинаров. Выпуск 2. – Душанбе, 2003. –С. 66-74.
11. Липовская О. глобализация и гендер: Взгляд с восточной стороны / О. Липовская // Гендерные исследования, 1999. - №3. –С. 318-323.
12. Касымова С. Гендерный порядок в постсоветском Таджикистане / С. Касымова // Гендер: традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям. – Душанбе, 2005. – С. 185–186.
13. Национальный план действий РТ по повышению статуса и роли женщин на 1998-2005 гг. Утвержден Постановлением Правительства РТ от 10 сентября 1998 года, - №363, -Душанбе, 1998./ Указ Президента РТ «О повышении роли женщины в обществе» от 3 декабря 1998 года.

ФЕМИНИЗМ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На современном этапе развития общества женское движение становится важным феноменом и этому вопросу даётся важное значение. Новые пути, которые направляют к воспитанию детей и ими становятся привлечение женщин и ответственность родителей к этой важной проблеме.

Ключевые слова*:* феминизм, женщины, воспитание, образование, трансформация, общество, ислам, влияние, процесс, мужчина.

FEMINISM AND A PROBLEM EDUCATION OF CHILDREN

Today, it special attention focused to movements of women, protect, and it is their advantage. The main problems education of children demands a big role of women in education. And the other important problem is responsibility of parents which is considered in this article.

Keywords: feminism, women, education, education, transformation, society, Islam, impact, process, man.

Сведения об авторе: ***Исмаил Челик*** – соискатель Академии образования Таджикистана.
Телефон: **+992 988 88 10 92**. E mail: **yunuschelik@hotmail.com**

ТАЪМИНИ БАРНОМАВӢ-МЕТОДИИ ТАЪЛИМУ ТАРБИЯИ ТОМАКТАБӢ ДАР ШАРОИТИ МУОСИР

Л.М. Иматова
Пажӯҳишгоҳи рушди маорифи Академияи таҳсилоти Тоҷикистон

Ислоҳот дар соҳаи маориф зарурияти таҳқиқи асосҳои назариявӣ ва самтҳои асосии мазмуни таълиму тарбияи томактабиро дар асоси ҳуҷҷатҳои меъёрӣ-ҳуқуқии соҳаи маориф, аз ҷумла талаботи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи маориф», Консепсияи миллии маълумот, Консепсияи миллии тарбия, Барномаи давлатии рушди маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2010-2015, Барномаи давлатии рушди соҳаи тарбияи томактабӣ барои солҳои 2012-2016, Стандарти давлатии таҳсилоти томактабӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба миён овард.

Президенти кишвар, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар сиёсати давлатдорӣ маорифро дар мадди аввал гузошта, нақши кӯдакистонро ҳамчун зинаи нахустини низоми таълиму тарбия барои инкишофи ҷисмонию зеҳнии кӯдак муҳим иброз намуданд. Вазифаи асосӣ имрӯз аз фаро гирифтани ҳамаи кӯдакони синни томактабӣ ба таҳсилоти томактабӣ, фароҳам овардани шароит барои инкишофи ҷисмонӣ, маънавӣ, зеҳнӣ ва фарҳангии онҳо, тарбияи ҳисси муҳаббат ба Ватан, ба одату анъанаҳои миллӣ, ба забони давлатӣ, ба арзишҳои миллии халқи худ ва миллати дигар, муносибати эҳтиромона ба оила иборат мебошад.

Мазмун, сатҳ ва ҳаҷми таҳсилоти томактабӣ дар асоси Стандарти давлатӣ, барномаҳои тарбиявӣ-таълимӣ ва дастурҳои методӣ, ки талаботро оид ба дараҷаи инкишоф ва маърифатнокии кӯдакони синни томактабӣ, инчунин шароитҳои ноил гардидан ба онро муайян менамояд, ба роҳ монда мешаванд.

Дар марҳилаи кунунӣ таҳияи Стандартҳои давлатӣ, барнома, дастурҳои методӣ ва аёнӣ, воситаҳои таълим, хрестоматия барои кӯдакони синни томактабӣ ба навовариҳо дар илму амалияи таҳсилоти томактабӣ робита доранд.

Стандарти давлатии таҳсилоти томактабӣ (2009) ва Стандарти инкишоф ва омӯзиши барвақтии кӯдак (аз таваллуд то 7(6) солагӣ) (2012) – ҳуҷҷатҳои муҳиме дар мазмуни таҳсилоти томактабӣ мебошанд, ки талаботи ягонаро барои таъмини таҳсилоти томактабии кӯдакон аз рӯзи таваллуд то синни 7-солагӣ муқаррар ва дараҷаи инкишофи кӯдакро дар мувофиқа бо хусусиятҳои фардӣ, суръати такомул, шавқу рағбат, инчунин маҳорати нутқӣ, сенсорӣ ва ҳаракатӣ муайян менамоянд [2,3].

Вазифаҳои асосӣ:

- муҳофизат ва мустаҳкамкунии саломатии рӯҳию ҷисмонӣ, ташаккули салоҳиятҳои барои ҳаёт муҳим;
- муҳайёсозии шароити мувофиқ барои гузашти даврaҳои сензитивӣ;
- инкишофи ақлию нутқии кӯдак;
- тарбияи муносибати мусбат ва ҳиссиёти боварӣ ба одамон, ҳиссиёти мусбии ахлоқӣ;
- инкишофи эмотсионалии кӯдак;
- фаъолкунии кор бо оила бо мақсади маърифатнокии равонӣ-педагогии волидон оид ба нигоҳубин, тарбия ва инкишофи кӯдак.

Мазмуни таҳсилот дар Стандарти инкишоф ва омӯзиши барвақтии кӯдак дар муҳитҳои таълимӣ мураттаб гардида, барои коркарди нақшаҳои кори таълимӣ, барномаҳои таълимӣ ҳамчун замина мавриди истифода қарор меёбад. Ба мазмуни таҳсилот панҷ муҳити таълимӣ, аз ҷумла саломатии ҷисмонӣ, инкишофи фаъолияти маърифатӣ, эмотсионалӣ ва иҷтимоии кӯдак, нутқ, омодагӣ ба саводомӯзӣ ва тарбияи ахлоқӣ, ватандӯстию хештаншиносии кӯдакон ворид гардидаанд.

Қисматҳои Стандарт барои омӯзиши падару модарон низ равона гардида, муҳайё намудани шароитҳои зеринро дар таълиму тарбияи фарзанд пешниҳод менамоянд:

- барпо намудани муҳити якдигарфаҳмӣ ва муносибати мусбат бо кӯдак ҳамчун аввалин шахсоне, ки нисбат ба ӯ ғамхорӣ зоҳир
- менамоянд;
- истифодаи усулҳои гуногуншакли инкишоф, омӯзиш ва нигоҳубини кӯдак;
- ҷалб шудан ба фаъолияти муассисаи таълимӣ;
- додани имконияти баробари ворид шудани кӯдак ба таълим дар гурӯҳҳо ва синфҳои пешазмактабӣ;
- барои ба мактаб ворид шудани кӯдак шароити мусоидро фароҳам овардан.

Барои баамалбарории мазмуни «Стандарти таҳсилоти томактабӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» ва «Стандарти инкишоф ва омӯзиши барвақтии кӯдак» барномаи нави тарбия, таълим ва инкишофи кӯдакони синни томактабӣ “Рангинкамон” барои мутахассисони муассисаҳои томактабӣ мураттаб гардид [4].

Барномаи мазкур ба мураббиён имкон медиҳад, ки кӯдаконро аз ҷиҳати ҷисмонӣ, меҳнатӣ, маънавӣ ва зебоипарастӣ дуруст тарбия намуда, рушду инкишофи онҳоро мувофиқи синну сол ва хусусиятҳои ҷудогонаи равонию физиологӣ пешбинӣ кунанд.

Дар инкишофи зеҳнӣ ва ташаккули инкишофи шахсияти кӯдак маҳз тарбия ва таълим нақши асосӣ мебозанд. Бо мадади волидону мураббиён кӯдак таҷрибаи иҷтимоӣ, маданияти моддию маънавии инсонӣ, сифатҳои ахлоқию инсониро аз худ намуда, шахсияташ тарбия карда мешавад.

Вазифаи волидон ва мураббиён дар асоси баҳисобгирии қонуниятҳои инкишоф ва вазифаҳои таълиму тарбия дар ҳар як соли ҳаёт таъмин намудани инкишофи дурусти ҷисмонӣ, ақлию зеҳнӣ, ташкили бозӣ, меҳнат, машғулиятҳои таълимию ҳаёти маишии кӯдак иборат мебошад.

Самаранокии тамоми вазифаҳои гузошташуда оид ба тарбияву таълими кӯдакон дар муассисаҳои томактабӣ аз маҳорату дониши мураббия ва баэътиборгирии хусусиятҳои синнусолию инфиродии тарбиятгирандагон вобаста аст.

Барои ҳар як гурӯҳи синнусолӣ тавсифномаи инкишофи равонию ҷисмонии кӯдак, хусусиятҳои ташкили ҳаёт, реҷаи намунавии рӯз ва мазмуни корҳои равонӣ-педагогӣ оварда шудаанд. Дар ҳар як давраи синнусолӣ ташаккули тасаввурот,

маҳорат ва малака дар машғулиятҳо, мустаҳкам ва амалигардонии онҳо берун аз машғулият пешбинӣ шудааст.

Барнома аз қисмати «Ташкили ҳаёт ва тарбияву таълими кӯдакон» оғоз мегардад, ки ташкили реҷаи рӯз, муҳайёсозии муҳити таълимии ашёӣ-инкишофдиҳанда, ҳамгироии муҳитҳои таълимӣ ва банақшагирии равандҳои тарбиявӣ-таълимӣ дода шудаанд.

Мазмуни корҳои равонӣ-педагогиро кушода додани мазмуни муҳитҳои таълимии дар Стандарт овардашуда ташкил медиҳад, ки барои инкишофи ҳамаҷонибаи кӯдакон вобаста ба хусусиятҳои синнусолӣ равона гардида, мазмунашон ба ҳам алоқаманд мебошанд.

Дар муҳити 1 «Саломатии ҷисмонӣ, некӯаҳволӣ, рушди системаи таҳрикию ҳаракатӣ» вазифаҳои беҳдошти саломатӣ, муҳофизати ҳаёт ва мустаҳкамкунии саломатии кӯдак, нигоҳдории табъи хушу болида, инкишофи системаи таҳрикию ҳаракатӣ ва такмилдиҳии фаъолияти бадан, ташаккули асосҳои тарбияи ҷисмонӣ ва некӯаҳволӣ, талабот ба машқҳои ҷисмонии рӯзмарра дар назар дошта шудааст. Дар хона ва таълимгоҳ ба иҷрои дуруст ва саривақтии реҷаи рӯз назорат намуда, давомнокии сайругашт, ташкили машғулиятҳои таълимӣ, вақти хӯрокхурӣ бояд риоя гардад.

Инчунин, ба кӯдакон маълумот оид ба аҳамияти тарзи ҳаёти солим дода шуда, бо қоидаҳои одитарини рафтори бехатарӣ шинос менамоянд. Онҳо бояд ҳолати бехатариро аз вазъияти хавфнок фарқ намоянд. Мақсади асосӣ дар кӯдакон тарбия намудани муносибати бошуурона ба саломатии худ, фаҳмиши он ки саломатӣ - ин ҷабҳаи муҳимми ҳаёти инсон, инкишофи фаъолияти ҳаракатӣ ва ташаккули сифатҳои ҷисмонӣ мебошад.

Мазмуни кор оид ба тарбияи ҷисмониро мустаҳкамкунии саломатӣ, инкишофи дурусти ҷисмонӣ ва обутобдиҳӣ, ба роҳ мондани чорабиниҳо оид ба пешгирии мондавашии кӯдакон ташкил медиҳад.

Дар муҳити 2 «Инкишофи фаъолияти маърифатӣ» ташаккули малакаҳои фаъолияти маърифатӣ, маҳорати дарки яклухту томи ҳаёти атроф ва истифодаи ахборот барои ҳалли масъалаҳои ҳаётан муҳим дар инкишофи умумии кӯдак пешниҳод гардидаанд. Фаъолияти маърифатӣ ба кӯдак имконият медиҳад, ки ба олами атроф мароқ зоҳир намуда, усулу роҳҳои фаъолиятеро интихоб намояд, ки ба мақсади гузошташуда комилан ҷавобгӯ бошанд.

Тарбияи фикрии кӯдакон бо роҳи таълим додан дар машғулиятҳо, дар бозӣ ва дар ҳаёти ҳаррӯза ба роҳ монда мешавад. Калонсол бо истифодаи маводи барои кӯдак дастрас маҳорату малакаи фикрроniашро ташаккул дода, мушоҳида, муқоиса, ҷудо намудан ва хулосабарориро дар мисоли ҳодисаю воқеаҳои атроф, алоқаи байни ашёҳо ва ҳодисаҳо меомӯзонад. Калонсолон бояд ба он ноил шаванд, ки кӯдакон донишҳои умумиро аз худ намуда, фикр карданро ҳамчун асоси таҳкурсии минбаъдаи ташаккули дарки тому яклухти ҳаёти атроф мавриди истифода қарор диҳанд.

Муҳити 3 «Инкишофи эмотсионалӣ ва иҷтимоии кӯдак» мебошад. Олимон собит намудаанд, ки ин синну соли мувофиқ ва аз ҳама мусоид барои бароҳмонии инкишофи эмотсионалии кӯдак ба ҳисоб меравад, зеро кӯдак дар ин синну сол таъсирпазир, барои аз худ кардани арзишҳои иҷтимоӣ ва маданӣ омода буда, барои ба даст овардани эътирофу эҳтироми худ дар байни дигарон кӯшиш мекунад. Дар ӯ ҷудоинопазир будани эмотсияҳо аз раванди идрок, тафаккур, хаёлот мушоҳида карда мешавад.

Инкишофи эмотсионалӣ-иҷтимоӣ барои ба даст овардани комёбиҳо дар ҳаёт ва мактаб ба кӯдак кӯмак мерасонад. Кӯдак бояд озод ва бомасъулият бошад, ҳисси фаҳмиши мавқеи худро дошта, ба атрофиён бо ҳурмату эҳтиром муносибат намояд. Қобилияти интихоби инфиродиро доро буда, фикру ақида ва мулоҳизаҳои

атрофиёнро қобили қабул дониста, инчунин малакаи рафтори иҷтимоӣ ва муошират бо одамони дигарро дошта бошад.

Аз давраи хурдсолӣ шиносоӣ бо муҳити зист, инкишофи шавқу завқи кӯдакон нисбати ҳаёт ва фаъолияти одамон, ҳодисаҳои табиат оғоз меёбад. Дар ҳар як давраи синнусолӣ дар кӯдакон бояд қобилияти ба ашёҳо ва ҳодисаҳои табиат диққат додан, муқоиса ва ба гурӯҳҳо ҷудо намудани ашёҳо, ҷудо кардани фарқияти хусусиятҳои муайяни онҳо ташаккул ёбад. Вазифаи асосии шиносоӣ бо табиат – тарбияи инсони комил, мукаммал намудани донишҳо, омӯзонидани дилсӯз будан, дӯст доштан ва нигоҳубини диёри худ, муҳофизат кардани боигариҳо ва афзун намудани онҳо мебошад.

Тарбияи маънавӣ дар ҳама намудҳои фаъолияти кӯдакон аз рӯйи қисматҳои барнома амалӣ гардида, яке аз қисмҳои муҳимми тарбияи кӯдакони синни томактабӣ ба ҳисоб меравад. Парвариши меҳру муҳаббат ба зодгоҳи худ, ба ватани маҳбуб - Тоҷикистон, эҳтиром гузоштан ба пешвои миллати тоҷикон Исмоили Сомонӣ, ба рамзҳои давлатӣ (Парчам, Нишони Тоҷикистон, Суруди миллӣ) ва Президенти он, ба дӯстии бачагони халқҳои гуногун дар тарбияи кӯдакон мавқеи калон дорад.

Вазифаи мустаҳкам кардани малакаҳои маданияти рафтор, одатҳои ахлоқӣ, ки бояд дар охири синни томактабӣ сифатҳои қавӣ ва бошуурона дошта бошанд, аз ҷониби калонсол гузошта мешавад. Муносибати бомасъулонаро ба иҷрои супоришу вазифаҳо ташаккул дода, сифатҳои ахлоқӣ-иродавӣ, тартибу интизом, ботаҳаммулу хоксор будан, ба фаъолияти фоидабахш машғул буданро бояд тарбия кард.

«Инкишофи нутқ, муошират. Омодагӣ ба саводомӯзӣ (муҳити 4) раванди мураккабе мебошад, ки ба воситаи онҳо кӯдак истифодаи бошууронаи калима ва ибораҳоро аз худ намуда, чӣ навъ истифода намудани онҳоро дар муошират дониста мегирад. Мавриди инкишофи нутқ кӯдакон тарзи баёни фикр, бо ҳамдигар мубодилаи афкор кардан ва бодиққат гӯш кардани дигаронро меомӯзанд.

Инкишофи нутқ дар ҳама намуди фаъолият, машғулият, муошират ҳаррӯза бо калонсолон ва ҳамсолон, мавриди шиносоӣ бо муҳити атроф, бо табиат, омодагӣ ба саводомӯзӣ, математика, расмкашӣ ва ғайра ба роҳ монда мешавад. Дар синни 7-солагӣ кӯдак бояд бо нутқи муколама ва монологӣ гуфтугӯ карданро ёд гирад, дар онҳо маҳорати бурро, фаҳмо ва ифоданок нутқ кардан ташаккул ёбад.

Мақсади асосӣ аз тарбияи шахсияти кӯдаки синни томактабӣ, ки арзишҳои забони модариро аз худ намуда, қобилияти муошират намудан бо муҳити атрофро тавассути воситаҳои шифоҳӣ ва ғайришифоҳӣ (имову ишора, қиёфа) дорад, иборат мебошад.

Бинобар ин, педагог ки барои фаъолии нутқӣ, муошират ва азхудкунии намунаҳои нутқӣ вазъиятҳоро ба вуҷуд меорад. Инчунин, омодагии кӯдакро ба мактаб ба инобат гирифта, диққати махсусро ба инкишофи шунавоии фонетикӣ ва талаффузи дурусти овозҳо, малакаҳои нозуки таҳрикии даст ҷудо менамояд.

Мазмуни муҳити 5 «Инкишофи шахсият ва тарбияи маънавии кӯдак» аз рӯзҳои аввали ҳаёт дар кӯдак тарбия намудани ҳисси зебопарастӣ, қобилияти дарки муҳити атроф, шиносоӣ бо намудҳои гуногуни санъат иборат мебошад. Тарбияи зебоипарастӣ олами ботинии кӯдаконро бою рангин гардонида, меҳрубонию ҳамдардиро ба ҳама чизи хубу зебо бедор намуда, бо тарбияи ахлоқӣ, фикрӣ ва ҷисмонӣ зич алоқаманд мебошад.

Дар машғулиятҳои мусиқӣ бошад, ҳиссиёти майлу рағбат доштан ба мусиқӣ, ба ҳаракатҳои мавзун дар зери ҳавои мусиқӣ рақсидан ва маҳорати сурудхонӣ инкишоф меёбад. Асоси ҳамаи ин фаъолиятҳоро бояд рақсу суруд, бозиҳои миллии тоҷикӣ ташкил диҳанд.

Дар раванди омода намудани кӯдак ба мактаб ҳамаи ин вазифаҳо аҳамияти махсусро пайдо мекунанд. Шинос намудан бо муҳити атроф, ташаккули маҳорату малакаи меҳнатӣ, инкишофи қобилияти ақлӣ ва бадеӣ, омӯзиши забони модарӣ дар ин синну сол ба ташаккули омодагӣ ва шавқу ҳавас ба таҳсил дар мактаб равона гардидаанд.

Имрӯз барои пешравии соҳа, тарбияи маънавию ахлоқии кӯдакон ва соҳибмаърифат гардидани онҳо бояд шароити мусоиди босамар барои ташаккули низоми таҳсилоти муосир ва ҷавобгӯйи талаботи замон (гузаронидани таҳқиқотҳои дархури замон, баландбардории тахассус дар мувофиқа бо талаботи замон), татбиқи равандҳои инноватсионӣ дар раванди таълим бо роҳи омӯзиш аз таҷрибаи давлатҳои ба ин комёбиҳо ноилгашта, таъмини таълимию методӣ ва илмии соҳа бо адабиёти нав, такмили роҳҳои ҷалб намудани оила ба фаъолияти муассисаи таълимӣ, таҳқиқ ва мураттабсозии барномаю васоити таълим, китобҳои дарсӣ барои таъмини пайдарпайи таълим дар кӯдакистон ва мактаби ибтидоӣ роҳандозӣ карда шавад.

АДАБИЁТ

1. Барномаи давлатии рушди соҳаи тарбияи томактабӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2006-2010. – Душанбе, 2005. - 29 с.
2. Стандарти давлатии таҳсилоти томактабии Ҷумҳурии Тоҷикистон / [Б.Маҷидова, Л.Иматова ва диг.]. – Душанбе, 2009. – 57 с.
3. Стандарти инкишоф ва омӯзиши барвақтии кӯдак (аз таваллуд то 7 солагӣ) / [Л. Иматова, Б. Маҷидова, Т. Девоншоева ва диг.]. – Душанбе, 2012. – 85 с.
4. Барномаи тарбия, таълим ва инкишофи кӯдакони синни томактабӣ «Рангинкамон» / [Л. Иматова, Б. Маҷидова, Т. Девоншоева ва диг.]. - Душанбе, 2013. – 125 с.
5. Современные образовательные программы для дошкольных учреждений: учеб.пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений; под ред. Т.И. Ерофеевой. 2-е изд., стереотип. -М.: Академия, 2000. - 344 с.

ПРОГРАММНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье автор раскрывает содержание новых нормативных документов в сфере дошкольного и начального образования, которые обеспечивают планомерность и целенаправленность образовательного процесса. Всесторонне анализирована новая программа воспитания, обучения и развития детей дошкольного возраста “Рангинкамон”. Рассмотрена взаимосвязь содержания программы в соответствии со требованиями стандартов, реализации принципа преемственности гарантирующего плавность перехода от дошкольного к школьному периоду обучения.

Ключевые слова: новообразование в современном мире, непрерывное образование, инновационные процессы, развитие управления современного образования , Стандарты раннего развития и обучения, обучающая среда

CURRICULUM AND METHODICAL ENSURING THE PRESCHOOL EDUCATION AND EDUCATION ON MODERN STAGE

The author of the article reveals contents of new normative documents in sphere of preschool and initial education, which provide planned character and purposefulness of the educational process. It all-round is analyzed the new program of the education, education and developments children at preschool age "Ranginkamon". It is considered interrelation of the contents of the program in accordance with requirements standard, realization of the principle to receivership guaranteeing smoothness of the transition from preschool to school period of the education.

Key words: new growth in the modern world, continuous education, innovative processes, development of management of modern education, standards of early development and the training, the training environment

Сведения об авторе: ***Иматова Л.И.*** – докторант Института развития образования Академии образования Таджикистана Телефон: **93-466-2002**

МЕСТО И РОЛЬ ЭТИЧЕСКИХ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ В СЕМЕЙНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В ЭПОСЕ «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ

Дж.Х. Файзалиев
Таджикский государственный институт языков им. С. Улугзаде

Проблема этических и патриотических убеждений в семейном и общественном воспитании детей в творчестве мыслителей встречалась ещё в V-IV вв. до нашей эры в произведениях Сократа, Аристотеля и Платона. Этика и патриотизм всегда пропагандировались через поэзию, о чём часто напоминают мыслители теории литературы. Платон рассматривал в поэзии нравственность. Аристотель восхвалял красоту поэзии. Кроме этого, проблема этики и патриотических убеждений четко отражалась и в мифологии, письменных памятниках, книге «Авеста» и наставлениях эпохи Сасанидов. Эти культурные наследия подготовили благоприятную почву для развития будущей литературы.

Одним из великих мыслителей, который в своих произведениях придавал большое значение вопросам воспитания этических и патриотических убеждений, был великий таджикский поэт ***Абулкосим Фирдоуси***. Он является одной из сверкающих звезд таджикско-персидской и мировой литературы. Большинство исследователей поэзии Фирдоуси считали его «Шахнаме» одним из лучших мировых шедевров.

Про жизнь и творчество Абулкосима Фирдоуси написано много научно-исследовательских статей и трудов, дошедших до наших дней. Исследователям, рассматривая важные моменты его творчества, удалось решить многие спорные вопросы, касающиеся его трудов.

Но до сих пор проблема воспитания этики и патриотизма в «Шахнаме» Фирдоуси не подвергалась серьёзному обсуждению со стороны исследователей.

В статьях и научных трудах Е.Э. Бертельса, И.С. Брагинского, М. Дьяконова, Мухаммада Исломии Надушана, Забехуллох Сафо, Махмуда Каёнуша, таджикских ученых Х. Мирзозода, Ш. Хусейнзода, К. Бобокалонова, А. Зиёуддинова, Х. Отахонова, Ш. Асророва, Н. Азимова, С. Бободжанова и др. наряду с другими проблемами также затронута и проблема этических и патриотических убеждений, нашедших отражение в творчестве Фирдоуси.

В этой связи следует вспомнить ряд исследований персоязычных и таджикских ученых, посвященных проблемам патриотического воспитания детей в «Шахнаме». Среди них заслуживают внимания весомые труды ученых: Мухаммада Исломии Надушана, Забехуллоха Сафо, Рашида Ёсими, Сотима Улугзода, Х. Мирзозода, Ш. Асророва, Бободжановой С., Зиёуддинова А., Хасанова С., Р. Шофакирова и др.

Автор исследования «Жизнь и смерть богатырей» Мухаммад Исломи Надушан считает «Шахнаме» Фирдоуси книгой сражения между добром и злом, которая основывается на правилах маздакизма и мысли доисламского Ирана, где среди прочих поднимаются проблемы женщин. Он рассматривает и анализирует образы Ковы, Зола, Рустама, Сухроба, Сиёвуша, Исфандиёра, Рудобы и Тахмины, Судобы, Фарангис и других (3: 128).

Через облики своих героев Абулкосим Фирдоуси в «Шахнаме» раскрывает их внутренний мир, характеры, поведение, существующие нравы, вопросы воспитания детей. Он изобразил образ женщины, олицетворяющей собой образ матери, воспитывающей будущее страны. С этой точки зрения, «Шахнаме» является не только военно-эпическим произведением, но и шедевром мировой литературы и в плане педагогики.

Исследование Забехуллоха Сафо является интересным в том плане, что автор раскрывает вопрос о высокочтимой роли женщины и матери в воспитании подрастающего поколения в «Шахнаме». В своем исследовании - «Сочинение эпических произведений в Иране» («Ҳамосасароӣ дар Эрон») он проанализировал образы женщин в «Шахнаме», заботящихся о своей девственности, изложив интересные мысли относительно роли женщины-матери в вопросах воспитания детей, любви, способу знакомства и заключению браков героев. Ученый, рассматривая образ женщины в «Шахнаме», раскрыл как положительные, так и отрицательные черты, отражённые в поведении каждой женщины-героини поэмы.

Первыми исследователями, уделявшими большое внимание образу женщины, наряду с другими образами в «Шахнаме», являются таджикские ученые Мирзозода Х. и Хусейнзода Ш.

В произведении Фирдоуси были отображены образы таких женщин, которые разрушили все устои средневековых традиций. Он отрицал мысль превосходства мужчины над женщиной, а иногда даже определял превосходство женщины над мужчиной.

«Почтение взрослых - это не пустые, необоснованные слова, - пишет таджикская учёная Бободжанова С.,- это сильная социальная эмоция … В этом отношении, прежде всего, родители должны быть примером. Для воспитания подрастающего поколения в духе почтения взрослых должна быть существенная поддержка со стороны родителей, ибо в ней воплощается многовековая человеческая практика. Родители и дети должны стоять вместе - бок о бок - в одном ряду. Они должны идти по одной дороге … с одной достойной целью - человек, уважающий своих родителей и родственников, способен уважать и других людей…

Касе к-ӯ надорад нишон аз падар,
Ту бегона хонаш махонаш писар» (2: 7-8).
Тот, кто не имеет подобие отца,
Считай его чужим и не считай сыном.
(Здесь и далее подстрочный перевод автора).

Таджикский народ в процессе формирования как нации создал такие духовные ценности, которые способствовали созданию суверенного независимого государства. История свидетельствует о том, что эти духовные ценности использовались не только таджикским народом, но и другими нациями и народностями. Таджикский народ, благодаря этим духовным ценностям, имеет особый статус в мировом пространстве.

Одним из важных условий устойчивости единой системы патриотического воспитания подрастающего поколения является прочная связь всех его элементов, прежде всего, не надо откладывать те стремления и цели, для достижения которых мы прикладываем огромные усилия. Именно богатое наследие предков является одной из дорогостоящих духовных ценностей нашего народа, имеющей мировое значение. Это чувство гордости за свой народ**.** Однако, чувства гордости за своё отечество еще недостаточно, его необходимо сохранить от поколения к поколению.

«Шахнаме» - героический эпос, в котором Фирдоуси осуждает войну и восхваляет мир, вразумляет людей не доводить до самоубийства и братоубийства. Эта тема раскрывается автором через образы главных героев, одним из которых является герой Рустам. Прежде всего, нужно отметить, что Рустам является мощной и центральной личностью в «Шахнаме» и без его образа величие всего произведения трудно представить. Сам Фирдоуси часто указывал на это, с чем были согласны многие исследователи «Шахнаме». Рустам предстает в многочисленных легендах «Шахнаме» олицетворением мужской силы, молодости и храбрости. В его характере нашли отображение отвага и героизм, мужество и

доблесть, любовь и преданность своей родине, придающие произведению особый интерес и колорит.

Чувство патриотизма является одной из дорогостоящих народных ценностей в «Шахнаме». Не зря ведь говорят:

«Ҳар он кас, ки шоҳномахонӣ кунад,
Агар зан бувад, қаҳрамонӣ кунад»
Каждый, кто читает «Шахнаме»,
Будь она даже женщина, проявит героизм.

Как подчёркивает Абулкосим Фирдоуси: *«Пароканда лашкар наояд ба кор»,* «Разбросанные войска не могут проявлять храбрость» или *«Ҳама сар ба сар тан ба куштан дихем, Аз он беҳ, ки кишвар ба душман дихем»* «Все - один за другим - отдадим тело на растерзание, Чем край родной отдадим врагам». Подобные достоверные факты подтверждают богатство наследия предков-таджиков.

Являясь одним из главных героев «Шахнаме, образ Рустама проходит золотой нитью через всё произведение, раскрывая основную тему «Шахнаме», постоянно меняясь в течение всего произведения, совершенствуясь автором, становясь эталоном поведения.

С самого начала произведения Рустам проявляет себя как незаурядная личность, народный герой, достойный уважения и подражания, являясь выходцем из народа, его воспитанником. Этот образ создан автором как воплощение мечты народа об идеальном человеке. Рустам для Фирдоуси это идеал человека, любящего свой народ и свою Родину, олицетворяющего силу, противостоящую злу и насилию. Первостепенной своей задачей Рустам считает защиту родины и своего народа. Он мечтает о свободе и счастье своего народа, и всю свою жизнь посвящает достижению этой мечты. В образе легендарного Рустама раскрываются такие человеческие качества, как преданность, самопожертвование, честность и добропорядочность. Являясь достойным сыном своего народа, он готов пожертвовать жизнью ради его счастья.

Другим замечательным образом среди многочисленных образов в «Шахнаме» Фирдоуси предстаёт Сиёвуш - образ близкий по своим внешним данным и внутреннему содержанию - своей богатырской статью, мужской хваткой. Сиёвуш также предан своему народу, своей родине. Он, как и Рустам, готов отдать жизнь за свободу и счастье своего народа. Наверное, поэтому Рустам считал Сиёвуша своим единомышленником, говоря о нем как о равном себе:

Сиёвуш паноҳу равони ман аст,
Сари точи ӯ осмони ман аст (4: 42).
Сиёвуш покровитель и душа моя,
Его корона(почтение) небесное пространство моё.

Сиёвуш также один раз сказал:

Чу Дастон, ки парвардигори ман аст,
Тахамтан, ки равшанбаҳори ман аст... (4: 95).
Когда Дастан, создатель мой,
Богатырь световесений (просветитель) мой.

Рустам, увидев Сиёвуша младенцем, полюбил его по-отцовски, и чтобы воспитать его, отправился с ним в Забулистан (свое владение):

...Чунин гуфт, к-«ин кӯдаки ширфаш
Маро парваронид бояд ба каш,
Чу дорандагони туро моя нест,
Мар ӯро ба гетӣ чу ман доя нест (4: 10).
Сказал так «это грудной ребёнок
Я должен взять его под мышки
Как обладающий тебя нет основа
В мире нет лучшего воспитателя как я!

Фирдоуси в этой легенде показывает образ Рустама не только как воспитателя, но и как духовного учителя Сиёвуша. Автор, раскрывая в образе Сиёвуша воспитанного человека, пишет:

Касеро, ки андеша нох(в)-аш бувад,
Бад-он нохушӣ рои ӯ к-аш бувад.
Ҳаме хештанро ҷалило кунад,
Ба пеши хирадманд расво кунад (4: 5).

Тех кто, у него плохие мысли (намерения),
Неприятности у него встречаются на каждом шагу.
Всегда он себя ставит под удар,
Опозорит себя у разумных людей.

Рустаму нравится выступать в образе воспитателя Сиёвуша, он выполняет свою миссию с восхищением и радостью. Для того, чтобы научить Сиёвуша быть честным и справедливым, добрым и самоотверженным, отважным и преданным воином – защитником своей родины, герой не жалеет сил, используя всё своё мастерство воспитателя, что нашло отражение в следующих строчках:

Таҳамтан бибурдаш ба Зобулситон,
Нишастангаҳаш сохт дар гулситон.
Саворию тиру камону каманд,
Инону рикебу чиву чуну чанд.
Нишастангаҳу маҷлису майгусор,
Ҳамон бозу шоҳину кори шикор.
Зи доду зи бедоду тахту кулоҳ,
Сухан гуфтану разму рондан сипоҳ,
Ҳунарҳо биёмӯхташ сар ба сар,
Басе ранҷ бардошту омад ба бар (4: 10-11).

Богатырь увез с Сиёвуша в Забулистан,
Место сидения его создал в цветник.
Объезжать, ружейная пуля, лук и аркан,
Поводья, стремянный, как, так и сколько,
Место сидения, собрание, пить вино,
Тот же, охота и охотничий сокол.
Крик, корона и престол,
Говорить красноречво, сражения, хитрость,
Учил искусству и мастерству одно за другим,
Много трудностей возникло, но не напрасно.

Сиёвуш - известная романтическая личность, одарённый, умный и благородный человек. Он – само воплощение разума и красоты, предел человеческого совершенства. Именно через его образ Фирдоуси выражает свои взгляды, свою мечту о счастливой жизни народа.

Яке баччаи фаррух омад падид,
Кунун тахт бар абр бояд кашид.
Ҷаҳон гашт аз он хурд пургуфтугӯй,
К-аз он гуна нашнид кас мӯю рӯй...(4: 4).

Одно дитя удачливое появилось на свет,
Теперь надо престол поднимать до облаков.
Весь мир теперь рассказывает про него,
Из этого не слышал (каждый) кроме волос и лица…

Сиёвуш в Зобулистане под руководством Рустама учится благоразумию, храбрости, стойкости, воинским способностям, развивается физически и духовно, старается перенять всё мастерство своего учителя. Он по натуре слегка наивный, очень честный, трудолюбивый и преданный юноша. Раскрывая духовный мир Сиёвуша, автор показывает пределы совершенства личности.

Бад-он андаке солу чандин хирад,
Ки гуфтӣ, равонаш хирад парварад…(4: 11).
Сиёвуш чунон шуд, ки андар ҷаҳон
Ба монанди у кас набуд аз меҳон.
Чу якчанд бигзашту ӯ шуд баланд,
Суп гардани шер шуд бо каманд.
Чунин гуфт ба Рустами сарфароз,
Ки «Омад ба дидори шоҳам ниёз.
Басе ранч бурдию дил сӯхтӣ,
Ҳунархои шоҳонам омӯхтӣ.
Падар бояд акнун, ки бинад зи ман
Ҳунарҳои омӯзиши пилтан» (4: 12).

Как мал возраст и сколько мудрости,
Который сказал, что его душа воспитывает разум…
Сиёвуш настолько изменился,
Подобно ему не было вельможи.
Пришло время и он стал взрослый,
На рассвете брал арканом льва за голову.
Он сказал богатырю Рустаму так:
«Мне хочется увидеть царя.
Много потрудились для меня,
Превосходному мастерству научили меня.
Отец должен увидеть во мне,
То мастерство, которому ты учил меня».

Второй этап жизни Сиёвуша проходит в окружении придворных. На примере этого богатыря Фирдоуси показывает, каким должен быть идеальный человек, и таким он хотел бы видеть царя. Кроме замечательных благородных героев, поэт создаёт и ряд отрицательных образов в своём бессмертном творении. К их числу относится Ковус (легенда «Сиёвуш»), который является представителем злобных сил. Его характеризуют целый набор отвратительных качеств - таких, как эгоизм, невежество, тирания, глупость, упрямство и скупость.

Биёмад, туро кард пушту панох,
Кунун з-ӯ чӣ дидӣ, ки бурдат зи роҳ?...
Макун бегунаҳ бар тани ман ситам,
Ки гетӣ сипан аст бо боду дам...(4: 149-150).

Пришёл к тебе и был твоим защитником,
Что ты увидел у него, чтобы препятствовал тебе?...
Не делай зло в моем невинном теле,
Мир - это рута(сипанд) подобно ветру отгоняет
злой дух…

В трагедии, случившейся с Сиёвушем, Фарангис - дочь Афросиёба, винит и проклинает своего отца:

Ба овоз бар ҷони Афросиёб,
Ҳамекард нафрину мерехт об (4: 154).

Во весь голос рыдая,
проклятья шлёт на душу Афросиёба.

Афросиёб – другой отрицательный персонаж эпоса - является воплощением зла и насилия. Если в мифологической части «Шахнаме» сначала Ахриман, а потом и Заххок являлись воплощением злобных сил, то в этой части поэмы Афросиёб стоит во главе всех темных сил. Наивысшая степень злобности Афросиёба проявляется именно в легенде «Сиёвуш» («Шахнаме»). У Афросиёба и Ковуса - одни и те же качества характера: жадность и корыстолюбие. Ради

престола и богатства они готовы были поработить людей, втянуть в войну и ввергнуть в кровопролитие народ.

Одной из основных мыслей данного эпоса является нравственное воспитание личности. В своём произведении Фирдоуси восхваляет разум, благоразумие, одарённость, сметливость ума и духовное богатство человека.

В понятие разум Фирдоуси вносит указание на совершенство человека воспитанного. В образах Рустама и Сиёвуша раскрывается образ именно такого человека. Разумный человек должен быть грамотным, понятливым, вежливым и обходительным, его благодеяния находятся в зависимости от его благоразумия. В противовес им показываются образы невоспитанных людей, которые раскрываются как невежливые, грубые, жадные, бесчестные, безответственные, алчные, недостойные уважения люди.

В легенде «Война Рустама с Белым дивом» Абулкосим Фирдоуси демонстрирует образы царей с отрицательными чертами характера. Это жадные, жестокие, глупые правители, которые совершают насилие над своим народом. Например, в «Шахнаме» Кайковус рассматривается как царь высокомерный и хвастливый, который сел на престол после смерти отца. Он считает себя более великим и могучим царём по сравнению с предыдущими царями:

Маро зебад андар ҷаҳон бартарӣ,
Наёрад зи ман чуз кас доварй (4: 29).
Превосходство – вот что подходит мне (целиком) в мире,
Никто кроме меня не может быть судьей.

Из-за своего высокомерия и спесивости царь Кайковус со своим войском становится пленником Белого дива. Он пишет письмо Золу и Рустаму, прося о помощи. Через некоторое время прибывает Рустам и в сражении один на один с главарём дивов побеждает и освобождает войско Кайковуса и его самого. В этой части легенды восхваляется храбрость и высокая доблесть выходцев из трудового народа, которые не жалеют своей жизни ради защиты своей родины и своего народа. Основная цель поэта в этом произведении - это раскрытие темы воспитания молодого поколения в духе патриотизма.

Чу Ковус ншпаст бари тахт боз,
Чунин гуфт ба Рустами сарфароз,
Ки, «эй паҳлавони ҷаҳон сар ба сар,
Ба марди намудӣ ба ҳар ҷо ҳунар.
Зи ту ёфтам ман кунун тахти хеш,
Ба ту бод равшан дилу дину хеш».
Как Ковус сел снова на престол,
Сказал гордому Рустаму так:
«О главенство мировых богатырей,
Ты со своим мастерством разгромил врага.
Благодаря тебе нашел я снова свой престол,
Быть с тобой – светло для сердца и веры».

Таким образом, в этическом отношении взглядов Фирдоуси проблема благодеяния, благотворительности, храбрости, гуманизма и другие положительные качества человеческого поведения занимают особое место, как основной способ воспитания. По его убеждению, каждый человек, который живет среди народа, должен быть подобен таким положительным образам «Шахнаме», как Рустам и Сиёвуш. Он призывает молодое поколение воспитывать в себе самые лучшие человеческие качества, наставляя их:

Биё, то ҷаҳонро ба бад наспарем,
Ба кӯшиш ҳама дасти некӣ барем.
Давайте не отдадим мир плохим людям,
Давайте постараемся вместе быть добрыми.

Эти строки Фирдоуси являются призывом к народу: воспитывать молодое поколение в духе единства. Такими же должны быть и потомки великих богатырей – современная молодежь Таджикистана. Основной заветной мечтой каждого молодого человека Таджикистана должно быть процветание Родины. Нужно любить и гордиться ею, быть готовыми к защите её рубежей, беречь благополучие народа, единство и независимость своего государства. Надо беречь те ценности, которые присущи нашему народу и способствуют воспитанию молодого поколения в духе созидания и совершенствования нашего государства.

Таким образом, тема воспитания этических и патриотических убеждений, раскрытая в «Шахнаме Фирдоуси, имела и до сих пор имеет большое влияние на развитие педагогической мысли таджикского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асоров Ш. Симои Сиёвуш дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ / Ш.Асоров. –Душанбе: Адиб, 2005.
2. Бобоҷонова С. Дар рӯҳи ватандӯстӣ ва интернатсионализм тарбия намудани ҷавонон / С. Бобоҷонова. - Душанбе: Дониш, 1975.
3. Муҳаммад Исломии Надушан. Зиндагонӣ ва марги паҳлавонон дар «Шоҳнома» / Муҳаммад Исломии Надушан. – Теҳрон.- С. 128.
4. Фирдавсӣ А. Шоҳнома: Иборат аз 9 ҷилд. / А.Фирдавсӣ. – Душанбе: Ирфон, 1965.

МЕСТО И РОЛЬ ЭТИЧЕСКИХ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ В СЕМЕЙНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В ЭПОСЕ «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ

В статье рассматриваются проблемы этических и патриотических убеждений в семейном и общественном воспитании детей в творчестве мыслителей средневековья, в частности Абулкосима Фирдоуси. Он через облики своих героев в «Шахнаме» раскрывает их внутренний мир, характеры, поведение, существующие нравы, вопросы воспитания детей.

Ключевые слова: этика, патриотизм, нравственность, добронравие, равенство, творчество, народ, цель, наставник, личность, сокровищница, культура, героический эпос, традиции и духовные ценности, мужская сила, молодость и храбрость, отвага и героизм, мужество и доблесть, любовь и преданность своей родине.

PLACE AND ROLE OF ETHICAL AND PATRIOTIC PERSUASION IN THE FAMILY AND SOCIAL EDUCATION OF CHILDREN IN FIRDOUSI EPOS "SHAKHNAME"

In the article are considered the problems of ethic and patriotic persuasion in family and society children upbringing in the works of middle-aged thinker’s, mainly in Abulqosim Firdousi’ works. He through shapes of the heroes in "Shakhnam" opens their inner world, characters, the behavior, existing customs, children upbringing issues.

Key words: ethics, patriotism, morality, equality, creativity, people, purpose, mentor, treasury, culture, heroic epic, traditions and spiritual value, men force, youth and bravery, courage and heroism, love and devotion to his motherland.

Сведения об авторе: ***Файзалиев Дж.Х.*** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Таджикского государственного института языков имени Сотима Улугзаде.
Телефон: **933-55-31-32: 918-50-63-24.** E-mail: **f.jumakhon@mail.ru**

ЗДОРОВОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА В АСПЕКТЕ МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

Н.М. Юнусова
Таджикский национальный университет

Многочисленные исследования подтверждают, что женщина всегда играет ключевую роль в процессе преобразования общества. Когда женщины участвуют в нем в полной мере, результаты очевидны: улучшается здоровье и питание семьи, увеличиваются ее доходы, сбережения и вложения. От благополучия семьи зависит благополучие общества, а в итоге – и всей страны. Без матери человеческая жизнь была бы невозможна. Мать нужна не только для того, чтобы производить на свет детей.

Мать-главная хранительница своего дитя: она оберегает его здоровье, заботится о его обучении; помогает ему развивать нужные навыки и достойные качества, а также сформировать характер и обрести внутренний стержень.

Одна из обязанностей матери - это воспитание детей, именно у неё ребенок обычно перенимает первые слова и манеру говорить. Мать, как правило, проводит с детьми больше времени, чем отец, поэтому она становится их главным и первым учителем и воспитателем. Недаром существует «всосать убеждения с молоком матери».

Чешские ученые Й.Лангмейер и З. Матейчик провели лонгитюдальные исследования с целью изучения воспитательной функции семьи, клинической картины депривации, её причин, а также исправление и лечение психической депривации. Понятие «депривация» с их точки зрения выражено в следующем определении: *«психическая депривация является психическим состоянием, возникшим в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых его основных (жизненных) психических потребностей в достаточной мере и в течение достаточно длительного времени».[2]*

Следует отметить, что концепция психической депривации до сих пор не завершена, и не является устойчивой. Наиболее часто используется название «депривация» (deprivation или соответственно privation), обозначающее потерю чего-либо, лишения из-за недостаточного удовлетворения какой-либо важной потребности.

Некоторые авторы (Боулби, Праг, Харлоу) сужают общее обозначение соответственно тому, какую психическую потребность они принимают в качестве самой важной, и какая «недостаточность» имеет влияние на возникновение психических нарушений. В целом считается, что ребенок для своего здорового развития нуждается в первую очередь, в теплоте чувств, в любви. Если он окружен достаточной симпатией и обладает эмоциональной опорой, то это возмещает отсутствие иных психических элементов, - например, недостаточность раздражителей органов чувств, отсутствие игрушек, недостаточность воспитания и образования. [4,5]

Ряд авторов сущность депривации усматривают главным образом в недостаточности чувственных связей матери и ребенка: материнской заботы. К психологическим причинам депривации в семье относятся:

- эмоциональная незрелость и отклонения характера матери;
- невротические и психотические расстройства у матери;
- умственная ретардация, отставание и дефекты органов чувств у родителей;
- нежеланные дети.

Мы будем рассматривать депривацию именно с точки зрения материнской депривации.

В условиях семьи возникают ситуации, при которых скорее всего может

возникнуть неудовлетворение основных психических потребностей ребенка, т.е. может возникнуть депривация. Эти условия исследователями приблизительно делятся на две группы:

1) это такие обстоятельства, когда по внешним причинам в семье царит совершенный недостаток социально-эмоциональных стимулов, которые необходимы для здорового развития ребенка. Это имеет место, например, при неполной семье (отсутствуют мать или отец), если родители преобладающую часть дня находятся вне дома, если экономическое или культурное состояние семьи настолько низко, что у ребенка отсутствует стимуляция для развития;

2) стимулы для развития ребенка объективно имеются, но для развития ребенка они недоступны, так как в отношениях воспитывающих его лиц образовался определенный внутренний, психический барьер, который препятствует удовлетворению потребностей, хотя источник удовлетворения находится почти под рукой. Это бывает в цельных семьях, нередко с весьма благоприятным общественным и

культурным положением, где, однако, мать, а также отец и другие воспитывающие люди эмоционально совершенно безразличны, у них нет связи с ребенком, они не уделяют ему внимания, иногда лишь, когда за ним ухаживают, обращаются механически.

Нередко, обе указанные ситуации пересекаются: например, мать настолько занята, что не успевает создать свои отношения с ребенком, отдавая весь свой интерес только своей профессии, она не использует даже и то ограниченное время, которое у неё фактически остается для ребенка; это может быть ребенок одинокой матери, у которого отсутствует отец, и который страдает нередко от отвергающего отношения матери, переносящей на него чувства разочарования и горечи, возникающие из-за трудного социального положения. Различение обеих групп имеет практическое значение. Результаты в первом случае бывают более поверхностными, а исправление более легким, чем в ситуациях, где депривация вызвана серьезным психологическим препятствием, заключающимся в самой личности воспитателей. Исход коррекции в обоих случаях бывает различным.

Наибольшая опасность для развития ребенка, особенно в раннем возрасте, наступает, несомненно, тогда, когда нет матери («материнская депривация»). От матери зависит не только уход, но также удовлетворение большинства его психических потребностей - она представляет основу для отношения ребенка к людям, для его доверия к окружающему миру, прежде всего именно мать создает для ребенка «дом».

Значительно более частым, хотя и мнимо не столь трагичным обстоятельством, является отсутствие отца («патернальная депривация»). Это касается многих детей, живущих со своими незамужними или по иным причинам одинокими матерями. Если нет ни вспомогательного, ни уравновешивающего влияния отца, то естественно, что значение личности матери становится намного больше, чем при нормальных обстоятельствах. А так как именно в случае одиноких матерей имеется достаточно поводов для предположения большего участия недостаточно уравновешенных личностей, следует предполагать также угрозу повышенной опасности из-за скопления неблагоприятных факторов.

Ребенок, растущий без отца, лишен важного мужского примера, который особенно значителен для мальчиков старшего возраста в регуляции их поведения, но важен также и для девочек в качестве модели их будущего партнера. Ребенок без отца страдает, как правило, от недостатка авторитета дисциплины и порядка, которые в нормальных условиях олицетворяются с отцом.

Положение детей рожденных вне брака: здесь имеется повышенный риск, заключающийся в недостаточной заботе и воспитании.

Исследования Д.Дуновски, О.Кучера, Зеленкова (1974г. Прага) проводившиеся в широком лонгитюдинальном исследовании, наблюдение за этими детьми, по сравнению с контрольной группой детей, родившихся в браке, свидетельствуют, что внебрачные дети, характеризуются большим числом неблагоприятных признаков развития – они например, бывают чаще больными, их чаще принимают на госпитализацию в больницы, их заболевания в целом бывают более тяжелыми и т.д. [4; 5]

По данным литературы можно судить, что дети, родившиеся вне брака, бывают чаще недоношенными, мертворожденными, у них более высокая смертность и заболеваемость, их школьная успеваемость хуже и у них больше трудностей при социальном приспособлении. Важным обстоятельством остается тот факт, что эти дети представляют значительную долю питомцев учреждений для грудных детей и детских домов.

В положении одиноких матерей, (по данным ВОЗ после гражданской войны в Таджикистане 26000 семей остались без кормильца, 55000 детей остались сиротами),

остается много нерешенных вопросов: общественных, экономических, рабочих, квартирных, трудовая миграция и др. Естественно, что детям таких матерей депривация угрожает больше всего.

Немаловажной является проблема социоэкономического и культурного уровня семьи. Рассмотрим проблему многочисленной по своему составу семьи. На долю ребенка в такой семье приходится лишь малая часть внимания и заботы, которое необходимо для его нормального развития. Исследования Б. Паттель (1977г.), проводимые в обществах, постоянно страдающих недостатком питания и проживающих в неблагоприятных условиях, доказывают наличие депривационных последствий.

В первый период детства ребенок из таких семей сталкивается иногда с недостаточной материнской заботой, позднее депривация проявляется в области отцовского влияния и по поводу отсутствия руководства и дисциплины. Результатом является обычно нарушения социального поведения в различных сферах.

Если многодетность в советский период поощрялась, то в 2002году Постановлением Правительства республики Таджикистан утверждена «Программа реализации концепции государственной демографической политики в республике Таджикистан на 2003-2015 годы».[1]

Исходя из приоритетности проблем охраны и улучшения репродуктивного здоровья населения, разрабатываются национальные и отраслевые программы, направленные на охрану и улучшение безопасного материнства, посредством планирования семьи. Приоритетом тому является Национальная программа, утвержденная Постановлением Правительства республики Таджикистан №483 от 2.12.1999г. Программа предусматривает решение проблем репродуктивного здоровья на широкой межведомственной основе, где особый акцент ставится на сельских женщин, так как более 70% населения страны, проживают в сельской местности.

Учитывая характер данной проблемы, мы считаем целесообразным наметить основные пути решения данной проблемы, принимая во внимание местные условия и возможности. Это могут быть предупредительные программы, более или менее касающиеся всего общества.

1.Основой предупредительной системы является социальная политика государства. Существенными «антидепривационными» условиями являются устранение всех форм материальных лишений. Политика нашего государства, направленная на скорейшее решение проблемы бедности, использует проведения ряда мероприятий на оказание материальной поддержки семьи: установление декретного отпуска в связи с материнством, открытие учреждений помогающих семьям в воспитании детей – это ясли, детские сады, специальные учреждения для детей с ограниченными возможностями, бесплатные службы здравоохранения и т.д. В нашей республике деятельность этих учреждений в настоящее время требует совершенствования.

2. Просвещение общественности относительно вопросов психической депривации. Просвещение в области депривации может ознакомить широкую общественность с основными нуждами ребенка, с взаимосвязью между удовлетворением этих нужд и жизнью семьи, с ценностью здорового развития ребенка для общества и т.д.

3.Специальной формой просветительской работы, направленной на молодежь, является воспитание родительских чувств и обязанностей. Воспитание будущих родителей является широкой и глубокой задачей, оно имеет многосторонний характер и осуществляется на нескольких уровнях.

Первым уровнем является материально-технический уровень. Необходимо создать благоприятные материальные условия для существования семьи, в которой бы ребенок занимал удовлетворительное положение.

Вторым уровнем является прицельное осведомление родителей (еще лучше будущих родителей), в вопросах психологии супружеской жизни, возрастной психологии, а также в вопросах психической депривации. Орудием данного воспитания являются книжные публикации, лекции и весь реестр СМИ.

Третий уровень воспитания родительских чувств –это раннее воспитание детей. Задолго до рождения молодые родители ребенка формируют свои позиции по отношению к нему на основе своего собственного опыта с времен раннего детства, взаимоотношений с собственными родителями. Воспитательные мероприятия, которые должны воспрепятствовать депривации рождающихся теперь детей, являются предупреждением психической депривации будущего поколения.

Четвертый уровень – уровень общественных ценностей. Любой воспитательный процесс протекает на определенном общественном фоне, каковым является общее моральное состояние общества, система его идеалов, ценностей и целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа реализации Концепции Государственной демографической политики Республики Таджикистан на 2003-2015 годы от 31 декабря 2002г.
2. Лангмейер Й. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчик. - Прага: Авициниум, 1984.- С.17-18.
3. Фурманов И.А. Психология депривированного ребенка: пособие для психологов и педагогов / И.А. Фурманов, Н.В. Фурманова. - М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2004. -С.8.
4. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби. - М.: «Гардарики», 203. - 447 с.
5. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей: дис .канд. психол. наук. 19.00.13 / Дж. Боулби. - М., 2002. -20с.

ЗДОРОВОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА В АСПЕКТЕ МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

В статье отражаются вопросы психической депривации – влияние недостатка материнской любви или ее лишения на развитие ребенка. Опираясь на научные работы ряда исследователей, автор считает целесообразным наметить основные пути решения данной проблемы, принимая во внимание местные условия и возможности. Это могут быть предупредительные программы, основой которых является социальная политика государства; просвещение общественности относительно вопросов психической депривации; воспитание будущих родителей.

Ключевые слова: женщина, семья, брак, психическая депривация, воспитание ребенка, предупредительные программы.

HEALTHY DEVELOPMENT OF THE CHILD IN THE CONTEXT OF MATERNAL LOVE

The article reflects the issues of psychic deprivation - the influence of lack of maternal love or deprivation on child's development. Basing on scientific studies of a number of researchers, the author finds it appropriate to identify the main ways of solving this problem, with due consideration of local conditions and opportunities. These could be preventive programs which would be based on the social policy of the state; public education on psychic deprivation matters; training future parents.

Key words: woman, family, marriage, psychic deprivation, child upbringing, preventive programs

Сведения об авторе: ***Н.М. Юнусова*** **-** кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Таджикского национального университета. Телефон:. **907-97-48-07**

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ЕДИНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Д.Н.Сангинова
Таджикский государственный университет коммерции

Современные процессы развития мирового хозяйства, на которые большое влияние оказывают глобализационные процессы, все больше определяют поведенческую линию населения, в том числе и на образовательные технологии. Мировое образовательное пространство, как показывают исследования, имеет четко выраженную направленность, которая выражается тем, что начинает превалировать использование кредитной технологии обучения. Одним из главных факторов этого процесса является решение проблемы унификации подготовки рабочей силы, как одно из требований развития мирового рынка труда и усиления трудовой миграции. Это, соответственно, связано с организацией такого направления образования, чтобы всемерно был облегчен процесс взаимного подтверждения дипломов о высшем образовании. Естественным шагом для этого было преобразование программы национальных законодательств в области образования к единым мировым стандартам и нормам. Одной из необходимых задач является также введение дипломов единого стандарта. Выполнение этих мероприятий позволили повысить мобильность молодежи на рынке труда с целью быстрого реагирования на изменение спроса и предложения на рабочую силу.

В настоящее время при реализации образовательных программ в мировой практике используются так называемые кредитные системы, выступающие в качестве меры общей трудоемкости и качества обучения. Наиболее распространенными из этих систем являются система кредитов Соединенных Штатов (USCS), Британская система накопления и передачи кредитов (CATS) и Азиатско–тихоокеанская система передачи университетских кредитов (UCTS). В странах Европейского Союза внедряется Европейская система зачетного перевода (ECTS) (присоединение стран региона к Болонскому процессу) [2].

Основное предназначение системы зачетных единиц, как одного из основных факторов обеспечения мобильности студентов, состоит в выполнении двух основных функций. Первая функция заключается в возможности зачета учебных предметов, пройденных в другом вузе. Иначе говоря, пройденные дисциплины в другом вузе должны их студенту перезачесть, что предопределяет необходимые условия академической мобильности и гибкости в подготовке студента.

Вторая функция состоит в возможности накопления зачетных единиц, пока студент не наберет их нужную сумму для получения соответствующей академической степени (бакалавра, магистра). То есть студент может в силу разных причин получать образование «порциями», с разрывом во времени, меняя вузы и т.д. Соответственно, при этом необходимо учитывать все факторы, например, устаревание данного курса, количество кредитов, отведенных на данный предмет и т.д.

Следует отметить, что, несмотря на общую фундаментальную схожесть подходов, основанной на понятие «кредитные системы», можно выявить некоторые различия в использовании данной образовательной технологии. В частности, одним из спорных моментов можно назвать принятие в качестве единицы измерения образовательной ступени одного из двух факторов: количество лет обучения или число набранных кредитов [3].

Как показывают исследования, на сегодняшний день наблюдается сосуществование указанных двух подходов к "измерению" академической ступени. Но при этом в США в качестве мерила образовательной ступени используют количество

полученных кредитов. Так, опрос руководителей американских университетов в 2001 году показал, что большинство из них определяет завершенность ступени обучения через количество набранных кредитов. В то же время в Европе больше склоняются к годам обучения. В документах Болонского процесса степени бакалавра и магистра определяются исходя из сроков обучения. Например, в Болонской декларации указывается, что продолжительность бакалаврской программы должен составлять не менее трех лет, а в Сорбонской декларации содержится призыв к принятию единой «европейской модели» квалификаций бакалавра, магистра и доктора со сроками обучения в соответственно в 3, 5 и 8 лет [4].

Тем не менее, несмотря на преобладание четырехлетних бакалаврских и двухлетних магистерских программ, различия в сроках обучения все же остаются. Так, в США существует достаточно большое количество трехлетних и даже пятилетних бакалаврских программ. Более того, наблюдаются достаточно значительные изменения в структуре продолжительности программ. На бакалаврской ступени происходит значительный рост числа трехлетних, а на магистерской - годовых программ. Таким образом, это подчеркивает динамизм и гибкость системы образования США.

Также стоить отметить, что растет тенденция, при которой появляются значительные различия между номинальными и реальными сроками обучения студентов. Несмотря на имеющуюся возможность досрочного получения степени, большинство учатся дольше, чем предусмотрено их образовательной программой. Так 75% всех студентов, окончивших бакалаврскую ступень, учились шесть и более лет.

Следующим важным фактором, влияющим на продолжительность учебы, является рост в США числа учебных программ, ориентированных на расширение связей между вузом и нанимателем. Их типичными особенностями является увеличение сроков стажировок и расширение возможностей для совмещения работы и учебы. Все это также ведет к увеличению фактических сроков обучения.

Таким образом, можно сделать вывод, что кредитная технология обучения позволяет выработать достаточно гибкие подходы согласованные подходы к измерению учебной нагрузки. При этом система академических кредитов оказалась наиболее полезной, именно потому, что она позволяет студенту накапливать кредиты и получать академическую степень после набора достаточного их количества.

Отметим, что данная тенденция к унификации мирового образовательного пространства не могло не затронуть и страны СНГ. Развал Советского Союза, соответственно, вызвал и распад сложившейся системы советского образования. Несмотря на то, что данная система образования, несомненно, имела свои положительные стороны, можно констатировать, что общее направление реформирования образовательной системы показывает, что происходит постепенный переход от советской системы образования на кредитную технологию обучения [5].

Образовательная система суверенного Таджикистана также находится в переходном периоде к этой системе. Для этого, еще в 2009 году, в стране была принята Государственная программа развития образования, которая была утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан (29.04.2009. №254). Согласно тому Постановлению Правительства РТ в данной Программе предусматривался постепенный переход школ основного образования на систему обязательного 10-летнего образования с сентября 2010 года, а с сентября 2014 года на новую систему общего образования, что должно обеспечить основу для вхождения Республики Таджикистан в мировое образовательное пространство, посредством создании новых институциональных механизмов развития сферы образования для дальнейшего удовлетворения потребностей граждан, общества и рынка труда в качественном образовании.

Одним из приоритетных направлений высшего профессионального образования в данной Программе было отмечено необходимость разработки и изучения механизма внедрения кредитной технологии обучения. Смена образовательной системы государства предусматривает создание целого комплекса мероприятий, в частности организация и проведение соответствующих обучающихся тренингов для профессорско-преподавательского состава по основам новой технологии обучения. Также необходима соответствующая система управления учреждений высшего профессионального образования, позволяющая внедрить кредитную технологию обучения на уровне, при котором можно заявлять о признании уровня квалификации подготовленных специалистов международному уровню.

Для достижения этой основной цели в стране были поставлены и решены задачи по повышению эффективности системы управления в образовании, для чего были приняты ряд мероприятий по совершенствованию методического и кадрового обеспечения системы образования и улучшения материально-технической базы системы образования. Были подготовлены нормативные правовые и методические документы, обеспечивающие переход на многоуровневую систему образования и кредитную технологию обучения. Важным фактором решения этих задач явилось совершенствование экономических механизмов в системе образования.

Одним из важных факторов, обеспечивающих внедрение новой технологии обучения, является необходимость выработки и использование такой системы оценки качества образования, которая исходит из международных требований.

Отметим приоритетные направления системы оценки качества образования:

- Осуществление институциональной оценки качества образования по всем его уровням;
- Внедрение процедур внутренней и внешней оценки качества образования, учебных достижений обучающихся;
- Разработка системы индикаторов образования;
- Усовершенствование стандартизированных оценочных средств и инструментов, определяющих уровень знаний обучающихся;
- Создание инфраструктуры, осуществляющей оценку качества образования;
- Повышение квалификационных требований к руководящим должностям организаций образования.

Для внешней оценки организаций образования предусматриваются процедуры лицензирования, аттестации, аккредитации централизованного тестирования и прямых мониторинговых исследований.

Внутренняя оценка предусматривается в форме самооценки (самоаттестации), текущего контроля успеваемости, оценки образовательных достижений обучающихся, осуществляемых в образовательных учреждениях.

В конечном итоге, необходимо создание национальной системы мониторинга и прогнозирования развития системы образования и основные критерии оценки качества образования. При этом особенно важно усиление государственной поддержки и совершенствование механизмов стимулирования труда педагогических работников, для чего требуется разработка новых механизмов финансирования образования в целях активизации научная и инновационная деятельности в сфере образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдова О.В. Методические рекомендации по внедрению в вузе системы зачетных единиц (кре́дитов) / О.В. Давыдова, В.И. Звонников, М.Б. Челышкова // Государственный университет управления, Центр качества. - М.: ГУУ, 2010. – 50 с.
2. Байденко В.И. Болонский процесс: поиск общности Европейских систем образования (проект TUNING) / В.И. Байденко. - М., 2006.

3. Баум В.В. Система зачетных единиц (кредитов) как один из инструментов признания квалификаций / В.В. Баум. - М.: РУДН, 2007. -С. 12.
4. Бурцев А.К. Болонский процесс. Основополагающие материалы / А.К. Бурцев, В.А. Звонова. - М., 2006. - С. 29.
5. Чистохвалов В.Н. Как функционирует система кредитных единиц в классическом университете / В.Н. Чистохвалов. [Электронный ресурс]. http://www.rudn.ru/?pagec=292
6. Великая Хартия Европейских университетов. [Электронный ресурс]. http://www.russianenic.ru/int/bol/charter.html

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ЕДИНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье исследуются основные тенденции внедрения кредитной технологии в мировом образовательном пространстве, в частности использование в качестве единицы измерения образовательной ступени одного из двух факторов: количество лет обучения или число набранных кредитов. Также исследуется процесс перехода на кредитную технологию обучения в Республике Таджикистан.

Ключевые слова: образовательное пространство, кредитная технология, образовательная ступень, кредитная технология обучения в Республике Таджикистан.

TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF THE CREDIT TECHNOLOGY OF TRAINING IN THE UNIFIED EDUCATIONAL SPACE

In article are investigated the basic tendencies of inculcation of credit technology in world educational space, in particular use as a unit of measure of an educational step of one of two factors: quantity of years of training or number of the gained credits. Also it is considered the process of transition to credit technology of training in Republic Tajikistan.

Key words: educational environment, the credit technology, educational level, the credit technology of training in the Republic of Tajikistan.

Сведения об авторе: ***Д.Н.Сангинова*** – соискатель Академии образования Таджикистана, старший преподаватель ТГУК. Телефон: **93-897-88-86**

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРЖДАНСКО - ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Дж. Юлдошева
Кулябский государственный университет им. А.Рудаки

Серьезные перемены конца прошлого века в социально-экономической и политической жизни общества, обострение воспитательных проблем, негативные явления в подростковой и молодёжной среде обусловили ряд трудностей в их гражданско - правовом становлении.

Исследования ряда отечественных ученых показывают, что молодежь, вступающая в самостоятельную жизнь, стоит на нынешнем этапе развития общества перед сложной дилеммой - научиться жить и трудиться в условиях, когда возможности трудоустройства, продолжения образования, культурного досуга, создания собственной семьи существенно сужены, а материальные льготы и помощь молодёжи со стороны государства в силу объективных факторов в некоторой степени ограничены. Относительная безработица, ограниченность шансов на раннее образование и др. в обществе отрицательно влияют на физическое, нравственное и умственное развитие большинства учащейся молодёжи, создают нездоровую атмосферу в подростковом и юношеском сообществе.

Перестройка в нравственной сфере привела к изменениям в ценностных ориентациях молодёжи, которые проявились в пренебрежительном отношении к физическому труду, низким престижем массовых рабочих профессий, снижении ценности высшего образования, иждивенчеству, потребительству, снижении значимости социальных мотивов труда и образования, повышении значимости

материальных ценностей. Изменилось понимание общественно-полезного труда - доминирующим становится принцип краткосрочного планирования, позволяющий в современных условиях быстро заработать деньги; растет озабоченность только личным благополучием и индивидуализм присущие рыночным отношениям, стоят выше стремления принести пользу людям. Преобладание материальных ценностей над духовными, стремление к благосостоянию не всегда сочетаются с честным трудом и зачастую ведут к противоправным действиям. Коммерциализация сферы культуры, порою, пропаганда пошлости, жестокости и насилия, оккультизма и мистики содействуют росту преступности среди подростков и молодежи, распространению наркомании и токсикомании.

Резкий спад патриотических настроений в начале приобретения независимости, усиление религиозных тенденций в обществе толкает молодых людей на асоциальные действия и поступки. Часть подростков и молодежи замыкаются в своем микросоциуме, уходят в криминогенные группы, ведут нездоровый образ жизни. Свободное распространение разнообразной информации, наличие большого числа партий со своими платформами требуют достаточно развитого политического и идеологического мышления для анализа и выработки собственной позиции. Часть подростков и молодежи (в силу своего возраста), не обладая таким развитием, проявляет либо политическую апатию и пассивность, либо становится объектом действий нечистоплотных политиков или религиозных деятелей.

Все это усложняет деятельность педагогов и других специалистов по становлению личности гражданина в современной средней общеобразовательной школе и вузе. Вместе с тем, возникает настоятельная необходимость в формировании у молодежи гармоничного сочетания личных и общественных интересов, широких духовных потребностей, созидательной творческой направленности, что позитивно влияет на развитие гражданского общества. Странам, приступившим к гуманизации и демократизации общественной жизни, возрождению государственности, радикальным экономическим реформам в условиях новых технологий, необходимы граждане и молодые кадры, обладающие такими гражданскими качествами, как самостоятельность мыслей и чувство свободолюбия, предприимчивость, удачной созидательной активности и милосердия. Становящаяся новая действительность требует от молодого человека - гражданина с возрастающим чувством собственного достоинства, высоким уровнем социального сознания. Переход от тоталитарного режима к демократической системе с доминирующими массовыми ценностями к становлению гражданского, демократического и правового общества предполагает новое видение самой сути гражданственности.

Изменения в сфере образования, направленные на его гуманизацию, на формирование гражданина, интегрированного в современное общество и нацеленного на его совершенствование требуют нового содержания, форм и методов гражданско-правового воспитания и образованности адекватных новым социально-педагогическим реалиям.

Для специалистов, работающих с подростками и молодежью характерна деятельность, направленная, в первую очередь, на регуляцию нравственного поведения растущей личности. В этой связи, с точки зрения педагогики и психологии, а особенно, акмеологии, важна постановка вопроса о необходимости сосредоточить внимание на совершенствование подготовки будущего специалиста - педагога к гражданско-правовому воспитанию и образованности подростков и молодежи.

Последнее предполагает новое качество вузовской подготовки к определенному виду педагогической деятельности, повышение профессионального мастерства, поиск новых педагогических технологий, обеспечивающих эффективное формирование

гражданина, способного активно включиться в переустройство социально-экономической жизни общества.

Однако, сегодня выпускники педагогических вузов недостаточно подготовлены к решению данной задачи. Они слабо представляют цели, задачи, принципы, содержание, формы и методы работы по гражданско-правовому воспитанию школьников и, особенно, подростков и молодежи.

Вступление Республики Таджикистан в третье тысячелетие связано с возрастанием идей государственности, гражданственности, права и поиском путей укрепления демократического и правового государства. Главным фактором утверждения в обществе демократических, правовых норм и ценностей является образованность и просвещение в вопросах права и воспитания активного ответственного и сознательного гражданина, что, безусловно, является предметом деятельности всего общества, в особенности, педагогов, учителей, воспитателей. В тоже время, следует отметить, что совокупность информации о государстве, гражданственности, правах, свободах и интересах человека в их философском, идеологическом, нормативном, социально-педагогическом планах к настоящему моменту недостаточно востребована системой образования, что особенно главным образом проявляется на уровне начального образования. Работа в данном направлении должна начинаться еще с ранних лет, даже на уровне начальных школ и так продолжаться непрерывно к гражданско-правовому воспитанию подростков и молодежи, что, в свою очередь, предполагает определение условий, обеспечивающих эффективность этого процесса.

В работах в данном направлении большое внимание уделяется вопросам предметно-методической подготовки специалистов-педагогов, работающих на уровне средних общеобразовательных школ, однако, недостаточно в этом плане освещены содержательные и технологические стороны подготовки будущих специалистов системы образования.

Разработка проблемы подготовки будущих специалистов-педагогов к гражданско-правовому воспитанию и образованности подростков и молодежи актуализирует ее рассмотрение и оценку на междисциплинарном уровне, включая учет философских, психологических, педагогических знаний и навыков; изучение и освоение основных характеристик проблематики в контексте аксиологии, культурологии, теории и истории гражданства, государства и правоведения. Немаловажную роль и место в раскрытии вопроса и проблемы играет рассмотрение и анализ нормативно-правовых актов национального и международного уровней – Конституции РТ, Национальной концепции воспитания РТ, Закона РТ «Об образовании», Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о защите прав ребенка и др.

Особое значение в анализе и исследовании процесса подготовки будущих специалистов-педагогов системы образования РТ относительно гражданско-правового воспитания и образованности подростков и молодежи в условиях образовательного процесса в средних общеобразовательных школах и вузе имеют аксиологический и культурологический подходы, в контексте которых могут быть рассмотрены основные элементы и компоненты подготовки: целевой, содержательной, процессуальной, результативной. Сущность и природа аксиологического подхода раскрыты в трудах Лутфуллоева М., А. Нурова А., Махмудова Ш., М. С. Кагана, И. С. Кона, В. П. Тугаринова и др. Значимыми также в данном направлении являются работы В. Г. Воронцовой, И. П. Селезневой, Ю. В. Сенько, В. А. Сластенина и др., раскрывающие вопросы педагогической аксиологии. Обоснование культурологического подхода дается в работах философов, культурологов, психологов, правоведов С. С. Алексеева, А. Г. Асмолова, М. М. Бахтина, Н. А. Бердяева, В. С. Библера, И. Т. Пархоменко, Э. Ю. Соловьева, В. П. Тугаринова и др. Педагогические аспекты культурологического

подхода обоснованы такими учеными, как Н. Е. Веракса, С. И. Гессен, И. Ф. Исаев, Н. Б. Крылова, А. А. Реан и др.

Раскрытие сущности и содержания процесса подготовки будущих специалистов – педагогов в этом плане было бы невозможно без осмысления основных положений теории и истории государства и права, раскрытых в трудах С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, Б. С. Гершунского, С. И. Гессена, Г. И. Иконниковой, Б. Кистяковского, Е. А. Лукашевой, В. П. Ляшенко, В. О. Мушинского, В. С. Нерсесянц, П. Новгородцева, А. Оболонского, В. А. Четверикова и др.

Осмыслению категории «человек» и сущности человека способствуют идеи, обоснованные в работах Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, Е. Н. Трубецкого, В. С. Шубинского, философов-экзистенциалистов — Н. Аббаньяно, А. Камю, Ж. - П. Сартра, В. Франкла, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др. Пониманию человека как открытой, самоорганизующейся системы способствует анализ научных исследований, выполненных в рамках синергетического подхода: В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, И. Р. Пригожин и др.

Подготовка будущих специалистов-педагогов к гражданско-правовому воспитанию учащихся и студентов предполагает создание условий для личностно-профессионального развития личности будущего специалиста-педагога, внутренними источниками и механизмами которого являются: ценностные ориентации, являющиеся предметом изучения таких ученых, как Б. Г. Ананьев, В. Г. Алексеева, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, Г. Оллпорт, С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе, Э. Фромм и др.; рефлексия, исследуемая в трудах Н. Б. Крыловой, А. Маслоу, Л. М. Митиной, А. Б. Орлова, Г. Л. Тульчинского, Э. Эриксона, философов-экзистенциалистов Н. А. Бердяева, Х. Г. Гадамера, Ж. - П. Сартра и др.; мотивация, которая раскрывается в работах Е. П. Ильина, Я. Л. Коломинского, А. Н. Леонтьева, К. К. Платонова, А. А. Реана, Д. И. Фельдштейна и др.

Процесс подготовки будущего специалиста - педагога в вузе не только как подготовка специалиста, а как воспитание профессионала раскрывается в исследованиях М. Лутфуллоева, А. Нурова, А. А. Вербицкого, И. Ф. Исаева, Т. К. Клименко, Л. Н. Куликовой, Б. Т. Лихачева, И. П. Селезневой, Ю. В. Сенько, В. А. Сластенина, Е. Н. Шиянова и др.

Сущность и природа процесса подготовки будущего педагога к гражданско-правовому воспитанию подростков и молодежи возможно понять только посредством осмысления содержания самого гражданско-правового воспитания и механизмов его осуществления на практике. В этом аспекте значимы работы Махмудова Ш., А. С. Аникеева, В. В. Антонова, Т. В. Болотиной, Н. М. Воскресенской, А. Н. Иоффе, А. Ф. Никитина, П. П. Симоненко, Я. В. Соколова, С. В. Тырина и др.

Вопросы содержательного наполнения и организации гражданско - правового воспитания и образования на уровне средней школы раскрываются в работах В. В. Антонова, Е. Г. Каширцевой, Т. В. Коршуновой, А. Ф. Никитина, Я. В. Соколова, З. К. Шнекендорфа и др. Работы исследователей в данном плане освещают содержательную и процессуальную стороны гражданско-правового воспитания учащихся, но мало затрагивают процесс подготовки будущих педагогов системы образования РТ к его реализации на практике, что позволяет говорить о необходимости теоретического осмысления и практической разработки данного направления подготовки специалиста — будущего педагога и учителя средних общеобразовательных школ и вуза.

Актуальность формирования гражданско-правовой культуры и образованности современной таджикской молодежи определяется тем, что дальнейшее развитие общества на основе принципов демократии, реализации прав, свобод и интересов человека во многом зависит от ее гражданской позиции. Глубокая трансформация таджикского общества и государства вызвала радикальные изменения социальной

реальности, что требует активного и осознанного выполнения гражданских обязанностей, особенно при формировании представительных органов власти, участия в деятельности общественных объединений, в становлении гражданского общества в Республике Таджикистан. В тоже время, проявление гражданственности, борьба за осуществление гражданских прав, свобод и интересов неразрывно связаны с правовой культурой и образованностью личности, поскольку формы политического участия не должны выходить за рамки законности, и требуют высокой правовой культуры и правомерного поведения.

Социально-политические преобразования во многом изменили роль таджикского государства и его функции во всех сферах жизнедеятельности общества, роль личности как гражданина и члена общества и его функции в этом качестве, представление о гражданственности и характер взаимоотношений гражданина и государства. Трансформация таджикского общества изменила отношение к патриотизму как жизненной ценности таджикской молодежи. Изменились также представления о социально одобряемом и не одобряемом, о правомерном и неправомерном поведении и социальной деятельности, способы нормативного контроля и санкций, а также формы и методы становления гражданской и правовой культуры и образованности молодежи.

Вместе с тем, как показывают данные социологических исследований, политическое участие и использование молодежью своих активных гражданских прав, свобод и интересов находится на недостаточно высоком уровне, о чем свидетельствует ее участие в выборах представительных органов власти на всех уровнях.

Освоение гражданско-правовой культуры осуществляется в процессе социализации молодежи, которая в настоящее время, по большей части, происходит стихийно и не дает должного эффекта. Введение курсов «Основы государства и права», «Права человека» в системе общего образования также не исчерпывает проблему воспитания полноценного гражданина, патриота своей Родины, поскольку направлено на освоение знаний, не затрагивая остальные аспекты гражданственности, особенно поведенческие. Поэтому возникает также необходимость введения нового курса под названием «Граждановедение», который содействует формированию гражданско-правовой культуры молодежи в деятельности всех институтов социализации, обращая особое внимание на деятельностный аспект гражданственности.

Целенаправленное формирование гражданско-правовой культуры молодежи в системе социальных институтов требует исследования содержания гражданственности в соответствии с теми изменениями, которые произошли в общественном сознании, экономике, политике, в социальной и личностной системе ценностей, в соционормативной системе общества, включая обычаи, традиции, мораль, право.

Таким образом, складывается проблемная ситуация, требующая своего разрешения, где с одной стороны, - для успешного осуществления преобразований в таджикском обществе требуется молодое поколение, обладающее высоким уровнем гражданской и правовой культуры, а с другой, - его становление затруднено тем, что еще не сложилась система ценностно -нормативных принципов и ориентиров, необходимых для построения гражданского общества в Республике Таджикистан, не создана эффективная система гражданской и правовой социализации молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барномаи системаи давлатии омӯзиши соҳаи ҳуқуқ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон (Матн). Душанбе, 2001.

2. Барномаи ҳуқуқи инсон барои синфҳои 10 -11 мактабҳои таҳсилоти умумӣ (Матн) / Мурат. Зиёев Т. Н., Менглиев Ш. М. ва диг. - Душанбе, 2006. 84 с.

3. Большакова З. М. Теоретические основы подготовки будущих учителей к профессионально-педагогической деятельности (Текст): дис. д - ра. пед. наук. Екатеринбург, 2000. - 231с.

4. Культура мира, права человека, толерантность и миролюбие (Текст)./ З. М. Большакова. - М.: Изд-во АПК и ПРО, 2002 г.

5. Лутфуллоев М. Шарафномаи миллат. / М. Лутфуллоев.-Душанбе, 2003.
6. Махмудов Ш. К. Педагогические условия подготовки будущих учителей к правовому образованию и воспитанию учащихся. / Ш. К. Махмудов. АКД. Д., 2009. – 28 стр.
7. Реутов В. П. 0 воспитательной функции правового регулирования. В кн. Государство, право, законность./ В. П. Реутов вып. 6. - Пермь, 1975.
8. Сухомлинский В. А. Рождение гражданина. 3 - е изд. / В. А. Сухомлинский. М.: Молодая гвардия, 1979.
9. Танчев Н. Т. Правовое воспитание как фактор предупреждения антиобщественных проявлений среди школьников (на материалах НРБ): / Н. Т. Танчев. АКД. М., 1977. - 21 с.
10.Яхонтов В.А. Социологическое изучение правосознания молодежи. - Проблемы социологии права./ В.А. Яхонтов. вып. I. - Вильнюс, 1970, с. 207-215

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО - ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

В данной статье автором подвергнуты рассмотрению и изучению некоторые проблемы гражданско-правового воспитания. Серьезные перемены конца прошлого века в социально-экономической и политической жизни общества, обострение воспитательных проблем, негативные явления в подростковой и молодёжной среде обусловили ряд трудностей в их гражданско - правовом становлении. Преобладание материальных ценностей над духовными, стремление к благосостоянию не всегда сочетаются с честным трудом и зачастую ведут к противоправным действиям

Ключевые слова: нравственная сфера, ценностные ориентации молодёжи, снижение ценности высшего образования, социальные мотивы труда и образования, личное благополучие.

SOME PROBLEMS OF CIVIL EDUCATION

In this article the author subjected to review and study some problems of civil education. Serious changes at the end of the last century in the social economic and political life of the society, and the exacerbation of educational problems, the negative phenomena in the adolescent and youth have caused a number of difficulties in their civil formation. The predominance of material values over spiritual aspiration to wealth is not always combined with honest work, and often leads to illegal actions.

Key words: moral sphere, value orientations of young people, reducing the value of higher education, social motives of labor and education, personal well-being.

Сведения об авторе: ***Дж. Юлдошева*** – кандидат педагогических наук, Кулябский государственный университет им. А.Рудаки. Телефон: **951-48-08-64**

АҲАМИЯТИ ВОРИДШАВИИ БОЗИҲОИ МИЛЛӢ БА НОМГӮИ МУСОБИҚАҲОИ ҶАҲОНӢ ВА БОЗИҲОИ ОЛИМПӢ

Шодӣ Сафаров
Донишкадаи давлатии тарбияи ҷисмонии ба номи С. Раҳимов

12 июли соли 1929 Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалисти Тоҷикистон ташкил шуд. Тоҷикистон дар вақти тақсимоти миллию ҳудудии Осиёи Миёна аз марказҳои тамаддуни худ - Бухоро ва Самарқанд дур гашта, аз тарафи дигар тағйири ҳуруфоти арабӣ ба лотинӣ (соли 1929) ва аз лотинӣ ба кирилӣ (соли 1940) ба инкишофи хат, забон ва ба фарҳанги беш аз ҳазорсолаи тоҷикон зарбаи қатъӣ зад. Дар замони Шӯравӣ ба насли нав хондани асарҳои ниёгон имконнпазир гашта мардум аз фарҳангу адабиёти худ дур монданд. Судҳои сегона (тройка) бе пурсиш ва бе таҳқиқ ба қатли олимон (домулло, соҳибони илм), паҳлавонон, варзишгарони барҷаста «маъракаи сиёсӣ» оростанд. Тӯли солҳои 1930-1937 беҳтарин ва номдортарин варзишгарон низ олудаи «гуноҳи сиёсӣ» гашта, ҳукми қатл гирифтанд ва бархе дигар ба Қазоқистону Сибир бадарға шуданд. Таъқибу фишори оммавӣ, ки аз соли 1930 оғоз шуда буд, авҷ гирифт. Душманони халқ арбобони сиёсӣ, пуштибонон ва ҳимоятгарони асосии миллат Нусратулло Махсум, Абдулқодир Муҳиддинов,

Абдураҳим Ҳоҷибоев, Шириншоҳ Шоҳтемур ва дигар шахсони бомаърифатро бо туҳмат гирифтори ҳукми қатл карданд.

Бо мақсади азхудкунии заминҳои корами обӣ аз ҳисоби ноҳияҳои кӯҳистони вилояти Ленинобод, Кӯлоб, Ғарм ва Қӯрғонтеппа муҳоҷиркунии оммавии кӯҳистониён сар шуд. Ба водии Вахш аз соли 1935 то моҳи октябри соли 1936 ҳисоби муҳоҷирон ба 4250 хоҷагӣ расид. Ҳарчанд ин муҳоҷиркунӣ барои ояндаи Тоҷикистон натиҷаҳои мусбӣ дод, вале беҳтарин анъанаҳо, ёдгориҳои таърихии кӯҳистониён он солҳо несту нобуд шуд. Ба ин мисол бозиҳои миллӣ коҳиш ёфта, мусобиқаҳо таваққуф монданд.

Камбудии дигари ташкили кори варзиш аз он иборат буд, ки ташкилотҳои варзишӣ ба ҷойи тараққӣ додани намудҳои бозиҳои миллӣ ба ҷорӣ кардани бозиҳое, ки халқ онро намедонист-«аврупоипарастӣ» карда, бозиҳои бегонаро зӯр зада, ҷорӣ мекарданд. Кормандон, мутахассисони Шӯрои Олии варзиши ҷумҳурӣ ва намояндагони онҳо дар ноҳияҳо ба ҷойи ба тартиб даровардани намудҳои бозиҳои миллии варзиш аз нуқтаи назари тарбиявӣ, варзишӣ, беҳдоштӣ, тиббӣ ва ғайра, ба ҷорӣ намудани варзишӣ «аврупоӣ» зӯр мезаданд.

Аз ин ҷост, ки КМ ҲКУ (б) барои бартараф кардани камбудиҳо аз 23 сентябри соли 1929 «Дар бораи ҳаракати варзиш» қарор қабул кард. Дар моҳи апрели соли 1930 дар назди КИМ (Комитети Иҷроияи Марказӣ) ва комиҷроияҳои ҷумҳуриҳои бародарӣ, ташкилоти давлатии идоракунии варзиш ба номи Шӯрои варзиш ташкил карда шуд. Ин Шӯро як қатор чорабиниҳо ва мусобиқаҳои варзиширо ба роҳ монд, ки онҳо завқи одамонро ба варзиш бедор кард. Мусобиқаҳои варзишӣ аз тарафи иттифоқҳои касаба ва комсомол афзоиш ёфт. Соли 1931 Шӯрои варзишии Тоҷикистон барои ба роҳ андохтани варзиш дар колхозу совхозҳо масъалаи ба варзиш ҷалб кардани коргарону деҳқонон, сохтани иншоотҳои варзишӣ, ҷалб кардани духтарон ба машқҳои варзишӣ ва ғ.

Дар соҳаи варзиш мутахассисони соҳибкасб ба кор қабул карда шуданд. Чорабиниҳои варзишии солҳои 1931-1932 дар вилоятҳои Кӯлоб ва Ғарм низ тараққӣ ёфт. Барои варзишгарон комплекси тайёрӣ ба меҳнат ва мудофиаи Ватан-ТММ, яъне меъёрҳои ГТО муқаррар шуд, ки соли 1932 аз уҳдаи иҷрои меъёрҳои он 632 нафар баромаданд.

Соли 1933 танҳо дар 11 ноҳия ба супоридани комплекси ТММ-(ГТО) 3230 нафар вазишгарон ҷалб шуданд, ки нисбати соли 1932 ду баробар зиёд буд.

Ба пешрафти варзиш дар Тоҷикистон Спартакиадаи якум, ки 18 августи соли 1934 дар шаҳри Душанбе гузашт, такони бузург бахшид. Дар он аз 20 ноҳияҳои ҷумҳурӣ беш аз 500 нафар варзишгарони деҳот ҷалб шуданд. Дар барномаи Спартакиада, ки пешакӣ муайян шуда буд, 5 ҳазор нафар иштирок карда, меъёрҳои ТММ (ГТО)-ро супориданд, ки аз онҳо 1500 нафарашон духтарон буданд. Аз ноҳияҳои дурдасти Ғарм ва Тавилдара низ духтарон дар ин мусобиқаи ширкат варзиданд.

Дар соли 1935 ҷамъияти ихтиёрии варзишии «Спартак» дар ҷумҳурӣ ташкил ёфт. Дар соли 1936 дар асоси қарори Шӯрои марказии Умумииттифоқии иттифоқҳои касаба (ВЦСПС), ҷамъиятҳои ихтиёрии варзишии касаба «Буревестник», «Молния», «Локомотив», «Медик», «Спорт», «Мукомол востока» ва ғайра ташкил шуданд. Вазифаҳои ин ҷамъиятҳо дар корхонаҳо, совхозу колхозҳо, мактабҳо ва омӯзишгоҳҳо тайёр кардани варзишгарон буд.

Шӯрои Комиссарони Халқи СССР аз 21 июни соли 1936 дар бораи ташкил кардани комитети умумииттифоқӣ оид ба корҳои варзишӣ қарор қабул кард, ки дар назди Ҳукумати Тоҷикистон ҳам чунин комитет оид ба варзиш таъсис ёфт. Ҷамъияти варзишии «Динамо», ки соли 1931 ташкил ёфта буд, ба тезӣ шуҳратёб гашта, барои ташвиқи варзиш эстафетаи чандрӯзаро барои дарёфти мукофоти рӯзномаи «Комсомолская правда» ташкил дод, ки масофаи роҳ аз Душанбе то Тошканд буд. Эстафетаро аз Душанбе то Хонақо велосипедронон сар карда, аз он ҷо то Чептура аспсаворон бурданд.

Варзишгарон аз Чептура ба воситаи поезд то истгоҳи Ҷарқӯрғон, аз он ҷо давандагон ва аз онҳо боз велосипедронон то Термиз расонданд. Ҳамин тавр эстафетаро ба Тошканд ба Шӯрои марказии ҷамъияти «Динамо» расонданд. Ҷамъияти «Динамо»-и Тоҷикистон 12 коллективи варзишӣ дошт, ки дар он гурӯҳҳои варзишӣ аз гимнастика, бозиҳои миллӣ, варзиши сабук, шоҳмот ва шашка иштирок мекарданд. Адади умумии варзишгарони «Динамо» соли 1938 ба 1500 нафар расида буд.

Ҷамъияти варзишии «Спартак» низ фаъол буд. Мусобиқаи велосипедронон аз масофаи Душанбе то Орҷоникидзеобод (н. Ваҳдат) соли 1936 гузашта, дар он 23 нафар варзишгарони ин ҷамъият иштирок карданд.

Аввалин бор ташвиқгарони варзиши ин ҷамъият аз байни занҳо бо иштироки 12 нафар аз Душанбе ба Кӯлоб дар соли 1937 пойи пиёда роҳпаймоӣ карданд. Дар ин роҳпаймоӣ коргарзанони фаъоли артелҳои «Озодии занон», «Қизил Тоҷикистон», «Рекорд» ва дигарҳо иштирок карданд, ки байни онҳо тоҷикдухтарон Х.Отаҷонова, Г.Одилова, А.Азизова ва М.Ғафурова хеле фаъол буданд. Соли 1939 ҷамъияти «Спартак» 1260 нафар аъзоёнашро бо мукофотҳо сарфароз гардонид.

Қарори Комиссариати Халқии ИҶШС аз 16 марти соли 1940 «Дар бораи Низомномаи Комитети Умумииттифоқӣ оид ба тарбияи ҷисмонӣ ва варзиши ИҶШС», барои ривоҷи варзиш бисёр муҳим буд. Баъди ин қарор ва тайёр кардани мутахассисони соҳаи варзиш масъалаи муҳим дониста шуд.

Вазъи тайёр намудани мутахассисони варзиш ва баланд бардоштани маҳорати варзишгарон дар солҳои 1940-1941 аз ҳисоби 5 ҷамъияти варзишӣ хеле беҳтар гашт. Аз ҷумла, 350 коллективҳои варзишӣ дар корхонаҳо, идораҳо, мактабҳо, қисмҳои ҳарбӣ ташкил ёфта, 80 ҳазор нафар варзишгаронро фаро гирифта буданд.

Дар ҷумҳурӣ то соли 1941 63 дастаи футбол, 300 дастаи волейбол, 18 дастаи баскетбол фаъолона кор бурда, дастаҳои гӯштингирон, камонварон, аспсаворон ва ғайраҳо ҳамеша машғули машқ буданд. Меъёрҳои ТММ (ГТО)-ро 16683 нафар, БММТ (БТО)-ро 7817 нафар мактаббачагон супорида, ба гирифтани нишонҳои ГТО ва БТО сазовор гаштанд. Танҳо дар шаҳри Душанбе соли 1940 меъёрҳои ТММ-ро 800 нафар супорида буданд.

Солҳои 1930-1940 завқи ҷавонон бештар ба гӯштингирӣ, аспсаворӣ, футбол, волейбол, баскетбол, варзиши сабук, гимнастика, велосипедронӣ, тирпарронӣ афзуда буд. Чуноне ки мусобиқаи велосипедронӣ аз Душанбе ба Куктош (ҳоло н. Рӯдакӣ), аз он ҷо ба Қӯрғонтеппа, аз он ҷо ба Колхозобод-Қӯрғонтеппа-Бауманобод-Душанбе мусобиқаи якчандрӯза гузаронида шуд. Онҳо дар маҷмӯъ 674 километрро дар 37 соат бо велосипед тай карда, то Душанбе расиданд.

Дар таърихи варзиши Тоҷикистон воқеаи муҳимми таърихӣ ба амал омад, ки велосипедронон Рустам Долтабоев, А.Тоиров, М.Хоҷаев, И.Қудратов, С. Шарифов,

Е.Соколов, А.Ленздберг ҷамъ 10 нафар бо роҳи чандрӯза аз Душанбе-Қайроқум то Москва рафта, 16 августи соли 1935 соати 7-и бегоҳ баъди 41 рӯзи роҳи вазнин ба боғи маданият ва истироҳати ба номи М.Горкийи шаҳри Москва расиданд. Ин пойгаи велосипедронӣ (эстафета) минбаъд пойгаи Умумииттифоқ ном гирифт.

Дар пешрафт ва тараққиёти варзиши Тоҷикистон хизмати мутахассисони соҳаи варзиши тоҷик Ё.Абрамов, С.Бобоев, С.Нурхонов, А.Богданов, Михаил ва Нина Сиклаурӣ ва чанде дигарон солҳои 1933-1940 бағоят калон аст.

Мусобиқаи шоҳмотбозон ва шашкабозон солҳои пеш аз ҷанги дуюми ҷаҳон дар Тоҷикистон ривоҷ ёфта, мусобиқаҳои солҳои 1931, 1932, 1933 ва соли 1934 дар шаҳри Душанбе чемпионҳои навро кашф кард.

Дар назди полки 79-и аскарони савора соли 1937 мактаби аспсаворӣ ташкил ёфт. Дар мусобиқаи аспсаворон, ки сентябри соли 1937 гузаронида шуд, дар байни дастаҳои Туркманистон, Ӯзбекистон, Қазоқистон намояндагони Тоҷикистон 3 ҷойи аввалро соҳиб гаштанд. Ба муносибати 1 майи соли 1938 мусобиқаи ҷумҳуриявии аспсаворон гузаронида шуд, ки дар он аз 17 ноҳия 575 нафар варзишгарон иштирок карданд.

Варзиш дар деҳот низ авҷ гирифт. Соли 1936 дар шаҳри Душанбе иди деҳқонон гузаронида шуд ва қисми асосии чорабиниҳои онро, мусобиқаҳои варзишӣ ташкил медод. Дар мусобиқаи гӯштин беш аз 250 нафар паҳлавонони ҷумҳурӣ иштирок карданд.

Таълим ва ташкили кори тарбияи ҷисмонии хонандагон солҳои 1930-1940 аз рӯйи дастур ва қарорҳои Комиссариати маорифи халқи Ҷумҳурии Тоҷикистон, маҳз барои ривоҷи бозиҳои миллӣ мусоидат кард. Дар ин замина супоридани меъёрҳои БММТ (БГТО) беҳтар гардид. Дар мусобиқаҳои БГТО 1500 хонанда роҳпаймоӣ карданд. Моҳи апрели соли 1935 роҳпаймоиҳоро хонандагони шаҳрҳои Душанбе, Қӯрғонтеппа ва Кӯлоб низ ба анҷом расонданд.

Соли 1939 Комиссариати маорифи халқ бо қарори худ дар назди омӯзишгоҳи педагогии шаҳри Душанбе шуъбаи тайёр намудани мутахассисони варзишро кушод. Муаллими тарбияи ҷисмонии донишкадаи педагогии шаҳри Душанбе Абрамов Ёқуб Юсупович бори аввал қоида ва меъёрҳои комплексии ТММ-ро ба забони тоҷикӣ тарҷума карда буд. Инчунин, ӯ муаллифи бисёр китобҳои варзишӣ ба монанди «Қоидаи гузаронидани мусобиқа аз намуди футбол ва волейбол» мебошад.

Насли имрӯза бо ифтихор аз истеъдодҳо, ҳунар, шуҷоату далерии бобоёну падарони шуҳратманди худ аз даврони Ҷанги Бузурги Ватанӣ ёдовар шуда, бо камоли эҳтиром таҷрибаву ҳунари онҳоро меомӯзанд.

Дар тамоми ташкилотҳои варзишӣ, назди ҷамоатҳои деҳот солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ мактабҳои таълимӣ, курсҳои худмуҳофизатии ҳарбӣ ба фаъолият оғоз карда, ба фронт аскарони бомаҳорат, тирандозони моҳирро тайёр карда мефиристоданд. Дар ҳамон рӯзҳо тимҳои велосипедронон, мотосиклронон, аспсаворон фаъол буданд. Ҷамъиятҳои ихтиёрии варзишии «Спартак» ва «Динамо» дар шаҳрҳои Душанбе, Ленинобод, Хоруғ, Қӯрғонтеппа, Кӯлоб бо комиссариатҳои ҳарбӣ ҳамкорӣ доштанд. Дар кӯҳистони Бадахшон ададди дорандагони нишони «Тирандози ворошиловӣ» дараҷаҳои якум ва дуюм ба 1750 нафар расид. Шиори «Имрӯз варзишгар-пагоҳ ҷанговар!» -ҳама ҷо садо медод.

Тайёр намудани мутахассисони варзишӣ баъди ҷанг идома ёфт. Қарори ҳукумати Умумииттифоқӣ аз 28 сентябри соли 1945 «Ёрдам расонидан ба комитетҳои

варзишӣ дар пешравии кори онҳо» дар Тоҷикистон низ дастгирӣ ёфта, тайёр кардани мутахассисон масъалаи рақами якум буд. Соли 1946 дар Тоҷикистон 200 нафар коргарони соҳаи варзиш фаъолият доштаанд, ки ҳамагӣ 10 нафарашон маълумоти олӣ доштанд.

Сохтмони стадиони ҷумҳуриявии ба номи М.В.Фрунзе, ки соли 1939 оғоз шуда буд, бо сар шудани ҷанг то соли 1946 аз фаъолият монд. Стадион барои 5 ҳазор ҷойи нишаст пешбинӣ шуда буд, вале он танҳо соли 1962 пурра таъмиру тармим гирифта, дорои 21400 ҷои нишаст сохта шуд.

Соли 1947 техникуми тарбияи ҷисмонӣ таъсис ёфт, ки дар таърихи варзиши Тоҷикистон воқеаи муҳим ва фараҳбахш он буд, ки а, минбаъд он ба мамлакат чемпионҳои Аврупо, ҷаҳонӣ ва бозиҳои олимпиро тарбия кард.

Спартакиадаи VIII соли 1959-ум низ воқеаи муҳим дар таърихи Тоҷикистон ба ҳисоб меравад. Соли 1960 дар Спартакиадаи II халқҳои ИҶШС намояндагони Тоҷикистон фаъолона иштирок карда, ба гирифтани ҷойҳои намоён муваффақ гаштанд.

Варзиш дар деҳоти Тоҷикистон солҳои 1950-1960 рушди нав ёфта, колхозҳои авангарди «Москва», ба номи Ленини вилояти Ленинобод, ба номи Ленини ноҳияи Восеъ, «Правда»-и ноҳияи Совет, колхозҳои ба номи Ленини ноҳияи Ҳисор, ноҳияҳои Кӯҳистони Бадахшон, вилояти Қӯрғонтеппа толорҳои варзишӣ, майдончаҳои варзишии калони футбол, волейбол ва баскетбол доштанд. Варзиши гӯштин дар мадди аввал буд.

Маҳз солҳои 50-ум ва 70-ум асри XX кори мактабҳо дар асоси усули нави таълими тарбияи ҷисмонӣ беҳтар шуд. Пеш аз дарс субҳгоҳон дар ҳамаи мактабҳои Тоҷикистон гимнастикаи пагоҳирӯзии 10-20 дақиқагӣ шуда мегузашт. Дар вилояти Ленинобод, даррахои зебоманзари Варзоб, Қаратоғ, Ромит, Балҷувон лагерҳои пионерӣ ба истифода дода шуданд.

Дар Донишкадаи омӯзгории Т.Г.Шевченко (ҳоло Донишгоҳи ба номи С.Айнӣ) бо роҳбарии Ё.Ю.Абрамов ҳар сол аз рӯйи 20 намуди варзиш мусобиқаҳои варзишӣ байни курсҳо ва факултетҳо гузаронида мешуд. Бозиҳои миллии гӯштингирӣ ва футбол, волейбол, баскетбол ва гимнастикаи тоҷик ба хориҷи кишвар - Полша, Муғулистон, Корея, Афғонистон, Камбоҷа, Финландия ва дигар мамоликҳо роҳ ёфтанд. Ба арсаи байналхалқӣ баромадани варзишгарон ин натиҷаи баланд шудани маҳорати варзишгарони тоҷик мебошад.

Дар солҳои 1950-ум ба варзишгарони тоҷик дар мусобиқаҳои байналхалқӣ иштирок намуданд аз ҷумла заврақрон Иброҳим Ҳасанов, варзиши сабук Григорий Паничкин, вазнбардор Виталий Двигун. Соли 1960 чемпиони Тоҷикистон ва Спартакиадаи дуюми халқҳои ИҶШС Иброҳим Ҳасанов дар ҳайати дастаи яккачини заврақронии ИҶШС дар бозиҳои XVI Олимпӣ, ки дар пойтахти Италия шаҳри Рим гузашта буд, соҳиби медали биринҷӣ гардид. Соли 1959 варзишгар Анатолий Арапенко дар мусобиқаи байналхалқӣ иштирок дошт. Соли 1960 ӯ дар масофаи 400 метр давидан дар Булғория (ш.София) ҷойи якумро гирифт. Беҳтарин варзишгарони Тоҷикистон солҳои 1950 велосипедрон Станислав Шепел, Николай Колесник, Владимир Субачев, дар намуди ҷаҳидан ба об Юрий Неъматуллоев, Борис Рябухин, Сирус Туробзода, заврақронон Иброҳим Ҳасанов, Кулол Қурбонов, Саидмурод Ҳакимов, гимнастон Ҳамдам Раупов, Анна Камолова, Геннадий Чернюк, варзиши сабук Алла Сайфуддинова, Теша Холматов ва ғайраҳо буданд.

Варзишгарони тоҷик дар мусобиқаҳои умумииттифоқӣ қариб аз рӯйи 20 намуди варзиш иштирок мекарданд. Шоҳмотбозони тоҷик, баскетболбозон, футболистон, гимнастон, гӯштингирон ба комёбиҳои нав ба нав ноил мегаштанд.

Соли 1960 дар мактабҳои ҷумҳурӣ зиёда аз 1000 нафар омӯзгорони соҳимаълумоти варзишӣ, аз ҷумла 79 нафар бо маълумоти олӣ, 493 нафар бо маълумоти миёнаи махсус машғулият мегузарониданд. Соли 1960 мактаби ҷумҳуриявии варзишӣ кушода шуд, ки дар он бачаҳои соҳибистеъдод мехонданд.

Ба инкишофи варзиш байни коргарону хизматчиён Спартакиадаи IV-уми ҷумҳуриявӣ ва VIII-ми умумиитифоқии тобистонаи иттифоқҳои касаба таъсири мусбӣ расонд. Марҳилаи муҳимми баланд бардоштани маҳорати варзишии варзишгарони мо ин тайёрӣ ва иштироки онҳо дар Спартакиадаи V-и халқҳои ИҶШС (соли 1971) буд. Варзишгарони тоҷик дар завракронӣ намуди М.Лобанов, В.Панков, Ю.Лобанов, В.Кабиров дар гӯштини озод А.Гулуев, дар тирпарронӣ аз камон В.Полосин ба натиҷаҳои хуб ноил гаштанд.

Варзишгарони тоҷик дар мусобиқаҳои хотимавии Спартакиадаи VI халқҳои ИҶШС (соли 1975) ба ҷойи 16-ум аз рӯйи ҳисоби умумитимӣ аз рӯйи велосипедронӣ ҷойҳои 4-5-ум, ҷаҳидан ба об ҷои 7-8-ум, дар завракронӣ бо байдарка ва каноэ ҷойи 10-умро гирифта, варзишгарон Саидмуъмин Раҳимов (самбо), Александр Панжин (тирпарронӣ аз камон) ҷойи якум ва медали тилло гирифтанд. Бародарон Михаил ва Юрий Лобанов ва Николай Суравитский дар рондани байдарка ба гирифтани медали нуқра сазовор гаштаанд.

Аз рӯйи натиҷаҳои мусобиқаи Спартакиадаи VI халқҳои ИҶШС минбаъд варзишгарони тоҷик С.Раҳимов, Ю.Лобанов, М.Лобанов, З.Рустамова, Н.Суравитский, В.Кабиров, С.Ҳусейнов, А.Тихонов ба ҳайати дастаҳои яккачини ИҶШС дохил карда шуданд, ки он солҳо шомил шудан ба ин дастаҳо хеле мушкил буд. Ва ин иқдом ба самбочии тоҷик Саидмуъмин Раҳимов имкон дод, ки дар чемпионати ҷаҳонӣ дар шаҳри Минск соли 1975 иштирок намояд. Ҳамвазнҳои ӯ дар ин чемпионат 13 нафар варзишгари ҷаҳонӣ буданд. Ба С.Раҳимов лозим омад, ки бо варзишгарони япон, англис, америкоӣ ва муғул қувва озмуда, чемпиони ҷаҳон гардад.

Дар чемпионати 38-уми соли 1977 шамшербози тоҷик Ҳ.Исмоилов дар байни 300 шамшербози 30 мамлакат иштирок карда, 16 бозиро бурд ва чемпиони ҷаҳон гашт. Дар январи соли 1987 шумораи варзишгарони тоҷик ба 1 млн. 450 ҳазор нафар расид, ки аз он 240 ҳазор нафарашон дараҷадор буданд.

Дар Олимпиадаи XXII соли 1980, ки дар шаҳри Москва баргузор гардид, намояндагони 81 мамлакати ҷаҳон ширкат варзиданд. Репортажҳои телевизиониро аз ин олимпиада рӯзе 1,5 миллиард аҳолии ҷаҳон тамошо мекарданд. Дар ин бозӣ 36 рекорди ҷаҳонӣ ва 74 рекорди олимпӣ гузошта шуд. Варзишгарони ИҶШС аз ҳама зиёд ба гирифтани 195 медал, аз ҷумла 80 медали тилло, 69 нуқра ва 46 медали биринҷӣ ноил гаштанд. Натиҷаҳои хубро намояндагони РСФСР, Украина, Белоруссия ва шаҳрҳои Ленинград ва Москва бештар ба даст оварда буданд. Намояндаи Тоҷикистон аз шаҳри Душанбе Анатолий Старостин аз рӯйи намуди панҷҳарба чемпиони олимпӣ гашт.

Дар «Олимпиада-80» 2500 ҳакам буд, ки аз ин 400 нафараш аз ҳисоби ИҶШС буданд. Дар байни ҳакамон аз Тоҷикистон Михаил Дегтяр (баскетбол), Анатолий Кузмин (велоспорт), Николай Кулешов (тирандозии камон), Абдурозиқ Абдухалилов (бокс), Валентин Якшин (тирпарронии тахтагӣ) иштирок доштанд. Дар мусобиқаи варзиши сабук Анна Шапорева, Абдулло Насимов ва Борис Гердел ҳакам буданд. Ба Борис Гердел ҳанӯз соли 1951 унвони судяи категорияи умумииттифоқӣ дода шуда, ба унвони «Ҳаками фахрӣ» низ сарфароз гардонида шуданд.

Эстафетаи машъали олимпиро соли 1980 зодаи шаҳри Кӯлоб Бадарға Вазиров бо роҳи ҷумҳурии Молдавия ба масофаи муайян бурдааст, ки машъали «Олимпиада-80»-ро чемпиони XX-уми Бозиҳои Олимпӣ аз ИҶШС Сергей Белов бо машъали эстафетавие, ки аз шаҳраки Олимпи Афина оварда шуда буд, афрӯхт.

Дар «Олимпиада-80» гурӯҳҳои оварандаи мукофот аз ҳисоби 80 нафар духтарони зебои шаҳри Москва ва ҷумҳуриҳои иттифоқӣ дар ҳайати 10 гурӯҳи мукофотбар фаъолият мекарданд. Дар байни онҳо 4 нафар: Наҷиба Усмонова-донишҷӯйи курси IV УДТ, Дилором Рустамова-донишҷӯйи курси III Донишкадаи хоҷагии қишлоқ, Лола Ҷалилова-донишҷӯйи курси II ДТ; Муҳаббат Алиева-донишҷӯйи курси II Донишкадаи санъат, аз Ҷумҳурии Тоҷикистон буданд.

АДАБИЁТ

1. Абдуллозода Р. Футувватнома / Р. Абдуллозода. -Душанбе: Адиб, 1993.
2. Абдулвоҳидов С. Машъалафрӯзи варзиш / С. Абдулвоҳидов, М. Шамсиддинов. - Душанбе: Глобус, 2005.
3. Абӯалӣ ибни Сино. Дафъ-ул-мазорил-куллия ан-ил-абдон-ил-инсония / Абӯалӣ ибни Сино.- Душанбе: Ирфон, 1991.
4. Абрамов Я.Ю. Таджикская спортивная борьба. Правила соревнований / Я.Ю. Абрамов. - Душанбе, 1964.
5. Абрамов Я.Ю. Бузкашӣ. Қоидаҳои мусобиқа / Я.Ю. Абрамов. -Душанбе, 1964.
6. Абрамов Я.Ю. Чавгонбозӣ / Я.Ю. Абрамов.- Душанбе, 1966.
7. Андреев С.Н. Под звуки спортивного марша / С.Н. Андреев. - Москва, 1979.
8. Гафуров Б.Г. История таджикского народа / Б.Г. Гафуров, 1952. -Т.1. -С. 147-151; Он же: Таджики… -С. 328-331; ИТН. Т.2, кн.1. – Москва, 1964. –С.. 116-119; ИТН. Т.2. Изд.2. – Душанбе, 1999. -С. 81-84; Al-Mukanna' // Extract from the Encyclopedia of Islam CD-ROM Edition v.1.1, leiden, 2001; Научно-популярные работы на таджикском языке.
9. Кудрявцев В.Г. Спорт: события и судьбы / В.Г.Кудрявцев, Ж.В. Кудрявцев. -Москва: Просвещение, 1986.
10. Маҳмарасулов Саймаҳмуд. Зи паҳлавонӣ номи ту шуд баланд / С. Маҳмарасулов. –Душанбе, 2007.
11. Руне Хедман. Спортивная физиология / Руне Хедман // Физкультура и спорт. -Москва, 1980.
12. Суяркулов Т.М. История возникновения физической культуры и спорта в Таджикистане / Т.М.Суяркулов, К.Ш. Шукроев. - Душанбе, 1990.
13. Турсунов Н.Н. Таджикиские национальные подвижные игры / Н.Н. Турсунов. -Душанбе, 1981.
14. Ҳазратқулов М. Эътиқоду анъанаҳои бостонии Аҷам / М. Ҳазратқулов. –Душанбе: Ирфон, 1986.
15. Школьникова Н.В. Республика Самбо / Н.В. Школьникова //Физкультура и спорт.- Москва, 1978.
16. Шукроев К. Аз таърихи тарбияи ҷисмонӣ ва варзиши тоҷикон. / К. Шукроев. -Душанбе, 1991. -С. 2-3; 4; 7, 8, 9; 11-12; 13-15; 18, 19, 21, 22, 27, 28, 30, 39-40.
17. Эмомалӣ Раҳмон. Варзиш-қосиди сулҳ / Эмомалӣ Раҳмон. –Душанбе, 2010.
18. Эмомалӣ Раҳмон. Дирӯз ва имрӯзи тоҷикон / Эмомалӣ Раҳмон. -Душанбе, 1987.
19. Эмомалӣ Раҳмон. Ориёиҳо ва шинохти тамаддуни ориёӣ / Эмомалӣ Раҳмон // Ҷумҳурият, 17 июни соли 2006.
20. Эмомалӣ Раҳмон. Сарнавишти миллати соҳибтамаддун / Эмомалӣ Раҳмон. -Душанбе, 2006.
21. Яъқубшоҳ Ю. Тоҷикшинос / Ю. Яъқубшоҳ. –Душанбе: Ирфон, 1999.
22. Яъқубшоҳ Ю. Маниши миллӣ / Ю. Яъқубшоҳ. -Душанбе, 2004.

ВАЖНОСТЬ ВКЛЮЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИГР В СПИСОК МЕЖДУНАРОДНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ И ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

В данной статье автором на основе изучения богатого исторического материала рассматривается важность и значение включения национальных игр в список международных соревнований и олимпийских игр. Выход на международную арену таджикских спортсменов явилось стимулом для дальнейшего развития спорта в республике и мастерства таджикских спортсменов.

Ключевые слова: спорт, развитие спорта, Республика Таджикистана, спортивные соревнования, патриотизм, таджикские спортсмены, международные соревнования, олимпийские игры.

SIGNIFICANCE OF INCLUSION OF NATIONAL GAMES IN THE LIST OF GLOBAL COMPETITIONS AND THE OLYMPIC GAMES

In this article the author on the basis of the study of the rich historical material considers the importance and the value of including national games in the list of international competitions and Olympic Games. Internationalization of the Tajik athletes was the incentive for the further development of sport in the Republic and skills of Tajik athletes.

Key words: sport, sport development, Republic of Tajikistan, sports competitions, patriotism, Tajik athletes, international competitions, the Olympic Games.

Сведения об авторе: ***Сафаров Шоди*** – кандидат педагогических наук, доцент, ректор ТГИФК им.С.Рахимова. Телефон**: 93-751-59-79**

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ МАЛОКОМПЛЕКТНЫХ ШКОЛ ТАДЖИКИСТАНА

Фируз Муминов
Академия образования Таджикистана

Сегодня глубокие социально-экономические преобразования в стране вносят существенные изменения в систему ценностей и приоритетов сельских жителей. Одним из таких приоритетов становится изменение содержания и качества образования, форм и методов обучения и воспитания. Сельская малокомплектная школа призвана внести свой вклад в решение задачи формирования общей культуры личности. Именно в ней, сельской школе, закладываются условия возрождения села, психология хозяина земли, ответственного за сохранение своего села, города, страны, а также возможности для патриотического и гражданского воспитания подрастающего поколения.

В реализации программы дальнейшего подъёма материального благосостояния и культурного уровня таджикского народа, выдвинутой Правительством Республики Таджикистан, важную роль призвано сыграть образование. В соответствии с этим в текущем десятилетии предстоит расширить сеть школ и повысить их роль в воспитании, организации самодеятельного творчества и проведении досуга учащихся, осуществить целый ряд других мер, направленных на повышение эффективности и качества работы образовательных учреждений.

Указания правительства страны обуславливают новые, более высокие и ответственные задачи в области образования. Главная из них заключается в том, чтобы добиться качественного подъёма воспитательного, образовательного и информационного обеспечения потребностей экономического, политического, социального и культурного развития. При этом решаться она должна преимущественно за счёт интенсивных факторов в отличии от экстенсивных, которые длительное время были характерны для системы образования.

Во всей полноте стоит она и перед сельской школой страны, на обширной территории которой проживает несколько миллионов человек. При этом имеется целый ряд и специфических задач, вызываемых сложными природными условиями, историческим прошлым, профилем хозяйственного развития, социально-демографической ситуацией, национально - этнической структурой и другими обстоятельствами. Остро стоят, например, такие проблемы, как сглаживание территориальных различий между горными и равнинными зонами в уровне образовательной системы, совершенствование его организации, расширение сфер влияния школ, повышение общей культуры сельских жителей и многие другие.

Организация учебной работы в малокомплектных школах Таджикистана имеет свои особенности, одной из которых является своеобразие сельских малокомплектных школ [2, с.45]. В этих школах один или два учителя обучают все четыре начальных

класса одновременно. Если учитель один, то он работает одновременно с четырьмя классами. Это зависит от того, как эти классы укомплектованы. Они могут быть укомплектованы таким образом: 1-3 классы, 2-4 классы вместе, если их численность слишком мала, то 1-4 классы вместе.

За последние годы на основе решений правительства страны в сельских районах, особенно высокогорных, была проделана ощутимая работа по организации обучения и воспитания детей школьного возраста. Завершилось создание многочисленных школ нового типа. Укрепилась их материально-техническая база. Возросла социальная роль школы и образовательных учреждений. Ощутимо повысилось обеспечение населения образовательными услугами. В республике ежегодно реконструируются и строятся десятки новых школ. Классы оснащаются современным оборудованием.

В Республике Таджикистан подавляющая часть общеобразовательных школ (85%) находится в сельской местности. Основная доля учащихся в ней - 70%. Насколько эффективнее будет функционировать школа на селе, настолько целенаправленно будет её развитие [2, С.56]**.**

Сегодня в Горно-Бадахшанской Автономной области страны функционирует 65 малокомплектных школ, которые охватили образованием 1069 школьников, среди которых 526 школьниц. Кроме того, в этих школах работают 213 учителей, в том числе 111 женщин. Все указанные школы в основном дислоцированы в отдаленных горных кишлаках с малочисленным населением.

В сельской местности не хватает педагогов. Чтобы привлечь специалистов, выпускникам вузов предлагают земельные участки, льготы и даже освобождение от службы в армии. Сейчас в Таджикистане не хватает около полутысячи учителей русского, английского языков, физики и химии. Только в 62 школах Варзобского района не хватает около 20 специалистов.

Однако приходится констатировать, что повышение эффективности и качества образования местного населения продолжает оставаться крайне актуальной задачей. Достаточно сказать, что в Горно-Бадахшанской автономной области страны - типичном высокогорном регионе школы имеют большие трудности и проблемы в организационном и содержательном аспекте.

Дальнейшее комплексное развитие школьной системы сельских районов, направленное на преодоление отставания образования сельского населения, вызванного объективными специфическими условиями, должно осуществляться с учетом: суровых природно-климатических условий и горного рельефа местности; сложного национально-этнического и демографического состава населения; особенностей заселенности территории, преобладания мелких, труднодоступных, удаленных друг от друга и от культурных центров селений и производственных участков; профиля народного хозяйства, доминирующей роли отгонного животноводства в структуре занятости местных жителей и других факторов.

1. Достижение этой цели в условиях указанных ограничений требует принятия новых управленческих решений: во-первых, оптимизации школьной сети, направленной на достижение ее адекватности местным условиям; во-вторых, экстенсивного развития образовательной деятельности, нацеленного на исчерпывающий охват учащихся и населенных пунктов, производственных участков; в-третьих, более полной интеграции образовательных ресурсов, позволяющей повысить полноту удовлетворения запросов жителей, сложившихся в современных сельских районах. Важным организационным решением, способствующим превращению школ в подлинные центры информационной, культурно-просветительной работы в горах, является адаптация типовых структур малокомплектных школ, заключающаяся: во-первых, в создании традиционных сельских школ, но на базе больших образовательных учреждений, которые одновременно выполняют в

централизованном порядке различные функции образовательного учреждения; во-вторых, в формировании сельской школьной системы, отличающейся частичной централизацией образовательных процессов, в-третьих, в организации региональных филиалов школы, способных самостоятельно осуществлять организационно-методическое руководство филиалами отдельных зон в периоды их наибольшей изоляции от основной школы.

Главное заключается в том, что всю деятельность относительно образовательных услуг в сельских горных районах необходимо направить на решительный подъем эффективности и качества организации образовательных услуг, диктуемый потребностями совершенствования современного общества. Основные направления его стратегии должны состоят из: резкого увеличения охвата коренного населения образовательными услугами, совершенствования структуры стационарной и нестационарной сети школ, обогащения состава и содержания учебных ресурсов, активизации привлечения к образовательному процессу женщин-горянок, представителей массовых профессий животноводства, повышения практической действенности организационно-методической работы в учреждениях образования, улучшения кадрового состава учителей и педагогов, воспитателей детских учреждений, укрепления материально-технической базы школ малокомплектного типа и другие мероприятия, способствующие реализации правительством мер по дальнейшему развитию сферы образования.

Учителю, работающему в малокомплектной школе, нужно хорошо знать всевозможные виды самостоятельных работ для младших школьников. Следует активно использовать не только работу с учебником, пособиями, картинами, задачи и примеры, но и вести непосредственное наблюдение за явлениями природы и доступными социальными процессами, приучать детей вести дневник природы, записывать свои впечатления. Это способствует развитию самостоятельности и познавательных интересов.

В сельской малокомплектной школе учитель работает одновременно с двумя, тремя, и четырьмя классами. Это требует значительного перераспределения учебного материала по классам, совмещая ряд учебных занятий, использование своеобразных методов учебно - воспитательной работы с детьми.

В начальных классах сельской малокомплектной школы планирование изучаемого материала даётся не по основным видам учебной работы (рисование с натуры, рисование на темы, беседы об изобразительном искусстве), а по тематике уроков на весь учебный год. Это позволяет определить взаимосвязь и последовательность всех видов работы учащихся на уроке. Однотемность уроков способствует повышению эффективности обучения учащихся, более рациональному использованию времени на уроке.

В современных условиях попытки перестройки разных типов школ убедительно показали, что при существующей системе организации учебного процесса сложно осуществить демократизацию школьной жизни, сделать гуманными взаимоотношения учителей и учащихся, обеспечить их полное взаимодействие. Поэтому сейчас очень важно найти такую систему организации учебного процесса, способную создать творческую атмосферу в школе любого типа.

Проблемы МКНШ обусловлены особенностями этих типов общеобразовательных учреждений, социально-экономическим положением села, их можно классифицировать в три группы:

1. Проблемы, связанные с организацией учебно-воспитательного процесса.

2. Проблемы, связанные с квалификацией учителей МКНШ и существующей системой их подготовки, переподготовки.

3. Проблемы, связанные с учебно-методическим, материально-техническим обеспечением МКНШ.

Процессы, происходящие в обществе и в системе образования, свидетельствуют о нарастающей тенденции к снижению социального статуса сельской школы.

Существующая система образования характеризуется наличием в ней целого ряда взаимосвязанных недостатков и противоречий.

Анализ системы образования показывает, что она переживает кризис и нуждается в основательной помощи государственных органов и общественности.

Подготовка учителей в педагогических учебных заведениях должна быть направлена не только на крупную среднюю и начальную школу, но и на возможность работы в малокомплектных сельских школах. Программно - методическое обеспечение образования на селе не всегда направлено на дифференцированный подход и разноуровневость преподавания предметов; не всегда учитывается специфика сельских образовательных учреждений.

Малокомплектная школа в силу своей специфики обладает рядом преимуществ перед обычной: глубокое знание учителями индивидуальных особенностей и условий жизни каждого ученика, большие возможности совместной работы с семьей, фактически индивидуальное обучение в классах с пятью, тремя, а то и с одним учеником и др. [4, С.56]. Однако эти преимущества, как правило, не реализуются. В большинстве случаев на учебную деятельность и преподавание в малокомплектной школе оказывают негативное влияние замкнутый социум, дефицит общения учащихся, отсутствие учреждений культуры, более низкий образовательный уровень населения и др. Отсутствие в малокомплектной школе параллельных классов не позволяет укомплектовать школу педагогами-предметниками. Использование общей методики обучения в классах с малой наполняемостью приводит к чрезмерному эмоциональному напряжению учащихся и учителей и низкой эффективности учебно-воспитательных методов. Несмотря на известные недостатки и высокие экономические затраты на содержание малокомплектной школы, их наличие в системе образования считается обязательным, поскольку они являются важным социальным фактором.

И наконец, основная проблема малокомплектных школ – ранний уход из образования при переходе из основной школы в старшую, на этом этапе покидает школу более трети учащихся. Причем этот показатель одинаково высок как в городах, так и в сельской местности, но межрегиональная и межрайонная дифференциация показателей выбытия из школы достаточно велика. Девочки выбывают из образования на этапе перехода из основной школы в старшую в больших масштабах, чем мальчики. Ещё одна острая проблема – уход учащихся в течение последнего года обучения в основную школу. Это приводит к тому, что даже, исходя из завышенных данных о численности учащихся, полное среднее образование в республике получает менее 90% населения.

Массовый уход юношей и девушек 16-летнего возраста из образования заставляет предположить, что запрос значительной части населения на общее образование ограничивается основной школой. Поэтому увеличение продолжительности обязательного образования (без принципиального изменения его содержания) с 9 лет до 10 лет не приведет к значительному повышению участия населения в образовании и, скорее, может создать напряжённость между родителями и детьми, с одной стороны, и школой и органами образования, с другой.

Одновременно с этим большое количество школ с малым числом учащихся и населенных пунктов с небольшим количеством школ приводят к тому, что средняя нагрузка педагогов составляет менее 1 ставки, то есть фактически учителя заняты неполный рабочий день. Это снижает и без того низкий уровень оплаты труда учителей

и делает работу учителя еще менее привлекательной для выпускников педагогических вузов.

В результате складывается не менее острая ситуация не только с количеством педагогов, ни и с их квалификацией – более 20% педагогов в начальной школе не имеют высшего или среднего специального образования, и около 50% учителей средней школы не имеют высшего образования. Ситуация усугубляется тем, что более 40% в начальной и 30% в средней школе не имеют специализации по предмету, который они преподают [7, С.34]. Осуществляемое повышение квалификации лишь частично компенсирует отсутствие у учителей необходимой специализации. Из учителей, не имеющих соответствующей специализации, повышение квалификации на сегодня прошли только 20% учителей начальной школы и 15% средней [4, С.56].

Ситуация с учительским корпусом имеет явно выраженную региональную специфику – все показатели, характеризующие наличие необходимого количества педагогов и их квалификацию, значительно хуже в РРП и Хатлоне, чем в ГБАО, Душанбе и Согдийской области.

ЛИТЕРАТУРА

1.Наумов Н.Г. Технология повышения педагогического мастерства сельского учителя / Н.Г. Наумов. - Медынь, 2000. - 340 с.

2.Национальная стратегия развития Республики Таджикистан до 2015 года, утвержденная постановлением Правительства Республики Таджикистан 03.04.2007 года, №166.

3.Николаева М.В. Личностно-профессиональное развитие учителя начальных классов в системе высшего педагогического образования : дис. ... д-ра пед. наук / М.В.Николаева.- Волгоград, 2006.- 430 с

4.Особенности педагогического процесса в малокомплектной школе. - М, 1996.-124 с.

5.Рогачев С.А. Социально-педагогические условия совершенствования образовательного процесса в сельской малочисленной школе: дис. ... канд. пед. наук / С.А. Рогачев - Воронеж, 1997. -164 с.

6.Рузиев Ш.М. Педагогическая система технологической подготовки учителей технологии и предпринимательства в педвузе: дис. … канд. пед.наук / Ш.М. Рузиев - Душанбе, 2006.

7.Худойкулова К.Х. Особенности профессионального развития учителя в условиях сельской социокультурной среды: дис. …канд. пед. наук / К.Х. Худойкулова - Дущанбе.-2011. -145 с.

8. Хусенов Б.Х. Трудовое воспитание сельских школьников в процессе внеклассной работы: дис. ...канд. пед.наук / Хусенов Б.Х.-Душанбе, 1995.

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ МАЛОКОМПЛЕКТНЫХ ШКОЛ ТАДЖИКИСТАНА

В результате исследования разработаны рекомендации, способствующие совершенствованию деятельности малокомплектных школ в условиях Таджикистана. Особый интерес они представляют для его организационной перестройки, модификации структуры малокомплектных школ, развития сети школьных учреждений, увеличения радиуса образовательного влияния школ. В связи с этим ряд положений нашел применение в работе Министерства образования республики по минимизации территориальных различий в потреблении духовных ценностей культуры, предоставляемых школами и образовательными учреждениями.

Ключевые слова: специфика, горный, школа в горах, деревня, воспитание, образование, малокомплектные классы, учитель, материальная база, стационарные школы, дистанционное обучение.

FEATURES OF PERFECTION ACTIVITY RURAL MULTIGRADE SCHOOLS OF TAJIKISTAN

From the result of research it was worked out the recommendations promoting improvement of activity multigrade schools in conditions of Tajikistan. They represent a particular interest for its organizational reorganization, modification of structure multigrade schools, development of a network of school establishments, increase in radius of educational influence of schools. In this connection a number of positions have found application in work of the Ministry of Education of republic on minimization of territorial distinctions in consumption of cultural wealth of the culture given by schools and educational institutions.

Key words: specificity, mountain, school in mountains, village, education, formation, multigrade classes, a teacher, material resources, stationary schools, distance learning.

Сведения об авторе: ***Фируз Муминов*** – соискатель Академии образования Таджикистана.
Телефон: **935-17-38-22**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Д. Имомназаров
Институт развития образования Академии образования Таджикистана

Дифференциация происходит от латинского differentia, – что в переводе означает – «различие, разделение». В педагогической энциклопедии понятие дифференциации трактуется следующим образом: *дифференциация обучения* – способ организации учебного процесса, при котором учитываются индивидуально-типологические особенности личности (способности, интересы, склонности, особенности интеллектуальной деятельности). Дифференциация характеризуется созданием групп школьников, в которых элементы дидактической системы различаются. Понятие дифференцированного обучения имеет более узкий смысл. *Дифференцированное обучение* – процесс обучения, организованный с учетом индивидуально-типологических особенностей школьников.

Необходимость дифференциации проистекает от имеющихся у людей различий. В условиях классно-урочной системы без введения дифференциации процесс обучения организуется одинаково для всех школьников, и оказывается по-разному эффективен. Среди школьников разных возрастов имеются школьники с высоким, средним и низким уровнем развития как практического, так и словесно- логического компонентов продуктивного мышления, с относительным преобладанием интуитивно-логического мышления над словесно- логическим. Часть школьников, обладающие логическим мышлением хорошо усваивают предметы естественнонаучного цикла, но не испытывают склонности и интереса к гуманитарным дисциплинам.

Есть школьники с хорошо развитым образным мышлением, глубоко чувствующие, но не любящие точные науки.

Дифференциация обучения позволяет организовать учебный процесс на основе учета индивидуальных особенностей личности, обеспечить усвоение всеми школьниками содержания образования, которое может быть различным для разных школьников, но с обязательным для всех выделением инвариантной части. Процесс обучения в условиях дифференциации становится максимально приближенным к познавательным потребностям школьников, их индивидуальным особенностям.

Немаловажной задачей процесса обучения является развитие школьника: его интеллектуальной, эмоционально-ценностной, волевой сфер. При организации дифференцированного обучения, усиливаются развивающие функции процесса обучения.

Цель дифференцированного обучения – обеспечить каждому школьнику условия для максимального развития его способностей, склонностей, удовлетворения познавательных потребностей и интересов в процессе усвоения им содержания общего образования.

Контроль и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения - это также способ получения информации о качественном состоянии учебного процесса. Контроль педагога направлен как на деятельность студента, так и на контроль взаимодействия студентов и педагогов.

Механизм контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения играет значительную роль в познавательной деятельности школьников. Система проверки их знаний и умений - органическая часть учебного процесса, и ее функции выходят далеко за пределы собственно контроля. Наряду с контролирующей, контроль выполняет обучающую, диагностическую, воспитывающую, развивающей, прогностическую и ориентирующую функции.

Целью контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения является установление обратной связи (внешней: школьник - преподаватель и внутренней: школьник - школьник), а также учет результатов контроля. Обучающий контроль проводится с профилактическо - предупредительной целью с целью управления процессом обучения, формирования навыков и умений, их корректировки и совершенствования, систематизации знаний.

Обучающая функция контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения заключается в совершенствовании знаний и умений, их систематизации. В процессе проверки учащиеся повторяют и закрепляют изученный материал. Они не только воспроизводят ранее изученное, но и применяют знания и умения в новой ситуации.

Диагностическая функция контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения- получение информации об ошибках, недочетах и пробелах в знаниях и умениях школьников и порождающих их причинах затруднений школьников в овладении учебным материалом, о числе, характере ошибок. Результаты диагностических проверок помогают выбрать наиболее интенсивную методику обучения, а также уточнить направление дальнейшего совершенствования содержания методов и средств обучения.

Прогностическая функция контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения служит получению опережающей информации об учебно-воспитательном процессе. В результате проверки получают основания для прогноза о ходе определенного отрезка учебного процесса: достаточно ли сформированы конкретные знания, умения и навыки для усвоения последующей порции учебного материала (раздела, темы).

Результаты прогноза используют для создания модели дальнейшего поведения учащегося, допускающего сегодня ошибки данного типа или имеющего определенные пробелы в системе приемов познавательной деятельности.

Прогноз помогает получить верные выводы для дальнейшего планирования и осуществления учебного процесса.

Развивающая функция контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения состоит в стимулировании познавательной активности школьников, в развитии их творческих способностей. Контроль обладает исключительными возможностями в развитии школьников. В процессе контроля развиваются речь, память, внимание, воображение, воля и мышление школьников, формируются мотивы познавательной деятельности. Контроль оказывает большое влияние на развитие и проявление таких качеств личности, как способности, склонности, интересы, потребности.

Ориентирующая функция контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения - получение информации о степени достижения цели обучения отдельным школьником и классом в целом - насколько усвоен и как глубоко изучен учебный материал. Контроль ориентирует школьников в их затруднениях и достижениях.

Воспитывающая функция контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения состоит в воспитании у школьников ответственного отношения к учению, дисциплины, аккуратности, честности. Проверка побуждает школьников более серьезно и регулярно контролировать себя при выполнении заданий. Она является условием воспитания твердой воли, настойчивости, привычки к регулярному труду.

Контроль и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения может выполнять и специфические функции в зависимости от цели: диагностирующие, констатирующие, прогнозирующие.

Изучая особенности контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения, нами разработаны следующие виды контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения: предварительный; текущий; тематический; рубежный (поэтапный); итоговый; заключительный.

Предварительный контроль в условиях дифференцированного обучения необходим для получения сведений об исходном уровне познавательной деятельности школьников, а также перед изучением отдельных тем дисциплины. Некоторые учителя осуществляют предварительный контроль перед изучением новой темы или в начале года, четверти. Цель его - ознакомиться с общим уровнем подготовки школьников по предмету. В ходе такой проверки определяется уровень овладения учащимися исходными категориями предмета (или отдельной темы, раздела), устанавливаются объем и уровень знаний школьников. На основе полученных результатов учитель планирует, если необходимо повторение (объяснение) материала; учитывает эти результаты в дальнейшей организации учебно-познавательной деятельности школьников.

Если ответ или работа учащегося в начале учебного года будет заслуживать отличной, хорошей или удовлетворительной оценки (при сопоставлении с эталоном), то отметка выставляется и сопровождается оценочным суждением, из которого были бы ясно видны достоинства ответа, работы школьника или их недостатки. Если же ответ школьника окажется слабым и будет заслуживать неудовлетворительной оценки, то целесообразно применить метод отсроченной отметки, т.е. неудовлетворительную отметку пока не выставлять, чтобы на первых порах не травмировать школьника, а ограничиться соответствующим оценочным суждением или тактичным внушением. Такая педагогическая мера диктуется следующим. Если слабый ответ или работа школьника еще не оценена учителем, ему предоставляется возможность улучшить качество своего учебного труда, чтобы получить желаемую оценку.

Текущий контроль в условиях дифференцированного обучения осуществляется в повседневной учебной работе и выражается в систематических наблюдениях учителя за учебно-познавательной деятельностью учащегося на каждом уроке. Главное его назначение - оперативное получение объективных данных об уровне знаний школьников и качестве учебно-воспитательной работы на уроке. Полученная во время поурочного наблюдения информация о том, как школьники усваивают учебный материал, как формируются их умения и навыки, помогает учителю наметить рациональные методы и приемы учебной работы.

В течение учебного года действия учителя в момент оценки будут иными, чем при оценке в начале года. Если ответ или работа школьника оказывается более высокой, то оценка выставляется и сопровождается соответствующим оценочным суждением.

Если же ответ или работа учащегося заслуживают хотя и положительной, но более низкой оценки, чем он обычно получал (т.е. хорошей или удовлетворительной вместо обычной хорошей), то учитель сначала выясняет, почему школьник ответил хуже обычного. А затем тщательно взвешивает, окажет ли намеченная оценка нужное воздействие на школьника, т.е. будет ли она служить стимулом, получению в будущем более высокой оценки. И если это так, выставляет отметку, а в оценочном суждении указывает слабую сторону ответа или работы.

Если же учитель придет к выводу, что ответ не производит нужного воздействия на школьника (не станет стимулирующим или воспитывающим фактором), он не выставляет ее. В таком случае учитель ограничивается оценочным суждением, из которого школьник должен ясно понять, что отметка не выставлена ему на этот раз

потому, что она ниже той, которую он обычно получает за свои ответы, а также осознать, что ему необходимо сделать, чтобы получить более высокую отметку.

Если ответ или работа учащегося будет заслуживать удовлетворительной оценки, необходимо выяснить причину плохой работы и только после этого решать: выставлять отметку или применить метод отсроченной оценки.

В последнем случае следует учитывать, что причины плохого ответа могут быть уважительными и неуважительными. К неуважительным причинам следует отнести леность или халатное отношение школьника к учебному труду. Выставление неудовлетворительной отметки нерадивым школьникам должно принудить их к более прилежному учебному труду.

Тематический (периодический) контроль в условиях дифференцированного обучения**.** Выявление и оценка знаний и умений школьников, усвоенных не на одном, а на нескольких уроках, обеспечиваются периодическим контролем. Его цель — установить, насколько успешно школьники владеют системой определенных знаний, каков общий уровень их усвоения, отвечает ли он требованиям программы. Периодический контроль в условиях дифференцированного обучения проводится, как правило, после изучения логически завершенной части учебного материала - темы, подтемы, неполных тем (раздела) или полного курса.

Учащиеся в ходе такой проверки приучаются логически мыслить, обобщать материал, анализировать его, выделяя главное, существенное. Специфика этого вида контроля:

- школьнику предоставляется дополнительное время для подготовки и обеспечивается возможность пересдать, досдать материал, исправить полученную ранее отметку.
- при выставлении окончательной отметки учитель не ориентируется на средний балл, а учитывает лишь итоговые отметки по сдаваемой теме, которые «отменяют» предыдущие, более низкие, что делает контроль более объективным.
- возможность получения более высокой оценки своих знаний. Уточнение и углубление знаний становится мотивированным действием школьника, отражает его желание и интерес к учению.

Рубежный контроль в условиях дифференцированного обучения — проверка учебных достижений каждого школьника перед тем, как учитель переходит к следующей части учебного материала, усвоение которого невозможно без усвоения предыдущей части.

Таким образом, для качественного контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения можно рассматривать с разных точек зрения:способов (традиционный или нетрадиционный); характера (субъективный, объективный); использования ТСО (машинный, безмашинный); формы (устный, письменный); времени (предварительный, начальный, исходный, текущий, поэтапный, итоговый, заключительный); массовости (индивидуальный, фронтальный/ групповой); контролирующего лица (учитель, школьник - напарник, самоконтроль); дидактического материала: контроль без дидактического материала (сочинение, устный опрос, диспут); с дидактическим материалом (розданный материал, тесты, билеты, контролирующие программы); на основе знакомого, проработанного и усвоенного материала; на основе нового материала, сходного по форме и содержанию с усвоенным ранее материалом.

В школьной практике существует несколько традиционных форм контроля знаний и умений школьников: диктант; краткая самостоятельная работа; письменная контрольная работа; контрольная лабораторная работа; устный зачет по изученной теме; классический устный опрос у доски.

Диктант - форма письменного контроля знаний и умений школьников. Он представляет собой перечень вопросов, на которые учащиеся должны дать

незамедлительные и краткие ответы. Время на каждый ответ строго регламентировано и достаточно мало, поэтому сформулированные вопросы должны быть четкими и требовать однозначных, не требующих долгого размышления, ответов. Именно краткость ответов диктанта отличает его от остальных форм контроля. С помощью диктантов можно проверить ограниченную область знаний школьников.

Кратковременная самостоятельная работа. Здесь учащимся также задается некоторое количество вопросов, на которые предлагается дать свои обоснованные ответы. В качестве заданий могут выступать теоретические вопросы на проверку знаний, усвоенных учащимися; задачи на проверку умения решать задачи по данной теме; конкретные ситуации, сформулированные или показанные с целью проверить умение школьников распознавать явления; задания по моделированию (воспроизведению) конкретных ситуаций, соответствующих научным фактам и понятиям. При этой форме контроля учащиеся обдумывают план своих действий, формулируют и записывают свои мысли и решения. Понятно, что кратковременная самостоятельная работа требует гораздо больше времени, чем предыдущие формы контроля, и количество вопросов может быть не более 2-3, а иногда самостоятельная работа состоит и из одного задания.

Письменная контрольная работа - наиболее распространенная форма в школьной практике. Традиционно контрольные работы проводятся с целью определения конечного результата в обучении умению применять знания для решения задач определенного типа по теме или разделу. Содержание контрольных работ составляют задачи как текстовые, так и экспериментальные. Таким образом, составленная контрольная работа позволяет проверить довольно узкий круг знаний и умений школьников: способность решать задачи по теме, применять знания при решении экспериментальных задач.

Из просмотренных нами дидактических разработок контрольных работ по физике приведем несколько конкретных принципов их составления, которые можно считать наиболее интересными:

- задачи могут быть разными по сложности: это позволит учителю проверить, насколько полно учащиеся усвоили знания, а если кто-то не справился с заданием целиком, то обладает ли он необходимым минимумом информации по этой теме или на каком уровне он усвоил материал темы;
- задачи также могут включать в себя вопросы повышенной сложности, необязательные для выполнения, но за их решение школьники получают дополнительную хорошую отметку, а учитель - возможность выявить знания и умения школьников, не входящие в обязательные требования программы;
- в состав контрольной работы входят не только расчетные задачи, но и качественные, требующие, например, графического описания процессов или анализа явлений в конкретной ситуации.

Контрольная лабораторная работа. Ею может стать лабораторная работа, подобная приведенным в учебнике к изучаемой теме, или какой-то эксперимент, связанный с воспроизведением конкретных ситуаций, соответствующих научным фактам и явлениям. Лабораторная работа - достаточно необычная форма контроля, она требует от школьников не только наличия знаний, но еще и умений применять эти знания в новых ситуациях, сообразительности. Лабораторная работа активизирует познавательную деятельность школьников, так как от работы с ручкой и тетрадью ребята переходят к работе с реальными предметами. Тогда и задания выполняются легче и охотнее.

Устный зачет по теме. Это одна из основных форм контроля в старших классах. Его достоинство заключается в том, что он предполагает комплексную проверку всех знаний и умений школьников. Школьник может решать задачи, потом делать

лабораторную работу, а затем беседовать с учителем. Учитель решает, основываясь на результатах прошлых или промежуточных контрольных мероприятий, какие знания и умения целесообразно проверять у какого школьника: всем даются индивидуальные задания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов В.С. Теоретические основы разработки заданий в тестовой форме. М.; 199.5265 с.
2. Алгушаева В.Р. Формирование у младших школьников умения оценивать учебную деятельность: Автореф. дис.канд.педагог.наук.- Спб., 1996 18 с.
3. Амонашвили Ш.А Личностно-гуманная основа педагогического процесса- Минск, 1990 260 с.
4. Амонашвили Ш.А. Воспитательная и образовательная функции оценки обучения школьников: Экспериментальное педагогическое исследование. – М.: Педагогика, 1984. – 296 с.
5. Амонашвили Ш.А. Обучение.Оценка.Отметка.–М.:Знание,1980.–150с.
6. Анисимов О С. Методологическая культура педагогической деятельности и мышления. -М.: Экономика, 1991. 416 с.
7. Ануфриева Н.В. Особенности самоконтроля учащихся в системе развивающего обучения: Автореф.дис. канд.педагог.наук -Спб,2000 18 с.
8. Атаханов Р. Математическое мышление и методики определения уровня его развития.-Рига: Эксперимент, 2ООО. 208 с.
9. Афонина Г.М. Проверка знаний учащихся с помощью системы задач: Автореф.дисс.канд.психол.наук М., 1987.-21 с.
10. Бабанский Ю.Б. Оптимизация процесса обучения: Общедидактический аспект. — М., 1979.
11. Беспалько В.П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний. / В сб. Теория поэтапного формирования умственных действий и управление процессом обучения- М.,1962.
12. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии-М., 1989. 168 с.
13. Битякова М.Р. Психолог в школе: содержание и организация работы М.:Сентябрь, 1998 -127 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье даётся научное обоснование теоретическим аспектам контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения. Автор статьи обращает внимание на принцип систематичности контроля и оценки деятельности школьников в условиях дифференцированного обучения, требующий комплексного подхода к проведению диагностирования, при котором различные формы, методы и средства контролирования, проверки, оценивания используются в тесной взаимосвязи и единстве, подчиняются одной цели.

Ключевые слова: контролирование, педагогическая технология, оценка знаний, деятельность школьников, познавательная деятельность, особенности оценки знаний, педагогическая закономерность, организация контроля знаний, программированного обучения

THE THEORETICAL ASPECTS OF CONTROL AND ESTIMATE OF ACTIVITY OF SCHOOLCHILDREN IN THE CONDITIONS OF THE DIFFERENTIATED TRAINING

In the article is given a scientific basis to theoretical aspects of control and an estimate of activity of schoolchildren in the conditions of the differentiated training. The author of article pays attention to the principle of systematicity of control and an estimate of activity of schoolchildren in the conditions of the differentiated training, demanding an integrated approach to carrying out diagnosing at which various forms, methods and means of monitoring, check, estimation are used in close interrelation and unity, submit to one purpose.

Key words: monitoring, pedagogical technology, estimates of knowledge, activity of school students, informative activity, features of an estimates of knowledge, pedagogical regularity, the organization of control of the knowledge, the programmed training

Сведения об авторе*: Д. Имомназаров* – заведующий отделом общеобразовательных школ Институт развития образования Академии образования Таджикистана. Телефон: **918-83-44-25**

МУНДАРИҶА - СОДЕРЖАНИЕ

ТАЪРИХ – ИСТОРИЯ

ФИКРУ МУЛОҲИЗАҲО ОИД БА ДАВРАБАНДИИ ОЛИ СОМОН
Саттор Мухторов ***3***

БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ – ГЛАВНЫЙ ОБЪЕКТ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЙ В 20-50-Х ГГ. XIX В.
Дж.Х.Джурабаев ***6***

ГИССАРСКАЯ ДОЛИНА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ
С. С. Тиллоев ***13***

АВЕСТИЙСКИЕ РЕКИ В БУНДАХИШНЕ
Н. Ходжаева ***18***

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.А.РАНОВА ПО ИЗУЧЕНИЮ КАМЕННОГО ВЕКА ТАДЖИКИСТАНА
Сайфуллоев Нуритдин ***29***

ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПОДРОСТОВ» И «СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»
Б.С.Сафаралиев, Н.С.Кольева ***35***

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ СПЕЦИАЛЬНОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ОБОРУДОВАНИЯ (1945 ПО 1991 ГГ.)
И. А. Коженкин ***40***

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В КОНЦЕ XX ВЕКА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
Б.В.Гаффоров ***45***

ҲУҚУҚ -ПРАВО

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
З.Ализода ***55***

ТАНОСУБИ ХИЗМАТРАСОНИҲОИ ГРАЖДАНӢ-ҲУҚУҚӢ ВА ХИЗМАТРАСОНИҲОИ ОММАВӢ
Д.Д. Хошимов ***59***

СУБЪЕКТЫ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ПО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
А.Р.Нематов ***67***

ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ
М.Т. Раупова ***72***

ВОПРОСЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
С.И. Додоматов ***78***

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
У.А.Азизов ***83***

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
Х.С.Мирсайев ***92***

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД И ЕГО РОЛЬ В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН
Д.Ш.Сангинов ***97***

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
А.А. Мурадов ***105***

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОНТРАБАНДЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН-УЧАСТНИКОВ СНГ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
Ш. Н Саидов ***111***

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЕ ПРАВО И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ЕДИНОЙ КОНВЕНЦИИ ООН О НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ 1961 ГОДА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН
С.М. Мусоев, Р.Д. Мирзоев, Дж. Г. Амиров ***115***

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В НОРМАХ КОНСТИТУЦИИ ТАДЖИКСКОЙ ССР 1978 ГОДА
А.М. Тошев ***120***

ОТНОШЕНИЯ ПО ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ КАК ПРЕДМЕТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
З.К. Набиджанова ***124***

ХРОНИЧЕСКИЙ АЛКОГОЛИЗМ ИЛИ НАРКОМАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ
Имомова Нилуфар ***131***

МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ
С.Б.Мирзоев ***135***

ҲАМОҲАНГСОЗИИ ФАЪОЛИЯТИ МАҚОМОТИ МАҲАЛЛИИ ҲОКИМИЯТИ ДАВЛАТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
Ҷ. Ш. Қодиров ***145***

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ КОНВЕНЦИИ ООН В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ТАДЖИКИСТАНА
Шарипов Шарифбек ***150***

ПОНЯТИЕ «ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» И ЕГО ИСТОЧНИКИ
Н.Б. Ходжаева ***154***

ТАЪРИХИ ИНКИШОФИ ҚОНУНГУЗОРӢ ОИД БА ҶАВОБГАРИИ ҶИНОЯТӢ БАРОИ ҶИНОЯТҲО ДАР СОҲАИ ИТТИЛООТИ КОМПЮТЕРӢ
Д.М. Давлатов ***161***

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
Б.Х.Раззоков ***166***

Ҷ О М Е А Ш И Н О С Ӣ- О Б Щ Е С Т В О В Е Д Е Н И Е

ПОСТРЕЛИГИЯ КАК ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ
К.М. Товбин ***174***

ВЕРОЯТНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ УХОДА ЗАПАДНОЙ КОАЛИЦИИ В 2014 ГОДУ
Р. Ш. Нуриддинов, М. С. Комилов ***184***

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ
Т.И.Шамсов ***191***

ОППОЗИТСИЯ ҲАМЧУН ПАДИДАИ ИҶТИМОИЮ СИЁСӢ
А.Н.Маҳмадов, Р.Ф. Сафаров ***196***

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОТИВ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ В ТАДЖИКИСТАНЕ
Н.З.Бобохонова ***200***

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГИБЕЛИ ГОСУДАРСТВА, ИЛИ НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТАДЖИКИСТАНЕ
Р. Ш. Нуриддинов, Ф. Р.Нуриддинов ***205***

П Е Д А Г О Г И К А

ТВОРЧЕСТВО Г.В. СВИРИДОВА КАК МЕТОД ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ МИРА
Л. А.Кинаш, М.С. Жиров ***211***

ТАШАККУЛИ ФАРҲАНГИ ЭТНИКӢ ҲАМЧУН ПРОБЛЕМАИ ПЕДАГОГИКАИ МУСИҚӢ
Б. Нарзуллоев ***219***

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЛИЦЕЙ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЫТА УЧАЩИХСЯ
Хусейнова Гуландом ***223***

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИНФОРМАТИКИ
М.Сафаров ***228***

МУОШИРАТ - ҶУЗЪИ ТАРКИБИИ ФАЪОЛИЯТИ ПЕДАГОГӢ
Давлатов Миралӣ ***231***

НАҚШИ НАЗМИ РИЁЗӢ ДАР БЕҲДОШТИ ҚОБИЛИЯТИ МУОШИРАТИИ ХОНАНДАГОН ДАР ҶАРАЁНИ ОМӮЗИШИ ФАННИ МАТЕМАТИКА
Бахтиёр Буриев ***236***

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕСТОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ. ОСОБЕННОСТИ ТЕСТОВЫХ ЗАДАЧ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К НИМ
Р.Т. Курбанова ***239***

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
И.Т.Касымова ***246***

ФЕМИНИЗМ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
Исмаил Челик ***253***

ТАЪМИНИ БАРНОМАВӢ-МЕТОДИИ ТАЪЛИМУ ТАРБИЯИ ТОМАКТАБӢ ДАР ШАРОИТИ МУОСИР
Л.М. Иматова ***258***

МЕСТО И РОЛЬ ЭТИЧЕСКИХ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ В СЕМЕЙНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В ЭПОСЕ «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ
Дж.Х. Файзалиев ***263***

ЗДОРОВОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА В АСПЕКТЕ МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ
Н.М. Юнусова ***269***

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ЕДИНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Д.Н.Сангинова ***274***

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРЖДАНСКО - ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ
Дж.Юлдошева ***277***

АҲАМИЯТИ ВОРИДШАВИИ БОЗИҲОИ МИЛЛӢ БА НОМГӮИ МУСОБИҚАҲОИ ҶАҲОНӢ ВА БОЗИҲОИ ОЛИМПӢ
Шодӣ Сафаров ***282***

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ МАЛОКОМПЛЕКТНЫХ ШКОЛ ТАДЖИКИСТАНА
Фируз Муминов ***289***

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ
Д. Имомназаров ***293***

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В научном журнале «Вестник Таджикского национального университета» печатаются статьи, содержащие результаты научных исследований по естественным, гуманитарным и экономическим наукам.

При направлении статьи в редколлегию авторам необходимо соблюдать следующие правила:

Размер статьи не должен превышать 10 страниц компьютерного текста, включая текст, таблицы, библиографию, рисунки и тексты аннотаций на таджикском, русском и английском языках.

Статья должна быть подготовлена в системе Microsoft Word. Одновременно с распечаткой статьи сдается электронная версия статьи. Рукопись должна быть отпечатана на компьютере (гарнитура Times New Roman Tj 14, формат А4, интервал одинарный, поля: верхнее - 3см, нижнее – 2,5см, левое – 3см, правое – 2см;), все листы статьи должны быть пронумерованы.

Сверху страницы по центру листа указывается название статьи, ниже через один интервал инициалы и фамилии автора (авторов). Ниже название организации, адрес, e-mail. Далее через строку следует основной текст. В конце статьи после списка литературы приводятся аннотации на русском и английском языках и ключевые слова (8 - 10 слов).

Список литературы приводится в общем порядке после основного текста статьи. Авторы должны соблюдать правила составления списка использованной литературы. Он должен содержать 5-6 наименований литературы.

Научные статьи, представленные в редакцию журнала, должны иметь экспертное заключение, авторскую справку (для статей серии естественных наук) и отзыв специалистов о возможности опубликования.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Редколлегия оставляет за собой право производить сокращения и редакционные изменения статьи.

Статьи, не отвечающие настоящим правилам, редколлегией не принимаются.

Масъули чоп: **М. Ибодова**
Муҳаррирон: **Ш. Абдуллоева**, **И. Ҳакимова**

Ответственный редактор: **М. Ибодова**
Редакторы: **Ш. Абдуллоева, И. Хакимова**
ДМТ, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17, бинои асосӣ, утоқи 37
ТНУ, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17, главный корпус, каб. 37
Телефон: 227-74-41 **E-mail: vestnik-tnu@mail.ru**
Сайт ТНУ: tnu.tj